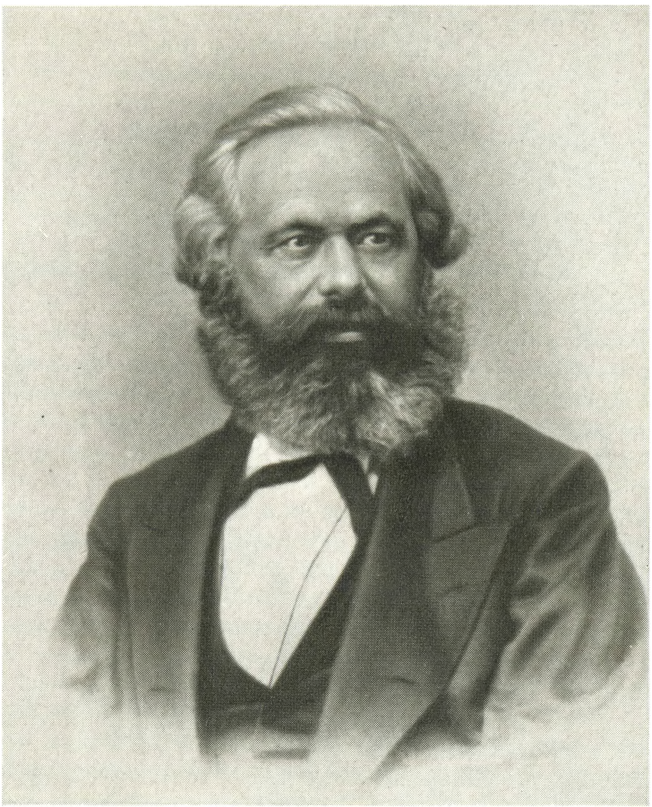
ДИАЛЕКТИКА „КАПИТАЛА" К. МАРКСА

М. М. РОЗЕНТАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ"



Карл Маркс, 1867 г.

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС

ДИАЛЕКТИКА „КАПИТАЛА" К. МАРКСА

● М. М. РОЗЕНТАЛЬ

(второе издание, дополненное и переработанное)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» МОСКВА 1967

1М
Р 64

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН при ЦК КПСС

1-5-2
156-66

Предисловие ко второму изданию

Настоящее издание книги выходит одиннадцать лет спустя после опубликования первого издания. Вышедшее в 1955 г. первое издание под названием «Вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса» было встречено сочувственно советской и зарубежной прогрессивной печатью. Выпуская в свет свою книгу, автор стремился выполнить указание В. И. Ленина о необходимости использовать огромное философское богатство, содержащееся в знаменитом произведении основоположника марксизма, особенно по вопросам диалектики и диалектической логики. Автор, конечно, прекрасно понимал, что реализация этого ленинского указания потребует коллективных усилий, и его цель состояла лишь в том, чтобы в какой-то мере положить начало исследованиям в этой области.

Эти надежды оправдались. Появился уже ряд исследований, посвященных различным сторонам проблемы. К ним относятся, например, книги Л. А. Маньковского «Логические категории в «Капитале» К. Маркса» (1962 г.), Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» (1960 г.), В. Тищухина «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса» (1962 г.), З. Оруджева «К. Маркс и диалектическая логика» (1964 г.).

После выхода первого издания автор не оставил работу над этой темой. Появление других исследований способствовало активному обмену мнениями по ряду вопросов. Рецензии и отзывы на первое издание книги, за которые, пользуясь случаем, я приношу благодарность их

авторам, также оказали большую помощь в дальнейшей работе. Желание устранить некоторые недостатки и дать улучшенное издание, дополненное и расширенное, с изложением новых вопросов, растущий интерес к данной проблеме и объясняют появление настоящего варианта книги.

Следует указать, что в значительной степени это новая книга, для которой первое издание послужило лишь основой, канвой. Написаны новые главы, а некоторые прежние главы либо серьезно дополнены и переработаны, либо написаны заново. Особенно расширено содержание книги, относящееся к проблемам «субъективной диалектики», диалектики как логики познания.

Пользуясь словами одного из советских писателей, «Капитал» можно назвать «поэзией познания». Сам Маркс говорил о нем как о «художественном целом». В самом деле, трудно назвать другое произведение человеческого ума в области социальных наук, которое бы раскрыло с такой силой «поэзию познания», мощь и глубину человеческой мысли, проникающей в самые сокровенные тайны действительности, как это достигнуто в «Капитале». В настоящем издании хотелось в большей мере донести до читателя именно эту сторону Марксова произведения. Главная же цель книги остается прежней — исследование основных сторон и элементов диалектики «Капитала» в целом. В соответствии с этой целью книга разделена на две части. Первая посвящена преимущественно «объективной», а вторая — «субъективной» диалектике, разумеется, с учетом условности такого деления, поскольку обе эти стороны диалектики неразрывно связаны.

Книга выходит накануне столетия с момента появления первого тома «Капитала». В связи с этим необходимо отметить, что современные буржуазные и реформистские противники Маркса творят легенду, согласно которой основоположник научного коммунизма выступает в качестве философа лишь в ранних своих работах, особенно таких, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Позже он якобы становится «узким» экономистом и политиком, не проявляющим интереса к философским проблемам. Цель этой легенды ясна — принизить основное произведение научного коммунизма, посеять иллюзию о его якобы исключительно специальном, локальном значении, доказать, будто «Капитал» стоит в стороне от

животрепещущих проблем современной человеческой жизни, не имеет отношения к диалектике современного развития общества. Но жизнь опрокидывает домыслы противников марксизма. Сто лет, прошедших после выхода первого тома «Капитала», в котором был научно доказан временный, преходящий характер капитализма и неизбежность прихода на смену ему социализма, показали, что общество развивается «по Марксу», в соответствии с той философией, которая воплощена в каждом шаге исследования в «Капитале».

В «Капитале» раскрыты не одни лишь экономические, но и наиболее общие, философские законы, объясняющие пути развития общества. Это произведение — одно из редких творений человеческого гения, осветивших как прошлое и настоящее, так и великое будущее мира, то будущее, за которое сегодня развернулась грандиозная битва между силами прогресса и силами реакции.

Введение

Философское значение «Капитала» К. Маркса

> Если Маркс не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма...
>
> В. И. Ленин

Эти слова В. И. Ленина глубоко и ярко характеризуют философское значение великого произведения Маркса. Действительно, Маркс не написал работы, в которой была бы систематически изложена созданная им совместно с Энгельсом материалистическая диалектика. Имеется указание самого Маркса на то, что он собирался дать специальный очерк диалектического метода. Оценивая положительные и отрицательные стороны диалектики Гегеля, Маркс писал Энгельсу:

«Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [1].

Это было написано в 1858 г. Спустя десять лет Маркс писал И. Дицгену: «...когда я сброшу с себя экономическое бремя (имеется в виду работа над политэкономией. — *М. Р.*), я напишу «Диалектику». Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы...» [2]

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 212.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 456.

К сожалению, Марксу не удалось выполнить своего намерения. Однако в его работах имеется масса высказываний и замечаний о диалектике, любое его произведение служит примером применения созданного им диалектического метода к анализу конкретных вопросов науки и революционной практики. Но особенное значение в этом отношении имеет главный труд Маркса, детище всей его жизни — «Капитал».

В письме Энгельсу от 7 ноября 1867 г. Маркс замечает, что «Капитал» представляет собой «первую попытку» применения диалектического метода к политической экономии. Конечно, в строгом смысле слова это так. Но надо учесть, что до своего основного экономического произведения Маркс выступил с такими работами, как «Нищета философии» и «К критике политической экономии», в которых материалистическая диалектика уже была применена к анализу экономической теории. Кроме того, в экономических рукописях 1857—1858 гг. содержался блестящий фрагмент, специально посвященный методу политической экономии. В связи с этим слова о «первой попытке» представляются не совсем точными. Говоря так, Маркс, вероятно, имеет в виду применение диалектического метода к полному и всестороннему анализу капиталистического способа производства. А это действительно впервые было осуществлено лишь в «Капитале».

Понятие «применение» также требует некоторого уточнения. Ко времени написания «Капитала» Маркс в содружестве с Энгельсом уже выработал свой метод, и в этом смысле его нужно было «лишь» применить к политической экономии. Но процесс конкретного исследования капиталистической формации был одновременно и процессом дальнейшей разработки самого метода исследования.

Маркс рассматривал свой метод политической экономии как определенную ступень в историческом развитии способов экономического исследования. В этом сказалось глубокое понимание историзма как важнейшей черты познания вообще и метода познания в частности. Дело не только в том, что материалистическая диалектика есть итог, вывод из истории развития философских учений о методе познания, но и в том, что применение и специальная разработка диалектического метода на материале политической экономии требовали установления связи

этого метода с историей развития политической экономии и ее методов исследования. В этом смысле Марксов метод политической экономии в равной мере есть результат, итог всего предшествующего развития экономической науки, результат критической оценки как ее теорий, так и ее методов исследования.

Этим объясняется тот факт, что Маркс уделил огромное внимание истории экономической науки и ее методов. Четвертый том «Капитала» («Теории прибавочной стоимости») по существу весь посвящен рассмотрению методов буржуазной политической экономии, их исторической эволюции, результатов, достигнутых в этом отношении.

Хотя в «Капитале» непосредственным объектом исследования является не философия, а политическая экономия капитализма (выясняются законы возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства), это произведение Маркса представляет собой в подлинном смысле слова «науку логики». «Капитал» имеет неоценимое значение для изучения и понимания метода Маркса, того метода, который лежит в основе революционного переворота, совершенного основоположниками марксизма в философии, политической экономии и теории социализма.

Философское значение «Капитала» не исчерпывается лишь разработкой диалектического метода. В. И. Ленин с полным правом указывал, что и материалистическое понимание истории — исторический материализм получил свое наиболее глубокое обоснование и разработку в «Капитале». Со времени появления «Капитала», писал Ленин в произведении «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», материалистическое понимание истории есть уже не гипотеза, а научно доказанное положение.

Нетрудно понять, почему «Капитал», это великое экономическое произведение марксизма, есть в то же время и замечательное философское произведение. Теория научного социализма и ее философская основа — диалектический и исторический материализм были созданы Марксом и Энгельсом задолго до выхода в свет «Капитала» и изложены в их программном документе — «Манифесте Коммунистической партии». Уже в этом произведении Маркс и Энгельс доказали, что социализм не мечта, не

доброе пожелание людей, а неизбежный итог развития капиталистического способа производства. Из своего краткого очерка экономического и политического развития капитализма Маркс и Энгельс сделали вывод, что гибель капитализма и победа социализма есть закономерный и неотвратимый результат этого развития.

Для научного обоснования вывода о неизбежности победы социализма первостепенное значение имел всесторонний анализ экономических отношений капитализма, анализ капиталистического способа производства. Если изменение общественного строя, всей надстройки общества обусловлено изменением способа производства, то дать научную теорию социализма можно было лишь при условии основательного исследования буржуазного экономического строя. Маркс в предисловии к книге «К критике политической экономии» указывает, что исследования, осуществленные им в начале 40-х годов, т. е. в тот период, когда он выработал свое новое мировоззрение, привели его к пониманию необходимости тщательного изучения экономических отношений современного общества. «Мои исследования, — пишет он, — привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [1].

Таким образом, без исследования экономического строя буржуазного общества невозможно было превратить социализм из утопии в науку, невозможно было вооружить пролетариат знанием законов развития общества для борьбы против капитализма, вскрыть, как выражается Маркс, самое основу вещей.

Еще в экономических работах, написанных до «Капитала», Маркс предпринял попытку проанализировать различные стороны капитализма. Но только в «Капитале» Маркс полностью разрешил задачу исследования анатомии буржуазного общества. В этом произведении были

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 6.

сорваны внешние покровы с капиталистического способа производства и было прослежено развитие капитализма от начала до его неминуемой гибели.

До Маркса капитал был настоящей «вещью в себе». Даже лучшие представители буржуазной политической экономии Смит и Рикардо в своих исследованиях капитализма не смогли объяснить истинную суть капиталистического способа производства. Когда же пробил смертный час научной буржуазной экономии, на сцену выступили вульгарные экономисты, задача которых состояла не в отыскании научной истины, а в откровенной апологетике капиталистического строя. Благодаря «Капиталу» «тайна» буржуазного способа производства оказалась раскрытой во всех ее существенных чертах. Это был, как выразился Маркс, «самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)»[1]. Пролетариат получил мощное духовное оружие для борьбы против своих эксплуататоров, неиссякаемый источник света, указывающий верную дорогу к победе.

Работа над «Капиталом» как экономическим произведением потребовала от Маркса разрешения и ряда важных вопросов философии, конкретизации и дальнейшей разработки всех сторон марксистской философии — ее метода, теории познания, теории общественного развития.

Прежде всего Марксу необходимо было подвергнуть критике метафизический метод буржуазных экономистов, который лежал в основе их теорий о вечности и неизменности капиталистического строя, и противопоставить ему диалектический метод как метод, который единственно способен дать великие научные и практические результаты. Конечно, главной причиной того, что буржуазные экономисты (в том числе Смит и Рикардо) не смогли вскрыть сущность капитализма, была их приверженность к этому строю, к классу капиталистов, идеологами которого они являлись. Но немаловажную роль сыграли здесь и их исходные философские позиции, их теория познания, взгляды на общество. Критика буржуазной политической экономии поэтому должна была стать одновременно и критикой ее метафизического метода, метафизической логики и теории познания.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 453.

Далее, создавая «Капитал», Маркс должен был показать коренное отличие своего диалектического метода от диалектики Гегеля, выяснить свое отношение к последней. Сам Маркс подчеркивает эту сторону своей задачи в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала».

«Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку». Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [1].

Маркс неоднократно отмечал положительное значение диалектики Гегеля, того рационального, что содержалось в ней. В одном из писем к Энгельсу он указывает, что по части метода обработки материала по экономическим вопросам ему очень пригодилось то, что он вновь перелистал «Логику» Гегеля.

Использовав «рациональное зерно» гегелевской диалектики, Маркс подверг ее глубокой критике и создал новый, в корне противоположный гегелевскому марксистский диалектический метод. «Мой диалектический метод, — пишет Маркс, — по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью» [2]. Когда впоследствии Дюринг, этот, как его Маркс окрестил, пренесносный, нахальный субъект, корчащий из себя революционера в политической экономии, пытался ввести читателей «Капитала» в заблуждение,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21—22.
[2] Там же, стр. 21.

отождествив диалектический метод Гегеля с диалектикой Маркса, Энгельс дал ему отпор в «Анти-Дюринге», а Маркс в письме к Кугельману указал по этому поводу: «Он (т. е. Дюринг. — *М. Р.*) очень хорошо знает, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист» [1].

Философское значение «Капитала» в этом отношении состоит в том, что в нем на примере конкретного анализа капиталистической формации показано и обосновано коренное отличие материалистической диалектики от идеалистической. «Капитал» — яркое воплощение неразрывного единства диалектики и материалистического объяснения мира. Маркс потому и сумел создать и обосновать с подлинно научных позиций диалектический метод, что он рассматривал этот метод в органической связи с философским материализмом. При характеристике отличия своего метода от метода идеалистической диалектики Гегеля Маркс всегда ставит на первый план материалистическую природу своей диалектики. Действительно, нет и не может быть научного метода, не базирующегося на материалистической основе, на материалистической теории познания. Это видно на примере идеалистической диалектики Гегеля. Ее сильная сторона состояла в том, что она в противовес метафизике отстаивала принцип развития, изменения, раскрыла основные законы развития. Но принцип развития, оторванный от земной основы, от природы и условий материальной жизни людей, превращается в нечто фантастическое, в безудержный субъективизм, навязывающий свои желания и волю объективному миру. Полагая, что сущность мира есть некая мистическая абсолютная идея, которая претерпевает диалектические метаморфозы, Гегель часто оперирует категорией развития весьма произвольно, не считаясь с действительным развитием самой природы, самого объективного мира.

Так обстоит дело у Гегеля не только с категорией развития, но и со всеми другими сторонами и принципами диалектики. Взятый вне материальной основы, вне материальной сущности мира, любой принцип диалектики ставится на голову, извращается, мистифицируется. В свою очередь материальный мир, рассматриваемый вне его диалектических изменений и превращений, также ста-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 448.

новится чем-то иррациональным — миром, полным необъяснимых причуд и тайн. Домарксовский материализм не сумел преодолеть до конца идеализм потому, что это был материализм метафизический, не понимавший диалектической природы материи, диалектической природы процессов, совершающихся в общественной жизни.

Только марксизм воедино сплавил материалистическое объяснение мира и диалектический способ исследования, после чего стало невозможным существование подлинного материализма без диалектики и подлинной диалектики без материализма. Нельзя ничего понять в методе, в теории познания марксизма, развитых в «Капитале», если не учитывать этой связи, этого единства. В письме к К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. Энгельс, имея в виду отличие материалистической диалектики Маркса, примененной в «Капитале», от идеалистической диалектики Гегеля, писал: «Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция...» [1]

Для Маркса категории, принципы диалектики имеют ценность лишь тогда, когда они наполнены объективным содержанием, т. е. когда они применяются к реальному процессу развития самой действительности или к познанию реального мира.

В «Капитале» глубоко раскрыта и другая, не менее важная сторона взаимоотношения диалектического подхода к действительности и материалистического объяснения мира, материалистической теории познания. Речь идет о том, что теория познания лишь тогда может быть научной, когда она основывается на принципах диалектики, когда она проникнута духом диалектики. Именно это имел в виду Ленин, когда он подчеркивал, что диалектика и есть марксистская логика и теория познания, что диалектика, логика и теория познания — это одно и то же.

В чем глубочайший смысл этого ленинского указания? Своим острием оно направлено против характерного для большинства течений идеалистической философии

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 177.

разрыва между бытием и сознанием, между законами объективной действительности и законами логического мышления, между содержанием познания и формой познания. Как следствие этого разрыва возникает противопоставление онтологии — учения о бытии и гносеологии, логики — учения о познании как двух параллельных самостоятельных рядов.

Наиболее полное выражение этот разрыв нашел в философии Канта. По Канту, объективный мир доставляет познающему субъекту лишь материал, который познание отливает в имеющиеся в его распоряжении априорные, не зависящие от бытия логические формы. Гегель подверг резкой критике это противопоставление бытия и логики и объединил их. Но это объединение было осуществлено не на основе реальной объективной действительности, а на основе мистического абсолютного духа, абсолютной идеи. По Гегелю, реальный мир есть воплощение законов логики, а не наоборот.

Буржуазная философия эпохи империализма на все лады перепевает тезис о независимости логики и теории познания от реального мира, доводя разрыв между ними до конца. Отбрасывая кантовскую «вещь в себе» как негодную ветошь, эти философы сводят все проблемы познания к одной лишь проблеме формы. «...Для теории познания, — заявлял неокантианец Г. Риккерт, — существует вообще только проблема форм... Простое содержание лежит совершенно вне логической сферы, и в нем одном нет еще проблемы истины. А поэтому все проблемы теории познания суть проблемы формы...» [1]

Сведе́ние всей теории познания к проблеме форм, оторванных от содержания познания, характерно и для всех направлений современной идеалистической философии, как бы замысловато они себя ни именовали — «логическим позитивизмом», «экзистенциализмом» или как-либо иначе.

Марксизм впервые покончил с идеалистической мистификацией логики и теории познания. Диалектический материализм не игнорирует подобно старым метафизическим материалистам проблему форм познания. Познание есть отражение действительности в форме восприятий, представлений, логических категорий, понятий и т. п. Но диа-

[1] «Новые идеи в философии». СПб., 1913, сб. № 7, стр. 11, 13.

лектический материализм рассматривает эти формы в неразрывной связи с тем реальным содержанием, которое познание черпает из объективного мира. Не логические формы порождают и формируют законы мира, а, напротив, законы объективной действительности определяют логические формы мышления.

Как видно из сказанного, марксистская философия исходит из того, что по своему *содержанию* законы бытия и законы познания тождественны, отличаясь лишь по своей *форме*. Мышление, познание черпает и может черпать свой материал лишь из объективного реального мира, понятия и другие формы мышления могут быть, по выражению Ленина, лишь субъективным образом объективного мира. И так как познаваемые объекты диалектичны, то и мышление о них, процесс их познания должны быть в равной мере диалектическими, в противном случае они не смогут адекватно воспроизвести развивающуюся и изменяющуюся действительность. Следует также заметить, что и тождественность законов бытия и законов познания по содержанию марксизм понимает не метафизически, не абсолютно, но лишь в одном определенном смысле, а именно в том, что мышление, познание имеют своей единственной целью правильное воспроизведение реальных явлений и процессов. А это отнюдь не исключает того, что в применении к задачам познания общие законы диалектики преломляются по-своему, что существуют и *специфические* законы мыслительной деятельности. Всякое тождество с точки зрения материалистической диалектики есть тождество конкретное, предполагающее противоречия, противоречивый характер единства.

Бесценное значение «Капитала» и заключается, в частности, в том, что в нем материалистическая диалектика представлена во всем своем богатстве как многогранное учение о развитии, в котором сплавлены воедино объективная и субъективная диалектика, учение о действительности и учение о познании ее. Одно и другое не разделены и не могут быть разделены пропастью. *«Что»* познается и *«как»* познается — это не два разных вопроса, а две стороны одного вопроса, находящиеся во взаимной зависимости. Объект познания определяет логику мышления о нем. Это азбучное положение материалистической теории познания в свое время хорошо понимал и выразил

Спиноза, сказав, что порядок вещей обусловливает порядок идей, а не наоборот. Но в то же время без знания законов воспроизведения в мышлении предметов объективного мира последние могут либо остаться непознанными, либо быть неправильно познаны. Пример даже лучших представителей политической экономии до Маркса прекрасно это подтверждает.

Следовательно, перед Марксом стояла как бы двойная задача: нужно было, с одной стороны, исследовать капиталистические производственные отношения как диалектически развивающиеся, изменяющиеся и, с другой — разработать способы, методы, позволяющие соответствующим образом исследовать эти отношения. Одно невозможно было сделать без другого. Обе эти стороны одной задачи требовали разработки диалектики как учения о законах развития действительности и законах развития познания. Именно это имел в виду Ленин, когда он, говоря о диалектике, настойчиво подчеркивал, что диалектика и есть логика и теория познания.

Слова Ленина о том, что материалистическое понимание истории только благодаря «Капиталу» превратилось из гипотезы в научно обоснованную и проверенную теорию, можно целиком отнести и к учению о диалектике. Если благодаря диалектике возникла подлинная наука о капиталистическом способе производства, то можно утверждать и обратное: благодаря исследованию политической экономии капитализма материалистическая диалектика стала подлинной наукой, всесторонне обоснованной и проверенной этим исследованием.

Укажем для начала, хотя бы схематически, по каким направлениям Маркс разрабатывал диалектику как логику и теорию познания.

1. Главная задача, стоявшая перед Марксом, заключалась в том, чтобы применить теорию развития к анализу капитализма, применить тот самый принцип историзма, без которого невозможно и шагу сделать в объяснении сущности и законов этой (как и всякой другой) формации. Развитие каждого общественного организма подчиняется определенным диалектическим законам, каковы закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей и др. Марксу предстояло не только конкретно раскрыть и в материалистическом духе показать действие

этих диалектических законов в процессе развития буржуазных производственных отношений, но и реализовать их возможности как законов познания. Скажем, закон диалектического развития путем борьбы противоположностей не только помогает понять, что в основе развития лежат определенные противоречия и что необходимо ориентироваться на установление этих реальных противоречий. Он определяет и структуру самого познания, определяет, с чего начать процесс исследования, как осуществить членение конкретного целого на его составные части, переходы от одних этапов развития к другим и т. д. Короче говоря, этот закон вместе с другими принципами и законами диалектики обусловливает логику исследования, выступает как важнейший закон познания. В «Капитале» эта сторона диалектики нашла свое глубокое воплощение. Это относится не только к коренным законам диалектики, но и к ее многочисленным категориям, каковы категории содержания и формы, необходимости и случайности, возможности и действительности и др. Они в равной степени являются категориями бытия и познания.

2. Исследование всякого объекта, и в том числе такого сложного организма, как капитализм, требует соответствующих понятий, способных выразить в мысли развитие этого объекта, переходы одних явлений в другие, их всестороннюю связь и отношения, противоречия и т. д. Так возникает одна из самых коренных проблем диалектической логики — вопрос о диалектической природе понятий. Мало установить, что все существует в движении, что вне развития ничего нельзя понять. Значительно труднее решить проблему, как выразить движение, развитие в логике понятий. Недаром поставленная еще Зеноном проблема антиномичности движения до сих пор не сходит со страниц философской литературы.

Марксу нужно было решить эту задачу на конкретном материале капиталистического способа производства. Данное Марксом решение этой задачи имеет непреходящее философское значение, поскольку тем самым учение диалектики о понятиях было показано «в действии».

3. Законы, категории, понятия, отображающие тот или иной объект, взятый в процессе его развития, должны находиться между собой в определенной связи и соподчинении; их расположение и отношение друг к другу

не может быть случайным и беспорядочным. Иначе говоря, для того чтобы быть более или менее адекватным отражением развивающегося объекта, они должны составить *систему* с научно обоснованной структурой, в которой место и порядок расположения каждой категории, каждого понятия и закона строго определены, подобно тому как мы это имеем, скажем, в периодической системе элементов. Без разработки такой системы немыслимо исследование объективной диалектики вещей. Это еще и еще раз служит свидетельством неразрывной связи диалектики, логики и теории познания, их совпадения.

Маркс неоднократно указывает на неудачность и слабость конструкции целого в исследовании Рикардо, на недостатки его способа изложения, обусловленные недостатками самого способа познания. Все это объяснялось недиалектическим взглядом на действительность, метафизическим характером его теории познания. Маркс считал своей удачей то диалектическое членение целого, которое воплощено в «Капитале». Но эта удача была результатом гигантского труда, итогом большой работы, следствием которой явились определенные принципы построения строгой системы экономических законов и понятий, воспроизводящей капиталистическую формацию в ее возникновении, развитии и неминуемой гибели.

Решающее значение для построения такой системы имел разработанный Марксом способ восхождения от абстрактного к конкретному. Этот способ исследования составляет один из коренных принципов диалектической логики.

4. Разработка способа восхождения от абстрактного к конкретному была связана с решением ряда сложнейших вопросов диалектической теории познания. Особенно важное значение имели вопросы об абстракции, о различных уровнях абстракции, соответствующих разным ступеням исследования, о соотношении абстрактного и конкретного, об отношении логики движения мысли к реальному историческому процессу развития (проблема исторического и логического) и др. Конечно, Маркс начинал исследование этих, как и многих других, вопросов не на пустом месте. Многие из них исследовались уже Гегелем. Но Гегель рассматривал их в абстрактной форме, и, что самое главное, его идеалистические воззрения так или иначе наложили свою печать на их решение. Маркс дол-

жен был «попутно» рассматривать эти логические вопросы на материале конкретного анализа и дать материалистическое решение, во многом отличающееся от гегелевского.

И с этой задачей Маркс блестяще справился. Сейчас невозможно иметь научное представление об этих логических проблемах, не учитывая самым тщательным образом то, что дает в этом отношении «Капитал».

5. Наконец, исследуя капиталистическое производство, Маркс привел в действие весь арсенал логических, познавательных средств, таких, как анализ и синтез, индукция и дедукция и др. Эти средства и приемы, разработанные ранее формальной логикой, должны были получить новую интерпретацию в системе диалектической логики. Критически используя достигнутое в этой области Гегелем, Маркс обогатил названные логические средства тем, что применил к ним материалистическую диалектику, показал те новые черты и грани, которые они приобретают как приемы познания в диалектической логике.

Здесь указаны лишь некоторые стороны рассматриваемого вопроса, но и этого достаточно, чтобы понять, что́ означают слова Ленина, взятые нами в качестве эпиграфа к введению книги.

На первый взгляд может показаться странным, что эти философские проблемы были решены в экономических произведениях. Однако здесь необходимо учесть следующее. В экономических сочинениях (особенно в «Капитале») Марксу предстояло дать анализ одной из сложнейших общественных формаций — капиталистической формации. Буржуазные экономисты — предшественники Маркса — не смогли справиться с научной разработкой политической экономии капитализма. Причиной этого помимо прочего было то, что они не располагали правильной научной теорией познания. В известном «Введении» (из экономических рукописей 1857—1858 гг.) Маркс подверг критическому разбору способ исследования, применявшийся его предшественниками, и в нескольких сжатых положениях изложил свой собственный способ анализа. Здесь он дал ряд руководящих идей по вопросу о методе политической экономии, имеющих огромное значение для решения указанных выше вопросов.

Но особенно остро все эти вопросы теории познания встали перед Марксом, когда он приступил к работе над

«Капиталом». Маркс должен был решить вопросы теории познания, иначе он не справился бы с задачей научного исследования капиталистического способа производства. Не случайно поэтому в «Капитале» мы находим ряд ценнейших указаний по вопросам теории познания, критику того способа исследования, который применялся буржуазными экономистами.

Но как ни ценны эти специальные указания, наибольшую ценность представляет само конкретное исследование экономических вопросов, даваемое в «Капитале», ибо здесь мы имеем марксистскую теорию и логику познания «в действии», теорию познания и логику диалектического материализма, воплощенную в плоть и кровь конкретного анализа реальной действительности. В этом смысле, хотя Маркс и не писал в «Капитале» специального трактата о логике, теории познания, его исследование капиталистического способа производства дает для разработки и понимания теории познания диалектического материализма столько, сколько не способны дать тома специальных исследований.

Именно поэтому Ленин и подчеркивает, что диалектика буржуазного общества, вскрытая Марксом в «Капитале», есть лишь частный случай диалектики вообще. Нет сомнения в том, что Ленин, работая в 1914—1916 гг. над проблемами материалистической диалектики и проявляя, как показывают его записи в «Философских тетрадях», огромный интерес к методу «Капитала», собирался максимально использовать в специальной работе, посвященной диалектике, все то колоссальное философское богатство, которое содержится в произведении Маркса. Эти краткие записи такого великого мастера революционной диалектики, каким был Ленин, служат руководящей нитью в исследовании значения «Капитала» для разработки проблем марксистского диалектического метода.

Ленинское указание о том, что в «Капитале» дана диалектика буржуазного общества и что она есть частный случай диалектики вообще, метко вскрывает двоякого рода особенность диалектики «Капитала». С одной стороны, анализируя капиталистический способ производства, исследуя диалектику его возникновения, развития и гибели, Маркс обогащает *диалектику вообще*, т. е. те принципы диалектики, которые имеют значение для изучения любой формы общественной жизни как принципы

метода всякого познания и которые не умирают вместе со смертью буржуазного строя. С другой стороны, Маркс анализирует конкретную диалектику специфического, исторически ограниченного и преходящего строя, т. е. *диалектику буржуазного общества,* которая не может быть перенесена непосредственно на другие формации, особенно на такую формацию, как коммунизм, являющийся началом совершенно новой эры в истории человечества.

Перед Марксом не стояла и, разумеется, не могла стоять задача исследовать в «Капитале» диалектику развития социалистического общества, хотя на многих страницах своей книги Маркс, неоднократно проводя сравнение между капитализмом и социализмом, характеризует в общих чертах законы развития нового общества, которые придут на смену законам развития антагонистических формаций. Эта задача встала перед марксистами в новую историческую эпоху, когда сбылись гениальные предвидения Маркса о неизбежной гибели капитализма, когда Великая Октябрьская социалистическая революция вырвала Россию из цепи мирового капитализма.

После смерти Маркса и Энгельса капитализм вступил в новую и последнюю стадию своего существования. Империализм невиданно обострил противоречия капитализма. Победоносная пролетарская революция в России расколола мир на две системы — капиталистическую и социалистическую. Авангард международного пролетариата — русский рабочий класс и под его руководством все трудящиеся России во главе с Коммунистической партией построили социалистическое общество. По пути социалистического развития ныне идет ряд стран Европы, Азии и Латинской Америки. Возник новый, социалистический способ производства, развивающийся по новым экономическим законам.

Анализ диалектики общественного развития в эту новую историческую эпоху выпал на долю В. И. Ленина и его учеников. Теоретическое, философское обобщение новых условий исторического развития обогатило диалектику, открыло новые формы проявления и действия всеобщих диалектических законов развития.

Следовательно, изучение диалектического метода «Капитала» имеет большой интерес и с точки зрения сопоставления диалектики развития буржуазного общества с диалектикой социалистического общества.

Исследование диалектики «Капитала» представляется актуальным и в другом отношении. С момента его появления и по настоящее время не прекращаются атаки на него со стороны буржуазных идеологов и реформистов разных мастей, попытки извратить, фальсифицировать метод, логику произведения Маркса.

Современные буржуазные экономисты уже не могут замалчивать «Капитал», как они это делали раньше. Теперь выраженные в «Капитале» идеи научного социализма воплощены в реальную действительность в виде мировой социалистической системы, существующей наряду с отмирающей системой капитализма. Ныне буржуазные экономисты даже не прочь пококетничать с Марксом, назвать его «великим экономистом».

«Пожалуй, — констатирует буржуазный историк экономической мысли XX в.,—никогда еще не уделялось столько внимания произведениям Карла Маркса, как в нашу эпоху, и не только в Советской России, но и в странах Запада... Несмотря на враждебное отношение к учению Маркса со стороны официальных кругов США, часть американской интеллегенции относится к нему со всей серьезностью» [1].

Это внимание, оказываемое Марксу его противниками, объясняется возникающей у них потребностью что-то противопоставить железной логике Марксова анализа капиталистического способа производства с вытекающими из него неопровержимыми выводами о неизбежности гибели капитализма, подтвержденными теперь уже практически, стремлением противопоставить революционному методу Маркса свой метод — метод защиты и оправдания буржуазного строя. Что же касается лучших умов буржуазной интеллигенции, то они действительно осознают неотразимую силу метода марксизма.

Вообще следует отметить поворот буржуазных экономистов к проблемам метода, логики исследования экономических явлений и процессов. В этом повороте следует бесспорно усматривать некое знамение времени. В былые времена, скажем во второй половине XIX в., буржуазные экономисты не особенно утруждали себя рассуждениями о методе, логике познания. Это не значит, разумеется, что они не имели и не руководствовались определенной гносеологией, методом. Господствовали различные вуль-

[1] *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в. Изд. иностр. лит., 1959, стр. 538.

гарные субъективно-идеалистические теории вроде теории предельной полезности, предельной производительности и т. п. Но для буржуазного общества это были времена более или менее спокойные. Капиталистический способ производства, базирующийся на действии стихийного механизма рынка, не знал еще катастрофических перебоев. Отсюда в методе буржуазной политэкономии того периода преобладали благодушные нотки, подчеркивавшие якобы гармонический характер развития, протекающего чисто стихийным путем. Сейчас положение изменилось. Буржуазные экономисты в своем подавляющем большинстве признают, что старые теории, превозносившие свободную, неограниченную конкуренцию, потерпели крах. Сейчас без вмешательства государства, утверждают они, неизбежны экономические кризисы, огромная незанятость, серьезные перебои в работе производственной машины капитализма.

И вот это крушение старых оптимистических концепций и необходимость дать теоретическое обоснование государственному вмешательству в экономический процесс в целях упрочения капитализма, подвести теоретическую базу под государственно-монополистический характер современного капитализма заставили обратить взоры буржуазных экономистов в сторону проблем метода.

Вот некоторые любопытные свидетельства на этот счет. «Национал-экономии, — писал один из теоретиков либерального направления буржуазной политической экономии, — недостает совершенного и убедительного способа научного познания действительности. Ей не хватает совершенного метода, чтобы прийти к научному познанию опыта» [1].

Другой представитель буржуазной политической экономии пишет: «Опыт показывает, что никто не в состоянии понять экономический мир настоящего и будущего, не овладев систематически методами его анализа» [2].

Третий экономист ставит вопрос еще острее: «Нужна революция в образе мышления. Без нее нельзя добиться победы над промышленным циклом» [3].

---

[1] *W. Eucken.* Die Grundlagen der Nationalökonomie. Berlin, 1950, S. 80.

[2] *П. Самуэльсон.* Экономика. Вводный курс. «Прогресс», 1964, стр. 405.

[3] *Р. Ф. Харрод.* К теории экономической динамики. Изд. иностр. лит., 1959, стр. 169.

Конечно, никакая революция в методе мышления не спасет капитализм, но приведенные высказывания свидетельствуют о той борьбе, которая развернулась сейчас в области методологии политической экономии. Весь пафос буржуазных экономистов в этом отношении направлен против метода «Капитала». Один из излюбленных их приемов, как, впрочем, и типичных приемов современных реформистов и ревизионистов, состоит в том, чтобы, «признавая» Маркса в качестве «великого экономиста», утверждать затем, что Маркс и его метод, логика анализа капитализма «устарели», так как-де капитализм уже не тот или вообще перестал быть капитализмом. Нет сомнения в том, что со времени Маркса капитализм претерпел существенные изменения, домонополистический капитализм превратился в монополистический. Ленин, продолжив работу Маркса, дал в своем произведении «Империализм, как высшая стадия капитализма» глубокий научный анализ многих из этих изменений. Обобщая уже существовавшие в его время тенденции, Ленин предвидел, что новой ступенью в развитии самого монополистического капитализма будет государственно-монополистический капитализм. Это предвидение сейчас полностью сбылось.

Естественно, в свете этих изменений требуется творческое развитие и конкретизация ряда Марксовых положений, высказанных сто лет назад. Но это развитие, конкретизация возможны лишь на фундаменте «Капитала», его метода, логики исследования, которые никакие бури не могли поколебать. Более того, революционные грозы и бури послемарксовской эпохи, нанесшие непоправимые потери капитализму и положившие начало существованию социалистического общества, вдохновлялись идеями «Капитала». Великое произведение Маркса и сейчас, спустя сто лет, находится в революционном строю, и его диалектический метод по-прежнему внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам злобу и ужас.

Все сказанное выше подтверждает, что исследование философского значения «Капитала» как с точки зрения дальнейшей разработки диалектики, диалектической логики, так и с точки зрения борьбы противоположных концепций современного мирового развития имеет не исторический, а животрепещущий, актуальный интерес.

Часть первая

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ В ЗАКОНАХ И КАТЕГОРИЯХ ДИАЛЕКТИКИ

●

Глава первая

Диалектическая теория развития. Категории движения, развития

Капитал есть движение.
Маркс

Даже лучшие предшественники Маркса в области политической экономии Смит и Рикардо в своем стремлении проникнуть во «внутреннюю физиологию» буржуазного общества дошли до той границы, которая не давала им и шагу сделать дальше по избранному ими пути. По одну сторону границы было обозначено «метафизическое понимание действительности». По другую ее сторону значилось: «диалектическая теория развития». Только перешагнув эту границу, оставив царство метафизических неподвижных сущностей и столь же неподвижных понятий, их отражающих, можно было пойти дальше и осознать законы капиталистического способа производства. Это требовало целой философской революции. Однако такую революцию не способны были осуществить те, кто рассматривал буржуазный строй как вечную и неизменную форму общественных отношений.

Впервые в истории экономических учений Маркс подошел к капитализму как к развивающемуся, изменяющемуся явлению. В отличие от своих предшественников, для которых капитализм был чем-то раз навсегда данным, неизменным, Маркс рассмотрел его как *процесс*, как общественный организм, находящийся в постоянном движении, претерпевающий существенные превращения.

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс в нескольких словах определил сущность своего подхода к исследованию капиталистического способа производства. Он указал, что капиталистическое общество не «твердый

кристалл», а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Характеризуя в послесловии ко второму изданию «Капитала» свой диалектический метод, Маркс заявляет, что этот метод каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны.

Маркс одобрил изложение своего метода в рецензии Кауфмана, указавшего, что для автора «Капитала» важно не только открыть закон исследуемых явлений, но, сверх того, еще важно установить *закон их изменяемости*, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому.

Маркс сумел совершить революционный переворот в понимании капиталистического способа производства благодаря тому, что рассмотрел капитализм в его закономерном возникновении, развитии и неизбежной гибели.

Домарксовская буржуазная политическая экономия даже в лице таких ее передовых представителей, как Смит и Рикардо, была метафизической. Она не рассматривала буржуазный способ производства как явление, возникшее на какой-то исторической ступени, развивающееся и изменяющееся, имеющее свои определенные исторические границы. Для нее этот способ производства был вечной категорией, соответствующей некоей неизменной «человеческой природе». Домарксовские буржуазные экономисты не сумели объяснить действительную сущность капиталистического способа производства по той причине, что брали его как готовый организм с раз навсегда данными, окаменевшими формами. Такой подход имел глубокие классовые основания. Метафизический метод анализа был философским выражением тех классовых интересов, которые экономисты отстаивали как буржуазные идеологи.

Маркс в «Капитале» камня на камне не оставил от метафизического метода буржуазной политической экономии. Применяя в своем собственном анализе принципы диалектического метода, Маркс дал чрезвычайно много для понимания того, что такое диалектическая теория развития и как ее надо применять в конкретном исследовании.

«Капитал» — великий образец того, как следует с позиций диалектической теории развития подходить к ис-

следуемым явлениям. Самые сложные экономические отношения Маркс распутывает и делает ясными, прозрачными благодаря тому, что он анализирует их в развитии и изменении, прослеживает истоки их возникновения, те этапы, которые они проходят, их закономерный переход в новые формы, рождаемые всем предшествующим развитием.

Прежние экономисты рассматривали товар, деньги, капитал и тому подобное как нечто само собой разумеющееся. Тщетно было бы искать в их трудах рассмотрение этих явлений как результатов закономерного и необходимого развития. Оттого эти экономисты не способны были увидеть за такими экономическими категориями, как деньги, капитал и т. д., сложные общественные отношения, глубочайшие противоречия как источник развития производства и обращения. Оттого и их экономические понятия, категории лишены жизни, лишены той гибкости, подвижности, которые должны быть присущи мысленным отражениям развивающейся и изменяющейся действительности.

Совсем иное у Маркса. У него нет неподвижных, окостенелых экономических понятий и категорий. Каждое понятие, каждое определение переходит в другое, ибо явления в самой жизни, резюмируемые, обобщаемые в понятиях и определениях, находятся в постоянном развитии, претерпевают различные превращения.

В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс, критикуя одного автора за непонимание им некоторых сторон экономической теории Маркса, указывает, что это непонимание основано на недоразумении, будто Маркс дает застывшие определения там, где он в действительности их развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. «Ведь само собой разумеется, — говорит Энгельс, — что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 16.

Можно с полным правом сказать, что в «Капитале» диалектика не только впервые получила реальное воплощение в форме исследования целой социально-экономической формации, но это произведение стало и решающим этапом в разработке самого диалектико-материалистического учения о развитии. (Первый том «Капитала» вышел в 1867 г., т. е. до известных философских сочинений Энгельса, где было дано специальное изложение диалектической теории развития.)

В «Капитале» глубоко раскрыто содержание коренного понятия материалистической диалектики — понятия развития и всесторонне обоснована характеристика развития как изменения, как процесса, ведущего к уничтожению старых и возникновению новых, высших форм.

В настоящей главе теория развития рассматривается не в широком смысле, как совпадающая с учением диалектики в целом. Это задача всей книги. В данной главе развитие берется лишь как одна из диалектических категорий, здесь конкретная задача состоит в том, чтобы показать, как Маркс реализует один из важнейших принципов диалектики, выраженный в словах: «Капитал есть движение».

1

Диалектически понимаемое Марксом движение, развитие есть поистине та философская категория, которая, словно молния гигантской силы, испепеляет старое представление о капитале, о буржуазном обществе в целом и оплодотворяет науку политической экономии новым подходом, новым мировоззрением, столь хорошо подтвердившимся и доказанным практически в наше время.

Нельзя сказать, что современная буржуазная политическая экономия не извлекла никаких уроков из опыта революционного XX в. Оставаться в вопросе о развитии на уровне воззрений старой экономической науки было бы уж слишком неуклюже. В век небывалых социальных потрясений умолчать о развитии просто невозможно. И современные буржуазные экономисты говорят о «развитии», «изменении» и т. п. Они даже признают ограниченность «статики» как способа подхода к экономическим явлениям; появилось и широко применяется понятие

«динамики», динамического метода анализа, идет борьба между сторонниками этих двух методов. Сама жизнь заставляет поднимать такие вопросы. Апологеты современного капитализма пытаются ставить «проблему экономического роста» в плане длительной перспективы, т. е. вечного и незыблемого существования буржуазного способа производства. Эта проблема возникает прежде всего потому, что экономическому росту, развитию социалистического производства приходится противопоставлять идею роста, развития капиталистического производства, притом роста устойчивого, закономерного, хотя и прерываемого иногда периодами падения, циклических колебаний. Но она возникает и из потребностей чисто внутренних, вызванных необходимостью теоретически обосновать возможность преодоления экономических кризисов, неполной занятости, возможность ограничения безработицы некоторыми постоянными рамками, подхлестывания стремлений к инвестициям и т. п. В связи с этим признается недостаточность и слабость «микроэкономических» методов и необходимость замены или дополнения их «макроэкономическими» способами исследования. Последние предполагают оперирование такими категориями, как «национальный доход», «общая занятость», «совокупное производство и потребление» и другие, без которых нельзя изучать проблемы кризисов, безработицы и пр.[1]

Язык современной буржуазной политической экономии отличается от языка представителей классической буржуазной политической экономии с их верой в гармоничность и плавность капиталистического производства, хотя первая от этого не перестает быть столь же вульгарной, как и послерикардовская апологетическая экономия. «Экономика, — пишет, например, Самуэльсон, — никогда не находится в состоянии покоя. Процветание сменяется паникой или крахом. Национальный доход, занятость и производство падают. Цены и прибыли понижаются, а рабочие выбрасываются на улицу. В конце концов достигается нижняя точка и начинается оживление», затем «новый тяжелый кризис» и т. д.[2]

---

[1] См. *И. Г. Блюмин.* Критика буржуазной политической экономии, т. III. Соцэкгиз, 1962.

[2] См. *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 289.

Такова печальная необходимость трансформации экономического языка. Однако язык этот играет и служебную роль: он призван создать видимость «объективности» исследования, с тем чтобы под маской подобного «беспристрастного» анализа достигнуть конечной и главной цели — «доказательства» того, что капитализм при всех его трудностях есть все же самая жизнеспособная и эффективная форма производства и распределения. Не случайно «развитие» признается здесь во вполне «приличных» и респектабельных для буржуазии пределах. Уже в самом определении политической экономии, даваемом тем же автором, мы не найдем и намека на действительно научную категорию развития. «Экономическая теория, — читаем мы, — есть наука о том, какие из *редких* производительных ресурсов люди и общество с течением времени с помощью денег или без их участия, *избирают* для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества» [1]. Не говоря уже об идеалистическом пассаже, — люди, оказывается, сами просто «избирают» способ производства и распределения! — это определение от начала до конца метафизическое. В нем нет и намека на то, что каждый способ производства есть результат предшествующего развития и сам претерпевает развитие, движение, которым обусловлено его превращение в новые формы. Одним словом, для современного буржуазного экономиста капитализм, пользуясь выражением Маркса, есть такой же «твердый кристалл», как и для домарксовских теоретиков.

«Динамизм» современной буржуазной экономии обладает всеми чертами теории неизменности и вечности капиталистического общества. Он, несомненно, помогает решать некоторые трудные задачи не только теоретической, но и практической защиты капитализма, но именно защиты, а не научного анализа развития общественного производства.

Некоторые буржуазные экономисты, усматривающие опасность даже в подобного рода «динамизме», отстаивают метод «статики». Они страшатся того, что динамический подход может привести к признанию такого самодвижения экономической системы, которое сопряжено с

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 25.

коренным изменением условий существования данного способа производства. Такова, например, точка зрения Вальтера Эйкена. Он не отрицает допустимости момента динамизма в подходе к экономическим явлениям. Но он считает, что исходным и конечным пунктом развития следует признавать статическое состояние как главную и определяющую черту. «Творцы динамических теорий, — пишет он, — считают, что экономическая жизнь часто сама по себе меняет условия. Поэтому они заключают также, что так называемая статическая теория недостаточна. «Динамическая теория» должна поэтому иметь своим предметом изменение условий, совершающееся в результате экономического развития, так как они определяются этим развитием» [1].

Эйкен причисляет к «динамистам» и Маркса, который, разумеется, не дает никакого повода для этого. Что же касается самой буржуазной теории динамизма, то опасения Эйкена напрасны, она как раз и не признает такого изменения условий в результате экономического развития, которое потребовало бы смены капитализма социализмом. «Развитие» она признает лишь в рамках «равновесия» капиталистической системы. Точка зрения «равновесия» вообще есть один из самых распространенных методологических принципов современной (как и прежней) буржуазной политической экономии, о чем речь еще будет впереди. Например, один из «динамистов», английский экономист Р. Ф. Харрод, указывает, что «статика» составляет важный момент динамики. Нужно предоставить статике исследование проблем, связанных с движениями к новым положениям равновесия после отклонений, обусловленных эпизодическими изменениями. Недаром он считает, что такой порок капитализма, как безработица, в условиях, когда «столько» нужд остается без удовлетворения, есть чисто «механический порок функционирования нашей системы» [2]. Ну, если дело обстоит так, то вполне достаточно теории равновесия, чтобы спасти капитализм...

Марксово понимание развития, разумеется, ничего общего не имеет с подобным «динамизмом». Для Маркса движение, развитие есть имманентный принцип, *закон*

---

[1] *W. Eucken.* Die Grundlagen der Nationalökonomie, S. 211.
[2] *Р. Ф. Харрод.* К теории экономической динамики, стр. 211.

бытия. Существующее можно понять и исследовать лишь как то, что находится в состоянии изменения. Предмет ничто без предшествующего развития, которое дало ему жизнь, благодаря которому он стал тем, что он есть. Движение Маркс рассматривает как «самодвижение», и это особенно недолюбливают (и не без оснований) буржуазные экономисты. «Капитал есть движение» — эти слова означают, что капиталистический способ производства возник в результате движения, развития и что он сам в целом и каждый «атом» его находятся в движении, ведущем его ко все новым состояниям, изменяющим сами условия и основы его существования. Движение, развитие и есть та «творческая сила», которая кует цепь причинно-следственных связей, обусловливающих имманентное, внутренне необходимое превращение одних экономических форм в другие в порядке их самодвижения. Поэтому у Маркса и логическая категория движения, развития составляет «душу» любой конкретной экономической категории, будь это «деньги», «капитал», «товар», «стоимость» или что-либо другое.

Возьмем, например, такую экономическую категорию, как «деньги».

Известно, что буржуазная политическая экономия не сумела понять действительной общественной природы денег и их роли в процессе капиталистического обращения. И это помимо прочего объясняется тем, что она рассматривала деньги как некую готовую форму, даже не пытаясь проанализировать их как результат определенного развития. Правда, у Смита мы находим попытку выяснить происхождение денег. Но весь его анализ сводится к положению о том, что при зарождении разделения труда обмен продукции наталкивался на затруднения и во избежание неудобств люди сочли за разумное «иметь некоторое количество такого товара», который «никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла» [1]. Сначала такими товарами, говорил Смит, были скот, соль и т. п., затем — металл.

Таким образом, по Смиту, деньги — это простой посредник в процессе обмена товара на товар. Смит предпринял правильную попытку выяснить природу денег из

---

[1] *Адам Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. М. — Л., Соцэкгиз, 1935, стр. 24.

анализа процесса отношения товаров друг к другу, ибо, как указал Маркс, форма денег есть лишь застывший на данном товаре отблеск отношений к нему всех других товаров. Однако Смит совершенно не понял общественной сущности денег как особого товара, воплощающего в себе стоимость и противостоящего всем другим товарам как миру потребительных стоимостей. Он был далек от понимания того, что деньги — результат развития противоречий между потребительной стоимостью и стоимостью товара и что в конечном счете они явились выражением противоречий общественного производства, основанного на частной собственности на средства производства.

Этого совершенно не понял и Рикардо. Маркс критикует положение Рикардо о том, что деньги — посредник, с помощью которого совершается обмен. Маркс показывает, что такое плохое понимание денег, достойное вульгарного экономиста типа Сэя, вытекает из того, что Рикардо не подверг качественному анализу форму стоимости как специфическую форму, которую продукт принимает в условиях товарного производства. Рассматривая деньги, меновую стоимость, Рикардо забывает качественное определение, что индивидуальный труд должен путем своего отчуждения быть представлен в виде *абстрактно-всеобщего общественнного труда.*

Противоречие между индивидуальным, частным трудом и трудом абстрактно-всеобщим, общественным есть характерное противоречие товарного производства. Деньги возникли в результате роста и развития этого противоречия, роста и развития товарных отношений. Не поняв этого, Смит и Рикардо отказываются видеть в деньгах самостоятельную, отчуждаемую от мира товаров существенную форму. Они рассматривают ее, выражаясь словами Маркса, как «мгновенную форму», которая связывает воедино акт обмена. Отсюда непонимание того, что уже в факте появления денег заложена возможность кризисов.

Вульгарные экономисты принимают «магический характер денег», т. е. их способность быть обмененными на любой товар, за должное и, не идя дальше поверхности вещей, тем самым прикрывают противоречия капитализма.

Насколько недалеко ушли современные буржуазные экономисты в понимании природы денег от старых

вульгарных теоретиков типа Сэя, сравнивавшего деньги с повозкой, перевозящей стоимость продуктов, показывает следующее определение, даваемое в книге Самуэльсона: «Деньги — это искусственная социальная условность» [1].

Маркс объясняет причину, почему деньгам приписывают магический характер: «Посредствующее движение, — говорит он, — исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа». Создается впечатление, «будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги» [2].

Следовательно, стоит восстановить все движение, приведшее к возникновению денег, чтобы их магический характер исчез как дым. Только тогда, когда деньги рассматриваются как застывшая форма, возникает иллюзорное представление об их сверхъестественной сущности и они «слепят взор» людей.

Тот факт, указывает Маркс, что деньги — особый товар, может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем чтобы анализировать их задним числом. И, приступая к анализу денег, Маркс сам указывает на ту задачу, которую он ставит перед собой.

«Нам, — пишет Маркс, — предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег» [3].

Маркс превосходно выполнил эту задачу в первой главе первого тома «Капитала». Он проследил движение, развитие форм стоимости, начиная с простой, случайной, формы и кончая «ослепительной» денежной формой. Он показал, что стоимость товара может быть выражена лишь посредством его отношения к другому товару в процессе товарного обмена. Поэтому простейшим стоимостным отношением является отношение одного товара к какому-

---

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 69.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 102.
[3] Там же, стр. 57.

нибудь товару другого рода. Таково отношение в простой, отдельной, или случайной, форме стоимости.

Маркс показывает, что тот товар, который выступает в качестве эквивалентной формы стоимости и выражает стоимость товара, находящегося в относительной форме, может служить выражением стоимости лишь потому, что он воплощает абстрактный человеческий труд. Уже в простой, или случайной, форме стоимости один товар, т. е. товар, стоимость которого выражается, служит лишь образом потребительной стоимости, а другой товар, являющийся мерилом стоимости первого, — образом стоимости.

В этой простейшей форме стоимости Маркс вскрывает зародыш денежной формы. Поэтому уже при анализе простой, или случайной, формы стоимости Маркс срывает загадочный флер, скрывающий истинную природу денег. Деньги обладают чудодейственным свойством обмениваться на любой товар не от природы, а вследствие того, что они есть такой же товар, как и другие товары, и что они воплощают в себе абстрактный человеческий труд, затрачиваемый на производство любого товара, и тем самым становятся соизмеримыми с каким угодно другим товаром.

«Наш анализ показал, — пишет Маркс, — что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости» [1].

Установив, таким образом, природу товара, выступающего в эквивалентной форме уже у самых истоков возникновения обмена, Маркс затем прослеживает дальнейшее движение, развитие форм стоимости. Он показывает, что рост товарного производства и товарного обращения закономерно привел к превращению простой, или единичной, формы стоимости в полную, или развернутую, форму, а эта последняя в свою очередь превратилась во всеобщую форму стоимости и, наконец, всеобщая — в денежную форму стоимости.

Обобщив всю историю развития форм стоимости, Маркс представил деньги не как «готовый результат», в котором все посредствующее движение не оставляет никакого следа, а показал их как результат, итог развития. Тем

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 70.

самым был разоблачен «магический характер» денег, была разъяснена их таинственная форма. В результате анализа возникновения и развития денег они выступили в своей ясной форме как общественный способ выражения труда, затраченного на производство товаров, как та общественная мера, к которой сводится частный труд изолированных товаропроизводителей, как форма, в которой представлены общественные производственные отношения.

Маркс называет деньги превращенной формой стоимости товара. Понятно поэтому, что, только рассмотрев те превращения, которые претерпевают товары, товарные отношения, можно понять возникновение денег и их сущность.

Пример с деньгами служит прекрасным свидетельством того, что нельзя ничего понять в исследуемой вещи, если не взять ее в движении, в развитии, если не восстановить посредствующее движение, породившее ее. Этот пример, далее, показывает, что и экономические категории, являющиеся слепком с реальных отношений, находящихся в состоянии движения, также должны быть подвижными, гибкими. Категория формы стоимости не выступает у Маркса как готовое, неизменное определение. Она развивается, претерпевает превращения соответственно развитию самой действительности.

Точно так же обстоит дело у Маркса и с другими экономическими категориями. Маркс, например, подвергает резкой критике Смита и Рикардо за их непонимание соотношения между стоимостью и ценой производства. Смит и Рикардо рассматривали стоимость опять-таки как нечто готовое и раз навсегда данное. Они не прослеживали развития стоимости, не понимали, что в известных, более развитых исторических условиях стоимость неизбежно претерпевает определенные закономерные превращения. Отсюда путаница, возникшая в их рассуждениях в связи с постановкой вопроса о применимости закона стоимости в условиях капиталистического товарного производства.

Смит полагал, что только тогда, когда не было еще наемного труда и капитала, цены товаров определялись и регулировались стоимостью, т. е. определялись количеством труда, затраченного на их производство. Положение якобы коренным образом изменяется с тех пор, когда лица, владеющие капиталами, начинают их использовать

в целях получения прибыли, когда землевладельцы начинают требовать ренту за землю. Не будучи в состоянии понять действительные источники прибавочной стоимости и полагая, что рабочий получает «стоимость своего труда», Смит приходит к глубоко ошибочному выводу о том, что закон стоимости утрачивает свою силу в новых условиях. «...В цивилизованной стране, — пишет он, — найдется лишь немного товаров, меновая стоимость которых создается одним только трудом...» [1] Меновая стоимость, считал он, содержит в себе в значительной мере ренту и прибыль. Из всего этого Смит делает заключение о том, что заработная плата, прибыль и рента являются тремя составными частями, конституирующими стоимость.

Таким образом, неумение рассматривать явления в их развитии, стремление давать раз навсегда законченные определения, неспособность анализировать те модификации, которые неизбежно претерпевают явления в своем развитии, — все это предопределило переход Смита в этом вопросе с научных позиций на позиции вульгарно-экономические.

Рикардо также не избежал этой участи. И он не сумел понять цену производства как превращенную форму стоимости. Причиной этому был метафизический подход к пониманию стоимости, непонимание различия между простым товарным производством и развитым капиталистическим производством.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс писал, что Рикардо в том пункте, где он ставил своей задачей только еще развить «стоимость», следовательно, имел дело только еще с «товаром», «приплел *общую норму прибыли* и все предпосылки, проистекающие из более развитых капиталистических производственных отношений» [2].

В противовес буржуазным экономистам Маркс сумел разрешить вопрос о стоимости и цене производства помимо прочего потому, что он последовательно применил к этому вопросу, как и ко всем другим вопросам, диалектическую категорию развития.

В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс объясняет, почему Маркс начинает именно с простого товара, а не с товара, уже капиталистически модифици-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 225.
[2] Там же.

рованного. Товар, как и все экономические явления товарного производства, есть развивающаяся, а не окостеневшая вещь. Одно дело — товар в условиях докапиталистического производства, другое дело — товар в капиталистическом производстве. Предшественники Маркса не видели этой разницы и представляли дело так, будто обмен стоимостей в этих разных условиях происходит одинаковым образом. Но, столкнувшись с тем фактом, что при капиталистическом производстве обмен товаров происходит по ценам производства, они попали в сеть противоречий, из которых никак уже выбраться не смогли.

Маркс указывает, что вся трудность в понимании этого вопроса возникает потому, что товары в условиях капитализма обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, которые претендуют на равное участие в совокупной массе созданной рабочими прибавочной стоимости.

В этом все дело. Товары в условиях капиталистического производства в противоположность товарам в докапиталистическом производстве — это продукты капитала, носители созданной в процессе производства прибавочной стоимости. Поэтому, вступая в процесс обмена, эти товары должны принести своему владельцу по крайней мере столько же прибыли, сколько приносит равный капитал другому капиталисту. Здесь нет простого обмена стоимостей в одной форме на стоимости в другой форме, как это имеет место при простом товарном обращении.

Но так как неодинаковый органический состав капитала имеет своим следствием производство неодинаковой прибавочной стоимости при одних и тех же затратах, то обмен товаров — продуктов капитала — происходит не по стоимостям, созданным в разных отраслях производства, а по ценам производства, т. е. ценам, состоящим из издержек производства плюс средняя прибыль. Не приняв во внимание развитые условия капиталистического производства по сравнению с простым товарным производством, невозможно понять и ту существенную модификацию, которую претерпевает закон стоимости. Закон стоимости действовал в течение тысячелетий, т. е. задолго до возникновения капитализма. Понятно, что с переходом к капиталистической форме товарного производства он не мог не видоизмениться.

Цена производства не есть нечто противоположное стоимости. Она — превращенная форма стоимости, ее развитая, более сложная форма проявления, возникающая в специфически капиталистических условиях производства. И в данном случае благодаря своей теории развития Маркс сумел разрешить один из труднейших вопросов политической экономии, запутанных буржуазными экономистами.

Любой вопрос в «Капитале» Маркс рассматривает диалектически. Исследует ли он этапы и ступени капиталистического способа производства или процесс воспроизводства капитала или какое-либо другое явление капиталистического хозяйства, всюду с огромной силой сказывается плодотворность диалектической теории развития.

2

Дело, однако, не только в том, что Маркс каждое экономическое отношение капитализма рассматривает в его возникновении, развитии и изменении и тем самым раскрывает его сущность. Важно еще отметить то, что для Маркса сама общественная природа капитала проявляется и реализуется лишь в движении. Подобно тому как формой, способом существования материи является движение, так способом, формой существования капитала также является движение и потому капитал не может быть исследован и понят, если отвлечься от его движения.

Стоимость, выступающую в качестве капитала, Маркс определяет как «самодвижущуюся субстанцию» [1]. В этом «самодвижении» смысл и душа существования капитала, альфа и омега его бытия. Если цель и смысл процесса простого товарного обращения, процесса продажи ради купли находятся вне этого обращения, т. е. «в лежащей вне этого процесса конечной цели, — в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей» [2], то все содержание капитала заключено в процессе постоянного обращения, не имеющего ни начала, ни конца, в беспрерывном самообновлении и самодвижении. «Простое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 165.
[2] Там же, стр. 162.

товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, — для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ» [1].

В связи с этим меняется и связь между двумя полюсами обмена. В простом товарном обращении *Т—Д—Т* товар и деньги выступают как воплощения различных сущностей: товар — сущности потребительной стоимости, деньги — стоимости. В движении капитала и товар, и деньги суть лишь различные формы стоимости, способы ее существования: деньги — «всеобщий», товар «особенный» способы ее бытия. Меняя эти формы, капитал по самой своей сущности не может застрять на какой-либо из них. При простом товарном обращении движение, переходя от формы *Т* (товар) к форме *Д* (деньги) и от нее снова к форме *Т*, может и должно завершиться на этой последней. Напротив, такое завершение движения в случае капитала было бы подобно самоубийству. В процессе, выражаемом в формуле *Д — Т — Д'*, конечный пункт отличается от первого и означает авансированную сумму плюс приращение первоначальной стоимости. Но если движение это не возобновляется и стоимость не принимает снова и снова свои формы, т. е. формы товара и денег, то она перестает функционировать в качестве капитала. Маркс называет деньги тождественной капиталу формой. Однако, не приняв товарной формы, указывает он, деньги не могут стать капиталом. Только беспрерывный кругооборот товара и денег, т. е. постоянное движение, смена одних форм другими дает жизнь капиталу. Вот почему здесь он выступает как «саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» [2].

В первом томе «Капитала» Марксу важно было выяснить главную, принципиальную сторону проблемы, а именно, что капитал есть самодвижущаяся субстанция, что движение его происходит как самодвижение, как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 163.
[2] Там же, стр. 165.

беспрерывный (как увидим дальше — относительно беспрерывный) процесс самовозрастания стоимости. Маркс здесь пока отвлекается от подробного анализа метаморфозов капитала и их кругооборотов. Во втором томе, посвященном процессу обращения капитала, Маркс устанавливает, что процесс этого кругооборота проходит три стадии: денежного, производительного и товарного капиталов. Рассматривая каждый из них в отдельности, Маркс затем исследует их в целом как органическую совокупность. На этом уровне Марксова исследования движение как диалектическая категория рассматривается шире и глубже. Особенно важное значение здесь имеет анализ движения как единства прерывности и беспрерывности в пространстве и времени.

Капитал, выполняя свою основную функцию — производство прибавочной стоимости, должен проходить различные стадии, непрерывно принимать и сбрасывать с себя различные формы. На первой стадии капитал выступает в форме денежного капитала, который проделывает определенный кругооборот: на деньги капиталист приобретает средства производства и рабочую силу, т. е. денежный капитал превращается в производительный капитал; производительное потребление этих приобретенных на рынке товаров имеет своим результатом создание новой, приращенной стоимости — прибавочной стоимости; наконец, капиталист снова возвращается на рынок уже в качестве продавца товаров, и его капитал снова приобретает форму денежного капитала. Кругооборот денежного капитала завершился. Конечный пункт этого кругооборота сомкнулся с исходным пунктом, но уже на новой основе. Из этого движения денежный капитал вышел обогащенным, в увеличенном размере по сравнению с исходными его размерами.

Таким образом, сущность кругооборота денежного капитала состоит в том, что он беспрерывно меняет свою форму, сбрасывает одну форму и облачается в другую — из денежной воплощается в производительную, из производительной в товарную, а из товарной формы снова воплощается в денежную; он находится в беспрестанном движении. И именно это движение делает его капиталом. Вне движения, вне перехода из одной стадии в другую невозможно было бы использовать деньги для производства прибавочной стоимости. Маркс указывает, что

«капитальная стоимость в денежном состоянии может выполнять лишь функции денег, и никаких иных. Что *превращает эти последние функции* в функции капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадии, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота» [1].

Движение, переход от одной стадии к другой, превращение одной формы в другую форму способны превратить деньги в капитал лишь потому, что существуют капиталистические отношения, т. е. имеются налицо такие условия, как «свободный» от средств к жизни рабочий, вынужденный наниматься к капиталисту, и капиталист — владелец средств производства. Иначе говоря, существует определенное классовое отношение между рабочими и капиталистами. Лишь существование этого отношения, подчеркивает Маркс, может превратить простую функцию денег в функцию капитала.

Но когда эти отношения уже существуют, только движение делает деньги капиталом. Если капитал не сбрасывает с себя форму денежного капитала и не приобретает форму производительного капитала, то и не произойдет главное, к чему стремится капитал, — производство прибавочной стоимости, самовозрастание первоначально авансированной капитальной стоимости. «Кругооборот капитала, — пишет Маркс, — совершается нормально лишь до тех пор, пока его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе $Д—Т$, то денежный капитал затвердевает в виде сокровища; если на производственной фазе, то на одной стороне лежат, не функционируя, средства производства, между тем как на другой стороне остается незанятой рабочая сила; если капитал задерживается на последней фазе $Т' — Д'$, то нераспроданные товары, накопляясь, преграждают путь потоку обращения» [2].

Однако не только денежный капитал, но и все другие формы капитала — производительный и товарный — совершают свои кругообороты.

Кругооборот производительного капитала также имеет свои стадии, и его движение также состоит в том, что он,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 35 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] Там же, стр. 60.

переходя из одной стадии в другую, сбрасывает с себя одни и принимает другие формы. Производительное употребление капитала имеет своим результатом производство товаров, в которых материализована созданная в процессе эксплуатации рабочих прибавочная стоимость. Капитал сбрасывает с себя форму производительного капитала и одевается в форму товарного капитала. Продажа товаров превращает товарный капитал в денежный, а денежный в свою очередь снова приобретает форму производительного капитала. Опять конечный пункт возвращается к исходному пункту — к стадии производительного капитала, и весь кругооборот производительного капитала завершается, но завершается для того, чтобы процесс производства прибавочной стоимости начался снова.

Следовательно, и производительный капитал может выполнять функции капитала лишь при том условии, если он находится в движении и его формы претерпевают изменения.

Это же Маркс показывает на примере товарной формы капитала. (Поскольку нас здесь интересует лишь одна сторона вопроса о кругообороте капитала, а именно вопрос о движении как свойстве капитала, как форме его бытия, постольку мы оставляем в стороне все тонкости Марксова анализа, устанавливающего различия между кругооборотами денежного, производительного и товарного капиталов и т. д.) Товарный капитал в своем движении принимает попеременно формы денежного и производительного капиталов, пока он, наконец, снова не возвращается к своей исходной форме. Исходный пункт товарного капитала есть возросшая стоимость, и весь кругооборот завершается снова возросшей стоимостью.

Однако каждый из трех рассматриваемых Марксом кругооборотов капитала составляет лишь обособленный момент кругооборота капитала в целом, или, как Маркс говорит, промышленного капитала, под которым он понимает всякую отрасль производства, ведущуюся капиталистически. Действительный процесс кругооборота капитала представляет собой единство всех трех кругооборотов — денежного, производительного и товарного капиталов.

Огромное значение анализа Марксом кругооборота капитала состоит в том, что этим анализом вскрывается единство производства и обращения и преодолевается односторонность, характерная для буржуазных экономи-

стов, которые то принимали во внимание одно обращение и игнорировали производство (меркантилисты), то учитывали лишь одно производство и игнорировали обращение, связь между производством и обращением (Смит, Рикардо).

«Процесс кругооборота, взятый в целом, — говорит Маркс, — выступает как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном процесса обращения и наоборот» [1]. В этом взаимном опосредствовании решающую роль играет производство, а в единстве трех форм кругооборота главное значение имеет производительный капитал, ибо, как показал Маркс в первом томе «Капитала», только в процессе производства создается прибавочная стоимость.

Каждая из рассмотренных Марксом форм кругооборота, взятая отдельно от других, не может сама по себе характеризовать движение, кругооборот капитала в целом. Характерной чертой каждого из этих кругооборотов является прерывистость. Например, денежный капитал сбрасывает с себя форму денег и облачается в форму производительного капитала. Это «переодевание» предполагает перерыв в движении: одна стадия превращается в другую, капитал функционирует то в одной, то в другой форме. Здесь нет непрерывности. Одна стадия предполагает другую, но вместе с тем и отрицает ее, ибо при кругообороте денежного капитала переход из стадии денежного в стадию производительного капитала означает отрицание вторым первого. «Процесс кругооборота капитала, — пишет Маркс, — есть постоянная прерывность, оставление одной стадии, вступление в следующую; сбрасывание одной формы, существование в другой форме; каждая из этих стадий не только обусловливает другую, но в то же время и исключает ее» [2].

Между тем, как показывает Маркс, характерным признаком капиталистического производства является непрерывность движения — непрерывность не только вследствие технической основы этого производства, но и в том смысле, что капитал не может жить без самовозрастания стоимости, ибо это самовозрастание есть огонь, поддержи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 115.
[2] Там же, стр. 117.

вающий его жизнь. Целью капиталиста является получение не единичной прибыли, а неустанный рост прибыли, непрерывное движение. Поэтому перерывы в движении чужды природе капитала. Капиталист не может ждать, пока реализуется на рынке весь товарный капитал, существующий в форме пряжи или какого-нибудь другого товара. На уже вырученные деньги он снова приобретет необходимые средства для продолжения производства. Процесс может быть непрерывным лишь в том случае, если в то время как какая-нибудь часть капитала переходит из одной стадии в другую, другая часть капитала также меняет свою форму, оставляет одну стадию и переходит в следующую. Эта непрерывность и достигается в единстве трех форм кругооборота. Весь промышленный капитал в целом одновременно находится в своих различных стадиях, и каждая часть капитала переходит из одной фазы в другую, из одной формы в другую. При этом форма, в которой каждая часть капитала в данный момент функционирует, есть не застывшая, а, как говорит Маркс, текучая форма, т. е. превращающаяся в другую.

Маркс так резюмирует этот процесс в целом: «...капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом эти формы суть текучие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом.

Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображенной выше (т. е. при анализе отдельных форм кругооборота. — *М. Р.*) прерывности» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 120.

Маркс здесь применяет диалектическое понимание движения к одному из конкретных видов движения — кругообороту капитала. Поскольку всякое движущееся тело должно находиться одновременно и в данной точке и уже в другой (иначе не будет движения), постольку и капитал, который может существовать лишь в движении, одновременно и находится во всех фазах и формах и переходит из одних в другие.

В самом деле, движение капитала может быть прежде всего понято как единство прерывности и непрерывности в пространстве. Прерывность в пространстве обусловлена тем, что кругообороты денежного, производительного и товарного капиталов, взятые в их относительной самостоятельности, должны завершиться на определенной стадии и подготовить тем самым предпосылки для обретения капиталом следующей формы, для перехода в следующую стадию. Притом каждая из этих форм капитала представляет движение как прерывность. Например денежная форма проходит стадии превращений в производительную и товарную формы капитала. «Капитал, — указывает в связи с этим Маркс, — является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг другом превращений, ряд метаморфозов, которые составляют такой же ряд фаз или стадий всего процесса» [1]. Это же относится и к другим формам капитала. Капитал не может *непрерывно* функционировать, если рядом друг с другом в пространстве не будут расположены все эти формы капитала, т. е. если не будет *прерывности*. Пока денежный капитал превращается в производительный, товарный должен превращаться в денежный. «Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой» [2].

Однако прерывность движения капитала существует не только в пространстве, но и во времени. Кругооборот каждой формы предполагает такое течение во времени, такую временную последовательность, когда денежная форма должна прерваться в своем движении, чтобы стал возможным переход капитала в производительную форму и т. д. Поэтому Маркс назвал их «текучими формами» [3].

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 59.
[2] Там же, стр. 120.
[3] См. там же.

Вместе с тем совершенно очевидно, что движение капитала не только прерывно, но и непрерывно в пространстве и времени, ибо кругооборот каждой из его форм в их самостоятельности есть абстракция, хотя и вполне реальная абстракция, отражающая определенный момент действительного положения вещей. В реальном движении, однако, все эти кругообороты составляют единство. Поэтому они составляют непрерывность. «Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображенной выше прерывности. Весь общественный капитал всегда обладает этой непрерывностью, и его процесс всегда есть единство трех кругооборотов» [1].

А это и означает, что капитал как единство всех кругооборотов в одно и то же время находится и в данной точке своего процесса, и в другой, и в данной форме, и в другой. Иначе говоря, его движение, как и всякое движение, представляет собой противоречие. Маркс так об этом говорит: «...капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в различных фазах и функциях и, таким образом, одновременно описывает все три кругооборота» [2].

Глубокий философский анализ движения капитала необходим был Марксу не только потому, что иначе невозможно было исследовать стоимость в качестве «самодвижущейся субстанции». Анализ движения капитала как единства прерывности и непрерывности в пространстве и во времени дал возможность обосновать положение о неизбежности экономических кризисов при капитализме. Не случайно буржуазные экономисты, если и говорят о движении капитала, видят и подчеркивают только одну сторону этого движения — непрерывность, игнорируя другой его момент — прерывность. Уже в первом томе своего произведения Маркс со всей силой подчеркивает в движении метаморфоза товара обе эти стороны — единство прерывности и непрерывности и из разделения процесса обмена на относительно самостоятельные фазы *Т—Д* и *Д—Т* выводит тезис об абстрактной возможности кризисов. В «Теориях прибавочной стоимости» он критикует экономистов за нежелание понять диалектическую

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 120.
[2] Там же, стр. 118.

природу движения, за апологетическое выпячивание одной непрерывности движения. Он пишет:

«Если, например, покупка и продажа, или движение метаморфоза товара, представляют единство двух процессов или, вернее, прохождение одного процесса через две противоположные фазы, если это движение, стало быть, существенным образом есть единство обеих фаз, то это есть столь же существенным образом также и разделение этих фаз и обособление их друг против друга, превращение их в нечто самостоятельное по отношению друг к другу. А так как они все же внутренне связаны друг с другом, то обособление внутренне связанных моментов может *проявиться* лишь насильственно, как разрушительный процесс. Именно в *кризисе* обнаруживается действенная сила их единства, единства различных моментов... Но нет, говорит экономист-апологет. Так как имеет место единство, то кризис *не* может иметь места. А это, в свою очередь, означает не что иное, как утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность» [1].

Из этих слов особенно ярко видно, что, по Марксу, движение есть противоречие, единство таких противоположных моментов, как прерывность и непрерывность. Во втором томе «Капитала» при анализе кругооборотов различных форм капитала исследование вопроса о кризисах дается на более глубокой основе. Этим объясняется столь скрупулезное рассмотрение кругооборотов капитала, которое на поверхностный взгляд может показаться схоластическим. Именно из непрерывности и прерывности кругооборотов, из их единства и связи Маркс выводит неизбежное в условиях капитализма нарушение этих связей.

Здесь сама связь, как это ни звучит парадоксально, возможна лишь при условии постоянного ее нарушения. При господстве анархии производства, вытекающей из существования частной собственности на средства производства, разрыв связей в виде кризиса сигнализирует о том, что эта связь существует, что ее необходимо восстановить, чтобы продолжался процесс воспроизводства. Экономический кризис есть не что иное, как глубокое выра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 556—557.

жение разрыва «нитей», связывающих различные части и формы капитала, различные стороны единого целого.

Анализируя кругооборот производительного капитала, Маркс пишет: «Таким образом, производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и индивидуальное потребление капиталиста может возрастать, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем состоянии, — и, однако, весьма значительная часть товаров может перейти в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она может оставаться непроданной в руках перекупщиков, следовательно, — фактически все еще находиться на рынке. Но один поток товаров следует за другим, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Прибывшие на рынок позже, чтобы продать товары, продают их по пониженной цене. Товары прежних потоков еще не превращены в наличные деньги, как уже наступают сроки платежа за них. Владельцы их вынуждены объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она имеет отношение лишь к *спросу на платежи,* лишь к абсолютной необходимости превратить товар в деньги. Тогда разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса в целях индивидуального потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала» [1].

Производство с целью эксплуатации рабочих и извлечения прибавочной стоимости ведет к разрыву, к нарушению необходимых связей различных частей и сторон кругооборота капитала. Но понять этот разрыв связей можно, если учесть также, что кругооборот в целом состоит из относительно самостоятельных кругооборотов отдельных форм капитала, из разных фаз и стадий этих кругооборотов, каждая из которых может «окаменеть», не переходить в другую. Если это принять во внимание, то станет понятным, почему Маркс таким сложным путем идет к воспроизведению связей капиталистического производства и обращения в их целом.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 88—89.

Во втором томе «Капитала» Маркс еще не показывает превращения тех или иных частей капитала в обособившиеся сферы приложения капитала, функционирующие самостоятельно. Это осуществляется в третьем томе. Товарный капитал, фигурировавший раньше как часть промышленного капитала в целом, обособляется в купеческий капитал. Но такое обособление нисколько не может уничтожить внутренней связи между товарным капиталом и другими частями капитала. Оно только углубляет свойственную анархическому строю производства тенденцию к разрыву, нарушению связей и к насильственному восстановлению этих связей посредством разрушительных кризисов.

«Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, — пишет Маркс, — всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, в силу своего обособления, он совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь восстанавливается насильственно, посредством кризиса» [1].

Таким образом, только рассмотрение капитала как движения, а не как вещи, пребывающей в покое, позволяет понять его природу. Вне этого движения стоимость не может функционировать как самовозрастающая стоимость, т. е. не может быть капиталом. Маркс в главе «Три фигуры процесса кругооборота» делает очень важное замечание на этот счет. «Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu (в действии). Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается» [2].

Именно это объясняет, почему Маркс придавал такое огромное значение своему анализу капитала как движения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 334.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 121.

3

Категория движения, развития, как и все другие категории, имеет не только «онтологическое», но и гносеологическое, логическое значение. Как уже было отмечено выше, перед Марксом стояла задача воспроизвести развивающийся объект, т. е. капиталистический способ производства, в понятиях и категориях. Способ мышления в «Капитале» есть способ категориального мышления. Значение произведения Маркса для понимания места и роли категорий и понятий в системе познания бесценно. В дальнейшем, особенно во второй части книги, этот вопрос будет неоднократно рассматриваться, здесь отметим лишь некоторые его стороны, имеющие отношение к теме данной главы.

Понятия и категории исследуются диалектической логикой как узловые, опорные пункты познания. В них и посредством их обобщаются и фиксируются результаты познания. Маркс и его последователи продолжили и развили ту линию в историческом развитии философии, которая уходит в глубокую древность и которая видела в разработке категорий одну из самых существенных задач философии. Эта наиболее плодотворная линия в домарксовской философии нашла свое наивысшее выражение, хотя и воплощенное в ненаучной — идеалистической форме у Гегеля. Маркс и марксизм впервые решили задачу диалектико-материалистического анализа категорий. В «Капитале» это решение (и не только решение, но и всестороннее развитие) дано на материале исследования капиталистического способа производства.

В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс, характеризуя противоположность своего метода методу Гегеля, писал: «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1].

В этих словах сформулированы материалистические основы марксистской теории познания. Познание может

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21.

только отражать, воспроизводить объективно существующую действительность, но не создавать ее на манер гегелевской абсолютной идеи. Поэтому и понятия, категории, которыми оперирует мышление, суть идеальные отражения в человеческом мозгу материального мира. «Капитал» — образец такого материалистического понимания и анализа понятий, в данном случае — экономических понятий и категорий.

Каждая экономическая категория у Маркса фиксирует объективные экономические отношения и процессы. За каждой из них стоит реальная жизнь с ее объективными законами. В том и состоит сила и строжайшая научность категорий Марксовой политической экономии, что они являются теоретическим выражением самой действительности. В своих «Замечаниях на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии»» — немецкого буржуазного экономиста, который превращал реальные объективные отношения в идеальные понятия и из понятий конструировал свои «теории», Маркс обрушивается на идеалистическое растворение реального мира в понятиях и противопоставляет идеализму свой материалистический подход к анализу действительности.

Маркс показывает, что не понятие стоимости требует разделения ее на потребительную и меновую стоимость, а сама объективная, реальная стоимость существует в этой двойственной форме. «...Я исхожу не из «понятий», — говорит Маркс, — стало быть также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — *«товар»*» [1]. И далее, показывая, что сам товар, т. е. объективно существующая реальность, имеет две стороны, Маркс пишет: «Стало быть, не я подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимости», — а *конкретная общественная форма* продукта труда, *«товар»*, есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — «стоимость»...» [2]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 383.
[2] Там же, стр. 384.

Особенно подробно Маркс освещает вопрос о природе экономических понятий и категорий в известном письме к Анненкову и в «Нищете философии», где он подверг критике идеалистический подход Прудона к понятиям. Для Прудона, как и для Гегеля, только понятия, категории есть реальная действительность, а подлинная действительность есть лишь копия, тень, отблеск категорий и понятий. Прудон, говорит Маркс, принимает продукты буржуазного общества как «...возникающие самопроизвольно, одаренные собственной жизнью вечные существа» [1]. «Он не понял, — заявляет Маркс, — что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений (т. е. отношений, складывающихся между людьми в процессе общественного производства. — *М. Р.*) и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения» [2].

В замечаниях на книгу А. Вагнера Маркс указывает, что люди никогда не начинают с того, что стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира. Действительным началом является их практическое отношение к миру. В своих представлениях и понятиях люди выражают лишь то, что повторяющаяся деятельность по производству необходимых для жизни материальных благ превратила в опыт, сделала достоянием человеческого сознания. Иного пути возникновения понятий и категорий нет и быть не может. Практика — основа человеческих понятий, она же единственный критерий их истинности. Еще в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе», явившихся гениальным зародышем нового мировоззрения, Маркс поставил в центр всех вопросов теории познания практику. В «Капитале» марксистское понимание вопроса о практике как основе всего познания и критерии истинности научных понятий и теорий получило глубокое развитие. Стоит только обратиться к таким главам первого тома, как «Рабочий день», «Машины и крупная промышленность», а также и ко всем другим главам, чтобы увидеть, что каждое свое положение, каждое формулируемое им экономическое понятие, каждый свой вывод Маркс обосновывает огромным фактическим материалом, взятым из практики капиталистического общества. Маркс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 409.
[2] Там же, стр. 406.

в письмах неоднократно просит Энгельса проверить, подтверждает ли практика те или иные его выводы и положения.

Маркс не ограничивается критикой идеалистического отрыва экономических понятий от реальной действительности. Он глубоко вскрывает классовую подоплеку идеалистического подхода к понятиям. Если понятия есть первопричина всей жизни, то нет надобности изменять последнюю, достаточно изменить понятия, категории.

В «Нищете философии» и «Капитале» Маркс высмеивает такого рода кунштюки буржуазных экономистов. Эта критика разоблачает и нынешних представителей так называемого семантического идеализма, которые заявляют, что все беды, обрушивающиеся на голову современного человечества, происходят от злоупотребления неправильными словами и понятиями. Стоит, например, уничтожить такие понятия, как «капитализм», «безработица», «кризисы» и т. п., чтобы сами эти явления исчезли как дым. Именно подобных «философов» Маркс имел в виду, когда он писал о Прудоне: «В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение... И если общество захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря» [1].

Замена реального движения общества «движением собственной головы» философа или экономиста служит удобным способом защиты капитализма. Маркс развенчал в «Капитале» и других своих сочинениях идеалистические теории идеологов буржуазии, глубоко раскрыв материалистическую сущность научных понятий и категорий.

Материалистическое истолкование понятий и категорий в «Капитале» выражается также в том, что, по Марксу, то или иное экономическое понятие может быть сформулировано лишь тогда, когда для этого в достаточной мере созрели объективные условия, отражением которых являются эти понятия. В этом смысле большую ценность представляют замечания Маркса по поводу анализа форм стоимости Аристотелем. Маркс высоко оценил пони-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 547.

мание Аристотелем того, что обмен одного товара на другой возможен лишь благодаря тому, что обмениваемые товары содержат в себе нечто одинаковое. Тем не менее у древнегреческого мыслителя отсутствовало понятие стоимости. Аристотель не мог понять, в чем заключается одинаковость, общность обмениваемых разнородных товаров. Он не понимал, что это общее, уравнивающее все товары, как бы качественно они ни отличались друг от друга, есть труд, абстрактный труд.

Маркс подчеркивает, что Аристотель и не мог дойти до такого понятия труда, так как греческое общество покоилось на рабском труде и имело своим естественным базисом неравенство людей. Исторические условия, в которых он жил, помешали ему раскрыть, в чем состоит это отношение равенства различных товаров.

Понятие стоимости и, стало быть, понятие абстрактного труда могли появиться лишь тогда, когда безразличие к конкретному виду труда становится принципом, на котором базируются экономические отношения людей, когда появляется высокоразвитое товарное производство, которое своим стихийным механизмом ежечасно в массовом масштабе производит сведéние конкретных видов труда к их общему выражению в труде вообще. «Необходимо, — говорит Маркс, — вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере» [1].

Маркс на примере простейшей категории «труд» показывает, что, несмотря на ее простоту, она могла быть понята и сформулирована лишь при достаточно высоком уровне развития общества и науки. Труд вообще, говорит Маркс, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию. Ни представители монетарной системы и меркантилизма, ни физиократы не сумели понять и сформулировать категории «труд вообще». Насколько был труден переход от конкретного понятия труда (скажем, труда земледельческого у физиократов) к труду вообще, показывает пример

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 85.

Смита, который, по словам Маркса, время от времени возвращается к физиократической системе.

И эта трудность формулирования, казалось бы, такой простой категории, как «труд вообще», имеет свои объективные причины. Как и Аристотель, позднейшие экономисты были ограничены в своих представлениях сравнительно узкими рамками развития товарного производства. В самой действительности труд вообще независимо от его конкретных форм еще не стал в полной мере таким средством создания богатства, как в развитом буржуазном обществе. «Безразличие к определенному виду труда, — пишет Маркс, — соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидуумом» [1].

Этот анализ Марксом экономического понятия «труд вообще» прекрасно обосновывает материалистическое учение о понятиях. Именно потому, что понятия и категории суть отражения, копии реальных, не зависящих от людей отношений, они и возникают, т. е. находят свое научное определение, в тесной связи с конкретными историческими условиями, которые для них служат материальным фундаментом.

В последнее время среди некоторых философов, считающих себя марксистами, развивается взгляд, согласно которому материалистический принцип отражения в сознании объективного мира, а следовательно, понимание категорий, понятий как образов реальных явлений и процессов противоречит «истинному», «гуманистическому» марксизму. Теория отражения объявляется «позитивистской», а теория истины, основывающаяся на ней, — «конформистской», приспосабливающейся к действительности, отрицающей якобы необходимость ее изменения, антигуманной и пр. и пр.

Трудно сказать, как можно сочетать марксизм с подобными утверждениями. Основоположники марксизма неоднократно высказывались по этому вопросу, и их вы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 730.

сказывания не оставляют никакого сомнения относительно того, что продукты мышления они рассматривают в качестве воспроизведения в мозгу человека существующих вне человеческого сознания явлений и процессов природы и общества. Притом это воспроизведение характеризуется не как пассивное, фотографическое, а как активное, представляющее собой, по выражению Маркса, преобразование материального в идеальное. Да и дело не только в высказываниях, вся философия основоположников марксизма, их метод, их подход к познанию не способны вызвать никаких неясностей на этот счет. Мы уже не говорим о Ленине, который внес огромный вклад в дальнейшее развитие материалистической теории отражения.

По какой причине, однако, «пресловутая теория отражения», употребляя слова югославского философа М. Животича, подвергается такому осуждению? Судя по всему, главная причина в том, что она якобы обрекает человека на пассивное созерцание «фактов» и приспособление к ним. Она будто бы вырывает пропасть между действительностью и человеком, не учитывает практического отношения человека к фактам, не рассматривает мир как поле человеческой деятельности и, стало быть, возможностей, таящихся в мире, с целью очеловечивания его, преобразования в интересах человека.

Но где, в каком «марксизме» существует такая теория отражения? Марксизм с самого начала возник как действенная теория самого революционного класса современности — пролетариата, как теория, ставящая задачу уничтожения капиталистического строя и преобразования общества в коммунистическое, т. е. самое гуманное общество, где высшей целью становится всестороннее развертывание богатства человеческой природы. Но если марксизм сумел создать такую теорию, теорию подлинно научную, в противовес всевозможным утопическим мечтаниям, то лишь благодаря тому, что он встал на почву тех самых реальных «фактов», о которых почему-то говорится с иронией и которые относят к презренному «позитивизму». Иначе говоря, Маркс отбросил спекулятивный метод анализа общества, делающий заключения на основании того, что «желательно» человеку, при каких порядках ему хотелось бы жить, и встал на путь научного исследования действительности, доказав, что само развитие

капиталистического способа производства создает объективные и субъективные предпосылки для революционного переустройства мира. Но это и значит, что теория рассматривается не как произвольная конструкция человеческого ума, а как отражение, воспроизведение реального мира и не менее реальных процессов, совершающихся в нем. Маркс видел свою заслугу именно в том, что он дал человечеству, и прежде всего рабочему классу, такую научную теорию капитализма и научную теорию коммунизма.

То обстоятельство, что эта теория есть отражение железной логики фактов, объективной исторической необходимости или, как говорил Маркс, естественноисторического процесса, нисколько не умаляет роли человека и его активной деятельности с целью преобразования мира. Это тысячу раз разъяснено марксистами. Бесспорно, человеческое общество есть дело рук самого человека, как и вся его история, и он сам — продукт его труда. Природа, из которой он вышел, в процессе ее изменения человеком также в значительной мере становится делом его рук. Но это нисколько не означает, что исчезают объективные законы, независимые от человека, законы, с которыми он не может не считаться. Это в равной мере относится и к общественной среде, в которой живет человек и которая от начала до конца есть его создание. Маркс разъяснял, что каждое новое поколение застает известный уровень производства, определенные общественные отношения, и оно может двигаться дальше, лишь исходя из этих объективных условий, изменяя их лишь в меру тех предпосылок, которые созданы всем предшествующим развитием. Здесь так же невозможны сверхъестественные прыжки, как и в естественной природе.

Марксизм никогда не противопоставлял метафизически объект и субъект. В процессе практической деятельности объект и субъект взаимопроникают, переходят друг в друга: субъект «объективизируется», поскольку он делает природу своим достоянием, присваивает себе ее предметное богатство, объект «субъективизируется», поскольку на нем все больше запечатлевается деятельность субъекта. Но это решительно не дает никаких оснований считать, что исчезает всякая грань, отделяющая объект от субъекта. Старый материалистический тезис, что в конечном счете субъект определяется объектом, что объект перви-

чен, а субъект вторичен, остается в силе. Ни ранний, ни поздний Маркс не опровергал этот тезис. Маркс дал ему научное выражение, освободив его от метафизической ограниченности, от приписывания созерцательной, пассивной роли субъекту (как это делали старые материалисты), со всей силой подчеркнул огромную роль практики и практически преобразовательной роли деятельности субъекта.

На этом основании Маркс воздвиг новое здание теории познания, которая целиком проникнута этим пониманием первенствующего значения *практики* для мышления и познавательной деятельности человека. Однако познание, мышление есть всегда идеальное отражение реального мира. Отрицание этого делает мышление, познание беспредметными. Категория активной практической деятельности человека вводится марксизмом в теорию познания не для того, чтобы сделать вывод, что познание человека есть самопознание, познание *своей* сущности. Она вводится потому, что без практического воздействия на мир невозможно ничего познать, нельзя и шага пройти по пути осознания мира, а также и своей собственной природы. Самосознание человека без такого практического воздействия на природу, на объект в широком смысле этого слова — пустышка, плод идеалистической фантазии.

Поэтому отрицать теорию отражения можно, лишь отрицая эти элементарные для марксиста истины, например, ту, что человек становится господином природы лишь в меру осознания ее сил, законов, следовательно, правильного отражения, воспроизведения их в своих понятиях, теориях.

Не удивительно в свете сказанного встретить такие строки у философов, критикующих теорию отражения: «Позиция тоталитета (так они называют свои взгляды. — *М. Р.*) — это изучение действительности с точки зрения человеческого самосознания, проверка действительности с точки зрения того, что человек познал как свою сущность, как то, что может и должно быть так, как это *должно* соответствовать его человеческой природе, ему как «существу своего рода»» [1].

---

[1] *М. Животич.* Марксизм — позитивистская или негативистская философия. «Гледишта», 1965, № 10, стр. 1368.

Такое понимание познания действительно несовместимо с теорией отражения, как несовместима последняя и со следующей трактовкой диалектики марксизма: «Позиция диалектического разума и тоталитета есть та позиция, которая законы диалектического мышления рассматривает не как законы движения самих фактов, независимых от человека, но как принципы (разумной) практики» [1]. Однако диалектика Маркса, как она в наиболее совершенном виде проявилась в «Капитале», это именно диалектика и диалектические законы движения «самих фактов» капитализма, собственного его развития, и в этом ее непреоборимая научная сила, подтверждаемая всей совокупной исторической практикой человечества.

Вернемся, однако, к нашему вопросу. Как и у Маркса, у его предшественников Смита и Рикардо экономические категории были не движущей силой развития буржуазных отношений (на манер Прудона), а мысленным выражением этих отношений. Но, рассматривая буржуазные отношения как окаменевшие, раз навсегда данные и неизменные, Смит и Рикардо и свои экономические понятия строили подобным же образом. Это были неподвижные, неразвивающиеся, иначе говоря, недиалектические понятия.

Но в действительности капитализм есть развивающееся явление. В силу такого подхода между экономическими понятиями и реальной жизнью возникает глубокое несоответствие. Субъективные представления и понятия приобретают самостоятельное значение независимо от жизни. В этом смысле тезис Смита и Рикардо о вечности капитализма был не только метафизическим, но и идеалистическим: понятия, создаваемые разумом, ставились выше объективной действительности.

Не случайно поэтому, как показывает история философии, идеализм паразитировал на метафизической ограниченности представлений и понятий науки. Не случайно и то, что старый, домарксовский материализм при всех его крупных заслугах не мог нанести поражения философскому идеализму. Это сделал лишь диалектический материализм.

Экономисты вроде Прудона непосредственно апеллировали от вечности категорий к вечности капиталистиче-

---

[1] *М. Животич.* Марксизм — позитивистская или негативистская философия, стр. 1370.

ского строя. Рассматривая экономические категории как первопричину действительной жизни, они обожествляли категории. Абстрактные категории, оторванные от действительного развития, кладутся в основу политической экономии, чтобы сделать вывод о вечности и нетленности буржуазных отношений, которые, быть может, нуждаются лишь в некоторых «исправлениях».

Для Маркса экономические категории и понятия «так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие» [1]. В той же степени, в какой развиваются экономические отношения, развиваются и их мысленные отражения — экономические понятия и категории. Отсюда такое богатство экономических понятий и категорий в «Капитале», такая расчлененность их, с которыми не могут идти ни в какое сравнение понятия и категории, содержащиеся в экономических трудах Смита и Рикардо, не говоря уже о других буржуазных экономистах.

Возьмем, например, понятие стоимости. Заслуга Смита и Рикардо (и особенно последнего) в научном обосновании этого понятия несомненна. Но, рассматривая капиталистические отношения как вечные, не в их изменении и развитии, они обеднили и понятие стоимости, не сумели уяснить всей его сложности и многогранности. В результате стоимость у них выступает как тождественное, немногогранное понятие. Оно не является в их трудах тем подлинным зеркалом, в котором отражалась бы вся сложность реальных отношений.

Совсем другое дело у Маркса. Понятие стоимости выступает у него как сложное, расчлененное понятие, со многими сторонами, выражающими различные стороны самой действительности. Оно глубоко отражает те перипетии, которые претерпевают экономические отношения товарного производства в своем историческом развитии при переходе от простого товарного производства к капиталистическому и в процессе развития самого капиталистического способа производства.

Реальное движение объекта воспроизводится у Маркса при помощи движения понятий и категорий. Какую бы экономическую категорию мы ни взяли, каждая из них

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 409.

имеет свои глубокие земные корни. В «Нищете философии» Маркс противопоставляет «священной истории» категорий «земную историю категорий» [1]. Каждая категория «Капитала» отмечена печатью движения, развития. Говоря, например, о категории капитала, Маркс устанавливает со всей точностью те исторические условия, выражением которых только и может быть эта категория. Вслед за этим Маркс заявляет: «И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории» [2]. (Имеются в виду категории товара, стоимости, денег и другие.)

В противовес чрезвычайно обедненному, застывшему и неподвижному понятию денег у Смита и Рикардо у Маркса эта категория наполнена богатым содержанием, соответствующим той действительной роли, которую деньги играют в обществе, основанном на товарном производстве и обмене. Марксова категория денег подвижна и изменчива, как и тот реальный объект, который она мысленно воспроизводит. На примере денег можно изучить способ диалектического анализа движущегося объекта посредством гибких, подвижных категорий. (Мы здесь отвлекаемся от таких сторон этого анализа, как исследование противоречий развития, перехода в новое качественное состояние, соотношения логического движения понятий и реального исторического процесса, абстрактного и конкретного и многие другие. Об этом речь пойдет позднее. Здесь же этот вопрос берется в узком аспекте, под углом зрения констатации движения категорий, их развития.) Как было сказано выше, категорию денег Маркс объяснил благодаря тому, что рассмотрел отражаемый ею объект в его возникновении и развитии. Для этого Маркс сформулировал целый ряд категорий — «простая форма стоимости», «сложная», «всеобщая» и «денежная форма стоимости». Далее, исследуя функции денег, Маркс опять-таки целиком находится на почве концепции развития. Он резюмирует реальный процесс развития в ряде специальных категорий. Исторический опыт, отмечает Маркс, свидетельствует о том, что и при сравнительно слабом развитии товарного обмена образуются различные формы денег с их специфическими функциями.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 137—138.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 180.

Последние имеют исторический характер, и каждая из них выражает определенную ступень движения, развития производства. Маркс обобщает это реальное движение форм денег в соответствующих категориях.

«Различные формы денег, — пишет он, — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги — указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства» [1].

Наконец, Маркс показывает, что функции, выполнявшиеся деньгами в прежних исторических условиях, при простом товарном обращении, в условиях капитализма приобретают новое содержание: они становятся функциями обращения, кругооборота, накопления *капитала*. Деньги становятся предметным воплощением капитала.

Таким образом, в движении, развитии категорий воспроизводится реальное движение объекта. Логические приемы, которые Маркс при этом использует, заключаются в следующем:

1. Подвижность категорий достигается прежде всего тем, что каждая из них как бы расщепляется на ряд понятий и категорий, отражающих различные стороны, грани того объекта, который в самой общей и существенной форме отображался первоначально в какой-либо одной категории, допустим, категории денег, стоимости, капитала и т. п. У Смита и Рикардо общее понятие (скажем, понятие стоимости) не выступает как расчлененное и уже поэтому оно мертво, неподвижно. Совершенно исключается всякая возможность изобразить движение, развитие, претерпеваемые стоимостью, если не различать ее содержание и форму, следовательно, если не «расщепить» эту общую категорию на такие категории, как стоимость и меновая стоимость, различные формы стоимости и др. Без этого невозможно понять сущность денег, их развитие, различные их формы и функции.

В «Капитале» эта категория выступает как чрезвычайно расчлененная, она как бы обрастает многочисленными «дочерними» категориями и понятиями. Маркс различает стоимость и формы стоимости, потребительную и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 180—181.

меновую стоимость, относительную и эквивалентную формы, простую, сложную, всеобщую и денежную формы стоимости и т. д. Такая многогранность понятия есть прямой результат исследования действительности в движении, развитии. Как будет видно в главе о противоречиях, без расщепления понятия стоимости на понятия потребительной и меновой стоимости невозможно было бы вскрыть источник и движущую силу развития товарного производства, его переход в капиталистическое производство и многие злоключения этого способа производства. Точно так же для достижения указанной цели Маркс расчленяет категорию капитала. Капитал как движение можно воспроизвести только в том случае, если, скажем, расчленить его на денежный, производительный и товарный, если различать его постоянную и переменную формы и т. д.

2. Поскольку понятия и категории отражают различные стороны и грани исследуемого объекта, притом объекта, рассматриваемого в движении, развитии, постольку отображение этого развития может быть достигнуто лишь при условии, если все понятия о нем связаны между собой и переходят друг в друга. Взаимосвязь и переходы понятий — один из тех важнейших способов диалектической логики, посредством которых в логике понятий выражается логика движения объекта. Отсюда — гибкость понятий и категорий «Капитала». В самом реальном процессе движения капитала денежная и другие его формы связаны между собой, переходят друг в друга. Поэтому и понятия, категории, их отображающие, должны находиться в таких же взаимосвязях и переходах.

3. Однако связи и переходы, отношения между различными сторонами движущегося, развивающегося объекта представляют собой не некий хаотический конгломерат, а целостную *систему*. Каждый объект, как бы прост он ни был, есть такая система. Особенно это справедливо по отношению к высшим и сложным образованиям, состоящим из множества элементов. Сложность системного исследования объектов объясняется, в частности, тем, что вся система в целом и каждый ее элемент находятся в состоянии развития, движения. Нетрудно представить, как сложна такая система, как капиталистический способ производства. Показать, как Маркс справился с необычайно трудной задачей исследования и изображения этой

системы развивающегося капитализма в системе экономических понятий и категорий, можно будет лишь дальше, после того как мы рассмотрим другие стороны и элементы диалектики и диалектической логики. Здесь ограничимся лишь отдельными замечаниями.

На примере кругооборота капитала видно, какими сложными путями Маркс идет в исследовании одного лишь этого аспекта движения, развития капитала в целом. Кругооборот капитала сам по себе представляет относительно самостоятельную, сложную систему, состоящую из таких элементов, как денежный, производительный и товарный капиталы. Исследовать и изобразить эту систему в целом сразу невозможно. Поэтому Маркс расчленяет ее на составные элементы, части и, как уже было показано выше, анализирует их изолированно, каждую в отдельности. Такое отвлечение, абстрагирование способствует выяснению роли и места каждого элемента в системе. Показывая важность функций каждого из них, Маркс в то же время выделяет тот элемент, который выполняет решающую функцию всего процесса — функцию производства прибавочной стоимости, без чего весь кругооборот был бы движением на холостом ходу. Только после этого он связывает все элементы воедино, воспроизведя систему в целом как живую, находящуюся в непрестанном движении целостность. Следует при этом заметить, что Маркс на этой ступени имеет дело с кругооборотами индивидуальных капиталов, представляющих собой абстракцию по отношению к движению всего общественного капитала. Последнее он рассматривает на более высокой ступени своего исследования.

Таким образом, исследование при помощи *системы* категорий и понятий есть один из важнейших способов воспроизведения объекта в его движении и развитии.

Наконец, последнее замечание в связи с вопросом о понятиях. Совершенно ясно, что, будучи выражением специфических условий капиталистического производства, многие понятия «Капитала» перестают быть научным выражением новых экономических порядков при социализме. И не потому, что они «неудачны» или недостаточно глубоки, а именно по той причине, что они чрезвычайно точно и глубоко обобщают отношения другой экономической эпохи.

Понятия — это отражение реальных вещей. Если последние до поры до времени остаются теми же, то всякое стремление изменять понятия есть пустое занятие [1]. Другое дело, когда реальные объективные отношения действительно изменяются, претерпевают коренные, качественные превращения. Тогда условием научного познания становится или изменение понятий, приведение их в соответствие с действительностью, или учет того, что старые понятия должны быть наполнены новым содержанием.

Не всегда надо обязательно создавать принципиально новые понятия для отражения изменившейся действительности. Но, применяя прежние понятия к изменившимся историческим условиям, надо видеть то новое историческое содержание, которое они выражают.

Например, такое понятие, как «кооперация», служит средством выражения самых различных исторических отношений, имеющих место в разных общественных формациях. Маркс, как известно, говорил о капиталистической кооперации. Кооперация существует и при социализме. Кооперирование есть основной путь социалистического преобразования мелкого крестьянского хозяйства. Ясно, что кооперация при капиталистическом строе — это одно, а при социалистическом — нечто прямо противоположное.

Поэтому, когда реформисты проповедуют мирное врастание капитализма в социализм путем простого количественного роста рабочих кооперативов без разрушения основ капиталистического строя, их проповедь есть ложь, ибо в условиях капитализма кооперация не может привести к социализму.

Совсем иное положение создается после установления диктатуры пролетариата. В знаменитой статье «О кооперации», наметившей путь социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР, В. И. Ленин указывал, что простой рост кооперации тождествен с ростом социализма. Очевидно, что то же понятие, взятое в иной исторической связи, отражает другие отношения, наполнилось новым содержанием.

---

[1] Мы здесь отвлекаемся от той стороны вопроса, что понятия имеют и свою внутреннюю логику развития, заключающуюся в процессе все более глубокого и точного познания объектов.

Утверждение социалистической экономики в СССР, рождение нового, социалистического строя потребовало разработки ряда новых экономических понятий и категорий. Таковы понятия социалистической индустриализации, коллективизации, общенародной государственной и кооперативно-колхозной собственности, социалистического соревнования, социалистического накопления и т. п.

Итак, «Капитал» дает возможность глубоко понять, что категории, формулируемые наукой, есть отражение в сознании реальных отношений, существующих независимо от воли и желания людей. Эти реальные отношения — объективный фундамент для мыслительных понятий человека. Последние могут быть сформулированы познанием лишь тогда, когда для этого созрели объективные предпосылки, научным выражением которых эти понятия и являются. Зависимость понятий и категорий от материальных условий ярко проявляется в факте возникновения несоответствия, противоречия между старыми понятиями и изменившимися условиями, новыми данными общественной практики. Не практика, не действительность должна в этих случаях приспособиться к старым понятиям, а, наоборот, понятия должны измениться в соответствии с новыми условиями. Преодоление этого противоречия — движущая сила научного познания.

Диалектика понятий отражает диалектику реального мира — таков коренной тезис марксистской теории познания, нашедший свою глубокую разработку в «Капитале».

Глава вторая

Категория закона и принцип историзма

1

Считая движение, развитие формой бытия капитала, а исследование капитала в развитии условием научного познания его сущности, Маркс, естественно, стремится установить законы этого развития. Без категории закона само понятие о развитии становится хаотичным представлением, с помощью которого невозможно уловить направление, тенденцию движения, связать воедино начало, продолжение и конец развития объекта, иначе говоря, воспроизвести развитие в его закономерности.

Вот почему Маркс указывает в предисловии к своему труду, что конечной целью «Капитала» «...является открытие экономического закона движения современного (т. е. капиталистического. — *М. Р.*) общества...» [1]. Там же Маркс говорит о «естественном законе» развития, т. е. само понятие закона у Маркса сопряжено с понятием развития, без последнего он не мыслит и первое. Всякий общественный организм представляет собой результат всего предшествующего развития и сам находится в беспрерывном движении, порождающем зачатки, предпосылки нового общественного организма. Поэтому понятно, что установить законы каждого такого общественного организма можно, лишь осознав его «исторические координаты», т. е. находясь на почве концепции развития. Естественно, что диалектический анализ капиталистического производства неотделим у Маркса от исторического подхода к действительности, от исследования специфических

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 10.

законов этой формы производства, ее временного, преходящего характера. Историзмом у Маркса пронизан каждый этап, каждый шаг его анализа.

Метафизическую сущность метода буржуазной политической экономии Маркс видит помимо прочего в ее антиисторизме. Так, в послесловии ко второму изданию «Капитала» он пишет: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» [1]. Как видно из этих слов, Маркс ставит знак равенства между антиисторизмом и буржуазной природой старой, домарксовской политической экономии. Это и понятно, ибо идеолог буржуазии стремится доказать «естественность», «разумность», «вечность» капиталистического строя, а для этой цели метафизика с ее вечными абсолютными категориями, несовместимыми с историзмом, подходит как нельзя лучше.

Домарксовская классическая политическая экономия была тесно связана с философским движением XVII—XVIII вв., характерной чертой которого было просветительство. Буржуазное просветительство антиисторично. В центре внимания философии тех времен стоял не человек, связанный с конкретными историческими условиями, его породившими, а человек «абстрактный», рассматриваемый вне времени и пространства. Это был человек с некоей неизменной «нормальной природой», обусловленной не его общественным бытием, а его физиологическим устройством.

Известная характеристика антиисторического подхода к человеку и человеческому обществу со стороны старой, просветительской философии, данная Марксом в «Тезисах о Фейербахе», в полной мере относится и к классической политической экономии.

Того, что человеческая сущность есть совокупность общественных отношений и что, следовательно, с историческим изменением общественных отношений изменяется

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 14.

и человеческая сущность, не понимали ни домарксовские философы, ни буржуазные экономисты.

Достаточно прочесть первые страницы книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», чтобы увидеть антиисторический подход к человеку. Ставя вопрос о причине разделения труда, Смит дает на него такой ответ: «Разделение труда, приводящее к таким выгодам... представляет собою последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы... а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой» [1]. Как мы видим, Смит считает, что разделение труда, обмен, торговля вытекают из самой человеческой природы. Ясно отсюда, что и капиталистический способ производства, условием существования которого является обмен товаров, также с этой точки зрения соответствует «человеческой природе», вытекает из нее.

Энгельс в «Анти-Дюринге» специально отметил связь между просветительской философией и буржуазной политической экономией XVII—XVIII вв. «То, что было сказано нами о просветителях, — пишет Энгельс, — применимо и к тогдашним экономистам. Новая наука была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений» [2].

Между тем политическая экономия, как указывает Энгельс, по самому существу своему — историческая наука, ибо она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся, материалом.

Понятно, что антиисторизм домарксовских экономистов был непреодолимой преградой на пути создания под-

---

[1] *Адам Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, стр. 16.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 155.

линно научной политической экономии. Маркс на всем протяжении своего исследования в «Капитале» подвергает критике эту сторону метода своих предшественников, а также вульгарных экономистов.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс отмечает антиисторический подход физиократов и всех последующих экономистов к капиталу как характерную черту их метода. Анализируя вещественные формы воплощения капитала (инструменты, сырье и т. д.), физиократы рассматривали их как независимые от тех общественных условий, при которых они выступают в капиталистическом производстве. Таким образом, капиталистический способ производства превращался в какую-то вечную естественную форму.

За это же Маркс критикует Смита и Рикардо.

Правда, Маркс отмечает некоторые элементы историзма в смитовской концепции стоимости. Заслугу Смита Маркс видит именно в том, что он чувствовал, что с наступлением капиталистического товарного производства происходит какое-то изменение с законом стоимости, следовательно, изменение исторических условий (в частности, возникновение таких факторов, как прибыль и рента) требует какого-то иного подхода к закону стоимости. Но в этом же и источник его слабости, ибо решить возникшее противоречие он оказался неспособным, и оно завело его в тупик.

«Если теоретическая сила А. Смита, — указывает Маркс, — заключается в том, что он чувствует и подчеркивает это противоречие, то его теоретическая слабость — в том, что это противоречие сбивает его с толку даже при рассмотрении общего закона в его применении к простому обмену товаров; что он не понимает, как возникает это противоречие, обусловленное тем, что сама рабочая сила становится товаром и что у этого специфического товара сама его потребительная стоимость, не имеющая, стало быть, ничего общего с его меновой стоимостью, представляет собою энергию, создающую меновую стоимость» [1].

Рикардо преодолел эту путаницу Смита, но ценой отказа от всякого исторического анализа замеченного Смитом противоречия. Он отстаивает закон стоимости, но

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 62.

совершенно не замечает той задачи, которую поставили новые исторические условия. «...То *специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала, — пишет Маркс, — ни на минуту не смущает его и даже нисколько не интересует» [1].

Со свойственной Марксу научной добросовестностью в отношении оценки заслуг его предшественников он отмечает и у Рикардо некоторые элементы историзма. Так, в тенденции нормы прибыли к понижению Рикардо инстинктивно чувствовал историческую ограниченность капиталистического способа производства, что не могло не вызвать у него как идеолога буржуазии сильное беспокойство. Но и в данном случае Рикардо был далек от исторического анализа, и причину тенденции нормы прибыли к понижению он видит не в исторически преходящей общественной форме капиталистического производства, а... в природе. Антиисторизм Рикардо приводит его к тому, что даже орудия первобытного охотника он называет капиталом.

Антиисторический подход пронизывает всю концепцию Смита и Рикардо. Рассуждая о «богатстве народов», о причинах и источнике этого богатства, о товаре, труде, прибыли, ренте, деньгах и т. д., они ни на минуту не задумываются над тем, что все это — чистейший продукт специфических исторических условий. Все эти явления они представляют в своих трудах как нечто «естественное» и «вечное», не требующее никакого исторического анализа.

Если эти экономисты вопреки своему антиисторизму все же стремились за поверхностными явлениями обнаружить их сущность, то позднейшие, вульгарные экономисты сознательно использовали антиисторизм в качестве орудия отождествления видимости вещей с их сущностью в целях изображения характера капиталистического общества как «гармонического». Например, такой вульгарный экономист, как Бастиа, которого Маркс считал типичным представителем буржуазной апологетики, провозгласил «великий закон» обмена — «ценность за ценность, услугу за услугу», выдавая этот «закон» за проявление вечной и «естественной» организации общества. В этом законе он видел «чудную гармонию социального меха-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 63.

низма» буржуазного строя. Отсюда и метод вульгарной политической экономии, сущность которого состоит в высмеянной Марксом робинзонаде. Здесь уместно вспомнить родоначальника вульгарной экономии и привести его слова относительно способа экономического исследования, ибо метод современных буржуазных экономистов в принципе немногим отличается от метода их прародителей.

«Экономические законы, — писал Бастиа, — действуют по одному и тому же принципу, идет ли дело о многочисленном сообществе людей, о двух отдельных лицах или даже об одном человеке, обреченном судьбою жить в одиночестве.

Каждый человек, если бы он мог некоторое время прожить один, представлял бы собою и капиталиста, и предпринимателя, и рабочего, и производителя, и потребителя. В нем совершилась бы вся экономическая эволюция. Наблюдая каждый из входящих в состав его элементов: потребность, усилие, удовлетворение, даровую и трудовую полезность человека, получишь понятие обо всем механизме, хотя и в его простейшей форме» [1].

Сделаем теперь скачок на более чем столетие вперед и сравним этого, как говорил Маркс, «проповедника гармонии и апологета по профессии» с современными буржуазными экономистами, с их понятиями о методе. Правда, они уже не смеют сейчас рассуждать о «чудной гармонии», но в понимании способа исследования недалеко ушли от старых вульгарных экономистов. «Нам, экономистам, — читаем мы в одном из наиболее распространенных сейчас учебников буржуазной политической экономии, — всегда тычут в глаза тем, что в курсах политической экономии обычно приводят один и тот же надоедливый пример — хозяйство Робинзона Крузо. Да, это верно, мы действительно считаем, что на примере экономических решений, принимаемых индивидуумом, можно наиболее просто и живо излагать основные принципы экономической теории» [2].

Понятно, что с подобной точки зрения немыслимо даже подойти к задаче познания законов капиталистического

---

[1] *Жан Батист Сэ.* Трактат политической экономии. *Фредерик Бастиа.* Кобден и Лига. М., 1896, стр. 205.

[2] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 674.

общества, так как главным принципом в таких случаях становится нарочитое смешение самых разнообразных формаций, когда все кошки неминуемо уже выглядят серыми. Нет ничего удивительного в том, что и современные буржуазные экономисты считают целью буржуазного производства удовлетворение потребностей людей, а не извлечение прибыли, что сочиняются всевозможные надысторические «универсальные» законы, долженствующие не вскрыть, а скрыть, затушевать специфические законы капитализма, вывести их опять-таки из «естественной» природы человека и т. п. Таков, например, «психологический закон» английского экономиста Кейнса, согласно которому в самой человеческой природе заложена склонность людей увеличивать свое потребление не в той мере, в какой растет доход. В бедах капитализма (безработица, кризисы и т. п.) якобы виновато коренящееся в психологии человека соотношение между склонностью к потреблению и склонностью к сбережению: чем больше растет доход, тем больше склонность к сбережению. Из этой «психологии» выводится общий «закон», согласно которому при данной психологии общества уровень производства и занятости в целом зависит от объема инвестиции. Кейнсу нет никакого дела до того, что капиталистическое производство в силу своих действительных, а не выдуманных законов неизбежно и постоянно наталкивается на границы, сдерживающие рост производства со всеми вытекающими отсюда последствиями, и прежде всего неполной занятостью, периодическими кризисами и т. д. Нет ему дела и до того, что в странах социализма мнимая психология «человеческой природы» не помешала уничтожить безработицу, кризисы и прочие пороки капиталистического строя.

Как мы видим, нет существенной разницы между старыми и современными вульгарными экономистами в антиисторическом подходе к капитализму. Старые вульгарные экономисты использовали антиисторизм как средство обоснования вечности и незыблемости буржуазного строя. К этому давным-давно заржавевшему оружию прибегают и современные буржуазные экономисты. Разница между первыми и вторыми заключается лишь в том, что старые экономисты отстаивали еще развивающийся капитализм. Современные же экономисты прославляют одряхлевший капитализм, идущий к своему краху.

2

Маркс противопоставляет антиисторическому методу буржуазных экономистов свой диалектический историзм, проводя его последовательно в исследовании всех вопросов. Впервые в истории экономических учений Маркс превратил политическую экономию в науку о способах производства, рассматриваемых в неразрывной связи с конкретными историческими условиями.

В рецензии на первый том «Капитала» Энгельс отчетливо показал коренное различие, существующее в этом отношении между экономической теорией Маркса и буржуазной политической экономией: «...политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общей наукой, как математика... мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению. С выходом в свет этого сочинения уже нельзя будет, например, не делать никакого экономического различия между рабским трудом, крепостным трудом и свободным наемным трудом; нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, если эти современные законы не подходят к прежним отношениям, просто объявлять эти последние еретическими» [1].

В противоположность буржуазным экономистам, которые остались совершенно равнодушны к выяснению вопроса о том, почему результаты труда при товарном производстве воплощаются в стоимости товара, почему товарная стоимость находит свое выражение в определенных формах и т. д., Маркс именно на эту сторону вопроса обратил свое внимание. Для Смита и Рикардо основным был вопрос о величине стоимости. Они не поняли того, что в товарной форме, которую принимает продукт труда в определенных исторических условиях, скрыто все историческое своеобразие товарного производства и обмена, что поэтому без анализа товара, без раскрытия специфического характера труда, воплощающегося в товаре, невозможно понять сущность капиталистического способа

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 222—223.

производства, сущность денег, прибыли, капитала и т. д. Например, деньги в силу антиисторического подхода к их изучению со стороны буржуазных экономистов выступают у них как простое орудие обращения, не зависящее от природы самого товара.

В первом томе «Капитала» Маркс отмечает эту ограниченность буржуазной политической экономии. Анализируя стоимость и величину стоимости, она ни разу не поставила вопроса, почему содержание стоимости принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости продукта труда. «Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви» [1].

К этим словам, ясно и глубоко раскрывающим характерное для буржуазной политической экономии безразличие к вопросу о специфически исторической общественной форме, которую принимают труд и результаты труда в условиях товарного производства, Маркс делает очень важное замечание. Оно позволяет понять не только слабость метода буржуазной экономии, но и силу метода Маркса. «Один из основных недостатков классической политической экономии, — пишет Маркс, — состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 91.

буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д.» [1]

Всю силу своего анализа Маркс обращает как раз на то, чтобы вскрыть причину, почему продукт труда при господстве товарного производства принимает форму стоимости. Это позволило ему увидеть в товаре ту исходную клеточку, рассмотрение которой с неизбежностью приводит к выводу о неабсолютном, ограниченном, временном характере буржуазного производства. Даже лучшие представители буржуазной политической экономии и не подозревали того, какой сложный мир скрывается в столь обыденной и прозаической, казалось бы, вещи, как товар. Но именно в товаре Маркс обнаружил тот «микромир», который в зародышевом, начальном виде отражает капиталистический «макромир», его развитые и сложные отношения и противоречия. Поэтому Маркс начинает свой «Капитал» с анализа товара — этой элементарной клеточки капиталистического способа производства. В нем Маркс нашел для своего анализа тот исходный пункт, который позволяет характеризовать капитализм исторически, не как вечный, а как преходящий способ производства. Уже в простейшей форме — в форме товара Маркс анализирует специфику, но отнюдь не абсолютный характер буржуазного производства. Он показывает, что источником товарной формы продукта и всех «причуд» товара является специфический общественный характер труда, производящего товары. Установив, что товар состоит из потребительной стоимости и стоимости, Маркс указывает, что при любых формах общества труд производит предмет потребления, но только в своеобразных исторических условиях он производит и стоимость, придает продукту труда форму стоимости.

Такой своеобразный общественный характер труд принимает в историческую эпоху, когда господствует частная

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 91.

собственность на средства производства и комплекс частных работ образует совокупный труд общества, когда производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда. Отсюда двойственный характер труда и двойственный характер товара. Так из анализа товара и труда, его производящего, Маркс выводит форму стоимости, притом не как внешний привесок, а как внутренне необходимое свойство продукта труда в определенных исторических условиях. На этой основе Маркс проводит конкретно-исторический анализ денег как формы стоимости, выступающих не как простое техническое орудие обмена, а как воплощение богатства, как абсолютно общественная форма богатства, как стоимость товаров, отделившаяся от товаров и ставшая самостоятельной.

Маркс показывает, что в тех общественных формациях, где отсутствует товарное производство в силу иного общественного характера труда, продукты не принимают формы стоимости. «Поэтому весь мистицизм товарного мира, — говорит он, — все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [1].

В частности, Маркс показывает это на примере будущего коммунистического общества, где индивидуальные силы расходуются как одна общественная сила. Здесь продукты труда не принимают формы товаров, а следовательно, и стоимостей. Это исторически иной способ производства, к которому уже неприменимы мерка и законы буржуазного производства и обращения.

Таким образом, найдя историческую специфику товарного производства и обмена в товаре и труде, его создающем, Маркс досконально проанализировал их и обнаружил в них те существующие еще в неразвернутом виде противоречия, которые делают капитализм не абсолютной, а преходящей формой общественного богатства.

Произведенный Марксом исторический анализ товарного производства и обращения очень важен для правильного понимания процессов экономического развития и в других формациях. Показывая, что товарная форма про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 86.

дукта труда характерна для капиталистического общества, Маркс вместе с тем требует учитывать, что производство товаров и товарное обращение имели и имеют место и в других формациях. Следовательно, товарная форма выступает как некая абстракция, как некое общее, которое не может быть понято, если не проанализировать своеобразие исторических условий, в которых существуют товарное производство и обращение.

В одном из примечаний к первому тому «Капитала» Маркс указывает в связи с этим: «Между тем производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о differentia specifica [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения» [1].

Маркс не ограничивается исследованием товара как элементарной клеточки капиталистического производства. Он показывает те своеобразные исторические условия, в которых товарное производство и обращение порождают капиталистический способ производства. Для того чтобы произошло превращение простого товарного производства и обмена в капиталистическое, требуются определенные исторические условия. В главе о первоначальном накоплении капитала Маркс показывает, каковы эти исторические условия. На известной ступени развития товарного производства происходит отделение средств производства от производителей. Образуются двоякого рода товаровладельцы: собственники денег и средств производства, с одной стороны, и свободные рабочие, продавцы своей рабочей силы, лишенные всяких средств производства, а также средств существования, — с другой. Только при этом условии, указывает Маркс, товар и деньги, сами по себе не являющиеся капиталом, превращаются в капитал. «Следовательно, — пишет Маркс, — так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 124.

образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства» [1].

Маркс относит этот процесс первоначального накопления в странах Западной Европы к XV—XVI столетиям. Яркими красками описывает Маркс процесс экспроприации производителей, история которой, по его словам, вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня.

Но раз исторический процесс отделения производителей от средств производства уже произошел, капиталистический способ производства его постоянно воспроизводит. Без рабочего, свободного от средств производства и вынужденного продавать свою рабочую силу, невозможен капитал. Та историческая специфика, которую Маркс обнаружил в товарной форме продуктов труда, со всей силой проявляется и в таком товаре, как рабочая сила. Вся тайна капиталистического способа производства как исторически определенной формации скрыта в двойственном характере этого специфического товара. Своеобразный характер потребительной стоимости этого товара состоит в том, что процесс потребления рабочей силы есть процесс создания прибавочной стоимости.

Марксов анализ капиталистического товарного производства важен также для понимания специфических особенностей развития товарного производства в социалистическом обществе. И при социализме существуют еще производство товаров и товарное обращение.

Однако в социалистическом обществе товарная форма, которую принимают продукты труда, *имеет совершенно новое содержание*. При социализме рабочая сила уже не является товаром. Средства производства и рабочие уже не разъединены, как при капитализме, ибо уничтожена частная собственность на средства производства. Следовательно, в социалистическом обществе отсутствуют те главные условия, которые делают товарное производство капиталистическим, которые порождают эксплуатацию человека человеком. Вот почему исторический подход к товарному производству и обращению, существующим в социалистическом обществе, показывает, что это — товарное производство, служащее делу укрепления и развития со-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 727.

циализма, делу постепенного перехода от низшей стадии коммунизма к высшей.

При полном коммунизме канут в вечность тысячелетиями существовавшие товарное производство и обращение.

Марксов подход к выяснению исторического своеобразия того или иного экономического явления представляет собой яркий образец одного из основных моментов подлинно научного познания. Сила Марксова анализа капиталистического способа производства заключается в том, что эту печать исторической обусловленности явлений он показывает на каждом конкретном явлении, которое он исследует.

Например, Маркс анализирует применение машин при капитализме. По своей природе машина призвана сокращать рабочее время и повышать производительность труда. Но все зависит от общественного характера применения машин, от того, в каких исторических условиях применяется машина. Анализируя капитализм, Маркс показывает своеобразие влияния и действия машины на рабочего, на весь ход развития производства. Дело в том, что машины при капитализме одновременно способствуют росту одного фактора прибавочной стоимости — ее нормы и уменьшению другого фактора прибавочной стоимости — числа рабочих. Отсюда стремление капиталистов максимально удлинить рабочий день, чтобы компенсировать сокращение числа рабочих, вытесненных машинами из производства.

Таким образом, получается, что применение машин, которое, казалось, должно было бы привести к сокращению рабочего времени (ибо машины способствуют повышению производительности труда), при капитализме становится фактором, удлиняющим рабочий день.

«Отсюда тот экономический парадокс, — пишет Маркс, — что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости» [1].

Вскрывая этот «экономический парадокс», Маркс опять-таки показывает, что в нем находит свое яркое

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 419.

выражение исторически преходящий характер капиталистического способа производства. Ибо из капиталистического характера применения машин вытекает, как указывает Маркс, что для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Это значит, что повышение производительности труда выгодно для капитала лишь при том условии, если оно способствует повышению прибыли. В противном случае капитал противодействует повышению производительности труда с помощью машин. Капитал отнюдь не заинтересован в сбережении живого труда и увеличении количества прошлого труда, но именно в этом и сказывается повышение производительности труда. Он всячески препятствует применению в производстве машины, если эксплуатация живого труда сулит ему больше прибыли. Для капитала, указывает Маркс, производительная сила повышается лишь в том случае, если на оплачиваемой части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда.

Перейдем теперь к вопросу о том, что Маркс понимает под законом, каковы логические основы и принципы его анализа законов капиталистического производства, как он связывает категорию закона с принципом историзма.

3

Категория закона у Маркса рассматривается как выражение внутренних, необходимых связей и взаимозависимости явлений. Так, например, говоря в третьем томе «Капитала» о законе тенденции нормы прибыли к понижению, Маркс определяет закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями...» [1].

Это краткое, но полное глубокого содержания определение дает возможность уяснить, что познание не всяких связей есть познание действительно закономерного, существенного в явлениях. Маркс говорит всюду о *внутренних, необходимых связях*. И это понятно, так как связь может иметь и чисто внешний характер. Так, например, между капиталом и процентом или между землей и рентой, несомненно, существует связь. Капитал способен приносить

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 246.

проценты, владение землей — ренту. Тут, несомненно, есть связь, но эта связь не только не способна объяснить действительные причины таких явлений, как процент и рента, но, напротив, всячески их затемняет. В замечательной и чрезвычайно важной для понимания Марксова метода главе третьего тома «Капитала» «Триединая формула» Маркс подвергает критике знаменитую формулу вульгарных экономистов: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата. С точки зрения вульгарных экономистов, капитал рассматривается как источник процента, земля — источник ренты, а труд — источник заработной платы. Первые части этих отношений суть якобы причины, основания, вторые — производимые этими причинами и основаниями результаты.

Изложив взгляды вульгарных экономистов на связи явлений, Маркс показывает истинную цену этой «связи». Он прежде всего устанавливает, что капитал, земля, труд (в понимании вульгарных экономистов труд — это труд вообще, отвлеченный от всякой общественной формы), эти «мнимые источники богатства», не имеют никакой действительной связи, никакого внутреннего отношения между собой. Капитал — это не вещь, а определенное общественное производственное отношение. Земля, напротив, есть не общественное отношение, а неорганическая природа. Стоимость определяется количеством овеществленного в товаре труда. Поэтому прибавочная стоимость не может быть продуктом земли, даром природы.

Таким образом, говорит Маркс, то, что для вульгарных экономистов находится в связи, на самом деле не имеет никакой внутренней связи и относится друг к другу «примерно как нотариальные пошлины, красная свекловица и музыка».

Далее Маркс показывает, что в действительности такие явления, как, например, земля и рента, не соотносятся друг с другом как причина и следствие, поэтому между ними нет и не может быть внутренней связи.

«Но каким образом, — спрашивает Маркс, — земля может создать стоимость, т. е. общественно определенное количество труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля служит фактором производства известной потребительной стоимости, известного материального продукта, например, пшеницы. Но она не имеет никакого отношения

к производству *стоимости пшеницы*. Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества» [1].

Из этих высказываний Маркса видно, что́ он понимает под внутренними связями и зависимостями явлений. Это такое отношение между двумя или несколькими явлениями, при котором одни выступают как причина, а другие — как их неизбежное следствие, результат. Такова, например, связь между трудом рабочего и всеми видами капиталистического богатства — прибылью, рентой, процентом и т. п. Тут имеется действительно внутренняя связь, ибо без эксплуатации рабочего, без труда рабочего, создающего прибавочную стоимость, нет и не может быть ни прибыли, ни ренты, ни процента, представляющих собой не что иное, как разновидности, конкретные формы прибавочной стоимости. В этом взаимоотношении одно явление действительно выступает как причина, а другое — как следствие, как результат. При этом отношение между ними не случайное, а необходимое. И это чрезвычайно важно подчеркнуть, ибо любая случайность, любое случайное отношение между явлениями также имеют свою причину. Но было бы грубейшим заблуждением выдавать случайные связи и отношения за внутренние, необходимые.

Ошибка физиократов, например, состояла в том, что они ставили в необходимую связь земледельческий труд с прибавочной стоимостью, с доходами. На деле эта связь не является необходимой, ибо труд может быть и не земледельческим, а трудом сапожника, ювелира или эксплуатируемого капиталистом художника, и все же при этом будет создаваться прибавочная стоимость. Связь между тем или иным конкретным видом труда и прибавочной стоимостью есть чисто внешняя, не необходимая связь. Для Маркса же важно выяснение внутренней, необходимой связи, а такая связь существует лишь между абстрактным трудом, т. е. трудом как затратой человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова независимо от его конкретной формы, и прибавочной стоимостью. Прибавочная стоимость есть следствие, результат затраты абстракт-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 383.

ного труда, а не труда только земледельца или сапожника [1]. Отсюда Маркс вывел положение о важном различии между трудом, поскольку он сохраняет или переносит на новый продукт стоимость средств производства, и трудом, поскольку он создает новую стоимость. Первое возможно лишь благодаря конкретному характеру труда, второе — благодаря абстрактному труду.

Один из главных корней путаницы в домарксовской политической экономии в том и состоял, что она не способна была разграничить труд конкретный и труд абстрактный, понять специфичность того труда, который создает стоимость; она постоянно смешивала стоимость и потребительную стоимость. Отсюда проистекала ее неспособность выделить категорию прибавочной стоимости независимо от ее особых форм, смешение прибавочной стоимости с той или иной особой ее формой и т. д.

Маркс считал свой анализ двойственного характера труда отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии.

Следовательно, по Марксу, не всякая связь причины и следствия есть внутренняя, существенная связь. Внутренняя связь есть вместе с тем и необходимая связь. Отсюда Марксово определение закона как внутренней и необходимой связи явлений.

Существеннейшей стороной Марксова анализа общественных законов является рассмотрение их как объективных законов, т. е. как существующих и действующих независимо от человеческой воли и сознания. Можно познать эти законы, говорит Маркс, но нельзя их отменить декретами. Если общество даже и напало на след естественного закона своего развития, оно не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами.

Маркс соглашается с характеристикой этой стороны его понимания законов, которую дает русский экономист И. И. Кауфман в своей рецензии на «Капитал». «Маркс,— писал этот рецензент, — рассматривает общественное

[1] Это не значит, разумеется, что при анализе капиталистического способа производства можно игнорировать конкретную форму труда. Необходимо учитывать как ту, так и другую сторону, т. е. двойственный характер труда, ибо эта двойственность есть глубокое выражение противоречий товарного и товарно-капиталистического производства.

движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения...» [1]

Маркс исходил из материалистического понимания закона как фактора, присущего самой природе, самому обществу. Уже в этом сказалась коренная противоположность его метода анализа внутренних связей гегелевскому подходу к этому вопросу.

У Гегеля в «Науке логики» также прослеживается внутренняя связь, но немецкого идеалиста интересует не связь объективных факторов, а логическая связь чисто мыслительных категорий и понятий. Метод Гегеля, указывает Энгельс, сопоставляя его с методом Маркса, был «по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистическим, чем все прежние. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этом виде здесь совершенно неуместен» [2].

В противоположность Гегелю Маркс в «Капитале» рассматривает и исследует внутреннюю связь «упрямых фактов» и из анализа этой связи выводит положения, отражающие объективные экономические законы капиталистического способа производства. Не мысль, не предвзятая идея навязывает фактам и явлениям связь, а сама объективная связь явлений находит свое выражение в законах, открываемых наукой.

Поэтому, по Марксу, объективный закон есть не что иное, как такая причинно-следственная связь между фактами, такое соотношение между ними, когда наличие одних фактов и явлений необходимо вызывает другие факты и явления, одна ступень развития необходимо обусловливает другую ступень. Закон есть форма действия, реализации этих внутренних связей явлений. Будучи внутренней существенной связью явлений, закон обусловливает определенное, совершающееся с естественной необходимостью развитие явлений, управляет происходящими в природе и обществе процессами.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 20.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 495—496.

Так, сущность закона стоимости Маркс раскрывает как воплощение необходимых внутренних связей товарного производства. В письме к Кугельману 11 июля 1868 г. он указывает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Для производства определенного количества продуктов требуется и определенное количество общественного труда. Труд этот должен распределяться в соответствующих пропорциях. «Очевидно само собой, — пишет Маркс, — что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства, — измениться может лишь форма *ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь *форма*, в которой эти законы прокладывают себе путь» [1].

Таким образом, пропорциональное распределение труда ради производства соответствующего количества благ есть объективный закон общества. Этот закон выражает необходимую связь между различными отраслями труда. Если эта связь нарушается, если труд сосредоточивается в одной какой-нибудь отрасли производства, а другие отрасли не получают соответствующего количества труда, если, иначе говоря, рвется внутренняя, необходимая связь между различными отраслями производства, то общество существовать не может. А так как объективные законы не могут быть уничтожены, то необходимость соответствующего распределения общественного труда возьмет свое и так или иначе проявится.

В обществе, где господствует частная собственность, необходимая связь между различными отраслями общественного труда может осуществляться лишь посредством обмена индивидуальных продуктов труда. В этих условиях продукт становится товаром и один товар может обмениваться на другой благодаря тому, что они являются носителями стоимости. Общий закон распределения труда в известных пропорциях, закон, присущий любой общественной формации, приобретает в обществе, где господствует частная собственность, форму закона стоимости.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 460—461.

«А форма, — пишет Маркс далее в письме к Кугельману, — в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов» [1].

Следовательно, закон стоимости есть выражение специфических существенных связей и отношений между товаропроизводителями, когда господствует анархия производства и каждый производит по своему усмотрению, не считаясь с потребностями общества в целом, и когда поэтому распределение совокупного общественного труда происходит лишь путем действия стихийного механизма товарного обмена. Если труд сосредоточивается в одной отрасли хозяйства за счет других жизненно необходимых отраслей, тогда количество произведенных в ней товаров превышает спрос. В результате этого цены товаров устанавливаются ниже их стоимости; ввиду невыгодности продажи товаров ниже их стоимости труд из этой отрасли производства переливается в другие, более выгодные, и таким образом устанавливается необходимая связь в распределении труда.

Так объективный, не зависящий от воли и сознания людей закон стоимости управляет процессами, совершающимися в товарном производстве, основанном на частной собственности на средства производства. Этот закон с железной необходимостью определяет весь ход развития товарного производства и обращения, приводящего на определенной ступени к превращению простого товарного производства в капиталистическое со всеми вытекающими из этого превращения последствиями.

Без раскрытия объективных законов Маркс не мыслит возможности рационального, научного объяснения явлений. Самые запутанные явления могут быть поняты, если известны их законы, их внутренняя связь. В том и состоит заслуга Маркса, что он открыл объективные экономические законы капитализма и объяснил с их помощью самые сложные явления буржуазного производства и обмена.

Подчеркивая объективность законов, их независимость от воли и сознания людей, невозможность произвольно

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461.

«отменить» их, Маркс вместе с тем нисколько не умаляет роли познания их и использования в сознательной деятельности людей. Он показывает, что, с одной стороны, общество не может перескочить через естественные фазы развития, определяемые объективными законами. В этом смысле действия и поступки людей определяются условиями их жизни, объективными законами данной социально-экономической формации. С другой стороны, познавая объективные законы, общество может сократить и смягчить муки родов, т. е., действуя в соответствии с объективными законами, ускорить развитие, помочь исторической необходимости реализовать себя в жизни. Экономическое учение Маркса как небо от земли далеко от каких бы то ни было элементов фатализма, пассивности, в нем нет и тени умаления творческой революционной самодеятельности масс.

Напротив, весь гигантский труд по созданию «Капитала» был предпринят Марксом с той целью, чтобы помочь пролетариату и его политической партии познать объективные законы капитализма и строить всю свою практическую революционную деятельность в строгом соответствии с познанными законами.

Уже одно познание внутренних связей капиталистического способа производства означает сильнейший удар по буржуазному строю, ибо оно доказывает временный, преходящий характер этого строя, его неизбежную гибель.

«Раз понята связь вещей, — писал Маркс Кугельману, — рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике». Потому и пытаются идеологи буржуазии скрыть, замазать действительные связи, чтобы, как говорит Маркс, увековечить бессмысленную путаницу и обезоружить сознание рабочего класса, лишить пролетариат знания путей борьбы против господства буржуазии. «Да и за что же, — продолжает далее Маркс, — как не за это, платят сикофантам-болтунам, которые не могут выставить никакого другого научного козыря, кроме того, что в политической экономии вообще не разрешается мыслить?» [1]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461—462.

Сказанное о Марксовом понятии закона позволяет уяснить некоторые методологические основы и принципы, посредством которых в диалектической логике реализуется познание действительности в ее закономерности. Эти основы и принципы, на наш взгляд, таковы:

1. Закон определяется через понятие внутренней связи явлений, и в первую очередь *причинно-следственной* связи, при которой одно явление или сторона его или какой-либо элемент целого выступает в качестве причины, порождающей определенное следствие, результат. Понятие закона, таким образом, неразрывно связано с понятием детерминизма. Детерминистическая обусловленность явлений находит свое выражение в законах. Конечно, связи и отношения явлений не сводятся к отношению причин и следствий и не исчерпываются этими последними. Каузальность есть, несомненно, лишь частица, «кусочек» всеобщей связи и взаимодействия. Но нельзя, как это делают иные авторы, умалять на этом основании значение понятия каузальности для научного понятия закона [1]. Причинно-следственная связь — одна из важнейших сторон закона. Более того, это один из самых существенных элементов закона, ибо именно благодаря всестороннему взаимодействию причин и следствий, объективному сцеплению их существует необходимость, определяющая порядок, последовательность, направление, тенденцию развития.

---

[1] В рецензии на первое издание этой книги, опубликованной в журнале «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1957, № 5, выражается несогласие с определением закона посредством причинно-следственной связи и указывается, что последняя есть лишь предпосылка, но не сущность закона. В качестве доказательства приводится периодический закон элементов. Но этот закон подтверждает противоположное тому, что автор рецензии пытается доказать. Д. И. Менделеев сформулировал периодический закон как зависимость свойств элементов от величины атомных весов элементов. О какой же зависимости шла у него речь, как не о причинной зависимости? Сейчас мы знаем, что не атомный вес, а заряд атомного ядра есть та основная величина, которая причинно обусловливает все свойства элемента и его положение в периодической системе. Конечно, нелепо утверждать, что один элемент в системе есть «причина» другого. Но можно ли отрицать, что количественные изменения величины заряда ядра служат причиной такого следствия, как качественное превращение одного химического элемента в другой согласно закону сдвига? А это значит, что процессы, происходящие в ядре одного атома, закономерно, т. е. в силу причинной обусловленности, приводят к возникновению другого элемента.

2. Однако, как ни важна причинно-следственная связь для определения закона, необходимо углубить основу этого определения. Говоря о законе, Маркс, как было видно выше, все время подчеркивает момент *внутренней, необходимой* связи явлений, указывая, что закон есть выражение и реализация именно такой связи. Поскольку причинно-следственная связь может иметь и внешний, случайный характер, постольку для определения закона необходимо углубиться до существенной связи. Поэтому закон можно и нужно определить через понятие сущности, т. е. как такую связь явлений, которая вытекает из самой сущности объекта, порождается существенной природой этого последнего. С этой точки зрения закон представляет собой выражение и порождение сущности явлений. Для его познания необходима такая степень обобщения, которая, отвлекаясь от второстепенных, неглавных свойств объекта, схватывает и суммирует его главные, коренные, действительно существенные, «субстанциональные» черты и свойства. Так, стоимость есть субстанция товарной цены, а не наоборот, ибо в стоимости обобщены решающие свойства товарного производства. «Тем, чем *стоимость*, — пишет Маркс, — является для действительного экономиста, тем для практического капиталиста (а следовательно, и для вульгарного экономиста. — *М. Р.*) является *рыночная цена* — постоянным prius'ом всего движения» [1]. Закон прибавочной стоимости Маркс определил посредством обобщения самой сущности капиталистического способа производства, найдя этот закон и его действие во всех проявлениях буржуазных производственных отношений.

Но вот тут-то и обнаруживается значение принципа историзма для такого рода обобщений. Характерным приемом обобщений у буржуазных экономистов служит такая абстракция (об этом специально будет речь впереди), с помощью которой все конкретное испаряется и остаются самые общие определения, характеризующие любую ступень развития. Хозяйство Робинзона, являющееся любимой моделью у таких экономистов, демонстрирует подобные абстракции. Марксовы абстракции и обобщения имеют другой характер. Это — конкретные абстракции, т. е. абстракции, схватывающие сущность явлений, погруженных

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 545.

в их естественную историческую среду, вне которой они так же немыслимы, как немыслимо растение вне почвы, из которой оно произрастает. Определяя производство прибавочной стоимости в качестве «абсолютного закона» буржуазного общества, Маркс показывает, что исследовать этот закон, вывести его из научного анализа действительности можно, лишь выявив определенные исторические условия, выражением которых он только и может явиться. «Природа, — замечает Маркс, — не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы (Маркс имеет в виду те элементы, внутренняя необходимая связь и отношение которых и составляет закон прибавочной стоимости. — *М. Р.*). Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства» [1].

Таким образом, самое глубокое определение закон получает через обобщение сущности явлений. Эта последняя и есть та постоянно действующая причина, которая обусловливает существование и действие определенных законов. Если воспользоваться терминологией Спинозы, то можно было бы сказать, что сущность вещей составляет natura naturans, т. е. «природу производящую», источник внутренне необходимой связи и сцепления явлений, в которой и находит свое выражение закон.

3. У Маркса понятие закона тесно связано еще с одним понятием, позволяющим осознать, что такое закон. Это — понятие *естественноисторического процесса,* раскрывающее ту важную сторону закона, что его действием обусловливается определенная тенденция, направление развития, независимые от сознания людей.

Раскрывая объективные законы явлений, Маркс прослеживает, как действуют эти законы, как объективное сцепление причин и следствий, связи и взаимодействие явлений обусловливают закономерный переход от одной ступени развития к другой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 180.

«Я смотрю, — пишет Маркс, — на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс...» [1]

Но что такое, по Марксу, «естественноисторический процесс»? Рассматривать общественное движение как естественноисторический процесс означает не что иное, как раскрывать внутреннюю, необходимую связь объективных явлений и фактов, прослеживать независимую от воли людей обусловленность одних фактов другими, закономерную смену одной ступени развития другой. Понятием естественноисторического процесса Маркс подчеркивает то обстоятельство, что в обществе, как и в природе, процессы обусловлены необходимостью, объективными законами.

В отличие от проявления объективных законов в природе в общественной жизни их проявление осложняется тем, что здесь действуют люди, ставящие перед собой определенные цели, и движение общества происходит в форме действий и поступков людей. Но от этого общественное движение не перестает быть естественноисторическим процессом. Это движение имеет такой характер потому, что главной, решающей силой общества являются условия материальной жизни людей, способ производства материальных благ. Не люди выбирают себе способ производства «по желанию», а, напротив, существующий способ производства определяет все стороны данного общественного строя, в том числе и общественное сознание людей. Первобытнообщинный строй, например, как и любой другой строй, не был плодом сознательного выбора людей. Он явился закономерным результатом внутренней, необходимой связи, всегда существующей между уровнем производительных сил и формой общественной жизни. Первое есть причина, основание, а второе — следствие, результат. Раз существует данная причина, то необходимо существует и соответствующее ей следствие. Изменение условий, исчезновение одних причин и оснований и возникновение других причин и оснований закономерно порождает и новые следствия, и результаты. Изменился уровень производительных сил первобытного общества, выросла производительность труда людей — возникла целая цепь новых следствий и результатов: появление общественного разделения труда, возникновение на его основе частной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 10.

собственности, раскол ранее бесклассового общества на противоположные классы. Первобытнообщинный строй в результате уступил место строю рабовладельческому. Этот переход совершился как естественноисторический процесс.

Это и имеет в виду Маркс, когда заявляет, что он смотрит на развитие общественно-экономической формации как на естественноисторический процесс. Следовательно, в основе этого процесса лежит необходимая связь между причинами и их следствиями, взаимодействие причин и следствий, обусловливающих закономерный переход от одних ступеней к другим. Именно эту сторону объективной диалектики отметил В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», указывая, что связь явлений дает единый, закономерный процесс движения.

В «Капитале» дан глубокий анализ буржуазной социально-экономической формации в ее едином, закономерном процессе движения. Шаг за шагом Маркс раскрывает объективную логику связей и взаимозависимостей капиталистического способа производства, обусловленность одних фактов другими, одних ступеней и форм развития другими и показывает, куда ведет эта объективная логика, каков ее неизбежный финал. Перед нашим взором развертывается грандиозная картина, в которой все части и элементы неразрывно связаны друг с другом, обусловливают друг друга и из которой ничего нельзя выбросить, не нарушив живой логики вещей.

Маркс анализирует сначала простое товарное производство и обращение и показывает, что они служат подготовительной ступенью для возникновения капиталистического способа производства. Первое создает предпосылки для второго. Их связь есть переход одного в другое.

Рассматривая капитал как закономерное следствие процессов, совершающихся в рамках простого товарного обращения, как результат действия закона стоимости, Маркс затем вскрывает сущность капиталистического способа производства. С неумолимой последовательностью Маркс показывает, какие следствия вытекают из основного закона буржуазного способа производства — закона производства прибавочной стоимости. «Производство прибавочной стоимости или нажива, — указывает Маркс, — таков абсолютный закон этого способа производства» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 632.

Раскрыв эту самую глубокую и сокровенную сущность капитала, Маркс как бы в один узел связывает этой сущностью все явления капиталистического производства и обращения.

Производство прибавочной стоимости возможно лишь благодаря эксплуатации рабочих. Хорошо известен тот механизм создания прибавочной стоимости, который раскрыл Маркс. Неутолимая жажда прибыли заставляет капиталиста удлинять рабочий день своих наемных рабов. Начинается жестокая борьба между рабочими и капиталистами из-за вопроса о продолжительности рабочего дня. Но рабочий день имеет свои пределы. Рост сопротивления со стороны пролетариата толкает капиталистов на поиски иного пути увеличения прибавочной стоимости. Таким путем является производство относительной прибавочной стоимости, создаваемой не за счет удлинения рабочего дня, а за счет повышения производительной силы труда, за счет сокращения необходимого рабочего времени, в процессе которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы. Капиталистическая кооперация, мануфактура и, наконец, крупная машинная промышленность — таковы методы и исторические ступени повышения производительной силы труда.

Все эти объективные, не зависящие от воли и сознания людей процессы приводят к определенным результатам: быстрыми шагами идет централизация и концентрация капитала и капиталистического производства. Мелкие и средние капиталисты не выдерживают бешеной конкуренции и разоряются. Все богатства буржуазного общества сосредоточиваются в руках немногих крупных и крупнейших магнатов капитала. Происходит гигантский процесс обобществления труда, производство становится все более общественным. Но этот общественный характер производства находится в несоответствии с частнокапиталистическим характером присвоения. Централизация средств производства и обобществление труда создают материальные предпосылки для возникновения нового, более высокого общественного строя — социализма.

Вместе с этим Маркс показывает, что с той же железной логикой и неумолимостью, с какой в силу сцепления и взаимодействия причин и следствий возникают объективные материальные предпосылки гибели капитализма и победы социализма, создаются и ее субъективные предпо-

сылки. В лице пролетариата капитализм всем своим механизмом выковывает ту революционную силу, исторической миссией которой является уничтожение буржуазного строя и построение нового, социалистического строя.

Таким образом, анализируя капитал, Маркс имеет дело с реальными фактами и с их объективной связью и сцеплением. Прослеживая эту связь, устанавливая, что определенные объективные причины порождают определенные следствия, а эти последние в свою очередь сами становятся причинами, порождающими новые следствия и т. д., Маркс раскрывает всю цепь явлений капиталистического производства и обращения, доведя свой анализ до последнего звена, за которым начинается жизнь уже нового социального организма.

4. Марксов детерминизм, нашедший свое яркое выражение в учении о законах капиталистического способа производства, о закономерном развитии как естественно-историческом процессе, ничего общего не имеет с упрощенным механистическим пониманием детерминизма. В естественных науках нередко сейчас это понятие употребляется в узком смысле, как синоним «лапласовского» детерминизма, при котором сцепление причин и следствий предопределяет уже в самом истоке определенные последствия как в существенных, так и в несущественных проявлениях, исключающие всякое влияние случайности, воздействие субъекта на объект и т. п. Квантовая механика установила, что в применении к микрочастицам такое понимание детерминизма уводит от истины, что здесь большую роль играет случайность, вне учета которой невозможно понять и необходимость. Но это, разумеется, нисколько не отрицает детерминированности, т. е. причинной обусловленности явлений, и в этой, как и во всякой другой, области природы. Все дело в том, что здесь причинно-следственная связь имеет более сложный характер.

Следует отметить, что марксизм никогда не проповедовал механистического понимания причинности, хотя антимарксисты до сих пор с упорством, достойным лучшего применения, приписывают ему это. Исключения не составляют и буржуазные экономисты новейшей формации, видящие свою заслугу в том, как отмечает Э. Жамс, что они отказались от «чистого (!) детерминизма марксистского или иного плана» и стремились отвести больше места «обновляющему действию, направляемому человеческой во-

лей». В действительности борьба против мнимого «чистого детерминизма», в котором марксизм, конечно, нисколько не повинен, означает отказ от исследования объективных законов развития капитализма и замену его волюнтаристскими концепциями всевозможного рода. Современные буржуазные экономисты полагают, что экономическую науку нужно дополнить этикой, а у Маркса-де «чистая экономика». Они, по свидетельству того же Жамса, ищут «экономическую норму», которая могла бы «удовлетворить защитников различных социальных идеалов». Нельзя не согласиться с оценкой подобных «исканий», выраженной в следующих его словах: «Но как не признать, что и эта попытка не привела в конечном итоге к успеху? И можно ли надеяться на то, что в этой области когда-либо будут достигнуты результаты?..» [1]

Марксистский детерминизм и марксистское понимание законов нисколько не отрицают роли человеческой воли и разума и их воздействия на ход исторических событий, а также на развитие природы. Далее, марксизм далек от фетишизации законов, от их понимания как некоего фатального процесса, который во все времена проявляется так, а не иначе. Связывая понятие закона с понятием естественноисторического процесса, Маркс отнюдь не фатализирует последний. Несомненно, общественное развитие, имеющее характер естественноисторического процесса, определяется в первую очередь объективными причинами, не зависящими от воли человека. Именно этот смысл Маркс и вкладывает в данное понятие, а также в понятие закона вообще. Поэтому в предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс, говоря о том, что он смотрит на развитие экономической формации как на естественноисторический процесс, разъясняет: «...поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [2].

Вместе с тем изучение произведения Маркса показывает, что задолго до современного естествознания философия диалектического материализма дала совершенно иную, нежели лапласовская, трактовку детерминизма и

---

[1] *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в., стр. 561.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 10.

понятия закона. Прежде всего Маркс рассматривает законы капиталистического производства как законы-*«тенденции»*, т. е. как законы, которые пробивают себе дорогу сквозь массу препятствий и отклонений. Они проявляются не как чистая необходимость, а в виде средне идеального, обнаруживающегося лишь в действии массы отдельных явлений и в длительный промежуток времени. «Вообще, — пишет по этому поводу Маркс, — при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [1].

Эту сторону Марксова понимания законов капитализма необходимо особо подчеркнуть, с тем чтобы доказать беспочвенность утверждений противников материалистического понимания истории, будто с точки зрения последнего законы — это нечто вроде античного рока, фатума и т. п. Для законов капитализма характерна «запутанность» действия и проявления, они выступают как «никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний». При социализме, как будет показано в дальнейшем, законы действуют и проявляются существенным образом иначе. Однако общее положение Маркса о сложном характере законов, о действии их как господствующей тенденции относится так или иначе ко всяким экономическим законам.

Маркс не признает «чистой» необходимости в законе, тем более если речь идет о законах капиталистического производства, основанного на частной собственности и анархии производства. В законе необходимость всегда переплетена со случайностью и пробивает себе дорогу через случайности. Это взаимодействие необходимости и случайности особенно сильно сказывается в законах капитализма, которые реализуются в движении противоречий, т. е. выступают как результат движения и взаимодействия противоречий. Маркс показывает это на примере закона стоимости — регулятора товарного производства. Вся вульгарная политическая экономия — и старая, и современная — пытается объявить регулятором товарного производства вместо закона стоимости закон спроса и предложения. Еще Рикардо решительно отвергал эти претензии вульга-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 176.

ризаторов. В одном из писем к Мальтусу, защищавшему эту концепцию, он заявил: «Вы говорите, что спрос и предложение регулируют стоимость. Сказать так — значит, по моему мнению, ничего не сказать...» [1] Рикардо, однако, не сумел выяснить до конца ни сущности закона стоимости, ни механизма его действия. Это сделал Маркс.

Закон стоимости, по Марксу, осуществляется в движении и борьбе различных противоположностей, в том числе и таких, как спрос и предложение. Взаимодействие последних неизбежно приводит к отклонениям от равенства труда, т. е. от стоимости товаров, в силу чего создается видимость, будто их колебания и создают стоимость. В действительности же движение и борьба этих противоположностей показывают, что в их основе лежит нечто третье, составляющее сущность всего этого движения. «Так как отклонения от равенства, — пишет Маркс, — имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как *постоянное движение их противоречия*. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, если рассматривать их среднюю величину, выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус» [2]. Только тогда, когда спрос и предложение покрывают друг друга — а этого никогда не бывает или бывает очень редко, — лишь тогда «общий закон определения цены» выступает «как закон и для отдельного случая». Рыночная цена тогда соответствует «уже в своем непосредственном

---

[1] *Давид Рикардо.* Соч., т. V. Соцэкгиз, 1961, стр. 111.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 208 (курсив мой. — *М. Р.*).

бытии, а не только как средняя движения рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства»[1].

Как мы видим, Марксово понимание законов ничего общего не имеет с тем плоским пониманием детерминизма, которое приписывают марксизму его противники.

Марксово понимание законов как тенденций, как господствующего направления развития имеет еще и другой смысл. Подчеркивая объективный характер экономических законов, их независимость от субъекта, от его сознания и воли, Маркс нисколько при этом не игнорирует роли последних даже в условиях той формации, где господствуют различные формы отчуждения. Понятие закона-тенденции у Маркса означает, что субъект хозяйственной деятельности может вмешиваться в экономический процесс и способствовать (осознанно или неосознанно) реализации закона тогда, когда это ему выгодно, или противодействовать ей тогда, когда действием законов ему наносится ущерб. А это снова означает, что законы реализуются лишь в форме движения противоречий, в форме борьбы противоположных тенденций. И от этой борьбы зависит, как реализуется экономический закон: пробьет ли он себе дорогу сквозь все рогатки, воздвигаемые на его пути противодействующими ему тенденциями, или влиянием последних его действие будет ограничено.

Маркс в своем анализе экономических законов придает огромное значение этой стороне вопроса. Ее необходимо особо подчеркнуть, ибо она важна для понимания некоторых особенностей развития современного капитализма. Эта сторона Марксова исследования закона ярко показывает, что в нем нет ни малейшего элемента механического детерминизма. Наиболее рельефно она выступает в примере с законом тенденции нормы прибыли к понижению. Вся предшествующая политическая экономия, как указывает Маркс, наблюдала эту тенденцию, «мучилась» в попытках объяснить ее, но так и не сумела открыть управляющий ею закон. Тенденцию общей нормы прибыли к понижению Маркс рассматривал как выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда. Известно, какими факторами обусловлено это понижение: решающее значение здесь имеет рост органического строе-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 391.

ния капитала. Но Маркс не ограничивается указанием причин, определяющих существование данного закона. Он тщательнейшим образом исследует и те факторы, которые действуют в направлении, противоположном действию этого закона, вследствие чего последний, как говорит сам Маркс, выступает не в «абсолютной форме, а скорее как тенденция к прогрессивному понижению» [1]. Эти факторы таковы: повышение степени эксплуатации труда, понижение капиталистами заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала и др. Говоря, например, о первом факторе, Маркс указывает, что он не уничтожает закона, но приводит к тому, что «этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами» [2]. В этом же духе действуют и остальные факторы. Поэтому Маркс снова и снова повторяет, что «закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени» [3].

При этом следует заметить, что противодействующие факторы связаны с деятельностью людей, в данном случае — с сознательным стремлением капиталистов воспрепятствовать прогрессивному движению общей нормы прибыли к понижению.

Как мало похож этот анализ на то, что приписывают Марксову детерминизму всевозможные его буржуазные истолкователи!

Следовательно, по Марксу, та форма, в которой в тот или иной отрезок времени проявится рассматриваемый закон, зависит от *движения и разрешения противоречий, от исхода борьбы противоположных тенденций.* Конечно, эта борьба не может окончательно парализовать закон, который так или иначе пробивает себе путь, ибо его истоки коренятся в глубочайшей сущности капиталистического способа производства, в его противоречиях. Путем конкретного экономического анализа Маркс устанавливает, что меры, предпринимаемые с целью замедлить понижение нормы прибыли, сами имеют противоречивый характер и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 233.
[2] Там же, стр. 257.
[3] Там же, стр. 262.

их конечным следствием является понижение нормы прибыли. Так, с развитием производительной силы труда, которое замедляет понижение нормы прибыли, происходит относительное уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной части. Но оба эти момента, указывает Маркс, «нельзя рассматривать только в том состоянии спокойного сосуществования их друг возле друга, в каком их изучает Рикардо; они заключают в себе противоречие, обнаруживающееся в противоречивых тенденциях и явлениях. Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого» [1]. Это противоречие представляет собой выражение коренного противоречия капитализма, заключающегося в том, что безграничное развитие производительных сил наталкивается на тормозящую силу буржуазных экономических отношений.

То, что было сказано о законе тенденции нормы прибыли к понижению, можно отнести и к другим экономическим законам капитализма. Правда, возникает вопрос: можно ли считать всякий закон тенденцией? Ведь Маркс специально оговаривает, что специфическая характеристика рассмотренного закона, состоящая в его «тенденциозности», существует в силу противодействующих факторов, ограничивающих действие этого закона. Именно вследствие их существования, пишет Маркс, «...мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению» [2]. Но можно ли считать, скажем, закон прибавочной стоимости или всеобщий закон капиталистического накопления законами-тенденциями? К этому вопросу нужно подойти диалектически. И тот и другой законы Маркс называет «абсолютными», подчеркивая этим их решающее значение для понимания и характеристики капитализма. Закон прибавочной стоимости не может считаться лишь тенденцией, поскольку он действует постоянно и проявляется в каждый данный момент капиталистического производства. И его действие обнаруживается не в течение продолжительного времени, как, скажем, действие закона тенденции нормы прибыли к понижению, а в любой момент времени. Он реализуется не как среднее массы явлений, а именно как «абсолютный» закон.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 272—273.
[2] Там же, стр. 254.

Вместе с тем этот закон, как и всеобщий закон капиталистического накопления, обнаруживает и черты закона-тенденции. Ведь, согласно Марксу, одной из таких черт является существование противодействующих факторов, ограничивающих действие закона. Такими факторами в случае с законом прибавочной стоимости и с всеобщим законом капиталистического накопления являются борьба рабочего класса против буржуазной эксплуатации, наличие профсоюзных и других пролетарских организаций, выступающих за сокращение рабочего дня, за увеличение заработной платы и пр. Понятно, что от степени развития этих факторов, от уровня организованности эксплуатируемых масс зависит и то, как будут действовать и проявляться указанные законы. Нельзя исследовать действие и формы проявления этих законов, отвлекаясь от противодействующих факторов. В противном случае могут возникнуть серьезные ошибки при анализе действительности в тот или иной период развития капитализма.

Покажем это на примере всеобщего закона капиталистического накопления. Известно, что сущность этого закона, как он сформулирован Марксом, состоит в том, что, «чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания», тем больше промышленная резервная армия, тем больше возрастает нищета рабочих. Этот закон, следовательно, включает в себя в качестве важного элемента не только относительное, но и абсолютное обнищание рабочего класса, возрастающее по мере развития капитализма. «Он, — пишет Маркс, — обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала» [1]. Однако, формулируя этот закон, Маркс сразу же делает очень важное добавление: «Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...» [2]

Смысла этого добавления не поняли многие из тех, кто уже в конце прошлого века пытался ревизовать Маркса, в частности пересмотреть и этот закон, доказать, что он якобы оказался необоснованным в новое время, так как-де не наблюдается роста нищеты рабочего класса. С подобными взглядами выступил Бернштейн. Некоторые

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 660.
[2] Там же, стр. 659.

хлопоты, как известно, данный закон доставил и отдельным современным марксистам, не понявшим глубокого методологического смысла приведенного выше добавления к основной формуле закона. На том основании, что в ряде развитых капиталистических стран рабочему классу удалось путем трудной борьбы добиться сносных условий существования, некоторые марксисты склонны были либо считать закон абсолютного обнищания недействительным на современном этапе буржуазного общества, либо вопреки фактам утверждать, что в этих странах имеется рост обнищания рабочих масс. Между тем, говоря о модификации всеобщего закона капиталистического накопления многочисленными обстоятельствами, Маркс как раз имел в виду противодействующие этому закону факторы, так или иначе ограничивающие его действие, обусловливающие неоднозначные формы его действия в разных условиях и в разное время. Это хорошо выяснил еще Ленин в своей рецензии на одну из книг Каутского.

Споря с Бернштейном, объявившим устаревшей Марксову теорию обнищания пролетариата, Ленин писал: «Маркс говорил о росте нищеты, унижения и проч., указывая наряду с этим и противодействующую тенденцию и те реальные общественные силы, которые одни только и могут порождать эту тенденцию» [1]. Когда рабочий класс не организован и его борьба против эксплуатации не имеет большого успеха, закон действует и проявляется в «чистом виде». Когда же рабочий класс хорошо организован в борьбе против буржуазии и силе своих угнетателей противопоставляет свою силу (как это имеет место сейчас), свободному действию закона ставятся серьезные препятствия. Стоит только хоть немного ослабнуть борьбе пролетариата, чтобы действие этого закона сказалось с полной силой. Ибо, как говорит Маркс, «постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого (т. е. предельно невыгодного для них. — *М. Р.*) нигилистического уровня» [2]. В этом смысле и рассматриваемый закон есть «тенденция», господствующая тенденция, неразрывно связанная с самой сущностью, природой капитализма, и исчезнуть он может лишь с уничтожением капиталистического строя.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 208.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 613.

Таким образом, изучение марксовского подхода к экономическим законам позволяет сделать важный вывод о том, что закон есть *форма движения и реализации противоречий* и что исследовать законы нужно путем всестороннего учета и анализа тех противоречий и противоположностей, из взаимодействия которых складываются законы развития.

4

Исследуя капиталистическое производство, Маркс анализирует законы, имеющие разную природу. Одни из них представляют собой общие законы, действующие в нескольких формациях, но проявляющиеся по-разному в каждую историческую эпоху. Другие выступают в качестве специфических законов именно данного, капиталистического способа производства. Вопрос о различении и связи, взаимодействии общих и специфических или частных законов чрезвычайно важен в плане метода исследования каждого особого социального организма. В этой связи представляет интерес приводимая Марксом в послесловии ко второму изданию своего произведения выдержка из рецензии на «Капитал», написанной русским экономистом Кауфманом.

«Иному читателю, — говорится в рецензии, — может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами». Научная цена метода Маркса, на взгляд рецензента, «заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и заменение его другим, высшим» [1].

Маркс одобряет мысль рецензента об историческом характере общественных законов, о том, что каждый способ

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 20—21.

производства имеет свои особые, специфические, «частные» законы существования и развития. Весь «Капитал» дает пример исследования особых исторических законов — законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства.

Конечно, слова рецензента о том, что Маркс не признает общих законов, действующих в любой общественной формации, не соответствуют истине. Маркс признавал существование таких общих экономических законов и всячески подчеркивал огромное значение познания их. Во введении к экономическим рукописям 1857—1858 гг. Маркс специально разъясняет важность общих определений, общих законов, свойственных всем ступеням развития общественного производства. Он указывает, что все исторические эпохи производства имеют некоторые общие признаки, некоторые общие определения, которые нельзя упускать из виду при исследовании конкретных исторических эпох.

«*Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство...» [1]

Известно, что Маркс не ограничился указанием на существование общих законов производства. В предисловии к книге «К критике политической экономии» он дал гениальную формулировку исторического материализма, который есть не что иное, как учение об общих законах развития общества. В этом предисловии Маркс сформулировал важнейший закон, действующий в любой формации, закон, объясняющий развитие исторически конкретных способов производства, смену одних способов производства другими. Речь идет о законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил [2]. Маркс от-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 711.

[2] Следует отметить, что формулировка этого закона, хотя она и общепринята, не передает всей его сущности, его содержания. Развитие способа производства включает в себя как соответствие,

крыл и научно объяснил действие этого закона в развитии капиталистического способа производства.

В «Капитале» Маркс неоднократно подчеркивает некоторые общие определения, свойственные как капиталистическому производству, так и другим способам производства. Например, Маркс указывает, что, какова бы ни была общественная форма процесса производства, этот процесс должен быть непрерывным, он должен периодически проходить одни и те же стадии. Иначе говоря, воспроизводство есть то общее, что свойственно всем формациям, без чего невозможно существование общества. Марксовы схемы расширенного воспроизводства имеют значение для понимания не только капиталистического, но и социалистического производства. Положения Маркса о делении общественного производства на два подразделения (производство средств производства и производство предметов потребления), о взаимоотношении между этими подразделениями, о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве, о прибавочном продукте как единственном источнике накопления и т. д. являются общими как для капиталистического, так и для социалистического способов производства, несмотря на коренное различие, существующее между ними.

Указывая на важность познания общих законов производства, Маркс вместе с тем подчеркивает, что с помощью одних только общих определений ничего нельзя понять в каждой конкретной ступени исторического развития.

Полемизируя с буржуазными экономистами, сочиняющими некие «вечные» законы, Маркс пишет во «Введении» к экономическим рукописям 1857—1858 гг.: «...есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» [1]

так и момент противоречия, несоответствия между производительными силами и производственными отношениями. Если бы этого момента противоречия не было, то отсутствовал бы источник смены одного способа производства другим. Таким образом, противоречие также является элементом этого общего закона.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 714.

Дело в том, что общие законы именно потому, что они *общие,* т. е. абстрагированы от конкретно-исторических черт каждой формации, не действуют и не могут действовать одинаково в любых исторических условиях. Они действуют, всегда преломляясь через эти конкретные исторические условия. Сама природа законов в понимании марксизма такова, что они не могут действовать и обнаруживаться одинаково в различных условиях. Это и естественно, ибо закон выражает *общее* и существенное в массе явлений. И именно потому, что закон охватывает и выражает общее, что он есть квинтэссенция многочисленных явлений, он в реальной действительности не может проявляться однозначно, иметь какую-то раз навсегда данную, так сказать, стандартную форму выражения. В своем проявлении он необходимо видоизменяется в зависимости от тех условий, в которых он действует. Это относится не только к общим, но и к специфическим законам, однако особенно важно это учитывать, когда речь идет об общих законах.

Так, например, создание средств существования с помощью орудий производства, безусловно, характеризует любую историческую ступень развития человечества, любой способ производства. Но многого ли можно добиться этим одним лишь общим определением при анализе конкретной социально-экономической формации? Маркс поэтому требует исследования специфических форм проявления общих законов и анализа тех *конкретных, особых законов,* которые характеризуют данный социальный организм, определенный исторический способ производства. В связи с этим Маркс высказывает чрезвычайно глубокую мысль, имеющую первостепенное значение для понимания сущности диалектического метода: мысль о том, что при исследовании того или иного явления важно выделить не только то общее, что свойственно ему наряду с другими явлениями, но и то *особое, специфическое,* что присуще только ему.

Орудия производства существуют на любой ступени развития общества, без них нет производства. Но и лук со стрелами первобытного охотника, и машины, которые употребляет в дело капиталист, есть орудия производства. Если скрыть, затушевать то *специфическое,* что превращает в капитал те орудия производства, с помощью которых буржуа выжимает из рабочего прибавочную стои-

мость, то легко объявить и первобытного охотника капиталистом. Именно так и поступают буржуазные экономисты. «...При удобном случае *буржуазные* отношения, — пишет Маркс, — совершенно незаметно протащить в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto. Такова более или менее сознательная цель всего этого приема» [1].

Представители вульгарной политической экономии эпохи империализма много рассуждают об «универсальных» экономических законах. Но эти «законы» никакого отношения не имеют к тем реальным законам, которые действительно отражают наиболее общие условия и движущие силы развития общественного производства. Их «общие законы» представляют собой не что иное, как фальсифицированные буржуазные отношения, обработанные в идиллическом духе и выдаваемые за естественные основы существования всякого общества.

Американский экономист Кларк в своей книге «Распределение богатства» посвящает целую главу «универсальным экономическим законам». Один из таких законов — «закон предельной полезности» (который в той или другой форме давно использовался и ныне используется вульгарной буржуазной политической экономией в целях защиты капитализма).

Как сочиняются эти «универсальные» законы? Исходным пунктом служит опять-таки деятельность изолированного человека. Высмеянная Марксом и Энгельсом робинзонада вновь извлекается из-под спуда буржуазной «экономической наукой». Жизнь Робинзона, говорит Кларк, была введена в экономическое исследование по той причине, что принципы, управляющие хозяйством изолированного человека, продолжают руководить и современной экономикой.

С этой точки зрения «закон предельной полезности» означает следующее. Дикарь, рассуждает Кларк, производит какую-нибудь вещь, необходимую ему для потребления. Прибавляя к единице данной вещи новые единицы, он дойдет до предела, за которым эта вещь начнет утрачивать свою полезность. Тогда, пресытив свои желания и потребности, он перейдет к изготовлению другой вещи. Этот «закон предельной полезности», заключает Кларк,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 713.

общ для всех экономических систем. Он лежит и в основе капиталистического производства. Движение труда и капитала, переливы капитала из одной области в другую определяются этим законом. Рынки и ценности выступают при этом в роли механизма исполнения. Этот механизм он называет действием общества, экономящего свои производительные силы и направляющего их туда, где они принесут наибольшую пользу.

Таким образом, оказывается, что капиталисты, олицетворяющие буржуазное производство, только о том и думают, чтобы принести людям пользу. Эксплуататоры, которые живут одним лишь стремлением к наживе, изображаются в виде альтруистов, пекущихся о благе человечества. Оказывается, далее, что стихийное распределение труда и средств производства, происходящее на основе характерного для капитализма закона конкуренции и анархии производства и определяемое всецело погоней капиталистов за прибылью, есть «общий» закон, регулирующий процесс создания богатства «во всех экономических системах». Разрушительное действие слепых сил капиталистического общества, связанное с огромной растратой материальных и человеческих ресурсов, выдается за «действие общества, экономящего свои производительные силы».

Такой же характер имеют и другие «универсальные экономические законы» Кларка, например, закон «специфической производительности». Вся суть этого закона состоит в том, будто труд и вещественные компоненты капитала одинаково производят богатство, которое затем «справедливо» распределяется между капиталистами и рабочими.

Исходным пунктом и этого «закона» является производство «человека, живущего в уединении». Дикарь, например, ловит рыбу. Этот процесс характеризуется определенной производительностью труда. Но вот дикарь изготовляет лодку, которая делает рыбную ловлю более производительной. Эта бóльшая производительность есть продукт вещественных свойств лодки. Теперь остается только провозгласить, что Кларк и делает, что лодка дикаря есть капитал, гармонически сотрудничающий с его трудом, и все необходимые элементы для изготовления «универсального экономического закона» налицо.

Этот «закон» гласит: «Повсюду, где труд и капитал сотрудничают, мы обнаружим при достаточной проницательности определенный продукт, могущий быть вмененным отдельной единице каждого из них» [1]. Это значит, что при капитализме рабочему «вменяется», т. е. выплачивается, полностью продукт его специфической производительности, а капиталу — продукт его производительности.

И старые, и современные буржуазные экономисты как огня страшатся анализа *специфики*, специфической определенности каждой (и особенно капиталистической) общественной ступени и конкретно-исторических законов, действующих в данной формации. Они знают только одну категорию законов — «универсальные», надысторические, стирающие всякие качественные грани между различными ступенями общественного развития.

Между тем, как показывает Маркс, не общее, свойственное всем формациям, позволяет понять конкретные движущие силы и мотивы развития каждого отдельного социального организма, а то специфическое, что отличает один организм от другого.

Например, чтобы узнать, почему лук со стрелами в первобытном обществе не становится капиталом, а машины при капитализме становятся им, нужно выделить и исследовать то *специфическое*, что свойственно каждой из этих *исторических* ступеней развития, понять *конкретные исторические законы этих ступеней развития*. Вне этого нет научного метода познания.

Говоря о некоторых общих чертах всякого производства, Маркс пишет: «Без них немыслимо никакое производство; хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, которые действительны для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений. Они

---

[1] *Дж. Б. Кларк.* Распределение богатства. Соцэкгиз, 1934, стр. 66.

доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый, объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают *как раз то специфическое, что одно только и делает «орудие производства», «накопленный труд», капиталом»* [1].

Маркс, следовательно, требует выделять специфическое в явлениях, ибо именно оно выражает историческое своеобразие каждой ступени развития. В этом заключается одно из важнейших требований марксистского диалектического метода.

Любой закон капиталистического способа производства, раскрытый и научно обоснованный Марксом в «Капитале», воплощает в себе специфически исторические условия капитализма. Это законы данной исторической эпохи, действующие лишь в определенных исторических рамках и уступающие место другим законам, как только изменяются условия. Таковы законы прибавочной стоимости, средней нормы прибыли, капиталистического воспроизводства и накопления и др.

Так, законом всех эпох является уменьшение затраты человеческой силы с ростом производительности труда. Маркс указывает, что этот закон при капитализме выражается в том, что, чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятия, поэтому тем ненадежнее условия их существования. Рабочее население постоянно возрастает быстрее, чем потребность в самовозрастании капитала.

Отсюда Маркс выводит и специфически исторический закон народонаселения. В капиталистическом обществе неизбежно возникновение относительно избыточного населения, т. е. избыточного не в абсолютном, а в относительном смысле слова, избыточного по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании. На империали-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 711 (курсив мой. — *М. Р.*).

стической стадии капитализма это перенаселение еще больше возрастает, а безработица становится хроническим явлением.

Маркс наголову разбивает буржуазных экономистов вроде Мальтуса с их абстрактными и «вечными» законами народонаселения. Законы народонаселения, по Марксу, столь же историчны, как и любые другие общественные законы. Говоря об относительном избытке населения при капитализме, Маркс делает следующий общий вывод: «Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения, так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек» [1].

Насколько пронизан духом диалектического историзма подход Маркса к общественным законам, показывает тот факт, что даже и конкретные, специфические законы он рассматривает как исторически развивающиеся и изменяющиеся. Каждый способ производства проходит различные стадии, которые не могут не наложить известный отпечаток на действие тех или иных законов. Например, закон производства прибавочной стоимости в период мануфактурного капитализма проявляется главным образом в виде борьбы капиталистов за удлинение рабочего дня, за увеличение абсолютной прибавочной стоимости. В период крупной машинной промышленности этот закон осуществляется преимущественно путем борьбы за увеличение относительной прибавочной стоимости.

Исторические изменения одних и тех же экономических законов, происходящие в связи с изменением условий, можно проследить на примере закона стоимости. В известном добавлении к третьему тому «Капитала» Энгельс указывал, что этот закон действовал 5—7 тыс. лет, т. е. *в течение* огромного периода, начинающегося с первых зачатков обмена, превратившего продукты в товары. Это значит, что закон стоимости существовал и действовал в разных социально-экономических формациях. Было бы грубой ошибкой полагать, что этот закон оставался неизменным, несмотря на смену одной формации другой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 645—646.

В течение длительного времени до возникновения капиталистического способа производства закон стоимости был законом простого товарного производства и не порождал капиталистических отношений, хотя на базе простого товарного производства медленно вызревали предпосылки для возникновения капитализма. В период рабовладельческого и феодального общества уже имелись товарное производство и обращение, но все же господствующей формой хозяйства было натуральное хозяйство. Это обстоятельство ограничивало действие закона стоимости, не давало ему широкого простора для развертывания. В полную силу развернулся этот закон лишь в условиях капиталистического производства. Только здесь стоимость приобрела свойство «самовозрастать», производить прибавочную стоимость. Как показал Маркс, при капиталистическом производстве и обращении стоимость выступает в измененной, «превращенной» форме цены производства. Закон стоимости в этих условиях конкретизируется как закон цен производства.

В условиях монополистического капитала действие этого закона еще больше модифицируется (см. по этому вопросу работу Г. А. Козлова «Действие закона стоимости в условиях современного капитализма». «Мысль», 1964).

Поскольку в социалистическом обществе, т. е. на первой, низшей стадии коммунизма, сохраняются еще товарное производство и обращение, постольку важную роль неизбежно играет в экономическом развитии и закон стоимости. Однако в условиях социализма действие этого закона осуществляется на основе общественной собственности и служит не целям капиталистической наживы, а росту общественного благосостояния.

В социалистическом обществе он включен в систему других, специфических для этого общества законов и соответственным образом модифицируется их действием. Переход к коммунизму и замена товарного обращения прямым распределением будет означать конец закона стоимости. До этого же, как свидетельствует практика социалистического хозяйства, его роль очень существенна.

Итак, если общие законы выражают те черты и свойства, которые важны и характерны для производства вообще и без которых немыслимо общественное производство независимо от его исторической формы, то «частные», или специфические, законы выражают отличие одних

исторических ступеней от других, то «особенное», что свойственно каждому социальному организму. И те и другие существуют и функционируют в неразрывной связи друг с другом и реализуются в порядке сложного диалектического взаимодействия. Это самостоятельный вопрос, требующий специального выяснения, в настоящей же работе могут быть сделаны лишь необходимые краткие замечания.

Говоря об общих законах производства, Маркс указывает, что их выделение важно с точки зрения установления «единства» всех ступеней развития производства. Это единство, по мнению Маркса, обусловлено уже тем, «что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же». Оно обусловлено также и рядом общих социальных факторов, лежащих в основе всякой исторической формы производства (о некоторых из них шла речь выше). Из этого можно сделать вывод, что роль и функция таких законов состоит в том, что благодаря их действию все ступени исторического развития производства и общества вообще связываются в единый закономерный процесс. Поэтому, как ни важно в процессе познания установить специфику законов каждой особой формации, было бы ошибкой игнорировать и упускать из виду общие законы, действующие во всех формациях. Прогресс познания, в частности, заключается в том, что познаются все более общие законы, позволяющие вскрыть и понять единство мира. Это ярко обнаруживается на примере естествознания, открывающего фундаментальные общие законы материи, такие, как законы сохранения, законы строения материи и др. Кибернетика, например, обнаружила некоторые важные общие законы управления, законы получения, переработки и хранения информации, свойственные столь различным объектам, как машина, человек, общественная организация. Это знаменует новый шаг на пути познания единства мира.

Такую же функцию выполняет исследование общих законов развития производства и шире — развития общества в целом. Достаточно в этом смысле сослаться на значение закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В своем предисловии к «К критике политической экономии» Маркс действием именно этого закона и всеобщего закона взаимодействия базиса и надстройки объясняет переход одной исторической

формы производства в другую и их связь как единого процесса. Это, разумеется, не значит, что только общие законы делают такую «работу», что к ней никакого отношения не имеют частные законы. Последние своим действием подготавливают «самоотрицание» данной формации, но сами по себе эти законы не способны объяснить закономерное развитие общества в целом. Скажем, закон прибавочной стоимости или закон капиталистического накопления исключительно важны для понимания того, почему из недр капиталистического строя вырастают предпосылки социалистического, а не какого-либо другого общества. Но ни эти, ни другие частные законы не способны объяснить развитие производства, общества *в целом, единство* и переходы всех общественных форм. Это уже функция общих законов.

Если общие законы служат основой единства различных формаций, то частные, специфические законы, согласно Марксу, выполняют роль «двигателя» производства на данной конкретной ступени исторического развития, раскрывают в своей совокупности механизм действия конкретного способа производства. Для этой цели никакие общие законы сами по себе непригодны. Этим и объясняются слова Маркса, что с их помощью «ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя».

Говоря о роли общих и специфических законов, следует отметить, что общие экономические законы действуют не изолированно от специфических законов каждой исторической ступени производства. Напротив, они находят свое конкретное выражение в специфических законах, действуют через посредство последних. Например, общий экономический закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил действует через посредство конкретных экономических законов. Такие специфические экономические законы капитализма, как закон прибавочной стоимости, закон конкуренции, закон капиталистического накопления и другие, на первых этапах развития буржуазного общества способствовали действию указанного общего закона. Погоня за прибылью, конкуренция между капиталистами и т. п. двигали вперед производительные силы общества, поднимали технику производства, позволяли обществу накапливать огромные материальные богатства. По сравнению с отжившими свой

век законами феодального способа производства специфические законы капитализма были в тот период мощным двигателем развития производительных сил. В этом их действии находило свое выражение соответствие между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества в пору его восходящего развития.

В социалистическом обществе требования того же общего экономического закона осуществляются посредством действия основного экономического закона социализма, закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, закона социалистического накопления и др. Благодаря действию этих законов осуществляется невиданное ранее развитие общественного производства, что служит проявлением соответствия социалистических производственных отношений общественному характеру производительных сил.

Однако было бы неправильным, как это иногда делается, на основании тесной связи общих и специфических законов растворять первые во вторых, отрицать самостоятельное действие общих экономических законов. Во-первых, ни один из специфических законов в отдельности, ни совокупность нескольких таких законов не исчерпывают сути того или иного общего закона, например закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Во-вторых, специфические законы могут действовать в направлении требований общего закона, но могут действовать и вразрез с этими требованиями. Все зависит от исторических условий, в которых выступают эти специфические законы. Известно, что одни и те же законы капитализма в период его восходящего развития способствовали осуществлению требований общего закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, в пору же нисходящего развития буржуазного общества тормозят его действие, противоречат реализации этих объективных требований. Например, действие закона конкуренции и анархии производства находится в несоответствии с общественным характером современного капиталистического производства, которое требует планомерного, сознательно контролируемого, а не стихийного развития. То же самое происходит и с действием основного экономического закона капитализма.

Что это так, можно видеть из тенденций развития современного капитализма. Как уже отмечалось выше, более или менее нормальное функционирование и воспроизводство буржуазной экономики в условиях невиданной ранее концентрации производства невозможно на базе стихийного рыночного механизма, чем и вызвано осуществляемое в широких масштабах вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Превращение монополистического капитализма в государственный монополистический капитализм есть объективный процесс, обусловленный дальнейшим ростом обобществления производства. Сами специфические законы капитализма толкают своим действием буржуазную экономику в направлении социалистических форм хозяйства, к отрицанию отжившей капиталистической формы. В рамках буржуазного производства эти процессы обобществления означают, что объективное развитие неумолимо требует коренного изменения старых производственных отношений и приспособления их к новому характеру производительных сил.

Вот тут-то последнее слово принадлежит действию общего закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Поскольку капитализм в своем развитии, как и любая другая формация, подчиняется и общим законам, то, как бы ни сопротивлялись силы отжившего строя, эти общие законы должны быть реализованы, и, как показывает опыт всемирной истории человечества, они полностью реализуются. Победа социалистического строя во многих странах мира достаточно красноречиво об этом свидетельствует.

Таким образом, нельзя сводить те или иные общие экономические законы к частным, специфическим законам, растворять общие законы в частных, хотя нельзя их и противопоставлять как независимые друг от друга. Только учет действия как тех, так и других законов, учет всей сложной диалектики взаимоотношения между ними есть условие подлинно научного исследования действительности.

Исторический характер законов, как показывает Маркс в «Капитале», заключается не только в том, что общие законы проявляются по-разному в разных условиях, что каждый способ производства имеет свои специфические законы, что сами эти специфические законы изменяются в рамках одной формации на различных ее

стадиях. В «Капитале» Маркс большое внимание уделяет своеобразию действия и форм проявления объективных экономических законов при капитализме и при социализме. Показывая, как действуют законы в условиях капитализма, Маркс делает ряд важных указаний о том, как будут проявляться объективные законы при социализме. Опыт социалистического строительства в СССР и других социалистических странах полностью подтверждает предвидения Маркса. Вопрос этот настолько важен и интересен, что он заслуживает специального рассмотрения.

5

Маркс неоднократно говорит об экономических законах капитализма как о *слепо действующих силах*, уподобляя их *слепым* законам природы. Именно в этом он видит специфически историческую форму проявления и действия этих законов при капитализме.

Так, в третьем томе «Капитала» Маркс указывает, что в силу господства частной собственности и анархического характера капиталистического производства «внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю» [1]. Маркс указывает, что экономические законы капитализма проявляются по отношению к людям как слепая необходимость.

Показывая, что закон стоимости прокладывает себе дорогу сквозь постоянные колебания цен, сквозь массу случайностей, Маркс пишет: «Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний» [2].

«Слепой», стихийный характер действия экономических законов при капитализме объясняется природой буржуазного производства. При капитализме и не может

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 282.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 452—453.

быть сознательного и полного регулирования производства, ибо средства производства находятся в частной собственности и каждый капиталист исходит не из интересов общества, а из интересов получения прибыли. Капиталистическое производство — это анархическое производство. Общественный характер производства здесь проявляется чрезвычайно сложным путем — через товарное обращение, конкуренцию, через беспрерывное нарушение и восстановление взаимной связи между отдельными частями целого.

Как и любое другое производство, капиталистическое производство не может существовать и развиваться без наличия определенной соразмерности и пропорций между его различными отраслями, а также между производством и потреблением и т. д. Но как могут устанавливаться и устанавливаются эти взаимные связи и необходимые пропорции в обществе, где царит анархия и каждый капиталист преследует свои собственные цели? Они устанавливаются лишь в результате стихийного движения производства и обращения, благодаря стихийному действию механизма конкуренции.

Для капиталистического производства, указывает Маркс, характерна постоянная тенденция к нарушению необходимой взаимной связи сфер производства и потребления. И если порванная связь восстанавливается, то лишь на время, с тем чтобы на новом этапе привести к еще большей дисгармонии, к новым, еще более сильным потрясениям хозяйственного организма. Периодически повторяющиеся кризисы являются сигналами того, что нарушение необходимой связи достигло крайних пределов. Разрушительные кризисы вместе с тем служат стихийным средством насильственного восстановления определенных пропорций между обособившимися частями единого целого. Так через постоянные нарушения и временное восстановление связей осуществляется необходимое движение буржуазного производства. Необходимое, закономерное здесь реализуется как *среднее* массы отклонений и нарушений нормального хода.

«Вся соль буржуазного общества, — писал Маркс, — состоит как раз в том, что в нем *a priori* не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое про-

кладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»[1].

Равновесие при стихийном характере капиталистического производства, указывает Маркс, само есть случайность.

Маркс подверг критике Рикардо, который не понимал этой специфической, исторически ограниченной формы проявления экономических законов при капитализме. Рикардо не понимал и, как идеолог буржуазии, не хотел понимать анархической природы буржуазного общества. Он отрицал, например, возможность перепроизводства, а следовательно, и кризисов. Рикардо и другие экономисты рассматривали буржуазное производство либо как простое товарное производство, в котором существует непосредственная меновая торговля, либо как общественное производство, при котором общество как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы.

Между тем слепо действующий характер законов капиталистического способа производства делает невозможным плановое управление капиталистическим хозяйством.

Конечно, никакое вмешательство буржуазного государства на ступени государственно-монополистического капитализма и наличие элементов регулирования производства и обращения не может уничтожить слепо действующего характера экономических законов капитализма, так как это вмешательство направлено не на освобождение производительных сил от сковывающих их производственных отношений, а на защиту и сохранение последних. Нельзя недооценивать значение этого вмешательства как фактора подстегивания производства и впрыскивания крови в одряхлевший организм буржуазной экономики. Но все дело в том, что меры, направленные на сохранение капиталистического производства, неизбежно усугубляют, обостряют его болезни, и конечный результат этих мер будет не тот, которого ждут от них.

Уничтожение слепо действующего характера законов находит выражение в том, что общество реализует те цели, которые оно ставит перед собой, и сознательно добивается их осуществления. Это впервые достигается лишь при социализме. В ряде замечаний Маркс глубоко

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461.

и ярко вскрывает то новое, те исторически специфические формы, которые будут отличать действие объективных законов при социализме. Речь здесь идет не только о том, что с уничтожением капитализма на смену законам буржуазного способа производства приходят новые законы социалистического способа производства, но и о характере проявления, действия, реализации объективных законов в новых исторических условиях, создаваемых победой социализма. Историческое своеобразие форм проявления объективных законов в новых условиях Маркс видел в том, что законы *перестают быть слепо действующими силами, слепыми* законами природы. При социализме общество подчиняет развитие производства своему контролю. Здесь осуществляется подлинная свобода людей в управлении развитием общества. Маркс при этом дает исчерпывающее разъяснение того, что нужно понимать под свободой людей, подчиняющих своему контролю развитие общества. «Свобода в этой области, — говорит Маркс, — может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости» [1].

Следовательно, и при социализме законы не перестают действовать с объективной, не зависящей от воли людей необходимостью. Господство людей над законами состоит лишь в том, что «коллективный разум» освобожденных от гнета капитализма людей постигает, познает эти законы и на основе плановой организации хозяйства люди подчиняют весь процесс производства своему общему контролю.

Общий закон, о котором Маркс говорит, что он существует во всех формациях (закон распределения общественного труда, средств производства в определенных пропорциях соответственно потребностям в производстве продуктов), в условиях социалистического общества действует и проявляется совсем иначе, чем при капитализ-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 387.

ме. Он действует не через стихийный механизм конкуренции, а реализуется как закон планомерного развития народного хозяйства.

Маркс предвидел, что на базе коллективного производства вместо таких регуляторов, как конкуренция, кризисы, возникнут новые регуляторы — планомерное распределение средств производства, труда и т. п. «...Экономия времени, — писал он, — равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится даже в гораздо более высокой степени законом» [1].

Из сущности социалистического способа производства вытекает не стихийное, а планомерное развитие, осуществляемое в соответствии с требованиями объективных экономических законов. Отсюда и новая форма проявления объективных законов. Например, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства реализуется не как некая слепая сила, не как средняя постоянных колебаний и отклонений от нормы, а с помощью сознательного планирования развития хозяйства.

Разумеется, это не значит, что в развитии социалистической экономики не могут возникать те или иные нарушения пропорциональности в развитии народного хозяйства. Но они не объективная необходимость, а выступают преимущественно как следствие недостатков и ошибок в планировании, недостаточного овладения законом планомерного развития народного хозяйства. При капитализме пропорциональность выступает как некоторый эпизодический момент постоянной диспропорциональности, причем эта пропорциональность является результатом игры чистейших случайностей. Наоборот, при социализме пропорциональность, планомерное развитие — объективный закон, которым руководствуются в своей деятельности органы государства.

При капитализме необходимость пробивает себе дорогу сквозь массу случайностей. Здесь случайность имеет широкий простор и необходимость проявляется через случайность, посредством случайности. Только анализ массы этих случайных проявлений позволяет обнаружить

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV. Партиздат, 1935, стр. 119.

скрытый за ними закон, управляющий ими, лежащий в их основе.

При социализме законы развития общества перестают осуществляться как средняя массы колебаний и отклонений. В огромной степени уменьшилась роль случайностей, законам не приходится пробивать себе дорогу сквозь эти случайности, как при капитализме, ибо социалистическое общество не есть общество разрозненных производителей, каждый из которых действует на свой собственный страх и риск. Необходимое общественное равновесие различных отраслей производства, необходимая пропорция между ними устанавливаются государственными органами. Овладевая объективными экономическими законами, общество намечает планы развития, которые реализуются сознательной деятельностью людей.

В этой связи уместно связать проблему закона с вопросом о субъекте и объекте. Выше указывалось, что объективный закон экономического развития не обрекает субъекта на пассивность и не превращает его в безвольное орудие «рока». Конечно, слепо действующий характер экономических законов капитализма сводит до минимума сознательную деятельность субъекта. Но безусловно, существует закон возрастания роли сознательной деятельности человека по мере роста объема и глубины задач общественного развития. Этот закон сказывается внутри капиталистического общества на последних стадиях его развития. Речь идет не только и даже не столько о том, что капиталисты, руководствуясь своими классовыми интересами, предпринимают меры, направленные либо на использование, либо на ограничение действия экономических законов, хотя они при этом сообразуются не с научным знанием законов, а с классовым инстинктом, со стремлением получить побольше прибыли. Подобного рода деятельность и активность субъекта существовала всегда. Имеется в виду нечто большее — возникновение таких объективных условий, которые *требуют возрастания роли субъекта* в экономическом развитии. Эти объективные условия при капитализме создаются благодаря росту обобществления производства, развитию государственно-монополистического капитализма, необходимости вмешательства буржуазного государства в экономику. Рассуждения современных буржуазных экономистов об отказе от «Марксова детерминизма» и при-

дании большего влияния фактору «воли» человека есть не что иное, как бессознательное выражение именно этого объективного процесса, когда обобществление производства достигает такого высокого уровня, что стихийное экономическое развитие вынуждено так или иначе уступать все большее место сознательному руководству процессом. Последнее, разумеется, нисколько не освобождает экономическое, как и любое другое, развитие от «Марксова детерминизма», оно означает лишь, что наступают новые времена в истории человечества, когда люди сами должны контролировать свои отношения, вместо того чтобы эти отношения господствовали в виде слепой стихийной силы над людьми.

Из сказанного следует, что в социалистическом обществе законы утратили многое из того, что придает им характер тенденций. Однако было бы ошибкой полагать, что их осуществление протекает здесь «без сучка, без задоринки». Такое представление могло бы вытекать из чисто книжного подхода, и притом в то время, когда социализм не превратился еще из теории в практику. Практический же опыт социалистического строительства в ряде стран показал, что особенности развития при социализме не исключают существования известных факторов, противодействующих законам, вследствие чего и здесь объективные законы реализуются в форме *движения противоречий,* борьбы противоположностей.

То новое и особенное, что порождается изменившимися историческими условиями развития после уничтожения капитализма, связано прежде всего и, пожалуй, главным образом с проблемой субъекта и объекта. Выход на историческую арену «субъективного фактора» в качестве силы, берущей под свой контроль развитие общественных отношений, увеличивает в невиданной степени роль и значение сознательного начала в этом развитии. Это колоссальное преимущество социализма перед капитализмом. Но, как часто бывает, положительное имеет и свои минусы, которые необходимо учитывать, чтобы их преодолеть и создать все условия для полного проявления преимуществ развития на базе социализма.

Одна из опасностей, подстерегающих на этом пути, состоит в преувеличении, абсолютизации роли субъективного начала в общественном движении в условиях социализма и преуменьшении или даже предании забвению

объективного характера экономических и вообще социальных законов. Возрастающая роль субъекта исторической деятельности есть новая объективная грань развития, но стоит хоть немного преувеличить ее — и впадешь в глубочайшее заблуждение. К сожалению, практика нашего развития знает такого рода преувеличения, нанесшие немалый вред развитию социалистической экономики. Маркс подчеркивал, что своеобразие действия законов в различные исторические эпохи может касаться и касается лишь форм их проявления, а не их объективности, не их объективного, принудительного характера. «Законы природы вообще не могут быть уничтожены, — указывает Маркс. — Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь *форма,* в которой эти законы прокладывают себе путь» [1].

Следовательно, не в исчезновении объективного, принудительного характера законов состоит своеобразие их действия после уничтожения капитализма и победы социализма. Со всей настойчивостью Маркс повторяет в «Капитале», что историческая необходимость одинаково господствует при всех способах производства.

Понятно, что и при социализме невозможно не считаться с необходимыми законами материального производства и что в случае субъективизма, всяческих проявлений волюнтаризма объективным законам приходится пробивать себе дорогу сквозь эти противодействующие факторы. А это связано с замедлением развития. Таким образом, субъективное начало может превратиться из фактора, способствующего развитию, в силу, тормозящую его, если оно поддастся иллюзии, будто новые условия делают его независимым по отношению к объекту и необходимым законам объекта.

Но это лишь одна сторона вопроса. Другой аспект той же проблемы объекта — субъекта состоит в том, что реализация экономического, как и всякого другого общественного, закона выступает в форме возможности, превращение которой в действительность зависит от ряда обстоятельств. Среди них в социалистическом обществе *решающее значение* (при условии зрелости объективных предпосылок) имеет способность субъекта — народа, партии, отдельных людей — превращать возможность в дей-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 461.

ствительность. Если рассмотренный выше аспект проблемы связан с тенденциями переоценки роли субъекта, то этот второй аспект нередко связан с ее недооценкой, игнорированием рассматриваемой особенности действия законов при социализме. Противоречие между возможностями, заложенными в объективных условиях и законах развития социалистического общества, и неиспользованием или плохим использованием их, как свидетельствует практический опыт, представляет довольно типичное противоречие, касается ли это практики отдельных коллективов или развития общества в целом. Поэтому и в данном аспекте реализация законов протекает в форме движения противоречий, борьбы противодействующих тенденций.

В этом смысле и законы при социализме имеют некоторые черты, характеризующие их как «тенденции», что очень важно учитывать, чтобы противостоять всякому элементу самотека, фатального понимания необходимости и объективности в развитии социалистического общества. Избежать же такого ошибочного подхода можно лишь при условии, если и законы социалистического общества анализировать в форме противоречивого развития, как это имеет место в самой действительности, в форме борьбы тенденций, выражающих объективные законы, и противодействующих им тенденций, в тесной связи объекта с субъектом исторической деятельности. В противном случае легко сбиться на книжное, идеализированное представление о законах социализма, якобы автоматически реализующих преимущества социалистического общества вне противоречий, вне борьбы.

Действие объективных законов при социализме реализуется или тормозится в зависимости от деятельности людей, соответствующей или не соответствующей этим законам. Разумеется, существуют и объективные факторы, способствующие или задерживающие их осуществление (например, стихийные бедствия, войны и пр. тормозят действие законов). Само соотношение между объектом и субъектом изменяется в том смысле, что люди не сразу, а постепенно познают и овладевают законами, проникают в сложный механизм их действия. Но и сам этот процесс познания и овладения законами протекает не гладко и безболезненно, а в форме борьбы различных подходов, представлений, пониманий и т. п. По-

этому необходимо, с одной стороны, четко разграничивать объект и субъект, чтобы видеть и представить сущность законов в их объективности и независимости от воли людей, чтобы не смешивать объективное с субъективным. С другой стороны, поскольку нормальной формой реализации законов при социализме является сознательная и целенаправленная деятельность людей, неправильно при анализе законов и их действия абсолютно отграничивать объективное от субъективного, не учитывать связи действия законов с деятельностью субъекта, в частности с теми формами этой деятельности, которые противодействуют их полному и свободному проявлению.

Итак, существует глубокое различие в характере и формах проявления объективных законов при капитализме и при социализме, что подтверждает Марксов принцип историзма как логический принцип анализа общественного развития. В социалистическом обществе законы реализуются не стихийно, а через посредство целесообразной деятельности людей, поставивших развитие производства под свой сознательный контроль. Из демонических повелителей, какими они были при капитализме, законы становятся силами, сознательно и целенаправленно используемыми человеком в интересах своего материального и духовного развития. Но это во сто крат повышает ответственность субъекта исторической деятельности, ответственность человека.

Глава третья

Переход количественных изменений в качественные. Категории качества, количества, меры

Исследуя капитал как движение, Маркс устанавливает экономические законы этого движения. А это потребовало полного и широкого развертывания диалектических законов и принципов развития как законов бытия и познания. В «Капитале», конечно, эти законы исследуются на материале конкретной формы движения конкретной (капиталистической) действительности. Но это нисколько не умаляет философской ценности данного исследования. Можно даже сказать, что конкретная форма анализа придает ему еще большую ценность, поскольку здесь наглядно демонстрируется роль общих законов и принципов диалектического развития как объективных законов и как орудий познания. На материале такой сложной формации, как капитализм, Маркс показывает, что ее развитие, изменения подчиняются этим общим законам развития и изменения всякой действительности. Поэтому, как ни конкретно, как ни самобытно проявление и форма действия их в условиях этой формации, они все же выступают в качестве особой формы *общего,* что дает возможность путем изучения конкретного, особого изучить общее, т. е. общие законы диалектического развития. С другой стороны, конкретность, особенность их действия и проявления, показанная в «Капитале», позволяет лучше понять конкретность самой диалектической теории развития, которая есть не больше как абстракция от реальной действительности, существующей лишь как *данная,* конкретная действительность. И в этом смысле произведение Маркса имеет бесценное методологическое

значение, ориентируя на конкретное применение общих диалектических принципов развития, требуя различать особенности, скажем, диалектики развития при капитализме и при социализме.

Как бы там ни было, изучение того, как в «Капитале» применены основные и наиболее общие законы диалектики — перехода количества в качество, взаимопроникновения и борьбы противоположностей. отрицания отрицания и соответствующих категорий, посредством которых они формулируются и выражаются, представляет огромный научный интерес.

1

Как уже было сказано, для Маркса важно не только установить факт движения, развития всех экономических отношений товарного производства и соответственно этому исследовать их в возникновении и развитии. Свой анализ Маркс направляет на то, чтобы устанавливать те существенные качественные изменения, которые происходят в результате этого движения и развития, качественно новые ступени и этапы, возникающие в процессе развития. Маркс понимает движение не как чисто количественные изменения, а как процесс, в котором количественные изменения закономерно превращаются в качественные изменения, а эти последние в свою очередь порождают количественно новую силу развития. Иначе говоря, Маркс в своем «Капитале» глубоко использует один из важнейших законов диалектики — закон перехода количественных изменений в качественные и связанные с ним категории качества, количества и меры.

Предшественники Маркса Смит и Рикардо интересовались преимущественно количественной стороной капиталистического производства, и меньше всего их занимала качественная специфика экономических отношений, характерных для буржуазного строя. Они не исследовали тех качественных сдвигов, которые возникают в движении товарного производства при переходе от простого товарного производства к капиталистическому, в развитии самого капиталистического производства. Они видели только количественные изменения и потому приходили к выводу о вечности капиталистического строя.

Правда, Рикардо, как уже отмечалось, натолкнулся на тот факт, что при капитализме возникают пределы для дальнейшего быстрого развития производительных сил. Его очень беспокоило падение нормы прибыли, являющейся, по выражению Маркса, огнем, оживляющим капиталистическое производство. Но Рикардо видит в этом беспокоящем его явлении чисто количественные отношения, а не те качественные сдвиги, которые делают капитализм исторически преходящим способом производства.

В третьем томе «Капитала» Маркс пишет: «Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что́ он только смутно сознает» [1].

Это нечто — специфика капиталистического строя, становящаяся на определенной ступени исторического развития тормозом дальнейшего движения производительных сил. Этого Рикардо не понимает, ибо его интересуют одни количественные отношения роста капиталистического производства. Он видит причину падения нормы прибыли в недостатке хороших земель и необходимости перехода к обработке все худших и худших земель, что приводит, на его взгляд, к повышению цен на хлеб, а вследствие этого — к повышению заработной платы и падению нормы прибыли.

В одном из писем к Т. Мальтусу Рикардо писал: «Я вполне определенно допускаю, что любые причины, приводящие к уменьшению спроса на капитал, будут снижать прибыль, но утверждаю, что нет никаких причин, которые в течение продолжительного времени уменьшали бы спрос на капитал, как бы последний ни был велик, кроме сравнительно высокой цены пищи и труда; прибыль не падает *необходимо* вместе с ростом капитала, потому что спрос на капитал бесконечен и управляется тем же законом, что и рост населения. Прирост того и другого сдерживается повышением цен на пищу и вытекающим из него повышением стоимости труда. Если бы не было такого повышения, то что могло бы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 284—285.

помешать населению и капиталу увеличиваться беспредельно?» [1]

Вообще характерная черта буржуазных экономистов как прошлого, так и настоящего — боязнь исследовать качественное своеобразие господствующих социальных отношений и подмена качественного анализа чисто количественным подходом. Современные представители буржуазной политической экономии также склонны искать причины всех трудностей и бед, переживаемых буржуазным обществом на современном этапе, в каких-то количественных факторах, т. е. фактически выдавать следствие за причину. Причиной этих трудностей считают то недостаточный уровень инвестиций, то высокий уровень процента и другие подобные вещи. При этом меру капиталистического способа производства считают безгранично эластичной. Развитие математических методов исследования используется для того, чтобы свести весь анализ к количественным соотношениям и пропорциям.

Маркс на всем протяжении своего исследования оперирует категориями качества и количества в их тесной и неразрывной связи, во взаимодействии. Это позволяет ему давать точный и глубокий качественно-количественный анализ явлений и процессов товарного производства и обращения, устанавливать взаимную зависимость их качественной и количественной характеристик, их м е р у, нарушение и выход за пределы меры в процессе развития и в результате переход количественных изменений в качественные. Начиная с первых страниц «Капитала», на которых дается анализ товара, и кончая последними страницами, где изображается капитализм как целое, Маркс рисует картину качественных превращений, постепенно, шаг за шагом, от одного исторического этапа к другому подготовляющих «самоотрицание» капиталистического способа производства.

Категории качества, количества и меры служат у Маркса не только средствами раскрытия определенных свойств исследуемых явлений и процессов, они одновременно выступают в роли логических понятий, указывающих путь, «ритм» познания. Они поистине опорные пункты познания. Рассмотрим это прежде всего на том, как Маркс исследует товар.

---

[1] *Давид Рикардо.* Соч., т. V, стр. 75.

Известно, что, приступая к анализу товара, Маркс сразу вскрывает его качественную и количественную стороны: потребительную и меновую стоимость. «Как потребительные стоимости, — пишет он, — товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости» [1]. Но Маркс не ограничивается констатацией этого факта. В связи с положением о том, что стоимости могут в отличие от потребительных стоимостей различаться лишь количественно, Маркс ставит коренной вопрос, от решения которого зависит весь дальнейший анализ как самого товара, так и сущности товарного производства вообще и капиталистического производства в особенности. И именно в этой связи он не перестает упрекать Рикардо и других экономистов в тяжелой методологической ошибке: в одностороннем *количественном* подходе к понятию стоимости. В чем смысл этих упреков?

Стоимости действительно могут различаться лишь количественно, и в этом смысле они воплощают, так сказать, количественное начало товара. На этом буржуазные экономисты ставят точку и в дальнейшем все внимание обращают на величину стоимости. Маркс же показывает, что, хотя стоимости различаются количественно, само это количественное различие возможно лишь потому, что стоимость есть определенное *качество,* без глубокого исследования которого нельзя ничего понять в товарном производстве. Когда мы сравниваем количественно товары с разными потребительными стоимостями, то сравнение это возможно потому, что в их основе лежит что-то одинаковое, некое одинаковое *качество.* В противном случае сравнение было бы невозможно. Вполне допустимо сравнение, скажем, каких-то различных животных, ибо в самом широком смысле слова они представляют одно и то же качество — «быть животным». Без определенного тождества не было бы и различия. И в случае с товарами их количественное различие как меновых стоимостей основывается на том, что они в чем-то тождественны именно по своему качеству. Они, замечает Маркс, «различаются или равны только количественно, но являются всегда

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 46.

количествами одного и того же качества. Трудность состоит в том, чтобы найти это качество» [1].

Таким качеством не может быть потребительная стоимость, ибо по этому признаку обмениваемые товары могут только различаться. В результате анализа Маркс показывает, что их общим качеством является труд, затраченный на их производство. Правда, это знали и Рикардо, и другие домарксовские экономисты. Но, сосредоточив все внимание на количестве труда и соответственно на величине стоимости, они не поняли необходимости дальнейшего анализа труда как субстанции стоимости, анализа его специфически исторической формы. Этот анализ дал Маркс, установив двойственный характер труда, создающего товары. И в этом случае он применяет категории качества и количества для выражения разных, но взаимно связанных сторон труда. Понятие «конкретный труд» характеризует качественную определенность труда. В понятии «абстрактный труд» отражается расходование человеческой рабочей силы в «физиологическом смысле», т. е. дается характеристика количественной стороны труда.

«Поэтому, — пишет Маркс, — если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества» [2].

Количество труда выражается во времени. Чтобы различные по своим потребительным стоимостям товары можно было обменивать друг на друга, они должны быть результатом затраты одинакового количества рабочего времени, или, что то же, абстрактного труда. Таким образом, их тождеством, одинаковым качеством, делающим их сравнимыми, следует считать абстрактный труд, впервые исследованный Марксом. Именно это качество имеет в виду Маркс, когда он пишет: «Труд этот должен быть качественно одинаков, чтобы его различия стали лишь количественными различиями, представляли бы лишь разницу в величине» [3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 163.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 54.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 137.

Но абстрактный труд, к которому сводится пестрый, качественно многообразный труд производителей товаров, характеризует особую, исторически своеобразную форму труда, а вместе с ним и исторически своеобразную форму общественного производства на определенной ступени развития. Качество труда, делающее его такой особой формой, состоит не только в том, что это одинаковый, простой, средний, общественно необходимый труд, образующий «единое начало стоимостей». Главное в том, что только благодаря этому качеству индивидуальный, частный труд может проявиться как общественный труд, иначе невозможна была бы общественная связь производителей. Следовательно, особое качество труда, воплощенное в стоимости товара, выражает единственно возможную форму экономической связи людей в том обществе, в котором господствует частная собственность, где труд непосредственно является частным трудом, а по существу — частью общественного труда.

Маркс следующим образом характеризует этот глубочайший смысл «качества» стоимости: «Труд есть труд частного индивидуума, представленный в определенном продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своем качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую... *Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный* труд; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд*, который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте. Только посредством своего отчуждения [Veräusserung] индивидуальный труд действительно выражает себя как свою противоположность» [1].

Понятно, почему Маркс с такой настойчивостью подчеркивает методологическую слабость своих предшественников, не сумевших дать *качественный* анализ стоимости, видевших лишь ее количественную сторону. Как видно из сказанного, применением категорий качества и количества к исследованию товара и труда, его производящего, Маркс сразу же закладывает фундамент

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 137—138.

всего здания «Капитала», ибо, как он сам говорит, «...форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства...» [1]. В этом смысле дальнейший анализ состоит в том, что Маркс исследует как с помощью категорий качества, количества и меры, так и посредством других категорий процесс превращения этой «неразвитой» формы в развитую.

Понятно также, почему Маркс упрекал буржуазных экономистов за непонимание природы денег. Без качественного анализа стоимости и форм ее развития понять их природу было немыслимо. Только такой анализ позволял понять, выражаясь словами Маркса, что «необходимость выражения индивидуального труда как всеобщего труда есть необходимость выражения товара в деньгах». Значит, деньги не условность, а одно из необходимейших выражений общественного производства там и тогда, где и когда производство ведется на основе частной собственности, обмена товаров [2]. Поэтому и деньги имеют не только количественную определенность, но и качественную, чего опять-таки не понимали и до сих пор не понимают буржуазные экономисты. Качество денег — это «абсолютная обмениваемость» на товар с любой потребительной стоимостью.

Маркс указывает, что эта «абсолютная обмениваемость» представляет собой не количественную сторону денег, что она «не имеет никакого отношения к величине стоимости», является *«не количественным, а качественным определением...»* [3].

Для понимания природы денег имеет решающее значение исследование этой их качественной стороны, а также соотношения их количественной и качественной определенности. Здесь первостепенную роль приобретает категория меры. Каждый предмет характеризуется не только качественной и количественной определенностя-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 92.

[2] Наличие денег, как и вообще товарного производства и обращения при социализме, т. е. в обществе, основанном на общественной собственности, не отрицает сказанного выше. Социализм есть только первая ступень новой, коммунистической формации, непосредственно связанная с капиталистическим обществом, из которого он выходит, поэтому товарное производство и деньги, их значение для развития общественного производства не могут сразу исчезнуть, сойти на нет.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 138.

ми, но и их единством. Как уже говорилось, категории качества, количества и меры выполняют не только функцию анализа действительности, но и направляют, как и любые другие логические категории, процесс, логику, «ритм» познания. Предмет сначала исследуется со стороны его качества, затем количественно и, наконец, как единство того и другого. Этот процесс познания ярко прослеживается на Марксовом исследовании денег.

Деньги как мера выступают в единстве своей качественной и количественной ипостасей. Одну без другой познать невозможно. Маркс устанавливает, что как определенное качество деньги суть воплощение, выражение общественного, абстрактно-всеобщего труда. Как количество они представляют определенную величину стоимости, величину той общественной субстанции, которая лежит в основе товара. В качестве м е р ы они воплощают единство того и другого: они — качественное количество или количественное качество. Недопустимо при этом игнорирование ни одной из этих сторон. Однако в их взаимодействии решающее значение имеет *качественная* определенность. Это нужно со всей силой подчеркнуть особенно в свете растущей роли математических способов познания. Сейчас часто вспоминают слова Маркса о том, что наука прогрессирует и становится более точной по мере ее способности применять математические методы. И это абсолютно верно. Маркс сам уделял исключительное внимание количественному анализу закономерностей капиталистического производства и установил ряд количественных закономерностей. Во многих случаях он указывает, что его исследование движется в математической форме с целью познания закономерностей капитализма. Но при всем значении, которое Маркс придавал этой стороне своего метода, суть последнего состоит в том, что анализ *качественной* стороны явлений есть решающая предпосылка их познания. Без этого утрачивается всякая возможность исследования исторической обусловленности, социальной специфики общественных явлений и процессов. Более того, это составляет предпосылку научного исследования и количественных закономерностей развития, но к этому вопросу мы еще вернемся.

Решающее значение анализа качества вещи как нельзя лучше демонстрируется на примере денег. Говоря о

деньгах как мере, Маркс различает «внешнюю меру» и «внутреннюю», или «имманентную меру». Под первой он подразумевает ту функцию денег, которая заключается в *измерении* стоимостей товаров. Но если абсолютизировать количественную сторону меры и не видеть того, *что* измеряется, т. е. внутреннюю, имманентную меру, то извращается сущность денег и они неизбежно сводятся к простому бытию «посредника», «перевозчика» меновой стоимости товаров, исчезает их общественная сущность. По этой линии Маркс ведет полемику с буржуазными экономистами. На примере английского вульгарного экономиста Бейли он показывает, в чем смысл смешения внешней и внутренней меры денег. При этом Маркс усматривает определенную заслугу этого экономиста в таком смешении, поскольку оно позволяет увидеть весь вред сведения анализа денег к одной констатации их величины. Если бы, говорит Маркс, он подверг анализу деньги как «меру стоимости» не только как количественную меру, но и как качественное превращение товаров, то он сам пришел бы к правильному анализу стоимости. Вместо этого Бейли не идет дальше поверхностного рассмотрения внешней «меры стоимости», уже предполагающей стоимость, и остается в сфере рассуждений, лишенных какой бы то ни было подлинной мысли.

Иначе говоря, Бейли количественное выражение стоимости выдает за самое стоимость, за качественное начало, субстанцию товаров и тем самым выступает против самого понятия стоимости. Мера стоимости, выраженная в цене товара, и есть, на его взгляд, стоимость, которая вследствие этого создается не трудом, т. е. в процессе производства, а в процессе обмена. «Та наиболее поверхностная форма, — указывает в связи с этим Маркс, — в которой меновая стоимость проявляется как *количественное отношение,* в каком товары обмениваются друг на друга, и *есть,* по мнению Бейли, их стоимость» [1].

Маркс не удовлетворяется нахождением внешней меры денег, он находит их *внутреннюю, имманентную меру,* устанавливает зависимость первой от второй и тем самым объясняет истинную сущность и роль денег в системе товарного производства.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 141.

Это существенное различие мер, обусловливающее необходимость исследования внутренней, органической связи качественной и количественной определенностей явлений, а также придание решающего значения, «приоритета» анализу качественной специфики вещей как основы всего исследования Маркс показывает и при анализе других явлений.

Вульгарные экономисты спекулируют на той слабости Рикардо, что он отождествлял стоимость с ценами издержек для того, чтобы «доказать», что стоимость определяется не трудом, а процессом обмена, спросом и предложением и т. п. Но и к цене производства, которая непосредственно регулирует цены в капиталистическом обществе, вполне применима категория «внешней меры» в отличие от стоимости как «имманентной меры», ибо цена производства есть лишь количественное выражение того, что лежит в ее основании, т. е. стоимости: сумма цен производства совпадает с суммой стоимости. Следовательно, если и в данном случае выпячивать одну количественную сторону и не анализировать ее в единстве с качественной спецификой вещей при капитализме, т. е. как меру, то извращается сама сущность исследуемого объекта.

Насколько органичен у Маркса качественно-количественный анализ, можно видеть и на следующем примере. Придерживаясь своей порочной методологической манеры сводить исследование явлений к количеству, величине, буржуазные экономисты прибегают к самым хитроумным приемам. Хорошо известен пресловутый «последний час» Сениора и критика его Марксом. Смысл концепции «последнего часа», сформулированной вульгарным экономистом Сениором, состоит в том, что прибыль якобы создается рабочими в течение последнего часа их рабочего дня. Этим он мотивировал недопустимость сокращения рабочего дня, так как сокращение его хотя бы на один час будто бы лишит капиталистов чистой прибыли. По Сениору, работая, скажем, одиннадцать часов в день, рабочие в течение девяти часов воспроизводят стоимость машин, сырья и т. п., в предпоследний час производят свою заработную плату и лишь в последний час — прибавочную стоимость или прибыль для капиталистов.

Марксу ничего не стоило развенчать эту скудоумную теорию. В силу двойственного характера труда рабочий

не затрачивает ни одного мгновения своего рабочего дня на возмещение стоимости сырья, машин и т. п. Эта стоимость в действительности в силу конкретного, целесообразного характера труда «сама собой» переносится на стоимость продукта. «Это, — пишет Маркс, — следствие качества его труда, а не количества» [1]. В этом отношении труд рабочего в первый час его дня ничем не отличается от труда в последний час. Разные части рабочего дня различаются лишь тем, что в течение, скажем, первой половины рабочий производит свою заработную плату, а во вторую половину — прибавочную стоимость, безвозмездно присваиваемую капиталистом.

Мы видели, что, исследуя товар, стоимость и меновую стоимость, деньги, процесс труда, Маркс во всех случаях оперирует категорией качества в двух аспектах: 1) когда она отражает непосредственное данное, внешнее, и 2) когда она отражает более глубокие признаки и черты явления. Эти аспекты он связывает (соответственно) с исследованием внешней меры и внутренней, имманентной меры. Категория качества во втором аспекте сближается уже с категорией сущности. С полным правом говоря, например, о качестве труда как процессе увеличения стоимости, мы можем употреблять здесь и понятие «сущность». Понятия не неподвижны. Углубляя понятие качества, мы приходим к более глубокой категории, а именно к категории сущности. Это свидетельствует о том, что Гегель был далек от игры в понятия, когда он в своей «Логике» утверждал, что результат диалектики качества, количества и меры есть сущность.

2

Диалектика категорий качества, количества и меры, отражающая сложный характер развития, находит свое выражение в законе перехода количественных изменений в качественные. Маркс не просто применяет эти категории каждую в отдельности или в их единстве. Как и процессы, ими отражаемые, они подвижны, гибки, переходят друг в друга. Количество превращается в качество, качество — в количество; мера, представляя собой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 238.

единство того и другого, также изменчива: количественно-качественные процессы на какой-то ступени развития нарушают меру, и одна мера превращается в другую. Все эти переходы и метаморфозы обобщены в диалектическом законе перехода количества в качество.

«Между прочим, — пишет Маркс в письме к Энгельсу от 22 июня 1867 г., — из заключительной части моей III главы (девятой главы первого тома «Капитала». — *М. Р.*), где указывается на превращение ремесленника-мастера в капиталиста в результате чисто *количественных* изменений, ты увидишь, что я там в *тексте* привожу открытый Гегелем *закон превращения чисто количественного изменения в качественное,* как закон, имеющий силу в истории и в естествознании» [1].

Действительно, Маркс в указанной главе разъясняет, что не всякая сумма денег или стоимостей может быть превращена в капитал, что условием этого превращения служит определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. Переход, превращение ремесленника в капиталиста есть коренное, качественное изменение, но оно может совершаться лишь при условии предварительного количественного изменения, т. е. конкретно, при наличии в руках этого ремесленника определенного минимума денег. Приводя соответствующие вычисления, доказывающие это, Маркс делает вывод: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [2].

Воюя против Дюринга, отрицавшего этот закон, Энгельс ссылается на «Капитал», в котором, по его словам, весь четвертый отдел трактует о «несчетном числе» случаев в области кооперации, разделения труда и мануфактуры, машинного производства и крупной промышленности, где количественное изменение ведет к преобразованию качества вещей и обратно качественное преобразование изменяет количество их.

Дело, разумеется, не в тех или иных отдельных примерах перехода количественных изменений в качествен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 260.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 318.

ные, каких в «Капитале» можно найти «несчетное число». Дело в том, что *весь* анализ в «Капитале» пронизан пониманием развития как процесса качественных изменений в результате количественных изменений, как процесса качественного усложнения экономических отношений товарного производства, движения от низших экономических форм этого производства к высшим, от простых к сложным. Только такое понимание позволило Марксу изобразить действительный процесс развития капитализма, создающего в силу собственных законов предпосылки для своей неизбежной гибели.

Уже при анализе форм стоимости Маркс показывает, что развитие есть не простой количественный рост существующего, а такое количественное изменение, которое в определенные моменты прерывается качественным изменением, возникновением нового качества. Простая, отдельная, или случайная, форма стоимости есть такая качественно определенная ступень в истории возникновения и развития обмена, когда продукты лишь случайно становились товаром. Именно незначительность количества продуктов, превращавшихся в товар, породила такую качественно специфическую форму стоимости, как простая, или случайная, форма.

Однако эти зачатки обмена с ростом разделения труда и с ростом на его основе частной собственности превращались в развитый обмен. Все большее и большее количество продуктов — и уже не случайно, а закономерно — становилось товаром. Этот количественный рост пришел в противоречие со старым качеством — с простой формой стоимости. Количественные изменения процесса обмена закономерно превращаются в качественные изменения. Возникает качественно новая форма, новое выражение стоимости — полная, или развернутая, форма. Раньше при простой форме количество стоимости одного товара выражалось в потребительной стоимости другого товара. При развернутой форме стоимость какого-нибудь товара находит уже свое выражение в бесчисленных других товарах.

Кроме того, раньше стоимостные величины товаров не были постоянными, они изменялись в зависимости от различных случайных обстоятельств. Сейчас же с развитием обмена количественные отношения, в которых обмениваются одни товары на другие, становятся более

стабильными, т. е. отвечают действительно воплощенному в товарах труду.

Но и на этом развитие обмена не останавливается. Производство приобретает все более и более товарный характер. Дальнейшее развитие разделения труда делает обмен товарами регулярным и необходимым явлением. Обмен становится единственной формой экономической связи между людьми, ибо только с помощью обмена получает свое выражение общественный характер их труда. Но тогда становится уже недостаточной полная, или развернутая, форма стоимости. Новая ступень в историческом развитии обмена необходимо требует и новой формы, нового выражения стоимости. И в данном случае количественные изменения — рост товарного производства на базе дальнейшего роста общественного разделения труда — должны были закономерно превратиться в качественные изменения. Возникает всеобщая форма стоимости.

Маркс подробно анализирует качественное отличие всеобщей формы стоимости от первых двух форм. Его анализ показывает, что эта новая форма есть порождение такой развитой ступени исторического процесса обмена, когда форма товарной стоимости должна стать общественно значимой формой, т. е. когда потребности обмена требуют выделения из мира товаров одного какого-нибудь товара, который станет зеркалом всеобщечеловеческого характера труда, лежащего в основе всех других товаров. Этим качеством и обладает всеобщая форма стоимости: весь мир товаров выражает свою стоимость в одном каком-нибудь товаре. Маркс подчеркивает именно эту качественно новую особенность всеобщей формы стоимости — ее общественный характер. Рождение этой формы свидетельствует о том, что в развитии товарного производства произошел серьезный скачок. Для продуктов труда становится главным и решающим то, что они являются сгустками лишенного различий человеческого труда. Всеобщая форма стоимости раскрывает, таким образом, что в пределах этого товарного мира всеобщечеловеческий характер труда образует его специфический общественный характер. Иначе говоря, благодаря качественному анализу форм стоимости Маркс раскрывает историческую особенность товарного производства,

показывает, почему продукты труда принимают здесь форму стоимости, создаваемой абстрактным трудом.

Первые две формы стоимости не имели еще характера общественно значимой формы. «Обе прежние формы, — говорит Маркс, — выражают стоимость каждого товара или в одном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он совершает это без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой» [1].

Наконец, всеобщая форма со временем уступает место денежной форме стоимости. Здесь, как говорит Маркс, прогресс заключается в том, что всеобщая эквивалентная форма в силу общественного обычая срастается с натуральной специфической формой товара — с золотом.

Таким образом, Маркс исследует развитие форм стоимости не просто как процесс количественного изменения, а как процесс качественных превращений, выражающих различные исторические ступени развития товарного производства и обмена. При переходе от формы I к форме II, указывает Маркс, и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Такой анализ развития форм стоимости позволил Марксу в полной мере объяснить сущность высшей формы стоимости — денег как формы выражения общественной субстанции товаров, как продукта, по словам Ленина, общественного труда, организованного товарным хозяйством. Деньги явились качественно высшей формой выражения сто-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 76.

имости, подготовительными ступенями к которой были низшие качественно особые формы стоимости.

Интересно отметить, что, просматривая листы корректуры первого тома «Капитала», Энгельс в письме от 16 июня 1867 г. советовал Марксу несколько облегчить изложение главы о формах стоимости, которая исследована «диалектическим путем», но представит вследствие этого трудность для неподготовленного читателя. В своем ответе Энгельсу Маркс пишет, что он и последовал его совету, внося некоторые изменения, и не последовал ему, желая, как он выразился, «и в этом отношении остаться диалектиком» [1]. И действительно, глава эта во многих отношениях представляет прекрасный образец диалектического исследования одного из важнейших вопросов политической экономии.

«До сих пор, — пишет Маркс в письме Энгельсу от 22 июня 1867 г., — господа экономисты проглядели чрезвычайно простую вещь, а именно, что форма: *20 аршин холста = 1 сюртуку,* — есть лишь неразвитая основа формы: *20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов;* что, таким образом, простейшая форма товара, в которой его стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, но лишь в виде *отличия* от его собственной натуральной формы, заключает в себе *всю тайну денежной формы,* и тем самым, в зародыше, — тайну *всех буржуазных форм продукта труда*» [2].

Эту, скажем прямо, далеко не «простую вещь» Маркс исследовал и изложил логически в диалектической форме. Если иметь в виду тот аспект, который нас интересует в данной главе, то кроме уже сказанного выше хочется обратить внимание на то, как закон перехода количества в качество и качества в количество реализуется в смене мер, которая может быть изображена, употребляя удачное выражение Гегеля, как «узловая линия мер». Рассмотрим это на том же примере.

Каждый отдельный товар есть мера, т. е. единство качества и количества. Но уже само появление товара как такой меры представляет собой результат перехода количества в качество. Ведь продукты, производимые в первобытной общине до обмена, не являются товарами,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 260.
[2] Там же.

товарами они становятся благодаря обмену. Первая предпосылка, как указывает Маркс, необходимая для того, чтобы продукт превратился в «потенциальную стоимость», — это количество предметов потребления, превышающее потребности производителей. Так, количество переходит в новое качество, продукт становится товаром. Мера товара выражается в том, что как определенное качество он способен обмениваться на другой товар, обладающий другим качеством, а как определенное количество, т. е. как овеществленный труд, он может быть обменен на определенное количество другого товара.

Однако, хотя отдельный товар и обладает мерой, выразить ее он может, лишь вступив в отношение с другим товаром, т. е. в процессе обмена. Так, уже простая форма стоимости есть *отношение мер.* Но это неразвитое отношение, хотя и содержащее уже «всю тайну денежной формы». Все дальнейшее развитие есть процесс развития меры, совершающийся вследствие количественного роста обмена, выхода за пределы меры, ставшей ограниченной, и перехода в иную, более высокую и совершенную меру, т. е. форму стоимости. Простая, полная, всеобщая и денежная формы стоимости представляют собой качественно различные ступени или «узлы» в этом процессе развития и в этом смысле «узловую линию отношений мер».

Гегель правильно считал, что процесс развития меры — это развитие от неопределенной ко все более определенной мере. Он это доказывал примером развития от неорганической природы к органической. Неопределенность меры выражается в том, что качественные и количественные определения «обнаруживают себя безразличными друг к другу» [1]. Как мы видели, в простой форме стоимости такое безразличие действительно имело место, что объясняется случайным, единичным характером обмена. Но в процессе развития меры это «безразличие» исчезает. Конечно, в данном случае безразличие качественных и количественных определений имеет несколько другой смысл, чем в тех фактах, которые приводит Гегель (скала как качество не связана тесно с величиной, чего нельзя сказать, например, о растении или животном, где не может быть такого безразличия качества и количества).

[1] *Гегель.* Соч., т. I. Госиздат, 1930, стр. 185.

В случае с процессом развития форм стоимости элемент безразличия состоит лишь в том, что товар, выступающий в роли эквивалента в первых двух формах, не способен еще точно выразить стоимость как «чисто общественное бытие», т. е. качественную сущность стоимости. Эту роль может выполнить лишь «общественно значимая форма», а такой формой становятся лишь деньги.

Деньги, будучи высшим продуктом товарного обращения, становятся вместе с тем исходным пунктом капитала. В развитии товарного производства и обращения происходит коренной, качественный перелом, крупнейший скачок: простое товарное производство превращается в капиталистическое. Тем самым товарное производство достигает своей высшей формы.

В отделе втором первого тома «Капитала» Маркс обстоятельно и всесторонне исследует качественное отличие капиталистического производства от простого товарного производства, раскрывает сущность того скачка, который произошел в развитии товарного обращения. Сначала он анализирует внешнее отличие, разницу форм обращения раньше и теперь, когда деньги превратились в капитал. Это отличие выражается символически в таких формулах обращения: *Т—Д—Т* и *Д—Т—Д*.

При простом товарном обращении цель продажи товара состоит в том, чтобы обменять деньги на товар с другой потребительной стоимостью. Поэтому тут деньги затрачиваются окончательно. При обращении же денег в качестве капитала цель этого процесса состоит в их самовозрастании. Деньги совершают свой кругооборот лишь для того, чтобы выйти из него в увеличенных размерах. Поэтому потребительную стоимость нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста.

Установив «формальное различие», Маркс переходит к установлению их коренного, качественного различия, различия по содержанию. Маркс показывает, что, для того чтобы стоимость в своем движении могла самовозрастать, необходимо, чтобы существовал такой особый товар, потребление которого в процессе производства служило бы источником создания новой стоимости, источником самовозрастания стоимости. Таким товаром, отличным по своему качеству от всех остальных товаров, является рабочая сила.

Таким образом, новая качественная определенность капитала состоит в том, что целью движения становится создание прибавочной стоимости, притом во все возрастающем размере. В связи с этим Маркс исследует количественные закономерности создания прибавочной стоимости. Он устанавливает, что норма прибавочной стоимости выражается в отношении прибавочной стоимости к переменному капиталу. На этой ступени своего исследования Маркс абстрагируется от той части стоимости продукта, которая лишь воспроизводит постоянный капитал, поскольку только такая абстракция позволяет понять единственный источник прибыли капиталиста. Как замечает сам Маркс, он вовсе не отрицает большого экономического значения отношения прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, ибо без затраты денег на приобретение средств производства невозможно привести в движение и переменный капитал и, стало быть, создать прибавочную стоимость. Но так как не постоянная часть капитала создает прибавочную стоимость, то правомерно при выяснении механизма производства последней приравнять постоянный капитал к нулю.

В третьем томе «Капитала» Маркс исследует отношение прибавочной стоимости уже ко всему капиталу и показывает, что в этом отношении находит выражение норма прибыли, непосредственно интересующая капиталиста, для которого совершенно безразлично, на что он затрачивает свой капитал — на постоянную или переменную части. Норма прибыли есть уже иная количественная закономерность, мера нормы прибыли отличается от меры нормы прибавочной стоимости. Однако и в данном случае мы можем применить категории внешней и внутренней меры, ибо норма прибыли представляет внешнюю меру по отношению к норме прибавочной стоимости. И лишь последняя дает правильное представление о степени эксплуатации рабочего.

Вот почему Маркс в первом томе своего труда так много внимания уделяет анализу именно внутренней меры процесса создания прибавочной стоимости. Эта мера представляет собой определенное соотношение между качественной и количественной стороной труда рабочего. Как потребительная стоимость рабочая сила, купленная капиталистом, должна в течение дня производить не

только свою стоимость, но и некоторое приращение к ней. Капиталист заинтересован в увеличении продолжительности рабочего дня, чтобы тем самым максимально увеличить ту его часть, которая приносит ему прибавочную стоимость. Иначе говоря, он кровно заинтересован в безмерном удлинении рабочего дня. Но мера есть мера, и нарушить ее невозможно без того, чтобы не прекратить сам процесс труда. Можно заставить рабочего трудиться 16, 18 часов в день, но дальнейшее количественное изменение в этом направлении приведет к новому качеству, которое сделает невозможным сам процесс создания прибавочной стоимости. Поэтому изыскиваются другие методы увеличения прибавочной стоимости, которые бы не упирались в естественный предел рабочего дня.

Значительная часть первого тома «Капитала» по существу посвящена исследованию процесса развития *меры эксплуатации* рабочего, меры создания прибавочной стоимости (третий и четвертый отделы). Этот процесс развития меры проходит два крупных этапа, причем второй из них сам состоит из ряда существенных стадий. Первый этап — это этап производства абсолютной прибавочной стоимости, второй — этап производства относительной прибавочной стоимости. На первом этапе, характерном для начального периода существования капитализма, мера процесса производства прибавочной стоимости определялась длиной рабочего дня. Чем продолжительнее был рабочий день, тем больше была та часть, в течение которой рабочий безвозмездно работал на капиталиста. Но так как физически невозможно до бесконечности растягивать рабочий день (к тому же рабочие восстают против этого), первый этап процесса развития меры сменяется вторым этапом.

На новом этапе развития меры эксплуатации определяются уже не удлинением рабочего дня, а изменением соотношения между необходимым и прибавочным трудом путем сокращения первого и увеличения второго, с тем чтобы меньшее количество труда могло производить большее количество потребительных стоимостей. Это достигается путем революции в производственных условиях труда.

Кооперация, мануфактура, машинная крупная промышленность — таковы ступени развития относительной

формы прибавочной стоимости, а следовательно, и процессы *развития меры прибавочной стоимости.* Уже простая кооперация, объединяя некоторое количество рабочих в одно целое, создает новую силу, способную развивать количественно бóльшую производительность труда. Качественно новая форма организации труда порождает количественно новую силу, которая по своему существу есть сила общественная. Но простая кооперация не революционизирует труд рабочего. Способ труда здесь остается тем же. Мануфактура в отличие от простой кооперации революционизирует процесс труда отдельных лиц. Она культивирует в рабочем одну какую-нибудь одностороннюю способность, создает разделение труда внутри мастерской, расчленяет ранее единый процесс труда на многие отдельные операции. Мануфактура умножила производительную силу труда, стала более совершенным способом производства относительной прибавочной стоимости. Однако и мануфактура не создает такой технической базы, которая была бы адекватной капиталистическому способу производства. Как ни революционизировала она способ труда, ее базисом все же осталось ремесло. Но она подготовила качественно новую, еще более высокую ступень капиталистического производства — крупную машинную промышленность. Только последняя составляет адекватный капитализму технический базис. Вместе с ней достигается и более высокая точка развития меры производства прибавочной стоимости.

Такова «узловая линия мер» в развитии производства прибавочной стоимости, как она исследована и изображена в «Капитале».

Результат действия всех процессов, характерных для крупной машинной промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда. Силой действия собственных законов капитализма в его недрах возникают условия, несовместимые с самим его существованием. В связи с этим встает проблема *меры самого капитала, меры капиталистического способа производства.*

Анализируя ступени развития капиталистического производства в промышленности, его переход от простой кооперации к мануфактуре, от мануфактуры к крупной машинной промышленности, Маркс имеет дело с качественными изменениями, происходящими в пределах одной и той же общественно-экономической формации.

Учет этих изменений имеет огромное значение для понимания того, что́ означает развитие капитализма, к каким последствиям оно приводит. Однако изменения, которые Маркс до сих пор исследовал, меняли существенным образом лишь те или иные стороны, свойства капиталистического способа производства, но не его *коренное качество* как особой исторической формации. Анализ, который дает Маркс в следующих отделах первого тома «Капитала», особенно в отделе седьмом («Процесс накопления»), а также и в остальных томах «Капитала», посвящен исследованию того, как развитие на базе крупной машинной промышленности в рамках капиталистического способа производства медленно накапливает такие условия, которые вступают в конфликт с коренным качеством, т. е. с самой сущностью, природой капиталистического строя. К числу таких условий принадлежит прежде всего рост централизации и обобществления производства. Производство приобретает все более общественный характер в силу действия не каких-то внешних причин, а в силу действия внутренних законов капитализма. «Централизация средств производства и обобществление труда, — пишет Маркс, — достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается» [1].

Это и есть вопрос о мере капитала, капиталистического способа производства.

3

В первом томе «Капитала» Маркс делает важное замечание по этому поводу. Анализируя различие между простым товарным обращением, выраженным в формуле *Т—Д—Т*, и капиталистическим обращением, представленным в формуле *Д—Т—Д*, Маркс пишет: «Повторение, или возобновление продажи ради купли, так же как и самый этот процесс находят меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели, — в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 773.

и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно» [1].

Что значат слова о том, что мера процесса простого товарного обращения находится *вне* этого процесса? Это значит, что мера здесь определяется не автоматически и постоянно возобновляющимся процессом, в котором деньги устраивают бешеную гонку ради увеличения своего количества. Единственное, что обусловливает здесь меру процесса, — это удовлетворение потребностей. Каждый кругооборот по формуле *Т—Д—Т* имеет вследствие этого как бы законченный характер: удовлетворяя определенную потребность, он выполняет свою роль. Конечно, вслед за этим он снова возобновится, но только тогда и постольку, когда и поскольку возникнет цель, лежащая *вне* его собственного движения, — цель удовлетворения новой потребности.

Совсем иные мотивы обусловливают меру движения капитала. Эти мотивы, стимулы определяются целью, находящейся не *вне*, а *внутри* самого движения капитала, «так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения»[2]. Поэтому каждый отдельный кругооборот капитала не имеет законченного характера. Он достигает конечного пункта для того, чтобы тут же начать его сызнова, чтобы увеличенные деньги снова умножить и т. д. и т. д. «Поэтому,— пишет Маркс,— движение капитала не знает границ» [3].

Было бы, однако, неверно делать отсюда вывод, что мера капитала состоит, так сказать, в безмерности, что капиталистическое общество не знает меры, не подчиняется «закону меры». Правда, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, говоря о деньгах как форме капитала, указывает, что их единственное могущественное свойство — это *количество,* «подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к *количественной* сущности». Из этого он заключает, что «*безмерность* и *неумеренность*» есть их «истинная мера» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 162.
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 599.

Ясно, что эти слова нельзя понимать так, будто капитал, его движение не знает меры. Безмерность, безграничность движения капитала следует понимать прежде всего лишь в том смысле, что его *стремление* к самовозрастанию бесконечно, и именно это содержание Маркс вкладывает в слова «движение капитала не знает границ». Но отсюда же вытекает и другой оттенок понятия «безмерности» капитала: стремление к бесконечному самовозрастанию не считается ни с какой мерой, которая объективно присуща всему, в том числе и капиталу. Мера — это не просто количество, а *качественное* количество, а это означает, что всякая мера имеет свою границу. Выход количества за границы, определяемые качеством, взрывает меру.

То свойство капитала, денег как формы капитала, которое Маркс определил как количество, как «количественную сущность», — это свойство и гонит его за пределы меры. Разумеется, не всякое нарушение меры означает ее взрыв, уничтожение. Всякая мера так или иначе эластична. Но неизбежно наступает такой час, когда мера переполняется и безмерность становится синонимом нежизнеспособности данной меры. Маркс точно установил меру капиталистического способа производства: это такой рост обобществления труда, централизации производства, «когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой». Иначе говоря, как ни «могущественно» свойство капитала количественно возрастать, это свойство в конце концов упирается в границу, и эта граница — качество капитала, т. е. капиталистические производственные отношения.

Однако этот вопрос о мере капитала требует более детального анализа. Мы воспользуемся некоторыми замечательными мыслями, имеющимися по этому поводу в Марксовых экономических рукописях 1857—1858 гг.

Выше было сказано, что в противовес простому товарному обращению, когда мера находится *вне* процесса обмена, т. е. в потреблении, мера капитала лежит в самом процессе движения капитала, имеющем своей целью самовозрастание капитала. Но это не совсем точно. Более обстоятельное рассмотрение вопроса показывает, что в действительности мера капитала находится и *внутри,* и *вне* движения капитала одновременно. Дело в том, что капитал производит продукты не только как

стоимости, но и как потребительные стоимости, ибо товары создаются для того, чтобы их потреблять. Поэтому при определении меры капитала необходимо сообразоваться не только с одной стороной товара, т. е. со стоимостью, но и с другой его стороной — с потребительной стоимостью. Необходимость в товаре в конечном счете определяется объемом совокупного потребления. Вот это последнее и выступает, говорит Маркс, «как *мера* для продукта как потребительной стоимости, а поэтому и как *меновой стоимости*». Если бы мера капитала определялась только производством меновой стоимости, то она была бы тождественна безмерности, и тогда на самом деле не существовало бы никаких границ для движения капитала. Но так как товары выступают и в качестве потребительных стоимостей, то они должны «иметься налицо только в определенном количестве, в *количестве*, мера которого не заключается в *овеществленном в ней* (т. е. потребительной стоимости. — *М. Р.*) *труде*, а вытекает из *его природы как потребительной стоимости*, притом *потребительной стоимости для других*»[1].

Выходит, что капитал имеет как бы две меры. Производя товары как воплощения стоимости, притом увеличенной стоимости, т. е. как воплощения прибавочной стоимости, он не связан ни с какой мерой, его природа в этом смысле безмерна. Маркс и говорит о «безмерности стоимости». Производя товары как потребительные стоимости, капитал связан с мерой, лежащей уже *вне* стоимости, определяющейся уже природой товара в качестве потребительной стоимости. Эту «двойную меру» капитала Маркс показывает, критикуя положение буржуазных экономистов о совпадении, тождестве спроса и предложения. Согласно этой точке зрения, мера движения капитала определяется предложением, и только предложением. Маркс говорит по поводу этого взгляда: «Предложение будто бы это именно спрос, измеряемый своим собственным количеством. Здесь большая путаница: 1) эта тождественность предложения, которое таким образом есть спрос, измеряемый своим собственным количеством, правильна лишь поскольку оно есть *меновая стоимость*, равная определенному количеству ове-

[1] *Karl Marx.* Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie. Berlin, 1953, S. 310.

ществленного труда. Постольку предложение есть мера собственного спроса, — что касается *стоимости.* Но как такая стоимость она реализуется лишь путем обмена на *деньги,* и как объект обмена на деньги она зависит от 2) своей *потребительной стоимости,* а как потребительная стоимость — от наличной массы потребностей, от потребностей в ней. Но как потребительная стоимость она абсолютно не измеряется овеществленным в ней рабочим временем, но к нему применяется масштаб, лежащий вне его природы как меновой стоимости» [1].

Однако эти две меры капитала не представляют собой безразличные по отношению друг к другу сущности. Это противоположные меры, находящиеся в неразрывной связи между собой. Это не противоречие в разных отношениях, а в одном и том же отношении. И именно потому двойная мера капитала трансформируется в конечном счете в одну единую меру, меру чрезвычайно противоречивую: как таковой, капитал стремится к безграничности, к безмерности, но, находясь в зависимости от объема потребления, он связан с определенной мерой. Поэтому движение капитала определяется не «безмерностью стоимости», а мерой потребления, или, строже говоря, противоречие его меры заключается в том, что он стремится все время к выходу за границы меры, а его «имманентные границы», употребляя выражение Маркса, ставят постоянно предел его движению. Эта противоречивая сущность меры капитала — источник периодических кризисов перепроизводства. Вот почему Маркс говорит, что имманентные границы капитала совпадают с самой его природой, с существенными определениями капитала.

Социализм, приходящий на смену капитализму, означает возникновение новой меры движения. Внешне она как бы восстанавливает меру, свойственную простому товарному обращению. И при социализме процесс движения, выражаясь словами Маркса, находит меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели — в удовлетворении потребностей. Здесь также не движение, как таковое, т. е. движение денег с целью их самовозрастания, имеет самодовлеющее значение. Но на этом заканчивается аналогия. Простое товарное обращение содержало в

---

[1] *Karl Marx.* Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 315.

себе возможность превращения в капиталистическое. Эта возможность исчезает в социалистическом обществе, в котором еще сохраняются товар и деньги. И самое главное, социалистическое производство — это общественно организованное, основанное на планомерной организации производство, имеющее своей целью всестороннее удовлетворение потребностей людей. Поэтому мера здесь состоит из иного качества и количества, из иного их соотношения. Однако тот факт, что здесь мера движения определяется целями, лежащими вне этого движения, — интересами общества и его членов, накладывает совершенно новый отпечаток на закономерности всего развития по сравнению с капитализмом. На смену стремлению к безмерности приходит такой ритм движения, который характеризуется «мерностью». Само понятие планомерности отражает эту мерность развития, отрицающую кризисы перепроизводства и т. п. Это, конечно, не значит, что в социалистическом обществе совершенно исключается «аритмия» производства и обращения. (Она возможна вследствие плохого планирования, неумелого руководства или каких-либо стихийных бедствий.) Речь идет лишь о том, что новые качественные особенности социализма приносят с собой новые количественные закономерности — убыстрение развития производства, более благоприятные возможности роста производительности труда и т. д. Новые же количественные возможности не знают тех границ, в которые упирается развитие производительных сил при капитализме.

Это и значит, что социализм есть *новая мера движения.*

4

Примечательной стороной Марксова исследования и применения законов и категорий диалектики (в том числе и рассматриваемых в настоящей главе) следует считать не только то, что эти законы и категории помогают понять действительность, исследовать ее в развитии, но и то, что они выступают в качестве «указателей» того, как должно строиться само исследование, какой должна быть логика процесса познания. Эту сторону дела необходимо постоянно помнить, ибо это та суть диалектики, о которой с такой настойчивостью говорил Ленин и которую он обнаружил в «Капитале» во всей ее силе и полноте.

Мы видели, что, анализируя движение и развитие товарного производства сначала в его простой, а затем в сложной капиталистической форме, Маркс изучает качественные и количественные закономерности этого движения и развития, их меру. Логическая функция этих категорий состоит в данном случае в том, что они направляют процесс познания, определяют его «ритм», путь, логику переходов понятий. Качественные изменения, совершаемые в результате количественных изменений, смена одной меры движения другой — вот та канва, которая (под углом зрения интересующего нас здесь вопроса) обусловливает движение анализа. Эта логическая сторона рассматриваемых категорий неразрывно связана с «онтологической» их стороной. Имея дело с той или иной ступенью развития, Маркс не оставляет ее до тех пор, пока ее качественная определенность достаточно емка и вместительна, чтобы выдержать напор количественных изменений, совершающихся в ее рамках. Затем он фиксирует качественные изменения, происходящие в результате этих количественных изменений, возникновение новых ступеней с новыми качественными и количественными закономерностями. Каждая из этих ступеней резюмируется в соответствующих экономических понятиях и категориях, а весь процесс — в переходах одних понятий и категорий в другие. Таким образом, «узловая линия мер» отображается в науке посредством *«узловой линии понятий»*, скажем, таких, как «простая», «развернутая», «всеобщая», «денежная» формы стоимости, «простая кооперация», «мануфактура», «крупная машинная промышленность» и т. п.

Мысль Маркса, его анализ не совершает неестественных прыжков, перескоков, которые бы искажали отражение объективного ритма развития самой действительности. Это, разумеется, не значит, что мысль Маркса рабски следует за всеми зигзагами эмпирического развития, в чем можно будет убедиться при рассмотрении вопроса о соотношении логического и исторического в процессе познания. Речь идет лишь о том, что логика познания в целом (и в этом ее сила) определяется у Маркса логикой качественно-количественных изменений самой реальности. Объективная структура переходов количества в качество и, наоборот, перехода низших мер в выс-

шие находит свое идеальное выражение в структуре понятий и категорий, в структуре Марксовой теории.

Не удивительно поэтому, что и конечный результат Марксова анализа, его вывод о неизбежности коренного, качественного изменения капиталистического способа производства и замене его способом социалистическим был столь хорошо аргументирован и обоснован.

Не удивительна с этой точки зрения и та сила, с какой Маркс сумел поразительно точно за много лет вперед предвидеть такие формы развития, которые становятся господствующими только в наше время, хотя само по себе это достойно удивления. Известно, что в появившихся в его время первых акционерных обществах Маркс усмотрел важное качественное изменение в формах капиталистического способа производства. Он увидел в этом «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность» [1]. Он указывал, что эта новая форма ведет к установлению монополии «и потому требует государственного вмешательства» [2].

Слова о необходимости государственного вмешательства были написаны тогда, когда вся буржуазная политическая экономия еще захлебывалась от удовольствия, рисуя идиллическую картину капиталистического общества, «нормально» функционирующего благодаря стихийному рыночному механизму, когда господствующим принципом был принцип *свободной конкуренции*.

Незадолго до того, как Маркс сделал этот прогноз о необходимости государственного вмешательства, Бастиа написал следующие слова по поводу роли государства в экономике буржуазного общества: «Государство — это громадная фикция, посредством которой все стараются жить на счет всех». Государство должно лишь «облегчить каждому свое». Сейчас, кажется, нет ни одного руководства по буржуазной политической экономии, в котором не говорилось бы о всеспасающей роли государства в капиталистической экономике.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 480.
[2] Там же, стр. 481—482.

Марксов прогноз, согласно которому на высшей ступени развития капиталистического способа производства потребуется вмешательство государства в дела экономики, позволяет понять логику предвидения под углом зрения рассматриваемых в настоящей главе диалектических категорий и законов.

Как видно из сказанного выше, логика исследования у Маркса имеет определенное направление, а именно установление тенденции ко все большему росту и развитию форм обобществления производства в рамках «меры капитала». До поры до времени этот количественный рост в пределах данной меры не грозит ее существованию и стихийный рыночный механизм, являющийся, так сказать, «классической» формой капиталистического способа производства, способен так или иначе справиться с ростом общественного характера производства. Но на какой-то ступени этот рост настолько переполняет меру капитала, что стихийный рыночный механизм уже не в состоянии совладать с формами обобществления больших масс средств производства, которые к тому же имеют тенденцию к еще большей концентрации. Требуется организация, способная еще на капиталистической почве сочетать новое содержание с отживающей мерой. Такой организацией становится буржуазное государство.

Конечно, логика предвидения основывается не только на рассмотренных в данной главе категориях. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, укажем сразу, что исследование тенденции к новым формам обобществления вплоть до возникновения государственных форм у Маркса тесно связано с анализом диалектики развития капиталистических противоречий. Увидя в акционерных формах капитала важную особенность, придающую ему «в противоположность частному капиталу» «форму общественного капитала» [1], Маркс устанавливает, что это прямой результат развития основного противоречия буржуазного способа производства, когда растущий общественный характер производства настоятельно требует новой общественной формы их организации, несовместимой с капиталистической собственностью. Согласно Марксу, акционерная форма преодолевает противоречие, заложенное в самой сущности капитала, — противоречие между средствами

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 479.

производства, производительными силами, имеющими общественный характер, и частной капиталистической собственностью. Но это — преодоление на основе самой капиталистической собственности. Маркс характеризует этот процесс как «само себя уничтожающее противоречие», которое представляется «простым переходным пунктом к новой форме производства» [1].

Таким образом, в акционерной форме Маркс видел новую ступень развития противоречий *капиталистического* способа производства. Это тем более важно подчеркнуть, что современные буржуазные экономисты, а также реформисты применяют новый маневр против Маркса и марксизма. Они утверждают, что все экономическое учение Маркса базируется на анализе старого капитализма периода середины XIX в. Теперешний же капитализм стал иным и потому учение Маркса-де устарело. Маркс, конечно, имел дело со старыми формами капитализма, и марксисты меньше всего склонны изображать своего учителя как пророка. Если марксизм дает возможность предвидеть на многие годы вперед, то это объясняется не особым даром, а тем, что предвидение это покоится на фундаменте строгих фактов и законов.

Правда, как отмечает Энгельс, Маркс столкнулся лишь с первыми проявлениями новых форм капитала. Готовя к печати третий том произведения Маркса, Энгельс в тексте первой части этого тома указывает, что после смерти Маркса появились более высокие формы акционерного общества. Он констатировал, что прославленная свобода конкуренции «находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве» [2]. То, что марксисты утверждали семьдесят лет назад, вынуждены сейчас признавать и буржуазные экономисты, цедящие сквозь зубы запоздалые сентенции о том, что век свободной и «совершенной» конкуренции канул в вечность.

Повторяем, первые проявления акционерного общества Маркс исследовал как лишь более глубокую ступень противоречий буржуазного производства, ибо обобществление здесь поднимается выше, вследствие чего конфликт между обобществленным производством и капиталистической

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 481.
[2] Там же.

собственностью становится острее. Мысль Маркса заключается в том, что эта новая форма вступает в еще более глубокое противоречие со своим содержанием. «В акционерном деле, — пишет он, — уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде» [1].

Прослеживая дальнейшее развитие этого противоречия в данном направлении, Маркс понимал, что вполне возможна и даже необходима еще более высокая ступень обобществления в рамках капитализма, когда потребуется государственное вмешательство в дела буржуазной экономики, когда без этого капиталистическое производство не сможет существовать и развиваться. «Как такое противоречие, — писал Маркс, — оно выступает и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства» [2].

Из этих слов видно, что предвидение Маркса есть результат исследования также и противоречий капитала, в данном случае — противоречия между ростом общественного характера производства и формами, в которых происходит этот рост, ибо общественный характер производства требует соответствующих ему форм.

В этой связи интересно напомнить некоторые места из «Анти-Дюринга» Энгельса, произведения, о котором с правом можно сказать, что изложенные в нем взгляды принадлежат обоим основоположникам марксизма [3]. Говоря о том, что на известной ступени развития становится недостаточной и такая форма, как акционерные общества, Энгельс указывает, что государство «как официальный представитель капиталистического общества» «вынуждено» взять на себя «руководство» средствами производства. «Эта необходимость превращения в государственную собственность, — пишет далее Энгельс, — наступает *прежде*

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 483.
[2] Там же, стр. 481—482.
[3] См. предисловие Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 20-му тому Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. VII.

всего (курсив мой. — *М. Р.*) для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог» [1]. Ясно, как следует из подчеркнутых нами слов, что это только начало, что за указанными средствами производства, достигшими в то время наибольшей степени концентрации, последуют другие.

При этом Энгельс говорит об *экономической* неизбежности «огосударствления» и добавляет, что если его совершит буржуазное государство, то это будет «экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы» [2].

Таким образом, логика предвидения в данном случае базируется на анализе объективного процесса перехода количества в качество, на исследовании процессов, протекающих внутри «меры капитала», на рассмотрении тенденций развития противоречий капитала. Схема, основная линия этого развития такова: простая кооперация как начальная форма обобществления производства — мануфактура — крупная машинная промышленность — акционерная и другие формы монополии — огосударствление как высшая и возможная (и необходимая на известном этапе) при капитализме ступень. Все эти формы возникают в определенных узловых моментах развития и разрешения противоречий капиталистического производства. *Логика Марксова предвидения есть обобщенная теоретическим путем объективная логика развития капитализма, логика «железных фактов».*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 289.

[2] Там же.

Глава четвертая

Развитие как процесс возникновения, нарастания и преодоления противоречий. Категория противоречия

Исследуя процесс развития, качественные превращения, претерпеваемые капиталистическим способом производства, Маркс видит основу и источник этих процессов в противоречиях. Противоречия — двигательная сила всего развития капитала от его возникновения до его конца.

Маркс в «Капитале» с предельной ясностью и точностью формулирует свой взгляд на этот вопрос: «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» [1].

Вот подлинный ключ ко всему «Капиталу», к методу и логике этого произведения! Легко поэтому понять, какое богатство идей мы находим в «Капитале» по вопросу о противоречиях. Развитие совершается в противоречиях. Борьба противоположностей есть движущая сила развития. Для капитализма особенно характерна антагонистичность господствующих в нем классовых отношений. Научно показать возникновение, развитие и неизбежную гибель капиталистического способа производства — значит исследовать, как возникают противоречия капитализма, как они развиваются и обостряются, превращаясь в непримиримые крайности, как на определенной ступени эти противоречия взрывают изнутри капиталистический строй и приводят к социалистической революции. Вот почему Маркс уделяет такое большое внимание вопросу о противоречиях капитализма и тем самым разрабатывает диалектическое учение о противоречиях вообще.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 499.

Маркс имеет дело с конкретными противоречиями конкретной исторической формации. Следовательно, нельзя догматически переносить выводы, которые делает Маркс из своего анализа капиталистического общества, на социалистическое общество. Не следует забывать указание Ленина о том, что Маркс в «Капитале» дал «диалектику буржуазного общества», что эта диалектика «есть лишь частный случай диалектики». Однако, применяя учение диалектики о противоречиях к рассмотрению капиталистического способа производства, Маркс неизбежно должен был обосновать и разъяснить ряд важных положений, имеющих общефилософское значение.

1

Исследуя противоречия капитализма, их развитие и обострение, Маркс вел настоящую войну против метафизического подхода к анализу общественного развития со стороны старой и современной ему буржуазной политической экономии, против разномастных мелкобуржуазных романтиков, стремившихся смягчить, затушевать, прикрыть противоречия буржуазного строя.

Маркс отдавал дань уважения своим предшественникам, представителям классической буржуазной политической экономии Смиту и Рикардо, за то, что они видели некоторые существенные противоречия капиталистического производства и открыто признавали их. Противопоставляя Рикардо его ученику Джеймсу Миллю, с которого началось разложение рикардианской школы, Маркс замечает: «У учителя [у Рикардо] новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений» [1]. То же можно сказать и об Адаме Смите. Будучи представителями передовой буржуазии, Смит и Рикардо смело провозглашали коренное противоречие между интересами развития производительных сил и интересами старых сил феодального общества. Смит говорил о непроизводительности труда государей, попов, лакеев и прочей челяди феодального общества.

В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» Смит не скрывает и противоположно-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 82.

сти интересов рабочего класса и буржуазии. Он не боится указать, что ни один другой класс не страдает так жестоко от упадка общества, как рабочие. Смит, конечно, исходит из ложной теории о тождестве интересов всех классов буржуазного общества, и как идеолог буржуазии он не мог и не хотел понять коренной противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Но все же он чувствует, что пролетарии вовсе не хотят признать это мнимое тождество, что они не способны, как он говорит, уразуметь связь своих собственных интересов с интересами всего буржуазного общества. Превознося буржуазию как самый «разумный» и «сообразительный» класс, Смит не может умолчать о том, что так как для капиталистов самое главное — получение высокой прибыли, то их интересы «не так связаны с общими интересами общества».

Насколько Маркс ценил всякое проявление понимания его предшественниками противоречий развития, показывает следующий пример. У Смита часто смешивались и мирно уживались экзотерический и эзотерический методы, за что Маркс критиковал его. Однако за этим смешением у Смита нередко пробивалось ощущение противоречивости рассматриваемых им явлений. Правда, объективные диалектические противоречия развития принимали у него вид чисто «логических» противоречий, противоречащих друг другу мыслей, положений. Но за непоследовательностью скрывались важные проблемы, которые он ставил, хотя решить их он не сумел.

«Противоречия А. Смита,— отмечает Маркс,— важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит» [1]. В этом отношении Маркс в ряде случаев ставит Смита выше Рикардо, у которого строгая последовательность мысли (скажем, в применении закона стоимости) сочеталась с непониманием противоречий, появляющихся с переходом от простого товарного производства к капиталистическому.

Смит, например, колебался между двоякого рода определениями стоимости товара. В одном случае при определении стоимости товара он исходил из того, что она обусловлена количеством труда, необходимого для его производства. В другом случае он определял стоимость

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 132.

путем апелляции к количеству живого труда, на которое может быть куплен товар, или к количеству товаров, на которое может быть обменено определенное количество живого труда. Как указывает Маркс, он делает мерой стоимости товаров меновую стоимость труда, т. е. фактически заработную плату.

Рикардо вскрывал это противоречие Смита, полагая, что это простая непоследовательность, нарушение формальнологического закона противоречия. Он, говорит Маркс, не заметил более глубокой основы этой «непоследовательности», «не дал правильной оценки вскрытому им противоречию, а потому и не разрешил его» [1]. Сам Маркс за этой непоследовательностью увидел глубокий смысл, т. е. *реальное диалектическое противоречие,* которое Смит не сумел объяснить.

Смит исходит из простого товарного обмена, где производители вначале противостоят друг другу как товаровладельцы.

Маркс показывает, что если исходить из такого предположения, то определенное количество живого труда обменивается на равное количество овеществленного труда. Поэтому здесь «стоимость труда равна стоимости продукта труда». Положение изменяется, когда начинается обмен между капиталом и трудом, между овеществленным трудом и трудом живым. Смиту казалось, что теперь мерой стоимости уже не может быть количество труда, затраченного на производство товаров, поскольку товары, в том числе и труд, ставший товаром, обмениваются не в соответствии с содержащимися в них количествами труда. Действительно, овеществленный труд, капитал, обменивается на живой труд, труд наемного рабочего, не в равной пропорции. Большее количество труда рабочего обменивается на меньшее количество труда, овеществленного в капитале, и, наоборот, меньшее количество труда, овеществленного в капитале, обменивается на большее количество труда, который отдает капиталисту рабочий. Отсюда Смит и делает вывод, что в новых условиях закон стоимости нарушается, исчезает эквивалентный обмен, лежащий в основе закона стоимости, имманентной мерой которой должно быть рабочее время, затраченное на производство товаров. Отсюда же и второе определение стои-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 44.

мости товара, которая, на его взгляд, обусловлена уже не количеством труда, содержащегося в нем, а отличным от него количеством чужого живого труда, которое можно приобрести на этот товар.

Следовательно, Смит нащупал действительное противоречие, заключающееся в том, что при капиталистическом производстве эквивалентный обмен между капиталом и трудом остается лишь, как выразился Маркс, формой, которая чужда действительному содержанию. Маркс показал, что это противоречие оставалось необъяснимым, пока «капитал противопоставлялся прямо труду, а не рабочей силе» [1]. С введением понятия рабочей силы и соответственно понятия стоимости рабочей силы стало ясно, что закон стоимости и при капитализме регулирует товарный обмен. Обмен большего количества живого труда на меньшее количество труда овеществленного означает лишь то, что обогащение капиталиста, увеличение прибавочной стоимости зависит от степени эксплуатации живого труда, но не то, что товары перестали обмениваться в соответствии с законом стоимости.

Однако объяснение противоречия не означает исчезновения противоречия. В известном смысле закон стоимости при капитализме действительно превращается в свою противоположность, и Маркс говорит не только о «кажущемся», но «по своему результату и действительном» противоречии. Он видит заслугу Смита именно в том, что он подчеркивает, «что с *накоплением капитала* и с *возникновением собственности на землю*, следовательно вместе с обособлением условий труда, противостоящих теперь самому́ труду, происходит поворот, кажущееся (и фактическое по своему результату) превращение закона стоимости в его противоположность. Если теоретическая сила А. Смита заключается в том, что он чувствует и подчеркивает это противоречие, то его теоретическая слабость — в том, что это противоречие сбивает его с толку даже при рассмотрении общего закона в его применении к простому обмену товаров, что он не понимает, как возникает это противоречие, обусловленное тем, что сама рабочая сила становится товаром и что у этого специфического товара сама его потребительная стоимость, не имеющая, стало быть, ничего общего с его

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 47.

меновой стоимостью, представляет собой энергию, создающую меновую стоимость» [1].

Отмечая некоторые положительные и ценные моменты в вопросе о противоречиях у классиков буржуазной политической экономии, Маркс подверг глубокой и всесторонней критике их в целом метафизический подход к этому вопросу. Они были чрезвычайно далеки от понимания действительных противоречий простого товарного и капиталистического производства. На место противоречия классики буржуазной политической экономии ставили тождество. Они не видели, что каждый свой шаг буржуазное общество делает в противоречиях и что разрешение тех или иных противоречий не снимает, а, наоборот, создает почву для их дальнейшего обострения.

На всем протяжении «Капитала», в письмах по поводу «Капитала» и в других произведениях Маркс критикует Смита и Рикардо за их нежелание и неумение видеть внутреннюю противоречивость всех экономических явлений и процессов капитализма. О Рикардо Маркс пишет, что он преклоняется в буржуазном производстве перед тем, что оно по сравнению с более ранними формами производства способствует беспрепятственному развитию производительных сил. Там, где оно перестает это делать или где выступают противоречия, Рикардо отрицает противоречия. Смит и Рикардо не поняли действительных противоречий товара, обмена, денег, капитала, противоречий капиталистического накопления и т. д. Они совершенно не способны были вскрыть внутренние противоречия труда, производящего товары.

Когда же Маркс рассматривает теории вульгарных экономистов, он бичует сознательное замазывание ими противоречий буржуазного производства, клеймит их приспособленчество, высмеивает их трусость, беспощадно срывает маски с «экономической апологетики».

Одна из характерных черт метода экономической апологетики, указывает Маркс в первом томе «Капитала», — это попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства. О методе Милля он пишет: «Где экономическое отношение, — а значит и категории, его выражающие, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно един-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 62.

ством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» [1].

Яркую характеристику этой главной стороны метода всей буржуазной политической экономии дал Маркс в следующих словах: «В кризисах мирового рынка бурно прорываются наружу противоречия и антагонизмы буржуазного производства. Но вместо того чтобы исследовать, в чем состоят те антагонистические элементы, которые разражаются катастрофой, апологеты удовлетворяются тем, что отрицают самую катастрофу и вопреки ее закономерной периодичности упрямо утверждают, что если бы производство направлялось по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса. Апологетика состоит здесь, далее, в фальсификации простейших экономических отношений и особенно в том, что вопреки противоположности фиксируется единство» [2].

Эти слова бьют и современных апологетов капитализма. В период всеобщего кризиса капитализма невозможно уже отрицать экономические катастрофы, кризисы. Но самый глубокий источник кризиса — существование капитализма и его противоречий — и сейчас так же отрицается, замазывается буржуазными экономистами, как и сто лет назад.

Маркс критикует экономистов и философов не только за то, что они отрицают противоречия, не замечают их, но и за то, что, видя их, они стараются посредством операций «чистого мышления» снять их, примирить, «синтезировать» и т. п. Некоторые из мелкобуржуазных экономистов, сочувствовавших пролетариату, неплохо вскрывали противоречия капитализма. Но, не понимая, что только развитие этих противоречий до конца и преодоление их есть путь образования новой, более прогрессивной исторической формы, они призывали человечество вернуться к давно пройденным ступеням развития. Так, о Сисмонди Маркс пишет, что он обращается назад, к устарелым формам противоречия, чтобы избавиться от него в его острой форме. Одни, указывает Маркс, хотят увековечить противоречия капитализма ради его плодов,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 86.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 556.

несмотря на то что эти плоды производятся в чрезвычайно антагонистической форме. Другие решают пожертвовать созревшими плодами, лишь бы избавиться от противоречий.

Никто из предшественников Маркса не мог с научных позиций решить вопрос о противоречиях, об их роли в развитии. В этой связи следует остановиться на понимании вопроса о противоречиях у Гегеля.

«Капитал», будучи настоящей энциклопедией материалистической диалектики, ярко демонстрирует преимущества новой, подлинно научной диалектики, созданной Марксом, перед идеалистической диалектикой. В этом смысле в «Капитале» проводится хорошая параллель между диалектикой материалистической и диалектикой идеалистической, параллель, вскрывающая всю силу и мощь первой и ограниченность второй. Поэтому, как уже указывалось, «Капитал» был не только критикой метафизики буржуазной политической экономии, но и критикой, употребляя выражение Маркса, мистифицированной стороны гегелевской диалектики. Недаром сам Маркс в послесловии ко второму изданию своего главного произведения уделил столько внимания характеристике коренной противоположности своей диалектики диалектике Гегеля.

Противоположность материалистического и идеалистического подхода к развитию обусловила различное решение вопроса о противоречиях в диалектике Маркса и диалектике Гегеля. Исходя из конкретных фактов, имея дело с реальной действительностью, Маркс прослеживал в «Капитале» развитие противоречий, их переход из одной формы в другую, их реальное разрешение. И так как в объективной, независимой от сознания людей действительности противоречия не примиряются, а преодолеваются в борьбе, то в «Капитале» дано в высшей степени революционное учение о противоречиях.

Другое дело у Гегеля. Было бы нелепостью хоть сколько-нибудь умалять заслуги Гегеля в разработке диалектического учения о противоречиях. До сих пор поражает глубина его мыслей по этому вопросу, его понимание противоречий как движущей силы вещей и понятий. Маркс, Энгельс и Ленин отдают полную дань уважения его исторической заслуге в этом отношении. Но, хотя Гегель и сумел в диалектике понятий гениально

угадать диалектику самих вещей и поэтому разработать ряд ценных положений по вопросу о противоречиях, тем не менее его учение в целом, особенно когда он имел дело с развитием общества, направлено на примирение противоречий. Гегель имеет дело не с реальными фактами, не с реальной действительностью, а с идеей, которую он обожествляет. Не выходя за пределы чистой, «абсолютной» идеи, невозможно понять действительные законы развития и преодоления противоречий. При этом, конечно, не следует забывать, что гегелевский идеализм в целом, как и идеалистический характер его диалектики в частности, были философским выражением его классовых позиций. В противоположности марксистской материалистической диалектики и диалектики идеалистической воплотилась противоположность пролетарского и буржуазного мировоззрения.

На то, что в идеалистической диалектике противоположности в конечном счете примиряются, синтезируются, Маркс указал еще в своих ранних работах — в «Критике философии государственного права Гегеля» и «Нищете философии». Полемизируя с Прудоном, Маркс, как он сам говорит, излагает и гегелевскую диалектику, которую Прудон свел к самым жалким размерам. Обнажая идеалистическую сущность диалектики Гегеля, Маркс показывает, как может происходить развитие «чистого разума», отвлеченного от реальной действительности. «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыркаться, ставя самого себя, противополагая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание. Говоря по-гречески, мы имеем: тезис, антитезис, синтез. Что касается читателей, незнакомых с гегельянским языком, то мы им сообщим сакраментальную формулу: утверждение, отрицание, отрицание отрицания» [1].

Далее Маркс показывает, что, разделяя себя на противоположности, «чистый разум» может эти противоположности снова соединить, синтезировать, для того чтобы полученное затем опять-таки разделить, раздвоить и т. д.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 130.

В «Капитале» Марксу не было нужды придумывать синтез таких противоположностей, как, скажем, потребительная стоимость и стоимость товара, ибо в самой реальной жизни движение этих противоположностей приводит независимо от разума человека к возникновению нового противоречия. Но в царстве «чистого разума», где конструктором мира является сам философ, движение по неизбежности должно иметь характер независимого от объективного развития разделения мысли на две противоположности и следующего за этим примирения их в некоем высшем синтезе.

Примените этот метод к категориям политической экономии, говорит Маркс, и вы получите логику и метафизику политической экономии. Что получается в результате такого применения идеалистического метода к политической экономии, Маркс показал на примере Прудона. Конечно, Прудон не идет ни в какое сравнение с Гегелем, который при всей порочности своего философского идеализма был великим мыслителем. Но дело здесь не в масштабах, не в сравнении силы ума двух мыслителей, а в сути метода. Растворяя реальные экономические отношения в абстракциях, в мыслительных категориях, противопоставляя «плохие» и «хорошие» категории, Прудон ищет формулу, которая бы сняла, уравновесила, синтезировала противоположности. Но истинный синтез, указывает Маркс, заключается в реальном движении противоречий, которое уничтожает реальным же образом самое основу их.

«Желая примирить противоречия, — пишет Маркс в письме к Анненкову, — г-н Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и палату пэров, в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламентов, ни дворянства.

Истинным способом уравновесить этот антагонизм было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений» [1].

Еще за несколько лет до этого письма, написанного в 1846 г., Маркс в своей работе «Критика философии государственного права Гегеля» подверг беспощадной критике гегелевский метод «опосредствования», примирения противоречий. Гегель в «Философии права» превращал такие реальные противоречия, как противоречие между бесправным народом, с одной стороны, и государственной властью — с другой, сначала в определения идеи, а затем насильственно в сфере той же идеи объединял их, синтезировал, создавал иллюзию их единства. У него эти противоположности не выступают друг против друга во взаимной борьбе, как это имеет место в самой действительности, а опосредствуют друг друга, парализуют свою взаимную враждебность. Он, говорит Маркс в названной работе, довольствуется мнимым разрешением этого противоречия и это мнимое разрешение выдает за сущность дела.

Превращая государственную власть в понятие «единичность», а народ в понятие «всеобщность», Гегель представляет дело так, что все взаимоотношения между ними есть не что иное, как логическое умозаключение. А логическое противоречие между «единичностью» и «всеобщностью» в сфере чистой мысли не так уж трудно «снять», «разрешить».

Развенчивая абсурдность этого «опосредствования», Маркс доказывает, что если отбросить всю идеалистическую спекуляцию и иметь дело с реальными противоположностями общества, то нетрудно понять, что эти реальные противоположности находятся в состоянии борьбы и только в борьбе противоречия действительно разрешаются. И в этой ранней работе Маркс формулирует важнейшее положение материалистической диалектики — положение о борьбе противоположностей как движущей силе развития.

Маркс указывает, что противоположности не могут быть опосредствованы, примирены именно потому, что они противоположности. Но они и не требуют такого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 410—411.

опосредствования. Маркс выступает против тех философов и экономистов, которые резкость действительных противоположностей считают чем-то вредным и стараются по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, «между тем как это превращение означает не что иное, как их самопознание и в равной мере их пламенное стремление к решающей борьбе...» [1]. В этих словах прекрасно выражен революционный характер марксистской диалектики в противоположность духу примирения противоречий в идеалистической философии.

В дальнейшем Маркс развивает, углубляет свои положения. Но особенное значение в плане разработки и развития учения материалистической диалектики о борьбе противоположностей имеет «Капитал». Подвергнув глубокой критике буржуазные концепции в экономической науке и показав полную несостоятельность метафизического метода, Маркс на конкретном анализе капиталистического способа производства дал глубокую и всестороннюю разработку коренного вопроса диалектики — вопроса о развитии путем борьбы противоположностей.

2

Придавая такое важное значение противоречиям как движущему фактору развития, Маркс, естественно, в «Капитале» уделяет большое внимание самому понятию противоречия, раскрывает его содержание, различные оттенки, показывает богатство сторон и граней этого понятия.

Что Маркс понимает под противоречием, лучше всего обнаруживается при рассмотрении его анализа товара в первой главе первого тома «Капитала». Логика этого анализа с самого же начала подчинена исследованию противоречий товара. Маркс начинает с того, что обнаруживает двойственный характер товара. Сначала он говорит об одной стороне товара — его потребительной стоимости, а затем о другой его стороне — меновой стоимости. Вначале обе эти стороны выступают как некие самостоятельные, безразличные по отношению друг к другу. Но даль-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 322.

нейший анализ показывает, что, поскольку они составляют стороны, части целого, они не только самостоятельны, но и зависимы друг от друга. Дело обстоит не так, что эти стороны или моменты существуют отдельно друг от друга во времени и пространстве. В действительности они *одновременно* существуют в товаре и его нет вне его двойной формы, т. е. он представляет живое единство потребительной стоимости и меновой стоимости или, точнее, стоимости как носительницы меновой стоимости. Продукты, говорит Маркс, становятся товарами «лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости» [1].

Этот момент необходимо учесть, чтобы правильно понять сущность противоречия. Нередко диалектическое противоречие изображается в виде единства сторон, которые различны в *разных* отношениях. Так, скажем, товар представляет собой потребительную стоимость *по отношению* к покупателю и, напротив, меновую стоимость *по отношению* к производителю. В таком изображении подчеркивается самостоятельность различных сторон, моментов целого, но упускается из виду их связь и взаимная зависимость, их взаимопроникновение. Тот факт, что целое существует в виде относительно самостоятельных моментов, сторон, а различные моменты составляют целое, — это уже есть предпосылка или, как выражается Маркс, основа противоречия. «Внутренняя необходимость связанного целого и его существование в виде самостоятельных, безразличных друг к другу (моментов) уже представляет собой основу противоречий» [2].

В этом смысле обнаружение в товаре двух сторон, безразличных друг к другу и вместе с тем внутренне связанных друг с другом, есть первый шаг по пути раскрытия противоречий товара. Но только первый шаг. Указав на то, что представляет собой «основу противоречия», Маркс продолжает:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 56.

[2] *Karl Marx*. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 318.

«Однако это еще далеко не все. Противоречие должно быть понято еще в более имманентном (смысле), не только как безразличное, мнимо независимое друг от друга проявление отдельных моментов процесса или, наоборот, совокупности отдельных процессов» [1].

Понимание противоречия как существующего между сторонами различия в разных отношениях есть поверхностное понимание, не идущее дальше фиксации мнимо независимых друг от друга отдельных моментов целого. Противоречие, по требованию Маркса, должно быть понято в более глубоком, имманентном смысле. Что же это такое? Это именно противоречие объекта *в одном и том же отношении*, т. е. противоречие его с самим собой, в отношении его *сущности*. В том, что Маркс имеет в виду именно это, говоря об «имманентном» понимании противоречия, можно убедиться на следующем примере. Исследуя развитую форму капитала, Маркс пишет: «Достаточно здесь показать, что капитал содержит в себе *особенное* ограничение производства, противоречащее его всеобщей тенденции преодолевать всякий предел производства...» [2] Следовательно, имманентное диалектическое противоречие объекта, в данном случае капитала, состоит в том, что он находится в противоречии с самим собой, что он противоречив в своей сущности. Забегая несколько вперед, можно сказать, что два момента, в какой-то мере самостоятельных и безразличных друг к другу, представляют противоречие не в разных отношениях, а в одном и том же отношении — отношении движения капитала. Ведь капитал в одно и то же время стремится к безграничному развитию производства и по самой своей сущности ограничивает это развитие, преследуя лишь цель самовозрастания, а не удовлетворения потребностей людей. Поэтому две стороны целого, представляющие предпосылку и основу всякого диалектического противоречия, находятся в состоянии взаимопроникновения, обусловливая противоречие объекта «с самим собой», что и составляет «имманентный смысл» всякого диалектического противоречия. Маркс делает такой вывод по отношению к капиталу, к его двум различным моментам и

---

[1] *Karl Marx.* Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 318.

[2] Ibidem.

процессам: «И поскольку, — пишет он, — капитал ставит, с одной стороны, *специфический* для него предел, а с другой стороны, — выходит за рамки *всякого* предела, — он есть живое противоречие» [1].

Одно из проявлений этого «живого противоречия» капитала состоит в том, что производство потребительных стоимостей ограничивается их противоположностью — меновой стоимостью, вследствие чего, как пишет Маркс, «реальное богатство должно принять *определенную,* отличную от него самого, следовательно, абсолютно не тождественную с ним форму, чтобы вообще стать объектом производства» [2]. Этот вывод, относящийся к противоречию капитала, проливает свет на то значение, которое имеет столь ценимый самим Марксом скрупулезный анализ противоречий клеточки товарного производства — товара, противоречий между потребительной и меновой стоимостью, развивающихся в противоречия капиталистического производства. В исследовании противоречий товара, в противоположности потребительной и меновой стоимости Маркс уже находит начало того факта, что реальное богатство вообще, т. е. экономическое развитие, не тождественно с теми формами, в которых оно протекает при капитализме, что эти формы преходящи.

В свете сказанного о Марксовом понимании противоречия нетрудно увидеть, что сущность противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью заключается не просто в том, что товар имеет два самостоятельных лица, безразличных друг к другу, а в том, что при всем их безразличии они внутренним необходимым образом связаны. Они образуют «живое противоречие» товара потому, что одновременно связаны друг с другом, полагают друг друга и отрицают друг друга. В рамках товарного производства нет и не может быть потребительной стоимости без стоимости, и наоборот. Чтобы товар удовлетворил чью-нибудь потребность, он должен иметь потребительную стоимость. Но для того, кто его производит, товар имеет прежде всего значение как носитель стоимости: потребительная стоимость для товаропроизводителя важна лишь постольку, поскольку без нее невозможно

---

[1] *Karl Marx.* Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 324.

[2] Ibid., S. 319.

реализовать заключающуюся в товаре стоимость. Стоимость товара может быть реализована лишь в том случае, если она примет вид своей противоположности — потребительной стоимости. Но в свою очередь и потребительная стоимость имеет значение лишь в том случае, если в ней заключено бытие ее противоположности — стоимости вообще. Следовательно, эти противоположности соотносятся и как взаимосвязанные, и как взаимно противоречащие друг другу. Они одновременно притягиваются и отталкиваются друг от друга.

Это одновременное полагание и отрицание противоположностей и обусловливает противоречие объекта «с самим собой». Продукт как потребительная стоимость, замечает Маркс, «находится в противоречии с самим собой как стоимостью» [1]. То же можно сказать и о продукте как стоимости: продукт как стоимость находится в противоречии с самим собой как потребительной стоимостью.

И если видеть только связь, единство противоположностей, то действительная сущность товара (как и любого другого явления) искажается, ибо потребительная стоимость и стоимость не одно и то же. По поводу одного положения Джеймса Милля, смысл которого заключается в стирании противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью, Маркс пишет: «...от чего он (товаропроизводитель. — *М. Р.*) хочет освободиться, есть определенное количество потребительной стоимости; то, что он хочет получить, есть *стоимость* этой потребительной стоимости. *Эти две вещи отнюдь не тождественны...*» [2]

Буржуазные экономисты отождествляют эти две противоположности, чтобы доказать, будто спрос и предложение полностью совпадают на капиталистическом рынке; отсюда они выводят невозможность перепроизводства, кризисов.

Вместе с тем если в отношениях двух противоположностей видеть только противоречие, отталкивание, отрицание и не видеть их связи, взаимообусловленности, взаимопроникновения, то картина опять получится искаженной. Ведь тот факт, что две стороны, отрицающие

[1] *Karl Marx.* Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 309.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 101 (курсив мой. — *М. Р.*).

друг друга, имеющие тенденции к обособлению друг от друга, все же внутренне связаны между собой, не могут друг без друга существовать, — этот факт имеет огромное значение для понимания того, почему между внутренними противоположностями происходит «борьба». Если бы эти противоположности не имели никакого отношения друг к другу, были безразличны друг другу, то между ними не могло бы быть и борьбы. Если бы, скажем, товаропроизводитель мог производить одну стоимость без потребительной стоимости, то исчезли бы трудности и противоречия товарного производства и обмена. Но трудность, подчеркивает Маркс, «на которую мы прежде всего натолкнулись, заключается в том, что товар для того, чтобы представиться как меновая стоимость, как овеществленное всеобщее рабочее время, сначала должен быть отчужден, сбыт с рук, как потребительная стоимость, в то время как отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает, напротив, его бытие в качестве меновой стоимости» [1].

Поэтому момент взаимосвязи противоположных сторон целого вовсе не имеет значения фактора, снимающего противоречие, борьбу между ними. Напротив, взаимосвязь и взаимозависимость противоположностей играет роль фактора, обусловливающего борьбу между внутренними противоположностями. Очень ярко эту мысль Маркс выразил в «Теориях прибавочной стоимости». Критикуя триединую формулу вульгарных экономистов, Маркс показывает, что в ней самые различные формы прибавочной стоимости и различные категории капиталистического производства (капитал — прибыль, земля — рента, труд — заработная плата) противостоят друг другу «не отчужденно, а как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, *без антагонизма*». И Маркс делает следующий вывод, имеющий огромное методологическое значение: «Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи» [2]. Без внутренней связи нет враждебной связи, т. е. нет борьбы противоположностей, — таков один из важнейших тезисов марксистской диалектики.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 31.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 529.

Роль единства, взаимосвязи противоположностей Маркс вскрывает на примере таких внутренне противоположных сторон единого процесса, как купля и продажа, сфера производства и сфера обращения при капитализме. Эти противоположности имеют тенденцию все более и более отделяться друг от друга, становиться самостоятельными. Но как бы они ни обособлялись друг от друга, они внутренне связаны между собой, составляют единство. И это вызывает особо острые противоречия и конфликты. «Именно в *кризисе,* — говорит Маркс, — обнаруживается действенная сила их единства, единства различных моментов. Та самостоятельность по отношению друг к другу, которую приобретают взаимно связанные и друг друга дополняющие моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, стало быть, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства кажущихся безразличными по отношению друг к другу моментов не было бы и кризиса. Но нет, говорит экономист-апологет. Так как имеет место единство, то кризис *не* может иметь места. А это, в свою очередь, означает не что иное, как утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность» [1].

Маркс требует принимать во внимание при анализе противоречий оба тесно связанных между собой момента — как момент взаимообусловленности, так и момент взаимоотрицания, борьбы. Необходимость учета как той, так и другой стороны Маркс очень ярко показывает на том же примере кризиса. Маркс пишет: «Если бы эти фазы были лишь отделены друг от друга, не будучи чем-то единым, то было бы невозможно насильственное восстановление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они были лишь едины, не будучи отделимы друг от друга, то было бы невозможно насильственное отделение их, что́ опять-таки представляет собой кризис. Кризис есть насильственное восстановление единства моментов, ставших самостоятельными, и насильственное превращение в нечто самостоятельное таких моментов, которые по существу составляют нечто единое» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 556—557.
[2] Там же, стр. 571.

В этих словах Маркса подчеркивается важная черта диалектического противоречия. Поскольку противоположные стороны объекта одновременно связаны между собой, находятся в единстве и исключают друг друга, то это означает их активное соотношение друг с другом. Некоторые авторы считают, что понимание диалектического противоречия как единства взаимополагания и взаимоотрицания недостаточно, так как это якобы исключает момент такого активного соотношения. Но это неверно. Взаимопроникновение исключающих друг друга сторон само по себе есть активное, а не пассивное состояние. Противоположные стороны благодаря этому не просто сосуществуют, а выступают одна против другой. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс говорит, что такое соотношение сторон противоречия есть «энергичная, напряженная форма, побуждающая к разрешению этого противоречия» [1].

Таким образом, под внутренним противоречием явления Маркс понимает такие отношения между двумя противоположностями, противоположными сторонами, когда они взаимно обусловливают и взаимно отрицают, исключают друг друга. Притом оба эти момента определяют борьбу противоположностей как движущую силу развития, как силу, в конечном счете преодолевающую, разрешающую противоречие.

Именно потому, что две взаимно обусловливающие друг друга противоположности находятся в состоянии противоречия, между ними происходит борьба, исключающая их примирение, нейтрализацию, «опосредствование». Раз объективное противоречие налицо, то никакие мыслительные операции экономистов и философов не могут его устранить. Действительное его устранение, т. е. разрешение, преодоление, достигается в его движении, развитии, в борьбе противоположностей.

Маркс пишет, например, по поводу противоречий обмена, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот путь, по которому идет разрешение действительных противоречий. Маркс здесь формулирует общий закон диалектики:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 585.

развитие явлений, содержащих в себе внутренние противоречия, есть процесс развития, развертывания, раскрытия противоречий, процесс борьбы противоположных сторон объекта, завершающийся их действительным разрешением в реальной жизни. Это марксистское определение закона развития Ленин сформулировал в предельно ясных и сжатых словах: «Развитие есть «борьба» противоположностей».

3

Энгельс был глубоко прав, когда в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» обратил внимание на то, что закон диалектических противоречий служит не только методом глубокого исследования вещей, но и методом движения мыслей, понятий об этих вещах. Если это правильно по отношению к названному произведению Маркса, в котором исследуется лишь один из многих вопросов товарного производства, то это еще в большей мере относится к «Капиталу», дающему всеохватывающую и полную картину развития капиталистического способа производства.

Мысль Энгельса заключается в том, что категория противоречий и — шире — закон диалектических противоречий определяют логическую структуру научного исследования капитала, его движения, развития от начала до конца. В предыдущей главе говорилось о том, что такую же роль играет и закон перехода количества в качество. Однако каждый из диалектических законов, каждая категория диалектической логики выполняет эту функцию по-своему, с разных сторон, под различными углами, в различных плоскостях. В конечном же счете результаты действия всех законов диалектики сливаются воедино. Если, как мы видели, закон перехода количества в качество определяет логическую структуру исследования со стороны того закономерного движения, которое происходит внутри меры вещей и требует, чтобы движение и переходы понятий воспроизвели процесс развития количества и качества, узловую линию мер вплоть до того момента, когда возникает проблема самого существования и жизнеспособности «меры» капиталистического производства, то закон диалектических противоречий опре-

деляет эту структуру со стороны движения и развития противоречий капитализма. Это не какие-то разные процессы в совершенно разных объектах, а лишь различные аспекты развития одного и того же объекта. Только в первом случае развитие рассматривается с точки зрения количественно-качественных изменений этого объекта, а во втором случае — в плане нарастания и движения противоречий. Притом сами количественно-качественные изменения оказываются лишь одним из проявлений противоречий развития. Изменение меры, переход одной меры в другую, вся узловая линия мер имеет своей основой противоречия — в данном случае противоречия качества и количества, противоречия меры.

Поэтому подход к логической структуре исследования под углом зрения разных законов диалектического развития не ведет к разнобою, а, напротив, помогает ее всестороннему обоснованию, глубокому определению научно обоснованной логики движения понятий. Это будет видно и по той роли, которую выполняет в исследовании закон отрицания отрицания.

Однако вернемся к мысли Энгельса, высказанной им в рецензии на книгу Маркса. Энгельс писал, имея в виду метод Марксова анализа экономических отношений:

«При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения... из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» [1].

Напомним, что на эту же сторону Марксова метода указывал и Ленин. Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин писал, что Маркс в «Капитале» начинает с самого простого, обычного отношения буржуазного общества — обмена товаров, вскрывает в нем зародыш всех

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497—498.

противоречий капиталистического производства и затем показывает рост, развитие этих противоречий от начала до конца.

Итак, закон диалектических противоречий определяет строго научную логику движения анализа, развития и перехода экономических понятий. В общем и главном эта логика соответствует объективной логике развития самих экономических отношений, характерных для товарного производства. Даже тогда, когда процесс познания, казалось бы, целиком вытекает из своих внутренних потребностей, он все же в конечном счете подчинен объективной логике движения противоречий, совпадает с ней. Процесс познания, раскрытия противоречия состоит как бы из трех моментов или этапов: 1) вычленения, обнаружения в объекте различных, противоположных сторон, предстающих вначале перед взором исследователя в качестве безразлично относящихся друг к другу; 2) выяснения их взаимоотношения, заключающегося в том, что они взаимно полагают и отрицают друг друга, и, наконец, 3) исследования их отношения как «борьбы», составляющей движущее начало развития, а затем и разрешения противоречия.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что этот процесс *познания* в общем и целом воспроизводит *реальный* процесс возникновения и «жизни» противоречия. Особенно ярко это видно на примере противоречий товара и форм стоимости.

В этой связи представляет интерес один отрывок из «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Говоря, что отношения частной собственности — имеется в виду капиталистическая собственность — это труд, капитал и их взаимоотношение, т. е. вскрывая противоречия капитала, Маркс схематически изображает «движение, которое должны проделать члены этого отношения». При анализе этого отрывка бросается в глаза, что схема указанного движения в общем и главном тождественна приведенным выше трем моментам. В качестве исходного момента Маркс называет *«непосредственное* или *опосредствованное единство»* труда и капитала, при котором «они хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как *положительные* условия» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 579.

Вторым моментом движения их отношения он считает то, что «они исключают друг друга; рабочий видит в капиталисте (и обратно) свое собственное небытие; каждый из них стремится отнять у другого его существование» [1]. Третий момент состоит в том, что каждый из них представляет *«противоположность... по отношению к* самому себе», ибо капитал в определенном смысле есть накопленный труд, следовательно, есть труд, а рабочий в условиях капитализма выступает в роли товара и в этом смысле есть своеобразный «капитал». Но главное, что характеризует этот третий момент движения отношения труда и капитала, — это их *«враждебная взаимная противоположность»* [2]. К сожалению, на этом рукопись обрывается.

Возникает вопрос, что представляет собой это движение: процесс *познания* противоречивого отношения труда и капитала или процесс *реального движения* этого отношения? Нет сомнения в том, что мы имеем здесь дело прежде всего с логической схемой движения познания, вычленяющего основные моменты противоречия с целью его глубокого исследования. В реальной действительности, конечно, моменты взаимополагания и отрицания обеих сторон противоречия не разделены во времени, как это получается в схеме. Такое разделение подчинено прежде всего целям познания. Но, имея это в виду, невозможно отрицать и то, что Марксова схема в основных чертах отражает реальный процесс движения отношения труда и капитала. Общая линия, общее направление развития реального противоречия есть все более глубокое разделение и отчуждение двух членов рассматриваемого отношения, все более глубокое нарастание «враждебной взаимной противоположности» труда и капитала. В этом смысле бесспорно то, что логика познания противоречия и его движения совпадает с объективной логикой возникновения и развития противоречий самой действительности.

Таким образом, если в основных чертах изобразить принципы логической структуры исследования под углом зрения требований закона противоречий, то можно сказать следующее:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 579.
[2] Там же, стр. 580.

1. Выше были приведены слова Маркса о том, что всякая формация, в том числе и капиталистическая, развивается и сходит с исторической арены лишь одним путем — путем развития и разрешения свойственных ей противоречий. А если это так, то теоретический анализ должен начаться с исходных противоречий, в которых в неразвернутом виде содержатся так или иначе все противоречия формации.

2. Дальнейшее исследование подчинено задаче анализа того, как эти противоречия развиваются. Это чрезвычайно сложный процесс, имеющий свои стадии, этапы. Противоречие, возникнув, не может быть сразу разрешено. Но это и не значит, что линия развития может быть изображена в виде прямой, на одном конце которой зародыш противоречий, а на другом конце — разрешенное противоречие, промежуток же между ними представляет собой простой количественный рост противоречий. «Капитал» опровергает подобное плоское представление о развитии противоречий. В действительности «середина» между двумя крайними полюсами, между началом и концом — это цепь возникновения и разрешения противоречий. Здесь мы имеем полную параллель с процессом качественного изменения отношений, свойственных капиталистической формации, который, как мы видели, происходит сначала в рамках этой формации, не изменяя ее коренной сущности, а развертывая ее возможности, давая ей, так сказать, исчерпать все свои потенции, пока не наступит такой момент, когда, исчерпав себя, она должна уступить место другой форме общественного развития.

Точно так же развиваются и противоречия. Развиваясь, они углубляются, становятся острее. Частично разрешаясь, они снова всплывают на новой, более глубокой основе, порождая новые формы развития. Скажем, замена мануфактуры крупной машинной промышленностью есть результат развития и разрешения определенных противоречий. Экономический кризис представляет собой также разрешение противоречий, но такое разрешение, которое само по себе не преодолевает коренных противоречий капитализма, а лишь подготовляет высшую форму их разрешения. «Капитал» — совершенный образец того, как противоречие, обнаруженное в простейшем, но самом типичном и характерном для данного явления

(товарного производства), прослеживается затем во всем его сложнейшем развитии от начала до конца, от слабых, зародышевых проявлений до высшего, кульминационного пункта, когда наступает момент коренного разрешения противоречий. Этот процесс объективного развития противоречий и определяет логическую структуру исследования.

3. В соответствии с этим объективным процессом развития Маркс выделяет два основных этапа анализа противоречий: этап движения и разрешения противоречий простого товарного производства и этап капиталистического товарного производства. В свою очередь каждый из этих основных этапов имеет свои стадии развития и разрешения противоречий, представляющие собой малые «круги» в пределах больших «кругов» спиралевидной линии развития.

4. Поскольку в процессе развития противоречий происходит не только количественный рост, но и качественные преобразования противоречий, т. е. они становятся все глубже и основательнее, подготовляя момент самоотрицания развивающегося объекта — капитала, постольку логическая структура исследования капитала должна заключаться в движении от простых противоречий к сложным, от менее сложных к более сложным. Именно под этим углом зрения развивается анализ противоречий капитала в произведении Маркса: в нем прослеживается, как потенциальные противоречия, заложенные в простых формах товарного производства, превращаются в реальные противоречия капитала, как усложняются сами эти реальные противоречия в процессе развития капитала, пока сам капитал не подготовляет предпосылки для превращения в свою собственную противоположность.

Маркс на примере экономических кризисов показывает, как нарастание противоречий, их объективное движение, сопровождающееся их усложнением, переходом от потенциальных противоречий к реальным, от простых к сложным и т. д., обусловливает и логику анализа, структуру теоретического исследования. Так, говоря о первых проявлениях противоречия, ведущего к кризисам, Маркс пишет, что «по мере того, как мы все дальше и дальше проникаем в эту (т. е. буржуазную. — *М. Р.*) экономику, мы должны, с одной стороны, раскрывать все

новые и новые определения этого противоречия, а с другой стороны, показывать, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы» [1].

Этот же логический принцип лежит в основе всего исследования движения и развития капитала, капиталистического производства в целом. Очень хорошо об этом сказал Маркс в своих экономических рукописях 1857—1858 гг. Производство капитала, говорится там, «движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно возникают. Более того. Универсальность, к которой капитал неудержимо стремится, встречает пределы в его собственной природе, которые на известной ступени его развития позволяют познать, что сам капитал служит для этой тенденции величайшим пределом, и поэтому влекут капитал к его снятию, заложенному в нем самом» [2].

Изображение этого процесса и составляет под углом зрения закона диалектических противоречий логический костяк всего исследования в «Капитале».

4

В настоящей работе не ставится задача проследить Марксов анализ роста и развития противоречий во всей его тонкости и сложности. Этому можно было бы посвятить специальное исследование. В данном случае задача состоит в том, чтобы проследить этот анализ хотя бы в его основных чертах и, самое главное, сделать те выводы общефилософского характера, которые вытекают из применения Марксом закона единства и борьбы противоположностей к исследованию капитализма. Соответственно ходу Марксова анализа мы рассмотрим вначале противоречия простого, а затем капиталистического товарного производства.

Как известно, Маркс начинает свой анализ с товара. Уже выбор этого исходного пункта исследования гениален. Буржуазные экономисты никогда не могли понять, что товарная форма продукта не есть какая-то внешняя,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 567.

[2] *Karl Marx*. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 313—314.

несущественная форма, а чрезвычайно важное свойство, которое продукты труда принимают в определенных исторических условиях. Маркс в противовес буржуазным экономистам сосредоточил свое внимание на анализе товара и начал свое исследование с него потому, что в товарной форме продукта труда, в обмене товаров находят свое выражение своеобразные общественные отношения людей. Это такие отношения, когда существует частная собственность на средства производства и совокупный общественный труд образуется из многих частных работ, из труда изолированных друг от друга товаропроизводителей. Именно при таких отношениях продукт принимает форму товара и общественные отношения людей проявляются в обмене товаров.

Товарная форма продукта — зеркало, в котором отражается специфически исторический характер общественного труда, общественных отношений между людьми. Маркс обнажил эти отношения, показав, что за внешней оболочкой обмена вещей, товаров скрываются глубокие общественные связи между людьми. Понятно поэтому, что, начиная свой анализ с товара, с труда, производящего товары, Маркс тем самым берет то специфическое, что свойственно товарному производству в отличие от других исторических форм производства, берет ту исходную клеточку, без которой ничего нельзя понять в капитализме. Правда, товарная форма продукта труда — порождение некапиталистического способа производства, она существовала задолго до него. Но без товарной формы нет капитализма, и только при капитализме она становится господствующей. Лишь при капитализме товаром становится рабочая сила.

Вот почему Маркс в первых же строках «Капитала» констатирует, что богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является огромным скоплением товаров, а отдельный товар — его элементарной формой.

Маркс начинает свой анализ с товара еще и потому, что в этой элементарной форме капиталистического способа производства уже в неразвитом, зародышевом виде существуют все противоречия капитализма. А без исследования этих противоречий, их роста, развития, перехода их из одной формы в другую невозможно разобраться в сущности этого способа производства.

Исследуя подробнейшим образом внутренние противоречия товара, Маркс сразу же обращает пристальное внимание на те силы, которые существуют пока в латентном состоянии, но которые предвещают в будущем — при капиталистическом способе производства — такие бури и потрясения, каких не знало и не могло знать никакое общество до этого. Когда буржуазные экономисты, даже лучшие из них, избегали этих противоречий и сознательно выдавали за тождество то, что в действительности внутренне противоречиво, то в этом проявлялся их классовый инстинкт, их боязнь брать вопросы, анализ которых может привести к очень неутешительным для буржуазии выводам.

Пролетарский революционер Маркс бесстрашно обнажает и анализирует эти противоречия, показывает логику их развития.

За логическим анализом противоречий и их развития скрывается огромный исторический материал, обобщенный Марксом. В первых трех главах первого тома «Капитала» Маркс исследует противоречия простого товарного производства и обращения. Простое товарное производство исторически предшествовало высшей форме товарного производства — капиталистической. Поэтому и анализ противоречий Маркс в данном случае начинает не с развитой их формы, как она проявляется на базе капитализма, а с противоречий простого товарного производства и обращения.

Подобно тому как простое товарное производство подготовляет капиталистическое, так и развитие противоречий первого подготовляет специфические противоречия капиталистического производства. Противоречия простого товарного производства перерастают в известных исторических условиях в противоречия капиталистического общества.

Начиная анализ противоречий товарного производства и обращения с товара, Маркс подвергает тончайшему микроскопическому исследованию эту элементарную форму, «клеточку» капиталистического производства и открывает в ней существеннейшие противоречия.

Маркс придавал огромное значение анализу внутренних противоречий, двойственной природы товара и труда, производящего товар. Буржуазные экономисты даже в тех случаях, когда они говорили о различии между по-

требительной стоимостью и стоимостью, замазывали противоречия между ними, не понимали всей глубины и общественного характера этих противоречий. Двойственного, противоречивого характера труда они совсем не видели. Труд, производящий товары, они брали как нечто тождественное, исключающее какие бы то ни было различия и внутренние противоречия. Маркс справедливо гордился своим открытием двойственного характера труда, ибо без различения труда абстрактного и труда конкретного непонятен весь механизм товарного производства и самовозрастания капитала.

Противоречие между абстрактным и конкретным трудом при товарном производстве вытекает из основного противоречия между частным трудом каждого товаропроизводителя и всем совокупным трудом общества. Каждый товаропроизводитель работает независимо от других, и в этом смысле его труд имеет характер частного труда, а также характер конкретного труда, т. е. целесообразного, полезного труда, направленного на производство какой-нибудь потребительной стоимости. Однако труд каждого отдельного товаропроизводителя в силу общественного разделения труда выступает как частичка, звено в общей цепи всего общественного труда. Но как и благодаря чему непосредственно частный труд может проявиться как общественный труд? Маркс показывает, что в определенных формациях труд людей непосредственно проявляется как труд общественный. Так, например, при первобытно-общинном строе труд отдельного человека выступает непосредственно «как функция члена общественного организма».

При товарном производстве общественный характер каждого отдельного, частного труда может проявиться лишь косвенно, через сведение всех конкретных видов труда к лишенному всяких различий, качественно одинаковому, абстрактному труду. Абстрактный труд есть затрата труда вообще, независимо от его конкретной целесообразной формы. Если конкретный труд производит потребительные стоимости, то абстрактный труд производит стоимости. И только благодаря тому, что каждый товар независимо от своей потребительной стоимости содержит стоимость, т. е. воплощенный абстрактный труд, различные товары могут обмениваться друг на друга. Лишь таким чрезвычайно опосредствованным, косвенным

образом частный труд проявляется как общественный труд.

Следовательно, труд, производящий товары, полон противоречий. Абстрактно-всеобщий труд существует в форме конкретного труда, в форме конкретного труда затрачивается абстрактный труд. Частный труд становится общественным лишь потому, что стирается различие конкретных видов труда и последний принимает характер общечеловеческого труда. Абстрактный и конкретный труд, общественный и частный труд находятся во взаимосвязи, но они и разделены, являются противоположностями. Эти противоположности предполагают и отрицают друг друга. Частный труд, говорит Маркс, должен быть представлен непосредственно, как его противоположность — общественный труд, конкретно примененный труд — как его непосредственная противоположность, абстрактно-всеобщий труд. Таким образом, каждая из сторон противоречия может себя проявить, приняв форму своей противоположности: частный труд — форму общественного труда, конкретный — форму абстрактного труда; в свою очередь общественный труд при товарном производстве может существовать лишь в виде частного труда, абстрактно-всеобщий — в виде конкретного труда.

Как видно из сказанного, в форме, казалось бы, сугубо отвлеченного анализа противоречий товара и труда Маркс вскрывает глубокие жизненные противоречия товарного производства. Уже на этой ступени своего анализа он обнаруживает возможность анархии производства, возможность производства ради увеличения стоимости, возможность кризисов перепроизводства, зародыш и начало конфликта между общественным характером производства и частной формой присвоения. Но это только возможность, которая лишь в своем развитии превращается в действительность. Здесь противоречия развитого товарного (т. е. капиталистического) производства существуют еще, употребляя выражение Маркса, в абстрактной форме. Эта абстрактная форма противоречий не снимается дальнейшим развитием противоречий, а усложняется, конкретизируется, обрастает новыми свойствами и определениями.

Дальнейший анализ показывает, как противоречия, заложенные в товаре и труде, развиваются и получают свое разрешение. Противоречия эти не могут не развиваться.

С ростом разделения труда и происходящим на его базе ростом товарного производства растет и усиливается общественный характер труда, общественная связь между товаропроизводителями. Но последние представляют собой частных собственников, работающих в качестве атомизированных, независимых друг от друга индивидуумов. Чем больше и сильнее общественная связь между ними, тем острее и глубже противоречие частного и общественного, конкретного и абстрактно-всеобщего труда. Наличие и рост этого противоречия на известной ступени товарного производства становятся тормозом его дальнейшего развития. И только преодоление этого противоречия расчищает дорогу развитию. Как известно, противоречие это разрешается путем раздвоения, раскола товара на товар и деньги, путем полного обособления стоимости от потребительной стоимости.

Анализ противоречий товара и труда, как и дальнейшее рассмотрение противоречий товара и денег, необходим Марксу для того, чтобы затем вскрыть основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Выше уже было указано, что товар как продукт частного труда может проявить себя, лишь приняв форму своей противоположности — общественного труда. Но та общественная субстанция, которую содержит в себе товар, т. е. стоимость, созданная абстрактно-всеобщим трудом, может быть реализована и проявить себя только в обмене. Находясь в одиночестве, товар не способен выразить свой общественный характер, т. е. тот факт, что он есть продукт общественного труда, что он — внешняя оболочка, прикрывающая общественные отношения между товаропроизводителями.

Но если стоимость, т. е. общественная природа товара, может проявиться лишь в отношении одного товара к другому, то это означает, что обмен может совершаться только при условии, что одному товару как продукту частного и конкретного труда противостоит другой товар как выражение стоимости первого, как бытие общественного, абстрактно-всеобщего труда. Отсюда неизбежность появления денег. Таким образом, развертывание и разрешение противоречий товара и труда происходят в процессе обмена, во взаимоотношении товаров друг к другу. Анализ

этого развития противоречий Маркс дает в первой главе первого тома «Капитала» в разделе, посвященном формам стоимости. Он показывает, что не сразу возникают глубокие противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, между частным и общественным трудом. Он начинает с простой, отдельной, или случайной, формы стоимости, с простого отношения между двумя товарами. Эта форма стоимости соответствует тому периоду экономического развития, когда товарного обмена еще не было, когда случайно сталкивающиеся первобытные общины обменивались излишками своих продуктов. Но в этом случайном обмене, в простом отношении двух товаров уже есть существенное различие, начало противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, начало раздвоения товара, ибо в обмен поступают те продукты, которые для их производителей не имеют уже значения потребительной стоимости, а имеют значение только меновой стоимости.

Внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара находит свое выражение во внешних противоположностях — между относительной и эквивалентной формами стоимости. То, что в товаре находится в единстве и взаимосвязи, теперь разделяется пространственно: потребительная стоимость и стоимость распределяются между двумя товарами, из которых один становится воплощением потребительной стоимости (находящейся в относительной форме стоимости), другой — воплощением стоимости (находящейся в эквивалентной форме стоимости). «Относительная форма стоимости и эквивалентная форма, — указывает Маркс, — это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу» [1].

Эту противоречивость двух полюсов выражения стоимости Маркс раскрывает при анализе эквивалентной формы. Первая особенность этой формы состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности — стоимости. Товар, который должен

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 57—58.

выразить свою стоимость, не может этого сделать сам по себе, а лишь относительно, т. е. в другом товаре, имеющем иную натуральную форму, иную потребительную стоимость. В этом смысле потребительная стоимость и становится проявлением своей противоположности — стоимости.

Вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактного труда. На производство товара, находящегося в процессе обмена в относительной форме стоимости, затрачен абстрактный труд. Но этот товар не может сам по себе выразить свою стоимость, измерить количество человеческого труда, затраченного на его производство. Это можно сделать лишь в сопоставлении его с его противоположностью, т. е. с другим товаром. При этом другой товар, служащий эквивалентом первого, должен быть плодом иного конкретного труда, нежели первый, по той же причине, по какой стоимость одного товара может сделать себя видимой лишь посредством сопоставления с потребительной стоимостью другого товара. Только через такое сопоставление товаров, являющихся продуктами разных видов конкретного труда, выясняется, что они — результаты одного и того же абстрактного труда. Как говорит Маркс, лишь таким окольным путем один товар узнает в другом родственную себе прекрасную душу стоимости. Через сопоставление продуктов различного конкретного труда происходит сведéние к абстрактно-всеобщему труду.

Наконец, третья особенность эквивалентной формы заключается в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме. Товар, находящийся в эквивалентной форме, есть, как и любой товар, продукт частного труда. Но когда на него обменивается другой товар, то это означает, что он свидетельствует об общественной природе труда, затраченного на производство этого другого товара, т. е. товара, находящегося в относительной форме стоимости. Следовательно, эквивалент, будучи продуктом частного труда, в этой форме служит непосредственным выражением общественного труда. И в данном случае сопоставление, сравнение частных трудов сводит их к одному и тому же общественному труду.

Таким образом, в отношении одного товара к другому, в отношении таких противоположностей, как относитель-

ная и эквивалентная формы, находят свое внешнее выражение внутренние противоречия товара и труда, производящего товары. «Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости, — резюмирует Маркс свой анализ относительной и эквивалентной форм стоимости, — выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости» [1].

Уже в простой, случайной, форме стоимости есть это различие, начало обособления стоимости от потребительной стоимости. Но это только начало. Здесь два полюса — эквивалентная и относительная формы стоимости — еще тесно связаны между собой, меновая стоимость еще не получила своего самостоятельного образа.

Рост производства, обмена закономерно приводит к тому, что все больше начинает производиться продуктов специально для обмена. Производство принимает все более товарный характер. Рост связи между трудом отдельных товаропроизводителей углубляет противоречие между общественным и частным трудом; простая форма стоимости становится тормозом развития товарного производства и обмена. Обострение противоречия, существующего между потребительной стоимостью и стоимостью и являющегося выражением главного противоречия между общественным и частным трудом, ищет и находит выход: простая форма стоимости уступает место полной, или развернутой, форме стоимости. Теперь уже не два товара противостоят друг другу, а один товар может обмениваться на ряд других товаров. Это означает дальнейшее раздвоение товара, прогрессирующее отделение стоимости от потребительной стоимости. Вторая форма, указывает Маркс, полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его потребительной стоимости.

Но и на этом не останавливается процесс развития противоречий труда и товара. Развитие товарного обмена неизбежно имеет своим следствием выделение одного какого-нибудь товара, начинающего играть роль всеобщего

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 71.

эквивалента, становящегося зеркалом стоимости всех остальных товаров. Позже таким товаром становится золото. В этом особом товаре материализуется стоимость, окончательно отделившаяся от потребительной стоимости, в нем выражается общественное богатство независимо от конкретных форм этого богатства. Развернутая форма стоимости превращается во всеобщую, а затем и денежную форму.

Процесс развития форм стоимости есть процесс раздвоения, углубления противоречия между двумя полюсами — относительной и эквивалентной формами. «В той самой степени, — указывает Маркс, — в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой» [1]. Это и естественно, так как эта противоположность есть внешнее выражение внутренних противоречий труда и товара. Уже простая форма стоимости, говорит Маркс, содержит противоположность, «но не фиксирует ее». Здесь еще довольно трудно установить «полярную противоположность». Каждый из товаров может находиться то в относительной, то в эквивалентной форме. Полная, или развернутая, форма стоимости уже фиксирует эту противоположность, здесь уже нельзя переставить части стоимостного уравнения, не изменяя его общего характера. Наконец, в третьей, всеобщей форме стоимости разрыв между обоими полюсами завершается. Здесь уже один какой-нибудь товар получает всеобщую общественную форму, позволяющую ему обмениваться на любой другой товар. Все остальные товары лишены этой непосредственной общественной формы. Они суть продукты частного труда. Но так как на деле они звенья совокупного общественного труда, то они с самого начала процесса развития форм стоимости требуют отчуждения от товарного мира особого товара, который бы удостоверял их общественную сущность, который стал бы кристаллизацией, воплощением их общественного бытия. Отсюда закономерный итог всего развития: противоречия потребительной стоимости и стоимости, конкретного и абстрактного труда, частного и общественного труда разрешились путем раздвоения товара на товар и деньги. Таким образом, в одном товаре, т. е. в деньгах,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 77.

разрешается то противоречие, которое заключается в товаре, как таковом.

Итог своего анализа роста и развития противоречий товара в процессе обмена Маркс формулирует в следующих словах: «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги» [1].

Развитие противоречий товара, следовательно, завершилось раздвоением его на товар и деньги. То, что было сначала единством противоположностей, раскололось на внешние противоположности, противостоящие друг другу.

Мы видим, таким образом, как в самой действительности возникают противоречия и формы их разрешения. Анализируя такое противоречие как противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара, Маркс не нуждался в том, чтобы на манер Гегеля выдумывать искусственный «синтез». Само объективное развитие этого противоречия порождает определенную объективную форму его преодоления. Но это преодоление означает не исчезновение, не примирение, а дальнейшее углубление старых противоречий. Противоречия товара только начало движения противоречий товарного производства, и в расколе товара на товар и деньги находит свое выражение не уничтожение этих противоречий, а их углубление, обострение. Развитие товара, говорит Маркс, не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения.

Формой дальнейшего движения противоречий товара является новая возникшая противоположность между товаром и деньгами. «Процесс обмена, — пишет Маркс, — порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребитель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 97.

ной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости» [1].

Деньги разделяют единый акт продажи и покупки на два самостоятельных акта. Обмен товара на деньги не влечет за собой немедленного превращения денег в товар. Реализация меновой стоимости, существующей в виде товаров с определенной потребительной стоимостью, зависит от внешних условий и может не состояться. Единый ранее процесс обмена, совершавшийся по формуле *Т—Т*, сейчас раздваивается на противоположные части: *Т—Д* и *Д—Т*.

И в этом, как показывает Маркс, заложена возможность кризисов. Условия для превращения этой возможности в действительность создаются развитием капиталистического способа производства.

Маркс придает важное значение тому дальнейшему углублению противоречий, которое вызвано расколом товара на товар и деньги. Он ведет борьбу против буржуазных экономистов, которые не желают видеть роли денег в этом обострении противоречий товарного производства и обмена, отождествляют спрос и предложение, сознательно закрывают глаза на то, что деньги разделяют акт обмена на два относительно самостоятельных акта. Цитируя слова Рикардо о том, что продукты всегда покупаются на продукты, а деньги выполняют лишь роль «посредника» в обмене, Маркс указывает, что здесь *«товар,* в котором существует противоположность между меновой и потребительной стоимостью, превращается просто в продукт (потребительную стоимость), а обмен товаров превращается, стало быть, просто в меновую торговлю продуктами, всего лишь потребительными стоимостями. Нас отодвигают назад, к тому, что имело место не только до капиталистического производства, но даже и до простого товарного производства...» [2].

Буржуазные экономисты затушевывают противоречия обмена для того, чтобы отрицать возможность и неизбежность экономических кризисов при капиталистическом производстве. Они это делают путем отрицания того факта, что продукт труда выступает как товар, который должен

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 114.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 557.

быть «посеребрен», превратиться в деньги и проделать процесс метаморфозы. По поводу заявления Рикардо, что каждый человек продает с целью купить другой товар, Маркс иронически замечает: «Какое идиллическое изображение буржуазных отношений!» [1]

Следовательно, вскрывая новые противоречия — противоречия между товаром и деньгами, являющиеся углублением внутренних противоречий товара, Маркс уже в рамках простого товарного производства находит источники глубочайших потрясений будущего буржуазного общества. Эти источники здесь существуют еще лишь в возможности, но это уже реальная предпосылка для превращения этой возможности в действительность на базе буржуазного производства.

Далее Маркс подробно анализирует возникновение и развитие функций денег. Если появление денег есть результат длительного процесса раздвоения товара, то в развитии функций денег отражается процесс роста противоречий между товарами и деньгами, этими двумя обособившимися друг от друга и ставшими самостоятельными, но все же зависимыми друг от друга противоположностями. Чем более развито товарное производство, тем сложнее становятся функции денег, тем более углубляются противоречия товарного производства и обращения, тем острее становятся противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, уже имеющими самостоятельное бытие в форме товаров и денег. Но это противоречие есть в свою очередь выражение прогрессирующего противоречия между общественным трудом и частной формой его проявления. Труд становится все более общественным, существует же он по-прежнему в форме частного труда. Маркс указывает, что противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде.

В своем анализе функций денег Маркс показывает, как развивается противоположность товара и денег, как в силу их внутренней связи поступательное развитие противоречия между ними порождает глубокие конфликты и потрясения.

В функции меры стоимостей деньги еще не отчуждены резко от товара. Измеряя стоимость товара, они вы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 559.

ступают как форма самого товара. Эта форма отличается от чувственно воспринимаемой телесной формы товара. Она имеет идеальное бытие.

В функции средства обращения деньги сбрасывают идеальную форму и принимают вполне реальную форму. Как указывает Маркс, деньги могут выполнять роль средства обращения только потому, что они представляют собой стоимость, отделившуюся от товаров и ставшую самостоятельной. Здесь отчуждение денег от товара уже выступает в более резкой, чем в первом случае, форме.

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. В процессе обращения золотая монета стирается и превращается в простой знак стоимости. Номинальное содержание монеты отделяется от ее реального содержания. Как остроумно замечает Маркс, в то время как другие существа, соприкасаясь с внешним миром, теряют свой идеализм, монета, напротив, от практики идеализируется, становится символом. Еще больше исчезает реальное содержание, т. е. фактическая стоимость, в медных и серебряных монетах, быстрее снашивающихся в обращении. В бумажных же деньгах стоимостная субстанция имеет открыто символический характер.

Однако в функции средства обращения деньги все же еще связаны с товарами, ибо деньги опосредствуют процесс товарного обмена. Возможность перерыва в акте обмена и отделения процесса $Т—Д$ от процесса $Д—Т$ превращает деньги как средство обращения в сокровище. В функции денег как сокровища происходит дальнейшее отчуждение денег и товаров друг от друга. Будучи материализацией всеобщего рабочего времени, абстрактного труда, деньги в качестве сокровища отделяются от товаров — этого «вещественного» богатства, противостоят миру товаров как воплощенная меновая стоимость, всегда готовая к действию.

Если, выступая в роли средства обращения, деньги опосредствуют процесс обмена товаров и, следовательно, еще непосредственно связаны с товарами, то в своей новой функции — средства платежа — они выступают не в процессе обращения, а после него и самостоятельно. Деньги, указывает Маркс, уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как «абсолютное

наличное бытие» меновой стоимости, или как всеобщий товар.

Маркс показывает, как при фигурировании денег в функции средства платежа обостряются противоречия между товаром и деньгами, создаются более реальные предпосылки для возникновения экономических кризисов в условиях буржуазного производства. Деньги как средство платежа содержат в себе противоречие. Они могут функционировать и функционируют лишь идеально как мера стоимости, когда платежи взаимно уравниваются. Но когда нужно производить действительные платежи, деньги выступают в их главной роли — как воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Это с особенной силой сказывается в моменты кризисов, когда противоречие между товаром и деньгами, между потребительной стоимостью и стоимостью достигает кульминационного пункта. «Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства. Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие» [1].

Отчуждение товаров и денег друг от друга как выражение противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью достигает еще большей глубины, когда деньги выполняют функцию мировых денег. В этой роли они выступают как всемирная общественная форма абстрактного человеческого труда. И так как в качестве мировых денег обращаются лишь золото и серебро, сбрасывающие с себя свои местные национальные формы, форму монет и знаков стоимости, то этот способ существования денег становится адекватным их понятию. Иначе говоря, в функции мировых денег в наиболее полном и чистом виде проявляется действительная природа денег как материализации общественного богатства.

Рассмотрением функций денег Маркс заканчивает исследование противоречий простого товарного производства и обращения. Деньги представляют собой последний продукт развития этих противоречий, и вместе с тем они есть первая форма проявления капитала. При первом своем появлении на сцену, говорит Маркс, каждый но-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 149.

вый капитал существует в виде денег, которые определенным путем должны превратиться в капитал.

Понятно, что весь Марксов анализ товара, развития форм стоимости, природы денег и их функций, анализ, имеющий форму логического исследования противоречий простого товарного производства и обращения, на деле является обобщением огромной исторической эпохи, в которой постепенно образовывались условия для превращения простого товарного производства в капиталистическое. Процесс образования этих исторических предпосылок Маркс ярко изобразил в первом томе «Капитала», в главе, посвященной первоначальному накоплению.

Логический анализ, раскрывающий процесс развития форм стоимости, развития и усложнения функций денег, отражает реальное историческое движение и изменение производственных отношений людей. «Обмен товаров, — говорит Маркс, — есть процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных индивидуумов, представляет собой вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений, в которые вступают индивидуумы в этом обмене веществ» [1].

Проникновение обмена и торговли в натуральное хозяйство на основе растущего разделения труда ломало старые, веками укоренявшиеся общественные связи и отношения между людьми. Производство на рынок и конкуренция разоряли значительную часть мелких ремесленников и обогащали какую-то небольшую часть из них. Развитие денежных отношений в деревне вызвало дифференциацию крестьянства. Подавляющей массе крестьянства это принесло огромные бедствия, нищету. Огромная часть крестьянства пролетаризировалась, незначительная часть выбивалась в верхушку, богатела.

В процессе товарного обмена не только товары претерпевают определенные метаморфозы, но и люди. Сами товаровладельцы в этом процессе, говорит Маркс, «меняют свою кожу». «Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу только в качестве товаровладельцев; потом один товаровладелец стал продавцом, другой — покупателем, далее каждый из них становится попеременно то покупателем, то продавцом, после этого они

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 38.

стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они в него вступили»[1].

Этими словами Маркс раскрывает то реальное содержание, которое скрывается за логическим анализом противоречий товара, противоречий товара и денег. Деньги, этот последний продукт развития противоречий простого товарного производства и обращения, становятся первой формой проявления капитала потому, что в результате развития указанных противоречий появились реальные предпосылки возникновения капитала — владельцы денег и наемные рабочие.

* * *

Рассмотренный выше Марксов анализ противоречий товара, их движения, анализ процесса превращения противоречий товара в противоречия товара и денег и т. д. приводит к важным философским выводам о некоторых закономерностях развития и разрешения противоречий, о соотношении внутренних и внешних противоположностей и др.

Прежде всего в этом анализе содержится важное указание относительно ступеней развития, развертывания противоречий. Противоположность возникает не сразу. Предмет вначале выступает как тождество. Продукты, производимые людьми для своего потребления, представляют такое тождество, в котором отсутствует разделение на потребительную стоимость и стоимость. Это, разумеется, не значит, что продукт вообще лишен каких бы то ни было противоречий. Тождественных предметов в этом смысле не существует. Но только при определенных условиях в продукте возникают данные конкретные противоречия. О такой тождественности предметов и о движении объекта от тождества к противоречию Маркс говорит в ряде случаев. Так, Маркс указывает, что закон стоимости первоначально действовал в условиях, когда право собственности основывалось на собственном труде производителя. Два товаропроизводителя обменивались своими товарами, созданными собственным трудом. Собствен-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр 120.

ность же капиталиста есть право присвоения чужого неоплаченного труда, осуществляемого также по закону стоимости, который благодаря этому превращается в свою противоположность. И Маркс делает из этого вывод: «Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество» [1].

В определенном отношении и продукт до своего превращения в товар был тождеством. Становясь товаром, он превращается из тождества в противоречие, в единство противоположностей. Однако это превращение есть сложный и длительный исторический процесс. Это ярко показывает Маркс своим анализом противоречий товара.

Хотя Маркс и говорит о противоположности потребительной стоимости и стоимости уже в простой форме стоимости, он все же делает оговорку, что это только *начало* противоположности, что простая форма еще не закрепляет ее. В начале исторического процесса обмена не возникает еще форма стоимости, независимая от потребительной стоимости продукта.

Из этого следует, что противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью вначале выступает как различие между ними и лишь в процессе дальнейшего развития обмена это различие превращается в противоположность. Маркс формулирует ряд *специальных понятий,* с помощью которых он выражает различные ступени развития, развертывания противоречия. В подготовительных работах к произведению «К критике политической экономии» он пишет по этому поводу: «Тот простой факт, что товар имеет двойное существование, во-первых, как определенный продукт, который идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость в своей естественной форме бытия, и затем как проявившаяся меновая стоимость *(деньги),* которая, в свою очередь, сбросила всякую связь с естественной формой бытия продукта, — это двойственное *отличное* существование должно развиться в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие»* [2].

Таким образом, в понятиях «различие», «противоположность» и «противоречие» (которые Маркс заимство-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 597.
[2] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 67.

вал у Гегеля) мысленно воспроизводятся моменты развития и нарастания процесса раздвоения единого. Если в простой форме стоимости имеется лишь различие между потребительной стоимостью и стоимостью, то в полной и всеобщей формах это различие становится уже противоположностью и противоречием. При этом не следует думать, что противоречие возникает лишь на последней ступени рассматриваемого процесса. Различие также форма противоречия, только начальная его ступень, неразвернутая форма противоречия. Говоря о противоречии как высшей ступени процесса, Маркс имеет в виду такое состояние, когда противоположные моменты единого уже не могут ужиться и наступает момент разрешения противоречия. Именно потому, что отношение между потребительной и меновой стоимостью во всеобщей форме стоимости приобретает характер противоречия в *этом* смысле слова, это противоречие разрешается путем раздвоения товара на товар и деньги. Возникает качественно новое явление — деньги.

«*Приобретение самостоятельности меновой стоимостью* товара в деньгах, — пишет Маркс, — само есть продукт процесса обмена, результат развития содержащихся в товаре противоречий потребительной стоимости и меновой стоимости и того не в меньшей мере содержащегося в нем противоречия, что определенный, особый труд частного индивида с необходимостью должен выявить себя как свою противоположность, как одинаковый, необходимый, всеобщий и в этой форме общественный труд» [1].

Для обозначения различных ступеней развития процесса раздвоения единого Маркс в ряде случаев пользуется и другими понятиями. Так, у него фигурирует понятие «абсолютное противоречие», под которым он понимает законченное противоречие. В такое абсолютное противоречие вырастает противоположность потребительной и меновой стоимости в условиях развитого обмена, когда без самостоятельного выражения стоимости невозможно уже обойтись. «Для превращения продукта в товар, — говорит Маркс, — разделение труда внутри общества должно развиться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, начинаю-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 132.

щееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено»[1].

«Абсолютным противоречием» Маркс называет также противоположность между товаром и деньгами в моменты кризисов[2]. Этим же термином он обозначает противоречие между всесторонней подвижностью рабочего, порождаемой природой крупной машинной промышленности, и окостеневшим разделением труда в условиях капитализма.

Маркс употребляет также понятие «враждебная противоположность» для характеристики высшего момента процесса раздвоения физического и умственного труда, их разделения[3].

Одним словом, Маркс пользуется богатой палитрой понятий, помогающих ему выразить различные состояния противоречия, его напряженности на разных стадиях развития. Понятие «различие» фиксирует начальную стадию разграничения противоположных сторон, тенденций, когда они только выкристаллизовываются из состояния тождества. Понятие «противоположность» фиксирует более развитый момент, когда различные стороны, тенденции единого вполне выкристаллизовались и напряженность их отношения возрастает, борьба между ними становится острее, процесс раздвоения объекта углубляется и его противоречие «с самим собой» подготавливает момент разрешения противоречия[4]. Понятие «противоречие» в узком смысле этого слова выражает кульминационный пункт всего этого процесса, когда достигается ступень полного раздвоения единого, разрешающегося в форме существенного качественного изменения объекта. Понятие «абсолютное противоречие» обозначает достижение такого момента в этом процессе, когда вызревание противоречия закончилось. Названными понятиями далеко не исчерпывается «понятийный арсенал», которым для указанной цели пользуется Маркс. Например, выше мы привели понятие «полярная противоположность»,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 180.

[2] См. там же, стр. 149.

[3] См. там же, стр. 516.

[4] В нашей философской литературе понятие «противоположность» в качестве момента, стадии в развитии обычно употребляется в ином смысле: оно считается выражением высшей стадии нарастания противоречий. Конечно, это дело условности.

служащее у Маркса средством выражения наиболее резкого обострения противоречия. Так, в отношении простой формы стоимости нельзя говорить о полярной противоположности относительной и эквивалентной форм стоимости, но в применении к всеобщей и денежной формам именно данное понятие точно фиксирует степень развития противоречия между потребительной стоимостью и меновой.

Далее, Маркс оперирует понятиями внутренних, или имманентных, и внешних противоположностей. Внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости находит свое выражение во внешней противоположности двух товаров, один из которых выполняет функцию относительной, другой — функцию эквивалентной формы стоимости. Развитие внутренних противоречий товара — противоречий между потребительной стоимостью и стоимостью — на известном этапе завершается тем, что внутреннее противоречие находит свое разрешение в возникновении внешней противоположности между товаром и деньгами.

Важно прежде всего выяснить, в каком отношении находятся эти внутренние и внешние противоположности, какова их диалектика, что вообще в данном случае Маркс понимает под внешней противоположностью. Совершенно ясно, что понятия «внутренние противоположности» и «внешние противоположности» — это соотносительные понятия. Одно можно раскрыть через сопоставление с другим. Когда Маркс говорит, что противоположность между относительной и эквивалентной формами стоимости, между товаром и деньгами есть внешняя противоположность, сразу возникает вопрос: в каком смысле это «внешняя противоположность»?[1] Она представляет собой результат развития внутреннего противоречия и связана с ним как его *внешнее выражение* и *проявление*. Это хорошо видно на примере рассматриваемых нами внешних противоположностей. Поэтому следует сказать, что внешними они являются *по отношению* к внутренним

[1] Некоторые философы, стремясь использовать «Капитал» в целях исследования структуры диалектического противоречия, делают, на наш взгляд, ошибочные выводы по поводу Марксова понимания этого вопроса (см. *Ф. Ф. Вяккерев.* Структура диалектического противоречия. «Вопросы философии», 1964, № 9, и *В. А. Горлянский.* Диалектическое противоречие и его структура. «Вопросы философии», 1965, № 10).

противоречиям — противоречиям между потребительной и меновой стоимостью, между конкретным и абстрактным трудом. Внешние противоречия — результат развития и разрешения внутреннего противоречия.

Однако, будучи внешним выражением внутренних противоречий, они представляют собой *дальнейшее развитие внутренних противоречий* товарного производства. И в этом смысле они — *внутренние* противоречия товарного производства. Рассмотрим это на примере внешних противоположностей между товаром и деньгами. Выступая в качестве внешней противоположности, внешнего выражения имманентной противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью, противоположность между товаром и деньгами, раз возникнув, не снимает этой имманентной внутренней противоположности, а дает ей более глубокую и развитую форму движения. Это значит, что возникает новая и более высокая ступень развития *внутреннего* противоречия. Мы уже говорили, что с возникновением противоположности между товаром и деньгами единый акт обмена разделяется на два относительно самостоятельных акта: *Т—Д* и *Д—Т*. Вот в этом и находит свое выражение, притом существенное выражение, дальнейшее развитие *внутренних* противоречий товара и товарного производства. Маркс по этому поводу пишет: «Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы своего движения» [1].

Следовательно, нельзя рассматривать противоречия между товаром и деньгами просто как некий «внешний уровень» противоречий товарного производства, по отношению к которому противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью выступает как «внутренний уровень». Внешними эти противоположности являются лишь в том смысле, что в них внутреннее

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 124.

противоречие раскрылось и получило, так сказать, внешнее, наглядное выражение. Противоположности, которые раньше были скрыты и существовали в одном объекте — в товаре, сейчас вылупились из него и получили форму существования в виде противоположностей между двумя объектами — товаром и деньгами. Только в этом смысле их можно рассматривать как внешние противоположности. Во всех же остальных смыслах это внутреннее противоречие товарного производства, дальнейшее развитие внутренних, имманентных противоречий товара, *новый, более высокий, а не «внешний» уровень этих внутренних противоречий.* Недаром Маркс называет противоположность между товаром и деньгами «абстрактной и всеобщей формой всех противоречий, заключенных в буржуазном труде». Противоречие между товаром и деньгами Маркс в своем дальнейшем анализе рассматривает как внутреннее противоречие, но как такое внутреннее противоречие, которое после раскола на два противоположных полюса обострилось и получило более глубокое выражение. «В этой противоположности, — пишет Маркс, — товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение» [1].

В последних словах хорошо выражено то содержание, которое Маркс вкладывает в понятие «внешней противоположности»: это внутреннее противоречие, представленное в разных полюсах.

То же самое, что сказано о противоположности между товаром и деньгами, можно сказать и о противоположности между относительной и эквивалентной формами стоимости. Эта противоположность также есть внутреннее противоречие товарного обмена, представленное, однако, противоположно, в разных полюсах. В развитии противоположности этих полюсов развивается внутреннее противоречие товара. Это форма развития противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью [2]. И то

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 114—115.

[2] В первом издании «Капитала», где в качестве приложения дано популярное изложение вопроса о форме стоимости, Маркс

определение, которое Маркс дает этой противоположности как противоположности соотносительных моментов, взаимно обусловливающих и одновременно исключающих друг друга, — это определение схватывает специфику *внутренних,* имманентных противоречий.

Таким образом, понятие внешней противоположности, употребляемое в «Капитале» в рассмотренных выше случаях, имеет определенное содержание и определенный смысл. Оно здесь берется как аспект внутреннего противоречия, достигшего в своем развитии такой ступени, когда оно поляризуется в относительно самостоятельных полюсах целого. Однако, на наш взгляд, несостоятельно переносить это понимание на всякое внешнее противоречие, как поступают некоторые авторы. Главным критерием, позволяющим отличать внутреннее противоречие от внешнего в широком смысле этого слова, следует считать то, что первое из них представляет собой такое взаимоотношение сторон противоречия, при котором и в результате которого объект находится в противоречии «с самим собой», является и становится в процессе развития «иным самого себя». Внутреннее противоречие — противоречие в пределах одной и той же сущности, тогда как внешнее противоречие, противопоставляемое внутреннему, есть противоречие *разных* сущностей.

Это нельзя понимать так, что внутреннее и внешнее противоречия отделены друг от друга пропастью, что есть и может быть развитие, побуждаемое одними только внутренними противоречиями, без всякого влияния внешних противоречий, и наоборот. В «Капитале» процесс капиталистического производства рассматривается как специфически общественное производство. Но всякое производство предполагает труд, а труд, по точному

особенно резко это подчеркивает. Говоря, что простая форма стоимости товара есть простая товарная форма продукта труда, он пишет: «Продукт труда, вместе со своею натуральною формою, приносит на свет и *форму потребительной стоимости.* Ему нужна, следовательно, только еще *форма стоимости,* чтобы обладать *формою товара,* т. е. для того, чтобы *явиться единством противоположных друг другу потребительной и меновой стоимости.* Поэтому развитие формы стоимости тождественно с развитием формы товара» (*К. Маркс.* Капитал, т. I. СПб., 1872, стр. 671). Ясно, стало быть, что развитие противоречия между относительной и эквивалентной формами стоимости представляет собой развитие *внутренних* противоречий товара.

определению Маркса, есть процесс, совершающийся между человеком и природой. Отношения между человеком и природой также составляют противоречие, но это противоречие внешнее, противоречие разных «сущностей». Исследуя труд в его капиталистической форме, Маркс, однако, отвлекается от труда как внешнего противоречия и сосредоточивается на его внутренних противоречиях, целиком определяемых общественной сущностью труда.

Внешнее противоречие, далее, не отделено абсолютной границей от внутреннего противоречия и в том смысле, что оно возникает в результате развития внутренних противоречий. Антиномия «природа — общество» возникла в результате развития самой природы и ее противоречий, человек — часть и высшее проявление природы. Но человек и природа подчиняются разным законам (природные и общественные закономерности — это качественно разные сущности), вследствие чего противоречия между человеком и природой представляют собой внешние противоречия, которые ошибочно отождествлять с внутренними общественными противоречиями.

Социализм рождается в результате развития и разрешения внутренних противоречий буржуазного общества, и до поры до времени социалистические страны существуют рядом с капиталистическими. Сегодняшняя ситуация в мире такова, что существуют две общественные системы — капиталистическая и социалистическая. Возникнув из раскола единого капиталистического общества, эти две мировые системы воплощают различные, противоположные социальные сущности, их развитие регулируется совершенно разными экономическими законами. Поэтому отношения между социалистическими странами и странами капиталистическими есть отношения внешнего противоречия. Эти отношения не могут быть охарактеризованы как соотносительность нераздельных сторон, взаимно обусловливающих друг друга и исключающих друг друга. Иначе говоря, то определение, которое дал Маркс противоположности между относительной и эквивалентной формами стоимости, не подходит в данном случае. Если относительная стоимость не может существовать без эквивалентной стоимости и наоборот, то социализм вполне может существовать без капитализма, как капитализм в свое время существовал без социализма. Все дело в том, что в первом случае мы имеем дело с внутренним проти-

воречием, а во втором — с внешним противоречием. Бесспорно при этом, что внешнее противоречие между капитализмом и социализмом порождено развитием внутренних противоречий между трудом и капиталом и представляет собой «овнешненное» выражение этого последнего.

Будучи сторонами и моментами, представляющими разные сущности, стороны внешнего противоречия менее гибки и подвижны, чем стороны внутреннего противоречия, не находятся в состоянии подобного взаимопроникновения и взаимопереходов. Это, несомненно, одно из важных различий внутреннего и внешнего противоречия. Анализ таких противоположностей, как противоположность между товаром и деньгами, между относительной и эквивалентной формами стоимости, показывает, что они находятся в состоянии взаимопроникновения, что каждая из этих противоположностей проявляется через другую, переходит в другую. Попытка рассматривать их как строго дифференцированные, негибкие, не проникающие одна в другую, не выдерживает критики. Что касается товара и денег, то применительно к ним это настолько ясно, что не требует особых доказательств. Один полюс этой противоположности не только связан с другим так, что их бытие друг без друга невозможно, но оба полюса постоянно переходят друг в друга. Правда, их поляризация делает возможным разрыв между ними, а разделение единого процесса обмена на два самостоятельных акта приводит к тому, что деньги не превращаются сразу в товар. Но именно потому, что они внутренне едины, что «их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей», это внутреннее единство насильственно восстанавливается, когда обособление противоположностей переходит известные границы.

Поэтому раздвоение единого на внешние противоположности, получение внутренним противоречием своего выражения в двух внешних противоположностях означает *дальнейшее развитие* этого *внутреннего* противоречия, характеризующееся тем, что связь противоположных сторон целого становится слабее, уязвимее, легче рвется, противоречие между ними становится острее, глубже и т. д. Такова противоположность между товаром и деньгами.

Несколько иначе обстоит дело с противоположностью между относительной и эквивалентной формами стоимости.

Слова Маркса, что в одном и том же выражении один и тот же товар не может одновременно принимать формы относительной и эквивалентной стоимости, что последние «полярно исключают друг друга», принимаются за свидетельство того, что мы здесь имеем дело с внешним, а не внутренним противоречием. Действительно, товар, находящийся в одной из этих форм, не может одновременно быть в другой форме. Но речь идет о том, и это Маркс всячески подчеркивает, что «в одном и том же выражении», скажем в выражении «20 аршин холста = 1 сюртуку», один товар — холст находится в относительной, и только относительной, форме, а другой товар — сюртук находится в эквивалентной, и только эквивалентной, форме. Маркс говорит, что, для того чтобы относительная и эквивалентная формы стоимости поменялись местами, нужно перевернуть указанное уравнение. В уравнении «1 сюртук = 20 аршинам холста» первый товар станет относительной формой, а другой — эквивалентной формой стоимости.

Однако в *реальном процессе обмена* такое перевертывание совершается постоянно и одно выражение не существует без другого, ему противоположного. Если для владельца холста сюртук служит эквивалентом, измеряющим стоимость его товара, то для владельца сюртука холст служит эквивалентом его товара. Маркс пишет по этому поводу, что эквивалентная форма товара «не заключает в себе количественного определения величины его стоимости». Хотя золото в качестве денег обменивается на любой товар, неизвестно, сколько стоят, скажем, 10 фунтов золота. «Как и всякий иной товар, — пишет Маркс, — золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах» [1].

Следовательно, как это ни звучит парадоксально, товар, находящийся в эквивалентной форме, может выполнять эту роль потому, что он сам выражает относительно свою стоимость в товаре, на который он обменивается. А это значит, что товар, находящийся в относительной форме, выполняет одновременно роль эквивалента, выполняет эту роль *косвенно,* не непосредственно, но тем

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 101.

не менее без этого он не сможет в противостоящем ему товаре найти своего партнера по обмену.

Таким образом, полярное исключение двух рассматриваемых полюсов, их «негибкость», окостенелость в одной какой-нибудь форме стоимости имеет место лишь в абстракции, когда мы рассматриваем *одно лишь выражение,* или, как Маркс говорит, читаем его справа налево или слева направо. В жизни оба «чтения» происходят *одновременно* [1].

Взаимопроникновение, гибкость, доходящая до взаимоперехода, тождества противоположностей между относительной и эквивалентной формами стоимости, ярко обнаруживаются и в историческом процессе обмена. Например, переход от простой к полной и от полной, или развернутой, формы стоимости к всеобщей есть не что иное, как переход, превращение относительной формы в эквивалентную. В простой форме стоимости (20 аршин холста = 1 сюртуку) холст находился в относительной форме. Полная форма состояла в том, что какой-нибудь товар (холст) обменивался на многие другие товары (сюртук, чай, пшеницу и т. д.). Маркс указывает, что каждое из этих уравнений («20 аршин холста = 1 сюртуку, 10 фунтам чая и т. п.») «содержит и тождественное с ним обратное (т. е. противоположное ему. — *М. Р.*) уравнение»: «1 сюртук, 10 фунтов чая и т. д. = 20 аршинам холста». Поэтому в развернутой форме стоимости, где это обратное уравнение становится реальностью, один полюс, именно относительная форма стоимости, превратился в свою противоположность, в другой полюс — эквивалентную форму стоимости, холст становится всеобщим эквивалентом. «Простое относительное выражение

---

[1] Опять-таки Маркс это ярко показывает в упомянутом уже популярном приложении к первому изданию «Капитала». Представим себе, говорит Маркс, меновой торг между производителем холста (А) и производителем сюртука (В). После долгой торговли они договариваются об обмене. «А говорит: *20 арш. холста стоят 1 сюртука,* а В говорит: *1 сюртук стоит 20 арш. холста.* Здесь оба товара, и холст, и сюртук, находятся *одновременно* (подчеркнуто Марксом) в относительной форме стоимости и в эквивалентной форме» (*К. Маркс.* Капитал, т. I, СПб., 1872, стр. 662). Маркс добавляет к этим словам, что такое положение имеет, конечно, место для двух различных лиц и в двух различных выражениях стоимости, «которые вызываются к жизни *одновременно*», а не для одного товара и в одном и том же выражении.

стоимости, — писал Маркс в первом издании первого тома «Капитала», — было зародышем, из которого развилась общая эквивалентная форма холста. В течение этого развития он меняет свою роль. Он начинает с того, что выражает величину своей стоимости в *одном* товаре другого рода, и кончает тем, что служит материалом для выражения стоимости *всех* других товаров» [1].

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, СПб., 1872, стр. 27. Вообще следует отметить, что попытка отграничить понятие «внутреннего уровня» от понятия «внешнего уровня» противоречий при помощи таких признаков, как отсутствие «строгой дифференциации» или «наличие взаимопроникновения противоположностей», надуманна, искусственна. Мы уже не говорим о том, что само понятие «внешнего уровня» не подходит к характеристике такого, скажем, противоречия, как противоречие между товаром и деньгами, ибо это понятие означает менее глубокое противоречие, чем понятие «внутреннего уровня», между тем противоречие между товаром и деньгами знаменует более глубокий и развитый этап развертывания противоречий товара. Но дело не только в этом. Противопоставляя по признаку «взаимопроникновения противоположностей» противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью («внутренний уровень») и противоречие между относительной и эквивалентной формами стоимости («внешний уровень»), Ф. Вяккерев (см. примечание на стр. 210) пишет, что в первом случае «происходит реальное отождествление противоположностей», так как в меновом отношении «потребительная стоимость с необходимостью становится формой проявления своей противоположности — стоимости, конкретный труд — формой проявления абстрактного труда». Но разве этого «реального отождествления» нет и во втором случае? Ведь именно благодаря взаимопроникновению относительной и эквивалентной форм стоимости товар, выполняющий роль эквивалентной формы, может выразить товар, находящийся в относительной форме. А без «реального отождествления» таких противоположностей, как товар и деньги, без их взаимопроникновения как возможен был бы переход одного в другое. товара в деньги и наоборот?

Что же касается «строгой дифференциации» как признака «внешнего уровня» противоречий, то это столь же надуманно. Классы, составляющие внутренние противоположности классового общества, несомненно, строго дифференцированы, никто не спутает раба и рабовладельца, крепостного и помещика, рабочего и капиталиста, но разве от этого они перестают быть внутренними противоположностями и разве противоположность классов, классовая борьба как главная движущая сила развития антагонистического общества может быть отнесена к «внешнему уровню» противоречий? Впрочем, Ф. Вяккерев считает, что противоречие между буржуазией и пролетариатом есть именно «внешний уровень», а по В. Горлянскому, это противоречие можно было бы даже отнести к внешнему противоречию, поскольку для него «внешний уровень» — это синоним внешнего противоречия (так,

Итак, анализ понятия «внешняя противоположность», как его Маркс употребляет при исследовании противоречий товара, раскрывает нам один из оттенков развития *внутреннего* противоречия, определенную ступень этого развития, когда скрытая противоположность выходит наружу и поляризуется в относительно самостоятельных, но внутренне связанных полюсах. Как увидим дальше, в этом же смысле Маркс использует данное понятие, когда он говорит о внешней противоположности производства и обращения и ее проявлении в моменты кризисов. Этот оттенок понятия «внешняя противоположность» нужно отличать от этого же понятия или понятия «внешнее противоречие», когда мы его противопоставляем понятию «внутреннее противоречие», «внутренняя противоположность».

Закончив анализ противоречий товара и развития денег, Маркс указывает, что деньги становятся исходным пунктом развития высшей формы товарного производства — капиталистического производства. Начинается исследование второго большого круга противоречий — противоречий капиталистического производства.

5

В отличие от простого товарного производства цель капиталистического производства — самовозрастание стоимости. Девиз первого — производство потребительных стоимостей, обмен товара на товар через посредство денег. Девиз второго — производство прибавочной стоимости, страстная погоня за прибавочной стоимостью. В противоположность буржуазным экономистам, отождествляющим капиталистическое производство с простым товарным производством, Маркс настойчиво подчеркивает, что потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста. При капиталистическом способе производства стоимость получает еще более самостоятельное существование, и все дело здесь

он объявляет противоречие между товаром и деньгами внешним противоречием). Но почему тогда не отнести и противоположность овеществленного труда (капитал) и живого труда (наемный труд) к «внешнему уровню» противоречий и не полагать их за внешнее противоречие, благо они «строго дифференцированы»?

заключается в ее движении, в процессе которого она увеличивается.

Но, принимая во внимание эту природу стоимости при капитализме, мы сразу наталкиваемся на противоречия. Стоимость не может возрастать в процессе обращения, в сфере обращения она меняет лишь свою форму, переходя из формы товара в форму денег, затем снова принимая форму товара. Такое превращение не заключает в себе изменения величины стоимости. Но равным образом стоимость не может возрастать и вне обращения.

Буржуазная политическая экономия не сумела разрешить этого противоречия, она не могла дать ответа на вопрос, в чем заключается магическая способность стоимости, денег к самовозрастанию. Этот вопрос был основным камнем преткновения для всей предшествовавшей Марксу буржуазной политической экономии. Она ощупью подходила к пониманию тайны прибавочной стоимости, но раскрыть ее не смогла. Классовая ограниченность буржуазной политической экономии была непреодолимым препятствием на пути разрешения этого главного вопроса политической экономии капитализма. Только Маркс — идеолог пролетариата — сумел разрешить этот вопрос, и в этом его бессмертная заслуга.

Раскрыв тайну прибавочной стоимости, Маркс разрешил «противоречия всеобщей формулы» капитала: он показал, что превращение денег в капитал совершается и в сфере обращения, и вместе с тем вне этой сферы. Без купли на рынке рабочей силы невозможно превращение денег в капитал. Но это необходимая часть процесса, совершающаяся в сфере обращения, есть лишь предпосылка увеличения стоимости. Само же увеличение стоимости происходит в сфере производства, в процессе потребления особого товара — рабочей силы.

Итак, процесс капиталистического производства есть процесс производства потребительной стоимости и возрастающей стоимости. В этой двойственности процесса производства находят свое дальнейшее углубление, обострение прежние противоречия труда, которые Маркс анализировал в первом отделе первого тома «Капитала». Вместе с тем это не простое количественное увеличение старых противоречий, а резкий скачок, давший начало качественно новым противоречиям — противоречиям капиталистического процесса производства. Маркс пишет по

этому поводу: «Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства. Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства» [1].

Открытие Марксом двойственного, противоречивого характера труда, производящего товары, дало возможность исчерпывающе понять и роль различных сторон, факторов труда в капиталистическом производстве. Процесс капиталистического производства имеет двойственный результат: с одной стороны, его результатом является сохранение старой стоимости средств производства, употребляемых в процессе труда, или, что то же, перенесение этой стоимости на новый продукт, с другой стороны, присоединение новой стоимости, создаваемой рабочими, к предмету труда. Эта двойственность результатов труда, показывает Маркс, может быть понята лишь как следствие двойственного характера самого труда. Сохранение стоимости или перенесение ее на новый продукт возможно благодаря конкретной целесообразной форме труда рабочего, производящего потребительные стоимости; прибавление новой стоимости возможно благодаря тому, что этот труд есть одновременно и труд абстрактный, т. е. он есть затрата человеческой рабочей силы вообще.

В дальнейшем центром Марксова анализа противоречий капиталистического производства становятся противоречия между рабочими и капиталистами и противоречия процесса капиталистического накопления. Противоречия этих обоих родов неразрывно связаны между собой, и выделяются они нами лишь в целях схематического изображения логического процесса движения анализа, даваемого Марксом.

1. Исследовав и установив посредством категории прибавочной стоимости сущность и механизм капиталистической эксплуатации, Маркс показывает далее, что

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 208.

развитие и углубление противоречия между рабочими и капиталистами находит свое выражение в борьбе за продолжительность рабочего дня. Сокращенный рабочий день, говорит Маркс, — это продукт более или менее скрытой гражданской войны между рабочим классом и классом буржуазии. Отсюда проистекают новые методы увеличения прибавочной стоимости, которые Маркс обобщил в категории относительной прибавочной стоимости.

Производство относительной прибавочной стоимости не означает облегчения эксплуатации рабочего, напротив, это путь наиболее тонкого и изощренного использования рабочей силы в интересах обогащения капиталистов. Создание новой основы капитала в виде мануфактуры и особенно крупной машинной промышленности имеет своим следствием невиданное ранее углубление противоположности между физическим и умственным трудом, превращение рабочего в простого исполнителя чужой воли. Духовные и физические силы рабочего отделяются друг от друга. Те познания, предусмотрительность и воля, которые раньше, хотя и в крайне незначительных масштабах, требовались от ремесленника, работавшего в одиночку, сейчас требуются от мастерской в целом, от капитала. Духовные потенции производства, пишет Маркс, расширяют свой масштаб на стороне капитала по той причине, что на стороне рабочего они исчезают совершенно. То, что теряют рабочие, сосредоточивается в капитале. Процесс интенсивного отделения духовных потенций человека от физических начинается в простой кооперации, «где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет единство и волю общественного трудового организма. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу» [1].

Маркс ярко рисует противоречия и антагонизмы, вырастающие на базе буржуазного использования машин. Сама по себе машина сокращает рабочее время, но капиталистическое применение машин удлиняет рабочий день. Использование машин облегчает труд человека, при капи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 374.

тализме же машина служит делу повышения интенсивности труда. Появление машины знаменовало собой победу человека над силами природы, но капиталистическое ее применение порабощает человека. С помощью машин неизмеримо умножились богатства общества, те же машины при буржуазном строе становятся орудием обогащения одних и обеднения других.

Маркс указывал, что все противоречия и антагонизмы неотделимы лишь от *капиталистического* применения машин. С изменением общественного строя и победой социализма машины из орудия порабощения превращаются в орудие облегчения труда и господства человека над природой.

Производство относительной прибавочной стоимости предполагает прогрессирующее повышение производительной силы труда, развитие техники. Это имеет своим неизбежным результатом относительное уменьшение переменного капитала и рост постоянного капитала. Вследствие этого с развитием капиталистического производства создается относительно избыточное рабочее население, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании. Это избыточное население составляет резервную армию труда, армию безработных, которых капитал притягивает в периоды бурного расширения производства и выбрасывает на улицу в периоды кризисов и упадка производства. Будучи продуктом накопления капитала, эта резервная армия труда вместе с тем становится рычагом капиталистического накопления, которое в свою очередь увеличивает перенаселение, воспроизводит резервную армию в увеличенном масштабе.

Антагонистичность процесса капиталистического накопления выражается, следовательно, в том, что, чем больше богатств создают рабочие своими руками, чем выше производительная сила их труда, тем ненадежнее становится их собственное положение, тем меньше остается возможности для реализации единственного условия их существования — продажи своей рабочей силы капиталу.

Накопление богатства на одном полюсе означает «накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой

собственный продукт как капитал»[1]. Расширенное воспроизводство капитала есть поэтому расширенное воспроизводство подневольного положения рабочих, развитие и обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией. Всю глубину антагонизма между ними Маркс сформулировал во *всеобщем законе капиталистического накопления.*

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*»[2].

2. Однако антагонистичность процесса капиталистического накопления находит свое выражение не только в этом противоречивом, двойственном *результате* развития общественного производства. В неразрывной связи с этим развиваются и непреодолимые антагонизмы *самого процесса* общественного производства, превращающие капиталистические производственные отношения в главный тормоз, без уничтожения которого невозможно дальнейшее развитие общества.

Противоречия процесса капиталистического накопления показывают закономерность развития антагонистических противоречий вообще. Противоречия эти, нарастая, обостряясь, разрешаются лишь временно, для того чтобы в дальнейшем своем развитии возникнуть на новой, более глубокой основе. Существование капиталистического способа производства есть та питательная почва, из которой эти противоречия постоянно вырастают.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 660.
[2] Там же, стр. 659.

Наибольший методологический интерес в связи с Марксовым исследованием противоречий капиталистического накопления представляет анализ противоречия между *целью* производства и *средствами* достижения этой цели. С этим противоречием, его движением и развитием связано противоречие между *«имманентными пределами»* капиталистического производства и буржуазными *средствами их преодоления*. Здесь вопрос о «мере» капитала находит свое развитие на основе анализа противоречий капиталистического производства.

Анализ употребления Марксом категорий цели и средства производства в применении к капиталистическому способу производства, где развитие подчинено слепо действующим законам, свидетельствует о том, что не правы те экономисты-марксисты, которые усматривают в этом употреблении «вторжение» в объективную диалектику экономического развития некоего «субъективного» начала, поскольку «цель» предполагает-де сознательную деятельность людей. На этом основании они отрицают правомерность включения в характеристику основного экономического закона социализма понятий цели социалистического производства и средства ее достижения. Однако, как мы видим, Маркс не опасался этого, характеризуя основной закон капиталистического производства. Понятие цели действительно связано в общественной жизни с деятельностью людей, но отсюда нисколько не следует, что цель не есть объективная категория. В обществе и общественной жизни все так или иначе связано с сознательной или бессознательной деятельностью людей, которые ставят перед собой определенные цели. Но это нисколько не снимает объективного характера общественных законов и всего хода развития общества. Когда Маркс говорит о цели капиталистического производства, то, конечно, имеется в виду не произвольная цель, определяемая субъективными желаниями человека, а цель, обусловленная способом производства, достигнутым уровнем производства. Поэтому в каждом исторически обусловленном способе производства существует своя цель, определяющая мотивы деятельности людей, а также свои специфические средства осуществления этой цели. Следовательно, категории цели и средства отражают объективные условия экономического развития.

Цель капиталистического производства — производство прибавочной стоимости, притом в неограниченных размерах, получение как можно больше прибыли. Средство достижения этой цели — развитие производства. Цель и средство — противоположности, неразрывно связанные и исключающие, притягивающие и отталкивающие друг друга. Этим противоположностям, противоречию между ними свойственны как *общее,* имеющее место в любом способе производства, так и *особенное,* специфическое для каждого отдельного способа. Общее состоит в том, что противоречие между целью и средством разрешается и воспроизводится снова на более высокой основе, никогда не исчезая. Поскольку никакое общество не может существовать без производства, постольку всегда существуют цели и средства их реализации, а стало быть, и противоречивые отношения между ними. Но это *общее противоречие* всякого способа производства. Вместе с тем поскольку каждый специфический способ производства имеет особенные цели и средства их осуществления, то и противоречие между ними выступает во вполне конкретной *особенной* форме.

Исследуя капиталистический способ производства, Маркс анализирует специфический характер противоположности между целью и средствами, обусловленный самой сущностью этого способа. Специфика этого противоречия состоит в том, что *ограниченная* цель сталкивается с таким средством, которое по самому своему существу *безгранично.* Ограниченность цели — это увеличение существующего капитала, увеличение прибыли, обогащение капиталистов. Достижение этой цели возможно лишь бесконечной гонкой производства. Как показал Маркс, диалектика противоречия здесь заключается в том, что теми же самыми средствами, которыми достигается цель капиталистического производства, т. е. увеличение прибыли, создаются объективные условия, которые ведут к ограничению прибыли (тенденция нормы прибыли к понижению). Преодолеть это противоречие можно лишь дальнейшим развитием производства, которое, однако, снова воспроизводит его, и т. д. Такое развитие все более и более углубляет противоречие между ограниченной целью капиталистического производства и безграничным развитием производительных сил. Последние, приобретая тотально общественный характер в этом процессе разре-

шения указанного противоречия и его постоянного возобновления в расширенном масштабе, наталкиваются на ограниченную цель капиталистического производства как на предел, препятствующий их дальнейшему свободному развитию.

Этим объясняется и противоречие между имманентными пределами капитализма и специфически капиталистическим средством их преодоления, выхода из них. Так как цель состоит в увеличении капитала, а не в удовлетворении потребностей производителей, не в повышении их жизненного уровня, то специфически буржуазный выход из противоречий, преодоление их осуществляется за счет самих производителей, массы эксплуатируемых трудящихся. Вынужденный безгранично расширять производство и увеличивать прибыль путем усиления эксплуатации масс, капитал подрубает тот сук, на котором он держится. В первой части третьего тома «Капитала» Маркс глубоко исследует это противоречие, выражающее основное противоречие капитализма.

Созданием прибавочной стоимости заканчивается лишь первый акт капиталистического процесса производства. За ним неизбежно наступает второй акт, вызванный необходимостью реализовать огромные массы товаров и содержащуюся в них прибавочную стоимость. В противовес буржуазным экономистам Маркс показывает, что условия эксплуатации и условия реализации ее продуктов — товаров не тождественны. Если развитие производства ограничено лишь существующим уровнем производительных сил и по существу оно может развиваться безгранично, то реализация произведенных товаров ограничивается потребительной силой общества. «Но эта последняя, — говорит Маркс, — определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах»[1]. Отсюда глубочайшее противоречие между стремлением к безграничному развитию производства ради производства прибавочной стоимости и низким уровнем потребления, покупательной способности масс.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 268.

Чем больше развивается производительная сила, говорит Маркс, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. Это противоречие делает неизбежными кризисы перепроизводства при капитализме. Маркс неоднократно указывает, что последней причиной экономических кризисов является бедность трудящихся масс, их нищенское, рабское положение при капитализме. Основной экономический закон капитализма закономерно обусловливает указанное противоречие. «Поэтому, — говорит Маркс, — пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли» [1].

Кризисы сигнализируют, что капиталистическое производство встретило на своем пути пределы, без преодоления которых невозможно дальнейшее развитие. Кризисы вместе с тем служат разрушительным средством преодоления этих пределов. Но это преодоление подготавливает еще бóльшие катастрофы в будущем. В третьем томе «Капитала» Маркс в следующих словах резюмирует эту диалектику преодоления старых и беспрерывного возникновения новых пределов: «Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе» [2].

А это значит, что сам капитализм в своем развитии становится препятствием, которое надо уничтожить. «*Настоящий предел* капиталистического производства, — пишет далее Маркс, — это *сам капитал,* а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала,* а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. Пределы, в которых только и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 284.
[2] Там же, стр. 274.

может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства, производству как самоцели, безусловному развитию общественных производительных сил труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала» [1].

Преодоление этого «постоянного конфликта» капиталистического производства путем развития производительных сил, производительности труда и создает в недрах буржуазного общества материальные предпосылки для перехода к социалистическому строю. Общественный характер производства не может больше существовать в отжившей форме капиталистических производственных отношений.

Маркс неоднократно указывает, что в противоположность капитализму цель социалистического производства — удовлетворение потребностей людей. Вполне понятно, что с переходом от капитализма к социализму коренным образом изменяется диалектика цели и тех средств, которыми достигается основная цель производства. Практика социалистических стран утвердила уже в самой жизни новый основной экономический закон, сущность которого в удовлетворении растущих потребностей общества и человека путем беспрерывного роста и развития производства и производительных сил. В социалистическом обществе цель производства перестает быть ограниченной, она столь же неограниченна, как неограниченны и возможности развития производства, т. е. средство достижения и реализации цели.

Поэтому диалектика противоречий цели и средства при социализме состоит в том, что удовлетворение растущих потребностей толкает вперед производство, ставит перед ним новые задачи, а развитие производства расширяет, обогащает потребности людей и общества. Ни цель не ставит и не может ставить пределов развитию

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 274.

производительных сил, ни средства не становятся и не могут становиться пределом достижения цели. Говоря так, мы имеем в виду социализм (коммунизм) как социально-экономическую формацию. Поскольку эта формация находится в развитии, проходит различные стадии, то, разумеется, уровень осуществления основной цели производства на разных ее ступенях не одинаков. Только в фазе полного коммунизма люди смогут удовлетворять свои интересы «по потребностям».

Существенной характеристикой противоречий капиталистического способа производства Маркс считает их неразрешимость на почве этого способа.

Маркс доказал утопичность идеи о примирении противоречий буржуазного общества. Классовым выражением конфликта между производительными силами и производственными отношениями являются непримиримые, антагонистические противоречия между пролетариатом и буржуазией. Вместе с ростом и углублением противоречий буржуазного способа производства растут и обостряются противоречия между этими двумя классами. Заслуга Маркса состоит в том, что он раскрыл всемирно-историческую роль пролетариата. В противовес утопическим социалистам Маркс доказал, что пролетариат — это не только страдающий класс, который выносит на своих плечах всю тяжесть зверской капиталистической эксплуатации. Пролетариат в ходе борьбы против буржуазии закаляется и вырастает в грозную для капиталистов силу — в могильщика буржуазии.

Еще в «Нищете философии» Маркс подверг критике утопистов и мелкобуржуазных экономистов, видевших в нищете пролетариата только нищету, не замечавших ее революционной стороны. Маркс показал, что пролетариат ходом борьбы против буржуазии формируется в «класс для себя», осознающий свою коренную противоположность классу капиталистов.

Не примирение противоречий капитализма, а их революционное разрешение, преодоление их путем пролетарской революции, завоевания пролетариатом политической власти для строительства нового общества — таков основной вывод, который делает Маркс из анализа противоречий капитализма. Как революционный призыв звучат слова, заключающие анализ развития противоречий ка-

питалистического способа производства: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [1].

* *
*

В анализе развития противоречий капиталистического производства особенный методологический интерес представляет исследование Марксом процесса усложнения, конкретизации тех начальных противоречий товарного производства, которые он рассмотрел уже в первых главах своего труда. Маркс неоднократно отмечает, что исследованные им в этих главах противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, абстрактным и конкретным трудом, частным и общественным трудом, противоречия простого товарного обмена и т. д. представляют собой абстрактную форму развитых противоречий капиталистического производства. Мы уже приводили слова Маркса о том, что по мере проникновения в глубь капиталистической экономики нужно показывать, «как в более конкретных формах его (т. е. противоречия, проявляющегося наиболее ярко в кризисах. — *М. Р.*) повторяются и содержатся его более абстрактные формы» [2]. Таким образом, это вопрос о соотношении неразвитых и развитых, абстрактных и конкретных форм противоречий.

Это важное методологическое указание Маркса и его реализация в Марксовом анализе в значительной мере были уже прослежены на материале исследования в «Капитале» противоречий капиталистического производства. Но эта сторона вопроса заслуживает того, чтобы на ней специально остановиться. В этой связи большой интерес представляют замечания, сделанные Марксом по вопросу о кризисах во второй части «Теорий прибавочной стоимости», и его критика взглядов буржуазных экономистов.

Маркс называет экономические кризисы, кризисы мирового рынка, «сложнейшим явлением капиталистического производства» [3]. Но для того чтобы понять это «сложнейшее явление», нужно исходить из того, что оно есть более конкретная и развитая форма простейших противоречий

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 773.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 567.
[3] Там же, стр. 557.

товарного производства, не снимающая, а повторяющая и содержащая в себе эти простейшие противоречия. В этом вся суть вопроса! Критикуя Рикардо и других экономистов, Маркс прямо указывает, что они в своих рассуждениях забывают или отрицают «исходные предпосылки капиталистического производства». Под последними же он подразумевает противоречия товара и труда, производящего товары, противоречия товарного обмена. Вот как он сам определяет эти «предпосылки»: «... наличие продукта как товара, раздвоение товара на товар и деньги, проистекающие отсюда моменты разделения в товарном обмене, наконец, то отношение, в котором деньги или товар находятся к наемному труду» [1].

Анализ этих простейших и вместе с тем чрезвычайно существенных противоречий дает возможность понять более глубокие и развитые противоречия капиталистического производства. Как говорилось выше, уже в акте простого товарного обмена в связи с раздвоением товара на товар и деньги происходит разделение процесса обмена на два самостоятельных акта, но эти два обособившихся друг от друга акта, две противоположные фазы обмена находятся в единстве. Здесь, как подчеркивает Маркс, одинаково важно учитывать как момент единства, так и момент разделения. В этом и заключается сущность внутреннего противоречия. Маркс именно за то и критикует в этой связи буржуазных апологетов, что они видят только одну сторону — единство и не видят другую сторону — разделения, обособления, противоположности. А это означает, говорит Маркс, «утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность» [2].

Следовательно, простая, абстрактная форма противоречия, которая имеет место уже до капиталистического производства, в простом товарном производстве, служит основой более развитой формы противоречия, которое проявляется в кризисах, ибо кризис есть не что иное, как разрыв и враждебное противопоставление таких моментов, которые по сути едины и дополняют друг друга.

Однако, как ни важно в исследовании движения противоречий исходить из этой простой и абстрактной формы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 558.
[2] Там же, стр. 557.

противоречий, было бы не меньшей ошибкой, чем их игнорирование, забывать, что *только развитие* этих противоречий, не снимающее их, а дающее им более конкретную форму, может объяснить такие явления, как экономический кризис. Речь идет о том, как заявляет Маркс, что возникшие в товарном обращении противоречия, следовательно, и возможности кризиса «сами собою воспроизводятся в капитале, так как развитое товарное и денежное обращение имеет место в действительности только на основе капитала» [1]. Поэтому кризис не может быть выведен *непосредственно* из анализа простейшей формы противоречий, задача состоит в том, чтобы проследить дальнейшее развитие противоречий, которое только и делает потенциальный кризис реальным кризисом.

Вот почему Маркс обрушивается не только на тех, кто игнорирует исходные противоречия, но с не меньшим гневом обрушивается и на тех, кто пытается объяснить кризисы элементарными противоречиями, например разделением единого акта обмена на две противоположные фазы. Последнее, доказывает Маркс, есть лишь элементарная форма кризиса. «*Объяснять* кризис этой его элементарной формой — значит объяснять его существование тем, что выражает его бытие в его абстрактнейшей форме, т. е. объяснять кризис кризисом» [2]. В противоречиях между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами не содержится еще то, что только и порождает кризисы. Но все дело в том, что исследуемые Марксом развитые противоречия капитала оказываются не чем иным, как *дальнейшим углублением и обострением исходных противоречий.* Если уже в простом товарном обращении заложено противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, то в капиталистическом производстве это противоречие превращается в абсолютное, поскольку целью становится не производство потребительных стоимостей, а производство стоимости, притом стоимости, постоянно возрастающей. Это углубляет анархию производства, делает реальным полный разрыв в известные моменты противоположных фаз обращения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 570.
[2] Там же, стр. 558.

Маркс указывает, что в момент кризиса внутренняя противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью и ее внешнее выражение — противоположность между товаром и деньгами — вырастают в «абсолютное противоречие». Капиталисты не знают границ в производстве стоимости. Однако нет стоимости без потребительной стоимости. Те чудовищные размеры прибавочной стоимости, которую извлекают капиталисты, могут существовать лишь в виде огромных масс товаров, т. е. потребительных стоимостей. Но последние должны иметься налицо в определенном количестве, а если их больше, они не могут превратиться во всеобщую форму стоимости. Произведенные товары не могут быть проданы. Поэтому в моменты кризисов особенно резко проявляется противоположность потребительной стоимости и стоимости, товаров и денег. В третьем томе «Капитала», исследуя денежный капитал и кредит, Маркс ярко показывает это абсолютное противоречие в периоды угнетения и кризисов.

«В периоды угнетения, — пишет Маркс, — когда кредит сокращается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем другим товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, то есть в их собственную чисто фантастическую форму» [1].

Маркс приводит слова одного банкира, который заявил, что если бы возник вопрос, что нужно сохранить в моменты кризиса — размен банкнот или промышленность страны, «то я уже знал бы, чем следует пожертвовать». Известно, что современные капиталистические варвары в периоды кризисов не останавливаются перед уничтожением громадных материальных средств, продуктов существования, в которых так нуждаются миллионы и десятки миллионов трудящихся.

Если в простом товарном обращении имеется противоречие между спросом и предложением, то в капиталистическом это противоречие не только количественно, но и качественно углубляется, так как отношения эксплуатации рабочих подрывают спрос. Как указывает Маркс, отношения спроса и предложения, рассматриваемые в ши-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 61.

роком смысле, включают в себя отношения между производством и потреблением. Но как раз для буржуазного производства характерно их «разделение и противоположность». Только кризисы восстанавливают на какие-то периоды их единство, с тем чтобы тенденция к их разделению и противоположности снова взяла верх.

Если, далее, простое товарное производство порождает противоречие между частным и общественным трудом, то возникновение и развитие капиталистического товарного производства означает не снятие, а углубление этого противоречия, которое находит свое высшее выражение в противоположности между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением.

И так во всех случаях. Осуществляя этот важный логический принцип исследования противоречий и их развития, показывая, что в самых *развитых формах* противоречий капитала содержатся его более *абстрактные формы,* Маркс вместе с тем со всей настойчивостью подчеркивает качественное различие противоречий простого товарного производства, выступающих в абстрактной форме по отношению к противоречиям капитала, и противоречий капиталистического производства, т. е. более конкретной формы тех же противоречий. Все дело здесь в *развитии* противоречий, порождающих качественно новую и высшую стадию товарного производства.

6

Как уже указывалось, Маркс не мог в точности знать, что капитализм в своем развитии пройдет еще одну, высшую фазу, на которой противоречия его достигнут еще большей остроты и которая непосредственно явится канупом социалистической революции.

Анализ этой фазы дал В. И. Ленин в своем произведении «Империализм, как высшая стадия капитализма». Исследуя империалистический капитализм, Ленин целиком опирался на «Капитал» Маркса, развивал его основные положения. Он показал, как в силу законов, раскрытых Марксом, империализм порождает ряд новых существенных явлений и процессов, отличающих его от предыдущей стадии.

В своей работе В. И. Ленин исследует дальнейшее развитие противоречий капиталистического способа производства в новых условиях. Самым главным и решающим фактором новой стадии капитализма, начавшейся с конца XIX в., Ленин считает возникновение и рост монополий, пришедших на смену свободной конкуренции. Ленин дает краткое определение империализма как монополистического капитализма.

Говоря об империализме как особой стадии капитализма, Ленин учитывал, что эта стадия не есть нечто сплошное, что она имеет свои ступени развития. В частности, особой и высшей ступенью империалистического капитализма он считал государственно-монополистический капитализм, который он характеризовал как полнейшую материальную подготовку и преддверие социализма. Жизнь полностью подтвердила это положение Ленина: государственно-монополистический капитализм стал сегодня реальностью, новой ступенью в развитии капиталистических стран.

В предыдущей главе было показано, что по некоторым тенденциям уже Маркс предвидел необходимость новых, более высоких форм обобществления буржуазного производства, в том числе и высшую его форму — «огосударствление». Современная практика подтвердила не только это предвидение Маркса, но и его указание на то, что возникновение новых форм капитала и даже государственное вмешательство, которое сегодня развилось в форму государственно-монополистического капитализма, означает не исчезновение капитализма, не разрешение его противоречий, как об этом твердят апологеты буржуазного строя, а *дальнейшее их развитие и обострение*. Его слова о том, что новые формы капитала лишь развивают старые противоречия капитализма «в новом виде», служат руководящей идеей для исследования современного этапа капитализма.

Между тем современные буржуазные экономисты стремятся доказать, что новые формы капиталистического производства снимают эти противоречия. Но это фантазия тех, кто выдает желаемое за действительное. Остаются в силе слова Маркса о том, что стремление «устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеют-

ся налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, *не должны* существовать» [1].

Новейшие попытки словесного устранения противоречий путем апелляций к государственно-монополистическому капитализму находят свое преимущественное выражение во всевозможных разновидностях *теории равновесия*. Собственно, трудно назвать теорию равновесия «новым» средством фантастического преодоления противоречий капитализма. Эта теория и раньше служила методологическим орудием апологетики в руках вульгарной политической экономии. Положения о «равновесии» спроса и предложения, производства и потребления, о «равновесии» интересов рабочих и капиталистов и т. п. переходят из произведений буржуазных экономистов одной эпохи в экономические труды другой эпохи, отстаивающие капитализм как самое «совершенное» общество. Конечно, сейчас трудно говорить о равновесии с той прямолинейностью, как это делали «пошлые экономисты» Сэй, Бастиа и др. Но принципы, подходы, приемы остаются теми же и сегодня. Сегодняшние буржуазные экономисты создают модели капиталистической экономики, динамики роста производства, в которых нет места глубоким и неразрешимым противоречиям. Основной мотив этих моделей — как добиться такого равновесия при росте производства, которое позволило бы как-то смягчить безработицу, установить гармоническое соответствие между инвестициями и покупательной способностью, устранить кризисы и т. п.

Принцип равновесия в современной буржуазной политической экономии считается исходным моментом теории. Он возводится даже в ранг закона логики, логического мышления. В упоминавшемся ранее труде Самуэльсона говорится по этому поводу: «Наше правило равновесия — это не только закон экономики, это закон самой логики» [2].

Марксистская диалектика не отрицает момента равновесия в развитии. Не отрицает она этого момента и в развитии капиталистического производства. Однако, как показал Маркс, равновесие здесь выступает как результат игры стихийных сил и представляет собой случайность,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 577.
[2] *П. Самуэльсон*. Экономика, стр. 432.

а не продукт преднамеренной деятельности. Конечно, в этом отношении за последние десятилетия в связи с развитием государственно-монополистического капитализма произошли некоторые изменения. Степень обобществления производства достигла ныне такого уровня, когда без вмешательства государства, как и предвидел Маркс, без известного программирования производства буржуазное общество не способно существовать.

Понимая это, буржуазные экономисты предают остракизму старые представления вульгарных экономистов, взгляды которых они называют классическими. Но если последние исходили из того, что равновесие производства и потребления, спроса и предложения товаров, спроса и предложения труда и т. п. складывается стихийно, благодаря действию (употребляя выражение Бастиа) «чудной гармонии социального механизма», то буржуазная экономическая теория сегодня считает, что только государство способно осуществлять регулирующую роль и добиваться равновесия. Конечно, существуют еще адепты старых представлений, но и они вынуждены вносить соответствующие поправки в духе новых веяний.

В этом и заключается тот пресловутый «неоклассический синтез», который рекламируется современной буржуазной политической экономией как новое слово и, более того, как революционный переворот в экономической науке. Смысл этого «великого неоклассического синтеза» состоит в следующем. Старые экономисты полагали, что существует «совершенная конкуренция», когда производство и распределение регулировались самим стихийным механизмом рынка, ценообразования. Сейчас говорить о «совершенной конкуренции» просто глупо. Творцы «неоклассического синтеза» считают, что такая конкуренция лишь идеальный случай, в действительности же существует «несовершенная конкуренция». Поэтому проблема равновесия решается сегодня лишь с помощью политики государства: «... государство с помощью своей политики пытается создать наилучшие условия для функционирования частной инициативы» [1].

В другом месте своего труда автор приведенных строк так формулирует «неоклассический синтез»: да, говорит он, мы можем предотвратить и массовую безработицу, и

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 670.

резкие кризисы. «Поскольку это так, вы найдете классические принципы [1] вновь применимыми: но теперь они применимы потому, что наша макроэкономика подтверждает их посылки адекватного спроса, а не потому, что мир настолько счастлив, что они применяются автоматически и на все времена» [2].

Государственная политика, которая при этом рекомендуется, разнообразна: это — соответствующая фискальная политика «подкачивания» покупательной способности с целью сделать ее «неограниченной» (это в капиталистическом обществе, где все производство подчинено цели погони за неограниченной, уже без кавычек, прибылью!), это — снижение процентной ставки, уничтожение класса рантье, это — государственные расходы и даже поддержание «психологического состояния», хорошего настроения предпринимателей с целью роста инвестиций.

Итак, принцип равновесия по-прежнему служит основным методологическим принципом буржуазной экономии. В этой связи трудно согласиться с И. Г. Блюминым, заявившим в своей книге по критике буржуазной политической экономии, что для метода современных буржуазных экономических теорий характерен «кризис теории равновесия». Автор имеет в виду тенденцию перехода экономистов от «статики» к «динамическим» теориям. Но этот аргумент недоказателен. Ведь суть теории равновесия заключается в том, что она отрицает внутренние противоречия и необходимость их преодоления, полагая, что противоположности могут вечно находиться в состоянии балансирования, сосуществования. Например, такой «динамист», как Р. Ф. Харрод, в своей книге «К теории экономической динамики» утверждает, что безработица, кризисы и т. п. в буржуазном обществе есть лишь внешний, чисто «механический порок функционирования нашей системы». Он отрицает внутренние противоречия буржуазного производства и полагает, что его «механический порок» можно устранить путем простых мероприятий

---

[1] Напомним, что под классическими автор понимает прежде всего принципы вульгарных экономистов, а не Смита и Рикардо. Последние для него слишком «левые», ибо они исходили из теории стоимости, признавали существенные противоречия между пролетариатом и буржуазией.

[2] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 370.

вроде уничтожения процента и создания «беспроцентного общества». Он сам считает, что это слишком простой способ для устранения таких серьезных вещей, как кризисы и безработица. Но раз дело заключается в механическом пороке, то его можно устранить столь же механическим путем.

Конечно, динамические теории стремятся решать проблемы длительного роста капиталистического производства, но все их цели направлены на то, чтобы доказать возможность сохранения равновесия между спросом и предложением, инвестициями и потреблением и т. п. в процессе развития. Все внимание здесь направлено на то, как удержать экономику в состоянии равновесия, не допуская кризисов, безработицы и т. д. Харрод не против статики, она, по его словам, нужна для того, чтобы найти средства установления равновесия.

Конечная цель использования теории равновесия буржуазными экономистами состоит в том, чтобы с ее помощью доказать естественный и вечный характер капиталистического способа производства. Все надежды сейчас возлагаются на государство, которое должно суметь удержать в состоянии равновесия все части и стороны капиталистического производства, враждебные классы и социальные силы и пр. Однако жизнь подтверждает иные принципы и взгляды на развитие.

Вся экономическая теория «Капитала» основана на том, что решающим противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производительных сил и частной капиталистической собственностью. Так как обобществление производства и средств производства в силу действия этого противоречия достигает все более и более высокого уровня, то противоречие это не успокоится до тех пор, пока форма собственности и организации производства не придет в соответствие с общественной сущностью производительных сил.

Таким образом, основное и другие, производные от него противоречия «гонят» буржуазное общество к такому состоянию, когда капиталистическая система должна будет повсеместно уступить место высшей форме социальной организации — социализму. Уже во многих странах капитализм уступил место социализму, что же касается остальных стран, то такой переход есть лишь вопрос времени.

Следовательно, развитие идет не по теории равновесия, а по диалектическому закону противоречий. Буржуазные экономисты и политики кичатся тем, что государственное регулирование приносит свои плоды, что меры, предпринимаемые против экономических кризисов и т. п., имеют определенный эффект. Марксисты никогда не отрицали, что вмешательство государства в экономику, образование государственно-монополистической собственности могут дать какой-то временный эффект в смысле известного стимулирования производства, оттягивания момента наступления кризиса и пр. Ведь образование государственной собственности, элементы регулирования экономики, характерные для государственно-монополистического капитализма, представляют собой определенное (частичное) разрешение противоречия между общественным характером производства и капиталистической собственностью, ибо государственная собственность даже в рамках капитализма более соответствует общественной природе современного производства. Но разумеется, такое разрешение противоречия не затрагивает коренных устоев капиталистического способа производства, а лишь подготавливает преодоление его на путях социальной революции. Возникновение государственно-монополистического капитала не только оставляет нетронутой капиталистическую собственность, а стало быть, и все свойственные капитализму противоречия, но делает их более глубокими и острыми. Указанное разрешение противоречия благодаря возникновению государственно-монополистического капитализма дало лишь новую, но *капиталистическую* форму развития. «Это, — выражаясь словами Маркса, — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [1].

Крайней поляризации противоположностей капиталистического производства соответствует и поляризация социальных сил буржуазного общества. И в этом отношении развитие идет «по Марксу». Попытки буржуазных экономистов доказать, что на современной стадии развития устанавливается равновесие классов, всех социальных сил, тщетны. В действительности происходит то, что Маркс в свое время определил как «декапитализацию»

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 479.

промежуточных слоев и все большее распределение, дифференциацию населения на крайние полюсы, интересы которых все более и более расходятся.

Маркс писал, определяя основную тенденцию развития, обусловленную противоречиями буржуазного способа производства: «Накопление крупных капиталов путем уничтожения мелких. Притяжение. Декапитализация промежуточных сочетаний капитала и труда. Это всего лишь последняя степень и форма того процесса, который превращает условия труда в капитал, затем воспроизводит капитал и отдельные капиталы в более широких размерах, наконец отделяет капиталы, образовавшиеся во многих пунктах общества, от их владельцев и централизует их в руках крупных капиталистов. Приобретая эту *крайнюю форму противоположности и противоречия*, производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство» [1].

Только враги истины могут утверждать, что эта блестящая характеристика основной тенденции развития буржуазного общества не соответствует действительности. Маркс был, безусловно, прав, говоря о процессе «декапитализации» промежуточных состояний капитала и труда. «Крайняя форма противоположности и противоречия» в отношении социальной дифференциации выражается сейчас в том, что все больше промежуточных слоев населения (служащие, мелкая буржуазия) пролетаризируются, переходят на положение рабочего класса, нарастает расхождение между монополистической и немонополистической буржуазией, прогрессирующе растет число союзников рабочего класса в борьбе против империализма (бывшие колониальные народы, сбросившие с себя путы империализма, народы, борющиеся за свое освобождение).

Марксово понятие «крайняя форма противоположности и противоречия» как нельзя лучше характеризует ступень государственно-монополистического капитализма. Если раньше идеологи буржуазии гордо заявляли, что экономический механизм капитализма не нуждается ни в каком государственном вмешательстве, что государство должно лишь охранять права предпринимателя, то сей-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 327 (курсив мой. — *М. Р.*).

час именно развитие противоречий капитализма в крайнюю форму противоположностей требует такого вмешательства; без него невозможно в современных условиях капиталистическое воспроизводство. Крайняя форма противоположностей и противоречия на ступени государственно-монополистического капитализма обусловливает и то, что буржуазное государство противостоит сейчас рабочему классу и всем трудящимся как, употребляя выражение Энгельса, «коллективный капиталист» и использует свою власть для решения не только политических, но и непосредственно экономических вопросов, касающихся взаимоотношений рабочих и капиталистов. Не состояние «равновесия», а борьба противоположных интересов и тенденций — такова картина и современного капиталистического общества вопреки разглагольствованиям всевозможных его защитников.

7

Маркс не ставил и не мог ставить перед собой в «Капитале» задачу исследовать противоречия развития будущего социалистического и коммунистического общества. Эта задача во всей своей конкретности возникла перед марксистами тогда, когда социалистическая революция в СССР, а затем в ряде других стран положила начало революционному преобразованию общества [1].

Однако, несмотря на то что главной задачей «Капитала» было исследование противоречий развития капиталистического способа производства, в нем содержится огромное богатство мыслей и по поводу противоречий перехода от капитализма к социализму и противоречий, разрешаемых коммунистическим обществом. Маркс проявлял постоянный интерес к этому вопросу. Уже в ранних своих работах, особенно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», в «Нищете философии», позже в «Критике Готской программы» и других, Маркс исследует этот вопрос под разными углами зрения. В

[1] Вопрос о противоречиях социалистического общества и тех модификациях, которые претерпевает закон развития путем борьбы противоположностей в новых условиях, специально рассмотрен автором в книге «Ленин и диалектика» (Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963).

частности, программные положения, содержащиеся в «Критике Готской программы», по поводу двух стадий коммунизма и противоречий их развития служили и служат до сих пор руководством к действию в процессе коммунистического преобразования общества.

Здесь нет возможности проследить и проанализировать все, что дает «Капитал» в этом отношении. Мы выделим лишь некоторые стороны этого вопроса.

Как уже было показано, по Марксу, коммунизм появляется в результате развития противоречий капиталистического способа производства. «Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, — пишет Маркс в первой части третьего тома своего произведения, — и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие» [1].

Эти слова дают исчерпывающее резюме всего анализа противоречий развития капитализма, которое неизбежно приводит общество к социалистической революции, преобразующей капиталистический способ производства в коммунистический.

Маркс не только вскрывает это основное противоречие капитализма, которое толкает общество к более высоким формам производства и человеческих отношений, но и четко определяет ту главную и новую особенность будущего общества, которая состоит в том, что оно открывает беспредельные просторы для развития производительных сил. Он говорит, что ограниченность капитализма как формы развития общества обусловлена тем, что «расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей» [2], а погоней за прибылью. «Поэтому, — указывает далее Маркс, — пределы капиталистического производст-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 290.
[2] Там же, стр. 283.

ва выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной» [1].

Из этих слов видно, что то противоречие, которое при капитализме так или иначе ставит предел дальнейшему развитию производительных сил [2], преобразуется в такое противоречие развития будущего общества, которое не содержит в себе необходимости конфликта между прогрессирующими производительными силами и производственными отношениями, имеющими своей главной целью удовлетворение общественных потребностей, потребностей «общественно развитых людей». Напротив, эта цель порождает такого рода противоречия, разрешение которых на каждом этапе развития нового общества создает более совершенные и гибкие формы движения вперед.

Маркс писал в связи с этим: «Огромная разница заключается в том, противостоят ли наличные средства производства рабочим как капитал, так что они *лишь* постольку могут применяться рабочими, поскольку это необходимо в интересах увеличения прибавочной стоимости и прибавочного продукта для их нанимателей, применяют ли эти средства производства *их*, рабочих, — или же рабочие, в качестве субъектов, применяют средства производства как объект, чтобы производить богатство для самих себя» [3].

Здесь ярко выражен весь тот переворот в противоречиях развития общества, который вызывается его коммунистическим преобразованием. Люди и средства производства, субъект и объект всегда составляют противоречие, разрешение которого служит источником развития. Но какая действительно огромная разница в самой сущности этого «вечного» противоречия, в формах его проявления при капитализме и при социализме! В первом случае средства производства, мертвый, овеществленный труд выступают в качестве *субъекта*, а человек, люди являются простым *объектом*, из которого мертвый

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 284.

[2] Следует при этом заметить, что Маркс, конечно, не рассматривал этот предел как остановку или полное прекращение развития производства. Речь идет у него о необходимости более высокой общественной формы, открывающей несравнимо бо́льшие возможности развития.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 643–644.

труд выжимает живой труд. Во втором случае люди, человек становятся *субъектом,* а средства производства — *объектом,* используемым людьми в целях человеческого развития.

«Капитал», как и другие работы Маркса, служит ярким свидетельством того, что, подвергая критике капиталистические противоречия и указывая путь их преодоления, Маркс был далек от мысли, что с решением этой задачи снимаются всякие противоречия, что движение к социализму и коммунизму устлано розами. Основой Марксова различения двух стадий коммунистического общества было как раз глубокое понимание того, что противоречия капитализма и всего докоммунистического развития не могут исчезнуть сразу, одним ударом, что процесс их преодоления требует длительного времени.

Опыт строительства нового общества в ряде стран достаточно убедительно показывает, что и в новых условиях развитие идет путем преодоления как старых, оставленных в наследство капитализмом (и даже докапиталистическими формациями) противоречий, так и противоречий, порождаемых самим развитием социализма, его развитием на пути к высшей стадии коммунизма. Забвение этого обстоятельства ведет к грубейшим ошибкам в теории и практике. Нет ничего более чуждого марксизму, чем филистерское представление о том, что в социалистическом обществе водворяется тишь да гладь и нет никакой борьбы. Не только при социализме, но и в коммунистическом обществе будут свои противоречия и развитие будет происходить путем преодоления противоречий.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс дал сжатую, но замечательно яркую и глубокую формулу того, что представляет собой коммунизм с точки зрения разрешения противоречий. Она примечательна тем, что показывает, какие сложные и трудные противоречия должно разрешить общество, чтобы построить коммунизм; она определяет коммунизм как результат разрешения этих противоречий. Правда, нужно учитывать, что эти рукописи представляют собой один из первых набросков формировавшегося марксистского мировоззрения. В них многое еще незрело, еще не были созданы точные научные понятия для выражения экономических и прочих социальных явлений и процессов. Но

уже тогда мысль Маркса глубоко проникала в сущность вещей и предвосхищала те поистине грандиозные противоречия, которые коммунизм как подлинно человеческое общество должен разрешить.

Формула, о которой идет речь, была впоследствии *всесторонне развита* и получила глубокое экономическое обоснование в зрелых работах Маркса, и особенно в «Капитале». Поэтому мы и рассмотрим ее главным образом в том виде, как она развита и обоснована в «Капитале». Кстати, это лишний раз докажет, сколь неосновательны многочисленные попытки современных «марксологов» противопоставить ранние работы Маркса его зрелым работам с целью «доказать», что «настоящего» Маркса следует «искать» в ранних, а не в последующих его работах.

Вот эта формула. Коммунизм, писал Маркс, «есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [1].

Пользуясь точными научными понятиями, выработанными самим Марксом, а также позднейшей марксистской мыслью, мы говорим сейчас о таких противоречиях, которые разрешают социализм и коммунизм, как противоречие между производительными силами и производственными отношениями, противоречия между физическим и умственным трудом, городом и деревней, противоречие между общественной собственностью и остатками буржуазного права и т. д. Некоторые из этих понятий по существу содержатся, хотя и в иной формулировке, в приведенной выше цитате из ранней работы Маркса. В этой работе коммунизм рассматривается преимущественно под углом зрения того влияния, которое он окажет на человека. Поэтому Маркс фиксирует прежде всего те противоречия, разрешение которых освобождает человека от всех условий, делающих его нечеловеком или получеловеком, уничтожение которых делает его подлинным субъектом, общественно развитой (как скажет позже в «Капитале» Маркс) личностью, ради которой совершается все развитие общества после ликви-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 588.

дации капитализма. Сейчас, когда усилия стран и государств, преобразующих общество на социалистических началах, направлены именно на достижение этой цели, когда эта главная цель сформулирована в Программе КПСС словами «Все во имя человека, для блага человека», формула Маркса приобретает большое звучание, актуальное значение.

Рассмотрим кратко каждое из противоречий, указанных в этой формуле.

1. *Противоречие между человеком и природой.* Это одно из тех противоречий, которые не исчезают и не могут исчезнуть ни на каком уровне развития человеческого общества. Оно возникает с первыми проблесками человеческой жизни и претерпевает процесс своего разрешения на протяжении всего развития общества, так и не снимаясь никогда, поскольку процесс овладения силами природы есть по существу процесс бесконечный. В этом смысле оно не исчезает и при коммунизме. Почему же тогда Маркс говорит о коммунизме как «разрешении противоречия между человеком и природой»? Вот тут-то мы сталкиваемся с важной и главенствующей особенностью Марксова понимания разрешения названных им противоречий в процессе становления коммунизма.

Разрешение противоречий, осуществляемое коммунизмом, Маркс рассматривает исключительно в плане *социальном.* Этого не понимают и не хотят понимать буржуазные истолкователи ранних работ Маркса, приписывающие ему вздорный взгляд на противоречия (в частности, такие, как отчуждение) как на вечные и неразрешимые противоречия. Разрешение любого из названных противоречий Маркс связывает с *социальным преобразованием,* с уничтожением капиталистического способа производства. Именно этого не «замечают» его современные противники.

Социальный аспект имеет в виду Маркс и тогда, когда он говорит о коммунизме как разрешении противоречия между человеком и природой. *Такое* противоречие действительно не будет иметь места в коммунистическом обществе. Несомненно, с развитием общества, ростом производительных сил, человеческих знаний люди все более становятся господами природы, все менее — ее рабами. Этот процесс происходит уже в рамках всех

докоммунистических формаций. Но он составляет лишь предпосылку, а не само («подлинное», как выражается Маркс) разрешение противоречия. И вот по какой причине. Маркс определяет природу как то, что не есть результат человеческой деятельности, результат труда. В этом смысле природа не есть социальное богатство [1].

«Социальным богатством» она становится лишь тогда, когда в нее «ударяет молния труда», человеческой деятельности. В этом смысле природа противостоит человеку как некая чуждая ему сила, как противоположность, пока он не соприкасается с ней в процессе труда. Соединение, столкновение, взаимопроникновение этих противоположностей — условие развития человека. «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека...» [2] — пишет Маркс в своих ранних рукописях. Только в ходе переработки предметного мира человек становится человеком, вследствие чего «опредмечивание» его сил составляет необходимый процесс его становления как человека. «Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека:* человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [3]. Маркс называет природу «неорганическим телом» человека.

Таким образом, противоположность между природой и человеком и снятие этой противоположности путем превращения на основе человеческой деятельности природы в *человеческую природу,* а самого человека и его силы в опредмеченные путем переработки предметного мира силы есть движущий стимул как становления, так и развития человека. Но человек с самого начала развивается в рамках определенных общественных отношений. Уже первые формы классового общества извращающим образом воздействуют на этот процесс. Разумеется, Маркс далек от морализирования по этому поводу. Это была историческая необходимость, поскольку, как это ни

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 446.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. стр. 566.
[3] Там же.

звучит парадоксально, деление на классы и порабощение одной части общества другой являлись неизбежным источником прогресса в то время. Прогресс этот, однако, осуществлялся так, что один человек должен был работать на другого, вследствие чего практическое созидание предметного мира, этот источник и движущий мотив развития человека, становилось чуждой для него силой. Как выражается Маркс, у человека — имеется в виду человек, подвергающийся угнетению, эксплуатации, — «отбирают его неорганическое тело, природу» [1]. И орудия предметного воздействия на природу, и продукт этого воздействия становятся достоянием не того, кто трудится, а того, кто владеет средствами производства и кто присваивает себе львиную долю продукта труда. В этом смысле животные находятся в более выгодном положении, говорит Маркс, так как у них по крайней мере не отбирают природу.

Вследствие всего сказанного противоречие между человеком и природой не только не смягчается, а, напротив, все больше углубляется. Создается парадоксальное положение: чем лучше люди осваивают природу, тем острее становится противоположность между человеком и природой в силу социальных причин. Эта противоположность достигает наибольшей остроты при капиталистическом способе производства. Рабочий лишен всяких средств производства. Работая над предметами труда, доставляемыми внешним миром, природой, вкладывая в них свою жизнь, он лишается их, они принадлежат уже не ему, а капиталисту; чем больше рабочий работает над предметом, «тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому, чем больше этот продукт, тем меньше он сам» [2]. Чувственный внешний мир все больше перестает быть предметом, принадлежащим рабочему.

В «Капитале» Маркс развивает эту тему. Он показывает, что специфическая особенность капиталистического способа производства такова, что не только производительная сила труда, но и «силы природы, принимают вид *производительных сил капитала*» [3]. Природные средства, употребляемые рабочим в процессе труда, не

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 566.
[2] Там же, стр. 561.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 398.

только не принадлежат ему, они вообще теряют свою непосредственно природную сущность, выступая в качестве капитала. Процесс опредмечивания человеческих сил, без которого невозможно само существование человека и его развитие, оборачивается при капитализме наиболее враждебным противопоставлением человека и предмета. Все силы рабочего «капитализируются», отнимаются от него и входят в состав капитала.

То же самое, показывает Маркс, происходит и с силами природы. «...Силы природы... противостоят рабочим как *силы* капитала» [1].

В свете всего этого понятно, почему Маркс называет коммунизм подлинным разрешением противоречий между человеком и природой. Уничтожая частную собственность на средства производства, на силы природы, уничтожая всякую эксплуатацию человека человеком, социализм и коммунизм преобразуют труд, сам характер человеческой деятельности. Труд становится свободной жизнедеятельностью человека, и постольку изменяется коренным образом отношение между ним и природой. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» есть одно очень важное замечание, связанное с взаимоотношением человека и природы при коммунизме. «Я, — пишет Маркс, — могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку» [2]. Вещь, т. е. природа, начинает после социалистической революции по-человечески относиться к человеку по той простой причине, что овеществленный труд перестает господствовать над трудом живым. У вещи отняты функции социального порабощения человека, ибо она перестала быть телом капитала. Поэтому возникают нормальные, неизвращенные отношения между человеком и природой: человек относится к природе, к объекту своей предметной деятельности как к объекту, в котором действительно воплощается и реализуется его собственная жизнедеятельность, в котором опредмечиваются его собственные силы, а не силы, чуждые и враждебные ему, — силы капитала. Маркс так выражает эту мысль: «... предметная действительность... становится для человека действительностью человеческих

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 399.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 592.

сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил...», все предметы становятся «утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится *им самим*» [1]. С другой стороны, природа начинает относиться к человеку по-человечески потому, что она перестает быть полем эксплуатации и угнетения человека, она раскрывает все свои дары и сокровища для человека, и только для человека.

Это и значит, что коммунизм есть подлинное разрешение противоречий между человеком и природой.

2. *Противоречие между человеком и человеком.* В каком смысле коммунизм есть разрешение этого противоречия, настолько ясно, что не требует специальных рассуждений. Отметим лишь, что напрасно буржуазные истолкователи раннего Маркса тщатся навязать ему отвлеченно гуманистическую постановку этого вопроса. Уже в ранних произведениях Маркс ясно и недвусмысленно исследует снятие противоречия между человеком и человеком прежде всего как уничтожение классовой противоположности путем ликвидации частной собственности на средства труда. Это решающая предпосылка, без которой нет и не может быть свободы человека. В позднейших работах Маркса, и особенно в «Капитале», эта сторона вопроса получает полное развитие и научное выражение.

Уничтожение классов Маркс рассматривает как основу преодоления всяких социальных противоречий между человеком и человеком. Подчеркиваем, что речь у Маркса идет исключительно о *социальных*, а не биологических и индивидуальных противоречиях, как полагают всякого рода буржуазные обыватели. Индивидуальные особенности, природные различия не стираются никаким социальным развитием. Напротив, только с коммунизма, как неоднократно повторяет Маркс, индивидуальные особенности человека, его природные склонности получают неограниченные возможности для своего развития. Поэтому при коммунизме не исчезают противоречия между человеком и человеком, проявляющиеся в соревновании, в процессе научного и художествен-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 593.

ного творчества, в производственной деятельности и пр. Противоречия подобного рода остаются, но они утрачивают свой былой антагонистический характер и приобретают подлинно *человеческую* форму.

Однако не это имеет в виду Маркс, говоря о коммунизме как разрешении противоречий между человеком и человеком, а такие социальные противоречия, которые отчуждают человека от человека, ставят их во враждебные отношения социальной противоположности. Конкретно это — противоречия национальных взаимоотношений между людьми, когда человек великодержавной нации выступает по отношению к человеку угнетенной нации как «полноценный» человек к «неполноценному» человеку; это — противоречия между людьми физического труда и труда умственного, когда их положение, формы жизнедеятельности, роль, выполняемая в обществе, отделяют их друг от друга настолько, что люди умственного труда в своем большинстве становятся орудием капиталистической эксплуатации людей физического труда [1]; это — противоречия, основанные на конкуренции между человеком и человеком в погоне за прибылью, в борьбе за существование [2]; это — противоречия между людьми в огромной иерархии государственного аппарата и масса других подобных противоречий, которые даже трудно перечесть. Эти противоречия между человеком и человеком требуют для своего разрешения длительного времени, и даже на первой стадии коммунизма многие из них еще сохраняются и преодоление их часто представляет мучительный процесс.

Стирая полностью и бесповоротно всякие социальные различия между людьми, коммунизм тем самым разрешает противоречия между человеком и человеком.

3. *Противоречие между «существованием» и «сущностью».* Говоря об этом противоречии, Маркс имеет в

[1] Маркс говорит в «Капитале», что в самой природе, а также в процессе труда голова и руки, умственный и физический труд соединены вместе. Но начавшееся еще на заре развития человечества разделение интеллектуального и физического труда при капитализме доходит «до враждебной противоположности» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 516).

[2] Даже среди рабочих такие противоречия находят свои проявления в борьбе за получение работы, в штрейкбрехерстве во время забастовок, в неравном положении квалифицированных и неквалифицированных рабочих и т. д.

виду «спор» между назначением человека и его фактическим положением, существованием. Насколько Маркс в этом противоречии уловил одну из кардинальных проблем общественного развития, свидетельствует та борьба, которая развернулась вокруг нее в наше время.

Как известно, категории сущности и существования являются центральными категориями философии экзистенциализма. Как и всякая идеалистическая философия, экзистенциализм отражает какие-то реальные проблемы, но отражает их нереально. Экзистенциалисты правы в своем утверждении, что существует противоречие между сущностью человека и его существованием в современном обществе, капитализм действительно извращает и уродует человека. Однако экзистенциалисты (по крайней мере большинство из них) распространяют это положение на общество вообще.

Экзистенциалисты полагают, что эмпирическое бытие современного человека, т. е. его существование, не соответствует его сущности. Но что представляет собой «сущность» в их понимании? Это некое произвольное понятие, которое сам человек устанавливает, согласуясь либо с некоей таинственной и мистической трансценденцией, как считает, например, Ясперс, либо, скажем, со своей собственной свободной волей и стремлениями (Сартр). В обоих случаях сущность человека не имеет никакой связи с теми общественными отношениями и историческими условиями, в которых живет человек и которые определяют его общественное бытие и сознание. Поэтому экзистенциалистское разрешение противоречия между сущностью и существованием человека есть мнимое, иллюзорное разрешение. Оно нисколько не затрагивает реальных условий и обстоятельств, порождающих это противоречие.

Совсем иной подход к этим категориям и к их противоречию у Маркса. Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» категория сущности человека выглядит несколько абстрактно, то уже в «Тезисах о Фейербахе» Маркс всего в трех словах исчерпывающе определяет, что это такое. Сущность человека он характеризует как *совокупность общественных отношений*. Этим определением сразу показывается, что человека и его сущность можно понять, лишь включив его в систему общественных отношений, зеркалом которых он являет-

ся. Тем самым вопрос ставится на реальную историческую почву. Подобно тому как Маркс рассматривает производство через призму исторического процесса, и сущность человека для него есть историческая категория. Сущность человека рабовладельческого общества и сущность человека капиталистического общества не тождественны, ибо они отражают и воплощают в себе разные общественные отношения, хотя в них есть и общие черты уже по той причине, что обе эти формации основаны на эксплуатации одних людей другими. Человек каждой исторической эпохи так же мало может произвольно определять и выбирать свою сущность, как и решать, в каком обществе ему жить.

Категорию сущности человека Маркс специально исследует в «Капитале». Он пишет, что «бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком» [1]. Следовательно, сам человек представляет собой продукт развития органической природы, создавшей предпосылки возникновения человека. В не меньшей степени это относится и к развитию его как общественного существа. «Но раз человек уже существует, — продолжает Маркс, — он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат» [2].

Человек — постоянный продукт и результат истории, в этом все отличие марксистского понимания сущности человека от идеалистического, в том числе и экзистенциалистского. Значит, и разрешение противоречия между сущностью и существованием человека есть историческая категория. Значит, бессмысленно думать, будто можно разрешить это противоречие, скажем, в условиях феодального общества или даже в условиях капитализма. Оно может быть разрешено лишь на определенной исторической ступени развития. Маркс указал, какова эта ступень. Это — коммунистическое общество.

Нужно ли это понимать так, что указанное противоречие нисколько не разрешалось на предыдущих ступе-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 516.
[2] Там же.

пях общественного развития? В «Капитале» Маркс дает ясный ответ на этот вопрос. Он подвергает критике сентиментальных противников Рикардо, которые возмущались тем, что последний считал производство ради производства самоцелью. Указывать, пишет Маркс, что производство, как таковое, не есть самоцель, — «значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества; т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*» [1]. Развитие производительных сил, в какой бы исторической форме оно ни совершалось, способствует развитию богатства человеческой природы. В этом смысле каждая новая, более высокая историческая форма производства вносила свою лепту в *подготовку* разрешения противоречия между существованием человека и его сущностью. Но опять-таки мы здесь сталкиваемся с той же ситуацией, как и в вопросе о противоречии между человеком и природой. Развитие производительных сил в формах докоммунистических формаций, с одной стороны, способствовало снятию противоречия между природой и человеком, между существованием и сущностью человека, с другой — тормозило это снятие, поскольку производительные силы развиваются лишь в определенной общественной оболочке. Капиталистическая оболочка способствовала невиданному ранее развитию производительных сил и постольку — развитию «богатства человеческой природы». Но она же глубочайшим образом способствовала извращению человеческой сущности и тем самым довела до крайнего обострения противоречие между ней и человеческим существованием.

Историческая миссия капитализма в этом отношении заключается в том, что он подвел общество к такой грани развития, когда рассматриваемое противоречие может и должно быть разрешено. Но для того чтобы его разрешить, нужно покончить с капитализмом, который сейчас стал величайшим препятствием на этом пути. Требуется огромная полоса исторического развития производительных сил и всех других сторон общества, но уже в другой, некапиталистической оболочке. Это — миссия социализма и коммунизма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 123.

Сейчас само понятие сущности человека наполнилось новым содержанием. Оно исторично и теперь. Ведь речь идет о человеке современной эпохи — эпохи невиданного развития производительных сил, дающего возможность подлинно свободного развертывания всех материальных и духовных способностей человека. Но для того чтобы эту возможность претворить в действительность, нужно уничтожить классы, всякие классовые различия. Только тогда сущность человека будет в полной мере «соответствовать своему понятию», т. е. она станет зеркалом тех общественных отношений, при которых свободное развитие человека становится единственной целью его существования. Начало такого развития кладется сразу же после уничтожения капиталистического строя. Это развитие поднимается на более высокую ступень в условиях социалистического общества, но в полную меру развертывается при коммунизме. При таком развитии сущностью человека перестает быть то, что он пролетарий, или буржуа, или крестьянин, или интеллигент. Реальностью становится то, что он человек, как таковой, человек как человек со всем богатством человеческой сущности. В «Капитале» Маркс так формулирует основной принцип коммунизма в рассматриваемом аспекте: «...полное и свободное развитие каждого индивидуума» [1].

Однако сущность не оторвана от существования. Чтобы истинная сущность человека реализовалась в самой действительности, нужно изменить существование человека, условия его существования. Только идеалисты могут думать, что одного хотения, одной воли человека достаточно, чтобы снять противоречие между существованием и сущностью. Нужен грандиозный переворот во всем бытии человечества, в материальных и духовных условиях жизни людей. Социалистическая революция и социализм — первая ступень этого грандиозного переворота. В социалистических странах уже сделан решительный шаг по пути преодоления противоречия между существованием и сущностью человека. Но для того чтобы это противоречие снять полностью, нужна еще огромная работа, требуется полоса длительного развития, в результате которого будут созданы все необходимые для этого предпосылки. Если правильно то, что человек есть

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 605.

по своей сущности совокупность общественных отношений, то требуется создание соответствующих, т. е. коммунистических, общественных отношений, чтобы новая человеческая сущность, которая проистекает из всех условий современного развития, стала действительностью. Экзистенциалисты проклинают (не все, конечно, а те, кто критикует капитализм) «существование», потому что оно не соответствует сущности человека (понимаемой чрезвычайно абстрактно). Марксисты не проклинают существование, бытие современного человека, а в самих условиях его существования находят такие материальные и субъективные предпосылки, которые изменяют реальное существование, а вместе с ним и общественную сущность человека, не на словах, а на деле утверждая и реализуя великий принцип, указанный Марксом: *развитие человека как самоцель.*

4. *Противоречие между опредмечиванием и самоутверждением.* Мы видели, что опредмечивание человеческих сил составляет одно из решающих условий становления и развития человека как человека. Но опредмечивание не тождественно самоутверждению человека. Тогда, когда социальные условия враждебны развитию человека, между ними существует глубокое противоречие. Особенно это относится к капиталистическому обществу. Противоречие это находит свое выражение и имеет своим следствием всестороннее *отчуждение* человека — отчуждение его труда, способностей, сознания, всех его, употребляя выражение Маркса, сущностных сил. И в ранних и в позднейших своих работах Маркс широко использует категорию отчуждения. В последние годы эта категория и вообще проблема отчуждения стала предметом широкого обсуждения в марксистской и буржуазной литературе. Поэтому вопрос об отчуждении и разрешении противоречия между опредмечиванием и самоутверждением будет рассмотрен в специальной главе.

5. *Противоречие между свободой и необходимостью.* Нет нужды подробно останавливаться на этом противоречии, так как вопрос о нем обстоятельно разработан в марксистской литературе. Сделаем лишь некоторые необходимые замечания под интересующим нас углом зрения. Прежде всего важно выяснить, какое содержание Маркс вкладывает в свое положение о том, что коммунизм разрешает противоречие между свободой и необхо-

димостью. Ведь эти противоположности едва ли когда-нибудь могут исчезнуть и кажутся независимыми от способа общественной жизни людей. Маркс этот вопрос специально исследует в «Капитале», развивая мысль об указанном противоречии, высказанную еще в ранней работе.

Достаточно хоть немного знать марксизм, чтобы понять, что с его точки зрения необходимость есть постоянная и вечная основа человеческой деятельности. Маркс так высказывается об этом в третьем томе «Капитала»: «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во *всех* общественных формах и при *всех* возможных способах производства» [1]. Сказано достаточно ясно, чтобы никаких сомнений относительно действительного взгляда марксизма на этот вопрос не возникало. Сам коммунизм возникает как историческая необходимость, и люди коммунистического общества должны будут считаться с законами природы и строить всю свою деятельность на основе необходимости. Свобода человеческих деяний может проявляться лишь в том, что они носят осознанный характер. Следовательно, свобода и при коммунизме может существовать, лишь предполагая свою противоположность — необходимость.

И тем не менее Маркс глубоко прав, говоря о том, что коммунизм разрешает противоречие между свободой и необходимостью и что он есть «царство свободы». Маркс и в данном случае берет *социальный аспект* этого вопроса и устанавливает огромное различие, существующее в этом отношении между коммунизмом и докоммунистическими формациями. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, — пишет Маркс, — где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [2]. Из этого видно, что речь идет о *социальной* свободе человека. Слова о том, что свобода «лежит по ту сторону сферы собственно материального производ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 387 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] Там же, стр. 386—387.

ства», и имеют тот смысл, что человек становится социально свободным и его труд, вся его деятельность мотивируются уже не нуждой, не борьбой за кусок хлеба, как ранее, а подлинно человеческой жизнедеятельностью.

Далее Маркс разъясняет свое противопоставление сферы материального производства и «царства свободы», которое может находиться лишь по ту сторону этой сферы. В области материального производства, доказывает он, свобода может заключаться «лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [1]. И тут же Маркс заявляет: «Но тем не менее это все же остается царством необходимости».

Этому «царству необходимости» Маркс противопоставляет «истинное царство свободы», которое дает человеку возможность свободно развивать свои силы, способности, наклонности. Он так и пишет: «По ту сторону его (т. е. царства необходимости. — *М. Р.*) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [2].

К этому вопросу Маркс возвращается снова в «Теориях прибавочной стоимости» в связи с вопросом о рабочем и свободном времени. Уже в первом томе «Капитала» Маркс говорит, что основное условие развития свободы человека — это сокращение рабочего дня, иначе говоря, увеличение свободного времени, которым может располагать человек для своего развития. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс развивает это положение. Опять-таки он здесь противопоставляет или различает материальное производство как область необходимости и свободное время как «настоящее богатство», как «такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 387.
[2] Там же.

свободной деятельности и развития»[1]. Он называет время «простором» для развития человеческих способностей.

Рабочее время, в течение которого производительный труд создает необходимые средства для жизни и для дальнейшего расширенного производства, Маркс называет деятельностью, «которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно»[2]. Этому времени он противопоставляет «свободное время», т. е. такое время, *«которым можно располагать»*, и такое время «есть само богатство».

Коммунизм потому и разрешает противоречие между необходимостью и свободой, что он создает условия для роста этого «богатства» человека — сокращение рабочего времени и увеличение свободного времени, когда человек сможет развивать свои силы и способности. Однако противопоставление рабочего и свободного времени условно. Оно условно по двум причинам: 1) рабочее время есть «базис для *свободного времени*», и поэтому, чем лучше этот базис, чем производительнее труд, тем больше свободное время и 2) само рабочее время меняет при коммунизме (и уже при социализме) свой характер, оно ограничивается нормальной мерой и затрачивается на себя, а не на капиталиста, труд становится творческим по самому своему существу, в нем сливается труд физический с трудом умственным и т. д. «Само собой разумеется, — пишет по этому поводу Маркс, — что само рабочее время... вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени*, совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота»[3].

Насколько актуальны все эти мысли Маркса, свидетельствуют дискуссии о свободном времени, ведущиеся в нашей философской и экономической литературе, в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 264.
[2] Там же, стр. 265—266.
[3] Там же, стр. 266.

журналах и газетах. В социалистическом обществе этот вопрос начинает становиться актуальным. Но еще более животрепещущим он станет в дальнейшем, когда социалистическое общество сможет еще более существенно сокращать рабочее время.

6. *Противоречие между индивидом и родом.* Уже в своих ранних работах Маркс со всей силой ставит вопрос об этом противоречии. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он подвергает всестороннему рассмотрению отношение между родом и индивидом. Он выступает против того, чтобы род, общество противопоставлять индивиду, отдельному человеку. Индивид есть общественное существо, и вне общества он представляет собой абстракцию, подобно тому как общество есть такая же абстракция вне индивидов. Поэтому, говорит Маркс, всякое проявление жизни индивида, даже тогда, когда его деятельность не выступает в непосредственно коллективной форме, есть проявление и утверждение общественной жизни [1]. Общественный характер — это та печать, которая лежит на любом проявлении человеческой деятельности и всей жизни индивида: «...*как* само общество производит *человека как человека,* так и он *производит* общество» [2].

Однако единство рода и индивида, общества и отдельного человека противоречиво. Оно противоречиво прежде всего в том смысле, в каком противоречиво общее и единичное, или особенное. И хотя деятельность индивида всегда так или иначе есть проявление его общественной сущности, родовое, общественное в этой деятельности реализуется в форме индивидуального, особенного и в этом смысле не тождественно непосредственно родовому и общественному. *Такое* противоречие индивида и рода вытекает из самой сущности этих объектов и вследствие этого не представляет собой преходящее противоречие. Легко понять, что когда Маркс говорит о преодолении противоречия между индивидом и родом, то он имеет в виду не такое противоречие.

Наряду с указанным противоречием существует и другого рода противоречие, имеющее свои корни в *соци-*

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 590.

[2] Там же, стр. 589.

альных условиях жизни человека. Это — противоречие между интересами отдельных людей и социальных общностей, в котором общественное и индивидуальное, интересы индивида и интересы рода, общества выступают как противоположности. Такое противоречие возникает с первыми же признаками классового деления общества и достигает, как и все социальные противоречия, своей кульминации в капиталистическом обществе.

Маркс говорит о капитализме, что это такое общество, «где каждый индивид представляет собой некоторый замкнутый комплекс потребностей и существует для другого лишь постольку, — а другой существует для него лишь постольку, — поскольку они обоюдно становятся друг для друга средством» [1]. Он ярко показывает разделяющую и обособляющую людей друг от друга роль частной собственности. И именно в этой последней он усматривает *главный корень противоречия между индивидом и родом.*

Развивая эту тему в «Капитале», Маркс говорит об антагонизме рода и индивида при капитализме. При этом он демонстрирует реалистичность своего подхода к данному антагонизму. Маркс не только констатирует наличие этого противоречия, всячески подчеркивает его антагонистический характер. Он резко выступает против тех экономистов — критиков капиталистического способа производства (например, Сисмонди), которые не понимают того, что данный антагонизм необходим в известных условиях и что лишь *развитие* этого антагонизма приводит диалектически к его снятию. «При таком (т. е. как у Сисмонди и других. — *М. Р.)* подходе к вопросу, — пишет Маркс, — остается непонятным то, что это развитие способностей рода *«человек»,* хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 610—611.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 123.

Таким образом, противоречие между индивидом и родом возникает с неизбежностью на определенной ступени развития общества, накаляется до состояния глубочайшего антагонизма при капитализме, этой последней и высшей форме эксплуататорского общества, и разрешается тогда, когда социализм и коммунизм преобразуют общество, изменят положение индивида, взаимоотношения человека с человеком и их отношение к роду, обществу. Процесс, ведущий к совпадению развития рода с развитием индивида, — длительный и сложный процесс. Опыт социалистического строительства показывает, что малейшее игнорирование противоречивости этого процесса, стремление забегать вперед и снять его на словах при наличии его в действительности ведет к задержке развития. Даже в условиях социалистического общества, где уже снята враждебная противоположность этих двух сторон, где коренные интересы индивида и общества совпадают, противоречие между ними в известной мере еще сохраняется и так или иначе дает о себе знать. Мы имеем в виду не только тех индивидов, которые свои узкие корыстные интересы ставят выше интересов общества, а нормальных, «массовых» людей, строителей коммунистического общества. Это противоречивое отношение между обществом и личностью связано, в частности, с тем, что материальный интерес индивида еще представляет собой важный фактор экономического развития, с которым общество не может не считаться. Малейшее ущемление этого интереса оборачивается ущемлением интереса общественного развития в целом. В свою очередь интересы развития общества, которые при социализме в конечном счете всегда имеют в виду интересы индивида, могут *непосредственно* с этими последними не совпадать. Вследствие этого развитие должно основываться на разумном сочетании интересов общества и личности. Соблюдение *меры* связи, сочетания данных интересов — один из важнейших аспектов развития при социализме. Если в полном коммунистическом обществе сами понятия интереса индивида и интереса рода, общества и их различение утратят всякий смысл, то при социализме они еще играют важную роль в познании закономерностей общественного развития.

Социалистический принцип распределения «от каждого по способностям, каждому по труду» отражает это

еще не полное совпадение в социалистическом обществе личного и общественного, но он же есть тот рычаг, посредством которого достигается в дальнейшем полное слияние интересов индивидуума и общества. На этой же ступени склонности и задатки индивидуума не всегда могут реализоваться и они нередко приносятся в жертву интересам развития рода, общества. Но через подобное противоречивое развитие опять-таки создаются предпосылки для такого состояния, когда каждый шаг в развитии рода есть в то же время шаг в развитии индивида. Это и имел в виду Маркс, говоря о том, что коммунизм разрешает противоречие между индивидом и родом. Коммунистическое общество в своем развитии открывает безграничные возможности для проявления индивидом всех своих способностей (которые также развиваются), а деятельность индивидов в свою очередь служит движущим стимулом развития всего рода «человек», всего общества.

Исследование этих, как и других, противоречий коммунистического преобразования общества представляет не только теоретический интерес, но для значительной части человечества имеет уже и практическое значение.

Глава пятая

Закон отрицания отрицания в «Капитале»

1

Исследование Марксом в «Капитале» процессов развития капиталистического способа производства на основе рассмотренных в предыдущих главах законов и категорий диалектики приводит к неизбежному выводу о том, что силой собственного движения, или, употребляя понятие Гегеля, вследствие «самодвижения», капитализм создает предпосылки для своего отрицания, для превращения в свою противоположность. Во всех злоключениях этого способа производства, во всем его развитии, в тенденциях развития, неуклонно ведущих капитализм к гибели, нет какой-либо внешней по отношению к нему силы, которая бы, так сказать, механически разрушала, подтачивала капитализм. Нет, это процесс *самодвижения,* который целиком обусловлен внутренними неотъемлемыми противоречиями капитализма.

Логика процесса исследования этого движения и развития, как мы видели, состояла в том, что с помощью диалектических законов и категорий качества, количества, меры, противоречия, перехода количественных изменений в качественные, развития путем возникновения и разрешения противоречий прослеживалась шаг за шагом внутренне неизбежная диалектика качественных изменений, роста и развития противоречий, которые делают невозможным дальнейшее существование капитализма и требуют перехода общества к новому, высшему, коммунистическому строю.

Однако ни один из рассмотренных законов не дает общей, синтетической картины развития капиталистического

способа производства от его истоков до конца, которая позволила бы охватить это развитие в целом как некий полный и исчерпывающий процесс, берущий свое начало в предпосылках, созданных докапиталистическим развитием, и в кульминационной точке своего развития подготовляющий новую и высшую общественную формацию. В диалектике, как известно, существует закон, выполняющий эту функцию, т. е. позволяющий охватить и выразить развитие в его полноте и синтезе. Это — закон *отрицания отрицания*. Не случайно Маркс в своем произведении прибегает к помощи этого закона тогда, когда логика исследования привела к необходимости выразить весь процесс капиталистического развития в целом от его начала до конца и крупными мазками набросать общую картину развития, связывающую капиталистический способ производства как с предшествующими ему формациями, так и с формацией, идущей ему на смену. Напомним, что именно в конце первого тома «Капитала», который, по словам самого Маркса, представляет собой в известном смысле законченное целое, поскольку в нем показана неизбежная диалектика возникновения, развития и гибели капитализма, именно в конце этого тома в качестве резюме, логически вытекающего из всего анализа, делается вывод, что весь процесс развития есть отрицание отрицания.

Указывая, что капитализм развивается из мелкого производства, основанного на владении производителем средствами производства и его собственном труде, Маркс пишет:

«Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 773.

Итак, капиталистический способ производства и присвоения начинается с того, что в период первоначального накопления капитала происходит экспроприация мелких частных производителей. Затем капитал, ставший на собственные ноги, развивает производство, достигая высших, каких только позволяют рамки буржуазного общества, форм обобществления труда. И тогда наступает момент, когда сам капитал подлежит экспроприации. Экспроприация мелких производителей есть первое отрицание, а экспроприация экспроприаторов — отрицание отрицания. Так проделан полный круг развития в один из самых насыщенных и драматических периодов человеческой истории, периодов, которые могут быть исследованы и изложены в своей целостности и завершенности посредством диалектического закона отрицания отрицания.

Само собой разумеется, что закон отрицания отрицания неразрывно связан с другими законами и категориями диалектики. Понятие отрицания невозможно представить себе без категорий противоречия, качества и количества, их переходов друг в друга и т. д. Результат качественных изменений, борьбы противоположностей находит свое выражение в отрицании — отрицании старого, исходного положения, с которого начинается цикл развития какого-либо явления. Переход от первого отрицания ко второму, т. е. к отрицанию отрицания, также неразрывно связан с действием всех других законов диалектики. Но процесс отрицания и отрицания отрицания содержит новые существенные оттенки и грани развития, которых нет в рассмотренных ранее законах.

Главное заключается здесь в том, что отрицание имеет положительный характер и выполняет функцию *связи* ступеней развития, благодаря чему процесс развития сгущает и концентрирует в себе все положительное, что приносит с собой движение объекта. Вследствие этого развитие имеет прогрессивный характер, оно осуществляется как развитие по восходящей линии. Но это развитие не прямолинейное, а спиралевидное. Первое отрицание, как будет дальше показано на материале Марксова исследования, наряду с сохранением некоторых положительных сторон отрицаемого отвергает и очень важные черты исходной формы. На новой и высшей ступени развитие как бы возвращается снова к этой исход-

ной форме, отрицая тем самым первое отрицание, отбрасывая то, что в нем исчерпало себя, и беря у него все положительное, достигнутое им. Отсюда форма спирали: развитие возвращается к исходной форме, но на высшей основе.

К сказанному добавим еще следующее. Мы говорили, что закон отрицания отрицания дает синтетическую, целостную картину развития и охватывает длительные периоды, законченные циклы развития. Это видно на примере всего развития капиталистического способа производства. Однако было бы неверно думать, что отрицание отрицания недействительно в применении к малым, небольшим периодам. Как свидетельствует пример «Капитала», внутри большого круга развития, представляющего собой отрицание отрицания в пределах всего законченного цикла, имеются малые круги, являющиеся также отрицанием отрицания. Но эти малые круги представляют собой лишь локальные, относительно целостные и законченные циклы развития. Они не исчерпывают всего процесса развития, а составляют лишь его звенья. Поэтому большой круг развития, или отрицания отрицания, можно изобразить как состоящий из малых кругов отрицания отрицания, большую спираль — как состоящую из малых спиралей.

Обратимся к «Капиталу». Уже сама сущность капитала как общественной формы развития такова, что она может воплотиться и реализоваться лишь в цепи отрицания отрицаний, каждое новое звено в которой представляет собой более высокий виток в развитии капитала в целом. В самом деле, сущность капитала реализуется в движении, которое Маркс изображает в формуле $Д — Т — Д'$. Исходный пункт этого движения — авансированные деньги, которые пускаются в производство с целью получения прибыли, т. е. увеличенных денег. Это и есть отрицание отрицания. Процесс производства есть отрицание исходного пункта развития, а конечный пункт этого движения капитала есть отрицание отрицания, возврат к начальному моменту на новой, высшей основе. Вне такого отрицания отрицания нет капитала. Когда Маркс говорит, что капитал существует лишь в движении, то к рассмотренному уже нами положению, что это движение регулируется законами перехода количества в качество и противоречия, мы можем добавить, что оно

имеет и характер отрицания отрицания. Сам Маркс, называя капитал *«стоимостью, совершающей процесс движения»* и существующей самостоятельно в виде денег, пишет, что деньги проходят «ряд процессов, в которых они сохраняются, исходят от себя и возвращаются к себе в увеличенном количестве» [1].

Мы видели раньше, что капитал в целом и каждая его особая форма — денежная, производительная, товарная — совершают свои циклы, кругообороты, которые представляют собой не что иное, как процессы отрицания отрицания. Посредством этих кругооборотов и достигается основная цель, в которой воплощена сущность капитала, цель, выражаемая формулой $Д—Т—Д'$.

Ту же природу отрицания отрицания имеет и процесс воспроизводства капитала в целом, охватывающий как собственно процесс производства, так и процесс обращения. Воспроизводство капитала есть процесс периодический, бесконечно повторяющийся. Цель его, конечно, заключается в том, чтобы накопление происходило не на той же основе, с которой начинается каждый оборот капитала, а на все возрастающей основе. Если простое воспроизводство Маркс изображает в виде «кругового движения», то расширенное воспроизводство, которое только и характерно для капитализма, он определяет как «спиральную форму движения» [2]. Это означает, что конечный пункт, скажем, годового расширенного воспроизводства возвращается к исходному пункту не на том же уровне, с которого оно началось, а на более высоком уровне. Иначе говоря, авансированная стоимость в денежном и натуральном выражении возрастает.

Таким образом, движение капитала совершается в виде бесконечной (пока существует капитал) цепи отрицания отрицания, каждое звено в которой подготавливает более высокую ступень развития. Спираль движения капитала идет все время вверх. (Мы отвлекаемся здесь от противоречивого характера этого движения вверх, периодически прерываемого экономическими кризисами, которые, впрочем, служат побудительными мотивами все большего расширения и гонки производства.) Результатом же этого движения, как показывает Маркс, является

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 139.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 642.

централизация средств производства и обобществление труда, которые достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с капиталистической оболочкой.

Иначе говоря, цепь малых кругов отрицания отрицания подготавливает большой круг отрицания отрицания и завершается им: на место капиталистической собственности все совокупное развитие снова утверждает собственность самих производителей, но уже в форме общественной собственности трудящихся.

2

Маркса обвиняли в том, что в «Капитале» он якобы насильственно втиснул все развитие капиталистического способа производства в искусственную схему отрицания отрицания и на этом основании сделал вывод о неизбежной гибели буржуазного общества. Энгельс и Ленин дали в свое время достойную отповедь критикам Маркса и показали, что он пришел к своему выводу путем исследования безбрежного моря фактов, и если оказалось, что и капитализм развивается по законам диалектики, то это не вина, а сила последней. Беда критиков Маркса заключалась в том, что они не понимали сущности закона отрицания отрицания; полагая, что это нечто вымученное, искусственное, некая схема, по которой одним колдовством Гегеля тезис превращается в антитезис, а последний — в синтез. Подобные рассуждения против Марксовой диалектики, и в частности закона отрицания отрицания, не перевелись и у современных ее противников. Между тем «Капитал» дает возможность понять простой и рациональный смысл закона отрицания отрицания, понять, почему развитие подчиняется этому диалектическому закону.

В самом деле, рассмотрим подробнее Марксову аргументацию, которая обосновывает необходимость возникновения диалектического синтеза на современной ступени развития, синтеза, представляющего собой отрицание отрицания, т. е. якобы возврат к тому первоначальному положению, когда средства производства и производители составляли единство, но возврат на высшей, коммунистической основе. Нетрудно убедиться, что в этой аргументации нет ни грана искусственности, что Маркс,

показывая, почему за первым отрицанием должно последовать второе, ни на минуту не сходит с почвы анализа диалектического развития самой действительности. Маркс рассматривает этот вопрос не только в первом томе своего произведения, но и в «Теориях прибавочной стоимости».

В третьей части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс пишет, что «первоначальное единство между работником и условиями труда» имеет место в двух исторических формах: в форме первобытной общины, которую он называет «первобытным коммунизмом», и в форме мелкого семейного земледелия, которое было связано с домашней промышленностью. Обе эти формы он считает «детскими формами, одинаково мало пригодными для того, чтобы развивать труд как *общественный* труд и повышать производительную силу общественного труда» [1]. Иначе говоря, первоначальное единство условий труда и производителя основывалось на низкой производительности труда, вследствие чего никакой иной формы соединения средств труда и работников не могло быть. Следовательно, это первоначальное единство, составляющее исходный момент всего исторического развития, есть реальный необходимый факт истории. Те, кто приписывает Марксу и марксизму «навязчивую идею отрицания отрицания», должны были бы прежде всего осмелиться опровергнуть этот реальный исторический факт. Но это, разумеется, невозможно.

Хорошо известно (и это не менее реальный исторический факт), что на смену указанным «детским формам» производства пришла новая форма. Ее особенностью стал разрыв того, что ранее было единством, — разрыв между условиями труда (под этим Маркс понимает возникновение частной собственности на средства производства) и теми, кто производит, — работниками. Эта форма была столь же исторически необходима, она возникла из первоначальной формы, которая разложилась в результате развития производительной силы труда. Последнее сделало возможным и необходимым существование форм производства противоположных первоначальной, поскольку труд, основанный на частной собственности на средства производства и на разрыве указанных двух факто-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 439.

ров производства, стал значительно производительнее. Высшая форма этого разрыва воплощена в капиталистическом способе производства. Именно в этой форме производительные силы и производительность труда нашли ту мощную двигательную силу, которая дала им невиданный ранее стимул развития.

Опираясь на эти исторические факты, исследуя их в диалектическом развитии, Маркс и показывает необходимость первого отрицания, т. е. отрицания первоначальной формы единства работника и условий труда и замены ее новой общественной формой, в которой не единство, а разрыв, противоположность становятся характерной чертой дальнейшего развития. Поэтому вслед за словами о том, что первоначальная форма больше не могла на известной ступени исторического развития быть источником развития производительных сил, Маркс пишет: «Отсюда необходимость разъединения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью... Самой крайней формой этого разрыва, при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала» [1].

Таким образом, в первом отрицании нет ничего таинственного. Оно — исторически необходимый этап в развитии производства. Маркс лишь констатировал, исследовал то, что имело место в самой жизни общества, в развитии общественного производства.

Но может быть, таинственный характер имеет второе отрицание, т. е. отрицание отрицания? Весь Марксов анализ развития капиталистического способа производства неумолимо свидетельствует о том, что этот способ создает предпосылки для самоотрицания, о чем речь уже шла в предыдущих главах. Развивая невиданным ранее образом производительные силы и производительность труда, капитализм придает производству общественный характер, который становится несовместимым с частнокапиталистической оболочкой. Следовательно, сам капитализм подводит к исторической необходимости такой формы общественного производства, в которой должен быть преодолен прежний разрыв условий труда и работников; эти факторы должны снова соединиться, но уже, конечно, не на былой примитивной основе, а на фунда-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 439.

менте всех приобретений развития при капитализме. Поэтому вслед за констатацией того, что при капитализме достигается крайняя форма разрыва факторов производства и высокая степень развития производительных сил, Маркс пишет: «Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество» [1], т. е. Маркс говорит о необходимости второго отрицания, или отрицания отрицания.

Сейчас это отрицание отрицания стало уже исторической реальностью и возражения против этого закона утратили всякий рациональный смысл. Но противники марксизма спорят против любой научной аксиомы, если она противоречит их классовым интересам...

Марксов анализ очень хорошо показывает, почему развитие имеет форму спирали, т. е. движения с моментом возврата (*как бы* возврата!) к исходной форме, но на высшей основе. Речь, конечно, идет о повторении некоторых черт, особенностей этой формы, а не о буквальном повторении. Выше уже было замечено, что первое отрицание неизбежно отбрасывает наряду с элементами, отжившими свой век на данной исторической ступени развития, и такие элементы, которые имеют положительный характер или, точнее говоря, утратили свое положительное значение временно, лишь в данных условиях. Исходная форма и ее отрицание суть противоположности, и, как таковые, они должны получить свое полное развитие именно как *противоположности*. Отрицание исходной формы есть ее полнейшая противоположность, и в качестве противоположности она отбрасывает старую форму целиком, в том числе и ее положительные моменты, т. е. такие моменты, которые потеряли свое значение лишь на какой-то период. Так, форма единства двух рассмотренных факторов производства не *абсолютно отрицательный* элемент развития. Этот элемент становится тормозом лишь на определенной ступени развития. История же в процессе своего развития ничего не утрачивает из того, что имеет положительное значение. Она только восстанавливает это положительное чрезвы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 439.

чайно окольными путями. Сначала развивается исходная форма и ее отрицание как *полные противоположности*. И только тогда, когда эти противоположные формы исчерпывают себя, возникает их высший синтез, т. е. новая форма развития, которая, восстанавливая некоторые черты исходной формы, берет и все то положительное, что достигнуто ее противоположностью. Именно такой синтез реализуется в формах развития после уничтожения капитализма.

Это же Маркс показывает и на других фактах. Так, исходной формой развития экономики в целом был союз земледелия и промышленности в их младенческом состоянии. Затем наступил разрыв этого союза, что способствовало их развитию как противоположных форм. Но этот разрыв подготавливает их объединение на высшей основе, на основе великих достижений технического развития и ликвидации противоположности между городом и деревней. «Капиталистический способ производства, — пишет Маркс по этому поводу, — довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм» [1]. И здесь, стало быть, мы имеем тот же процесс. Как удачно сказал Чернышевский, крайнее развитие отрицания исходной формы закономерно превращает то, что оно отрицает, в свою противоположность, т. е. снова в исходную форму, но уже высшего порядка.

В качестве проявления этого же закона развития Маркс исследует процесс труда в его разнообразных исторических формах. Первоначальное единство физического и умственного труда, свойственное ранним его формам, затем уступает место их разрыву. Умственный и физический труд превращаются во «враждебную противоположность». И только в наше время развитие идет в направлении отрицания этого отрицания и слияния их воедино. Отрицание первоначального единства этих видов труда было опять-таки исторически необходимым, но это нисколько не означало, что исходная форма утратила

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 514.

свое положительное значение. Как и во всех других случаях, она лишь на время утратила это значение. Противоположная ей форма стала условием более интенсивного развития труда, но эта ее положительная сторона реализовалась в односторонне уродливой форме, в форме разорванности человеческих сил и способностей. Поэтому в своем развитии история преодолевает эту односторонность и возвращает труду его первоначальные формы, которые вместе с тем можно называть нормальными формами, ибо природа соединила руки и мозг человека, его физические и умственные силы воедино.

С полной силой в «Капитале» отрицание отрицания выступает и как *логическая форма развития и движения познания.* Собственно, это вытекает из уже сказанного, поскольку мы проследили, как мысль Маркса, формулируемые им понятия и экономические законы, его суждения представляют собой адекватную форму объективного процесса отрицания отрицания. Здесь, как и во всех других случаях, логика движения познающей мысли представляет собой осмысленную и переработанную в голове объективную логику действительности. Но с еще большей силой действие этого закона будет видно тогда, когда мы перейдем к рассмотрению специальных вопросов познания, проблем логики мышления и того, какое развитие они получили в «Капитале». Поэтому было бы нецелесообразно рассматривать их в настоящей главе.

Оставляя пока в стороне этот вопрос, мы в заключение этой главы коснемся вкратце одного замечания Маркса, которое проливает свет на некоторые проблемы современного капиталистического развития.

3

Выше уже говорилось, что закон отрицания отрицания (конечно, как и диалектика в целом) не в почете у буржуазных идеологов. Пожалуй, никакой другой элемент диалектики не вызывал столько нападок с их стороны, как отрицание отрицания. Но жизнь, объективное развитие, словно нарочно, подсовывают им факты, от которых никуда не денешься, неприятные факты, свидетельствующие о том, что капитализм находится на стадии

столь не любимого ими отрицания отрицания. В этой связи большой интерес представляет с точки зрения современного развития капитализма и буржуазной политэкономии одно замечание, которое сделал Маркс в третьей части своих «Теорий прибавочной стоимости».

Известно, что многие современные буржуазные экономисты в поисках выхода из противоречий, которые непреодолимы на почве капиталистического способа производства, видят спасительное средство в принудительном понижении государством процентной ставки. Такое понижение, на их взгляд, послужит стимулом к повышению инвестиций, сокращению незанятости и т. д. На этом построена получившая широкое распространение теория Кейнса. Эта теория исходит из предположения, что инвестиции зависят от того, имеется ли перспектива получить прибыль. А это зависит в значительной степени от нормы процента. Чем она выше, тем меньше склонность к инвестициям. Вместе с некоторыми другими мерами контроль над нормой процента со стороны государства позволит создать «регулируемый капитализм», и можно будет достигнуть устойчивого равновесия и в условиях, когда старое представление о гармонии продаж и покупок оказалось чистейшим мифом.

Вульгарные экономисты издавна прибегают к помощи категории процента. Так как в проценте — об этом будет речь еще впереди — совершенно затушеваны посредствующие звенья, связывающие его с прибавочной стоимостью, создаваемой рабочими в процессе производства товаров, то это явление всячески эксплуатируется, чтобы отрицать противоречия между капиталом и трудом и вообще извратить сущность буржуазных производственных отношений. Бастиа приводил пример процента в качестве доказательства того, что весь механизм капиталистического производства и обращения основан на обмене «услугами». Здесь-де, в проценте, нет непосредственного обмена продукта на продукт, и потому с особой очевидностью в нем проявляется тот факт, что доходы классов не что иное, как «эквиваленты услуг». В проценте отсрочка выплаты за ссуженные деньги входит в само понятие стоимости, ибо это-де оценка услуги. Кейнс и прочие современные буржуазные экономисты повторяют ту же версию насчет «услуг». Он говорит, что доходы —

это суммы, которые предприниматель выплачивает факторам производства «за их текущие услуги» [1].

Маркс в свое время полностью оценил классовый смысл теории услуг. «...Так как, — писал он, — в покупке *услуг* совершенно не содержится специфического отношения труда и капитала, — здесь оно либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствует, — то покупка услуг естественно является для Сэя, Бастиа и всей их компании излюбленной формой для выражения *отношения между капиталом и трудом*» [2]. Эти слова Маркса исчерпывающе объясняют классовое содержание и нынешних буржуазных теорий, которые уже на свой лад (с помощью понятия процента) скрывают действительный смысл трудностей, переживаемых капитализмом в пору его всеобщего кризиса.

Однако в данном случае речь идет о другом. Речь идет о тех метаморфозах, которые проделал капитализм в процессе своего исторического развития, а вместе с ним и его «абстрактное выражение» — буржуазная политическая экономия в вопросе о проценте. Напомним об одном замечании Маркса. Капиталистический способ производства застает в готовом виде такие формы, как торговый капитал и капитал, приносящий проценты, которые должны быть сломлены и подчинены этому способу производства в качестве его производных форм — форм «своего собственного жизненного процесса». Говоря об этом, Маркс указывает, что в начале развития капитализма «осуществляется насильственное понижение процентной ставки, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу». И далее Маркс пишет: «Насильственное понижение процентной ставки есть такая форма, которую промышленный капитал сам еще заимствует от методов более раннего способа производства и которую он отбрасывает как бесполезную и не соответствующую цели, как только он становится силен и завоевывает себе почву» [3].

Итак, насильственное понижение процентной ставки, производимое государственной властью, было в этом отношении исходным моментом развития и свидетельство-

[1] См. *Дж. М. Кейнс.* Общая теория занятости, процента и денег. Изд-во иностр. лит-ры. 1949, стр. 22.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 413.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 490—491.

вало о слабости капиталистического способа производства, когда он только становился на ноги. Маркс приводит многочисленные свидетельства, показывающие, с какой лютой ненавистью в ту пору отзывались о высоких процентных ставках и с какой настойчивостью требовали насильственного их снижения ради свободного развития промышленного капитала. Лютер, идеолог немецкого бюргерства, предавал анафеме ростовщиков и уверял, что они служат дьяволу. Позже, когда капитализм стал на ноги и подчинил себе эту форму капитала, процент регулировался уже не насильственно, не государством, а общей нормой прибыли. В это время процент превозносится идеологами буржуазии в качестве, как выражался Бастиа, «великолепного явления», ибо «на нем все держится». О вмешательстве государства не хотят и думать, такое вмешательство может принести только вред. Государство называют, напомним, «громадной фикцией».

Следовательно, на новом этапе развития капитализма, когда он окреп, насильственное понижение ставки процента отбрасывается как нечто бесполезное и вредное. На этом этапе исходная форма, таким образом, отрицается. В соответствии с действительным ходом развития и экономическая наука буржуазии отрицает первоначальные методы регулирования ставки процента.

И вот — о, чудо! — буржуазная политическая экономия сегодня делает поворот на сто восемьдесят градусов и снова возвращается к исходному моменту, уверяя, что все зло сейчас в высоких нормах процента, требуя снова, как в былые времена, *насильственного, государственного* регулирования ставки процента. Круг замкнулся, конец совпадает с началом, но, конечно, в новых условиях и с новыми перспективами для капитализма. Злополучное отрицание отрицания...

Современные экономисты буржуазии не хуже своих далеких предшественников рисуют все зло, которое, на их взгляд, таится в проценте. Краски, используемые при этом, не только не потускнели, но, напротив, стали ярче. Однако имеется и важное различие между ними. Огромные ставки процента на рубеже средневековья и капитализма действительно в какой-то мере мешали развитию нового способа производства, и борьба против них была прогрессивна. Это был один (разумеется, далеко не главный) из способов борьбы за более совершенные формы

общественного развития. Если раньше насильственное понижение нормы процента было, по указанию Маркса, свидетельством слабости *становящегося* капитализма, которому принадлежало будущее, то сейчас эта мера, могущая дать какой-то частичный эффект, и ратование за нее есть также свидетельство слабости капитала, но капитала, который уже прошел свой путь и которому будущее не принадлежит.

Мы приводили в качестве примера высказывания Кейнса, видевшего в регулировании государством нормы процента панацею от зол. Другие экономисты идут дальше. Они создают утопию «беспроцентного общества», которое, сохранив *все* условия капитализма, возродится к новой жизни. Процент и у них выступает в качестве дьявола, уничтожение которого вольет новую кровь в умирающий капитализм. Упоминавшийся уже нами Р. Ф. Харрод пишет, что снижение, а затем и отмена процента «будет единственным условием, при котором частная хозяйственная деятельность может продолжить свое существование...» [1]. Он даже считает, что такое беспроцентное общество может стать единственной альтернативой развивающемуся социалистическому обществу. Стоит привести одну выдержку из его работы, в которой как нельзя лучше выражены все упования и надежды, возлагающиеся на уничтожение злополучного процента, и вместе с тем невероятная вульгарность современных буржуазных теорий.

«Не является ли это общество, — пишет он, — освобожденное от процента, — если мы в состоянии определить, что оно не слишком далеко за горизонтом, — альтернативой коллективизма? Не уляжется ли в связи с этим вековое негодование угнетенных и страдающих? Не будут ли они подготовлены благодаря ему к усвоению других взглядов на свободное предпринимательство и неравенство заработков? Ведь предметом негодования является не положение, которое занимает человек, выполняющий тонкую работу и получающий за нее большую прибыль. Негодование вызывает власть, которую этот человек и его потомство концентрируют на основе большого незаработанного дохода. Мы, конечно, утверждаем, что против извлечения прибыли посредством эксплуатации у нас

[1] *Р. Ф. Харрод.* К теории экономической динамики, стр. 201.

имеются правовые гарантии. Нельзя ли, исходя из этого, восстановить общественное уважение к свободному предпринимательству, к прибыли — да, да, к самому побудительному мотиву получать прибыль? Безусловно, не сама прибыль, которую люди зарабатывают службой, личным усердием, работой воображения, мужеством, а постоянный процент, возрастающий вследствие накопления, — вот причина, по которой получателя прибыли представляют в конечном счете в роли паразита» [1].

Добавим к этим словам еще утверждение автора о том, что собственность служит основанием независимого образа мышления и что, где нет счета в банке, там свобода тоща и жалка. Теперь вырисовывается законченный образ современного буржуазного экономиста. Он по всем линиям проигрывает старым вульгарным экономистам, о которых Маркс говорил, что они видят только облака пыли, и ничего больше. Проигрывает потому, что старые вульгаризаторы экономической науки все же жили в эпоху подъема капитализма, а этот живет в период его заката.

В приведенной тираде о «беспроцентном обществе» содержатся все атрибуты вульгарной экономии: и представление о прибыли как оплате «услуг» капиталиста обществу, и понятие о проценте как «незаработанном доходе», неизвестно откуда берущемся, и положение о «правовых гарантиях» против эксплуатации и т. п. Но самое любопытное в этой тираде — это, конечно, мысль о беспроцентном капиталистическом обществе. Поистине неисповедимы пути и зигзаги, проделываемые вульгарной политической экономией! В самом деле, старые ее представители превозносили процент как «великолепное явление», для того чтобы «облако пыли», несущееся на поверхности, выдать за существо самого дела, т. е. за действительные порядки, свойственные капиталистическому способу производства. Новейшие ее представители берут то же явление — процент, но предают его остракизму, считая, что «облако пыли» (ибо процент на поверхности кажется чудодейственным свойством денег, как таковых, приносить доход) достаточно рассеять, чтобы над головами людей было опять голубое небо. Не говоря уже об утопичности беспроцентного капитализма (класс раньше,

[1] *Р. Ф. Харрод.* К теории экономической динамики, стр. 189.

напротив, имеет тенденцию возрастать), сам этот подход к вопросу в век современной науки прямо-таки поразителен, ибо он совершенно игнорирует глубокие производственные отношения между людьми, острейшие классовые противоречия, раздирающие буржуазное общество, и сводит все дело к ликвидации процента. Впрочем, апологетика капитализма имеет свою логику, и тут уж нечему удивляться.

Итак, насильственное государственное регулирование ставки процента в начале развития капиталистического производства и ненависть к проценту у экономистов того периода — таков был исходный пункт. Отрицание этого в результате укрепления капитализма и неумеренные похвалы по адресу процента, отрицание вмешательства государства в его нормирование — такова была следующая стадия развития, стадия первого отрицания. И наконец, неспособность современного капитализма, капиталистической экономики существовать без вмешательства государства и как отражение этого в буржуазной политической экономии тезис о всеспасительном государственном регулировании или уничтожении процента — такова новейшая стадия развития, стадия отрицания отрицания.

Конечно, этот круг развития есть лишь фрагмент большого круга развития, проделанного капитализмом за столетия его существования, того круга, который подвел его к роковой черте. Но этот фрагмент отражает целое, т. е. основное направление, в котором движется капитализм. Как ни велико возмущение апологетов капитализма против диалектики с ее законами неумолимого отрицания развивающейся жизнью старого, отживающего свое время, капитализм все же не может обойти или перехитрить эти законы. Современное развитие человеческого общества подтверждает это со всей неоспоримостью, свойственной самой жизни.

Глава шестая

Категория „отчуждение“ в «Капитале». Отчуждение и социализм

Категория «отчуждение» уже упоминалась в главе о противоречиях в связи с анализом мыслей Маркса о коммунизме как разрешении противоречий всего предыдущего развития общества. Среди многих противоречий, преодолеваемых коммунистическим обществом, Маркс считал чрезвычайно существенным противоречие между «опредмечиванием» и «самоутверждением» человека. Сущность его он усматривал в том, что в антагонистическом обществе труд человека, в процессе которого человеческие силы и способности опредмечиваются, т. е. принимают вид создаваемых им предметов и продуктов, не тождествен, не совпадает с самоутверждением человека, иначе говоря, с развитием его личности, со свободным физическим и духовным развитием его склонностей и задатков. Напротив, такое «опредмечивание», такой труд порабощает человека, и, вместо того чтобы человек господствовал над продуктами своего труда, последние господствуют над ним. Происходит отчуждение человеческих сил от самого человека, или то, что Маркс часто в своих ранних работах называл еще «самоотчуждением».

Категория отчуждения не случайная категория у Маркса. Это следует сразу отметить, так как в последние годы разгорались споры по поводу ее значения вообще и особенно ее роли в системе взглядов Маркса. Опубликование «Экономическо-философских рукописей 1844 года», в которых эта категория широко используется Марксом, послужило толчком для извращенного истолкования марксизма. На этом поприще подвизались социал-демократи-

ческие реформисты, стремившиеся посредством этой категории приписать Марксу идеи этического социализма. Вслед за реформистами в поход против марксизма под видом «истолкования» раннего Маркса и противопоставления ему «позднего» Маркса выступили буржуазные философы, буквально наводнившие книжный рынок своими сочинениями об отчуждении. В этих сочинениях пытаются представить Маркса как заурядного моралиста, который преследовал единственную цель — «гуманизировать» человека, оставив нетронутыми все условия капиталистического общества, так как-де последние не имеют никакого отношения к отчуждению — этой якобы вечной категории. Взгляды «позднего» Маркса с этой точки зрения оказываются цепью заблуждений, ибо, на взгляд мнимых защитников раннего Маркса, он отошел от своей гуманистической философии и стал революционером, подчинившим теорию задачам коммунистического преобразования общества.

В марксистской литературе категория отчуждения исследовалась в связи с изучением исторического развития взглядов Маркса. Однако за последние годы интерес к ней среди марксистов возрос. Это объясняется необходимостью опровергнуть буржуазную трактовку ее смысла и значения в марксизме. Интерес этот имеет и другие корни. В социалистических странах идет тот процесс, который, пользуясь терминологией ранних своих работ, Маркс определил как снятие противоречия между «опредмечиванием» и «самоутверждением» человека, т. е. процесс полного преодоления отчуждения. Поэтому делается попытка осмыслить указанную категорию в свете современных общественных процессов, выяснить ее роль в системе других категорий. Следует при этом отметить, что и в среде марксистов есть различные оттенки в понимании этой категории. Одни полагают, что она имеет чисто историческое значение в марксизме, как факт одной лишь эволюции и формирования марксизма. Другие, напротив, склонны не видеть никакой эволюции в развитии марксистских взглядов (и взглядов самого Маркса) на эту категорию и придают ей такое же содержание в современной марксистской науке, какое она имела в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Проделанная за последнее время марксистами работа позволяет правильно подойти к этому вопросу и выяснить действи-

тельное значение категории отчуждения в системе марксизма и ее роль в современных условиях, преодолеть некоторые односторонности в ее трактовке.

Цель настоящей главы — рассмотреть место этой категории в основном и самом зрелом произведении Маркса — в «Капитале», сопоставить его в этом отношении с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», проследить, какое развитие получила эта категория, сделать некоторые замечания относительно ее современного значения в связи с вопросом о разрешении противоречий в процессе коммунистического строительства. Нет никакого сомнения в том, что Маркс и в «Капитале» придавал большое значение этой категории как одному из звеньев диалектического исследования развития капиталистического способа производства, как категории, в которой находят свое отражение в первую очередь противоречия этого способа, развитие и углубление противоречий буржуазного общества. Поэтому в полной силе остается сделанное еще в 1844 г. указание Маркса о том, что одной из сторон коммунистического преобразования общества является преодоление противоречия, заложенного в отчуждении, достигающем своей кульминации при капитализме.

1

То содержание, которое вкладывается в понятие отчуждения — господство над человеком продукта его собственной деятельности, т. е. превращение сил и способностей человека в некую чуждую, внешнюю и овеществленную сущность, господствующую над ним, — задолго до Гегеля находило свое отражение в философии и искусстве. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» приводит известный отрывок из «Тимона Афинского» Шекспира, прекрасно характеризующий власть денег над человеком, человеческими чувствами и страстями. Позже в «Капитале» он этот же отрывок приведет для того, чтобы проиллюстрировать фетишизм денег. Он указывает, что уже финикияне, народ по преимуществу торговый, «считали деньги отчужденной формой всех вещей» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 143.

Не только Шекспир, но и писатели других времен яркими красками рисовали эту чуждую человеку и непонятную для него власть золота, капитала, поглощающего все мысли и чувства людей. Маркс высоко ценил Бальзака за глубокое изображение капитала как фетиша, идола, которому служат, поклоняются. Писатели и мыслители прошлого видели, что не только деньги, но и другие предметные и непредметные — духовные — явления и свойства, присущие человеку и жизни человека в обществе, отделяются от него и превращаются в меру его качеств и способностей. Такова, например, власть государства, чиновных званий и рангов. Не человеческие качества и таланты сами по себе определяют место и роль человека в обществе, а отделившиеся и господствующие над ним всевозможные атрибуты, воплощающие чуждые ему общественные отношения. В борьбе против феодального общества с его сословной и чиновной иерархией буржуазные просветители хорошо выворачивали наизнанку подобные отчужденные формы, не подозревая, что на смену феодальному фетишизму сословных званий и чинов придет в буржуазном обществе еще более чудовищный и законченный фетишизм товаров, денег, капитала.

В своих «Опытах» Монтень остроумно замечает, что когда продают лошадь, то ее представляют покупателю так, что он может видеть все ее существенные части, «сущность» ее не прикрыта. Почему же, спрашивает он, оценивая человека, судят о нем, «облаченном во все покровы»? Показывают в нем «только то, что ни в какой мере не является его сущностью». «Надо судить о человеке по качествам его, а не по нарядам, и, как остроумно говорит один древний автор, «знаете ли, почему он кажется вам таким высоким? Вас обманывает высота его каблуков». Цоколь — еще не статуя. Измеряйте человека без ходулей. Пусть он отложит в сторону свои богатства и звания и предстанет перед вами в одной рубашке» [1].

Однако как философски осмысленная категория отчуждение впервые стало играть существенную роль лишь у Гегеля, а вслед за ним у Фейербаха. Маркс в своем понимании этой категории отправляется от них, но критически преобразовывает ее в целях выработки нового

---

[1] *Мишель Монтень.* Опыты, книга первая. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 323.

научного мировоззрения. «Экономическо-философские рукописи 1844 года», представляющие собой один из первых шагов на пути выработки этого мировоззрения, в качестве своей центральной идеи содержат как раз *новое* понятие отчуждения, новое не только по отношению к Гегелю, но и к Фейербаху.

Здесь нет возможности, да и необходимости подробно излагать взгляды Гегеля на отчуждение. Если мы этого вкратце коснемся, то лишь затем, чтобы лучше подчеркнуть Марксово понимание вопроса. Можно по праву сказать, что в философской системе Гегеля категория отчуждения играет всеобъемлющую и фундаментальную роль. С этой категорией связаны в значительной степени как величие, так и пороки его философии. Категория отчуждения у Гегеля — одна из категорий его диалектики, диалектического развития. В основе всей его системы находится идея о том, что развитие (развитие мира, природы, человека, общества, самой философии) есть не что иное, как диалектическое взаимодействие субъекта и объекта. Наиболее отчетливо эта идея выражена в его «Феноменологии духа», которую Маркс справедливо считает истинным истоком и тайной гегелевской философии. В этом произведении Гегель рисует грандиозную картину «одиссеи» духа, сознания, которое в качестве субъекта сначала противостоит предметному миру как некоей чуждой для себя сущности, затем постепенно овладевает ею, находит в противостоящем ему объекте самого себя, т. е. дух, понятие через ряд ступеней — сознание, самосознание, разум, мораль, религию, абсолютное знание — снимает противоположность между субъектом и объектом. Результат этого «опыта» сознания состоит в том, что исчезает «иллюзия», будто сознание имеет в лице всего предметного мира чуждый себе материал. Процесс осознания объекта Гегель выдает за процесс реального снятия различия между субъектом и объектом, при котором объект поглощается субъектом и оказывается лишь проявлением самосознания, духа, ибо, как говорит сам Гегель, только духовное есть действительное. Так снимается отчуждение предметного мира.

Но это лишь начало системы, доставляющее материал, исходный момент для всего круга развития, которое должна проделать найденная и объясненная в «Феноменологии духа» таинственная сущность — чистое сознание,

сверхъестественный дух, понятие. Сначала эта мистическая сущность проделывает первый круг своего развития в области логики, на высшей ступени которой, достигнув формы абсолютной идеи, она отпускает, отчуждает от себя природу. После этого природа проделывает свой круг, в результате которого снимается отчуждение, поскольку устанавливается, что природа есть лишь внешняя оболочка духа, его самоутрата. Процесс снятия этого самоотчуждения составляет содержание третьего круга развития, развития духа в различных его ипостасях — антропологического, нравственного, художественного, религиозного духа, пока в философской ипостаси, а именно в лице гегелевской философии, абсолютный дух не достигает адекватной себе формы и состояния. На этом заканчивается процесс снятия, преодоления самоотчуждения духа.

Как ни извращено действительное развитие в этой картине гегелевской философии, в самой основе ее лежит глубокая и правильная по своему существу мысль, что все историческое развитие человечества есть длительный процесс разрешения противоречия между субъектом (человеком, человечеством) и объектом (природой, объективными законами развития), процесс, в котором субъект все больше овладевает объективными силами природы и общества, из их раба превращается на вершине своего развития в их господина, и, таким образом, снимается отчужденный характер отношений между ними. Сама идея о том, что снятие противоположности между субъектом и объектом осуществляется в процессе длительного развития, была великим завоеванием гегелевской диалектики. И если к этому добавить, что, и это Маркс всячески подчеркивает как крупное достижение Гегеля, снятие указанной противоположности между субъектом и объектом реализуется в гегелевской философии лишь благодаря труду, правда понимаемому немецким мыслителем исключительно как духовный труд, то значение этой идеи предстанет перед нами еще ярче.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс берет понятие отчуждения за исходный пункт своей концепции общественного развития. Но при этом он подвергает критике как идеалистический характер всей гегелевской философии, так и особенно идеалистическое понимание сущности отчуждения и снятия отчу-

ждения. Этого не хотят видеть и понимать мнимые защитники «раннего» Маркса, которые отождествляют его концепцию отчуждения с гегелевской. Говоря о той извращенной форме, в которой у Гегеля отразились некоторые действительные черты развития, Маркс весь огонь своей критики сосредоточивает на спекулятивно-идеалистическом характере его теории отчуждения. Он показывает, что сам Гегель выступает как «абстрактный образ отчужденного человека» и что его идеалистическая философия представляет собой продукт отчужденного сознания. В связи с этим Маркс делает замечание, которое может служить ключом ко всей его критике гегелевской теории отчуждения. Гегель правильно уловил, что отчуждение есть результат существующих противоположностей, противоречий (например, между субъектом и объектом), что снятие отчуждения есть процесс преодоления противоречий. Но все дело в том, показывает Маркс, что Гегеля интересует один лишь сорт противоположностей — *мыслительные,* имеющие природу абстрактной мысли и образующие смысл других, «неинтересных», «вульгарных», т. е. земных, реальных, всамделишных противоположностей. Поэтому и снятие, разрешение их происходит в области чистой мысли. Это значит, что противоположность между субъектом и объектом, в преодолении которой Гегель, как уже было сказано, видит весь смысл развития человека и человеческой жизни, есть также лишь мыслительная противоположность, и потому снятие самоотчуждения сводится к снятию в одной абстракции, является иллюзорным снятием.

Маркс указывает по этому поводу, что «вся *история самоотчуждения* и все *устранение* самоотчуждения есть не что иное, как *история производства* абстрактного, т. е. абсолютного, мышления, логического, спекулятивного мышления. Вследствие этого *отчуждение,* образующее собственный интерес этого самоотчуждения и снятия этого самоотчуждения, представляет собой у Гегеля противоположность между *в-себе* и *для-себя,* между *сознанием* и *самосознанием,* между *объектом* и *субъектом,* т. е. противоположность между абстрактным мышлением и чувственной действительностью, или действительной чувственностью, в пределах самой мысли» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 625.

В этих строках Маркс со всей ясностью показывает, как глубоко отлично его понимание противоречий от гегелевского, а отсюда и его подход к отчуждению — от подхода Гегеля. Отчуждение имеет свои корни в противоречиях. Однако, по Гегелю, противоречия суть выражения, как говорит Маркс, «диалектики чистой мысли». Поэтому абстрактнейший идеализм сочетается у Гегеля с некритическим позитивизмом, так как отчуждение снимается только в мысли — мысли философа, а в самой действительности все остается по-старому. Более того, эта оставшаяся нетронутой действительность с ее реальным отчуждением провозглашается философом в качестве уже неотчужденной, поскольку снятие отчуждения в мысли у него тождественно со снятием его в реальности. Здесь заключена та мысль, что, поскольку, пишет Маркс, «самосознательный человек познал как самоотчуждение и снял духовный мир — или всеобщее духовное бытие своего мира, — он все же снова утверждает его в этом отчужденном виде, выдает его за свое истинное бытие, восстанавливает его, уверяет, что он в *своем инобытии как таковом* находится *у самого себя*» [1].

Гегель снимает, скажем, религию как отчуждение абсолютного духа, но делает это лишь на словах, в движении абстракции, оставляя религию нетронутой в реальности. В этой связи Маркс подвергает Гегеля критике за идеалистическое понимание не только противоречия, но и других законов и категорий диалектики. Так, он показывает ложнокритический характер его диалектики отрицательности. Гегель, по словам Маркса, полагает религию, отрицает ее, а затем восстанавливает ее на высшей основе как снятое отчуждение. Весь пафос Марксовой критики Гегеля по вопросу об отчуждении заключается в утверждении *материалистического,* диалектико-материалистического подхода к противоречиям, отрицанию, а посредством них — к действительно научному пониманию отчуждения и его преодоления. Отчуждение имеет свои источники в реальности, в противоречиях реальной действительности, потому и снятие его есть *процесс реальный,* т. е. процесс действительного снятия противоречий, действительного, а не иллюзорного отрицания отчуждения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 634.

В связи с этим Маркс исследует другую слабость концепции отчуждения Гегеля. Она состоит в том, что отчуждение Гегель усматривает в предметности, в том, что мысль, понятие, дух опредмечиваются, находятся какое-то время в чуждой, неадекватной им оболочке. Поэтому всякое опредмечивание рассматривается Гегелем в качестве отчуждения. Вследствие этого и уничтожение отчуждения означает самопознание духа, сбрасывание им с себя предметности. Не говоря уже о том, что это чистейший идеализм, в этой концепции исчезают социальные корни отчуждения, оно утрачивает свою социальную сущность. Маркс показывает, что дело не в предметности, а в *отчужденной предметности*. Он пишет, что у Гегеля сознание, «трактуемое только как сознание, усматривает предосудительную для себя помеху не в отчужденной предметности, а в *предметности как таковой*» [1].

Под «отчужденной предметностью» Маркс понимает, как будет видно из дальнейшего, предметность, враждебную человеку в силу социальных условий. И если, по Марксу, Гегель вполне стоял на точке зрения современной ему политической экономии с ее положительными моментами, в частности ее пониманием роли труда (Смит и Рикардо), то он вместе с тем вполне разделял и ее слабости, в частности непонимание отрицательной стороны труда в определенных социальных условиях. Справедливости ради нужно сказать, что при всем этом Гегель был далек от апологетики капитализма, даже того, который лишь набирал силы. В своей «Эстетике», например, он великолепно показывает враждебность капитализма интересам духовного развития личности, и потому он считал этот строй неблагоприятным для развития искусства. В «Философии права» он пишет, что афинский раб был рабом «потому, что весь объем его деятельности был отчужден господину» [2].

Критикуя Гегеля и его концепцию отчуждения, Маркс использует идеи Фейербаха, его существенные и основанные на общей критике идеалистической философии возражения против гегелевского понимания отчуждения. Фейербах отбросил иллюзию, будто отчуждение

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 634.
[2] *Гегель*. Соч., т. VII. Соцэкгиз, 1934, стр. 91.

представляет собой самоотчуждение абсолютной идеи. Он свергает богов с неба для того, чтобы доказать, что они суть отчуждения человеческой сущности. Он реабилитирует человека, все свои усилия обращая на то, чтобы человек понял, что не боги создали его, а он создал их. Корни отчуждения, существующего в виде религии, он усматривал в сознании человека, в неправильном перенесении сущности природы и собственной человеческой сущности на сверхъестественную сущность. Это был значительный шаг вперед в понимании отчуждения, и этот шаг в большой мере помог Марксу как в критике Гегеля, так и в выработке собственного взгляда на этот вопрос. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» нет непосредственной критики понимания Фейербахом отчуждения, но по существу Марксова концепция здесь направлена не только против Гегеля, но и против фейербаховской ограниченности в этом вопросе. Главная слабость Фейербаха здесь заключалась в том, что он, как и Гегель, не понимал социальной сущности отчуждения, рассматривая человека лишь как природное существо, вне исторического времени и пространства. Маркс же ставил проблему отчуждения как *социальную проблему,* а человека рассматривал (хотя в ряде случаев в этой ранней работе еще чувствуется влияние Фейербаха) как социальное существо.

Таковы некоторые общие предпосылки, о которых нужно было сказать, чтобы понять, какова Марксова концепция отчуждения в его ранней работе и какое развитие она получила в «Капитале».

2

В отличие от Фейербаха Маркс исследует проблему отчуждения в связи с *трудом* человека, ибо Маркс уже в рассматриваемой работе понимал, что труд образовал человека и только в труде формируются специфически человеческие качества. В отличие от Гегеля Маркс имеет в виду не духовный труд, а прежде всего труд материальный, труд, преобразующий природу и доставляющий человеку средства существования. Поэтому для Маркса отчуждение может быть понято прежде всего как *отчу-*

ждение труда. Это позволяет правильно осмыслить весь его подход к проблеме.

Маркс дает следующее определение отчуждения труда: «...предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо,* как *сила, не зависящая* от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда... При тех порядках, которые предполагаются политической экономией (Маркс имеет в виду буржуазные порядки. — *М. Р.*), это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение* рабочего *из действительности,* опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом,* освоение предмета — как *отчуждение,* как *самоотчуждение*» [1].

Это определение сразу вводит нас в совершенно другой мир по сравнению с миром Гегеля и Фейербаха. Вопрос ставится на конкретную социальную почву и в определенные исторические рамки. Маркс ставит вопрос не как абстрактный философ (для которого сознание играет первенствующую роль), сводящий всю проблему отчуждения к «неправильному» сознанию. Это следует тем более подчеркнуть, что современные истолкователи «раннего» Маркса из лагеря буржуазии приписывают ему ту мысль, что отчуждение имеет своим источником просто ошибочное сознание. Между тем Маркс уже тогда подходил к вопросу как экономист, для которого экономические факты и их анализ имеют решающее значение для правильного осмысливания проблемы. Он прямо заявляет в начале главы, посвященной отчужденному труду: «Мы берем отправным пунктом *современный* политико-экономический факт». И этот факт он видит в существовании *частной собственности* на средства производства, в том, что не рабочий пользуется плодами своего труда, а тот, кто владеет условиями труда. Для «раннего» Маркса категория отчуждения есть та *центральная* экономическая категория, которая объясняет все взаимосвязи буржуазного общества. Рассмотрев в ряде глав подход буржуазных политэкономов к таким вопросам, как капитал, прибыль, заработная плата, накопление

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 560—561.

капитала, земельная рента и другие, он затем переходит к вопросу об отчуждении и сразу же заявляет, что политическая экономия (Маркс тогда отождествлял политическую экономию с буржуазной политической экономией) не понимала «взаимосвязи изучаемого ею движения», взаимосвязи капитала, прибыли, земельной ренты, заработной платы и т. д. Определяя цель своего исследования, он пишет, что «нам предстоит теперь осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между стоимостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой» [1].

Маркс, как показывает все его дальнейшее рассуждение, и находит искомую связь в *категории отчуждения*. Подчеркнутые нами слова в приведенной цитате показывают, что все перечисленные понятия («прибыль», «заработная плата» и др.) он сводил к отчуждению. Это была та универсальная категория, из которой он выводил все другие экономические категории и посредством которой объяснял прочие категории. Чтобы быть точнее, укажем, что исходными категориями он считал две: отчуждение и частную собственность, но, как мы сейчас увидим, эти две категории у него неразрывно связаны и взаимообусловливают друг друга. Маркс пишет об универсальности этих двух категорий, которые, повторяем, в известном смысле тождественны у него: «...с помощью этих двух факторов (можно. — *М. Р.*) развить все политико-экономические *категории,* причем в каждой из категорий, например в торговле, конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное *определенное* и *развернутое выражение* этих первых основ» [2].

Очень важно учесть этот подход к категории отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» для того, чтобы понять отличие в данном отношении «Капитала» от этой ранней работы и место категории отчуждения в основном произведении Маркса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 560 (разрядка моя. — *М. Р.*).

[2] Там же, стр. 570.

Таким образом, по Марксу, отчуждение тесно связано с частной собственностью, вне которой нет отчуждения труда. Он все время говорит об отчуждении как выражении противоположности между трудом и капиталом, между рабочим и капиталистом. Это не значит, что, по Марксу, отчуждение труда появляется только с возникновением капитализма. Нет, он имеет в виду такую частную собственность, которая делает одного человека подневольным существом вследствие того, что другой человек есть «хозяин труда». В этом смысле он упоминает и труд в Древнем Египте, Индии, Мексике, чтобы доказать, что владение и лишенность средств производства есть то главное противоречие, которое порождает отчужденный труд. Не лишено элементов отчуждения труда и производство, основанное на мелкой частной собственности, когда средства труда принадлежат самим производителям. И тогда овеществленный труд, кристаллизуясь в товарах, в деньгах, в той или иной мере отделяется от производителя и законы товарного обмена господствуют над ним, играют его судьбой (не говоря уже об ограблении его труда и политическом притеснении со стороны господствующих сословий), хотя это, конечно, не идет в сравнение с отчуждением при капитализме. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс исследует капиталистическое общество, где отчуждение труда, развиваясь, получает законченную форму. Поэтому когда Маркс говорит о частной собственности как основе отчуждения труда, то он имеет в виду прежде всего капиталистическую собственность. Это факт, неприятный для современных буржуазных истолкователей Маркса и всячески ими затушевываемый.

Выше указывалось, что Маркс неразрывно связывает два явления — частную собственность и отчуждение труда. С одной стороны, Маркс называет частную собственность причиной отчуждения, с другой, напротив, отчуждение труда — причиной частной собственности, которую он определяет как его следствие. Это вызвало в нашей литературе даже некоторую полемику по вопросу о том, что же здесь имеет первичное значение. Полагая, что частная собственность есть следствие отчужденного труда, некоторые авторы пытаются ответить на вопрос о том, что породило само отчуждение труда. Ответ состоит в том, что отчуждение труда в «своей первоначальной

форме», т. е. до возникновения частной собственности, «есть следствие *неразвитости* человеческих сущностных сил» [1]. С этой точки зрения труд, существовавший всегда в форме самоотчуждения человека, принимает впоследствии специфические формы самоотчуждения, характерные для частной собственности, капитала.

Нам кажется, что Маркс не дает оснований для такого решения вопроса. Категория отчуждения труда есть категория, отражающая такие условия, когда одни люди противостоят другим не просто как люди, а как существа, одни из которых имеют возможность присваивать себе продукты труда других. А это значит, что вне частной собственности категория отчуждения труда лишена смысла. Говоря о том, что в древние времена главная производственная деятельность «шла по линии служения богам» и даже самый продукт труда в значительной степени принадлежал богам (имеется в виду деятельность в Древнем Египте и других странах), Маркс настойчиво подчеркивает, что для отчуждения труда нужны «хозяева труда», что оно выражает отношение человека к человеку, а не к богам или к природе. Продолжая свою мысль о «первых порах», когда главная производственная деятельность проявлялась в строительстве храмов, служении богам и т. п., Маркс указывает, что, однако, «боги никогда не были одни хозяевами труда. Не была хозяином и *природа... Чуждым* существом, которому принадлежит труд и продукт труда, существом, на службе которого оказывается труд и для наслаждения которого создается продукт труда, таким существом может быть л и ш ь сам *человек*» [2].

Еще резче Маркс подчеркивает эту мысль в следующих словах: «Всякое (заметим, *всякое*. — *М. Р.*) самоотчуждение человека от себя и от природы проявляется в том отношении к другим, отличным от него людям, в которое он ставит самого себя и природу... Таким образом, посредством отчуждения труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства

---

[1] Такая точка зрения излагается в работе Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» (Соцэкгиз, 1962), в которой в остальном, на наш взгляд, дается правильная интерпретация Марксова понимания проблемы отчужденного труда.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 568 (слово «лишь» подчеркнуто мной. — *М. Р.*).

как к чуждым и враждебным ему силам, — он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и к его продукту, а равно и то отношение, в котором сам он находится к этим другим людям... Отчуждая от себя свою собственную деятельность, он присваивает чужому человеку деятельность, ему не присущую» [1].

Следовательно, по Марксу, отчуждение труда предполагает определенные отношения *человека к человеку*, такие отношения, при которых отчуждаемая от человека деятельность (и продукт ее) присваивается другим, противостоящим ему в качестве чуждой силы, человеком. Вот почему Маркс выступает против экономистов, пытающихся перенести вопрос «в серую туманную даль». Нам кажется, что слабое развитие человеческих сущностных сил может быть основой всяких фантастических представлений человека о своей сущности, но не может породить самоотчуждение труда. В первобытной общине нет таких отношений человека к человеку, которые бы стали источником отчуждения труда. Напомним по этому поводу мнение Энгельса, писавшего о людях первобытной общины: «Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации» [2]. Дело обстоит как раз так, что именно при капитализме, когда развитая промышленность обогащает сущностные силы человека, отчуждение труда достигает своей кульминации.

Поэтому, на наш взгляд, неправомерна сама постановка вопроса о том, что было раньше: отчуждение труда или частная собственность. Это единый процесс, в котором возникающая благодаря развитию производительных сил и разделению труда частная собственность порождает отчуждение труда, а отчуждение труда укрепляет и развивает частную собственность. Это взаимодействие хорошо выражено в следующих словах Маркса: «...частная собственность оказывается, с одной стороны, *продуктом* самоотчужденного труда, а с другой стороны, *средством*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 568—569.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 174.

его самоотчуждения, *реализацией этого самоотчуждения*» [1]. Когда Маркс говорит о том, что частная собственность есть следствие отчуждения труда, то он хочет подчеркнуть, что только труд на другого есть условие образования антагонистических форм такой собственности. Когда он говорит, что отчужденный труд составляет следствие частной собственности, то он этим хочет вскрыть средство, с помощью которого только и возможно такое отчуждение.

Как бы там ни было, основное в Марксовом анализе отчужденного труда — и на этом сойдутся все марксисты — заключается в том, что уже в ранней своей работе Маркс с неопровержимой ясностью показал отчужденный характер труда в капиталистическом обществе, вызванный к жизни всеми условиями этого общества, господством собственности капиталиста на условия труда. Это то главное, что разделяет научное понимание отчуждения труда от всякого иного, даже прикрываемого фальшивыми свидетельствами, якобы почерпнутыми из «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

Важно также и то, что уже в этом произведении Маркс глубоко раскрыл содержание понятия «отчуждение». Отныне отчуждение стало синонимом таких общественных отношений, при которых основная функция человека, функция труда, вместо того чтобы выступать в качестве средства развития человеческих сил и способностей, вместо того чтобы обогащать сущность индивида, в процессе опредмечивания превращается в орудие потери, утраты человеком самого себя, в орудие присвоения его сил чуждой и противостоящей ему силой. То, что должно служить источником самоутверждения человека, такой жизнедеятельности, которая совпадает с саморазвитием индивида, становится силой, находящейся в противоречии с этим.

До сих пор речь шла об отчуждении экономическом, т. е. отчуждении, совершающемся в сфере, как выражается Маркс, действительной жизни. Но отчуждение в этой последней есть основа отчуждения во всех остальных сферах человеческой жизни. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» говорится об отчужде-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 569.

нии в религии и других областях сознания, в семье, государстве и т. п. Буржуазное общество Маркс рассматривает как всестороннее самоотчуждение человека. В религии сила человека превращается в его бессилие, в силу сверхъестественного существа и вся воля человека оказывается парализованной упованиями на ту жалкую порцию блага, которую может отпустить ему только это существо. В семье «естественнейшее» отношение между мужчиной и женщиной, в котором, по словам Маркса, должно обнаружиться, насколько потребность человека стала человеческой потребностью, а человеческая сущность — естественной сущностью, эти отношения извращаются и подчиняются посторонним соображениям — денежным, религиозным, только не подлинно человеческим. В государстве сущность человека становится сущностью, стоящей над ним, становится силой, правящей всей его деятельностью. В замечательном отрывке о власти денег в буржуазном обществе Маркс показывает их извращенную и уродующую естественные человеческие качества природу.

Наконец, в своих рукописях Маркс утверждает, что противоречие между «опредмечиванием» и «самоутверждением» человека, т. е. противоречие, выражаемое понятием отчуждения, может быть уничтожено лишь одним путем — путем уничтожения частной собственности и создания коммунистического общества. Коммунизм, доказывает он, есть форма человеческой эмансипации, освобождения человека, «необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего», средство «обратного отвоевания человека» [1].

На этом этапе своего развития Маркс уже глубоко убежден в том, что новой, высшей ступенью общества будет общество коммунистическое. Он указывает на некоторые экономические тенденции, двигающие общество в этом направлении. Но всестороннее научное обоснование этого вопроса — дело дальнейшей его работы. Высшее развитие взгляды Маркса (в частности, по проблеме отчуждения) получили в произведении всей его жизни — в «Капитале».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 598.

3

Мы не имеем возможности здесь проследить, как развивалась категория отчуждения в подготовительных работах к «Капиталу». Как уже говорилось, наша задача заключается в том, чтобы под этим углом зрения сопоставить первый, начальный этап и высший этап, на котором Марксово учение получило полное научное воплощение. Поэтому мы перейдем сразу к «Капиталу».

Выше уже указывалось, что одинаково односторонни как концепция, согласно которой в вопросе об отчуждении Маркс периода «Капитала» ничем не отличается от Маркса периода «Экономическо-философских рукописей 1844 года», так и точка зрения, будто позже Маркс отказался от этой категории, или если и пользовался ею, то не придавал ей важного значения. Достаточно перелистать «Капитал», чтобы последняя точка зрения отпала сама собой, но изучение этого произведения приводит к выводам, опрокидывающим и первый из этих взглядов. За время, отделяющее «Экономическо-философские рукописи 1844 года» от «Капитала», Маркс прошел гигантский путь развития, который не мог не сказаться на этом, как и на других понятиях, употреблявшихся в самом начале его пути.

Самое главное, на наш взгляд, заключается здесь в том, что категория отчуждения утратила в «Капитале» то *универсальное* значение, которое Маркс придавал ей ранее. Она перестала быть синтетической, всеобъемлющей категорией, из которой можно вывести все остальные категории политической экономии. Она заняла в системе экономических категорий «Капитала» определенное место, выполняя определенную познавательную функцию наряду с массой других категорий. Следует добавить и то, что, хотя Маркс и раньше подходил к этой категории со стороны экономического анализа буржуазного общества, тем не менее, пользуясь этой категорией, он делал главный упор на бесчеловечность капитализма, осуждая его морально, противопоставляя ему коммунизм как то общество, в котором всякое отчуждение потеряет почву.

Задача, стоявшая перед Марксом в «Капитале», заключалась в том, чтобы дать всестороннее исследование капиталистического способа производства в его движении от начала до конца и раскрыть это движение в системе

экономических категорий. Понятно, что такая задача потребовала разработки массы экономических категорий, каждая из которых отражала какую-то сторону этого огромного целого. Маркс решил эту трудную задачу, сформулировав ряд новых законов и категорий, не имевших раньше места в политической экономии, критически переработав понятия и категории, употреблявшиеся до него (такие, как стоимость, прибыль и т. п.), придав им подлинно научный смысл. Естественно, что в связи с этим категория отчуждения должна была, так сказать, «потесниться». Но самое важное заключается в том, что при всей своей значимости эта категория не могла *экономически* раскрыть и объяснить наиболее глубокую сущность капиталистического способа производства, его специфику. Несомненно, отчуждение достигает своего высшего развития в буржуазном обществе, но оно имеет место, как показал Маркс, и в других формациях, где труд одного человека присваивается другим человеком, владеющим условиями труда. Глубокий экономический анализ капитализма должен был раскрыть специфику капиталистического отчуждения и выразить ее в определенной категории, которая действительно стала бы центральной среди всех прочих категорий. Маркс и сформулировал эту специфику в категории прибавочной стоимости, являющейся, по выражению Ленина, краеугольным камнем «Капитала». В этом смысле нельзя сравнивать по своему значению для экономического анализа капитализма категорию прибавочной стоимости и категорию отчуждения. Можно даже сказать, что в свете теории прибавочной стоимости глубже осмысливается и понятие отчуждения труда.

В связи с задачей, стоявшей перед Марксом при написании «Капитала», — дать анализ *экономического самодвижения* капиталистического производства Маркс, естественно, меньше всего занимался моральным осуждением капитализма, хотя, разумеется, экономический анализ, даваемый им, выносит такой суровый и беспощадный моральный приговор всей бесчеловечной системе капитализма, до которого не мог подняться ни один из моралистов, осуждавших ее. На этой стороне вопроса сто́ит несколько остановиться, так как в связи с проблемой отчуждения она используется буржуазными писателями для того, чтобы доказать недоказуемое — теоретическую

«слабость» «Капитала» Маркса по сравнению с фальсифицируемыми ими «Экономическо-философскими рукописями 1844 года».

В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс сам заявляет, что, хотя он и рисует фигуры капиталиста и земельного собственника далеко не в розовом свете, он не подчеркивает их моральной ответственности, так как смотрит на развитие общественно-экономической формации как на естественноисторический процесс. С этой точки зрения отдельное лицо может меньше, чем с какой бы то ни было другой, считаться виновным за условия, продуктом которых оно само является. Эту силу и мощь Марксова метода анализа его современные противники пытаются превратить в недостаток. Они утверждают, что в «Капитале» по сравнению с ранними работами Маркса утрачена или ослаблена линия гуманизма. Все-де сведено к экономическо-техническому развитию. Поэтому ущерб потерпела якобы и философская сторона марксизма. По этой же причине Маркс-де в «Капитале» не уделяет внимания отчуждению, хотя в какой-то мере о нем речь идет в связи с положением о товарном фетишизме [1].

Противники марксизма не понимают или не хотят понимать, что линия гуманизма в «Капитале» продолжена и во много раз выросла и окрепла по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», и именно потому, что в «Капитале», как нигде больше, обнаружены экономические корни буржуазного антигуманизма и экономически обоснованы пути его преодоления и созидания общества подлинного — коммунистического — гуманизма. По этой же причине в «Капитале», как ни в каком другом произведении, вскрыты корни отчуждения труда и указаны опять-таки реальные пути их уничтожения.

Какое же место занимает категория отчуждения в «Капитале» и какую функцию выполняет она в процессе исследования капиталистического способа производства?

Мы уже говорили, что Маркс разработал и сформулировал ряд экономических законов и категорий, с помощью которых он выяснил сущность и механизм дей-

---

[1] См., например, статью Фетчера в приложении к западногерманской газете «Das Parlament» (13/XI 1963 г.) под названием «Die Sowjetgesellschaft und das Problem der Entfremdung».

ствия капиталистического производства. Все эти законы и категории, как планеты вокруг Солнца, вращаются вокруг центрального и основного закона — закона производства прибавочной стоимости. Последний объясняет тайну капиталистической прибыли во всех ее разновидностях. Категория прибавочной стоимости дала полное и адекватное отражение процесса получения капиталистом неоплаченной части вновь создаваемой рабочим стоимости. Условием этого процесса является наличие средств труда в руках капиталиста и отсутствие их в руках рабочего, т. е. наличие свободного от средств труда рабочего. Анализ источника прибыли и тех условий, без которых капиталистический способ производства был бы невозможен, резюмирован в таких точных научных категориях, как «стоимость», «потребительная и меновая стоимость», «деньги», «рабочая сила», «прибавочная стоимость», «капитал», «постоянный и переменный капитал» и др. Этот анализ означал *гигантский* шаг вперед по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», с их универсальной категорией отчуждения труда, долженствующей объяснить все, категорией, составлявшей гениальный зародыш научного объяснения, но еще не само это объяснение.

Но Маркс, пойдя вперед, не отбросил в «Капитале» категорию отчуждения, а определил ее *конкретное содержание* в ряду указанных категорий. Если источником прибыли является прибавочная стоимость, создаваемая путем эксплуатации рабочего, если сама прибавочная стоимость возможна лишь благодаря отделению условий труда от рабочего, то труд рабочего отчужден от него, продукт его труда также отчуждается от него и все его силы приобретают столь же отчужденный характер. Конкретное содержание категории отчуждения в «Капитале» и заключается в том, что, не выступая здесь уже в качестве всеобъемлющего орудия исследования сущности капитализма (поскольку эту роль, повторяем, выполняет ряд категорий во главе с категорией прибавочной стоимости), она отражает одну из очень важных сторон и проявлений капиталистического способа производства, а именно сущность наемного труда, «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта,

его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним» [1].

Эти слова Маркса, взятые из третьей части «Теорий прибавочной стоимости», раскрывают смысл, который он придает в «Капитале» категории отчуждения. Он неоднократно повторяет, что при условии, когда средства труда противостоят тем, кто трудится, т. е. рабочим, труд последних становится отчужденным трудом со всеми остальными последствиями. «Утрата работниками условий труда, — пишет он, — выступает как приобретение этими условиями труда обособленной от работников самостоятельности в качестве капитала, или как то обстоятельство, что этими условиями труда распоряжаются капиталисты» [2]. Марксова категория отчуждения в «Капитале» под этим *специфическим* углом зрения отражает основное классовое противоречие капитализма — противоречие между наемным трудом и капиталом, а в области производства — противоречие между общественным трудом и трудом живым. Маркс говорит о сущности капитала и его взаимоотношении с рабочими: «Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что делает его капиталом еще до того, как он входит в процесс, так что последний только развивает его имманентный характер? Та общественная определенность, в которой он существует: живому труду противостоит прошлый труд, деятельности — продукт, человеку — вещь, труду противостоят его собственные предметные условия, противостоят как чуждые, самостоятельные, прочно обособившиеся субъекты или персонификации, противостоят, короче говоря, как *чужая собственность* и в этой форме — как «применяющие» самый труд и «распоряжающиеся» самим трудом, который они себе присваивают, вместо того чтобы он их присваивал себе» [3].

О какой бы стороне капиталистического производства ни говорил Маркс, он всюду показывает эту отчужденность труда и сил рабочего. Так, говоря об общественном характере труда рабочих, о комбинации их труда, он подчеркивает, что рабочий относится к этому характеру тру-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 268.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же, стр. 498.

да «как к некоторой чуждой ему силе...» [1]. Говоря о законе капиталистического накопления, принимающем мистический вид закона природы, он указывает, что иначе и быть не может: «Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук» [2].

В «Капитале» Маркс применяет категорию отчуждения не только по отношению к труду, но и по отношению к другим сферам жизни рабочего. Он имеет в виду *тотальное* отчуждение, т. е. в том числе и отчуждение духовных сил рабочего. В первом томе своего произведения он пишет по этому поводу следующее: «...все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека... принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила...» [3] Маркс показывает во многих местах «Капитала», что капитализм враждебен духовному развитию человека труда, он расщепляет его духовные и физические силы и способности, односторонне развивая одни способности за счет других. В связи с этим следует вообще заметить, что, показывая дальнейшее развитие Марксом проблемы отчуждения, сопоставляя в этом отношении «Капитал» и «Экономическо-философские рукописи 1844 года», мы далеки от мысли, будто все, что сказано в последних об отчуждении, устарело. В частности, нужно со всей силой подчеркнуть, что в них важны и не утратили своей актуальности положения о духовных видах отчуждения при капитализме, мысли о коммунизме как уничтожении этих форм отчуждения и др.

Маркс вводит в «Капитале» новое понятие о товарном фетишизме, которое тесно связано с понятием отчуждения. Однако эта связь не означает их тождества. В понятие товарного фетишизма так или иначе частично входит то содержание, которое Маркс вкладывает в катего-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 97.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 635.
[3] Там же, стр. 660.

рию отчуждения, ибо первое он определял как превращение продуктов человеческих рук — вещей, товаров — в самостоятельные существа, господствующие над их творцами, существа, наделенные самостоятельной жизнью, определяющие судьбу людей. Подобно этому и отчуждение означает отделение и превращение в самостоятельный субъект произведений человеческих рук, следовательно, оно не может не быть фетишистским по самому своему существу. Религия, например, есть форма отчуждения, и вместе с тем она наиболее яркое проявление фетишизма. Маркс для выяснения сущности товарного фетишизма как раз проводит аналогию между ним и религией.

Различие между понятиями отчуждения и фетишизма состоит в том, что в отчуждении главное не фетишизм, не то, что общественные отношения принимают в известных условиях форму отношений вещей, а то, что оно есть *выражение противоположности между капиталистом и рабочим, выражение отрыва условий труда от самого труда, отделения самого труда и его плодов от производителя.* Поэтому Маркс наряду с понятием товарного фетишизма сохраняет и понятие отчуждения, и оба они выполняют хотя и связанные между собой, но разные познавательные функции. Кроме того, товарному фетишизму подвержены все, как капиталисты, так и производители, ибо он означает извращенное выражение сущности общественных отношений, имеющее объективные корни в самом товарном производстве. Капиталисты и их апологеты чувствуют себя великолепно в мире фетишистских представлений. Рабочие лишь под влиянием своего опыта труда на капиталистов постепенно познают, что их враг не вещи, не машины, а «хозяева труда».

Что же касается отчуждения, прежде всего главной его формы — отчуждения труда, то это удел рабочих. Это не значит, что отчуждение совсем не касается тех, кому принадлежат условия труда. Если отчуждение средств труда от рабочего обедняет его человеческую сущность, то отделение труда от владельца этих средств также есть форма отчуждения, т. е. отнятие у человека его человеческих качеств и превращение его в слугу золотого тельца. Маркс сказал по этому поводу немало метких слов в «Капитале», как и в ранних своих работах. В деньгах кристаллизированы все или почти все человеческие качества капиталиста, и, чем больше денег, тем выше эти ка-

чества, являющиеся суррогатом подлинно человеческих качеств. Словом, перефразируя изречение ролландовского Кола Брюньона, гласящее: «Чем меньше я имею, тем больше я сам», капиталист (мы, конечно, имеем в виду «массового» капиталиста, а не исключения) может о себе сказать: «Чем больше я имею, тем меньше я сам как человек».

Маркс употребляет в «Капитале» еще одно понятие, которое по существу идентично понятию товарного фетишизма, хотя и имеет специфический оттенок, не компенсируемый полностью и понятием товарного фетишизма. Мы имеем в виду понятие отчужденной формы проявления экономических отношений. Это понятие, несомненно, связано с общим понятием отчуждения, но все же выполняет особую функцию. Оно означает, что экономические отношения — прибыль, рента, процент и т. п. — в своем *проявлении,* в своей форме отчуждены от того, что они представляют собой в сущности. Этот вопрос и само понятие отчужденной формы связаны с проблемой сущности и явления. Поэтому они будут рассмотрены специально в следующей главе. Здесь заметим лишь, повторяя уже сказанное, что Маркс чрезвычайно тонко и искусно расчленяет понятия, стремясь выразить каждый важный оттенок действительности в специальных понятиях. Иначе невозможно воспроизвести все богатство действительности и ее развития в мышлении. Эта черта «Капитала» чрезвычайно поучительна, и ее нужно всячески учитывать при разработке теории диалектической логики. В самом деле, как ни близки и родственны категории отчуждения, товарного фетишизма, отчужденной формы, все они имеют различную смысловую нагрузку в процессе исследования, тонко и гибко отражая различные связи вещей.

Итак, категория отчуждения, как мы видели, играет важную роль в системе категорий «Капитала». Она выражает коренное противоречие капитализма, заключающееся в том, что вследствие разрыва условий труда и самого труда, разрыва овеществленного и живого труда первые, т. е. условия труда и овеществленный труд, сами результаты, продукты труда, природные силы, наука, духовные функции труда — все это «противостоит рабочим, каждому в отдельности, как нечто *чуждое* им самим и как нечто *вещное,* как всего лишь форма бытия незави-

симых от них и господствующих над ними средств труда, — подобно тому как сами эти средства труда, в их простой осязаемой форме, в качестве материала, инструмента и т. д., противостоят рабочим как функции *капитала,* а следовательно и *капиталиста*» [1].

Маркс не ограничивается, однако, только тем, что вскрывает это отчуждение. Существенная сторона разработки данного вопроса в «Капитале» состоит еще в том, что отчуждение рассматривается не статически, а в развитии, как процесс углубления и обострения. Маркс показывает, как по мере роста капитала вширь и вглубь *растет и углубляется отчуждение.* В этом отношении большой интерес представляет один фрагмент третьей части «Теорий прибавочной стоимости». Маркс здесь крупными мазками набрасывает картину процесса развития и углубления отчуждения. Первый этап этого процесса — первоначальное накопление капитала. Этот этап характерен «обособлением условий труда по отношению к рабочему и самому труду». Это исторический акт возникновения капитала, а вместе с ним и специфически капиталистического отчуждения. Второй этап — накопление капитала. Здесь расширенное воспроизводство капиталистических отношений «воспроизводит во все более широких размерах отделение и обособление предметного богатства по отношению к труду». Наконец, третий этап рассматриваемого процесса — этап концентрации капитала. На этом этапе, являющемся, по словам Маркса, последней степенью и формой того процесса, который превращает условия труда в капитал, предметное богатство все больше централизуется в руках крупных капиталистов, отчуждаясь от тех, кто разоряется в результате действия механизма этого процесса. Жизнь внесла поправку в картину, нарисованную Марксом. Мы можем сейчас сказать, что высшей и действительно последней степенью и формой развития процесса отчуждения является современный государственно-монополистический капитализм. Предметное богатство общества здесь в абсолютной мере отделено от труда и от подавляющего большинства членов общества, находясь во владении крупнейших монополий и буржуазного государства. Государственно-монополистический капитализм представ-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 398.

ляет собой высшее развитие отчуждения, так как на одном полюсе сосредоточены все богатства общества, отчужденные силы труда, силы науки, силы природы, силы государства, а на другом полюсе — один лишь объект отчуждения, т. е. люди труда.

Употребляя слова Маркса, можно сказать, что эта крайняя форма противоположности и противоречия (так Маркс определил третий этап процесса отчуждения) означает, что производство стало всесторонне общественным, но оно существует «в отчужденной форме» [1]. Отчужденная форма — это капитализм, капиталистическая форма производства и отношений между людьми. В другом месте это же обстоятельство Маркс характеризует словами о том, что капитал «оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи» [2]. Развитие и углубление отчуждения есть следствие или выражение развития и обострения капиталистических противоречий. Поэтому Маркс исследует это развитие отчуждения не только в целом, когда он говорит об основных этапах капитализма, но и тогда, когда рассматриваются отдельные стороны развития капиталистического способа производства. Так, например, показывая, что с ростом производительных сил и производительности труда растет постоянный капитал, а доля той части стоимости, которую создает рабочий, относительно уменьшается, что, следовательно, капиталистическая собственность «будет все время увеличиваться», Маркс делает из этого следующий вывод: «Поэтому постоянно возрастают отчуждение и противоположность между рабочей силой и объективными условиями труда, получившими в капитале обособленное самостоятельное существование» [3].

Следовательно, для капиталистической формы производства и жизни в самом широком смысле этого слова характерно не только отчуждение, но и *рост, развитие, нагнетание отчуждения.* Закономерный результат этого развития — подготовка предпосылок для обратного процесса — процесса снятия, преодоления отчуждения и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 327.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 290.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 460.

«отвоевания человека», процесса освобождения труда, способностей и сил человека, человеческого сознания от пут отчуждения. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс говорил, что высшее развитие отчуждения есть «завершающееся» и потому устремляющееся к своему уничтожению отчуждение. «Это вообще — единственный способ, каким существующее утверждает свою противоположность» [1]. Утверждение отношений, противоположных отчуждению, т. е. ликвидация его в жизни, — это уже дело новой формации, нового способа производства и формы общественных отношений, дело социалистического и коммунистического общества. Именно это имел в виду Маркс, когда он говорил, что только коммунизм разрешает противоречие между «опредмечиванием» и «самоутверждением» человека.

4

Как в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», так и в «Капитале» Маркс развивает одну важную мысль — мысль о том, что только коммунистическое преобразование общества способно преодолеть отчуждение, что такое преодоление есть естественный результат, следствие этого преобразования. Характерно в этом смысле одно замечание Маркса. Указывая в первой части «Капитала» на то, что причина отчуждения труда коренится в «чуждой рабочему собственности», расточение которой нисколько не затрагивает интересов рабочего, Маркс пишет: «Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим...» [2] Он имеет в виду фабрики, принадлежащие кооперативным обществам рабочих. Уже здесь меняется отношение к труду и к предметам труда, так как меняется характер собственности. Маркс считал, что только уничтожение капиталистической собственности и переход средств производства в руки пролетариата, превращение их в собственность социалистического общества есть решающее условие уничтожения всякого отчуждения. Это лейтмотив всех его высказываний по данному вопросу, начиная с самых ранних работ и кончая последними.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 610.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 97.

Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он ясно и недвусмысленно заявил об этом. «...Положительное упразднение *частной собственности,* как присвоение человеческой жизни, — писал он там, — есть положительное упразднение всякого отчуждения...» [1] В дальнейшем Маркс развивает это положение, разрабатывая теорию социалистической революции, доказывая, что только такая революция, которая передаст власть в руки рабочего класса, сможет утвердить общественную собственность и откроет путь к преодолению отчуждения. Между тем современные враги марксизма прибегают к прямому извращению этой основной идеи Маркса под видом «правильной» его интерпретации. Они пытаются «доказать» нечто невероятное — будто Маркс исходил из того, что условием (притом решающим) преодоления отчуждения может быть лишь самоусовершенствование человека, изменение его сознания. Все остальное — завоевание власти, уничтожение частной собственности и т. п. — сущие пустяки, навязанные Марксу позднейшими марксистами — Энгельсом, Лениным и их последователями. Фетчер, которого мы уже упоминали, утверждает, что идея Маркса такова: чтобы создать хорошие условия жизни людей, нужно, чтобы человек стал иным, «необходимы прежде всего хорошие люди». Так, в частности, он понимает слова Маркса о том, что революция нужна не только для того, чтобы совершить политический и экономический переворот, но и для того также, чтобы пролетариат в ходе революции изменил самого себя. В этих словах Фетчер видит доказательство правильности своей интерпретации Маркса.

Фетчер обижается на то, что в советской литературе подобная интерпретация именуется фальсификацией Маркса. Но не лучше ли называть вещи своими именами, чем в «деликатной» форме вести бесплодные разговоры? Пояснять Маркса так, как это делают Фетчер и подобные ему, могут только те, кто кровно заинтересован в сокрытии правды о действительных взглядах Маркса и марксизма. Прежде всего никто из марксистов не отрицает того, что в процесс преодоления отчуждения как *важный* элемент включается изменение сознания человека, притом *массового* человека. Иначе почему бы в СССР и дру-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 589.

гих социалистических странах такое внимание уделялось этой стороне дела? Ведь отчуждение труда, не говоря уже о непосредственно духовных видах отчуждения, содержит и *отношение* человека к труду, следовательно, и момент *сознания*. Революция, далее, действительно нужна и для того, чтобы трудящиеся изменили самих себя, свой духовный мир. Маркс и Ленин при этом указывали, что такое изменение представляет собой наиболее трудную сторону коммунистического преобразования общества, а реальный опыт этого преобразования подтверждает их понимание. Зачем же Фетчеру понадобилось ломиться в открытую дверь?

Дело объясняется просто. Фетчер и другие хотят навязать массам мысль о том, что не нужно никакой революции, никакой социалистической собственности для того, чтобы уничтожить отчуждение. Нужно только одно — самоизменение сознания человека. Однако, пока существует мир капитализма, такое самоизменение есть только миф. Этого они не могут и не хотят понять. Маркс и Ленин выступали за революцию и уничтожение капитализма, в частности, именно потому, что *иначе* невозможно преобразовать духовный мир человека.

Что же конкретно предлагают Фетчер и масса других писателей, выступающих с подобных позиций, как решающее средство, ведущее к исчезновению отчуждения? Фетчер говорит о том, что на Западе основным препятствием на пути к уничтожению отчуждения следует считать одностороннее увлечение человека удовлетворением своих чисто потребительских интересов, которое ведет к пассивности и постоянной ненасытности подобных интересов. На Востоке таким препятствием, конечно, является «иерархия господства» и «идеология». Исходя из этого, он дает следующую генеральную рекомендацию: в обоих случаях свобода и преодоление отчуждения станут реальностью тогда, когда не принудительная идеология и интересы навязываются свободному и разумному выбору индивида, а когда последний действительно свободно, «из собственного разумения сможет извлечь решение». Вот и все! Как просто и гениально! Нужны были многовековые мучительные научные поиски, столетия практического опыта развития общества, чтобы так «экономно» решить вопрос, над которым бились лучшие умы человечества.

Генеральная рекомендация г-на Фетчера представляет собой перепев той идеи, которую еще в ранних работах Маркс подверг сокрушительной критике, идеи, что все зависит от сознания, самосознания и стоит только последнему измениться, чтобы реальные и объективные источники самоотчуждения исчезли. В произведении Маркса и Энгельса «Святое семейство», а также в их труде «Немецкая идеология» была раскрыта и доказана вся эфемерность этой идеи. Но видно, немецкая идеология подобного толка жива, и Фетчер ее представитель. Маркс и Энгельс писали, что коммунистические рабочие «не думают, что можно *«чистым мышлением»,* при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением,* между *сознанием* и *жизнью.* Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в *мышлении,* в *сознании,* но и в массовом *бытии,* в жизни» [1].

Таков действительный Маркс, написавший приведенные слова в *том же году,* когда он писал «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В противовес Фетчеру и другим, истолковывающим Маркса в собственном духе, Маркс уже тогда заявлял, что без уничтожения таких реальных конкретных продуктов самоотчуждения рабочих, как капитал, наемный труд, деньги, собственность и пр., невозможно говорить об устранении отчуждения вообще и духовных его видов. Говоря о «свободном выборе» индивидом решения, Фетчер и другие меньше всего имеют в виду выбор подлинно социалистического пути, предполагающего прежде всего уничтожение реальных продуктов отчуждения — капиталистической собственности, капитала, денег, наемного труда и т. п. Когда же массы делают такой выбор, то эти теоретики вопят, что он сделан незаконно, под влиянием «октроированной идеологии». По этой же причине они недовольны

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 58.

Лениным, учившим, что социалистическое сознание само не придет к рабочим, что нужно им помочь выработать такое сознание, помочь им осознать то, что они чувствуют сами своим классовым инстинктом, но оформить в виде научной идеологии не могут.

В той же работе Маркс и Энгельс дают отповедь утверждениям старых предшественников современной «немецкой идеологии» о том, что источники самоотчуждения — в плохом сознании «массы», в ее невежестве. Нет, говорили Маркс и Энгельс, враг трудящихся масс не в них, а вне их, в реальных причинах отчуждения. «Врагами прогресса, *вне* массы, — писали они, — являются как раз получившие самостоятельное существование, наделенные *собственной* жизнью *продукты самоунижения, самоотвержения и самоотчуждения массы.* Поэтому масса, восставая против самостоятельно существующих *продуктов* ее *самоунижения,* восстает тем самым против своего *собственного* недостатка, подобно тому как человек, выступая против существования бога, тем самым выступает против своей *собственной религиозности.* Но так как эти *практические* результаты самоотчуждения массы существуют в действительном мире внешним образом, то масса вынуждена бороться с ними также и *внешним* образом. Она отнюдь не может считать эти продукты своего самоотчуждения только *идеальными* фантасмагориями, простыми *отчуждениями самосознания,* и не может желать уничтожить *материальное* отчуждение при помощи чисто *внутреннего спиритуалистического* действия» [1].

Лучшего ответа современным поборникам преодоления отчуждения из буржуазного лагеря невозможно дать. Маркс и Энгельс показывают, что, во-первых, без уничтожения материального отчуждения (о котором так не любят рассуждать эти поборники) нельзя уничтожить и отчужденное сознание. Во-вторых, это не два самостоятельных процесса, а один процесс, в котором преодоление материального отчуждения помогает преодолеть и духовное принижение, самоотчуждение массы, а последнее, т. е. освобождение от духовного отчуждения, способствует уничтожению отчуждения материального — этого истока всякого отчуждения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 90.

Итак, основоположники марксизма считали вопреки мнению их «интерпретаторов», что лишь в социалистической революции, в процессе коренного — коммунистического — преобразования общества можно покончить с отчуждением. При этом они прекрасно понимали, что путь к полному уничтожению отчуждения длителен, что революция не может *одним ударом* покончить с ним. Противники марксизма бьют поэтому мимо цели, когда они с торжеством указывают на то, что и при социализме на первой стадии коммунизма существует еще не преодоленное полностью отчуждение; правда, они видят часто его там, где оно не проявляется. Так, они усматривают отчуждение в факте руководства массами и всем процессом коммунистического строительства со стороны марксистско-ленинской партии и государства. Партия, заявляют они, не может быть субъектом истории, особенно одна партия при отсутствии конкурирующих с ней партий. Партия-де тоже отчуждение, поскольку она «противостоит» массам и «диктует» им свою волю.

Ненаучный характер подобного подхода к отчуждению при социализме сам собой очевиден. Такое мышление оперирует категориями буржуазного общества. Государство в *капиталистическом* обществе действительно есть факт отчуждения, ибо оно представляет интересы не большинства, а меньшинства общества. Оно противостоит интересам большинства как чуждая сила. В нем отчуждены от людей и враждебно противостоят им результаты их деятельности, той деятельности, благодаря которой существует общество. Социалистическое государство — государство народа, оно выражает коренные интересы всех трудящихся, связанные с коммунистическим преобразованием общества. Поскольку сам народ осуществляет государственную власть, последняя не выступает уже в качестве формы отчуждения людьми своих сил, своей деятельности. Напротив, государство и есть форма их деятельности, *собственной* деятельности. Так же обстоит дело с руководством Коммунистической партии. Без такого руководства дело коммунистического преобразования стало бы безнадежным делом. Партия такого типа не может противостоять массам, ибо у нее нет иной задачи, кроме задачи осуществления ближайших и коренных интересов народа. Как и социалистическое государство, она — форма не отчуждения, а самодеятельности чело-

века, людей, входящих в нее (речь идет, разумеется, не об отдельных индивидах, которые могут преследовать свои узкие корыстные цели), ибо эта самодеятельность совпадает с тем, к чему стремятся, что осуществляют широкие народные массы. Здесь нет того, что составляет неотъемлемый элемент всякого отчуждения,— присвоения чуждой человеку сущностью сил, результатов его деятельности, энергии. Напротив, цель партии состоит в том, чтобы деятельность и энергию масс направить в наиболее целесообразное и выгодное для них русло.

Для доказательства отчужденного характера партии по отношению к массам, их деятельности и мышлению противники марксизма ссылаются на культ личности. Несомненно, культ личности, как и всякий культ, враждебен самой сущности социализма и Коммунистической партии. В нем сказываются элементы отчуждения, поскольку смысл его заключается в том, что силы, энергия, способности людей, народа, партии как коллективного руководителя масс переносятся на одну личность и приписываются ей, присваиваются личностью. Последняя противостоит остальным людям как средоточие того, что в действительности свойственно им, их труду, их уму, гению народа. Партия потому и нанесла удар по культу личности, что он несовместим с природой социалистического государства, с природой коммунистической партии, с принципами социалистической демократии. Обрекая «массового» человека на пассивность, культ личности тормозил насущное дело развития и всяческого развертывания коммунистического творчества масс и каждого отдельного человека. Без руководителей, вождей невозможно целенаправленное и планомерное движение общества к осуществлению главной цели социалистической революции. Само собой разумеется, что руководящая роль отдельных личностей, облеченных доверием партии, народа, ничего общего не имеет с культом личности. Однако, поскольку в культе личности мы имеем дело с проявлением отчуждения, всякие подобные тенденции должны, конечно, пресекаться в самом их зародыше.

Мы уже сказали, что мнимые поборники ликвидации отчуждения приписывают марксистам нелепую мысль, будто с построением социализма исчезает *всякое* отчуждение. Такое обвинение могут выдвинуть люди, не понимающие, что марксизм рассматривает любое явление в

развитии. Кто может серьезно думать о полной ликвидации всякого отчуждения при социализме, когда, например, одна из серьезных разновидностей отчуждения, религия, еще далеко не изжита и процесс ее изживания рассчитан на длительный период. Насколько плохо разбираются в марксизме люди, приписывающие себе право именоваться его знатоками и берущие на себя смелость опровергать его, показывает следующее. Споря против марксистов, которые якобы отрицают все еще существующие после уничтожения капитализма проявления былого отчуждения, они говорят, что в социалистическом обществе человек работает еще ради получения заработка, что существуют еще деньги, что партия всячески подчеркивает значение принципа материальной заинтересованности и т. п. «Чем же, собственно, отличается такое общество от капиталистического в смысле существования отчуждения?» — ставят они «роковой» для марксизма вопрос. Если же к этому добавить их упреки в адрес марксистов в том, что те подходят к современному капитализму с «устаревшими» понятиями монополий, государственно-монополистического капитализма и пр., то, как им кажется, они прямо-таки посылают марксизм в «нокаут».

Здесь нет возможности развернуто исследовать вопрос об отчуждении при социализме. Мы можем ограничиться лишь несколькими принципиальными замечаниями, имеющими решающее значение для подлинно марксистского, т. е. научного, решения этого вопроса.

5

Отчуждение, и прежде всего основной его вид — *отчуждение труда,* «материальное» отчуждение, есть, как уже было показано, выражение противоречия между условиями труда, находящимися во владении капиталистов или капиталистического государства, и рабочими, продающими свою рабочую силу. Социализм ликвидирует это противоречие, и постольку он кладет конец отчуждению труда. Основной факт здесь состоит в том, что превращение средств производства в общественную социалистическую собственность, как и полагал Маркс, выбило почву из-под отчуждения труда. Средства производства, ове-

ществленный труд уже не противостоят рабочему, живому труду в качестве враждебной и чуждой им сущности, в которой сосредоточены отнятые от них силы и способности. Поэтому в корне изменяется отношение человека к труду, к средствам производства, возникают и развиваются такие формы отношения к труду, как социалистическое соревнование, которые совершенно немыслимы в буржуазном обществе. Труд становится действительно делом чести и геройства человека. Труд на себя, на общество преобразует психологию человека, строй его мышления и чувств, вытесняя из них все наносное, нечеловеческое, паразитическое, привитое людям веками угнетения, унижения, подневольного труда. Что же касается принципа материальной заинтересованности, то он необходим именно для того, чтобы побуждать человека к труду, создать у него заинтересованность в результатах труда. Этот принцип имеет в виду интересы как отдельного человека, так и общества в целом.

Однако марксисты не самообольщаются и понимают, что этот коренной переворот, преодолевающий отчуждение в главном и решающем, не может сразу или даже в течение более или менее длительного периода изменить настолько психологию человека, чтобы полностью, без остатка исчезли проявления старого отношения к труду, к собственности общества. Инерция — страшная сила, и переломить ее — это дело целой эпохи. К тому же «чистого» развития в природе не бывает, и история практического социализма показывает, какие препятствия воздвигались враждебными силами на пути его развития, сколько всякого рода трудностей нагромождалось на этом пути (войны, блокады и пр.), чтобы покончить с ним или хотя бы затормозить его движение, не позволить ему быстро проявить все свои возможности. И сейчас необходимость расходования огромных средств на защиту от империалистических посягательств неизбежно уменьшает долю того, что могло бы пойти на улучшение жизни людей.

Отсюда в значительной мере проистекают испытываемые в тех или иных социалистических странах трудности в удовлетворении огромного и все возрастающего потребительского спроса населения, спроса, подстегнутого в небывалой степени социальным переустройством общества и коренным улучшением жизни народа, лик-

видацией нищеты, бедности, ростом духовных потребностей людей и т. д. «Чистого» развития нет и в том смысле, что всякого рода издержки, связанные с ошибками в руководстве грандиозным процессом строительства нового общества, ошибками и недостатками, как малыми и неизбежными, так и существенными и не неизбежными, также не могли не сказаться на темпах развития.

Естественно, что в условиях, когда еще существует неизбежное неравенство в распределении, поскольку на первой стадии коммунизма действует принцип распределения по труду, когда существуют названные нами трудности развития реального, практического, а не «чистенького» социализма, ничего удивительного нет в том, что еще есть люди, рассматривающие труд в плоскости «отчужденного сознания» (Маркс), т. е. как труд не на себя. Есть еще люди, воспринимающие общество и государство в качестве некоего объекта, развитие которого не совпадает с развитием их личных, коренных интересов. Отсюда явления расхищения социалистической собственности, недобросовестной работы, паразитического отношения к жизни и т. п. Поэтому, хотя основным и реальным фактом, свидетельствующим об уничтожении отчуждения, стало новое, социалистическое отношение к труду подавляющего большинства людей, имеют еще место проявления отчужденного сознания, или, как у нас говорят, пережитки старого отношения к труду.

Остаточные явления, связанные с этим отчуждением, находят свое выражение и в том, что существует еще важное различие между физическим и умственным трудом, хотя былая противоположность между ними исчезла. Социализм не может еще вследствие недостаточного уровня развития производительных сил полностью преодолеть веками развивавшееся отчуждение умственного труда от физического. На наших глазах в социалистическом обществе происходит процесс все большего взаимопроникновения этих видов труда. Но на данной стадии развития духовные потенции процесса труда еще в значительной мере отчуждены от физического труда, не слились с ним воедино. Слияние произойдет в полной мере в результате коренного преобразования характера труда, улучшения условий труда, сокращения рабочего дня, ликвидации тяжелого физического (и вообще неквалифицированного) труда, повышения культуры че-

ловека, развития техники и науки. Иначе говоря, только на высшей стадии коммунизма в полной мере могут кануть в Лету подобные остаточные явления отчуждения в труде, который станет первой потребностью человека. В коммунистическом труде человек будет развивать свои собственные физические и духовные силы и задатки, и ни в одном атоме этого труда не будет ничего такого, что противоречило бы его человеческой природе.

Далее, социализм уничтожает тот вид отчуждения, который можно назвать *политическим отчуждением*, отчуждением от человека сил и средств управления его жизнью, жизнью общества. Развитие общества в досоциалистических формациях протекало, не подчиняясь сознательному контролю со стороны людей, и в этом смысле отчуждение было всеобщим, относящимся не только к угнетенным, но и к господствующим классам. Но политическое отчуждение в старом обществе находит свое наиболее глубокое проявление в том, что государство враждебно противостоит огромному большинству людей, принадлежащих к эксплуатируемым классам, противостоит как сила, подавляющая их инициативу, волю, стремления. С завоеванием власти рабочим классом и всем трудящимся народом государство как особый орган управления остается, но коренным образом меняется его сущность. Оно перестает быть отчужденной сущностью людей, внешней по отношению к ним силой, выполняющей отнятую у них функцию руководства и управления. Социалистическое государство, как уже говорилось выше, воплощает волю, интересы, стремления всего народа, и потому его деятельность есть деятельность народа, как и деятельность народа есть деятельность государства. В этом смысле — решающем и главном — социалистическое общество также кладет конец отчуждению.

Однако и эту сторону вопроса нужно рассматривать в развитии. Противники социализма говорят нам: вы в социалистических странах призываете людей активнее участвовать в политической жизни, партия не снимает с повестки дня вопроса о вовлечении масс в государственную жизнь. Это свидетельствует о том, что политическое отчуждение масс характерно и для социалистического общества. Такой вывод, в частности, делает тот же Фетчер. Подобная постановка вопроса нашими противниками доказывает прямо противоположное тому, что они

хотят доказать. Партия потому и призывает всех людей активно участвовать в государственном управлении, в экономической, политической, культурной жизни общества, что государство социалистического общества есть не что иное, как *народ, организованный в государство.* Буржуазное государство и буржуазные партии не делают этого, не призывают широкие массы к активной политической жизни по той причине, что государство отчуждено от масс и они не осуществляют функцию политического управления.

Социалистическое государство и Коммунистическая партия действительно ведут борьбу за вовлечение всех людей в управление государством. Но такая деятельность партии и государства объясняется не существованием отчуждения, а тем, что имеются еще пассивные элементы, что иные партийные и государственные организации недостаточно привлекают их к работе, плохо ведут воспитательную работу, тем, наконец, что коммунизм нельзя строить без поголовного участия в государственной жизни всех людей.

Говоря о том, что вопрос о политической форме отчуждения нужно рассматривать диалектически, в развитии, мы имеем в виду, в частности, следующее. При социализме государственные функции еще в значительной мере выполняются специальными людьми, служащими различных государственных органов. В этом заложена возможность отрыва тех или иных звеньев государственного аппарата от насущных нужд людей, возможность бюрократизации этого аппарата, против чего с такой силой предупреждал Ленин, против чего борется партия. Отрыв или малейшая изоляция государственных органов от масс, пренебрежительное отношение к голосу или критике со стороны этих масс, невнимательное отношение к их требованиям и жалобам, волокита и т. п. могут стимулировать и на деле стимулируют «отчужденное сознание» и в этой области. Разумеется, это «отчужденное сознание» имеет глубокие корни в былом отношении к эксплуататорскому государству, когда оно рассматривалось трудящимся человеком как чуждая и всемогущая по отношению к нему сила. Борьба против остатков такого отчужденного сознания и, главное, против того, что способствует их существованию, — одна из самых важных сторон процесса преодоления отчуждения.

Главная магистраль развития социалистического общества — это всестороннее развертывание и совершенствование демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, контроль со стороны масс за деятельностью государства. Ленин в шутливой, «парадоксальной» форме выразил направление, по которому должно пойти и пойдет развитие социалистической государственности. Он говорил, что только тогда, когда каждый сможет стать «бюрократом», т. е. активно выполнять государственные функции, участвовать в жизни государства, исчезнут всякие бюрократы, бюрократы уже без кавычек. Известно, что с перерастанием социализма в коммунизм управление людьми будет заменено управлением вещами. Это значит, что человек в своей деятельности не будет нуждаться ни в каком понукании, ни в каком государственном регулировании. Он будет свободно выполнять общественные обязанности, руководствуясь своими человеческими качествами.

В свете этого понимания развития настоящего и будущего поистине холостым выстрелом является буржуазная критика, указывающая на то, что в социалистическом обществе нет *такого* свободного развития личности и, следовательно, существует отчуждение. Марксизм был бы утопией, а не наукой, если бы он считал, что в обществе, выходящем непосредственно из недр капитализма, возможно уже сразу создать условия для такого развития личности, которое на самом деле требует гигантского развития производства и производительности труда, изменения характера труда, высочайшего развития общественных отношений, преобразования человека, его «сущностных сил», моральных качеств. Социализм есть лишь первая и решающая ступень на этом сложном и длительном пути. Решающая в том смысле, что он создает необходимые предпосылки для перехода на высшую ступень и в значительной степени освобождает человеческую личность от того, что препятствовало ее свободному развитию.

Наконец, социализм очищает почву от того, что служит источником отчуждения в самых сложных и тонких сферах человеческого бытия, что питает различные формы *духовного самоотчуждения* человека. Речь идет о таких формах отчуждения, как религия, извращенная мораль, идеалистический способ мышления, замена челове-

ческих качеств их суррогатами в отношениях между людьми в сфере семьи и др. Преодоление этого отчуждения Маркс называл возвращением человека из религии, семьи (буржуазной) к своему *человеческому* бытию. Это — «возвращение» из фантастического и извращенного мира сознания, где все существует в перевернутом виде, где собственное мышление человека становится мышлением какой-нибудь призрачной сущности, где силы природы превращаются в божественные силы, где сила и мощь человека оборачиваются бессилием. Духовные виды отчуждения, пожалуй, наиболее трудны и стойки, и их преодоление требует особенно много времени и сил. Процесс развития человека нового общества протекает неравномерно. В то время как революция в более прямой и непосредственной форме вызывает изменения в таких областях человеческого бытия, как политическое самосознание, отношение к труду и социалистической собственности и т. п., «верхние этажи» человеческого сознания перестраиваются значительно сложнее и мучительнее. Но плуг революции глубоко перепахивает человеческие отношения и здесь. Все развитие социалистического общества постепенно, но неуклонно формирует новую мораль, новые отношения между мужчиной и женщиной, вытесняет религиозные, фантастические представления о мире, заменяя их научным мировоззрением. Это развитие выковывает человека, сознающего свою силу, понимающего, что все то, что человечество уже совершило и что может быть совершено в нашу эпоху, зависит исключительно от него, от его способностей, неукротимого стремления преобразовать природу и общество ради подлинно человеческой жизни. Это новый характер человека, характер активных борцов, у которых их человеческая сущность не отчуждена и не перенесена на потустороннюю силу, а принадлежит им и которой они распоряжаются в своих собственных интересах.

Эта новая человеческая психология рождается из самого существа коммунистического преобразования мира. В начале настоящей главы уже говорилось, что в значительной мере проблема преодоления отчуждения решается тем, что снимается противоречие между субъектом исторической деятельности и объектом — природой и объективными общественными силами. Это снятие заключается в том, что в процессе преобразования природы

и общества объект перестает быть чуждой субъекту силой, он «очеловечивается» в том смысле, что переделывается человеческим трудом, всей деятельностью людей, и в результатах этой деятельности человек узнает себя — не божественное понятие, как у Гегеля, а свою собственную силу и мощь, продукт приложения своих физических и духовных способностей.

Иначе говоря, сознательно и планомерно изменяя мир, в котором они живут, люди социалистического общества не ждут никаких чудес от какой-либо посторонней для них сущности. Они в повседневном труде убеждаются, что все «в *их* руках», в *их* знаниях, *их* технике, *их* цели, *их* борьбе за достижение этой цели. Из *этого* источника проистекает новая психология человека, психология, не нуждающаяся, например, в религии, т. е. в самоотчуждении личности в боге, ибо сам человек становится «богом» — всемогущим, всесильным, всемудрым и т. п. *Только* в той социальной среде, которая создается новыми общественными формами, развиваются такие человеческие качества.

В силу указанных обстоятельств все качества людей, их отношения между собой выступают и проявляются в своем человеческом виде, а не в виде отчужденных от них сущностей. Противопоставляя коммунистическое общество капиталистическому, где наличие или отсутствие денег позволяет человеку присваивать недостающие ему человеческие качества или, напротив, отнимает присущие ему человеческие качества, Маркс писал:

«Предположи теперь *человека* как *человека* и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной жизни*» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 620.

Наши противники нам говорят: вы исходите из будущего, а не из настоящего, берите современную реальную действительность социалистического общества, и вы увидите, как она непохожа на это будущее, как мечты расходятся с явью (слова того же Фетчера). Бесспорно, то, что сказано выше о преодолении отчуждения в высших сферах человеческого сознания и чувств, еще далеко не достигло своего завершения. Но это *реальный* процесс, который идет уже сегодня и в котором, как плод в цветке, содержится будущее. Это процесс трудный, реализующийся в противоречиях, в борьбе, во взлетах и иногда в движении вспять, но во всем этом сложном развитии явственно видна красная нить главного направления — становления и укрепления новых моральных качеств человека.

Человек с новым, истинно человеческим характером, о котором шла речь выше, стал массовым реальным фактом социалистического общества, и этого не способен увидеть лишь тот, кто ослеплен немалыми еще фактами противоположного порядка. Возьмем тот же пример с властью денег. По деньгам, представляющим собой наиболее яркую форму отчуждения, поскольку они воплощают в себе всеобщее богатство, по их роли и влиянию в обществе больше, чем по чему-либо другому, можно установить ту ступень в развитии человека, которой достиг тот или иной социальный строй.

Экономическое, политическое, духовное отчуждение находит свое выражение и проявление в юридической форме, т. е. в *продаже*, в отчуждении собственности. Наиболее всеобъемлющее развитие эта форма проявления отчуждения получает в капиталистическом обществе. Здесь, как показано еще в «Коммунистическом Манифесте», за деньги продается все: творения природы и рабочая сила, политическая власть и любовь, божественная благодать и человеческая красота, мысль ученого и творчество художника. Все это переплавляется в деньги, которым принадлежит в этом обществе верховное владычество. В буржуазном обществе деньги — идол, которому поклоняются больше, чем богу религии.

При социализме деньги еще существуют, они также и здесь выступают в качестве воплощения всякого всеобще-абстрактного труда. Но тот, кто хоть в малейшей степени стремится к истине, не может сказать, что в

современном социалистическом обществе они представляют собой самоотчуждение человеческой сущности, что за деньги здесь можно приобрести власть, получить голоса на выборах, с помощью денег уродливую мораль превращать в высокочеловеческую мораль, уродство — в красоту, нелюбовь — в любовь и т. п. Разумеется, мы говорим о господствующей действительности, а не об исключениях, вероятно и немалых. В этом смысле современное капиталистическое общество столь же архаично в сравнении с социалистическим, как ручная прялка в сравнении с кибернетической машиной. Но ведь социалистическое общество находится в беспрерывном движении, в нем совершаются процессы, в ходе которых то, что сейчас существует как зерно, как зародыш нового, неизбежно развивается, а то, что принадлежит прошлому, но еще имеет место, превращается в атавизм.

Таким образом, социализм и в преодолении духовного отчуждения человека означает гигантский шаг вперед, ибо социализм есть первый этап того, выражаясь словами Маркса, полного возрождения человека, которое будет достигнуто на высшем этапе коммунистического общества. Именно так обстоит дело с проблемой ликвидации отчуждения во всех его разновидностях при социализме, а не так, как изображают его враги социализма или как им этого хотелось бы. В одной из ранних своих работ Маркс, вставший уже на путь социализма, заметил, что религия есть иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека лишь до тех пор, пока «он не начинает двигаться вокруг себя самого»[1]. Отчуждение далеко не иллюзорная вещь, но оно действительно начинает исчезать лишь с тех пор, когда человек начинает «двигаться вокруг себя», когда он становится *самоцелью развития*. С уничтожением капиталистического общества, как доказал Маркс и как это подтверждается сейчас уже на практике, происходит этот решающий поворот в движении человека и человеческого общества, что бы там ни говорили разные защитники буржуазного общества, отстаивающие его откровенно или с помощью хитроумной интерпретации «раннего Маркса».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 415.

Часть вторая

ДИАЛЕКТИКА ДВИЖЕНИЯ МЫСЛИ И ЕЕ ФОРМ К ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ

●

Глава седьмая

Логика исследования сущности объекта. Категории видимости, сущности и явления

В предыдущих главах Марксово исследование диалектики было рассмотрено преимущественно под углом зрения анализа самого *объективного* развития и его законов. Однако всюду, где это было возможно и необходимо, мы стремились показать, что для Маркса законы и принципы диалектики представляют собой сплав «онтологического» и гносеологического (логического) разрезов. Все же главный упор делался на диалектику самодвижения *предмета*, т. е. капиталистического способа производства. Настоящая, вторая, часть работы посвящается преимущественно изучению того, какова в «Капитале» диалектика процесса познания в целом, каковы логические способы исследования, как строится *система* экономических законов и категорий, воспроизводящая капитал в качестве сложной системы общественного производства, обмена и распределения. При этом окажется, что и тогда, когда мы рассматриваем «Капитал» под этим углом зрения, всегда и всюду снова выступает единство указанных выше разрезов материалистической диалектики, ибо логика движения познающей мысли не может в общем и целом не совпадать с объективной логикой движения самого исследуемого предмета. Поэтому если бы исследование того, как строится в «Капитале» процесс познания, производилось независимо от того, как Маркс понимает объективную диалектику движения объекта, то это противоречило бы самому духу «Капитала». Все различие сводится в конце концов к акценту, который мы делаем при изучении той или другой стороны

«Капитала». Во второй части этой работы акцент делается главным образом на *логике движения мысли* в процессе познания такого сложного, многогранного объекта, каким является капиталистический способ производства. Значение этой стороны Марксова произведения трудно переоценить, поскольку в ней с особой силой выражена материалистическая диалектика как логика и теория познания.

1

Упоминавшийся уже нами немецкий экономист Вальтер Эйкен в своей книге об основах национальной экономии, в которой по замыслу должен быть совершен чуть ли не переворот в методологии политической экономии, заявляет о существовании «великой антиномии», ставящей процессу познания экономической жизни общества и вообще всякому познанию труднопреодолимые препятствия. Эта антиномия заключается в глубоком противоречии между повседневным опытом и теорией, долженствующей обобщить и осмыслить этот опыт. Таким образом, проблема познания чрезвычайно двойственна: без опыта и наблюдений невозможно обойтись, но теория, «мыслительная модель» действительности, имеет тенденцию отходить от жизни.

Трудность, по Эйкену, состоит еще в том, что экономика, экономическая жизнь, как он выражается, конкретна, многообразна, индивидуальна, а теория по необходимости имеет дело с общим, устойчивым, «инвариантным». Снова и снова повторяется идея, от которой буржуазной мысли, по-видимому, так и не удастся отделаться, что в природе существует повторяемость, а в истории, в том числе экономической, ее нет, здесь все зыбко, здесь отсутствуют инварианты. Отсюда и проистекает «великая антиномия» между различными способами исследования — антиномии между историческим и теоретическим, конкретным и абстрактным, синтезом и анализом, индукцией и дедукцией. «Исторический характер проблемы (т. е. то обстоятельство, что экономика исторична, различна в разных странах и в разное время. — *М. Р.*), — пишет он, — требует *наблюдения, интуиции, синтеза, понимания, проникновения в индивидуальную*

жизнь; между тем как общетеоретический характер проблемы требует *рационального мышления, анализа, работы с мыслительными моделями.* Здесь — жизнь, там — рацио» [1].

Как же преодолеть эту «великую антиномию»? Эйкен дает обзор различных экономических систем, но ничто его не удовлетворяет. Заслуга старых классических экономистов в том, что они открыли связь экономических явлений. Но они не видели еще указанной антиномии во всей ее полноте. В этом их слабость. Они искали общие естественные законы независимо от конкретных стран и времен и нашли их (законы конкуренции). У них-де была дистанция между теорией и реальной сложной действительностью. Например, уже в их время существовала монополия, но они не обращали на нее внимания. Поэтому их теория была «доктринерской» и не отражала многообразия жизни.

Эйкен уловил действительную слабость Смита и Рикардо, в самом деле не видевших всей сложности той проблемы, не выдуманной, а реальной, которую он назвал несколько напыщенно «великой антиномией». Но критика старых экономистов направлена у него не на исправление слабости, а на усугубление ее, как это будет видно в дальнейшем.

Далее он критикует другие, в частности эмпирические, концепции, противопоставляет им чисто теоретические системы, которые, на его взгляд, есть «фата-моргана», так как они стремятся втиснуть живой, конкретный материал в общие схемы и потому также не разрешают антиномии наблюдения и рацио. Наконец, Эйкен называет концепцию, пытающуюся исторически определенные экономические системы выразить путем выделения их в особые ступени или «стили», например ступень капитализма. К этой концепции он относит и Маркса. Однако и это не устраивает Эйкена, так как-де понятие «капитализм» не может обобщить такие разнообразные живые системы, как экономика США, Германии, Англии и пр. Недостаток этих теорий он усматривает в том же, чем грешил «реализм понятий».

«Критика» Маркса основывается на полном непонимании «Капитала» и его метода познания, метода, поз-

---

[1] *W. Eucken.* Die Grundlagen der Nationalökonomie, S. 8.

волившего действительно разрешить противоречия познания, ту самую «великую антиномию», о которой говорит Эйкен, но к которой он даже не способен хоть в малейшей степени правильно подойти. Его попытку решения «антиномии» мы специально рассмотрим в одной из следующих глав, и там мы увидим, что предлагаемые им метод и принципы построения моделей различных экономических систем имеют своим источником абсолютное непонимание действительного взаимоотношения конкретного и абстрактного, явления и сущности, опытного и теоретического.

Тем не менее следует сказать, что сама постановка вопроса об антиномии или, проще говоря, о противоречиях познания, на которые последнее наталкивается с первых же шагов, ненадуманна. Проблема эта проходит через всю историю философии, порождая все новые и новые подходы, различные истолкования и решения. Но в последовательно научной форме ее можно было решить только на основе диалектического материализма, на основе материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания.

Все философы, рассуждавшие об этой проблеме и пытавшиеся ее по-своему решить, так или иначе видели противоречия познания, но в силу ли метафизического своего подхода, в силу ли идеалистического характера своих взглядов не могли справиться с этими противоречиями. Без диалектики, притом диалектики материалистической, справиться с ними и невозможно было. Это лишний раз подчеркивает значение ленинских слов о том, как важно брать диалектический закон противоречий как закон не только бытия, но и познания. Но все дело в том, что указанные противоречия — это не только противоречия познания, но прежде всего противоречия самой действительности и потому они могут быть познаны и разрешены в процессе движения мысли лишь путем анализа противоречий реальной жизни. Отсутствие *такого подхода* к проблеме стало роковым для всех домарксовских систем познания, которые, разумеется, не были просто историческими «недоносками» в философии, а своими поисками подготовляли научное решение, но все же не дали его.

Противоречия познания выступают прежде всего той своей стороной, которая находит выражение в катего-

риях *сущности и явления*. Какое значение придавал им Маркс вообще и в методе исследования капитала в частности, видно из слов его о том, что «... если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» [1]. Процесс познания есть процесс преодоления этого противоречия между сущностью и явлением, преодоления, разумеется, не в том смысле, что вообще могут исчезнуть противоречия между ними как в реальности, так и в сознании, а лишь в том, что познание должно за явлениями обнаружить их сущность, понять, осознать существенное в явлениях. Процесс этот чрезвычайно сложен и диалектичен, и для понимания этой диалектики «Капитал» представляет собой явление исключительное по причине, о которой дальше будет сказано.

Для Маркса критерием различения классической, т. е. научной буржуазной политической экономии, и вульгарной политической экономии служит отношение той и другой к этой проблеме. «...Под классической политической экономией, — пишет Маркс в первом томе «Капитала», — я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа» [2].

Маркс видит слабость представителей классической политической экономии в том, что они хотя и стремились познать внутренние зависимости, сущность отношений производства, но не были последовательны в этом, нередко смешивали сущность с внешними формами ее проявления или, напротив, резко разграничивали их, не видя их связи. Маркс, например, упрекал Смита за смешение познания сущности с познанием внешних, поверхностных связей и явлений. Маркс видел теоретический

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 91.

корень многих ошибок Рикардо в неумении связать сущность вещей с их внешними формами проявления. Но дело здесь не только в теоретической слабости. Маркс неоднократно подчеркивает классовые корни неспособности буржуазных экономистов понять взаимоотношение скрытой основы вещей и внешних форм ее проявления. Он говорит о политической экономии Смита и Рикардо, что нередко она подходит близко к пониманию сущности вещей, но не формулирует ее сознательно. Этого она и не могла сделать, «не сбросив своей буржуазной кожи».

Как же Маркс решает эти вопросы в «Капитале»?

2

Сущность, внутренние связи не лежат на поверхности явлений, внутреннее и внешнее, сущность вещей и формы ее проявления непосредственно не совпадают. Этот важный факт непосредственного несовпадения сущности и явления одни идеалисты используют для того, чтобы объявить мир вещей «ненастоящим» и «подставить» под него «настоящий» мир — мир идей, бога. Другие идеалисты эксплуатируют это несовпадение с целью отрицания всяких объективных законов, лежащих в основе явлений, и выдают видимость, случайность за единственную «реальность». Особенно в этом направлении усердствует современная идеалистическая гносеология.

Научное познание, исходя из факта непосредственного несовпадения сущности и явления, видит свою задачу в том, чтобы за внешними явлениями обнаружить их сущность, т. е. то главное, что характеризует явления, и показать, как сущность проявляется на поверхности вещей. «... Задача науки, — пишет Маркс в «Капитале», — заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» [1]

Эту задачу Маркс решил в применении к анализу капиталистического способа производства, и потому в «Капитале» мы имеем массу ценных методологических указаний по вопросу о сущности и явлении. Большое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 343.

внимание Маркса к этому вопросу объясняется еще и тем, что ни в какой другой общественной формации нет такого резкого несовпадения, такой противоположности между сущностью экономических отношений и внешними формами ее проявления, как при капитализме. В рабовладельческом обществе, например, отношения между рабовладельцем и рабом ничем не завуалированы: раб принадлежит своему владельцу как вещь, с которой он может делать, что ему заблагорассудится. Правда, и при рабском труде имеет место ложная видимость. Например, кажется, что даже та часть рабочего времени, которая идет на восстановление работоспособности раба, является трудом на рабовладельца.

При барщинном труде в феодальном обществе рабочее время крестьянина самым осязаемым образом делится на труд на помещика и на труд для нужд крестьянина. Здесь общественные отношения выступают также в своей собственной форме, а не облекаются, как говорит Маркс, в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда, как при капитализме.

Говоря о будущем коммунистическом обществе, Маркс приходит к выводу, что общественные отношения людей становятся здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Не то в капиталистическом обществе. Там господствует товарный фетишизм. Общественные отношения между людьми выступают как отношения между вещами. Маркс указывает, что, для того чтобы найти аналогию искаженной видимости действительных общественных отношений при товарном производстве, нужно было бы забраться в туманные области религиозного мира. Подобно тому как верующие люди превращают плоды собственного воображения в существа, живущие самостоятельной жизнью и господствующие над их изобретателями, в товарном мире одухотворяются вещи, создаваемые трудом людей. В вещах и посредством вещей проявляется общественный характер труда, величина этого труда, отношения между людьми. Вещи подобно богам религии господствуют над людьми. Стоимость, говорит Маркс, превращает каждый продукт труда в таинственный общественный иероглиф. Деньги не раскрывают, а скрывают общественный характер частных работ товаропроизводителей. При этом, как подчеркивает

Маркс, раскрытие действительной сущности товарного производства объясняет, но не рассеивает вещной видимости общественного характера труда, ибо эта видимость, весь вещный фетишизм вытекают из самой природы товарного производства, являются его необходимым объективным моментом.

Маркс ярко показывает процесс фетишизации существенных связей производства прибавочной стоимости по мере перехода из сферы производства в сферу обращения, по мере распадения прибавочной стоимости на особые ее формы — торговую прибыль, ренту, процент.

В сфере производства, говорит Маркс, дело обстоит еще сравнительно просто. О капитале, поскольку он рассматривается в процессе производства, остается более или менее ясное представление, что это орудие, дающее возможность поживиться чужим трудом. «Считается ли это «справедливым» или «несправедливым», обоснованным или необоснованным, — здесь всегда предполагается и подразумевается отношение капиталиста к рабочему» [1].

Но уже здесь внутренние связи, сущность явлений затемнены. Стоимость рабочей силы на поверхности явлений выступает как «стоимость труда», действительный источник прибавочной стоимости скрыт, затушеван. Если при рабовладельческом строе создается впечатление, что весь труд раба присваивается рабовладельцем, то при капитализме заработная плата создает видимость того, что даже неоплаченная часть труда рабочего оплачивается.

Еще туманнее становится сущность капитала при переходе из внутренней сферы производства на поверхность обращения. Процесс обращения, говорит Маркс, уже стирает, затушевывает связь. Здесь существенные отношения выступают в таком виде, что источником прибыли кажется «всеобщее надувательство». В сфере обращения «... из своей, так сказать, внутренней органической жизни он (капитал. — *М. Р.*) вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время перекрещиваются на своем пути,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 472.

и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяют прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством таких отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью... так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью» [1].

На поверхности явлений прибавочная стоимость принимает форму прибыли. Так как прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, то происхождение и тайна ее бытия затемнены и сглажены. Кажется, что прибыль происходит от «сокровенных свойств» самого капитала. Но при анализе превращения прибавочной стоимости в прибыль лишь норма прибавочной стоимости и норма прибыли в числовом выражении отличаются друг от друга.

Образование цен производства, превращение стоимости в цену производства означают дальнейшую мистификацию сущности капиталистических отношений. При образовании средней нормы прибыли возникает различие в числовом выражении уже не только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, но и между самими прибавочной стоимостью и прибылью. Товары продаются уже не соответственно той стоимости, которая произведена на данном предприятии, в данной отрасли производства, а соответственно издержкам производства плюс средняя прибыль. Теперь только случайно, говорит Маркс, прибавочная стоимость, следовательно, и прибыль, действительно произведенная в той или иной отрасли производства, совпадают с прибылью, содержащейся в продажной цене товара.

«Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не толь-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 51.

ко для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочего. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости» [1].

Образование цен производства есть результат конкуренции. Конкуренция искажает сущность вещей, ставя все на голову. Она скрывает тот факт, что за ценами производства стоит стоимость, закон стоимости, определяющий в конечном счете все движения. Конкуренция делает среднюю прибыль независимой от различного органического строения капитала в разных отраслях производства, следовательно, и от роли живого труда в производстве прибавочной стоимости. Конкуренция обнаруживает, что повышение или понижение заработной платы имеет своим следствием изменение цены производства, т. е. явление на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров. Она, далее, сводит колебание рыночных цен за данный период не к рыночной стоимости, а к весьма отличной от нее цене производства.

В итоге Маркс так оценивает роль конкуренции в извращении сущности капиталистических отношений: «*Таким образом в конкуренции все проявляется в искаженном виде.* Тот сложившийся уже вид экономических отношений, который выступает на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых пытаются уяснить себе эти отношения их носители и агенты, весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию» [2].

Еще больше мистифицируется сущность добывания прибавочной стоимости, прибыли, когда прибавочная стоимость расщепляется на свои особые формы — ренту, процент и т. п. Рента кажется природным свойством земли приносить своему владельцу доход. Процент кажется также результатом чудодейственных свойств капитала. Маркс указывает, что в проценте процесс фетишизации капитала достигает высшей и законченной формы. Ка-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 183.
[2] Там же, стр. 228.

питал, приносящий проценты, говорит он, есть мать всех нелепо извращенных форм. В форме «капитал — процент» капитал сводится к необъяснимой из себя самой и абсурдной формуле.

В третьем томе «Капитала» в главе «Триединая формула» Маркс показывает, что формула, посредством которой буржуазная политическая экономия теоретически узаконивает всю бессмыслицу господствующей на поверхности явлений вещной видимости, гласит: капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата. В этой формуле связь внешних явлений с их основой — производством прибавочной стоимости — «окончательно разрывается, и ее источники совершенно маскируются именно взаимным обособлением отношений производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства» [1].

Эта формула приобрела всеобщее значение в буржуазной политической экономии потому, подчеркивает Маркс, что она возводит в догму естественную необходимость капитализма.

Чтобы понять этот процесс фетишизации в его самых глубоких основах, Маркс и формирует то понятие «отчужденной формы», о которой было упомянуто в предыдущей главе. Дело обстоит не так, что фетишизм капиталистических отношений есть лишь субъективная иллюзия, скрывающая от взора наблюдателей сущность явлений, действительные отношения капиталистического способа производства. Маркс критикует английского экономиста Годскина, полагавшего, что фетишизм есть «чисто субъективная иллюзия», за которой скрываются мошенничество и интересы эксплуатирующих классов. «Он не видит того, — пишет Маркс, — как этот способ представления (т. е. фетишистский способ. — *М. Р.*) проистекает из самого реального отношения, не видит, что не последнее есть выражение первого, а наоборот» [2].

Глубочайшая основа фетишизма состоит, как показывает Маркс, в том, что развитие противоречий товара, денег, капитала и пр. приводит к *отчуждению* форм, отчуждению не в сознании, а в *реальном движении капитала,* составляющем действительную сущность буржуаз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 397—398.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 307.

ных отношений. Это отчуждение состоит в том, что различные формы движения товара и капитала становятся *самостоятельными* по отношению к основе, сущности, их породившей. Чем более развитыми и глубокими становятся противоречия товарного и особенно капиталистического производства, тем более отчужденный характер приобретают формы их движения. Это важно подчеркнуть, ибо процесс роста отчуждения форм проявления сущностных отношений капитала обусловливает и соответствующую *логику движения анализа,* раскрывающего за этими отчужденными формами их причину и основание.

Проследим кратко, как за обрисованным выше процессом все большей фетишизации отношений обнаруживается именно развитие отчуждения форм реального движения производства, обмена и обращения, имеющего, повторяем, своей самой глубокой основой рост противоречий. Маркс прежде всего указывает на то, что приобретение *«самостоятельности меновой стоимостью* товара в деньгах» есть прямой результат «развития содержащихся в товаре противоречий потребительной стоимости и меновой стоимости», а также противоречия частного и общественного труда. Деньги становятся самостоятельной, отчужденной формой стоимости и абстрактного, общественного труда. Сам труд, который по своему существу есть общественный труд, выступает «как отчужденный индивидуальный труд» [1].

Развитие противоречий товара и денег, образование капитала со свойственными ему противоречиями имеет своим следствием дальнейшее отчуждение форм движения. Еще более самостоятельной и отчужденной формой движения становится капитал. «В капитале... — замечает Маркс, — приобретение стоимостью самостоятельности выступает в гораздо большей степени, чем в деньгах» [2]. Стоимость в форме капитала способна порождать самовозрастающую стоимость, приносить прибыль. «Именно в этой совершенно отчужденной форме прибыли и в той мере, в какой форма прибыли прячет свое внутреннее ядро (т. е. прибавочную стоимость. — *М. Р.*), капитал все больше и больше приобретает вещный облик, все

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 132.
[2] Там же, стр. 133.

больше из отношения превращается в вещь, но в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо» [1].

Особые виды прибыли, каковы рента, торговый капитал, процент, представляют собой формы, еще более отчужденные и превратившиеся в самостоятельные сущности. Особенно это относится к проценту. Капитал, приносящий проценты, представляется в наиболее отчужденной форме. Процент, по словам Маркса, «резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта» [2].

Развитие отчуждения форм движения капитала находит свое высшее выражение (если брать не отдельные его формы, а капиталистический способ производства в целом, результат движения этого способа) в том, что он создает общественное производство, противоречащее частнособственнической природе капитала. Но, как отмечает Маркс, это общественное производство существует «в отчужденной форме», т. е. в форме капиталистического производства [3].

Процесс отчуждения указанных форм делает особенно сложным и трудным для познания противоречие сущности и явления. Марксу пришлось вести ожесточенную борьбу против вульгарных экономистов, которые, как он сам пишет, имея дело «с отчужденной формой проявления экономических отношений...» [4], чувствовали себя в них «как дома». Марксова борьба против них имеет и сегодня актуальное значение, поскольку современные вульгарные экономисты в той же мере чувствуют себя «как дома» в этих отчужденных формах. Если взять учебник Самуэльсона, то мы увидим, что в нем фигурирует та же вульгарная формула о капитале, земле и труде как источниках прибыли. Автор говорит о четырех видах прибыли: 1) безусловной, которую получают владельцы предприятий за участие «факторов производства»,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 507.
[2] Там же, стр. 519.
[3] См. там же, стр. 327.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 383.

2) прибыли, получаемой от технических нововведений, 3) прибыли за риск и неопределенность и 4) монопольной прибыли. Но тщетно было бы искать ответ на вопрос, из какого действительного источника проистекает обогащение капиталистов.

В современных буржуазных теориях для затушевывания сущности капитала особенно используется его государственно-монополистическая форма, которая якобы чуть ли не тождественна социалистической государственной собственности. Используется в этих же целях и факт покупки акций некоторой частью трудящихся и т. п. Одним словом, вульгарная экономия верна себе, подыскивая новые средства и приемы перевертывания на голову реальных капиталистических отношений.

Итак, капиталистический строй представляет собой наиболее сложный и запутанный объект с точки зрения исследования внутренней сущности и внешних форм ее проявления. Не случайно поэтому в «Капитале», в котором вся эта кажущаяся неразбериха и бессмыслица была разъяснена и внешняя видимость явлений сведена к их действительной сущности, философская проблема сущности и явления получила свое блестящее решение с позиций диалектического материализма.

3

Под категорией *сущности* Маркс понимает внутреннее в противоположность внешним его формам, обобщаемым в категории *явления*. Он пользуется многими и разнообразными терминами для того, чтобы передать смысл этих категорий. Так, видя задачу познания в том, чтобы за явлениями вскрыть их сущность, он последнюю определяет через термин «внутреннее движение». Найти, обнаружить сущность — значит исследовать внутреннее движение объекта. Сущность — это тождественный элемент в массе единичных явлений, «устойчивое отношение» в том, что быстро изменяется или имеет беспокойную форму. Говоря о стоимости как сущности массы актов товарного обмена, Маркс пишет, что «разнородные вещи должны рассматриваться как соответственные выражения *одного и того же общего им всем единого элемента*», притом под этим единым элементом он подразу-

мевает важный внутренний, решающий элемент, который должен отличаться от «внешнего вида» [1].

Сущность Маркс часто определяет как субстанцию вещи. Например, субстанцией стоимости товаров является одно-единое начало в них — труд, абстрактный общественный труд. Категория сущности есть поэтому синоним «единого» в многообразии вещей. Стоимость выступает в качестве такого единого, следовательно, сущности цен [2]. Чаще всего Маркс категорию сущности определяет словами о «внутренней связи» явлений, внутренней «физиологии» экономических отношений, нередко он употребляет термины «скрытая структура» явлений, «внутренняя организация» их [3].

Категория явления у Маркса отображает внешнее выражение сущности объектов. В противовес «внутреннему движению» явлением он называет внешнее движение, видимое движение, «проявляющиеся внешним образом жизненные формы... общества» [4] и т. п. Явление, далее, обозначается им как «внешняя форма» выражения существенного в вещах. Если сущность рассматривается как устойчивое, то явление, напротив, как неустойчивое, колеблющееся, изменчивое. Маркс это показывает на примере цены, колеблющейся вокруг стоимости и дающей множество выражений одной и той же стоимости.

Понятие «явление» фигурирует у Маркса в двояком плане. Используя соответствующий подход Гегеля к этому вопросу, он по существу различает категории *видимости* или *кажимости* и собственно явления. Категория видимости воспроизводит объект, как он непосредственно предстает перед взором исследователя и, как говорит само это слово, включает в себя субъективный элемент: вещь *кажется* такой-то, *видится* так-то. Гегель называл видимость ближайшей истиной бытия или непосредственности. Так, Маркс говорит, что благодаря форме заработной платы «неизбежно кажется», что неоплаченная часть труда рабочего возникает не из труда, а из капитала, притом капитала в целом, а не из его переменной части [5].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 129.
[2] См. там же, стр. 145—146.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.
[4] Там же, стр. 178.
[5] См. письмо Маркса к Энгельсу от 30 апреля 1868 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 60.

Только сведéние заработной платы к ее сущности позволяет понять эту внешнюю форму, и тогда она выступает как проявление сущности. Категория явления есть поэтому более высокая ступень познания, чем категория видимости, ибо первая фиксирует познание внешней формы как проявления и выражения сущности вещи. Явление освобождается от субъективных элементов, проступающих в видимости, кажимости. Гегель поэтому определял явление как существенную видимость. В том же письме к Энгельсу, характеризуя эту более высокую ступень познания, Маркс писал: «Кажущийся процесс находит свое объяснение» [1].

Следует при этом заметить, что чаще всего Маркс (как и Энгельс, а также Ленин) не разграничивает строго категории видимости и явления в своем словоупотреблении и пользуется преимущественно термином «явление» или «внешняя форма проявления» для обозначения смысла той и другой категории.

Важными свойствами, характеризующими сущность и явление, внутреннее и внешнее, Маркс считает то, что сущность выражает явления, предметы в их необходимости, очищенной, так сказать, от случайности, в то время как явление, внешняя форма проявления всегда так или иначе включает в себя момент случайного, не необходимого. Так, стоимость в качестве сущности товара выражает затраты количества труда, общественно необходимого для его производства, цена же в качестве внешнего проявления стоимости всегда подвержена влиянию всевозможных случайных обстоятельств.

Различая сущность и явление, внутреннее и внешнее, закон и явление [2] и подчеркивая их действительную антиномичность, противоречивость, Маркс преодолевает характерное для буржуазного мышления метафизическое их противопоставление и не видит ни грана того трагизма для познания, которым наделяют «великую антиномию» сущности и явления представители этого мышления. Только при *рассудочном* подходе к этим категориям (мы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 64.

[2] Хотя Маркс иногда берет категории закона и сущности как синонимы, он их все же различает. Категория сущности у него соотносительна с категорией явления и выполняет функцию отображения внутреннего в противоположность внешнему, что, конечно, не исчерпывает понятия закона.

понимаем под таким подходом разделение сущности и явления в качестве самостоятельных сторон объекта и соответственно резкое разделение категорий) возникает неразрешимая коллизия. Эта коллизия ярко проявилась в методе Смита. Маркс показывает, что у него два ряда (существенные отношения и отношения, как они проявляются вовне) движутся параллельно, не пересекаясь. Причину этого Маркс видит именно в преобладании рассудочного мышления, которое способно лишь, как он выражается, «каталогизировать», подводить под «схематизирующие определения» то, что проявляется наружу, и резюмировать это в «рассудочных понятиях» [1].

Для диалектического, или, как говорил Гегель, разумного, мышления сущность и явления — нерасторжимые противоположности единого, взаимопроникающие стороны целого. «Великая антиномия» возникает лишь тогда, когда понятия, скажем, экономические понятия стоимости, прибавочной стоимости и пр., воспроизводящие сущность вещей, рассматриваются как тощие определения, в которых исчезает все богатство единичного, конкретного, живого многообразия явлений. Тогда действительно возникает пропасть между явлениями и сущностью, тогда можно прийти к заключению, что сущность таинственным и непостижимым образом насильно (как понятие!) диктует все движение явлениям. При таком понимании понятия действительно могут казаться фикциями, чисто мыслительными моделями, ничего общего не имеющими с действительностью, существующей в живой плоти и крови конкретных и живых явлений.

Определение сущности через посредство соответствующих категорий и понятий на самом деле не отделяет живого мира явлений от их сущности, а сближает. Сближает в том смысле, что только таким путем познаются явления в их существенности, лишь таким образом осуществляется *научное* познание. Сущность, отображенная в понятии, есть не отдаление от живого многообразия явлений, а конденсация их самого главного, притом конденсация в соответствии с реальной действительностью, а не с «реализмом понятий».

«Рассудочное» познание, разделяя то, что в действительности неразрывно связано (хотя стороны этой связи

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 177—178.

и представляют собой противоположности), останавливается затем в бессилии перед результатом собственной деятельности. Так, заслуга Канта состояла в том, что он со всей остротой поставил проблему сущности и явления, показав, что сущность вещей может быть схвачена лишь с помощью категорий, значение которых для познания он всячески подчеркивал. Но рассудочное, схематизирующее мышление разрывало живую нить, делающую эти противоположности едиными; и все попытки как-то перебросить мост через то, что их делает противоположностями, кончались крахом. Для диалектического мышления сущность и явление не два особых мира, а один мир, но мир противоречивый, где противоположности взаимопроникают друг друга, переходят одна в другую, составляя живое целое. Диалектическое мышление не отбрасывает рассудок с его важной и существенной для познания способностью разделять и каталогизировать, но рассматривает его работу лишь как подготовительную ступень для синтеза противоположностей воедино. В движении противоречий самой действительности и разрешении их и состоит основа разрешения антиномии сущности и явления в процессе познания. Явления выражают сущность, сущность проявляется в определенных внешних формах, в этом простом положении и заключено разрешение антиномии этих противоположностей.

Сущность и явление — две стороны одной и той же объективной реальности, ее внутренняя и внешняя стороны, законы реального мира и формы проявления этих законов. Стоимость и цена в качестве сущности и явления существуют не независимо друг от друга, хотя как противоположности они обладают известной относительной самостоятельностью. Эта последняя и вводит в заблуждение рассудочное мышление, которое абсолютизирует ее. Стоимость товара и его цена не существуют вне товара и помимо товара. Стоимость есть овеществленный в товаре труд. На поверхности, внешне, стоимость проявляется в форме цены. В этом их единство, связь. Различие между ними заключается в том, что, познавая стоимость, мы находим ту сторону товара, его субстанцию, которая определяет его цену и без обнаружения которой цена превращается в факт иррациональный, неясный, ибо она есть проявление стоимости.

Структура объекта, его связи с другими объектами обусловливают и диалектический ход познания. Видимость, внешнее должны быть сведены к сущности, внутреннему — такова основная задача научного познания. Познание движется от явления (или, точнее, видимости явлений) к сущности, так как последняя может быть познана лишь путем исследования того, что дано на поверхности. Маркс начинает свой анализ стоимости с формы ее проявления — меновой стоимости, ибо она дана непосредственно. Мы, указывает он, «исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости» [1]. Это не значит, что всегда и во всем нужно анализ начинать с внешней формы проявления. На этой ступени рассмотрения вопроса мы несколько упрощаем Марксов подход. Скажем, деньги даны на поверхности явлений до стоимости, для которой они служат формой выражения и проявления. Однако известно, что Маркс рассматривает деньги *после* анализа категории стоимости. Но эта сторона вопроса может быть рассмотрена позже. Во всяком случае это не отменяет общего закона познания, согласно которому познание начинается с внешнего, с видимости объектов. Задача состоит в том, чтобы свести непосредственно данное к его сущности.

Только сведéние явления к его сущности позволяет раскрыть предмет в его необходимости и тем самым снять, разрешить в познании антиномию, противоречие между сущностью и явлением. Забегая несколько вперед, скажем, что это лишь первый — очень существенный, но все же первый — шаг по пути преодоления указанного противоречия. За ним последует второй не менее важный шаг — исследование того, как сущность реализуется в явлениях, шаг или этап, который на основе критерия практики полностью разрешит это противоречие.

О значении для познания движения мысли от форм проявления к сущности Маркс неоднократно говорит в своем произведении. Показывая различие форм проявлений и скрытой за ними сущности, основы, он пишет: «Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая (т. е. основа

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 56.

явлений. — *М. Р.*) может быть раскрыта лишь научным исследованием» [1]. Говоря, например, об анализе конкуренции, Маркс указывает, что «научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение» [2].

Поэтому видимость, явление и сущность в теории познания диалектического материализма выступают как понятия, выражающие ступеньки углубления познания. Маркс говорит, что для познания, например, скрытой основы, тайны заработной платы всемирной истории потребовалось много времени. Но когда уже познана основа заработной платы, то нет ничего легче, как понять необходимость этой формы проявления.

Именно этими кратко очерченными положениями руководствуется Маркс в «Капитале», раскрывая сущность капиталистических отношений, научно анализируя скрытую основу процессов, происходящих на поверхности буржуазного общества.

В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс указывает, что домарксовская буржуазная политическая экономия потерпела крушение, не сумев объяснить прибавочную стоимость. Как раз на этом коренном вопросе политической экономии капитализма особенно ясно можно увидеть неспособность буржуазных экономистов исследовать сущность явлений и мощь Марксова анализа, проникшего в самые глубины процессов, происходящих на поверхности.

Одним из вопросов, о которые разбилась старая политическая экономия, не сумевшая решить проблемы прибавочной стоимости, был, как указывал Энгельс, вопрос о так называемой «стоимости труда». Вопрос стоял так. Стоимость создается трудом, она есть овеществленный труд. Но и сам труд рабочего имеет стоимость. Однако стоимость труда рабочего всегда меньше стоимости продукта, который произведен живым трудом. Получается заколдованный круг, и становится совершенно неясным, откуда же возникает прибавочная стоимость. В таком

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 552.
[2] Там же, стр. 326—327.

понимании, заключает Энгельс, вопрос действительно неразрешим.

Маркс в первом томе «Капитала» показал, в чем теоретический источник этой путаницы. Только на поверхности буржуазного общества, говорит он, плата рабочего представляется в виде цены труда, в виде определенного количества денег, уплачиваемых за определенное количество труда. Но если бы дело обстояло так, то или закон стоимости оказался бы ложным, или было бы невозможным существование способа производства, основывающегося на наемном труде. Если бы рабочий получал стоимость своего труда, то невозможно было бы создание прибавочной стоимости. Если в целях объяснения происхождения прибавочной стоимости исходить из того, что рабочий получает меньше стоимости своего труда, то в этом случае нарушается закон стоимости.

Почему же классическая политическая экономия не сумела разрешить этого противоречия? Маркс дает ясный ответ на этот вопрос, указывая, что она без всякой критики позаимствовала из обыденной жизни категорию «цена труда». Однако, взяв с поверхности явлений эту категорию, представители буржуазной политической экономии не только сами запутались в неразрешимых противоречиях, но в то же время дали «прочный операционный базис для пошлостей вульгарной политической экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений» [1].

Только Маркс сумел сквозь запутанный лабиринт обманчивых явлений добраться до действительной сущности прибавочной стоимости. Маркс показал, что то, что буржуазная политическая экономия называет стоимостью труда, есть на самом деле стоимость рабочей силы. Вскрыв действительную сущность явлений, Маркс одним ударом разрубил гордиев узел проблемы прибавочной стоимости.

Следует вместе с тем отметить, что Маркс не ограничивается исследованием сущности, внутренней основы явлений. Он показывает также, почему сущность принимает такую обманчивую форму. Например, о таких явлениях, как «стоимость труда», «стоимость земли» и т. п., он говорит, что такие мнимые формы проявления возни-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 549.

кают из капиталистических производственных отношений. «Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии» [1].

Заработная плата, например, скрывает действительные отношения между рабочими и капиталистами. Установив, что оплачивается стоимость рабочей силы, а не труд, Маркс не отбрасывает категорию заработной платы как категорию, затушевывающую реальное положение вещей. Наоборот, Маркс показывает, почему реальные, скрытые от непосредственного взора отношения принимают форму заработной платы, почему стоимость рабочей силы приобретает превращенную форму заработной платы. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, — говорит Маркс, — покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» [2].

Маркс перечисляет ряд причин, которые делают необходимым явление заработной платы как иррациональное выражение для стоимости рабочей силы. Одна из них состоит в том, что обмен между капиталом и трудом воспринимается так же, как простая купля-продажа любого другого товара. Далее, рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд, и поэтому заработная плата кажется оплатой всего его труда. Сам рабочий воспринимает дело так, будто та плата, которую он получает, есть плата за весь его труд; это усугубляется еще тем обстоятельством, что падение или повышение заработной платы вследствие тех или иных причин также кажется изменением «цены труда». Кроме того, действительное движение заработной платы обнаруживает такие явления, которые на поверхностный взгляд подтверждают, будто оплачивается не стоимость рабочей силы, а труд. К таким явлениям Маркс относит изменение заработной платы с изменением длины рабочего дня, что создает иллюзию оплаты всего труда, а также действующие по этой же ли-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 547.
[2] Там же, стр. 550.

нии индивидуальные различия в заработной плате различных рабочих, выполняющих одни и те же функции (более искусный рабочий получает за свой труд больше, менее искусный — меньше).

Все эти (как и некоторые другие) явления неизбежно, закономерно выражаются в категории заработной платы, хотя на деле она скрывает коренную сущность и основу вещей. Хотя понятие «цена труда» по своей бессмысленности аналогично понятию «желтый логарифм», тем не менее капиталистические отношения порождают немало подобных «желтых логарифмов».

Важным вопросом, в решении которого буржуазная политическая экономия оказалась бессильной, был вопрос о постоянном и переменном капитале, об основном и оборотном капитале. Известно, что только Марксово деление производительного капитала на постоянную и переменную части позволило понять действительную роль тех или других элементов капитала в процессе производства, найти действительные источники самовозрастания стоимости. И в данном вопросе, как и в случае с проблемой «стоимости труда», буржуазная теория оперировала такими отображающими поверхность явлений категориями, как основной и оборотный капитал, которые хотя и отражают явления, вытекающие из самой сущности капиталистических производственных отношений, но не раскрывают эту сущность.

Во втором томе «Капитала» Маркс подвергает критике Смита и Рикардо за их смешение категорий постоянного и переменного капитала с категориями основного и оборотного капитала, т. е. за смешение категорий сущности и внешних форм ее проявления, категорий содержания и формы. Так как в оборотный капитал наряду с частью капитала, затраченного на рабочую силу, входят и затраты на некоторые предметные факторы производства продукта, то роль рабочего в создании прибавочной стоимости совершенно стирается. Роль живого труда отождествляется с ролью сырья, полуфабриката и т. п. К тому же Смит под оборотной частью капитала понимает затрату не на рабочую силу, а на жизненные средства рабочего, что окончательно запутывает вопрос, ибо жизненные средства не могут увеличить стоимость продукта, их стоимость может быть лишь перенесена на новый продукт.

Общественные отношения затушевываются вещественными отношениями.

Таким образом, указывает Маркс, действительно существенное деление капитала на постоянный и переменный «...совершенно погребено здесь под определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к оборотной части производительного капитала. Это погребение завершается тем, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся жизненные средства рабочего» [1].

За это же смешение сущности и поверхности вещей Маркс критикует Рикардо. Маркс указывает, что так как смешение этих категорий совершенно затушевывает происхождение прибавочной стоимости, то отсюда становится понятным, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала смитовское смешение категорий «постоянный и переменный капитал» с категориями «основной и оборотный капитал» и без всякой критики в течение многих десятилетий передавала эту путаницу из поколения в поколение. Замена важнейшего различия между частями капитала по их роли в процессе создания и возрастания стоимости различием в быстроте, способах оборота той или иной части капитала разрушает основание, необходимое для того, чтобы понять сущность капиталистической эксплуатации. Показывая, что категории основного и оборотного капитала выражают не внутренние и существенные, а внешние связи явлений, Маркс не отбрасывает этих категорий, а устанавливает значение отображаемых ими явлений как новых форм, которые приходят к капиталу из процесса обращения и воздействуют на форму его оборота. Но, показывая их действительное значение, анализируя, почему существенные отношения принимают такую внешнюю форму, Маркс обнажает реальную основу, на которой они действуют и проявляются, и тем самым объясняет внешнюю, вещную видимость.

Мы привели лишь несколько примеров, показывающих, как Маркс конкретно применяет разработанное им в «Капитале» положение о том, что наука, научное познание необходимы для того, чтобы за внешними проявле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 240.

ниями находить их сущность. Подлинное научное познание есть познание тех внутренних процессов, которые скрываются за поверхностными, часто обманчивыми явлениями. Сведéние внешних видимых форм объектов к их сущности — такова та основная познавательная задача, которую решает Марксов анализ.

4

Однако было бы упрощением полагать, что само это сведéние внешнего к внутреннему и познание сущности есть нечто одноактное. В действительности — и в этом отношении «Капитал» имеет огромную логическую ценность — познание сущности есть *многоступенчатый процесс*. Разберем хотя бы кратко эту сторону проблемы.

Прежде всего мы сталкиваемся с той характеристикой этого процесса, которую Ленин определил как движение мысли от сущности менее глубокого к сущности более глубокого порядка. Самой глубокой сущностью капиталистического способа производства Маркс считал то, что выражено и обобщено в категории прибавочной стоимости. Именно эта категория схватывает специфику данного способа производства, отличающую его от других способов производства. И как бы ни отличался капитализм в одной стране от капитализма в другой, американский от английского или какого-либо иного, сущность его заключается в том, что во всех своих проявлениях он держится на производстве прибавочной стоимости.

К категории прибавочной стоимости ведет в «Капитале» целая «лесенка» других категорий, без которых она была бы невозможна. Это категории стоимости и потребительной стоимости, конкретного и абстрактного труда, форм стоимости, денег и др. Каждая из этих категорий образует узловой пункт анализа, который позволяет все ближе и ближе подойти к самой глубокой сущности предмета исследования — капитала. Правда, непосредственно эти категории отражают отношения, существовавшие задолго до капиталистического производства. Но поскольку капитал возник из этих отношений путем их развития, постольку исследование их сущности вместе с тем представляет собой движение мысли от сущности менее глубокой и развитой к сущности более глубокой и развитой, именно сущности капитала. Дело, однако, не только в

генетических истоках капитала, исследование которого требует раскрытия целого ряда «сущностей» другого порядка, чтобы добраться до самой глубокой сущности исследуемого объекта. Дело и в том, что, как ни отличается капитал от простого товарного производства, он есть также товарное производство, но только самое развитое, высшая форма товарного производства. Следовательно, раскрытие сущности товара, труда, его производящего, форм стоимости и денег как наиболее развитой формы стоимости представляет собой не просто генетический, но и логический (позже будет видно, что оба эти вида движения мысли в общем и целом совпадают) аспект движения мысли на пути познания все более глубокой сущности *капитала*. Недаром Маркс называет стоимость — стоимость еще не развитую — абстрактной формой капиталистического производства, а в противоречии между потребительной и меновой стоимостью, в противоречиях товара и денег он усматривает уже зародыш противоречия между капиталистом и рабочим. В этом смысле мы можем сказать, что движение Марксовой мысли от сущности товара к сущности труда, создающего его, от сущности труда к сущности форм стоимости и далее к сущности денег есть *движение от менее глубокой к более глубокой и развитой сущности капитала,* движение, позволяющее вывести категорию прибавочной стоимости. Как дальше будет видно, это движение познания к глубочайшей сущности капитала реализуется в форме движения от абстрактного к конкретному, от абстрактной сущности с неразвитыми еще определениями к конкретной и развитой сущности. Однако сейчас нам важно подчеркнуть другую сторону всего этого сложного движения — *многоступенчатость* процесса познания сущности.

В связи с этим следует отметить, что данный процесс меньше всего представляет собой прямую линию движения от сущности одного порядка к сущности другого порядка, так что мысль, не отклоняясь в сторону, движется вдоль этой линии. В действительности движение это осуществляется чрезвычайно непрямолинейно. Идя от внешних форм явления к сущности, Маркс затем на основе познанной сущности возвращается к явлению, для того чтобы установить, что оно есть выражение этой познанной сущности. Так, идя от меновой стоимости к стоимости как ее сущности, Маркс затем, как он сам заявляет,

снова возвращается к исходному пункту — к меновой стоимости, т. е. к форме проявления сущности. Он прослеживает формы развития стоимости, но уже на новой, высшей основе, позволяющей сорвать мистические покровы, скрывающие действительную сущность денег. Так же обстоит дело и во многих других случаях. Исследование сущности перемежается с исследованием на ее основе явления, новое явление служит исходным пунктом анализа новой, более глубокой и развитой сущности и т. д. Поэтому мы имеем картину не прямолинейного движения от сущности к сущности, а скорее картину спиралевидного движения познания с цепью отрицания отрицания, дающей возможность последовательно подниматься со ступеньки на ступеньку. Иначе, очевидно, и не может развиваться познание *конкретного* объекта.

Таким путем Маркс раскрывает и самую глубокую сущность капитала, когда он переходит к исследованию прибавочной стоимости. Мы не найдем у него прямого пути от раскрытой ранее сущности товара, труда, денег к сущности прибавочной стоимости. Установив, что деньги есть последний продукт товарного обращения и исходный пункт, первая форма проявления капитала, Маркс начинает анализ прибавочной стоимости снова с внешнего явления. Но весь предыдущий анализ сущности товарного производства и обращения позволяет без особого труда понять и раскрыть сущность того внешнего явления, с которого Маркс начинает, так сказать, решительный штурм главной твердыни исследуемого объекта — сущности капитала.

Маркс начинает с простейшего явления, бросающегося каждому в глаза, с истории, которая «ежедневно разыгрывается на наших глазах» [1], — с явления, выраженного в формуле *Д—Т—Д'*. Маркс показывает, что это всеобщая формула капитала, «как он *непосредственно* проявляется в сфере обращения», т. е. на поверхности [2]. Установив это простейшее *внешнее* проявление капитала, Маркс затем вскрывает противоречие этой всеобщей формулы, заключающееся, как известно, в том, что если исходить из закона эквивалентного обмена, то капитал не может возникнуть как из обращения, так и вне обращения, он

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 157.
[2] Там же, стр. 166 (курсив мой. — *М. Р.*).

должен возникнуть одновременно и в обращении, и вне обращения. Поставив эту задачу, решение которой должно привести к раскрытию тайны капитала, Маркс формулирует одну из важнейших категорий, которая должна стать последней ступенькой, предваряющей основную категорию — «прибавочную стоимость». Это — *категория рабочей силы*. Эта категория синтезирует в себе все предыдущие категории (и товара, и двойственного характера труда, и потребительной стоимости, и стоимости, и т. д.). Показав механизм использования рабочей силы капиталистом, Маркс формулирует категорию прибавочной стоимости и заявляет: «Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами» [1].

Так осуществляется движение мысли к глубочайшей сущности капиталистических отношений. Но и на этом Маркс не заканчивает анализа прибавочной стоимости как категории, выражающей самую глубокую сущность капитализма. Сформулировав эту категорию, он затем создает ряд других категорий, которые с разных сторон поясняют, дополняют, углубляют ее. Так, своим исследованием процесса труда он показывает различие, существующее между стоимостью рабочей силы и стоимостью, которая создается в процессе труда. Образуются такие категории, как «постоянный капитал» и «переменный капитал». Они имеют большое значение для понимания того, что новая стоимость создается лишь трудом рабочего, что, следовательно, средства производства не могут быть источником прибавочной стоимости, ибо их стоимость благодаря конкретному характеру труда переносится на стоимость нового продукта, что единственный источник обогащения капиталиста, т. е. источник прибавочной стоимости, — это неоплаченное время труда рабочего.

Далее, в таких категориях, как «норма прибавочной стоимости», «абсолютная и относительная прибавочная стоимость», Маркс раскрывает механизм различных способов добывания прибавочной стоимости, ее увеличения и т. д.

Таким образом, процесс движения мысли от внешних форм явлений к сущности представляет собой сложный процесс, который, как мы пытались показать, включает в себя два важных момента: 1) движение от сущности

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 187.

одного порядка к сущности другого порядка, подводящее к раскрытию самой глубокой сущности исследуемого объекта, и 2) образование ряда дополнительных категорий, развивающих основную категорию, раскрывающих механизм действия закона, в данном случае закона прибавочной стоимости, выражаемого в этой основной категории.

К сказанному следует добавить, что для Маркса как диалектика раскрыть сущность явления — значит *обнаружить противоречия движения объекта*. Исследуя такое явление, как товар, он находит, что сущность его в противоречии между потребительной и меновой стоимостью. Сущность труда он находит в его двойственности, в противоречиях между конкретным и абстрактным трудом. Сущность прибавочной стоимости он обнаруживает в противоречии между капиталистом и рабочим. Поэтому и движение мысли от сущности менее глубокой к сущности более глубокой реализуется в исследовании движения противоречий, их углубления и развития. Прибавочная стоимость как самая глубокая сущность капиталистического способа производства осознана в результате анализа развития противоречий товарного производства, показана как результат этого развития.

5

Движением от видимости к сущности в процессе исследования объекта, как уже было сказано, не полностью решается антиномия, противоречие между сущностью и явлением. Мы сводим внешние формы объекта к сущности и тем самым объясняем явление в его существенности и необходимости. Этим решается значительная часть задачи, поскольку устанавливается, что́ скрывается за явлением, какие внутренние связи, какая внутренняя организация, субстанция определяет явление. Таким образом, внешнее и внутреннее, существенное и поверхностное связываются воедино, и то, что рассудку, «здравому смыслу» кажется разделенным, то, что кажется непреодолимой антиномией, оказывается единством, единством противоположностей. Но как это ни звучит парадоксально, сведе́ние внешних форм к сущности, с другой стороны, обостряет антиномичность проблемы, так как

найденная сущность настолько отличается от формы проявления, настолько непосредственно не тождественна с ней, что метафизическое мышление, неспособное справиться с противоречиями, как бы получает дополнительные аргументы в пользу разрыва сущности и явления.

В самом деле, наука свела цену к стоимости, но как непохожа одна на другую! Наука установила, что за явлением прибыли скрывается существенное отношение, заключающееся в производстве прибавочной стоимости. Но как непохожа прибыль на прибавочную стоимость! И дело тут не просто в обманчивой видимости, в аберрации зрения, а в том, что они в самой действительности далеко не тождественны.

Поэтому полное разрешение их антиномичности требует *дальнейшего развития, движения мысли, познания.* Это движение осуществляется уже в противоположном направлении по сравнению с первым, рассмотренным выше этапом, т. е. от сущности к явлению, от внутреннего к внешнему. Задача на этом новом этапе состоит в том, чтобы установить единство сущности и форм ее проявления, показать, почему сущность проявляется в столь противоречащих ей формах. Тем самым противоречие между ними будет окончательно познано, ибо оно будет объяснено как сведéнием видимости к сущности, так и сведéнием сущности к явлению, не переставая, однако, быть противоречием.

Следует отметить, что не только «обыденный» буржуазный рассудок, но и рассудок лучших представителей буржуазной политической экономии поры ее расцвета, когда умами экономистов руководили интересы научного исследования, а не «полицейская» точка зрения, не способен был справиться с такого рода «фокусами», порождаемыми самой жизнью.

Одни экономисты в таких случаях жертвовали сущностью, законами ради того, чтобы не очутиться в противоречии с фактами, с внешними явлениями (как это, например, часто бывало с А. Смитом). Другие, напротив, стремясь находиться на почве законов, будучи уверенными в истинности этих законов, вступали в прямое противоречие с неопровержимыми фактами, отрицали их, объявляли их исключением или в конце концов сползали на точку зрения первых (так в ряде вопросов обстояло дело у Д. Рикардо). Позднейшие же вульгарные эконо-

мисты сознательно паразитировали на трудностях и противоречиях с целью ликвидации законов науки.

Приведем примеры. Одним из вопросов, наиболее трудных в этом отношении, был вопрос о стоимости и ценах производства. Как известно, школа Рикардо потерпела крушение и при рассмотрении этого вопроса. Согласно закону стоимости, капиталы, приводящие в движение одно и то же количество живого труда, должны при прочих равных условиях приносить одинаковую прибавочную стоимость или прибыль. Такова сущность вещей. Между тем факты находятся в прямом противоречии с этой сущностью вещей. Капиталы одной и той же величины могут приводить в движение разное количество живого труда, тем не менее они получают равную прибыль. Таково явление, такова действительность.

Рикардо заметил это противоречие и пытался его решить. По выражению Маркса, Рикардо делает намек на то, что в данном случае имеет значение различное органическое строение капитала, но не развивает этой догадки. Он не понимал процесса превращения стоимости в цену производства, отождествлял их. Точно так же он был бессилен ответить на вопросы, почему, несмотря на различный оборот двух равных капиталов, они все же приносят одинаковую прибыль, почему товары продаются по ценам, не соответствующим их стоимости, т. е. затрате труда на их производство. В одном из своих писем он делает следующее признание: «Я не могу преодолеть затруднение с примером вина, которое выдерживается в погребе в течение трех или четырех лет, или дуба, на который первоначально затрачено было труда, быть может, всего на 2 шилл. и который теперь стоит 100 ф. ст.» [1]

Сталкиваясь с подобными противоречиями между законом стоимости и формами его проявления, Рикардо делал вывод о том, что отклонение продажной цены товаров от их стоимости есть исключение, или в конце концов признавал ограниченность закона стоимости. Так, в первой главе своей книги «Начала политической экономии и налогового обложения» он указывает, что цены товаров определяются стоимостью «на ранних ступенях общественного развития», до применения в большом количестве

[1] *Давид Рикардо.* Соч., т. V. стр. 233.

машин. Когда же появляются долговечные машины, то стоимость товаров определяется не только трудом.

Впоследствии Рикардо писал, что если бы он еще раз написал главу о стоимости, то он бы изложил дело так, что относительная стоимость товаров регулируется двумя причинами: относительным количеством труда, необходимого для производства товаров, и нормой прибыли [1].

Таким образом, Рикардо не смог свести концы с концами: отстаивая закон стоимости, он отрицал реальные факты несовпадения стоимости с ценой производства; признавая факт этого несовпадения, он становился на путь отрицания закона.

Вульгарные буржуазные экономисты использовали слабости Рикардо с целью опровержения закона стоимости. Факт несовпадения, противоречия между стоимостью и ценой производства они сделали орудием борьбы против теории стоимости и прибавочной стоимости. Если, говорили они, время, оборот капитала и т. п. являются факторами повышения стоимости товаров, то, следовательно, не один труд производит стоимость, значит, закон стоимости не имеет реальных оснований.

Известно, что после выхода третьего тома «Капитала» апологеты буржуазии подняли шум по поводу так называемого противоречия между первым и третьим томами «Капитала». Мнимое противоречие это усматривалось в том, что обоснованная в первом томе трудовая теория стоимости якобы «забывается», «игнорируется», «отбрасывается» в третьем томе, где она уступает место вопросу о конкуренции и где затрата капитала рассматривается в качестве столь же реального основания для получения прибыли, как и труд. В первом томе единственно труд определял величину прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли; в третьем же томе прибыль, по Марксу, определяется ценой производства, т. е. издержками производства плюс средняя прибыль, образующаяся в результате конкуренции.

Так, один из «опровергателей» Маркса, австрийский вульгарный экономист Бем-Баверк, писал, что явления капиталистического производства находятся в полном противоречии с Марксовой теорией стоимости. Маркс, писал он, должен в конце концов признаться, что в действи-

---

[1] См. его письмо к Мак-Куллоху. *Д. Рикардо.* Соч., т. V, стр. 197.

тельной жизни товары обмениваются не в соответствии с воплощенным в них рабочим временем, а то ниже, то выше этого соответствия, что рядом с рабочим временем затрата капитала является равноправным основанием, определяющим меновые отношения товаров. «Третий том Маркса, — писал он, — опровергает первый. Теория средней нормы прибыли и цен производства не мирится с теорией ценности» [1].

Другой «критик» Маркса, немецкий буржуазный экономист Франц Петри, в книге «Социальное содержание теории ценности Маркса» пытается доказать, что теория стоимости, выражающая внутреннюю связь товарного производства, есть у Маркса некая метафизическая идеальная сущность, от которой нет никакого перехода к действительным явлениям. При распределении прибавочной стоимости путем образования средней нормы прибыли конкуренция, и только конкуренция, определяет закономерный результат.

На основании этого же «противоречия» между первым и третьим томами «Капитала» представитель буржуазной апологетики в России Струве объявил стоимость схоластической категорией, «фантомом», некоей сверхъестественной субстанцией, якобы дающей, по Марксу, бытие эмпирическим ценам и т. п.

Нечего говорить, что эта и подобная ей «критика» со стороны буржуазных пигмеев, «сикофантов-болтунов», как их окрестил Маркс, не только не смогла поколебать величественного здания «Капитала», но даже нанести ему хотя бы царапину. Эта критика была только лишним свидетельством ограниченности буржуазного рассудка, в недоумении останавливающегося перед пропастью, отделяющей сущность от явления. То, в чем буржуазные критики Маркса видели «противоречие», на деле было гениальным решением действительно трудных вопросов.

В противоположность буржуазным экономистам Маркс исходит из того, что непосредственные отношения обмена, с одной стороны, и отношения, выражаемые законом стоимости, — с другой, не могут быть одинаковыми, тождественными. В письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. Маркс делает очень важные замечания по поводу науч-

---

[1] *Бем-Баверк.* Теория Карла Маркса и ее критика. СПб., 1897, стр. 24.

ного метода исследования сущности и форм ее проявления. «Задача науки, — пишет Маркс, — состоит именно в том, чтобы раскрыть, *как* закон стоимости прокладывает себе путь. Следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все явления, кажущиеся противоречащими закону, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости всевозможные категории, которые еще должны быть выведены, предполагает *данными,* чтобы доказать их адекватность закону стоимости» [1]. И далее: «Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные, обыденные отношения обмена и величины стоимости *не* могут быть *непосредственно тождественными.* Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем a priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее. А вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее. К чему же тогда вообще наука?» [2]

Таким образом, по Марксу, закон и его проявления не могут быть непосредственно тождественными. Но внешние проявления суть проявления закона. Все дело только в том, чтобы понять, как и почему закон проявляется в таких-то определенных формах. Ошибку Рикардо Маркс видит в том, что он, вместо того чтобы, раскрыв сущность, закон явлений, затем показать, почему закон проявляется в противоречащих ему формах, сразу предполагал наличие этих последних, отождествлял их с законом и тем самым запутывал вопросы. Так, например, он сразу предполагал среднюю прибыль, смешивая ее с прибавочной стоимостью, в то время как непосредственно они не тождественны.

Иначе говоря, Рикардо не понимал, что для того, чтобы обнаружить адекватность, т. е. соответствие явлений сущности, необходим анализ, как выражается Маркс,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 461.
[2] Там же.

ряда *посредствующих звеньев,* т. е. тех отношений, которые неизбежно модифицируют, видоизменяют на поверхности явлений их сущность, закон. В «Теориях прибавочной стоимости», показывая ошибки метода Рикардо, Маркс пишет, что «этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается *непосредственным* образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом» [1]. И далее: «Вместо того чтобы *заранее предполагать* эту *общую норму прибыли,* Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее *существование* соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она prima facie (на первый взгляд) ему *противоречит,* что, следовательно, ее существование надлежит еще вывести... при помощи целого ряда посредствующих звеньев, — выведение, весьма отличное от простого подведения под закон стоимости» [2].

Что имеет в виду Маркс, заявляя, что сущность и явление не могут непосредственно совпадать и что понять их адекватность можно лишь посредством анализа посредствующих звеньев, покажет простой пример. Стоимость и цена связаны между собой как внутреннее, существенное и внешняя форма проявления этого внутреннего. Но цена отличается от стоимости. Как правило, цены товаров не совпадают непосредственно с их стоимостью. Отсюда легко сделать вывод о том, что цена независима от стоимости, что последняя не является ее реальным фундаментом, и, следовательно, объявить стоимость фантомом, выдумкой. Но такой вывод можно сделать лишь при непонимании того, что цена и стоимость не могут непосредственно совпадать, что их совпадение может быть лишь опосредствованным через ряд промежуточных звеньев. Этими звеньями являются конкуренция между товаропроизводителями, различный спрос и предложение на рынке и т. д. Попадая на рынок, товары как воплощенная стоимость подвергаются различным влияниям, отсутствовавшим в сфере производства. Определенное отношение между предложением и спросом в данное время, конкуренция между товаропроизводителями, заставляющая

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.
[2] Там же, стр. 187—188.

последних в целях сбыта своих товаров продавать их несколько дешевле, — все это придает стоимости различное внешнее выражение в форме изменяющихся, колеблющихся цен. Но как бы ни колебались цены, насколько бы они ни отличались от стоимости, они все же вертятся вокруг стоимости, как планеты вокруг Солнца, не будучи способными от нее оторваться. Поэтому цена, хотя она и отличается от стоимости, есть выражение именно стоимости, есть ее внешнее проявление. Так, анализ посредствующих звеньев показывает адекватность цен стоимости, или явлений их сущности.

Именно при помощи этого метода анализа посредствующих звеньев Маркс доказал, почему стоимость и цена производства непосредственно не могут быть тождественными, что цена производства есть не что иное, как превращенная форма стоимости, т. е. как раз проявление закона стоимости, а не его отрицание. Тем самым Маркс решил тот вопрос, который для буржуазной политической экономии был тайной за семью печатями.

Маркс дал анализ неизбежных превращений и видоизменений, которые претерпевают закон стоимости, закон прибавочной стоимости, когда они реализуются в сфере обращения. Он рассматривает такие промежуточные звенья, как влияние различного органического строения капитала, превращение прибавочной стоимости в прибыль, роль конкуренции в образовании средней нормы прибыли, и в результате всего этого показывает, что стоимость неизбежно, закономерно выступает в форме цены производства.

Действительно, между ценой производства и стоимостью есть существенное различие. Согласно закону стоимости, капиталисты должны были бы продавать товары соответственно всей произведенной стоимости, включая и ту прибавочную стоимость, которая создана на их предприятиях. Фактически же они продают свои товары по ценам производства, т. е. соответственно издержкам производства плюс средняя прибыль, независимо от прибавочной стоимости, следовательно, и прибыли, добытой на их предприятиях, в их отраслях производства. Этот факт и создает представление о недействительности закона стоимости, о «противоречии» между первым и третьим томами «Капитала».

Между тем Маркс показал, что дело обстоит так. В различных отраслях производства существует неодинаковый органический состав капитала, т. е. неодинаковое соотношение между постоянным и переменным капиталом, а стало быть, и разные нормы прибыли. Понятно, что при этом условии, если бы различные нормы прибыли не выравнивались в общую норму, выигрывали бы владельцы предприятий с низким органическим составом капитала и проигрывали бы владельцы предприятий с высоким органическим составом капитала. Однако для капиталиста в издержках производства исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Он затрачивает определенный капитал и требует на него прибыли, по крайней мере не меньшей, чем получают другие капиталисты при тех же затратах.

Таким образом и возникают цены производства, отличающиеся от стоимостей, произведенных в различных отраслях производства. Механизм конкуренции приводит к тому, что прибавочная стоимость и прибыль более или менее равномерно распределяются между капиталистами, и то, что теряют одни, получают другие. Так достигается «справедливость» в ее буржуазном понимании, т. е. образуется какая-то общая средняя норма прибыли, ибо каждый отдельный капитал есть часть всего общественного капитала и потому претендует на свою долю в эксплуатации труда всех рабочих.

Но все дело при этом заключается в том, что цена производства в своей совокупности полностью совпадает с общей суммой стоимости, созданной во всех отраслях производства. Конкуренция не создает и не может создавать ни одного атома стоимости. Она только перераспределяет созданную прибавочную стоимость. Конкуренция не определяет и норму прибыли, она только приводит общую норму прибыли к какому-то одному уровню. Эта норма прибыли определяется только величиной прибавочной стоимости. Поэтому цена производства становится совершенно необъяснимым, иррациональным фактом, если не учитывать, что она своим реальным основанием имеет стоимость и прибавочную стоимость, что она есть модифицированная, превращенная форма стоимости.

«Если даны пределы стоимости и прибавочной стоимости, — говорит Маркс, — то легко понять, каким образом конкуренция капиталов превращает стоимости в цены

производства, а затем и в торговые цены, прибавочную стоимость — в среднюю прибыль. Но, не зная этих пределов, абсолютно невозможно понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до этого, а не до того предела, до 15%, а не до 1500%. Она, самое большее, может лишь привести общую норму прибыли к *одному* уровню. Но в ней нет абсолютно никакого элемента, который определял бы самый этот уровень» [1].

Закон стоимости управляет движением цен, и цены производства увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения количества труда, затрачиваемого на производство.

В свете Марксова учения о сущности и явлении простым и понятным выглядит факт, перед которым в недоумении останавливался Рикардо: почему вино, лежавшее несколько лет в погребе, продается по цене, превышающей фактическую затрату труда, тогда как источником стоимости является только труд. Маркс различает период производства и рабочий период. Там, где период производства больше рабочего периода, цена выше стоимости, средняя прибыль выше прибавочной стоимости. И здесь необходим анализ посредствующих звеньев, т. е. механизма выравнивания прибыли.

Таким образом, шум, поднятый буржуазными апологетами относительно «противоречия» между первым и третьим томами «Капитала» с целью «опровергнуть» Марксову теорию прибавочной стоимости, был проявлением лишь полного методологического бессилия буржуазного экономического мышления. Все части Марксова «Капитала» вылиты из одного куска, и только скудоумие буржуазных экономистов могло гениальный анализ сложных взаимоотношений сущности и ее проявлений принять за «несогласованность» и «противоречие». Не «противоречием» Марксовой теории объясняется тот факт, что стоимость и цена производства, прибавочная стоимость и прибыль и т. п. непосредственно не совпадают и существенно отличаются друг от друга. Это — противоречие реальной жизни, реальных отношений буржуазного производства. И гениальность Маркса состоит не только в том, что он за внешними процессами раскрыл их сущность, их внутренние процессы и силы. Гениальность

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 344.

Марксова исследования состоит также и в том, что он объяснил, почему внешние процессы, эмпирические факты отличаются от внутренних процессов; он неопровержимо доказал, что при всем отличии явлений от сущности первые суть формы выражения второй, ее закономерное следствие.

Огромное философское, методологическое значение Марксова решения вопроса, согласно которому связь между сущностью вещей и внешними формами их проявления можно понять лишь путем анализа ряда посредствующих звеньев, заключается в том, что оно глубоко вскрывает сложное отношение между законом и явлением, между общим и единичным. Сущность, закон всегда выражают общее в массе единичных явлений. Поэтому закон, сущность, общее никогда не могут найти прямого и непосредственного выражения в единичном. Сущность модифицируется конкретными чертами единичного, конкретными условиями, в которых она проявляется. Стремление найти прямое тождество между общим и единичным, сущностью и явлением ведет к искажению и того и другого.

Рассматривая пример несовпадения стоимости и цен производства, Маркс пишет, что это явление «оказывается весьма простым, раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылей в общую норму прибыли» [1]. Но если его хотят понять, исходя из закона стоимости, без посредствующих звеньев, то получается проблема, гораздо более сложная, чем задача о квадратуре круга, которая может быть найдена алгебраически.

Вопрос о сущности и явлении тесно связан с проблемой абстрактного и конкретного. Связать сущность с явлением, закон с внешними конкретными формами его проявления можно, лишь идя в процессе познания от абстрактного к конкретному. Посредствующие звенья, о которых так настойчиво говорит Маркс, и раскрываются в этом движении мысли от абстрактного к конкретному.

Прежде чем перейти к вопросам о способах и формах исследования этого движения, о роли абстракции, о соотношении абстрактного и конкретного и другим, связанным с ними логическим проблемам, мы в заключение па-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 84.

стоящей главы остановимся кратко на вопросе о значении категорий сущности и явления для исследования социалистического производства, используя по этому поводу мысли, содержащиеся в «Капитале».

6

Маркс неоднократно проводит параллель между капиталистическим обществом и будущим коммунистическим обществом с точки зрения соотношения сущности и форм ее проявления в этих разных формациях. Он показывает, что свойственный капитализму товарный фетишизм и отчужденность форм движения исчезают в обществе, где не средства производства и не продукт труда господствуют над людьми, а люди — над условиями и продуктами своего труда. «При обобществленном труде,— пишет он, имея в виду коммунизм, — отношения людей в их общественном производстве не представлены как «стоимости» «вещей»» [1]. Труд каждого человека при коммунизме есть непосредственно общественный труд, так же как и продукт труда «союза свободных людей» представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта используется снова в качестве средств производства, другая потребляется людьми как средство существования. «Общественно-планомерное распределение» устанавливает необходимое соотношение между отраслями производства, между производством и потреблением. Рабочее время служит мерой участия производителей в труде.

Набрасывая этот сжатый очерк будущего общества, Маркс делает следующее заключение по интересующему нас вопросу: «Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении» [2].

Из этих слов видно, как резко изменяется соотношение внутреннего и внешнего, сущности и форм ее проявления в коммунистическом обществе по сравнению с невероятной запутанностью его при капиталистическом способе производства. Однако было бы ошибочным делать из Марксовых слов о «прозрачности» и «ясности» коммуни-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 131.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 89.

стических отношений вывод о том, что проблема сущности и явления и соответственно задача разрешения противоречия, несовпадения их в процессе исследования здесь снимается. Во-первых, Маркс имеет в виду полное коммунистическое общество, где, конечно, отношения между людьми в процессе производства и распределения значительно яснее, нежели на первой стадии коммунизма, при социализме. Во-вторых, как бы «прозрачны» ни были эти отношения, сущность и явления никогда не могут непосредственно совпадать. Термин «прозрачность» Маркс употребляет в относительном смысле, сравнивая коммунизм с капитализмом.

Опыт свидетельствует о том, что путь познания существенных отношений и закономерностей социалистического общества нелегок, что требуется длительное время для того, чтобы овладеть законами социалистического производства и распределения, понять сложный механизм их действия. Если при социализме с общественных отношений снимается вещный покров и благодаря этому формы проявления сущности не имеют столь сложного и противоречивого характера, как раньше, то не следует забывать, что *впервые* в истории человечества перед людьми встает задача планомерной организации производства и распределения и наука об этой организации, об управлении обществом сталкивается с немалыми трудностями. Кроме того, при социализме остаются еще товарные отношения, деньги, стоимостные отношения. Остаются и имеют важное значение для развития народного хозяйства такие явления, как прибыль, цена, кредит и другие, имеющие место и при капитализме. Все это усложняет исследование сущности и форм ее проявления.

Это большой вопрос, которому может быть посвящено специальное исследование, мы здесь ограничимся лишь самыми общими замечаниями. Наиболее важный вопрос, с нашей точки зрения, — это вопрос о соотношении понятия о сущности социалистического производства с некоторыми старыми категориями, которыми экономическая наука пользуется для исследования капиталистического производства. С одной стороны, существовала известная боязнь пользоваться такими категориями, как, скажем, прибыль, в процессе познания (а также в практике) социалистических отношений, поскольку казалось, что они противоречат сущности социалистической собственности

и законам социалистического производства. Как сейчас ясно, эта боязнь лишена оснований, а в практике руководства хозяйством недооценка роли этих категорий и реальных процессов, отражаемых ими, наносила немалый вред. С другой стороны, применение этих категорий (особенно в связи с реформами в планировании и управлении народным хозяйством, проводимыми в последнее время в социалистических странах, реформами, утверждающими большое значение методов получения прибыли, хозрасчета, принципа материальной заинтересованности коллективов предприятий и отдельных производителей и т. д.) вызвало прилив энергии у критиков марксизма, увидевших в этом «поворот к капитализму», «провал социалистических принципов» и т. д.

Все эти и подобные им вопросы тесно связаны с категориями сущности и явления и их правильным применением к исследованию *своеобразия* социалистической экономики. Диалектика этих категорий, их связи и противоречий состоит, в частности, в том, что *новая* сущность, т. е. *социалистическая* сущность, проявляется в ряде *старых* форм. Это, несомненно, противоречие, но противоречие самой жизни, развития социалистической экономики, возникающее в результате того, что она исторически выходит непосредственно из капиталистического общества. Познать, исследовать это противоречие и разрешить его в процессе познания — значит учитывать одну из очень важных методологических проблем экономической науки о социализме.

Мы имеем важные указания в «Капитале» относительно логических приемов и способов решения этой задачи. Самым неправильным способом был бы здесь, согласно этим указаниям, способ проведения аналогии между социализмом и капитализмом. Вообще диалектическая логика, не отрицая известного значения аналогии как способа исследования, предупреждает против его преувеличения и особенно в применении к общественным явлениям, где изменение исторических условий требует прежде всего учета нового, а стало быть, и нового подхода к явлениям, как бы ни казались они простым повторением старого на поверхности жизни. Говоря о том, что на базисе капиталистического производства распадение стоимости на доходы в форме заработной платы, прибыли и ренты «становится настолько само собой разумеющим-

ся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют сами условия существования этих форм дохода», Маркс замечает: «Это значит, что под данные формы дохода подводится все *путем аналогии*» [1].

Такое подведение путем аналогии под эти формы, скажем, отношений первобытного общества (а буржуазные экономисты, несомненно, мастера такого способа мышления), конечно, ничего не даст науке и предпринимается главным образом с целью затушевать специфику капиталистических отношений. Такое подведение путем аналогии тем более недопустимо при исследовании отношений социалистического производства и распределения и особенно недопустимо именно потому, что мы здесь сталкиваемся с указанным выше противоречием между новой сущностью социализма и ее проявлением в некоторых старых формах.

Например, в социалистическом обществе продукты производятся как товары. Путем проведения аналогии между этим обществом и капиталистическим, где товарное производство есть нечто само собой разумеющееся, можно сделать заключение, что эти два способа производства мало чем отличаются друг от друга. Известно, что буржуазные экономисты и публицисты нередко именно таким способом стремятся стереть различие между социализмом и капитализмом. Но все дело в том, что товарная форма, как ни стара она, в социалистическом обществе выражает совершенно иную, чем при капитализме, сущность, наполнена новым содержанием. И задача познания состоит в том, чтобы исследовать это противоречие, найти его корни, установить эту новую сущность, а затем показать, почему эта последняя проявляется именно в старой форме. Известно, что социалистическая собственность исключает разделение общества на атомизированных частных производителей, связанных между собой лишь посредством действия рыночного механизма. Производство подчинено не цели создания прибавочной стоимости, а цели удовлетворения развивающихся потребностей общества и отдельного человека. В создаваемом продукте не содержится прибавочной стоимости, поскольку нет капиталистов, которые бы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 447 (курсив мой — *М. Р.*).

владели условиями труда. Следовательно, сущность социалистического производства совершенно не тождественна сущности капиталистического производства. И тем не менее производимые при социализме продукты выступают в товарной форме, как и в капиталистическом обществе.

Это объясняется тем, что социализм лишь первая ступень коммунизма, когда вследствие уровня производительных сил, не позволяющего еще распределять «по потребностям», существования двух форм социалистической собственности и других причин производство, распределение, обмен могут осуществляться пока лишь на базе товарно-денежных отношений. Таким образом, в самой сущности социализма как первой стадии коммунизма, как *неразвитого еще коммунизма* содержатся корни необходимости товарного производства и того, что производимые продукты имеют товарную форму. Вместе с тем противоречие здесь заключается в том, что эта форма выступает в качестве оболочки, содержащей *новую* сущность, в корне отличающуюся от сущности капитализма. Если не видеть этого, то исчезает всякая возможность научно исследовать социалистическую экономику и ее закономерности. Скажем, противоречия товара и товарного производства при капитализме составляют источник кризисов, чего совсем нельзя сказать о товаре и товарном производстве со свойственными им специфическими противоречиями при социализме.

В третьей части «Теорий прибавочной стоимости», критикуя Прудона, Маркс показывает, как новая сущность, проявляясь в старых формах, меняет их социальную функцию, наполняет их новым социальным содержанием. Он пишет: «Если бы товар и деньги не могли становиться капиталом, — а потому, если бы их нельзя было и ссужать как капитал *in posse* (в возможности),— то они не могли бы противостоять наемному труду. Если бы они, таким образом, как *товар* и *деньги* (курсив Маркса. — *М. Р.*) не противостояли наемному труду и труд, следовательно, сам не становился бы товаром, то это означало бы не что иное, как... возвращение к способам производства, предшествующим капиталистическому производству, где труд не превращается в товар, а масса труда выступает еще в виде крепостного или рабского труда. *При свободном труде как основе это возможно лишь в том случае,*

если рабочие являются собственниками своих условий производства» [1].

Из подчеркнутых мной слов видно, что новая, социалистическая сущность общественных отношений изменяет, по Марксу, социальную роль таких форм, как товар и деньги, что эти формы сами по себе независимо от того, какую сущность они выражают, ничего еще не говорят. Только тогда, когда товар и деньги могут «становиться капиталом», они проявление буржуазной сущности. Это же в полной мере относится и к таким явлениям, как прибыль, кредит и т. п. Исследуя эти старые формы как проявления новой сущности, нельзя, повторяем, забывать и серьезного момента противоречия между ними. Противоречие это состоит не только в том, что старая форма выступает в качестве формы проявления совершенно новой сущности, но и в том, что эта форма, будучи зависимой от сущности и выполняя роль, соответствующую этой сущности, вместе с тем обладает и относительной самостоятельностью, может быть использована в социалистическом обществе и в противовес той сущности, которую она выражает, т. е. в интересах, противоположных интересам общества.

В то же время было бы ошибочно понимать товарно-денежные отношения как некую лишь внешнюю форму социалистических отношений. Недооценка их, игнорирование регулирующей роли закона стоимости препятствует развитию самой сущности социалистического производства. Скажем, предприятия могут, не считаясь с требованиями рынка, выполнять государственный план «по валу», по количеству в ущерб качеству изделий, что, как известно, имеет место в хозяйственной практике, могут «ради выполнения плана» производить не то, что нужно потребителю, и т. п.

Это приводит к обострению противоречий, имеющихся в товаре между потребительной стоимостью и стоимостью, между товаром и деньгами. Как ни неантагонистичны эти противоречия в социалистической экономике, они вследствие ряда причин (плохой организации планирования, недостаточного стимулирования материальной заинтересованности производителей и т. п.) могут стать

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 552 (курсив мой. — *М. Р.*).

серьезной помехой на пути хозяйственного развития. В капиталистическом обществе цель производства состоит в создании прибавочной стоимости, и притом все увеличивающейся. Эта цель вследствие ее несоответствия покупательной способности трудящихся масс приводит к перепроизводству товаров и невозможности «осеребрить», реализовать их и в конечном счете к кризисам перепроизводства. В социалистическом же обществе, где цель производства в удовлетворении потребностей производителей, указанные противоречия имеют своим результатом накопление товаров, которые невозможно сбыть из-за их плохого качества или производства ненужных товаров.

Таким образом, не способ аналогии, а сведéние форм проявления к сущности, анализ своеобразия этой сущности, ее новой природы, затем исследование того, почему и как она проявляется в этих (особенно некоторых старых) формах, — таков путь познания соотношения сущности и явления в социалистическом обществе. Мы здесь не останавливаемся на том, что сущность социалистического производства проявляется и в новых формах, каковы социалистическое соревнование, отношения товарищеской взаимопомощи, планомерность развития, непрерывность развития производства ввиду отсутствия кризисов и многие другие явления. Эта сторона вопроса более ясна и не требует особого анализа.

Отрицая аналогию как способ исследования коммунистического производства путем его сопоставления с капиталистическим производством, Маркс указывает на другой логический прием, представляющий большой интерес для изучения форм познания. Этот прием или способ можно было бы определить как способ сведéния или раскрытия за различными конкретно-историческими формами существенных основ, общих некоторым или всем общественным формациям, и доказательства невозможности отождествления этих существенных основ с той или другой конкретной формой их проявления. В том самом месте второй части третьего тома «Капитала», где Маркс говорит о непригодности аналогии, он применяет указанный логический способ исследования на примере таких экономических категорий, как заработная плата, необходимый и прибавочный труд и др. Показывая ошибочность взглядов буржуазных экономистов, выдающих конкрет-

ные формы проявления, характерные для буржуазного способа производства, за вечную сущность, Маркс устанавливает, что в основе этого утверждения лежит недопустимое отождествление явления и сущности, формы проявления и ее основания. Маркс это показывает путем сведе́ния категорий заработной платы, необходимого и прибавочного труда к общим основам, свойственным всем формациям. Если, говорит Маркс, освободить заработную плату от ее капиталистического характера и свести к общей основе, «то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего», если ее, эту часть, освободить от капиталистических ограничений, то останется уже не *эта форма,* не форма заработной платы, а *основа,* общая всем общественным способам производства, ибо при любом способе люди за свой труд получают известную долю произведенного ими продукта, необходимую для их существования.

Так же обстоит дело и с необходимым и прибавочным трудом. Они всегда при любом мало-мальски развитом способе производства имеют место, иначе невозможно развитие общества. Защитники капитализма полагают, что необходимый и прибавочный труд могут существовать лишь в капиталистической оболочке. Маркс говорит об этих категориях, как и о заработной плате: «...если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» [1].

Это значит, что нельзя принимать капиталистические формы этих основ, общих всем способам производства, в качестве единственно возможных и «естественных». Совлекая с этих основ их конкретно-историческую форму, необходимую в определенных условиях, обнажая эти основы, сводя к ним те или иные исторические формы, Маркс тем самым показывает преходящий характер этих последних, несовпадение сущности и форм ее проявления.

Необходимый и прибавочный труд существуют и при социализме, но уже не в капиталистической форме проявления, а в форме, соответствующей новому способу про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 448.

изводства. Прибавочный труд уже не присваивается капиталистами, которых нет в социалистическом обществе, и не выступает в форме прибавочной стоимости. Иным становится соотношение между необходимым и прибавочным трудом. И тот и другой по существу представляют собой необходимый труд, так как результаты того и другого используются для удовлетворения личных и общественных потребностей самих трудящихся. Капиталисты заинтересованы в том, чтобы сократить необходимый и увеличить прибавочный труд рабочего. Социалистическое общество заинтересовано в том, чтобы вообще сократить время труда людей ради развития их физических и духовных сил. Как видим, *общие основы не совпадают с той конкретной формой проявления,* которую необходимый и прибавочный труд имеют при капитализме.

Правда, при социализме еще существует форма заработной платы, но о ней можно сказать то же, что и о других старых формах (товарно-денежные отношения, прибыль и т. п.). Она — форма проявления уже иной социальной сущности. При социализме заработная плата уже не есть цена рабочей силы, так как последняя перестает быть товаром, она уже не форма отношений между капиталистом и рабочим.

Приведем еще одно высказывание Маркса, ярко демонстрирующее рассматриваемый способ критического анализа сущности и явления. Это высказывание тем более важно привести, что оно опровергает некоторые домыслы современных буржуазных экономистов относительно сущности государственно-монополистического капитализма и их попытки использовать внешнюю видимость явлений для того, чтобы отождествить капитализм с социализмом. Маркс предвидел, что с развитием капитала носители его (капиталисты) все более будут становиться излишними в процессе производства, так как их роль по управлению производством будет переходить к управляющим. Как он сам говорит, он имеет в виду не «бутафорское» отделение промышленных капиталистов от денежных, которое вульгарные экономисты используют как повод для утверждения, что промышленный капиталист подобно своему рабочему также получает заработную плату за руководство процессом производства. Речь идет о действительном отделении труда по управлению производством от капиталистов любой категории. Но и этот труд буржуазные эко-

номисты не могут себе представить не в капиталистической оболочке.

Известно, что в современном капитализме роль управляющих в руководстве производством необычайно выросла. Говорят даже о «революции управляющих», которая-де изменила характер социального строя капитализма. Какая разница, заявляют теоретики капитализма, между этим строем и социализмом: и там и здесь служащие управляют производством, руководят рабочими, осуществляют надзор за их работой. Особенно это очевидно, говорят они, когда мы имеем дело с государственно-монополистическими предприятиями.

И вот тут-то с полной силой сказывается Марксов метод анализа сущности и явления, метод раскрытия за различными историческими формами общих основ и исследования противоречия между этой общей сущностью и преходящей конкретной формой ее проявления. Маркс показывает, что труд по управлению есть *общая основа,* свойственная не только капиталистическому производству, но и социализму. Отождествлять эту общую сущность со специфической капиталистической формой ее проявления — значит изменять объективной истине, ибо вследствие общественной формы труда (кооперация, разделение труда и т. п.) управление производством «совершенно... не зависит от капитала». «Говорить, что этот труд по руководству трудом необходим как *капиталистический труд,* как функция капиталиста, означает только то, что вульгарный экономист не может себе *представить* развившиеся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой их капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия их моментов, отделенными от их извращения и их quidproquo» [1].

Да, и на капиталистическом предприятии, и на социалистическом предприятии есть труд по управлению производством, но только вульгарный экономист может выдать за нечто общее и одинаковое разные конкретно-исторические формы проявления и выражения этой *общей сущности,* обусловленной общественным характером труда, формы, кладущие в действительности резкий водораздел между капитализмом и социализмом. Маркс показы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 523.

вает, что все дело в том, кому служат управляющие, представителями кого они выступают. Он приводит в качестве примера кооперативные фабрики рабочих. «В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала» [1]. Этого, конечно, не хотят понять современные экономисты, полагающие, что управление производством как сущность, основа, принадлежащая ряду социальных формаций, может проявляться лишь в капиталистической форме.

Если бы, говорил по другому поводу Энгельс, сущность и явление совпадали, то тогда невозможно было бы развитие. Отрицая противоречие между общими основами всех способов производства и конкретными формами проявления их, буржуазные экономисты и стремятся законсервировать капиталистический строй с его специфическими и преходящими формами. Своим методом сведéния конкретных форм проявления к общим основам Маркс разрушает эти хитросплетения и показывает, что в той же мере, в какой буржуазная оболочка этих некоторых общих основ была в свое время неизбежной и прогрессивной, она стала ныне ненужной и реакционной и должна уступить место новым, соответствующим современным историческим условиям формам — формам социалистическим.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 426.

Глава восьмая

Абстракция, ее сущность и роль в познании

Исходя из того что цель познания заключается в том, чтобы объяснить явления в их необходимости, сущности, Маркс, находясь еще далеко от завершения своего исследования в «Капитале», обращаясь к читателю, как бы просит у него прощения за то, что он, автор, идет столь сложной, тернистой дорогой к этой цели. Как убедился читатель, «к своему огорчению», говорит он, «анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства — дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда...» [1]. Но другой, более легкой дороги нет, и задача состоит в том, чтобы понять, осознать это, овладеть теми способами, которые способствуют достижению цели науки.

Каковы же, по Марксу, эти способы познания скрытой основы вещей? Как познание обнаруживает за внешними видимыми движениями внутреннее скрытое движение? Здесь мы снова сталкиваемся с противоречиями познания, с той же самой «антиномией», о которой шла речь в предыдущей главе, но уже под углом зрения соотношения между многообразием явлений, как они даны в *чувственном созерцании,* и сущностью явлений, познаваемой посредством *абстракции.* Подобно тому как антиномия сущности и явления преодолевается тем, что за внешними формами явлений находится их сущность, и затем исследуется, как сущность выражается в явлениях, так и антиномия, противоречие способов, форм их познания —

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 343.

чувственного и мыслительного, эмпирического и рационального — разрешается путем перехода одной противоположности в другую, диалектики их взаимодействия.

В противоположность старым гносеологическим теориям, односторонне подчеркивавшим в качестве главного или единственного орудия познания либо чувственное, либо рациональное познание, марксизм рассматривает и то и другое как необходимые, органически связанные между собой, как ступени, шаги познания, позволяющие идти от явлений к сущности, от сущности менее глубокого порядка к сущности более глубокого порядка. Марксистская теория познания доказала, что без живого созерцания явлений объективного мира, воздействующих на органы чувств человека и вызывающих в нем определенные ощущения, ничего нельзя знать о действительности. Мышление, стремящееся проникнуть в сущность явлений, может лишь опираться на данные чувств, наблюдений, опыта. Но так как чувственное познание недостаточно само по себе, ибо оно фиксирует преимущественно внешние формы проявления сущности, то ступень чувственного познания дополняется новой ступенью — абстрагирующей деятельностью человеческого мышления, с помощью которого и познается сущность вещей.

Таким образом, вместо незаконного разделения и противопоставления различных моментов познания, как это имело место раньше, марксизм объединяет их в едином, диалектически развивающемся процессе познания, в котором все эти моменты одинаково необходимы и важны. Одна ступень познания диалектически переходит в другую: чувственное познание, живое созерцание — в познание с помощью научной абстракции. Одна ступень без другой немыслима. При этом марксистская гносеология связывает весь процесс познания объективной истины и каждый его отдельный момент с практической деятельностью людей, составляющей основу познания и критерий истинности наших знаний.

Так как наибольшую трудность и вместе с тем наибольший интерес представляет вопрос о роли научных абстракций в познании и так как по плану настоящей работы вопрос о Марксовом способе исследования в целом будет рассмотрен в следующей главе, целесообразно вначале установить, какое значение придавал Маркс в своем

анализе капиталистического способа производства научной абстракции и как он пользовался ею для раскрытия внутренней основы явлений буржуазного общества.

1

В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс указывает, что при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить *сила абстракции.*

Этим определено значение абстракции для познания. Именно благодаря силе абстракции мышление способно путем анализа данных, доставляемых чувственным созерцанием, проникнуть в сущность явлений, познать законы объективной действительности. В отличие от старых материалистов, недооценивавших роль абстракции в переработке восприятий и представлений, марксизм поднял на большую высоту проблему научного абстрагирования в процессе познания. Марксистская теория познания, как и гносеология домарксовых материалистов, исходит из того, что познание есть отражение действительности. Но для марксизма это не простое, не непосредственное отражение, а чрезвычайно сложный процесс абстрагирования, образования понятий, раскрытия законов и т. д.

Простое, непосредственное отражение есть мертвое, фотографическое воспроизведение действительности, которое дальше регистрации внешних форм проявлений не идет. Отражение действительности с ее существенными процессами требует применения силы абстракции. Маркс в «Капитале» подверг критике буржуазных экономистов за непонимание и принижение ими этой силы абстракции. В этом Маркс видел корень ряда ошибок и путаницы у Смита и Рикардо, которые, хотя и широко пользовались научными абстракциями (особенно Рикардо), все же не шли достаточно далеко в этом направлении. В отрицании роли научных абстракций Маркс видел тот методологический прием, который давал буржуазным апологетам — вульгарным экономистам — возможность выдавать внешнее, кажущееся за действительное и выступать против основной задачи экономической науки — раскрытия законов явлений производства. Этим приемом дискредитации научных законов пользуются и современные буржуазные

философы, экономисты и др. Современная буржуазная философия объявила настоящий «крестовый поход» против абстрактных понятий науки.

Марксова критика буржуазных экономистов чрезвычайно важна для установления того, что̀ Маркс понимал под «силой абстракции». Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению того, как Маркс пользовался этой «силой» для обнаружения сущности процессов капиталистического производства, поучительно разобрать критику Марксом буржуазных экономистов. С этой точки зрения большой интерес представляет критика, которой подвергает Маркс в «Капитале» и особенно в «Теориях прибавочной стоимости» С. Бейли — английского экономиста периода разложения рикардианской школы.

Бейли критиковал Рикардо за то, что тот признавал существование стоимости, или «абсолютной стоимости», отличной от относительной, или «сравнительной», стоимости. Бейли пытался доказать, что стоимость как овеществленный труд не существует, что это абстракция. Стоимостью он называл лишь то количественное отношение, в котором обмениваются товары друг на друга. Маркс в связи с полемикой Бейли против Рикардо указывает, что сам Рикардо дал повод для такого выступления против его теории, так как он часто смешивал стоимость и ее внешние формы проявления, стоимость и меновую стоимость. Рикардо, говорит Маркс, совершенно не исследует стоимость по форме, не рассматривает ту определенную форму, какую принимает труд как субстанция стоимости.

Сосредоточение внимания на рассмотрении величины стоимости, отсутствие анализа формы стоимости в отличие от стоимости — все это было результатом недооценки роли абстракций в теории Рикардо. Маркс часто упрекал Рикардо именно за то, что он недостаточно далеко идет в своих абстракциях.

Вот почему в ответ на критику Рикардо со стороны Бейли Маркс замечает, что Рикардо следует гораздо скорее упрекнуть в том, что он очень часто забывает эту «реальную», или «абсолютную», стоимость и помнит только об «относительной», или «сравнительной», стоимости.

Недостаточная глубина абстракции при анализе стоимости, неумение последовательно абстрагировать субстанцию стоимости от величин ее, от форм ее проявления объясняет многие ошибки теории Рикардо, в том числе и рас-

смотренное в предыдущей главе смешение стоимости с ценами производства.

В полемике Бейли против Рикардо Маркс отмечает, что своими возражениями Бейли указывает на смешение «мерила стоимости» с сущностью стоимости. Но Бейли делал свои возражения для того, чтобы отрицать реальное существование стоимости как воплощенного в товаре труда. Стоимость он сознательно смешивал с ценой, с ее денежным выражением, и, так как одна и та же стоимость может выразиться и выражается во многих ценах, он делал вывод о реальности цен и нереальности стоимости. Это было ему необходимо для того, чтобы заключить, что стоимость товаров определяется не трудом, воплощенным в них, а спросом и предложением, меновыми отношениями.

Критика Марксом этой вульгарно-экономической концепции Бейли интересна тем, что Маркс показывает, что в основе ее лежит неумение и нежелание применить научную абстракцию для правильного решения вопроса. Бейли, говорит Маркс, со своим несуразным мышлением, которое останавливается только на поверхности явлений, не способен и не хочет за пестрым многообразием внешних явлений увидеть то, что делает их выражением одной и той же сущности. Он не может отвлечься, абстрагироваться от этой пестроты выражений и найти их единство. Бейли думает, что если стоимость холста выражается в сюртуке, хлебе и т. п., то эта пестрота и многообразие делают якобы невозможным существование стоимости вообще. За различием потребительных стоимостей он не видит их сущности — одной и той же стоимости. Он воображает, что указанием на эти пестрые, относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить стоимость.

Но именно такая фиксация внешних явлений при неумении *абстрагироваться* от их поверхностных, несущественных сторон, с тем чтобы увидеть их существенную, внутреннюю связь, их единство, и извращает действительное положение вещей.

Маркс говорит, что стоимость какого-нибудь товара всегда выражается в определенном количестве потребительной стоимости другого товара, функционирующего в качестве денег. И эту поверхностную форму берет Бейли. Иначе говоря, цена выдается за стоимость. Но так как цена колеблется в зависимости от спроса и предложения,

то, следовательно, по Бейли, и стоимость изменяется. Сколько цен, столько и стоимостей.

Маркс не без иронии продолжает критику Бейли: «От поверхности идти дальше вглубь не дозволяется. Бейли забывает даже то простое соображение, что если y аршин холста = x фунтам соломы, то это равенство неодинаковых вещей, холста и соломы, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие как чего-то одинакового должно ведь отличаться... от их бытия как соломы и холста. Они приравнены друг к другу не как солома и холст, а как эквиваленты. Поэтому одна сторона уравнения должна выражать ту же стоимость, что и другая. Стоимость соломы и холста, следовательно, не должна быть ни соломой, ни холстом, а должна быть чем-то общим для них обоих и вместе с тем отличным от них как соломы и холста. Что это такое? На это Бейли не дает никакого ответа» [1].

В ответ на «философское» рассуждение Бейли о том, что вещь также не может иметь стоимости сама по себе, без отношения к другой вещи, «как вещь не может быть сама по себе удалена без отношения к другой вещи», Маркс ссылается на пример геометрии, которая, чтобы сравнить многоугольники, превращает их в треугольники и выражает их в треугольниках. Но чтобы это сделать, указывает Маркс, геометрия рассматривает их как единство, как различные части той же плоскости, *абстрагируясь от конкретных предметов.*

Тут мы подходим к тому, что́ Маркс понимает под абстракцией, абстрагирующей деятельностью мышления. Как видно из критики Бейли Марксом, он именно в абстракции усматривает ту способность мышления, которая позволяет за внешними явлениями вскрывать их внутреннее существо. Эта способность состоит в том, что в пестром многообразии действительности мышление находит *общее,* одинаковое, тождественное, отвлекаясь от внешнего, случайного, несущественного. Абстракции, следовательно, свойственна двоякого рода особенность: 1) отвлечение от внешнего, несущественного и 2) обнаружение общего, «одинакового» в единичном, конкретном, такого общего, которое составляет сущность явлений. Однако сама природа этого *общего,* схватываемого в результате абстракции, требует тщательного рассмотрения. Кроме того, указывая

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 141—142.

на эти особенности абстракции, мы не исчерпываем всех ее функций. В частности, как уже следует из указанного, важной и характерной чертой ее следует считать то, что она рассматривает процессы и явления в их «чистом» виде, но об этом дальше.

Маркс в своем понимании абстракции как всеобщности продолжает и развивает на материалистической основе то, что дала диалектика Гегеля в этой области. Как известно, Гегель со всей резкостью выступил против метафизического понимания общего или всеобщего, даваемого в абстракции, как просто общих признаков, выделенных из массы единичных предметов, противопоставляемых этим последним. Нередко при этом всеобщее рассматривалось как то, что свойственно не самим вещам, а создано разумом с целью «упорядочить» многообразие явлений ради «удобства» ориентировки в них. Такая концепция нашла свое яркое выражение у Локка, у которого сильна была номиналистическая тенденция. По Локку, «всеобщность не принадлежит самим вещам, которые по своему бытию все единичны». *«Общее и универсальное,* — писал он, — *создание разума*»; «общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, но изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается только знаков, слов или идей» [1]. Следует отметить, что такое понимание общего широко распространено в современном неопозитивизме.

Гегель не мог выносить самой мысли о том, что абстрактное есть всеобщее, из которого выхолощено все единичное и особенное, он называл это пустой всеобщностью. «*Абстрактное,* — говорил он по этому поводу, — считается в таком случае по той причине менее значительным, чем конкретное, что из него, дескать, опущено так много указанного рода материи. Абстрагирование получает согласно этому мнению тот смысл, что из конкретного вынимается (лишь для *нашего субъективного употребления*) *тот* или *иной признак,* так что с опущением стольких других *свойств* и *модификаций* предмета их не лишают ничего из их *ценности* и *достоинства,* а они попрежнему оставляются как *реальное,* лишь находящееся на другой стороне, сохраняют попрежнему полное свое значение, и лишь *немощь* рассудка приводит согласно этому взгляду к тому,

[1] *Д. Локк.* Опыт о человеческом разуме. М., 1898, стр. 408.

что ему невозможно вобрать в себя все это богатство и приходится довольствоваться скудной абстракцией» [1].

Эта критика Гегелем «скудных абстракций» и сегодня объясняет «немощь» тех, кто говорит о «великой антиномии» абстрактного и конкретного. Что-то улавливая в проблеме, они не способны понять логические способы ее разрешения. Если *так* понимать абстракцию как всеобщее, то действительно любые пути ведут в тупик. Маркс и критикует Бейли за такое понимание всеобщего, абстрактного, когда, используя выражение Гегеля, в них отбрасывается все определенное, единичное, конкретное. Если стоимость есть такая скудная абстракция, то она на самом деле ничто по сравнению с «живыми» и «конкретными» ценами. Гегель прав, заявляя, что такого рода абстракция ничего не может постигнуть в сущности вещей, ибо она не допускает к своим продуктам (понятиям, категориям, законам и пр.) единичность, индивидуальность и поэтому «приходит лишь к безжизненным... бесцветным и бессодержательным всеобщностям» [2].

По Гегелю, научные абстракции, понятия содержат в себе все богатство единичного и особенного, конкретного, не противостоя им как нечто находящееся по ту сторону их свойств, их содержания, а вбирая их в себя, обобщая их в существенности и определенности, будучи единством противоположностей — общего и особенного. И в этом смысле абстракция богаче, содержательнее всякого отдельного единичного. Самое существенное в таком понимании абстрактного состоит, согласно Гегелю, в том, что всеобщее, постигаемое диалектически, содержит в себе принцип развития, т. е. конкретизируется, *развивается* в единичном и особенном.

Конечно, всеобщее Гегель как идеалист трактует идеалистически, оно — мыслящее себя понятие. И конечно, такое неправильное понимание всеобщего мстит за себя тем, что задним числом протаскивается отвергаемый самим же философом метафизический взгляд на природу абстракции. В его «Философии природы» мы читаем: «Чем больше возрастает доля мышления в представлении, тем более исчезает природность, единичность и непосредственность вещей; благодаря вторжению мысли скудеет богат-

---

[1] *Гегель*. Соч.,т. VI. Соцэкгиз, 1939, стр. 17—18.
[2] Там же, стр. 54.

ство бесконечно многообразной природы, ее весны никнут и ее переливающиеся краски тускнеют. Живая деятельность природы смолкает в тиши мысли» [1].

Нечего доказывать, что Маркс отбрасывает этот мертвый продукт идеализма, беря у Гегеля и всесторонне развивая в духе материалистической диалектики жизнеспособные элементы учения немецкого философа об абстракции. Для Маркса как материалиста всякая научная абстракция есть мысленное воспроизведение самой реальности в ее существенности. В одном из писем к Каутскому, противопоставляя идеалистическое и материалистическое понимание абстракции, показывая Марксов подход к проблеме абстрагирования, Энгельс писал: «Маркс сводит то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях, к его наиболее обобщенному мысленному выражению. Его абстракция, следовательно, только отражает в форме мысли то содержание, которое уже заключается в вещах» [2].

Марксовы абстракции основаны на глубоком изучении объективной действительности. Это не просто умственные операции, а операции мысли над реальными объектами с целью найти и выразить, как Маркс сам выражается, «действительную тенденцию их движения» [3], «внутреннюю игру... механизма» явлений [4], «имманентные законы» действительности и т. д. Скажем, он исследует процесс сведения конкретного труда к абстрактному. «Это сведение, — пишет он, — представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не бо́льшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» [5].

В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс говорит о том, что понятие «капитал» вообще есть абстракция в сравнении с особыми капиталами. Но эта абстракция, подчеркивает Маркс, не произвольна, она целиком соответствует действительности, поскольку она прежде всего фиксирует то специфическое, что отличает капитал

---

[1] *Гегель.* Соч., т. II. Соцэкгиз, 1934, стр. 11.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 180.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 208.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 577.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 17.

от других форм богатства. В этой абстракции выражено, далее, то существенное, что делает все отдельные капиталы одинаковыми, тождественными, а именно их способность к самовозрастанию. Более того, капитал вообще — это не просто понятие, продолжает Маркс, ибо он существует реально в виде денег, которые аккумулируются в банках, распределяются затем в соответствии с потребностями производства. И хотя эта абстракция капитала мысленно охватывает его отличительную специфику, капитал в своей всеобщей форме существует в качестве особой формы рядом с единичными формами [1].

Или например, говорит он, у Рикардо непосредственные участники капиталистического производства сведены к двум классам — капиталистам и рабочим. Это, несомненно, абстракция, так как в буржуазном обществе существуют и другие классы, скажем земельные собственники. Но такая абстракция, показывает Маркс, не есть ошибка, она «представляет собой адекватное теоретическое выражение капиталистического способа производства, выражает его differentia specifica» [2]. Сам Маркс в «Капитале» также исходит из этого факта, вводя понятие земельного собственника лишь во второй части третьего тома своего произведения. Эта абстракция соответствует реальности, она помогает исследовать *сущность* капитала тем, что отвлекается на первых порах от других классов и позволяет в «чистом виде» исследовать эту сущность, состоящую во взаимоотношении капиталиста и рабочего. «Капиталист и наемный рабочий, — пишет Маркс, — являются единственными носителями функций производства и теми его агентами, взаимоотношение и противоположность между которыми проистекают из сущности капиталистического способа производства» [3].

Эти примеры, которые можно было бы умножить, показывают отличие Марксовых абстракций от гегелевских, отличие, заключающееся в том, что они обобщают реальную действительность и представляют собой абстрактные выражения сущности объективных явлений, а не мистически обрабатываемых понятий, духа и т. п.

---

[1] См. *Karl Marx*. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie, S. 353.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 163.

[3] Там же, стр. 162.

Рассматривая абстракции как обобщенные отражения самих вещей, Маркс считает одной из самых важных их особенностей то, что они должны быть *исторически конкретными абстракциями*, т. е. не переходить того рубежа, за которым абстракция теряет свои земные корни и превращается в фантазию. Абстракция лишь тогда схватывает явления в их сущности, когда в ней учитывается основная историческая связь этих явлений с порождающими их условиями. Маркс, например, очень высоко ценил взгляды физиократов, и именно за то, что буржуазные формы производства в них представлялись как «физиологические формы», т. е. в их сущности, как формы, «вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы...» [1]. Но ошибку их он видел в том, что абстракция этих законов простирается за пределы тех конкретных условий, которые определяют их; эта абстракция неисторическая и потому нереальная. Материальный закон одной исторической ступени общества, указывает Маркс, «...рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества» [2].

У самого Маркса любая абстракция имеет соприкосновение с конкретно-историческими условиями. Если в ходе исследования ему нужно отвлечься от этих условий и в целях анализа дать сначала какое-нибудь явление в его, так сказать, абсолютной абстрактности и всеобщности, с тем чтобы потом показать, как эта всеобщность конкретизируется в данных исторических условиях, он всегда оговаривает это и указывает, что процессы временно рассматриваются в их отвлечении от исторических форм. Такой подход в ряде случаев помогает ему исследовать то, как общее принимает определенную конкретно-историческую форму. Отчасти этот прием был уже виден на примере анализа сущности и явления в предыдущей главе, когда мы говорили о том, как Маркс сводил исторические формы к их самым общим основам. Такие понятия, как «необходимый и прибавочный труд», «получение производителями определенной доли производимого ими продукта», — все это абстракции, наиболее общие, независимые от тех или иных исторических условий. Маркс вовсе не

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 12.
[2] Там же.

отказывался от такого рода абстракций. Скажем, он считал вполне необходимой и научной абстракцию «производства вообще», поскольку она сокращает массу частностей и позволяет понять общее для всех формаций условие жизни и существования общества. В первом томе «Капитала», прежде чем исследовать труд, специфический для капиталистического производства, Маркс рассматривает абстракцию труда вообще, отвлекаясь от всякой исторической формы, в которой труд только и может существовать. Как он сам говорит, ему это нужно для того, чтобы показать, что собой представляет потребление рабочей силы в процессе производства. Он должен вскрыть характер труда вообще, те элементы, из которых труд складывается, что даст затем возможность установить отличительную специфику капиталистического труда, его отличие от других форм труда. Поэтому он говорит, что тот факт, что труд рабочего совершается под контролем капиталиста, не изменяет общей природы производства. Вот почему он делает вывод: «...процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы» [1].

Однако такие абстракции — абсолютные или наиболее общие — всегда служат у Маркса лишь ступенькой к абстракциям конкретно-историческим, он никогда не застревает на такого рода абсолютных абстракциях. Так, рассмотрев труд «в простых и абстрактных моментах», обобщив его в определенном понятии как целесообразный обмен веществ между человеком и природой, как «вечное естественное условие человеческой жизни», Маркс затем пишет, что по этой абстракции труда совершенно не видно, при каких исторических условиях он происходит: «...под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста...» [2]. И тогда со ступеньки «абсолютной абстракции» он поднимается на ступень конкретно-исторической абстракции, т. е. создает абстракцию *капиталистического* труда, и опять-таки обобщает эту абстракцию в определенном понятии, отражающем труд, в котором лишенный собственности рабочий создает присваиваемую капиталистом прибавочную стоимость.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 188.
[2] Там же, стр. 195.

Соответственно и понятия, в которых резюмируются результаты абстрагирующей работы мышления, имеют то наиболее общий, то конкретно-исторический характер. Таковы, например, понятия производства вообще и капиталистического производства, воспроизводства вообще и капиталистического воспроизводства и т. д. Мы ограничимся здесь этими замечаниями по поводу исторического характера Марксовых абстракций, так как в заключительной части настоящей главы этот вопрос снова возникнет в связи с критикой современных попыток буржуазных экономистов построить абстрактную модель капиталистического производства или общества вообще.

Итак, развивая и материалистически перерабатывая учение Гегеля об абстракциях, Маркс под абстракциями понимает мыслительную, идеальную форму выражения сущности явлений, форму, посредством которой в отвлечении от внешних несущественных или сравнительно несущественных связей познается внутренняя связь, основа явлений. Это не значит, что абстракция не может отвлекаться и от существенных связей, отвекаться на первых порах, с тем чтобы впоследствии ввести их. Маркс это делает сплошь и рядом. Говоря о том, что абстракция выступает прежде всего как средство отвлечения от внешнего и несущественного, мы определяем самое главное в ней, ибо она есть одна из могущественных форм отражения, воспроизведения сущности вещей. Вместе с тем если шире определить абстракцию, то можно будет сказать, что она есть способ извлечения из конкретного какой-то стороны, грани явления с целью познания сущности явления. Вследствие того что сущность не может быть сразу схвачена во всей своей глубине, абстракция идет сложным путем к выделению из конкретного наиболее существенной стороны. Вообще следует заметить, что в целях лучшего исследования логики движения познающей мысли наука о мышлении искусственно расчленяет *единый* и неразрывный в связи своих элементов процесс познания на отдельные, выхваченные из этого единого процесса «куски», части, стороны. В предыдущей главе, рассматривая познание как разрешение противоречия между сущностью и явлением, мы отвлеклись от абстракции, без которой невозможно осуществить исследование сущности, так же как, рассматривая сейчас абстракцию, мы отвлекаемся от анализа, синтеза, индукции, дедукции и т. д.,

без которых немыслима и абстрагирующая деятельность мышления.

Абстракция как форма и орудие воспроизведения сущности выступает у Маркса не как всеобщность, которой противостоит по другую сторону мир единичного и особенного. Абстракции суть обобщения и выражения существенного в мире единичного и особенного, и потому они вбирают в себя в обобщенном виде эти последние. В силу этого Марксовы абстракции содержат тот самый *принцип жизни и развития,* благодаря которому возможен и необходим переход от общего к единичному, от абстрактного к конкретному. Абстракция прибавочной стоимости содержит в себе в «растворенном» виде все абстракции конкретных форм прибавочной стоимости, поскольку первая абстракция обобщает сущность всех этих форм. Поэтому вполне логичен и необходим в процессе познания переход от данной «общей» абстракции к абстракциям конкретных форм прибавочной стоимости. Забегая вперед, заметим, что этот переход есть не простое выведение, а *развитие* общего в единичное и конкретное. Таким образом, антиномия абстрактного и конкретного, общего и единичного разрешается опять-таки с помощью диалектического закона противоречия, этого решающего закона познания. То, что выступает на поверхностный взгляд как разделение, обособление, этот закон соединяет в единство противоположностей, переходящих друг в друга: из единичного, конкретного (чувственно-конкретного) абстрагируется общее, а это общее, абстрактное снова превращается в свою противоположность — конкретное, о чем речь еще впереди.

Общее извлекается у Маркса не просто путем выделения какого-либо признака и отбрасывания других признаков и не просто посредством нахождения чего-то сходного в массе явлений. Можно сколько угодно искать такое общее, как, скажем, стоимость в массе единичных цен, и не найти его по той причине, что стоимость невидима, неосязаема. Она — сущность массы единичных актов обмена и в качестве таковой составляет их всеобщность. Но эта всеобщность может быть познана не путем простого отвлечения ее от единичного, хотя и эту сторону нельзя игнорировать, а путем глубокого *анализа* сути вещей.

В связи с этим следует сказать несколько слов об *общем* как результате и форме выражения абстракции. В литературе иногда проскальзывает некоторое пренебре-

жение к общему, одинаковому как продукту абстракции. Это объясняется, очевидно, тем, что общим, одинаковым может быть и несущественное, например, как указывал Гегель, при обобщении свойств человека мягкая мочка уха. Но это не дает основания игнорировать выделение общего, одинакового в массе явлений как результат абстракции. Общее, одинаковое нужно понимать как *существенно* общее и одинаковое. Верно также и то, что абстракция вовсе не должна всегда иметь дело с *массой* единичных явлений. Нередко бывает достаточно исследования одного явления, для того чтобы совершить абстракцию общего, имеющегося во всех подобных явлениях. Маркс создал свою «модель» абстрактного капитализма на основе изучения преимущественно Англии — самого развитого тогда буржуазного общества. Марксу не было нужды извлекать свою абстракцию из массы единичных «капитализмов». Это все так, и тем не менее абстракция имеет дело с общим в противоположность единичному и конкретному, и потому сила абстракции — это *сила обобщения.*

Наконец, понятия, категории, в которых Маркс резюмирует результат своей абстракции, едины в противоположностях, поскольку, отражая сущность вещей, они составляют единство общего и единичного, абстрактного и конкретного.

Таковы некоторые черты Марксова понимания абстракции. Посмотрим теперь, как это понимание реализуется «в действии», как Маркс конкретно строит свои абстракции.

2

Мы не имеем возможности останавливаться подробно на этом вопросе и потому рассмотрим лишь, как Маркс строит такие важные для всего его исследования абстракции и понятия, как «стоимость» и «прибавочная стоимость». При этом следует сразу отметить, что та картина, которую дает в этом отношении «Капитал», не выражает, конечно, всей сложности процесса абстрагирования. Как заявил сам Маркс, мышление должно сначала детально освоить материал, прежде чем можно его изложить в стройной, логической форме. Поэтому многие стороны действительного процесса познания остаются за предела-

ми того, что отливается в конечные формы изложения, ибо развитие мысли, ее поиски проделывают путь со многими зигзагами, неудачами, возвратами назад, который лишь в результате приводит к цели. Но конечно, и то, что содержится в уже готовом произведении, все же дает, хотя и в чистом виде, представление о логике движения мысли к истине.

На первых же страницах «Капитала» Маркс констатирует, что меновая стоимость предстает перед исследователем в виде количественного соотношения, пропорции, в которой одна потребительная стоимость обменивается на другую. Причем количественные соотношения, пропорции обмена постоянно изменяются в зависимости от времени и места. Поэтому меновая стоимость на поверхности явлений, в процессе обмена действительно кажется результатом отношения между вещами, порождением обмена, как и полагали всякого рода вульгарные экономисты типа Бейли. Ее изменения и колебания представляются плодом чистейшей случайности. Маркс сразу же в связи с этим определяет трудность, стоящую перед исследователем. «Меновая стоимость, — говорит он, — кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость... представляется каким-то contradictio in adjecto [противоречием в определении]. Рассмотрим дело ближе» [1].

И Маркс приступает к анализу действительного положения вещей. При этом сразу вступает в действие сила абстракции. Какой-нибудь товар обменивается в определенной пропорции на другие товары, например такое-то количество пшеницы на известное количество шелка, сапожной ваксы, золота и т. д. Выходит, что пшеница имеет не одну, а множество меновых стоимостей. Имея дело с этим многообразием явлений, Маркс стремится вскрыть, обнаружить их единство. В самом деле, почему данное количество пшеницы обменивается в определенной пропорции на шелк, сапожную ваксу, золото? Где здесь критерий обмениваемости? Все это остается иррациональным, непонятным фактом, пока мы не сведем явления к их единству.

Маркс указывает, что уже даже по своей видимости акты обмена свидетельствуют о наличии в разных товарах

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 44—45.

чего-то *общего, одинакового.* То обстоятельство, что меновая стоимость пшеницы находит свое выражение в определенной величине многих других товаров (шелка, золота, железа и т. п.), свидетельствует о наличии чего-то одинакового, общего в них, как бы они ни отличались друг от друга. Это общее может иметь и имеет различные величины, но они суть различные величины чего-то одинакового. «Отсюда, — говорит Маркс, — следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания» [1].

И Маркс переходит к установлению того, что́ является этим общим. Он показывает, что потребительные стоимости не могут быть этим общим, одинаковым в многообразных товарах, ибо они качественно отличны друг от друга. Меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. Следовательно, общее можно найти путем абстрагирования от потребительных стоимостей, т. е. от частного и конкретного.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство — то, что они продукты труда. Абстракция, таким образом, помогла Марксу найти то общее и существенное, что свойственно многообразным товарам. Но это пока лишь абстракция первого рода, абстрагирование не доведено еще до конца. Маркс идет дальше по этому пути. Отвлекаясь от потребительной стоимости товаров, он рассматривает их как продукты труда. Но труд также есть нечто конкретное, существующее в многообразных видах (труд столяра, сапожника, металлиста и т. д.). Товары, следовательно, являются продуктом конкретного труда. Почему же товары могут обмениваться друг на друга, несмотря на то что на них лежит печать самых разнообразных конкретных видов труда? Очевидно, опять-таки по той причине, что в этих многообразных видах труда есть что-то одинаковое, общее, выражающее сущность всех видов труда. Отвлечение, абстрагирование от конкретности труда показывает, что такое общее — это труд вообще, труд как затрата рабочей силы независимо от ее полезного, целесообразного

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 45.

характера. Конкретные виды труда, говорит Маркс, сводятся все к одинаковому — абстрактному — человеческому труду.

Товары, следовательно, выступают не просто как продукты труда, а как продукты абстрактного труда. Здесь мы имеем уже более глубокую абстракцию. Никто из буржуазных экономистов не сумел добраться до этой важнейшей для понимания всего механизма товарного производства научной абстракции. Между тем эта абстракция, как и любая правильная абстракция, отражает сущность самих реальных жизненных процессов. Говоря о сведении конкретного труда к абстрактному, Маркс пишет: «Труд, который измеряется таким образом временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда. Иначе говоря, труд, как он представлен в меновых стоимостях, мог бы быть назван *всеобще-человеческим* трудом. Эта абстракция всеобщего человеческого труда *существует* в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества, это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.» [1]

Этот абстрактный, всеобще-человеческий труд, труд вообще и воплощен, овеществлен в товарах. Это — их общественная субстанция, делающая их одинаковыми, несмотря на все их пестрое многообразие. Установив это, Маркс делает главный вывод: «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость» [2].

Вскрыв с помощью абстракции основу меновой стоимости (стоимость), Маркс выбил всякую почву из-под тех теорий, которые рассматривают стоимость лишь как отношение товаров. Он показал, что само отношение это возможно лишь потому, что товары есть овеществленная стоимость. Разбивая точку зрения того же Бейли, Маркс показывает, почему нельзя сводить стоимость к «отношению» товаров. «*Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне при-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 17.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 47.

сущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта способность остается «скрытой», пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты» [1].

Стоимость также есть внутреннее свойство товара, и это свойство существует независимо от отношений с другими товарами. Другое дело, что, как и сила притяжения, она может проявиться лишь в отношении с другими товарами в процессе обмена. Но сами эти отношения есть нечто производное от главного — от стоимости как овеществленного труда. Стоимость регулирует эти отношения, а не наоборот. Отношения между товарами могут меняться и меняются в зависимости от времени и места, а стоимость есть их относительно устойчивая и прочная основа. Отношение, в каком обмениваются товары, говорит Маркс, а следовательно, способность каждого товара покупать другие товары определяются его стоимостью, служат только следствием стоимости, но не наоборот, не стоимость определяется этой способностью.

Так благодаря силе абстракции Маркс обнаруживает объективный закон, регулирующий товарное производство, — закон стоимости. На поверхности мы имеем постоянно колеблющиеся меновые отношения, а внутри — существенные связи, закон. Но как бы ни отличались первые от вторых, закон стоимости управляет меновыми отношениями.

Благодаря абстракции научное познание реализовало свою задачу: за внешними явлениями, дающими повод думать, что меновые отношения, их величины определяются чисто случайными мотивами, оно открыло их действительную сущность. «Определение величины стоимости рабочим временем, — пишет Маркс, — есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 143.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 23, стр. 85.

Сила абстракции, как показывает пример со стоимостью, помогает за случайным находить необходимое, видеть, что само случайное (например, постоянные колебания цен) есть лишь форма проявления необходимости.

Рассмотрим теперь, какова роль научной абстракции при решении краеугольного вопроса всей политической экономии капитализма — вопроса о прибавочной стоимости. Будучи тесно связан с вопросом о стоимости, он является его прямым продолжением. Без уяснения первого невозможно было бы и решение второго вопроса. Какое значение придавал Маркс абстракции при решении вопроса о прибавочной стоимости, показывает его письмо к Энгельсу, написанное вскоре после окончания работы над первым томом «Капитала». Маркс указал, что самое лучшее в его книге — это, во-первых, анализ двойственного характера труда, во-вторых, исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм (прибыли, процента, земельной ренты).

В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс также отмечает эту заслугу Маркса и показывает слабость его предшественников, не сумевших выделить, абстрагировать общую форму прибавочной стоимости от ее особых, превращенных форм и потому запутывавшихся в «экономической тарабарщине».

В непосредственно доступной действительности прибавочная стоимость выступает не обнаженно, а в превращенной форме прибыли, средней прибыли; в практической жизни она принимает вид особых конкретных форм — промышленной, торговой прибыли, процента, ренты.

Как и в случае со стоимостью и ее формой (меновой стоимостью), учет одной лишь формы прибавочной стоимости (прибыли, а также особых видов и форм прибыли) создает неверное представление о действительных законах, определяющих движение капиталистического производства. Чтобы открыть эти законы и показать обусловленность формы ее содержанием, необходимо вначале абстрагироваться от конкретных форм прибыли, т. е. путем обобщения вскрыть их существенное единство, то одинаковое, что в них содержится и выражением чего они являются. Такое единство есть прибавочная стоимость. Это та их общность, которая связывает все особые виды и формы прибыли воедино. Только такая абстракция по-

зволяет понять и действительную природу особых форм прибыли — процента, земельной ренты и т. д.

До Маркса никто из экономистов не сумел выделить эту абстракцию. Напротив, характерной чертой теорий этих экономистов было смешение содержания с формой, прибавочной стоимости с прибылью, прибыли вообще с ее конкретными формами. В третьем томе «Капитала» Маркс так характеризует буржуазную политическую экономию: «...она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента...» [1] Отсюда неизбежно вытекают грубые теоретические ошибки и заблуждения. Из всех буржуазных экономистов Маркс и в этом отношении выделяет Смита и Рикардо, показывая, что им удавалось доходить в своем анализе до прибавочной стоимости, как таковой. Но как раз пример этих лучших буржуазных экономистов свидетельствует об ограниченности буржуазного экономического мышления, неспособного использовать всю силу абстракции для научного исследования явлений. И эти экономисты не сумели проанализировать прибавочную стоимость в ее чистом виде и связать ее с прибылью и конкретными формами прибыли.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс осуществляет специальный разбор метода Смита и Рикардо. Этот разбор представляет огромный философский интерес и значение для решения вопроса о роли и месте научных абстракций в познании. Маркс дает следующую общую оценку интересующей нас стороны метода Смита и Рикардо.

А. Смит хотя и рассматривает по сути дела прибавочную стоимость, но так как «не представляет ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм, — то в дальнейшем он уже прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью. Эта ошибка сохраняется у Рикардо и у всех последующих экономистов. Отсюда (в более резкой форме это имеет место у Рикардо, у которого основной закон

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 234.

стоимости проводится с бо́льшим систематическим единством и последовательностью, а потому у него резче выступают также непоследовательности и противоречия) возникает ряд непоследовательностей, неразрешенных противоречий и бессмыслиц...» [1].

Причину такого смешения и неумения вывести все необходимые абстракции, несомненно, нужно видеть и в классовой точке зрения экономистов. Боязнь проникнуть слишком глубоко в сущность явлений имеет своим закономерным следствием и недостаточность научных абстракций и обобщений. Не случайно современная буржуазная философия так неистовствует по поводу теоретических абстракций, объявляя их «метафизикой» и «схоластикой» и противопоставляя ей видимую «эмпирическую действительность».

Критика Марксом Смита и Рикардо по этой линии сводится кратко к следующему. Смит правильно устанавливает, что тот излишек, который предприниматели получают сверх затраченного капитала, т. е. прибавочная стоимость, происходит из одного источника — из части капитала, затрачиваемой на заработную плату. Но, как показывает Маркс, Смит сразу же после этого представляет себе указанный излишек в форме прибыли, относит его не к переменной части капитала, из которой он происходит, а к капиталу в целом. Иначе говоря, он рассматривает прибавочную стоимость непосредственно в форме прибыли.

Здесь Маркс вскрывает кроме неумения Смита абстрагироваться от внешних, превращенных форм прибавочной стоимости еще один порок метода буржуазных экономистов: их непонимание соотношения между абстрактными и конкретными категориями, их неумение идти от абстрактного к конкретному. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Таким образом, Смит смешивает, отождествляет прибавочную стоимость с прибылью. Он не в силах отделить первую от второй, абстрагироваться от второй при исследовании главного закона капиталистического производства — закона производства прибавочной стоимости. И вот к чему приводит такое отождествление. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу. Если отождествить прибавочную стоимость с при-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 64.

былью, то легко сделать вывод о том, что весь капитал создает прибавочную стоимость. В непосредственной действительности дело по внешней видимости именно так и обстоит. Больший капитал приносит больше прибыли, чем меньший. Смит и делает такой вывод, что прибыль зависит и от величины авансированного капитала; поэтому капиталист-де заинтересован в том, чтобы вкладывать в дело бóльшие капиталы. Этот вывод Смита получает следующую оценку со стороны Маркса: «Здесь прибыль объясняется уже не природой прибавочной стоимости, а «интересом» капиталиста. А это пóшло и нелепо» [1].

Что же тогда остается от закона прибавочной стоимости, который лежит в основе прибыли и регулирует ее? Неспособность последовательно абстрагировать внутренние существенные связи от их форм проявления ведет к отрицанию этого закона, а следовательно, к запутыванию всей проблемы. А. Смит не чувствует, указывает Маркс, что, смешивая таким образом непосредственно прибавочную стоимость с прибылью и прибыль с прибавочной стоимостью, он опрокидывает собственный научный подход к вопросу о происхождении прибавочной стоимости.

Смит сводит прибавочную стоимость не только к прибыли, но и к тем ее особым видам, которые имеют свои различные законы движения, например к земельной ренте. Уже в силу этого, указывает Маркс, он должен был бы видеть, что нельзя смешивать всеобщую абстрактную форму ни с одной из ее особых, конкретных форм.

Но смешение всеобщей формы прибавочной стоимости с ее особыми формами приводит к разрушению не только закона прибавочной стоимости, но и закона стоимости. Выводя стоимость из труда, Смит затем самое стоимость конституирует из прибыли, ренты и заработной платы.

За недостаточность абстракции Маркс критикует и Рикардо, который также при рассмотрении стоимости и прибавочной стоимости не может абстрагироваться от прибыли и всеобщей нормы прибыли, от явлений конкуренции, от особых видов прибыли. «Рикардо, — говорит Маркс, — нигде не рассматривает *прибавочную стоимость* обособленно и отдельно от ее особых форм — прибыли (процента) и ренты» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 66.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 411.

Отождествляя прибавочную стоимость с прибылью, Рикардо сталкивается с фактом расхождения между стоимостью товаров и их ценами, определяемыми законом цен производства. Как и Смит, он делает из этого неверное заключение о законах, регулирующих прибыль. Очевидно, говорит Маркс, его следовало бы упрекнуть не в слишком большой абстрактности, как это обыкновенно делается, а «в недостаточной силе абстракции, в неспособности при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли — факт, встающий перед ним из сферы конкуренции» [1].

Вульгарные экономисты использовали путаницу Рикардо, чтобы объявить научные абстракции несостоятельной выдумкой. Маркс показывает, что беда Рикардо не в использовании им теоретических абстракций, а в том, что он недостаточно далеко идет «по пути правильной абстракции и что это и приводит его к абстракции ошибочной» [2].

Таким образом, критика Марксом Смита и Рикардо ясно показывает, как слабость, недостаток теоретической абстракции препятствуют правильному решению проблемы прибавочной стоимости.

Как и в решении вопроса о стоимости, Маркс при постановке и решении проблемы прибавочной стоимости широко пользуется научной абстракцией. Доказав, что стоимость есть овеществленный труд и что только живой труд создает стоимость, Маркс создал все предпосылки для правильного решения и вопроса о прибавочной стоимости. Если стоимость создается трудом, то отсюда логически вытекает, что и прибавочная стоимость может быть создана лишь трудом и имеет своим источником неоплаченный труд рабочего. На первом этапе своего исследования Маркс последовательно отвлекается от всего, что может помешать выяснению проблемы, берет ее в чистом виде. Это не нарушение, не искажение объективной действительности, а, напротив, способ наиболее глубокого осознания скрытой основы явлений. Этим способом пользуется каждый ученый-естествоиспытатель, когда, исследуя какое-нибудь явление, он отвлекается от всего, что мешает видеть сущность этого явления.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 206.
[2] Там же, стр. 484.

В чистом виде Маркс исследует прибавочную стоимость в первом томе «Капитала». В этом томе Маркс отвлекается от многих сложных обстоятельств, выступающих в процессе капиталистического производства, взятого в целом. Так как стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость создается лишь в процессе производства, то ясно, что именно этот процесс приобретает решающее и первостепенное значение для понимания проблемы прибавочной стоимости. В первом томе своего произведения Маркс рассматривает эту решающую сторону, отвлекаясь пока от других сторон всего процесса капиталистического производства. Это, разумеется, не значит, что капитал еще не выступает в первом томе как единство производства и обращения. Все, что нужно сказать об этом единстве, Маркс говорит уже в этом томе. Так, например, он показывает, что прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Капиталист должен найти на рынке, т. е. в сфере обращения, особый товар — рабочую силу, эксплуатация которой в процессе производства товаров и создает прибавочную стоимость.

Но Маркс не исследует еще сферу обращения во всей ее сложности и полноте. И делает он это сознательно, руководствуясь законами познания, законами научной абстракции. Обращение не отменяет и не может отменить основного, главного факта, что только создаваемая эксплуатируемыми рабочими прибавочная стоимость есть единственный источник обогащения капиталистов. Это — объективный закон капитализма, определяющий все его процессы, все его развитие. Однако в обращении этот закон несколько видоизменяется, усложняется, проявляется в формах, затемняющих его сущность. Понятно поэтому, что Маркс вначале исследует этот закон в его наиболее обнаженном виде, чтобы затем показать, как этот закон, проявляясь на поверхности, видоизменяется, приобретает превращенные формы, отнюдь не изменяя при этом своей сущности.

Например, на рынке цены испытывают постоянные колебания, вращаясь вокруг стоимости, но не совпадая с ней. Этот факт несовпадения цен товаров с их стоимостью (что является не простой видимостью, а реальностью) усложняет вопрос о стоимости, о труде как единственном созидателе стоимости. Может показаться, что стоимость

возникает в процессе обмена и что, следовательно, и прибавочная стоимость, прибыль есть простая надбавка над ценой товара. Вульгарные экономисты и используют в этом духе факт отклонения товарных цен от стоимости.

Маркс при решении проблемы прибавочной стоимости абстрагируется от этого факта, как не имеющего существенного значения и только затемняющего сущность проблемы. Он заявляет, что превращение денег в капитал должно быть раскрыто на почве внутренних законов товарообмена, т. е. обмена эквивалентов. К этой постановке вопроса Маркс делает важное методологическое примечание. Он указывает, что «образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимостям. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, *чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала* на почве товарного обмена и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса» [1].

Такое сведéние отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. В самой действительности постоянные колебания цен сами собой сводятся к средней цене как своей внутренней норме.

О том, что образование капитала, прибыли нужно рассматривать, абстрагируясь от факта отклонения товарных цен от товарных стоимостей, Маркс говорит и в своей работе «Заработная плата, цена и прибыль». Указывая на абсурдность объяснения прибыли из простой надбавки на цену товара, Маркс пишет: «Следовательно, для того чтобы объяснить *общую природу прибыли,* мы должны исходить из положения, что в среднем товары *продаются по своим действительным стоимостям* и что *прибыль получается от продажи товаров по их стоимостям,* т. е. от продажи их пропорционально количеству воплощенного в них труда. Если вы не можете объяснить прибыли на основе этого предположения, то вы вообще не можете ее объяснить. Это кажется парадоксальным и противоречащим по-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 176—177 (курсив мой. — *М. Р.*).

вседневному опыту. Но парадоксально и то, что земля движется вокруг солнца и что вода состоит из двух легко воспламеняющихся газов. Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» [1].

При исследовании прибавочной стоимости с целью выяснения действительной основы капиталистической прибыли Маркс вначале абстрагируется от самой категории прибыли; он не отождествляет прибавочную стоимость и прибыль, как это делают буржуазные экономисты. И опять-таки эта абстракция нужна для понимания подлинной природы и источников прибыли. Прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, т. е. та форма, которую последняя неизбежно принимает в реальном процессе капиталистического производства. Капиталист затрачивает определенный капитал для того, чтобы был возможен сам процесс производства. Одна часть капитала идет на покупку средств производства, другая часть — на покупку рабочей силы. Пуская капитал в производство, капиталист добивается получения прибыли. Для него безразлично, какую роль в производстве играет каждая часть затрачиваемого капитала. Он относит прибыль ко всему капиталу, считая ее порождением каждого его элемента. В итоге, говорит Маркс, получается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала. Маркс приводит слова вульгарного экономиста и врага рабочего класса Мальтуса, который в целях защиты капитализма говорил: «Капиталист *ждет* одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала».

На деле, конечно, прибыль возникает из прибавочной стоимости, создаваемой не всеми элементами капитала, а лишь переменной его частью. Но в живом процессе капиталистического производства прибавочная стоимость выступает в форме прибыли, т. е. как порождение всего авансированного капитала. Следовательно, заключает Маркс, прибыль «есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как при видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 130—131.

различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом» [1].

Понятно, что, для того чтобы раскрыть тайну прибавочной стоимости, нужно было путем теоретических абстракций отвлечься вначале от прибыли как превращенной, мистифицированной формы прибавочной стоимости и исследовать последнюю в ее чистом виде. Изучая прибавочную стоимость как порождение процесса капиталистического производства, Маркс обратил внимание на ту роль, которую играет каждая часть капитала в этом производстве, и благодаря этому он сумел установить важное различие между постоянным и переменным капиталом. Несомненно, категории постоянного и переменного капитала суть абстракции по сравнению с издержками производства, о которых знает любой капиталист. Но это такого рода абстракция, которая вскрывает сущность явления, его закон, в то время как издержки производства, как пишет Маркс, приобретают в капиталистическом хозяйстве ложную видимость явления, относящегося к самому производству стоимости.

Не сумев абстрагировать прибавочную стоимость от прибыли, Смит, Рикардо и другие буржуазные экономисты запутали вопрос о том, какими законами определяется и регулируется прибыль. А не поняв этих законов, они сводили дело ко всякого рода побочным и случайным обстоятельствам.

Напротив, Маркс благодаря силе теоретической абстракции открыл закон образования прибавочной стоимости и сумел показать, что этот закон лежит в основе всего движения капитала, что, в каких бы видах и формах ни выступала капиталистическая прибыль, она черпается из одного источника — из прибавочной стоимости, создаваемой пролетариями. Как бы повседневный опыт капиталистической жизни на первый взгляд ни «противоречил» этому закону (например, ему «противоречит» продажа товаров не по стоимости, а по ценам производства), величина прибыли, получаемой классом капиталистов, обусловливается величиной созданной прибавочной стоимости и не может быть ни меньше, ни больше ее.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 44.

Прибавочная стоимость есть та «общность», то «единство», которые проявляются и выражаются в многообразных формах и только исходя из которых можно понять капиталистическое производство не как хаотическое нагромождение случайностей, а как закономерное целое.

В этой связи становится ясным, почему Маркс придавал такое большое значение своему анализу прибавочной стоимости, а также и прибыли как *общей* формы в отличие и независимо от конкретных и частных ее форм — промышленной прибыли, торговой прибыли, земельной ренты и т. д.

В реальном процессе капиталистического производства не существует прибавочной стоимости вообще, хотя эта абстракция и имеет свой аналог в действительности. Прибавочная стоимость, создаваемая в процессе производства, не распределяется еще среди капиталистов другого рода и есть по существу прибавочная стоимость вообще, реальный прообраз этой абстракции. В непосредственном существовании многообразных конкретных форм прибыли стирается их *единство, их общий источник.* Кажется, что каждая частная форма прибыли существует сама по себе и имеет свои особые источники. Действительное положение вещей усложняется и мистифицируется еще тем, что каждая из этих форм прибыли, как указывает Маркс, связана с тем или иным вещественным фактором, например рента — с землей, процент — с деньгами, прибыль — с капиталом.

В третьей части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс очень ярко показал, как распадение прибавочной стоимости на особые формы затушевывает их внутреннюю, существенную связь, заключающуюся в том, что все они суть лишь разные виды, формы прибавочной стоимости, создаваемой путем эксплуатации рабочей силы.

«Ясно, — пишет Маркс, — что, как только прибавочная стоимость распадается на различные *особые* части, относимые к разным, лишь *вещественно* различным элементам производства — к природе, к продуктам труда, к труду, — как только она вообще получает *особые,* безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга формы, регулируемые различными законами, ее общее всем этим формам единое начало — т. е. сама прибавочная стоимость. — а потому и природа этого общего единого начала

становятся все более и более нераспознаваемыми и не показывают себя в *явлении,* а должны быть еще только открыты как некая сокровенная тайна. Это обособление формы отдельных частей прибавочной стоимости и их противопоставление друг другу как самостоятельных форм находят свое завершение в том, что каждая из этих частей сводится к некоторому особому элементу как к своей мере и своему особому источнику, или в том, что каждая часть прибавочной стоимости представляется действием некоторой особой причины, акциденцией некоторой особой субстанции. А именно: прибыль — капитал, рента — земля, заработная плата — труд» [1].

Только абстрагируясь от этих частных, конкретных форм прибавочной стоимости и прибыли, найдя путем обобщения их *единство,* их *сущность,* можно было открыть их действительную природу, а также закон их существования и развития. Таким единством и является прибавочная стоимость. В промышленной прибыли, земельной ренте, проценте и т. д. существенно не то особое, что присуще каждой из этих частных форм, а то общее, единое, что делает их лишь особыми видами присвоения неоплаченного труда рабочего.

Поэтому Маркс первоначально и уделил такое большое внимание исследованию прибавочной стоимости *независимо* от ее особых форм. Путем абстракции Маркс вскрыл эту их основу и тем самым обнажил и природу всех особых форм, которые, как бы они ни отличались от своей скрытой основы, выступают лишь как проявление и выражение этой основы.

Таким же образом Маркс поступил и при исследовании закона тенденции нормы прибыли к понижению. Без анализа прибавочной стоимости независимо от прибыли, без учета деления капитала на постоянный и переменный и т. д. невозможно понять и закон тенденции нормы прибыли к понижению. Ибо этот закон есть следствие роста органического состава капитала, т. е. относительного уменьшения переменной части капитала и роста его постоянной части. Относительное уменьшение переменной части капитала при росте всего капитала (особенно за счет увеличения постоянной его части) неизбежно выражается в понижающейся норме прибыли, хотя норма при-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 509.

бавочной стоимости может оставаться той же или даже повышаться.

«Мы намеренно, — говорит Маркс в третьем томе «Капитала», — даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории. Возможность выведения этого закона независимо от распадения прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий, прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распадения и от взаимных отношений между различными категориями прибыли, возникающими в результате этого распадения. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями» [1].

Из всего сказанного видно, что в своем методе абстракции Маркс особое внимание уделяет рассмотрению явлений и процессов первоначально в наиболее чистом виде. Маркс придавал этой стороне прямо-таки решающее значение. Можно сказать, что именно построение подобных, наиболее «чистых» абстракций без малейшей примеси знаний о развитых и конкретных формах представляет *главную трудность* в процессе исследования, но вместе с тем и *наиболее важную* сторону абстрагирования. Это объясняется тем, что такие чистые абстракции (чистые, разумеется, не в силу отвлечения от действительности) дают самую глубокую основу для понимания сущности вещей, для всего дальнейшего движения по пути воспроизведения конкретного. Приступая к рассмотрению любого вопроса, Маркс начинает с требования исследовать объект в чистом виде. Это уже показано на примере анализа прибавочной стоимости и закона тенденции нормы прибыли к понижению. Маркс критикует Рикардо за то, что, анализируя только товар с целью вывести категорию стоимости, он «приплел *общую норму прибыли* и все

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 234.

предпосылки, проистекающие из более развитых капиталистических производственных отношений» [1].

Сам Маркс обладает удивительной способностью не «приплетать» развитые отношения при анализе самых сложных вопросов, дабы раскрыть, обнажить, сорвать всяческие маски с запутывающих и дезориентирующих мышление процессов, выступающих на поверхности. Какого труда требует процесс мышления, чтобы дойти до чистой абстракции! Вот Маркс исследует накопление капитала. Это уже неизмеримо более сложное явление и процесс, чем стоимость или прибавочная стоимость (хотя последние суть предпосылки первого). Но и здесь Маркс начинает с того, что процесс накопления должен быть рассмотрен абстрактно, «в его чистом виде». И он объясняет, что это нужно для «отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его (т. е. накопления. — *М. Р.*) механизма» [2]. И что очень важно еще и еще раз подчеркнуть, Маркс всегда с поражающей точностью находит в самой реальности аналог чистым абстракциям, как бы они ни отвлекались от конкретных связей действительности.

Так, приступая к исследованию процесса накопления капитала, нужно, говорит Маркс, исходить из того, что капиталисту удается продать свои товары и беспрепятственно снова превратить значительную часть своих денег в капитал. В действительности, конечно, дело обстоит сложнее и не всегда капиталисту удается реализовать свои товары. Но анализ внутреннего механизма накопления требует отвлечься от этого, иначе побочные обстоятельства будут затемнять изучаемый процесс. Далее, необходимо абстрагироваться также от того, что капиталист должен разделить произведенную прибавочную стоимость между собой и другими капиталистами (торговым, денежным, земельным собственниками и т. д.), ибо учет их на этой ступени, когда не исследован еще процесс накопления в его имманентных законах, опять-таки лишь запутает дело. Поэтому, делает вывод Маркс, нужно исследовать процесс накопления вначале как абстракцию, т. е. в отвлечении от усложняющих обстоятельств.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 225.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 577.

И в данном случае мощь Марксовой абстракции состоит в том, что абстрагирование в своей сущности совпадает с тем, что происходит в самой действительности. Раз накопление совершается, то это значит, что капиталисту удалось продать свои товары и начать новый цикл производства. Далее, промышленный капиталист действительно, а не только в абстракции выступает вначале как собственник всей прибавочной стоимости, произведенной его рабочими, и лишь впоследствии она распределяется среди всех «братьев-капиталистов». «Следовательно, — указывает Маркс, — то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления (т. е. в абстракции. — *М. Р.*), то происходит и в действительности» [1].

Однако на этом абстрагирование не останавливается. Процесс накопления капитала означает, что осуществляется воспроизводство (притом расширенное воспроизводство) капитала. Без этого не может быть накопления. Переходя к вопросу о воспроизводстве, Маркс вначале исследует его опять-таки в чистом виде как простое воспроизводство, отвлекаясь от того, что фактически оно всегда реализуется в виде расширенного воспроизводства. Маркс говорит, что при капитализме не бывает такой равномерности, или одинаковости, повторения, как при простом воспроизводстве. Но тем не менее он совершает эту абстракцию, и именно для того, чтобы иметь возможность выяснить механизм воспроизводства в его существенных элементах и связях. А это позволит затем лучше и легче понять процесс расширенного воспроизводства. Рассмотрение последнего Маркс называет конкретным в противовес анализу простого воспроизводства [2].

Таким образом, мы здесь имеем *абстракцию в абстракции*. Если все исследование накопления капитала в первом томе протекает в плане абстракции, то и проблема воспроизводства, в ходе решения которой должна быть выяснена сущность накопления, сама вначале рассматривается абстрактно. Но именно такой подход позволяет Марксу, вводя постепенно то, от чего он сначала абстрагируется, сформулировать свой знаменитый всеобщий закон капиталистического накопления.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 577.
[2] См. там же, стр. 594.

3

Уже неоднократно указывалось, что результаты абстрагирующей деятельности мышления воплощаются в понятиях, категориях, научных законах и т. д. Последние представляют собой не что иное, как итог преобразования материального в идеальное. Преобразование это сводится к тому, что в понятиях и категориях действительность выступает не в непосредственно чувственных образах, а в обобщенном виде. Маркс придавал первостепенное значение экономическим понятиям и категориям как узловым пунктам познания. Перефразируя его слова, написанные по другому поводу, можно сказать, что они в «Капитале» представляют подлинно «костную» систему всего исследования. Поэтому нетрудно понять, почему с такой резкостью Маркс обрушивался на тех экономистов, которые не понимали значения понятий и категорий, видели в них отход от действительности, измену «фактам», схоластическое изобретательство и пр. В ходе создания «Капитала» Марксу пришлось вести борьбу не только против гегельянских идеалистических абстракций, но и против вульгарного, *позитивистского* принижения и отрицания роли научных абстракций в познании. Если Гегель признавал важную роль абстракций, но лишь для того, чтобы оторвать их от реальной действительности, мистифицировать и представить в качестве абсолютной идеи, порождающей весь мир, то вульгарная буржуазная «наука» отрицала научные абстракции для того, чтобы познание не проникало в сущность явлений и не делало опасных для существования капитализма выводов.

Одним из отмеченных уже Марксом приемов борьбы буржуазных апологетов против науки было провозглашение понятия стоимости и других экономических понятий и категорий «схоластическим изобретением». «Вульгарные олухи», как говорил о таких «ученых»-экономистах Маркс, прикидывались здравыми реалистами и, признавая только то, что лежит на поверхности явлений, отрицали объективный характер научных обобщений. Позже враги марксизма неоднократно пользовались этим приемом и обвиняли Маркса в «метафизике», в злоупотреблении «спекулятивными абстракциями», которые-де «противоречат» эмпирической действительности. Стоимость нельзя пощупать руками, значит, она плод «схоластического изо-

бретения». Прибавочную стоимость нельзя увидеть глазами, следовательно, она есть не более как воображение человеческой фантазии. Абстрактный труд нельзя попробовать на вкус, стало быть, он мифическое измышление. Так рассуждали старые буржуазные позитивисты, так рассуждают современные враги науки.

В. И. Ленин посвятил специальную статью одному из русских представителей этого позитивизма, скрывающего под маской «последовательного эмпиризма» и «здравого смысла» субъективно-идеалистическое отрицание внешнего мира и объективных законов науки. В статье «Еще одно уничтожение социализма» Ленин критикует Струве, который объявил, что стоимость есть «фантом», призрак. «Категория объективной ценности, — писал Струве, — есть лишь, так сказать, метафизическое удвоение категории цены» [1]. Он пытался представить дело так, что стоимость, по Марксу, якобы обитает где-то отдельно от реальных явлений как некое сверхъестественное существо. Он сравнивает Маркса со средневековыми реалистами, полагавшими, будто понятия существуют сами по себе независимо от явлений и определяют бытие этих явлений.

На самом деле, как показал Ленин, это шутовское сравнение Маркса со средневековыми реалистами понадобилось Струве для того, чтобы дискредитировать науку и ее объективные законы. В основе всех рассуждений буржуазного апологета Струве, доказывает Ленин, лежит стремление «наплевать на всякие обобщения». В немногих словах Ленин разбивает наголову «концепцию» Струве, показывая действительное взаимоотношение между ценой и стоимостью, между явлением и его сущностью, законом. «Цена, — говорит Ленин, — есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены» [2].

В. И. Ленин, таким образом, не только разоблачил действительный смысл «барского скептицизма», модного в буржуазной общественной «науке» эпохи империализма, но и показал великое значение научных обобщений, их реальное объективное содержание. Научное понятие (понятие стоимости или любое другое) есть результат обобщения, которое выражает «массовое», «устойчивое»

---

[1] Цит. по: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 45.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 46.

единичных реально существующих явлений. Это общее извлечено из самих вещей. Будучи выражено в научном понятии, оно сложнее, чем отдельно взятое явление (например, цена данного товара), и только враги науки могут объявить обобщения научной теории фантомами.

Раньше уже говорилось, что и сегодняшние противники марксизма, повторяя Струве, упрекают Маркса в «реализме понятий». Выше приводились слова Эйкена по этому поводу. Мы сейчас вернемся к нему и посмотрим, наконец, как же современная экономическая мысль решает провозглашенную ею «великую антиномию». Если мы берем названного немецкого экономиста, то, разумеется, не потому, что он занимает какое-то особо выдающееся место в буржуазной политической экономии последних десятилетий. Можно было бы с равным правом привлечь теорию индустриального общества (Ростоу), смазывающую всякое качественное различие противоположных систем производственных отношений. Если мы берем взгляды главы немецкой школы неолиберализма, то исключительно по той причине, что в них делается упор на методологические и логические вопросы анализа экономики.

Исходя из существования пресловутой «великой антиномии» между сущностью и явлением, абстракцией и живой эмпирией, Эйкен с пренебрежением отзывается об экономических понятиях, выступает против «системы понятий», так как-де она противоречит жизни. Понятия «капитализм», «социализм», «коммунизм», заявляет он, таковы, что науке нечего с ними делать. Его девиз — «никакой дистанции от действительности» (keine Distanzierung von der Wirklichkeit). Главное заключается в том, чтобы исследовать единичные факты, «фактическое положение дела». Мы хотим опираться, говорит он, не на понятия, а на индивидуальные, единичные явления экономики. Конечно, как будет видно из дальнейшего, он сам формулирует некоторые понятия, ибо нет такого мышления, которое могло бы обойтись без понятий. Все дело в том, каковы эти понятия, как они относятся к действительности, как обобщают явления. Эйкен признает и абстракцию в качестве необходимой формы исследования, называя ее «pointierende Abstraction», т. е. «заостривающей абстракцией», отыскивающей смысл, соль явлений. И вот с этим философским вооружением, долженствующим преодолеть «великую антиномию» чувства и рацио,

абстракции и эмпирии, Эйкен пускается в путь. Этот путь должен, на его взгляд, привести к совершенно новому образу мышления об экономике, не сходному ни с чем, что было в истории политической экономии.

Так как посредством понятий стремятся выразить сущность явлений, то, с точки зрения Эйкена, они не дают возможности выделить действительные «типы» экономического устройства. Он же стремится выделить «идеальные типы», которые позволили бы различать разные экономические организмы. Сущность для него — мертвая абстракция, уводящая от действительности. Скажем, «капитализм» как понятие, претендующее на то, чтобы выразить определенный тип экономики, учитывает столь разные порядки и устройства, как анархия производства, свободная конкуренция, монополии, государственное руководство хозяйством и др. То, что подводят под понятие «капитализм», изменилось со времени промышленной революции, но по-прежнему все это втискивается в то же понятие, заявляет Эйкен. Это и есть «реализм понятия», дистанцирование от действительности.

Как видим, понятие он понимает как пустую, абстрактную, не развивающуюся всеобщность, из которой выхолощено все конкретное. Здесь вполне подходят слова Гегеля, который по поводу такого понимания понятия и абстракции иронизировал: «*«Это только понятие»*, — так говорят обыкновенно, противопоставляя понятию, как нечто более превосходное, не только идею, но и чувственное, пространственное и временное осязаемое существование»[1].

Так как модели «идеальных типов», которые хочет создать Эйкен, невозможны без абстракции (как бы ее ни называть, пусть хоть «заостривающей абстракцией»), то он и производит некую абстракцию, которую и кладет в основу своих типов экономики. В противовес поискам «сущности», которая-де утрачивает «наглядное восприятие действительности», нужно найти такую абстракцию, с которой не случилось бы такое бедствие. И он ее находит в «Ordnungsgefüge», что означает структуру устройства, порядка. Структура хозяйственного устройства, порядка и есть тот якобы основной признак, который позволяет различать и определять с абсолютной точностью те или иные экономические организмы.

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 17.

Таким образом, абстракция строится по тому принципу, который еще Гегель подверг критике, говоря, что на основе какого-либо внешнего интереса среди других признаков выбирается отдельный признак, совпадающий к тому же с чувственным определением предмета и выдается за основание явления. Таким путем действительно можно преодолеть «дистанцию» между поверхностью явлений, эмпирией и абстракцией, поскольку последняя также не идет дальше поверхности действительности и ничего общего с реальной «физиологией» явления не имеет. Берется то, что бросается в глаза при поверхностном взгляде на действительность, и из одного признака пытаются вывести экономические типы. При таком эмпирическом подходе, стремлении уйти от подлинно научной абстракции, способствующей выяснению реальной сущности способов производства, эмпиризм и позитивизм неизбежно оборачиваются такими надысторическими абстракциями, с помощью которых невозможно понять ни одного действительного типа хозяйства. В этом методе исследования, провозгласившем свою способность преодолеть «великую антиномию» абстрактного и эмпирического, нет ни грана историзма.

В самом деле, исходя из признака структуры организации хозяйства, Эйкен считает, что существуют два основных идеальных типа: 1) «хозяйство обращения» (Verkehrwirtschaft), т. е. хозяйство, основанное на обмене между независимыми друг от друга хозяйствами, и 2) хозяйства, управляемые из центра, организованные, централизованные хозяйства (Zentralgeleitete Wirtschaft). Каждый из этих типов имеет-де место на протяжении всей истории общества. Первый тип возникает уже из общины путем обмена между домашними хозяйствами и отдельными производителями. Здесь планы отдельных хозяйств находятся в зависимости от планов и намерений других производителей. Этот тип находит свое выражение и в отдельной домашней семье в средневековых хозяйствах, и в современном капиталистическом обществе, где существует «открытая форма» обмена и «закрытая форма» обмена, куда относятся монополии и олигополии. Второй тип также проявляется в ряде форм. Это полностью централизованные хозяйства без всякого обмена (таковы, например, крупные хозяйственные единицы, где один руководитель все планирует, или отдельная семья), централи-

зованные хозяйства со свободным обменом, централизованные хозяйства, считающиеся с индивидуальными планами (т. е. хозяйства без жесткой регламентации), наконец, такие управляемые хозяйства, где существует свободный выбор профессии, переход с одного места работы на другое и т. п. Если исходный пункт первого типа — рыночное хозяйство, то исходный пункт второго — «планирование». В первом всем процессом руководит система ценообразования, во втором — план. Весь вопрос политической экономии заключается в том, как образуется целое и как направляется это целое.

Таковы основные идеальные типы, под которые можно подвести все существовавшие и существующие ныне хозяйства. Гора родила мышь. Автор этой системы совершенно отвлекается от формы собственности, от социальной сущности взаимоотношений между людьми в процессе общественного производства, ему совсем чуждо понятие класса, классовых отношений. В этой системе «все кошки серы»: в один и тот же тип включаются самые разнообразные способы производства. Например, в централизованный, «планируемый» тип хозяйства включается и отдельное натуральное хозяйство, и капиталистическая монополия, и коммунистическая экономика. Естественно, что ни о каком анализе конкретно-исторических условий и зависимости типа хозяйства от них не может быть и речи. Абстракции Эйкена и главная абстракция («структура организации») есть та самая *пустая всеобщность*, из которой выхолощено все конкретное содержание и под которую можно при желании подвести все что угодно. Это, разумеется, не значит, что категория «структура организации» не имеет никакого значения, но, будучи возведена в ранг определяющего понятия, она становится орудием построения произвольной конструкции.

Структура организации хозяйства сама зависит от способа производства. Притом структура эта может изменяться без изменения сущности способа производства. Скажем, структура капиталистической экономики существенно изменилась на ступени монополистической и государственно-монополистической, хотя от этого капитализм не перестал быть капитализмом. «Заостривающая абстракция» Эйкена мертва, неподвижна, она не способна ни к какому развитию, ибо устанавливает раз навсегда данные и неизменные «типы», существующие от Адама до

сегодняшнего дня. Схватить и выразить *историю* производства, экономической жизни общества ей не дано. Поэтому понятно, что противоречие между рацио и фактами ничуть не разрешается. Желание не уходить от действительности, от живого многообразия явлений на деле именно в силу *эмпиризма приводит к насильственной абстракции,* о которой Маркс много говорит, имея дело со старыми экономистами. Признак, произвольно выхваченный из целого, становится верховным принципом, которому насильственно подчиняется живое многообразие явлений. Скажем, под верховенством этого принципа произвольно объединяются такие несоединимые и противоположные формы, как монополистический капитализм и коммунизм.

Эйкен сам подчеркивает антиисторический характер своих абстракций и даже видит в этом преимущество перед марксизмом, для которого историзм абстракций, создаваемых мышлением, есть первейшее условие научного исследования. Называя свои типы «праформами», из которых возникают конкретные хозяйства, он утверждает, что с их помощью мы одинаково познаем как экономику Германии периода 1939 г., так и экономику Италии времен Диоклетиана...

Так метод, логика сознательно или бессознательно (чаще всего, конечно, сознательно) становится способом затушевывания, маскировки капиталистического характера экономики «свободного мира».

Свои идеальные типы Эйкен называет «мыслительными моделями». Действительно, развитие науки в последнее время придает важное значение моделям как способу исследования действительности. Большое распространение получил этот способ и в экономии. Эйкен прав, когда он считает мыслительные модели как бы посредствующими звеньями между восприятиями конкретных явлений и общей теорией. Но его принципы построения модели не выдерживают критики.

Сущность моделирования заключается в том (мы берем одну из возможных вариаций), что путем обобщения фактов создается мыслительная структура, которая должна выразить сущность действительности. Затем эта структура (модель) проверяется на действительности: мы снова окунаемся в ту самую стихию, из которой построили модель, и это должно служить проверкой ее истинности.

Следовательно, подлинно научные мысленные модели так или иначе, косвенно или прямо должны быть отражениями объективной действительности, в противном случае они не выдерживают испытания практикой. Не менее важной характеристикой таких моделей, когда речь идет о модели общественной жизни, должен быть их исторический характер. Модель есть абстракция, форма абстрагирования. Но только с точки зрения буржуазного экономиста абстракция и историзм несовместимы.

Ни одну из этих характеристик модели Эйкен не признает. Он заявляет, что мыслительная модель «не является отражением конкретной действительности», она-де к этому и не стремится. Далее, модели «не должны также мыслиться как обусловленные определенными историческими условиями». Тогда что же они собой представляют? «Все дело в том, — пишет Эйкен, — что на их основе, поскольку они представляют простые и ясные условия, можно отыскать теоретические положения, а следовательно, всеобщие суждения о необходимых условиях связи различных хозяйств» [1]. Понятно, что при таком подходе к моделям как форме абстрагирования можно создать лишь «идеальные типы», под которые при желании можно подвести все и ничто.

Другие буржуазные экономисты также пытаются создать модели капитала, но и для этих моделей характерно полное отвлечение от сущности капиталистического способа производства и от исторического своеобразия этого способа. Такова, например, математическая модель «естественного роста капитала», созданная упоминавшимся уже Р. Ф. Харродом в книге «К теории экономической динамики». Эта модель берет разные стороны процесса производства и обращения, каковы гарантированный темп роста, потребности в капитале, сберегаемая часть дохода, расширение спроса на сбережения и т. п. Но уравнение строится на полном отвлечении от того, что речь идет о *капиталистическом* процессе со всеми вытекающими из этого последствиями.

Выше уже указывалось, что одна из важнейших особенностей Марксовых абстракций состоит в том, что они историчны, т. е. мысленно воспроизводят сущность явлений в их исторической обусловленности и содержании.

---

[1] *W. Eucken.* Die Grundlagen der Nationalökonomie, S. 195.

Такие абстракции, как «прибавочная стоимость», «капитал», «постоянный и переменный капитал», «относительная и абсолютная прибавочная стоимость», «всеобщий закон капиталистического накопления» и пр., невозможно спутать ни с какими абстракциями и понятиями, отображающими какой-либо другой способ производства, кроме капиталистического. И «Капитал» в целом дает абстракцию капитализма, которая непосредственно не совпадает ни с каким «конкретным капитализмом» — ни с германским и ни с французским, ни с английским и ни с японским. Но эта абстракция вместе с тем великолепно выражает сущность *этих,* как и всех других, «конкретных капитализмов», поскольку она схватывает и объясняет данный конкретно-исторический способ производства. Поэтому Марксовы абстракции — и частные, и общие — от начала до конца историчны.

Во времена Маркса не существовало понятия модели в применении к политической экономии. Но сейчас мы вправе говорить, что Маркс пользовался методом моделирования в тех случаях, когда ему нужно было исследовать сущность какого-либо сложного процесса, который невозможно было выразить с помощью одних понятий или теории, и когда это наилучшим образом можно было сделать посредством некоего «сплава» абстракции и наглядности. Таковы его схемы простого и расширенного капиталистического воспроизводства. Важно подчеркнуть, что эти мыслительные модели представляют собой существенные обобщения самой конкретной действительности и что они проникнуты принципом историзма. Это — модели *капиталистического* накопления и воспроизводства, что, разумеется, не означает, будто в них отсутствуют общие черты всякого процесса воспроизводства.

До сих пор абстракция сама рассматривалась абстрактно, поскольку мы изолировали ее от «неизменного партнера», без которого она представляет собой чистую абстракцию, т. е. от *конкретного.* Последнее мы упоминали лишь в той степени, в какой необходимо было указать на то, что абстракция есть отвлечение от конкретного. Теперь нужно рассмотреть абстрактное и конкретное в их взаимосвязи, диалектику их взаимопереходов, процесс исследования абстрактного и конкретного как *целое.*

Глава девятая

Абстрактное и конкретное. Способ восхождения от абстрактного к конкретному

1

Как было выяснено в предыдущей главе, абстракция представляет собой форму и средство проникновения мысли в сущность явлений, выражения внутренней связи, внутреннего движения действительности. Абстракция, однако, не самоцель, а ступенька к выяснению и исследованию *конкретного*. Познание не может остановиться на абстрактном, так как задача науки заключается в том, чтобы воспроизвести в мышлении, в понятиях и законах объект как конкретное. Абстракция есть всегда лишь сторона, часть конкретного, поэтому абстракция выполняет свою роль только тогда, когда она способствует познанию объекта как сложного конкретного целого. В качестве отображения стороны, грани целого абстракция составляет противоположность конкретного. Процесс познания должен снять, разрешить это противоречие, что только и позволяет считать этот процесс в определенных пределах завершенным. Противоречие абстрактного и конкретного — одно из самых сложных и «трудных противоречий» процесса познания.

Не случайно Маркс в своем «Введении» к экономическим рукописям 1857—1858 гг., посвященном методологическим вопросам экономической науки, уделил столько внимания проблеме соотношения абстрактного и конкретного. Не только в этом «Введении», но во всех своих экономических работах, и особенно в «Капитале», он всячески подчеркивает эту сторону своего метода, подвергает критике метод буржуазных экономистов с точки зрения этой проблемы, всесторонне разрабатывает и обосновывает свой

способ восхождения от абстрактного к конкретному, представляющий собой один из самых главных и решающих принципов, устоев диалектико-материалистической логики.

В указанном «Введении», ставя вопрос о возможных способах исследования объекта как конкретного целого (под «конкретным», как будет видно дальше, понимается объект в единстве его многообразных сторон и свойств), Маркс говорит о двух подходах к процессу познания экономического строя общества.

Первый исходит из конкретного, например из населения как основы всего общественного процесса производства. Но Маркс считает этот способ ошибочным, так как ничего существенного нельзя знать о населении, т. е. о конкретном, если неизвестны элементы, из которых оно состоит, например классы. В свою очередь классы также будут пустым звуком, если неизвестны элементы, на которых они покоятся (наемный труд, капитал и т. д.). Капитал также слишком сложное явление, недоступное пониманию без анализа таких его сторон, как стоимость, деньги, цены и т. п.

«Таким образом, — заключает Маркс, — если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» [1].

Второй метод, или способ, Маркс считает правильным в научном отношении. Этот метод он называет методом восхождения от абстрактного к конкретному. Маркс указывает, что оба метода имели место в экономических исследованиях. Первый был характерен для экономистов XVII в., второй — для экономистов XVIII в. Но в действительности только у Маркса этот способ исследования получил глубокую и всестороннюю научную разработку. «Капитал» — классический и совершенный образец применения этого способа к анализу капиталистической формации.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 12, стр. 726.

Может показаться, что, согласно марксовскому методу, исходным, начальным пунктом познания является абстракция. Но такое представление было бы ошибочным. Абстракция, даже самая простейшая, не может быть, как было выяснено в предыдущей главе, началом процесса познания. Абстракция всегда есть результат переработки в мышлении чувственных образов и представлений. Действительно исходным пунктом познания может быть лишь восприятие конкретного. Нет ли в таком случае противоречия между требованием восходить от абстрактного к конкретному и бесспорным материалистическим положением о том, что познание начинается с чувственного восприятия живой, конкретной действительности?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дают следующие слова Маркса из того же «Введения»: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [1].

Из этих слов ясно видно, что метод Маркса отрицает конкретное как исходный пункт познания лишь в одном смысле — в смысле «единства многообразного», «сочетания многочисленных определений», т. е. живого сложного целого, состоящего из многих сторон и свойств. Поэтому оно не может быть сразу познано. Для того чтобы исследовать это целое, необходимо путем анализа разложить его на отдельные составные стороны и части, рассмотреть самостоятельно каждую из них и лишь потом соединить в мышлении эти части и стороны, изобразить конкретное целое во всем богатстве его определений. Иного пути исследования конкретного нет, и только поэтому в мышлении конкретное представляется как результат процесса соединения, а не как исходный пункт.

Не только мышление отдельного человека, не только единичный процесс познания следует по этому пути, но так исторически развивалось и познание всего человечества. Перед человечеством было такое сложное и многообразное целое, как природа. Понятно, что природа не могла

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

быть сразу воспроизведена в мышлении людей во всем своем богатстве, во всей своей сложности. История развития науки знает огромный период, когда господствующим способом исследования был анализ отдельных сторон и частей целого — природы. Этот период начался со второй половины XV в. и в основном кончился к концу XVIII в.

Лишь в середине прошлого столетия была открыта великая идея единства мира, поставившая науку на твердую почву, идея о том, что все многообразные явления природы представляют собой выражения одной и той же материи, вечно развивающейся и превращающейся из одной формы в другую. Само собой разумеется, что и к этому времени процесс познания природы не был закончен, как он вообще не может быть закончен в какой угодно другой период. Но к середине XIX столетия естествознание выступало уже как наука, соединяющая знание обо всех процессах природы в одно великое целое. Иначе говоря, природа как нечто конкретное, как «единство многообразного» также воспроизводится в мышлении как результат, а не как исходный пункт познания.

Таким образом, и в отдельном, единичном акте исследования действительности, и в историческом развитии познания конкретное может быть воспроизведено в мышлении лишь в итоге, а не в начале познания.

Если конкретное (как единство в многообразии) не может быть исходным пунктом мышления, то оно — исходный пункт в самой действительности, а значит, и исходный пункт созерцания и представления. Это положение Маркса имеет огромное принципиальное значение. Оно направлено против идеалистического извращения процесса познания и раскрывает единственную научную — материалистическую основу познания. Маркс критикует Гегеля, который полагал, будто движение мышления от абстрактного к конкретному есть процесс становления конкретного в самой реальной действительности. Считая первичным мышление, которое он мистифицировал под видом некоей «абсолютной идеи», а реальную действительность вторичной, Гегель утверждал, что реальный мир возникает и развивается от простого к сложному и конкретному в результате развития категорий логики, категорий мышления. Между тем «метод восхождения от абстрактного к конкретному, — пишет Маркс, — есть лишь способ, при по-

мощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [1].

Реальное конкретное существует до всякого познания и помимо всякого познания как конкретное целое. Процесс исследования и познания есть лишь духовное, мыслительное воспроизведение его, а не реальное становление этого конкретного. Реальный объект, познаваемый мышлением, остается все время вне сознания; он должен, по словам Маркса, постоянно быть в нашем представлении как предпосылка. Это значит, что познание имеет объектом не чистое мышление, а реальную действительность, природу, общество и познает их, а не что-либо иное. Познание начинает свой сложный путь с отображения конкретной действительности. В начале своего пути оно не способно еще изобразить эту действительность во всем ее конкретном многообразии, только в конце пути оно достигает этой цели.

Конкретное, говорит Маркс, есть исходный пункт познания и в том смысле, что всякое исследование еще не познанных явлений начинается с чувственных восприятий и представлений об этих явлениях, т. е. с чувственных восприятий конкретного. Без этого этапа, или ступени, познания мы ничего не можем знать о действительности. Реальный мир входит в наше сознание через каналы ощущений и восприятий, возникающих в процессе практического воздействия людей на природу. Абстракции же возникают лишь на базе переработки мышлением тех данных, которые доставляются органами чувств, опытом, практикой. Образование самого простого понятия, являющегося результатом абстрагирующей деятельности мышления, предполагает живое, наглядное созерцание конкретных предметов. Вне этого чувственного созерцания и представления неоткуда взяться и понятиям. Вне чувственных образов (восприятий, представлений, эмпирических данных) мысль лишена содержания.

Это и имеет в виду Маркс, когда он заявляет, что конкретное, будучи исходным пунктом в самой действительности, вследствие этого есть также исходный пункт созерцания и представления.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

Критикуя идеалистов, считающих конкретное целое продуктом саморазвития чистого понятия, Маркс пишет, что «конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия» [1].

Таким образом, понятие, научная абстракция есть, по Марксу, переработка созерцания, представления, получаемых в результате непосредственного воздействия объективного мира на органы чувств человека, продукт прежде всего практического отношения человека к миру, предметной деятельности субъекта. А отсюда следует, что не абстракция, не абстрактное мышление — исходный пункт познания, а чувственное, живое созерцание, наглядное представление о конкретном. Именно поэтому Ленин, давая определение пути познания объективной истины, указывал, что познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению.

Связь между абстрактным и конкретным станет еще яснее, если учесть, что всякая абстракция предполагает наличие конкретного целого, ибо она есть результат анализа этого целого, отвлечения какой-то части, стороны, свойства целого. Например, такая простейшая экономическая категория, как меновая стоимость, предполагает население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе как абстрактное, одностороннее отражение уже данного конкретного живого целого.

Понятно, что раз абстракция есть образ части конкретного живого целого, то, для того чтобы создать абстракцию, необходимо сначала учитывать это конкретное живое целое.

Все это, несомненно, так. Но все же возникает вопрос, почему Маркс характеризует свой метод как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Не вернее и не точнее ли было бы его определить как метод движения мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, но уже к такому конкретному, которое по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

знано на основе глубокого анализа, со всем богатством его определений?

Если охарактеризовать Марксов способ исследования в целом, то это можно было бы сделать словами: движение мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного снова к конкретному, познанному уже на новой, высшей основе. Здесь в полную меру сказывается действие закона отрицания отрицания в процессе познания. Если Маркс для определения своего метода взял только вторую часть этого единого процесса познания, то, как увидим дальше, он имел на то веские основания. Сущность же его метода именно такова. Правда, в самом «Капитале» метод Маркса представлен преимущественно в виде восхождения от абстрактного к конкретному. Но Маркс объясняет, почему первая ступень исследования — детальный анализ конкретного целого с целью абстрагирования некоторых общих определений — не представлена в «Капитале».

«Конечно, — говорит Маркс, — способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [1].

Таким образом, прежде чем можно было сформулировать некоторые абстракции, нужно было детально освоиться с материалом, проанализировать его. Эта работа не отражена в полной мере в «Капитале». Но детальное освоение материала есть не что иное, как движение познания от конкретного к абстрактному. Впрочем, и в самом «Капитале» мы на каждом шагу встречаемся с этим движением от конкретного к абстрактному. Так, например, Маркс начинает свое исследование с товара. Конечно, выделение из всего конкретного многообразия явлений капиталистического способа производства его исходной «клеточки» — товара — есть уже результат абстракции. Эта клеточка по отношению ко всему капиталистическому организму представляет собой абстракцию. Мы не видим в «Капитале» той работы, которая привела к этой абстракции, к этому простейшему определению. Маркс несколькими словами передает нам результат проделанной им

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21.

аналитической работы, приведшей к важнейшему положению о том, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — «его элементарной формой».

Но если товар по отношению ко всему конкретному живому целому — абстракция, то сам товар по отношению к другим, еще более абстрактным, расчлененным определениям выступает как довольно сложное конкретное явление. Поэтому Маркс говорит, что товар есть простейшая экономическая конкретность. Именно от этой простейшей экономической конкретности отправляется Маркс, чтобы выделить путем анализа еще более абстрактные определения, каковы потребительная стоимость и меновая стоимость.

Далее, меновая стоимость, хотя она и есть плод более глубокой абстракции, чем товар, также представлена в «Капитале» сначала как конкретное отношение. На примере исследования меновой стоимости можно как в зеркале увидеть способ исследования Маркса в целом. Процесс анализа этого важного, но частного вопроса как бы отражает процесс анализа всего капиталистического способа производства.

Сначала Маркс берет меновую стоимость так, как она выражена непосредственно на поверхности явлений, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода. Иначе говоря, познание начинается с конкретного явления. Как было уже показано, Маркс с помощью научной абстракции устанавливает, что скрытой основой, сущностью меновой стоимости является стоимость. Стоимость есть абстракция по отношению к меновой стоимости. Таким образом, Маркс проделывает путь от конкретного к абстрактному, от меновой стоимости к стоимости. Но этим он не ограничивается. Установив, что за меновым отношением двух товаров скрывается стоимость как кристаллизированный труд, Маркс затем снова возвращается к меновой стоимости. Он должен показать, что стоимость необходимо проявляется в форме меновой стоимости. И Маркс дает обстоятельный анализ развития форм стоимости, завершающегося возникновением денег. В деньгах, этой «законченной форме товарного мира», находит свое выражение стоимость. Следовательно, от абстрактного, от стоимо-

сти, Маркс идет снова к конкретному, к меновой стоимости, к формам выражения стоимости, к деньгам. Но это конкретное воспроизводится уже на более глубокой основе, обогащенное результатами, добытыми силой абстракции, знанием того, что меновая стоимость есть форма проявления стоимости.

Этот пример убедительно иллюстрирует высказанное Марксом в общей теоретической форме (на первый взгляд, противоречивое) положение, что конкретное целое выступает в познании и как исходный пункт, и как результат. Меновая стоимость как нечто конкретное есть исходный пункт в познании, ибо последнее имеет дело с реальной действительностью, исследует ее, а не что иное. Реальная же действительность предстает перед человеческим взором во всей своей конкретности и сложности. Но первоначально эта конкретность есть еще не расчлененная, не проанализированная, следовательно непознанная, конкретность. Абстрагирующая деятельность мышления раскрывает глубокие процессы конкретного, невидимые при непосредственном созерцании, и позволяет прийти снова к конкретному, к меновой стоимости, но уже познанной как единство многообразного. В этом смысле понятие о меновой стоимости как конкретном может быть лишь результатом, т. е. результатом познания конкретного в мышлении.

В первой главе первого тома «Капитала» Маркс делает чрезвычайно важное замечание, позволяющее понять, что его метод основывается на движении мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

«Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, — пишет Маркс, — вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных цен при-

вел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но именно эта законченная форма товарного мира — его денежная форма — скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте» [1].

Таким образом, научный анализ форм человеческой жизни начинается, как указывает Маркс, с «готовых» результатов, т. е. с существующего конкретного целого, образовавшегося в процессе развития. Открытие стоимости возможно было лишь путем анализа товарных цен, общего денежного выражения товаров, т. е. конкретного. Но это же конкретное, взятое первоначально в непосредственном виде, скрывает действительную сущность явлений, не позволяет раскрыть эту сущность «во всей чистоте». Движением мысли от конкретного к абстрактному достигается цель исследования существенных отношений, не затемненных побочными обстоятельствами. Познав же таким образом явления, мышление движением от абстрактного к конкретному добивается глубокого и всестороннего исследования «конкретной целостности».

Не только в исследовании стоимости, но и в исследовании прибавочной стоимости, капитала Маркс идет этим же путем. Он начинает с конкретной формы движения капитала, как она представлена на поверхности, в сфере обращения. Деньги, вступая в обращение, приносят дополнительные деньги, прибыль: $Д—Т—Д'$. Перед взором исследователя возникает эта конкретная форма движения капитала. С нее он должен начинать, ее он должен исследовать, и в данном случае конкретное есть исходный пункт процесса познания.

Ближайшее рассмотрение этой конкретной формы движения капитала показывает, что в ней все таинственно и непонятно. С помощью абстракции как одностороннего отображения данного конкретного целого Маркс открывает тайну прибавочной стоимости. Приращение капитала получается благодаря тому, что на рынке капиталист находит специфический товар — рабочую силу, которая в сфере производства (и только в этой сфере) создает при-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 85—86.

бавочную стоимость. Показав это, Маркс снова возвращается к поставленной проблеме и констатирует, что все условия проблемы нашли решение. Он как бы снова возвращается к конкретной форме движения капитала, к формуле $Д—Т—Д'$, но с той лишь разницей, что в этой конкретной форме ничего таинственного и непонятного не осталось.

Можно было бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что метод Маркса, если взять его в целом, исходным пунктом познания берет анализ конкретного многообразия явлений, затем от конкретного идет к абстрактному, к выделению каких-то наиболее общих определений, вскрывающих сущность, закон явлений, и, наконец, путем восхождения от абстрактного к конкретному воспроизводит действительность во всей ее полноте как единство законов и конкретных форм их проявления.

* *
*

Остается ответить на вопрос: почему же Маркс говорит о своем методе как о методе восхождения от абстрактного к конкретному? Для уяснения этого вопроса необходимо, на наш взгляд, принять во внимание следующее. Во-первых, для материалиста Маркса было само собой разумеющимся, что любая абстракция есть результат анализа конкретного, результат переработки наглядного созерцания и представления, одностороннее отражение уже данного конкретного живого целого. Во-вторых, положение о том, что правильным в научном отношении может быть только метод восхождения от абстрактного к конкретному, было направлено против Смита, Рикардо и других буржуазных экономистов, которые не сумели последовательно провести этот метод в своих исследованиях и смешивали абстрактные и конкретные отношения, что приводило к грубейшим ошибкам; такое смешение было теоретическим источником их неспособности решить важнейшие вопросы политической экономии капитализма. В этой связи большое значение приобретала вторая сторона этого способа исследования, именно восхождение от абстрактного к конкретному.

Смит и Рикардо также строили свои экономические системы путем восхождения от каких-то простейших абстрактных определений к более конкретным. Например,

Смит начал изложение своей теории с разделения труда, стоимости, денег, затем перешел к земельной ренте, накоплению капитала и т. д. Рикардо также шел путем, ведшим от абстрактного к конкретному — от стоимости к ренте, заработной плате, прибыли, мировой торговле и т. д. Именно Смита и Рикардо прежде всего имеет в виду Маркс, когда он, показав, что старые экономисты обычно ограничивались разложением живого целого на простейшие абстрактные отношения (разделение труда, деньги, стоимость и т. п.), далее пишет: «Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость — к государству, международному обмену и мировому рынку» [1].

Но Смит и Рикардо не сумели понять действительного взаимоотношения между абстрактным и конкретным, между некоторыми определяющими абстрактными всеобщими отношениями и более конкретными отношениями, выступающими в непосредственной реальной жизни, например между стоимостью и ценами производства, между стоимостью и земельной рентой, между прибавочной стоимостью и прибылью и пр. В основе неумения буржуазных экономистов понять взаимоотношение между внутренними процессами и их внешними формами проявления, между законами и конкретными отношениями, их выражающими, лежала неспособность последовательно провести принцип восхождения от абстрактного к конкретному, посредством которого только и можно духовно воспроизвести действительность как живое, конкретное целое. Эта методологическая слабость экономистов была отражением слабости современных им философских теорий, для которых одним из камней преткновения была проблема общего и единичного, абстрактного и конкретного. Маркс указывает, что в XVIII в. большое значение для политической экономии Англии и других стран приобрела философия Локка. Для теории же познания Локка, как уже отмечалось, как раз характерно было метафизическое представление о соотношении общего и единичного, абстрактного и конкретного, сведéние общего к совокупности единичных примеров.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

Однако есть еще одно основание, объясняющее, почему Маркс говорит о способе восхождения от абстрактного к конкретному. И это будет главным из приведенных до сих пор, *внутренним,* основанием. Это последнее состоит в том, что иначе как путем движения от абстрактного к конкретному не может строиться наука в качестве *системы знаний.* По этому поводу очень важные мысли высказаны Гегелем в его «Науке логики», и мимо них невозможно пройти при решении нашего вопроса. Нет сомнения, что Маркс, решая эту проблему, исходил из некоторых положений Гегеля, давая им свое истолкование.

Мы установили, что конкретное как объективное свойство действительности есть в то же время и исходный пункт всего движения познания, что, как говорит Маркс, абстракции и понятия могут быть лишь продуктом «переработки созерцания и представлений». После этого необходимо учитывать два обстоятельства. Первое из них заключается в том, что, как это ни звучит парадоксально, чувственно-конкретное, данное созерцанию и представлению, сложнее и труднее для понимания, чем некое простое определение, составляющее предмет абстракции. Поэтому научная *система,* состоящая из *понятий и категорий* и *их движения,* не может начаться с живого, конкретного целого, нерасчлененного сложного объекта. Последний, повторяем, есть то данное, с которого только и может начаться процесс познания, исследования, его первый важный этап. Но оно не может быть началом *научной системы,* воспроизводящей конкретный объект, таким началом уже в силу большей легкости и доступности может быть какая-нибудь простейшая абстракция. Имея в виду эту сторону вопроса, Гегель правильно замечает: «Если ставится вопрос только о *легкости,* то ... само собой ясно, что познаванию легче схватить абстрактное простое определение мысли, чем конкретное, которое есть некоторое многообразное соединение таких определений мысли и их отношений...» [1]

Второе, более важное, обстоятельство состоит в следующем. Хотя Гегель всячески третирует «нищету» чувственной конкретной действительности, противопоставляя ей «богатство» «реального» мира понятий, он не отрицает, что исходный пункт познания есть «конкретная единич-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 270.

ность» и что путь познания от нее к абстрактному «*более сообразен с природой,* чем тот, который начинает с предмета в его абстрактности и отсюда, наоборот, идет дальше к выделению в нем особенного и конкретно-единичного» [1]. В словах о том, что движение от конкретного к абстрактному более сообразно с природой, прорывается реализм немецкого философа вопреки его идеализму. Этот же реализм сказывается в его постановке вопроса о том, что надо отличать движение мысли в *«пределах познания»* от пути, *«сообразного с природой»*. Говоря о том, что простое абстрактное выделено «из конкретного», нужно, полагает Гегель, далее решить вопрос, «что́ должно быть первым в *пределах познания* и каков должен быть дальнейший порядок движения; теперь уже требуется путь не *сообразный с природой,* а *сообразный с познанием*» [2].

Это деление примечательно. Маркс, безусловно, прав, критикуя Гегеля за то, что движение *мысли* от абстрактного к конкретному он отождествляет со становлением и развитием самой действительности. Вместе с тем его различение двух путей — «в пределах познания» и «в пределах природы» — вносит существенную поправку в его идеализм. По какой же, однако, причине он считает, что в пределах познания, исходя из потребностей развития науки как системы понятий и категорий, единственно правильным следует считать движение мысли от абстрактных определений к конкретным. Гегель правильно видит эту причину в том, что если начинать систему знания об объекте с чувственно-конкретного, то можно первое попавшееся эмпирическое знание о явлении, иногда чисто случайное, принять за основание всей этой системы, за фундамент всего знания об объекте. Так, например, при многообразии видов птиц можно основанием объединения их в род сделать какой-либо случайный признак или полное перечисление видов. Но с расширением наших познаний может обнаружиться, что существуют виды, не подходящие под данное определение рода, и тогда последнее теряет смысл. Чтобы этого не было, *нужно исходным пунктом и основанием системы знаний об объекте сделать понятие, действительно определяющее сущность исследуемого объекта,* понятие, позволяющее вывести конкретные его особенно-

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 269.
[2] Там же, стр. 269—270.

сти. В противном случае, пишет он, характеризуя первый путь, получится «возня без понятия, при которой то принимают некоторую определенность в качестве существенного момента рода и согласно этому подчиняют этому роду особенные или исключают их из него, то начинают с особенных и руководствуются при их сочетании опять-таки некоторой другой определенностью, — эта возня представляет нам зрелище игры произвола, которому-де предоставлено решать, какую часть или сторону конкретного он намерен фиксировать, чтобы сообразно с этим строить свою классификацию» [1].

Следовательно, чтобы не было произвола в *системе знаний* об объекте, нужно начинать не с конкретного и отдельных его признаков, а с понятия, исключающего случайность, выделяющего действительно основополагающее для всего дальнейшего развития системы знаний. А это значит начинать с абстракции и от нее идти к конкретному, начинать с какого-то всеобщего определения и идти дальше к особенному и единичному.

Отсюда Гегель делает чрезвычайно важный вывод о структуре движения научного познания в форме движения понятий: «Принадлежащее понятию поступательное движение от всеобщего к особенному составляет основу и возможность некоторой *синтетической науки,* некоторой *системы* и *систематического познания*» [2].

Марксово «Введение» к экономическим рукописям 1857—1858 гг. показывает, что эти рассуждения немецкого философа представляют большую методологическую ценность. Вслед за словами, что Гегель впал в иллюзию, будто движение от абстрактного к конкретному воспроизводит само реальное, следуют собственные рассуждения Маркса, совершенно очевидно представляющие собой материалистическую переработку вышеприведенных положений Гегеля. Указывая, что такая простейшая категория, как «меновая стоимость», может существовать лишь в качестве одностороннего отношения сложного конкретного целого, Маркс пишет, что, напротив, «как категория» она «ведет допотопное существование». Эти слова можно понимать только так, что как понятие, выражающее сущность

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 273—274.
[2] Там же, стр. 269.

товарных отношений, «меновая стоимость» должна быть определена и развита до конкретных отношений, из которых она абстрагирована. Маркс так и пишет: «Поэтому для сознания (а философское сознание именно таково), для которого постигающее в понятиях (ср. гегелевские слова о движении познания, принадлежащем понятию. — *М. Р.)* мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир; — движение категорий выступает как действительный... акт производства, результатом которого является мир, и это ...постольку правильно, поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания... Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом...» [1]

В то же время между Марксом и Гегелем имеется принципиальное различие в решении этого вопроса. Маркс также не отождествляет непосредственно движение в пределах познания и движение самого объекта исследования, так как познание имеет и свою относительно самостоятельную внутреннюю логику развития. Это хорошо видно из приведенных выше слов. Однако для Маркса движение мысли в пределах познания не может решающим образом отличаться от движения самого объекта, напротив, познающая мысль движется в общем и целом именно «сообразно природе». Гегель же, будучи прав в своем требовании начинать систему знаний с абстракции, с понятия, а не с конкретного и в *этом смысле* правильно различая движение в пределах познания и движение в пределах природы, абсолютизирует это различие и как идеалист не понимает, что логика развития понятий может быть так или иначе лишь логикой воспроизведения развития объективной действительности.

Таким образом, метод восхождения именно от *абстрактного* к конкретному (при всем том, что конкретное есть исходный пункт движения познания, ибо абстракция, понятие может быть лишь «переработкой созерцания и представлений») имеет свои глубокие основания в *логике*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 727—728.

мышления, постигающего только ему свойственным образом объективную действительность. Вот почему Маркс вслед за Гегелем определил свой способ исследования как способ восхождения от абстрактного к конкретному.

2

Переход от абстрактного к конкретному в процессе познания ставит перед познающей мыслью ряд сложных логических проблем. От абстрактного к конкретному не существует прямых путей. Абстрактное и конкретное — две противоположности, переход которых друг в друга чрезвычайно диалектичен. В этом вопросе с новой силой обнаруживается значение тезиса о том, что диалектика есть логика и теория познания, значение «Капитала», в котором дано замечательное решение этого вопроса.

Суть проблемы перехода от абстрактного к конкретному состоит в том, что между ними, т. е. между понятием и конкретными формами, которые оно обобщает, между законом и развитыми отношениями нет тождества, есть существенное противоречие. Это — противоречие не мысли, а самой реальности. Это противоречие действительности лишь проявляется в мышлении в форме противоречия между абстрактным и конкретным. Маркс неоднократно говорит об этом противоречии. Он указывает на существование противоречия «между общим законом и более развитыми конкретными отношениями...» [1]. Критикуя непонимание этого буржуазными экономистами, он подчеркивает, что это «реальные противоречия», которые невозможно решить спором о словах.

В чем же заключаются эти противоречия? Прежде всего в том, что общий закон, понятие, выражающее сущность конкретных явлений и отношений, всегда представлены как общее, как абстракция, которые вследствие этого не могут непосредственно совпадать с единичным и особенным, конкретным. Здесь мы сталкиваемся с несколько иным аспектом того несовпадения сущности и явления, внутреннего и внешнего, о котором шла речь в главе о сущности и явлении. Но дело не только в этом. Главное здесь в том, что сама основа явлений, их сущность разви-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 85.

вается и что формы конкретных отношений не просто накладываются на абстрактное, на их основу, как на трафарет, а *развиваются* из нее, развиваются реально, в самой действительности. Из этого противоречия вытекают два важных следствия для логики исследования: 1) невозможно и недопустимо непосредственно выводить конкретное из абстрактного или непосредственно, прямолинейно подводить одно под другое и 2) необходимо исследовать как *развитие основы, субстанции* конкретных отношений, так и *развитие конкретных форм и отношений из их основы, т. е. из абстрактного.*

В связи с этим Маркс проводит очень важное различие между «формальной» и «реальной» абстракцией. Под первой он понимает прямое выведение конкретного из абстрактного, смешение, отождествление их. Синонимом формальной абстракции у Маркса выступает понятие «насильственной абстракции», что означает насильственное, произвольное укладывание конкретных и развитых отношений в прокрустово ложе абстракции. Под реальной абстракцией Маркс понимает *развитие* конкретного из абстрактного, учитывающее относительную самостоятельность *формы* конкретного, обрастающей в мире конкретных отношений новыми свойствами и отношениями. Это такая абстракция, которая учитывает, что конкретное связано с ней посредством многих звеньев, ступенек, и нужно подняться по этим ступенькам, чтобы исследовать и осознать связь между абстрактным и конкретным. Мы уже говорили, что сущность и явление связаны не непосредственно, а через ряд посредствующих звеньев. Сейчас мы можем конкретизировать эту сторону вопроса и понять, что анализ этих посредствующих звеньев и производится с помощью логического приема, называемого Марксом «реальной абстракцией» в противовес формальной абстракции.

С этой точки зрения большой интерес представляет критика Марксом буржуазных экономистов, слабость логики которых объяснялась именно тем, что их абстракция была формальной, что они не видели противоречия между общим законом и конкретными формами его проявления, а следовательно, и противоречия между абстрактным и конкретным в движении познания. Если же они иногда и чувствовали это противоречие, то пытались разрешить его с помощью «насильственной абстракции».

Маркс указывает, что противоречие между общим законом и развитыми конкретными отношениями (скажем, между прибавочной стоимостью и прибылью, стоимостью и ценой производства и т. д.) они «хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному» [1]. Свою предпосылку о тождественности нормы прибавочной стоимости (абстрактное) и нормы прибыли (конкретное) Рикардо, говорит Маркс, «стремится провести при помощи насильственных абстракций» [2]. Смит, показывает Маркс, смешивает непосредственно прибавочную стоимость вообще, эту «всеобщую абстрактную форму», с ее особыми конкретными формами — земельной рентой, прибылью. Отсюда, замечает Маркс, немедленно возникают неразрешимые затруднения, ибо законы прибыли, земельной ренты не могут непосредственно совпадать с общим — законом прибавочной стоимости.

Тщетно было бы, например, пытаться вывести непосредственно из абстракции материи, материи вообще, абстракцию такой ее сложной и конкретной формы, как жизнь. Жизнь как одна из форм материи, несомненно, обобщена наряду с другими конкретными формами материи в абстракции «материя вообще». Но эта последняя есть настолько общая абстракция, т. е. отражает настолько общие свойства самых многообразных конкретных проявлений материи, что именно то специфическое, что отличает жизнь от других форм материи, не отражено непосредственно в понятии «материя вообще». Чтобы от общего понятия материи прийти к понятию жизни с ее конкретными свойствами, делающими ее высокой ступенью в развитии материи, необходим анализ развития материи от низших форм к высшим. Иначе непонятно будет, откуда взялась эта высшая форма. Без исследования посредствующих звеньев, т. е. тех процессов, которые совершались в неорганической природе и которые привели на известной ступени к возникновению жизни, легко сделать вывод, что жизнь не есть проявление материи, что она полна «чудес», которые объясняются ее особой, нематериальной природой, и т. п.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 85.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 484.

Конечно, аналогия наша условна, но нечто подобное мы имеем и в случае со стоимостью как понятием, фиксирующим наиболее общие отношения товарного производства, и с другими, более сложными понятиями, отражающими развитые капиталистические отношения. Стоимость есть обобщение меновых отношений, свойственных ряду формаций, в которых зарождается и развивается обмен. В ней еще нет ничего специфически капиталистического, хотя она обобщает и капитализм как высшую форму товарного производства. Более того, поскольку впервые лишь при капитализме все продукты труда принимают форму стоимости, постольку Маркс ее характеризует как наиболее абстрактную форму буржуазного богатства. Но вывести непосредственно из этой абстракции такие развитые и конкретные экономические категории капитализма, как «прибыль», «цена производства» и другие, столь же невозможно, как невозможно из абстракции материи непосредственно и прямо вывести понятия о ее самых сложных формах проявления.

Поэтому Маркс критикует своих предшественников за непонимание тех двух логических принципов анализа соотношения абстрактного и конкретного, которые были названы выше, непонимание развития самой основы конкретных форм и того, что эти формы также представляют собой не простой вывод, следствие, а развитие. Конкретное вовсе не имплицитно содержится в сущности так, что его можно чисто формальным путем вывести из нее. Оно — результат определенного развития конкретных отношений. Поэтому для его выведения и нужна не формальная, а реальная абстракция.

У Рикардо стоимость есть нечто подобное спинозовской субстанции, неизменной и неподвижной. Он совершенно не замечает ее развития и модификации в условиях капитализма. Поэтому он не может вывести из этой основы понятие о таком конкретном явлении, как средняя прибыль, связать стоимость с ценой производства. Строго придерживаясь закона стоимости, он вынужден был неопровержимые явления и конкретные отношения (например, цену производства) объявлять исключением. «Он, — указывает Маркс, — вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости,* вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие,* со всеми их кажущимися противоре-

чиями, из этой основы, или *раскрыть развитие самой этой основы*» [1].

Сам Рикардо в одном из писем к Мальтусу невольно выдал эту логическую слабость своего метода исследования. «Моя цель, — писал он, — заключалась в разъяснении принципов, и, чтобы показать действие этих принципов, я придумывал яркие примеры» [2]. Понятно, что подобный метод не может справиться с диалектикой абстрактного и конкретного. Никакие «яркие примеры» не способны преодолеть противоречие между абстракцией и развитием конкретных форм, здесь нужен *анализ развития самих принципов,* т. е. в данном случае стоимости, которую Рикардо в переписке с Мальтусом всячески защищал.

С другой стороны, Маркс критиковал Рикардо за то, что тот конкретные формы проявления стоимости рассматривал в качестве простого подтверждения принципов, а не их развития, не понимая, что конкретное означает *развитие.* Если он, с одной стороны, говоря о стоимости товара, «уже с самого начала поддается определяющему влиянию также и всякого рода конкретных отношений», то, с другой стороны, «он форму проявления понимает как *непосредственное, прямое* подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает *развития* этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она абстракция формальная, ложная сама по себе» [3].

Маркс показывает, что в результате неспособности видеть действительное соотношение абстрактного и конкретного, неумения совершать переход от первого ко второму возникают двоякого рода последствия: грубый эмпиризм и схоластика. Грубый эмпиризм возникает из недостаточной абстракции, из-за неумения отвлечься от более конкретных отношений при рассмотрении имманентных законов. Но этот же эмпиризм «превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 160 (последние слова подчеркнуты мной. — *М. Р.*).

[2] *Давид Рикардо.* Соч., т. V, стр. 105.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26. ч. II, стр. 111.

из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» [1].

Либо эмпирические факты искусственно подводятся под абстрактные законы, либо во имя закона те или иные бесспорные факты отрицаются — таков результат логики, которая не способна диалектически решить вопрос о переходе от абстрактного к конкретному. В этом отношении поучителен пример с отрицанием Рикардо абсолютной ренты.

Пытаясь насильно подчинить закону стоимости конкретные и развитые отношения между землевладельцем и капиталистическим арендатором, он отрицал наличие абсолютной ренты, хотя последняя была таким же неопровержимым эмпирическим фактом, как и цена производства. Маркс высоко оценил стремление Рикардо выяснить вопрос, согласуется ли с законом стоимости превращение земли в частную собственность и обусловленное этим возникновение ренты. Эта непосредственная связь рикардовской теории ренты с определением стоимости составляет, по Марксу, ее теоретическое достоинство. Но это достоинство обращается в свою противоположность, когда, вместо того чтобы развить из закона стоимости более сложные и конкретные отношения, Рикардо интересуется лишь тем, не противоречат ли эти последние отношения абстрактным определениям. В итоге он впадает в безвыходное противоречие и разрешает это противоречие не реальным образом, а лишь мысленно, т. е. отрицая несомненные факты.

Ход рассуждений Рикардо, приведший его к отрицанию абсолютной ренты и признанию одной лишь дифференциальной ренты, прост. Рикардо отождествлял стоимость и цену производства. Вместо того чтобы вывести последнюю из первой, он просто непосредственно приспосабливает конкретное к абстрактному. Но если цена производства тождественна стоимости, то для признания абсолютной ренты, которая, как известно, не зависит от степени плодородия почвы, необходимо допустить, по Рикардо, что сельскохозяйственные продукты продаются по ценам выше стоимости. А это противоречило бы закону, согласно которому стоимость продуктов определяется количеством затраченного на них труда. Поэтому Рикардо из

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 64.

всех этих рассуждений делает вывод, что абсолютной ренты нет и не может быть.

Как видим, методологический корень ошибки Рикардо состоял именно в том, что он пытался конкретные и развитые отношения вывести непосредственно из общего абстрактного определения, не понимая необходимости проследить развитие закона стоимости применительно к сложным капиталистическим отношениям, т. е. осуществить восхождение от абстрактного к конкретному, без чего невозможно понять само конкретное. Маркс опроверг ошибочную теорию Рикардо, доказав существование абсолютной ренты, показав, что ее существование нисколько не противоречит закону стоимости.

В противовес Рикардо Маркса интересовал не вопрос о том, противоречит или не противоречит абсолютная рента закону стоимости. Выведя стоимость как наиболее общую и абстрактную форму товарного производства (в том числе и капиталистического), Маркс обратил все внимание на ее развитие в условиях капиталистического способа производства. Он показал, что в силу конкуренции и неодинакового органического состава капитала стоимость превращается в цену производства, приобретает форму цены производства, составными частями которой являются издержки производства и средняя прибыль. Для земледелия по сравнению с промышленностью характерен низкий органический состав капитала. При низком же органическом составе капитала при условии равной эксплуатации доля прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости выше, чем в отраслях производства с более высоким органическим составом капитала. В промышленности вследствие конкуренции и свободного перехода капитала из одних отраслей в другие различные массы прибавочной стоимости, создаваемые в зависимости от уровня органического состава капитала, уравниваются в среднюю прибыль. В земледелии такому выравниванию препятствует частная собственность на землю. В силу этого излишек прибавочной стоимости здесь не поступает в общее распределение, как в промышленности. Этот излишек и составляет абсолютную ренту, которую уплачивает фермер землевладельцу.

Следовательно, абсолютная рента имеет своим источником разницу между стоимостью товаров, производимых земледельческим капиталом, и ценой производства. Это

отнюдь не означает, что продукты земледелия продаются выше их стоимости, чего так боялся Рикардо. Тот факт, что промышленные продукты продаются в среднем не по стоимости, а по ценам производства, нисколько не отрицает того, что именно стоимость регулирует цены производства, что последние есть превращенная форма стоимости. Продукты земледелия продаются выше цены производства. Таким образом, Маркс не просто сопоставил такую конкретную категорию, как абсолютная рента, с законом стоимости, а вывел, развил ее из последнего.

Рикардо хотел непосредственно вывести из абстрактного конкретное, из закона стоимости — абсолютную ренту. Но так как это невозможно, то он во имя сохранения закона отрицал реальные факты. Это и означало превращение научных абстракций в «формальные» абстракции.

Маркс применял законы к объяснению конкретной действительности, нисколько не насилуя реальные факты, а объясняя всю их сложность, понимая, что объяснить эти факты как проявление законов можно лишь путем постепенного восхождения от абстрактного к конкретному.

В анализе Рикардо между стоимостью и абсолютной рентой нет никаких промежуточных звеньев. У Маркса анализу ренты предшествует длительный путь исследования ряда других экономических категорий, без учета которых невозможно и научное решение вопроса об абсолютной ренте. Маркс не упускает из виду ни одного существенного звена в той цепи постепенного восхождения от абстрактного к конкретному, которая естественным образом приводит к рациональному объяснению и данного конкретного явления. Стоимость, прибавочная стоимость, прибыль, средняя прибыль, цена производства, рента — так условно и, разумеется, очень приблизительно можно было бы изобразить процесс восхождения от абстрактного к конкретному при решении вопроса об абсолютной ренте. Каждая из этих категорий последовательно выражает в анализе Маркса более сложные и конкретные экономические отношения. Каждое последующее звено невозможно понять без предыдущего, например прибавочную стоимость — без стоимости, прибыль — без прибавочной стоимости и т. д. Существование абсолютной ренты можно понять, только поднимаясь постепенно по этим ступенькам, только учитывая те видоизменения и превращения, кото-

рые претерпевает закон стоимости, когда он начинает действовать в условиях развитых капиталистических отношений. В своем исследовании мы переходим от искусственно абстрагируемых наиболее простых и общих определений ко все более сложным и конкретным отношениям.

* *
*

Способ восхождения от абстрактного к конкретному основан на ряде предпосылок, которые нужно вкратце рассмотреть, прежде чем дать анализ того, как Маркс применяет его к капиталистическому способу производства.

Первая из этих предпосылок — это само понимание конкретного. В общей форме мы уже указывали на отличие конкретного от абстрактного, но сейчас требуется более точное его определение. Как было видно из предыдущего, у Маркса конкретное имеет двоякого рода существование — конкретное в качестве чувственно воспринимаемого и хаотического представления, выступающего в начале исследования, и конкретное как результат мыслительной деятельности, постижения действительности в форме понятий и законов, выступающее в конце процесса познания. Когда речь идет о восхождении от абстрактного к конкретному, то имеется в виду конкретное в последнем смысле слова. Именно воспроизведение такого конкретного в мысли составляет цель научного исследования.

Следовательно, конкретное, как оно дано непосредственно созерцанию, и конкретное, как оно дано мышлением, не одно и то же. Гегель указывал, что подлинно конкретное должно пониматься так, как оно дано в понятиях, а не в созерцании. Конкретное он рассматривал в качестве соединения различных определений мысли, их отношений. Маркс также считал, что мысленно конкретное нужно понимать как соединение, синтез многих определений, как единство многообразного. Конкретное, таким образом, возникает путем соединения определений различных сторон, свойств, черт, элементов целого воедино, так что объект предстает перед нами в качестве целостности, познанной в ее существенных связях. Абстракция отвлекается от многообразия, конкретное, напротив, есть выражение и воплощение многообразия объекта. Раз я абстрагируюсь от всего того, что отличает конкретное от

его абстракции, говорит Маркс, то, разумеется, конкретное превращается в абстракцию и ничем от нее не отличается. Конкретное и отличается от абстрактного прежде всего именно тем, что оно выражает многообразие объекта, связь различных его сторон и свойств. Это многообразие воспроизводится мышлением в конкретном путем соединения различных определений мысли, посредством синтеза понятий об объекте в его многообразных аспектах. Таким именно выступает капитал в результате всего Марксова исследования. Как конкретное он есть синтез всех сформулированных Марксом понятий о его свойствах и качествах.

Конкретное, однако, представляет собой не только соединение различных определений, но, что очень важно, и единство многообразного. Это значит, что многообразие объекта в конкретном объединено познанной сущностью этого объекта, синтезировано некоей идеей, проходящей через все многообразие вещи, благодаря чему объект выступает как *система,* в которой его составные части и стороны объединены определенной структурой. В «Капитале» такой сущностью, идеей, синтезирующей все многообразие капиталистического способа производства, является категория прибавочной стоимости. Конкретное, данное в созерцании, также многообразно, но оно не есть *единство* многообразного именно в силу отсутствия такой идеи, которая может быть выработана лишь мыслью. Из сказанного вытекает, что конкретное как единство многообразного может быть лишь *вторичным* образованием по отношению к абстрактному, так как только посредством абстракции и анализа находят сущность, единство вещи.

Наконец, конкретное имеет еще одну особенность, которая, как нам кажется, иногда упускается при его характеристике. Так как конкретное, постигаемое путем соединения различных понятий, правомерно рассматривается в качестве продукта мыслительной деятельности, то, полагают, в нем не содержится ничего чувственно воспринимаемого. Конечно, есть такого рода конкретное, в котором ничего чувственно воспринимаемого нет. Конкретное, как и абстрактное, относительно. То, что в одном отношении абстрактно, в другом отношении конкретно. Категория прибавочной стоимости есть абстракция в сравнении с категорией прибыли, но она конкретна при сравнении ее с категорией стоимости. Последняя по отношению к пер-

вой есть абстракция, точно так же как прибавочная стоимость есть абстракция по отношению к прибыли.

В таком конкретном, как прибавочная стоимость, нет, конечно, ничего чувственно-данного, но, скажем, в прибыли, а тем паче в более развитых категориях этот элемент наличествует. Ведь задача восхождения к конкретному и заключается в воспроизведении объекта во всей его конкретности, во все большем приближении к тому, как он выглядит на поверхности. И как неизбежный результат этого по мере все большей конкретизации наши понятия обрастают элементом чувственности или видимости, но видимости, рефлектированной в свою основу и сущность. Начиная последний том своего исследования, имеющий подзаголовок «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», Маркс указывает, что «здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*» [1]. И далее Маркс добавляет: «Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства» [2].

Такое восхождение к конкретному, когда оно приближается к форме, непосредственно доступной обыденному сознанию, но выведенной и развитой из абстракции, требует огромного искусства исследователя. Но *только при этом условии* все построение и вся теория приобретает необходимую *доказательность*. В противном случае абстракция остается простой отвлеченностью, а конкретное остается живой эмпирией, никак не связанной с абстракцией. Поэтому отрицать за конкретным всякий элемент чувственности, с нашей точки зрения, неправильно.

Исходя из того, что собой представляет конкретное, нетрудно понять и некоторые другие предпосылки способа восхождения от абстрактного к конкретному. Такой важной предпосылкой или принципом этого способа нужно считать решение проблемы *начала* пути, исходной абстракции, с которой начинается все движение. Очевидно, что, для того чтобы правильно решить эту проблему, необхо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.
[2] Там же.

димо выполнить два условия. Первое условие состоит в том, что начало должно быть наипростейшей абстракцией, из которой можно выводить и развивать более сложные и конкретные определения. Первое ничем не опосредствовано, а последующее, как правильно указывал Гегель, есть уже опосредствованное первым. Прибавочная стоимость не могла быть первой категорией, с которой начинается путь восхождения к конкретному, так как она опосредствована рядом других категорий, без которых она не может быть развита. Далее, как ни проста исходная абстракция, она имеет свои границы, за которые перейти она не должна. Это — второе условие. Она должна быть абстракцией *данного* явления, и, будучи всеобщностью, она обязана выражать то, что свойственно конкретному явлению, в нашем случае — конкретно-историческому способу производства, капитализму. Мы видели, как, кладя в основу своего анализа организационную структуру производства, Эйкен исключил для себя всякую возможность научного определения сущности различных форм общественного производства.

Мы ограничимся указанными предпосылками способа восхождения к конкретному, хотя они не полны. (В частности, он предполагает такое важное условие, как единство логического и исторического. Однако по плану нашей работы этот вопрос должен быть рассмотрен позже.) Укажем лишь, что рассматриваемый способ исследования, как он разработан на идеалистической основе Гегелем и на единственно научной основе Марксом, указывает логику научного исследования вообще и имеет значение для любой области научного познания (этот вопрос нами освещен в работе «Принципы диалектической логики»). Уже Гегель показал на примерах геометрии, физики, биологии и других наук всеобщий характер этого метода исследования и сделал правильный вывод о том, что повсюду абстрактное должно составлять «начало и ту стихию», в которой и из которой развертываются особенности и богатые образы конкретного. Маркс на примере экономической науки дал блестящее доказательство силы и мощи этого метода, разработав его как важнейший элемент и способ диалектико-материалистического мышления.

Рассмотрим теперь вкратце, как совершается восхождение от абстрактного к конкретному в произведении Маркса.

3

Прежде всего следует отметить, что вся структура произведения Маркса и каждая его отдельная часть основаны на методе восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. В начале первой главы третьего тома «Капитала» Маркс сам дает ценные указания на этот счет. Он говорит, что в первом томе исследован капиталистический процесс производства, который взят сам по себе, как непосредственный процесс производства. При этом оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Процесс производства, взятый сам по себе, есть абстракция. В реальной жизни он дополняется процессом обращения. Но Маркс в первом томе временно абстрагировался от процесса обращения, для того чтобы выяснить механизм капиталистического производства в его наиболее чистом виде. Обращение учитывается лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания главного объекта исследования — производства.

Предмет исследования второго тома — процесс обращения. Здесь капитал из своей внутренней жизни переходит в «отношения внешней жизни». В связи с этим он в исследовании Маркса принимает более конкретный вид. Именно здесь, говорит Маркс, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства оказалось, что капиталистическое производство, рассматриваемое в целом, есть единство процесса производства и процесса обращения.

В третьем томе исследование, опираясь на результаты абстрагирующей работы мышления, на познанные законы, воспроизводит конкретное как целое во всей его сложности и конкретности.

Каждый из трех томов «Капитала» в свою очередь построен по этому же принципу восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Рассматривая в первом томе процесс капиталистического производства сам по себе, изолируясь временно от всяких усложняющих обстоятельств, Маркс ставит главный и решающий вопрос всего своего исследования. Именно здесь, в процессе производства, таится вся сущность буржуазной формации, от выяснения которой зависит понимание всего остального.

Маркс начинает свой анализ с товара и стоимости как наиболее абстрактного, всеобщего отношения, характерного для капиталистического товарного производства. Это та абстракция, та граница в абстрагировании, дальше которой при исследовании этого способа производства идти нельзя. Не только при капитализме, но и в других формациях существует обмен; продукты труда, следовательно, принимают форму стоимости. Отсюда вытекает, что сама по себе стоимость не есть исключительная особенность капиталистического способа производства.

Но если стоимость не есть исключительная особенность капиталистического производства, то именно при капитализме товарное производство принимает всеобщий характер, превращая в товар и рабочую силу. Поэтому все продукты труда при капитализме приобретают форму стоимости, и в этом смысле Маркс характеризует стоимость как самую абстрактную форму буржуазного богатства.

Именно как самую абстрактную форму буржуазного богатства Маркс исследует стоимость в первом отделе первого тома «Капитала». В отношениях между товаровладельцами, которые Маркс здесь исследует, нет еще ничего специфически капиталистического. Нет еще наемных рабочих, нет прибавочной стоимости и т. п. Но метод восхождения от абстрактного к конкретному, используемый в целях воспроизведения в мышлении капиталистического способа производства в целом, требовал начать именно с этой наиболее общей и простейшей абстракции, отображающей капиталистическую формацию, ибо без нее непонятны более сложные и конкретные формы буржуазного способа производства.

В письме к Энгельсу, в котором излагается план первоначально предполагавшихся шести книг, посвященных анализу капиталистического способа производства, Маркс показывает значение исследования стоимости как самой абстрактной формы буржуазного богатства. Стоимость, пишет он, начисто «сводится к количеству труда». «Стоимость, как таковая, не имеет иного вещества, кроме самого труда». И далее: «Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая могла возникнуть только на основе определенного экономического развития общества. Все возражения против этого определения стоимости либо вытекают из неразвитости производственных отношений, либо основываются на путанице: более конкретные эконо-

мические определения, от которых стоимость абстрагирована и которые поэтому, с другой стороны, могут рассматриваться так же, как дальнейшее развитие стоимости, противопоставляются последней в этой ее абстрактной неразвитой форме. При отсутствии ясности у самих господ экономистов насчет отношения этой абстракции к более поздним конкретным формам буржуазного богатства, возражения эти имели в большей или меньшей мере свое оправдание» [1].

Следовательно, Маркс начинает с абстракции стоимости, потому что определение стоимости товаров количеством затраченного на их производство труда является основополагающим фактом, потому что более сложные и конкретные формы буржуазного богатства есть «дальнейшее развитие стоимости» — развитие, разумеется, не чисто количественное, а включающее в себя коренные, качественные изменения, скачок от простого товарного производства к капиталистическому.

Вот почему Маркс отметает все посторонние обстоятельства, которые затемняют определение стоимости трудом, и фиксирует последнее как закон, как объективную тенденцию, пролагающую себе путь сквозь все препятствия.

Но абстракция не самоцель познания, а ступень к познанию конкретного. Абстракция есть «отход» от конкретного многообразия действительности. Но этот «отход» необходим для того, чтобы лучше познать самое конкретное.

Выведя стоимость из анализа конкретного целого как самую общую абстракцию, глубоко схватывающую сущность товарного производства, Маркс затем начинает сложный и длительный путь восхождения от абстрактного к конкретному.

От стоимости Маркс идет к более конкретному — к прибавочной стоимости — через анализ ряда промежуточных звеньев: анализ развития форм стоимости, возникновения денег, усложнения функций денег и т. п. Категория прибавочной стоимости выражает несравненно более конкретные и развитые отношения, чем категория стоимости. В последней еще ничего специфически капиталистического не содержится, хотя она и является исторической, а следовательно, и логической предпосылкой анализа прибавоч-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 257.

ной стоимости. Что же касается категории прибавочной стоимости, то она выражает как раз качественную особенность, специфичность капиталистического способа производства, его глубочайшую сущность, и потому она несравненно более конкретна, чем категория стоимости. Однако если она конкретнее категории стоимости, то, с другой стороны, она «общее» и «абстрактнее» категории прибыли, ссудного капитала, ренты и т. п. Поэтому Маркс ее исследует до этих категорий, выражающих более конкретные отношения. Именно в силу своей «абстрактности», т. е. в силу того, что категория прибавочной стоимости выражает капиталистические отношения в наиболее чистом, незатемненном виде, она в тысячу раз точнее и глубже схватывает суть, основной экономический закон капитализма, чем самые «конкретные» категории, такие, например, как «прибыль», «цена производства» и т. п.

Выяснив действительный и единственный источник обогащения капиталистов всех мастей — эксплуатацию рабочих и создание последними прибавочной стоимости, Маркс затем переходит к анализу степени эксплуатации, рассматривая норму прибавочной стоимости до нормы прибыли, выступающей непосредственно на поверхности явлений. И Маркс это делает потому, что норма прибавочной стоимости выражает действительные отношения в чистом, обнаженном виде и вследствие этого позволяет судить о действительной степени эксплуатации капиталом рабочих. Норма прибавочной стоимости есть отношение между переменным капиталом и прибавочной стоимостью. Конечно, в реальном процессе производства участвует не только переменный, но и постоянный капитал, т. е. вся совокупность авансированного капитала. Поэтому прибыль вычисляется по отношению ко всему этому капиталу. Норма прибыли и фиксирует это обстоятельство. Но при этом затемняется действительная степень эксплуатации рабочих. Не говоря уже о том, что норма прибыли создает обманчивую видимость, будто наряду с рабочими прибавочную стоимость создают и средства производства, само вычисление прибыли путем сопоставления прибавочной стоимости со всем авансированным капиталом преуменьшает истинную степень эксплуатации.

Стоимость, затраченная на постоянную часть капитала, не создает ни одного атома новой стоимости, а лишь переносится в процессе труда на продукт. Следовательно, как

подчеркивает Маркс, «анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал *с* приравняли к нулю...» [1].

То обстоятельство, говорит Маркс, что для анализа какого-нибудь химического процесса требуются реторты и другие сосуды, нисколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от них. Примерно такое положение мы имеем и при анализе создания прибавочной стоимости и ее нормы. «Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещные образы постоянного капитала, доставляют только вещество, в котором должна фиксироваться текучая сила, создающая стоимость» [2]. Поэтому, делает вывод Маркс, норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом.

Таким образом, только исследование нормы прибавочной стоимости до нормы прибыли позволяет понять действительную степень эксплуатации рабочих, а вместе с этим и сущность нормы прибыли. Обратный порядок исследования не дал бы возможности понять ни того ни другого.

Установив, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости, Маркс детальнейшим образом анализирует формы и пути увеличения этого единственного источника обогащения капиталистов. И в этом вопросе он идет от простого к сложному. Он сначала исследует производство абсолютной прибавочной стоимости, образующей всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. Затем Маркс рассматривает производство относительной прибавочной стоимости и единство обеих форм. В последнем отделе первого тома Маркс переходит к анализу процесса накопления капитала.

Рассмотрение вопроса о накоплении капитала представляется естественным завершением всего исследования в первом томе «Капитала». Анализируя процесс накопления, Маркс поднимается на самую высокую ступень

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 225.
[2] Там же, стр. 226.

исследования капиталистического производства, взятого пока изолированно от процесса обращения. На этой ступени анализируются уже такие конкретные формы движения капитала, по отношению к которым ранее рассмотренные формы были значительно более простыми и абстрактными определениями.

До сих пор Маркс рассматривал производство прибавочной стоимости не как непрерывно возобновляющийся процесс, не в беспрерывном движении. Его главная цель пока заключалась в том, чтобы установить, откуда берется прибавочная стоимость, каковы ее источники, способы и методы увеличения. И только. Он временно абстрагировался от того, что созданием прибавочной стоимости не завершается миссия капитала. Созданная прибавочная стоимость должна быть реализована, чтобы начался процесс производства новой прибавочной стоимости и т. д., ибо цель и стремление капитала заключаются в производстве все большей и большей прибавочной стоимости. А это уже есть проблема накопления капитала. Таким образом, путь восхождения от абстрактного к конкретному естественно привел Маркса к проблеме накопления капитала. Эта проблема не может быть понята без всего предшествующего анализа. В свою очередь она естественно, логично увенчивает весь предшествующий анализ.

Итак, картина процесса накопления капитала есть уже нечто несравненно более конкретное, чем такие определения, как стоимость, прибавочная стоимость, абсолютная и относительная прибавочная стоимость. Здесь капитал выступает уже в более конкретной форме, анализ которой позволяет выяснить ряд его новых, чрезвычайно важных определений, раскрыть новые законы развития капитала.

Маркс указывает, что уже одно рассмотрение процесса производства как процесса воспроизводства, в котором производство беспрерывно повторяется, возобновляется, придает ему некоторые новые черты, познание которых позволяет глубже, конкретнее понять сущность капитала. Эти новые черты важны как для понимания природы переменного капитала, так и для понимания природы авансируемого капитала в целом. Раньше, на первых ступенях анализа, когда рассматривались отношения между индивидуальным капиталистом и индивидуальным рабочим, могло создаться представление, будто капиталист приобретает рабочую силу на собственные деньги. Но стоит

только рассмотреть процесс капиталистического производства не как одноактный, а как беспрерывно возобновляющийся процесс, а капиталистические отношения как отношения между рабочим классом и классом капиталистов в целом, чтобы иллюзия, будто капиталист из собственного фонда авансирует капитал, разрушилась как карточный домик.

При анализе процесса производства как беспрерывно возобновляющегося становится совершенно ясно, что переменный капитал, затрачиваемый капиталистом на покупку рабочей силы, состоит из прибавочной стоимости, создаваемой рабочим. За счет неоплаченного труда рабочего в течение прошлой недели или последнего полугодия оплачивается его сегодняшний или будущий труд.

Но можно, казалось бы, возразить, что процесс воспроизводства имел когда-то свое начало и что, следовательно, по крайней мере вначале капиталист авансировал средства, не имеющие никакого отношения к неоплаченному труду. Маркс беспощадно разрушает и эту буржуазную иллюзию. Он показывает, что в процессе воспроизводства затрачиваемая капиталистом стоимость замещается созданной рабочими прибавочной стоимостью. В силу этого по истечении определенного времени ни одного атома стоимости старого капитала не остается. Значит, не только переменный капитал, но и весь капитал в целом состоит из присвоенного капиталистом неоплаченного труда. И Маркс делает вывод: «Итак, совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда» [1].

Так, восходя от абстрактных, «чистых» отношений капиталистического производства к более конкретным, Маркс сумел доказать, что так называемая собственность капиталиста есть результат ограбления рабочего, ибо она яв-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 582.

ляется не чем иным, как капитализированной прибавочной стоимостью.

Затем Маркс в заключение рассматривает историческую тенденцию капиталистического накопления, обусловливающую временный, преходящий характер буржуазного строя.

Таков вкратце путь исследования, который Маркс проделал в первом томе «Капитала», восходя от стоимости как наиболее абстрактной и всеобщей формы капиталистического богатства ко все более и более конкретным отношениям, пока не достиг своей главной цели, поставленной в этом томе, — раскрыть внутренний механизм капиталистического производства, внутренний закон его развития и неизбежной гибели.

Однако на этом не мог закончиться и не закончился путь восхождения от абстрактного к конкретному. В первом томе Маркс рассматривает лишь одну сторону целого — процесс капиталистического производства, взятый изолированно от другой его неотъемлемой стороны — процесса обращения. Именно эта другая сторона служит объектом исследования во втором томе «Капитала».

Переходя к исследованию процесса обращения капитала, Маркс также не изображает и не может сразу изобразить этот процесс во всей его сложности и конкретности. Показывая на этой ступени своего исследования более конкретные формы проявления капитала, Маркс вместе с тем в исследовании самих этих форм идет от абстрактного к конкретному. Каждый из трех отделов второго тома представляет собой ступеньку в усложнении и конкретизации картины процесса обращения капитала. Об этом Маркс говорит во введении к третьему отделу.

Производство прибавочной стоимости невозможно без процесса обращения. Капитал находится в состоянии беспрерывного движения, переходя из одной стадии в другую. Без того, чтобы капитал совершил определенный кругооборот, невозможно достижение основной цели — производства прибавочной стоимости. Конечно, уже в первом томе Маркс касался этого вопроса, но лишь постольку, поскольку это необходимо было для выяснения стадий производства прибавочной стоимости. Сейчас Маркс переходит к выяснению всех форм, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота.

В изображении капиталистического производства как единства процесса производства и процесса обращения, в установлении всех перипетий и метаморфозов, которые должен проделать капитал, чтобы выполнить свою основную функцию — самовозрастание, и заключается более конкретная ступень Марксова анализа по сравнению с предшествующими ступенями.

Исследовав в первом отделе второго тома кругооборот капитала, Маркс во втором отделе поднимается на ступеньку выше к конкретному: он исследует то влияние, которое оборот капитала оказывает на процесс производства и на процесс возрастания стоимости.

При рассмотрении кругооборота капитала и тех форм, которые он принимает, Маркс отвлекался от того обстоятельства, что различные части капитала имеют различную скорость оборота. Сейчас он делает это предметом своего исследования. Он показывает, что из процесса обращения к капиталу подступают две новые формы, которые воздействуют на форму его оборота. Этими новыми формами являются основной и оборотный капитал. Они несравненно более конкретны, чем другие формы, рассмотренные ранее. Эти новые формы капитала, выступающие из процесса обращения, лежат на поверхности явлений и представляют собой нечто совершенно «осязательное», если сопоставить их с такими «абстрактными» и «невидимыми» формами, как постоянный и переменный капитал. Именно этот пример ярко показывает, в чем сила метода восхождения от абстрактного к конкретному. Буржуазные экономисты, бравшие такие конкретные категории, как основной и оборотный капитал, без раскрытия основы основ капиталистического производства, без выяснения той роли, которую играют постоянный и переменный капитал в производстве стоимости, ставили все на голову, превращали капиталистическое производство в совершеннейшую мистерию. Правильно понять действительную сущность и роль основного и оборотного капитала можно лишь при условии, если их рассматривать после и на основе анализа таких более абстрактных определений, как постоянный и переменный капитал. А это достигается лишь путем восхождения от абстрактного к конкретному.

Так, например, капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы и на приобретение средств труда (сырья и т. п.), составляет оборотный капитал. Но если не исследо-

вать такие «абстрактные» и «невидимые» формы, как постоянная и переменная части капитала, то нельзя увидеть никакого различия между ролью рабочей силы и ролью сырья и других средств труда в производстве стоимости. Поэтому определение оборотного капитала должно быть вторичным по отношению к определению постоянного и переменного капитала, являющегося первичным. Анализ должен идти от первичного к вторичному. Это и имеет в виду Маркс, когда он пишет: «Уже с самого начала очевидно, что определение капитала, затраченного на рабочую силу, как оборотного, или текучего, есть вторичное определение, в котором исчезает его differentia specifica в процессе производства, потому что, с одной стороны, в таком определении капиталы, затраченные на труд, и капиталы, затраченные на сырье и т. п., равнозначны; рубрика, отождествляющая часть постоянного капитала с переменным, совершенно игнорирует differentia specifica переменного капитала в противоположность постоянному» [1].

Но, определяя оборотный капитал как вторичное, Маркс нисколько не игнорирует роли оборота в процессе производства и возрастания стоимости. Усложняя свой анализ капиталистического производства рассмотрением отношений, существующих в процессе обращения, Маркс показывает, какую роль играет увеличение или уменьшение скорости оборота и т. д. На примере годовой нормы прибавочной стоимости Маркс показывает, что благодаря быстрому обороту меньший капитал может выполнять функции капитала во много раз большего. Это создает иллюзию, будто норма прибавочной стоимости зависит не только от массы применяемого переменного капитала и степени эксплуатации, но и от самого процесса обращения. На самом деле здесь никакого нарушения закона прибавочной стоимости нет. Этот закон выступает лишь в более конкретном виде, когда мы рассматриваем капиталистическое производство как единство процесса производства и процесса обращения. Но это конкретное можно научно понять лишь тогда, когда закон прибавочной стоимости исследован в своем абстрактном виде, не усложненном анализом процесса обращения.

В третьем отделе второго тома «Капитала» Маркс исследует еще более конкретные отношения процесса обра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 252—253.

щения капитала. До сих пор Маркс рассматривал обращение индивидуальных капиталов; он предполагал, что в процессе кругооборота капитала имеются все условия для превращения одной формы капитала в другую — денежного в производительный и т. д. Маркс поэтому временно отвлекался от натуральной формы стоимости, от того факта, что произведенная стоимость имеет вещественную форму. Это был, говорит Маркс, формальный прием. Но он был необходим для того, чтобы впоследствии на более конкретной ступени исследования можно было изобразить процесс обращения всего общественного капитала. Эту задачу Маркс и решает в третьем отделе, в котором он рассматривает воспроизводство и обращение всего общественного капитала. На этой ступени Маркс усложняет свой анализ, он синтезирует кругооборот массы индивидуальных капиталов в кругооборот и обращение всего общественного капитала. Он учитывает уже и натуральную, вещественную форму собственности, ибо без этого невозможно понять, как совершается обращение всего общественного капитала.

В соответствии с этим Маркс различает в общественном производстве два подразделения — производство средств производства и производство предметов потребления — и раскрывает закон их взаимоотношений. При этом, будучи верен своему методу восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс опять-таки начинает с простого воспроизводства, а затем переходит к расширенному воспроизводству.

Любопытно отметить, что, называя простое воспроизводство «абстракцией», говоря, что при капитализме такое воспроизводство неправдоподобно, Маркс тем не менее из 132 страниц, посвященных проблеме воспроизводства, около 100 страниц уделяет выяснению именно этой «абстракции». И это вполне понятно, ибо исследование явлений в их наиболее чистом виде позволяет установить их закон. Зная закон, уже легче показать, как он модифицируется в самой конкретной действительности. Поэтому Маркс, подробно проанализировав взаимоотношение между названными двумя подразделениями при простом воспроизводстве, затем показывает, каким должно быть это взаимоотношение при расширенном воспроизводстве.

Таков в общих чертах тот путь от абстрактного к конкретному, который Маркс проделал во втором томе

«Капитала». Этот путь подготовил переход к последнему этапу исследования.

Третий том завершает длинный и сложный путь восхождения от абстрактного к конкретному. Указывая, что процесс производства и процесс обращения рассматривались до третьего тома преимущественно как обособленные моменты, Маркс пишет, что сейчас наступила пора исследования их как целого. «В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов» [1].

Таким образом, в третьем томе «Капитала» Маркс достигает такой ступени своего исследования, когда конкретное выступает уже во всем многообразии своих многочисленных определений как единство многообразного. Но это уже конкретное, обогащенное в познании всем процессом восхождения от абстрактного к конкретному, углубленное знанием законов капитализма.

Изумительно тонко изображает Маркс процесс превращения и развития стоимости и прибавочной стоимости, раскрытых путем абстракции, в более конкретные формы, показывающие, насколько модифицируются, видоизменяются законы, когда они пробиваются на поверхность явлений.

В третьем томе «Капитала», имеющем своей задачей воспроизведение в мышлении конкретной картины капиталистического производства и обращения в целом, Маркс также строго придерживается метода восхождения от абстрактного к конкретному. Маркс начинает исследование процесса капиталистического производства, взятого в целом, с издержек производства и прибыли. Именно эти превращенные формы принимают стоимость постоянного и переменного капитала и прибавочная стоимость, когда мы изучаем не только скрытую внутреннюю основу капиталистического производства, но и то, как эта основа проявляется в конкретной действительности. Прибыль в этом случае выступает как избыток над издержками производства, в которых уже не видна разница между постоянным и переменным капиталом. В связи с этим и норма при-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.

были обозначает уже не отношение прибавочной стоимости к стоимости переменного капитала, как это выражено в норме прибавочной стоимости, а отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу.

Однако и прибыль Маркс вначале не рассматривает во всей ее конкретности. Он абстрагируется от ряда обстоятельств. Маркс первоначально вскрывает лишь количественное различие, несовпадение между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости. Но он не усложняет свой анализ тем фактом, что в действительности количественно различаются между собой также средняя прибыль и прибавочная стоимость. Абстрагироваться от этого необходимо на данной ступени анализа для того, чтобы раскрыть природу прибыли в ее чистом виде. Но в мире конкретных явлений средняя прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости. Это различие вызывается конкуренцией между капиталистами при неодинаковом органическом строении капитала. Абстрагируясь пока от конкуренции и неодинакового органического строения капитала, предполагая тождественность прибыли и прибавочной стоимости, Маркс тем самым говорит, что хотя прибыль и искажает действительные отношения между капиталистами и рабочими и затемняет источники прибавочной стоимости, но она есть не что иное, как другое выражение прибавочной стоимости. Он заявляет: «...прибыль, как мы ее сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства» [1].

Таким образом, абстрактное рассмотрение прибыли, при котором последняя в числовом выражении совпадает с прибавочной стоимостью, дает возможность понять, что, какие бы перипетии и злоключения ни претерпевала прибыль в реальном конкретном мире явлений, как бы прибыль ни отличалась от прибавочной стоимости и в количественном отношении, при всех условиях единственным источником обогащения капиталистов является прибавочная стоимость, создаваемая в производстве путем эксплуатации рабочих.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 44.

Но затем Маркс усложняет свой анализ новыми обстоятельствами, дальше конкретизирующими понятие прибыли. Ранее Маркс временно абстрагировался от того, что капитал в различных отраслях производства и на различных предприятиях имеет неодинаковое органическое строение. Он также абстрагировался от различий во времени оборота, раскрывая природу прибыли на примере индивидуального капитала. Он не принимал во внимание на данной ступени своего анализа связь и взаимодействие всех индивидуальных капиталов, конкурентную борьбу между ними. Теперь Маркс, восходя к более конкретным отношениям, вводит эти моменты и показывает, как они влияют на прибыль.

Исследование процесса образования общей (средней) нормы прибыли в результате конкуренции, анализ процесса образования цены производства показывают действие закона стоимости и закона прибавочной стоимости в наиболее конкретном их выражении. При образовании средней нормы прибыли уже не только норма прибыли в числовом отношении отлична от нормы прибавочной стоимости, но и масса прибыли количественно не тождественна массе прибавочной стоимости, произведенной в той или иной отрасли производства. Теперь только случайно эта прибавочная стоимость может совпасть с прибылью, которая заключается в продажной цене товара.

В цене производства очень смутно проглядывает стоимость, заключенная в произведенных товарах. Стоимость и цена производства — это два крайних полюса исследования, из которых первый раскрыт как ступень чрезвычайно глубокой абстракции, еще далекой от конкретного образа явлений, а второй раскрыт на высокой ступени воспроизведения конкретного. Первый образует скелет, основу второго. Цена производства облекает этот скелет, эту основу в плоть и кровь реальных явлений во всей их жизненной сложности. Между двумя этими полюсами лежит длительный и трудный путь восхождения от абстрактного к конкретному, но только благодаря этому пути Маркс сумел гениально разрешить те загадки, перед которыми была беспомощна буржуазная политическая экономия. В каких бы конкретных одеяниях ни выступали стоимость и прибавочная стоимость, благодаря методу восхождения от абстрактного к конкретному мы легко их узнаем во всех сложных превращениях.

Маркс не имел возможности проследить, какие дальнейшие усложнения и конкретизацию претерпевают стоимость и прибавочная стоимость, когда на смену домонополистическому капитализму приходит монополистический. В новых условиях, как известно, товары продаются уже не только по ценам производства, но и по монопольным ценам, которые, как правило, превышают стоимость товаров. Не трудно, однако, понять, что эта дальнейшая конкретизация закона стоимости нисколько не устраняет его действия и в новых условиях, ибо монопольные цены не могут ни уменьшить, ни увеличить общее количество стоимости и прибавочной стоимости, создаваемых трудом рабочих. Стоимость и прибавочная стоимость могут лишь перераспределяться в пользу кучки монополистов капитала и в ущерб рабочим, трудящимся, а также мелким и средним капиталистам, но не могут определяться монопольными ценами.

Рассмотрение процесса образования цены производства не последнее звено в восхождении от абстрактного к конкретному. Далее Маркс прослеживает тенденцию нормы прибыли к понижению. Этот отдел третьего тома «Капитала» представляет собой конкретизацию тех глав первого тома, в которых Маркс исследует всеобщий закон капиталистического накопления и историческую тенденцию капиталистического производства.

До сих пор Маркс абстрагировался от того факта, что в конкретном мире капиталистического производства и обращения товарный капитал и денежный капитал существуют не как формы единого промышленного капитала, а как обособившиеся и превратившиеся в самостоятельные виды торговый и ссудный капиталы. В соответствии с этим он отвлекался и от проблемы распадения прибыли на процент и предпринимательский доход. Все это необходимо было в целях исследования прибыли и ее законов в наиболее чистом виде, не усложненном привходящими обстоятельствами.

Теперь Маркс усложняет свой анализ, поднимаясь на ступеньку выше к конкретному, раскрывая законы движения торгового и ссудного капиталов. В дальнейшем Маркс переходит к исследованию земельной ренты как особой формы, в которой часть прибавочной стоимости, созданной рабочими в процессе производства, достается земельным собственникам.

Если до настоящего момента исследования фигурировали лишь капиталисты и рабочие, то на этой несравненно более высокой ступени анализа капиталистического производства как конкретного вводится класс земельных собственников.

Только в результате Марксова исследования, прошедшего путь от абстрактного к конкретному (но уже к такому конкретному, которое прояснено светом познанных законов), процесс капиталистического производства и обращения предстал перед нами не как запутанный хаос многообразного, а как подлинное единство многообразного.

Поистине человечество вправе гордиться тем, что сделал Маркс в «Капитале», ибо это немеркнущее свидетельство неограниченной силы человеческого ума. Это подлинная «поэзия познания», без которой нет и не может быть науки.

* *
*

Необходимо остановиться еще на одной важной особенности Марксова способа восхождения от абстрактного к конкретному. Когда Маркс исследует самые конкретные формы движения капитала, которые, будучи взяты сами по себе, создают совершенно ложную видимость действительных отношений, то он не ограничивается констатированием этой видимости. Он также не ограничивается указанием на то, что данная ложная видимость имеет свои объективные корни в самой действительности. Завершая путь восхождения анализом этих форм, Маркс доводит синтез абстрактного и конкретного до такой ступени, на которой эти формы, как ни обманчива их внешность, выступают в качестве *реальных* и *оправданных* форм. Иначе говоря, он развивает их в качестве необходимых форм, но после всего проделанного пути необходимость эта не может ввести в заблуждение относительно их действительной сущности и основы. Мы это покажем на примере деления прибыли на предпринимательский доход и процент.

Известно, что в процессе развития капитала выделяется категория денежных капиталистов, которые ссужают свои деньги промышленным капиталистам, пускающим их в оборот. Собственность на капитал отделяется от функционирующего капитала, капитала производственного. Соот-

ветственно прибавочная стоимость разделяется между различными категориями капиталистов (денежные капиталисты получают часть прибавочной стоимости в виде процента, промышленные и торговые капиталисты — в виде предпринимательского дохода). Известно также, что эти две формы прибыли представляют собой *различные категории* прибыли независимо от того, работает ли капиталист с собственным капиталом или капиталом заемным. Пусть капиталист работает с собственным капиталом. Тем не менее он выступает в двух лицах: как собственник капитала и как функционирующий капиталист. И капитал, применяемый им, распадается на две формы: на капитал-собственность, находящийся вне производства, приносящий сам по себе процент, и капитал, функционирующий в производстве и приносящий постольку сам по себе предпринимательский доход.

Маркс ставит в связи с этим вопрос: каким образом чисто *количественное* деление прибыли на процент и чистую прибыль превращается в *качественное*, т. е. образуются качественно различные формы прибыли даже тогда, когда капиталист не занимает у денежного капиталиста деньги, а работает со своим собственным капиталом? Маркс называет такое саморазличение одного и того же капиталиста в качестве собственника капитала и функционирующего в производстве капиталиста «бутафорским», ибо такое саморазличение создает видимость, что (особенно когда капиталист работает с заемным капиталом) капиталист за свой труд по руководству процессом производства получает, как и рабочий, «заработную плату». Однако Маркс идет дальше и показывает, что эта конкретная форма движения капитала имеет свои объективные основания и в определенном отношении оправдана. Владелец капитала может не пустить его в процесс производства, а ссудить и тем самым получить за него процент. Поэтому, если он и не берет ссуду, а распоряжается собственным капиталом, он различает прибыль на собственность капитала и прибыль за функционирование капитала в производстве. Эта кристаллизация и обособление обеих частей валовой прибыли, говорит Маркс, «должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала», и притом «безразлично, получен ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денеж-

ному капиталисту, им самим или нет» [1]. Маркс подчеркивает, что такое качественное разграничение двух частей валовой прибыли «отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте...» [2].

Вульгарные экономисты, разумеется, используют этот объективный факт для того, чтобы все поставить на голову и доказать, что разные части прибыли имеют разные источники, что вообще прибыль проистекает не из эксплуатации рабочих, а из капитала, как такового. В последнем, незаконченном отделе своего труда «Доходы и их источники» Маркс подвергает критике «триединую формулу» буржуазных экономистов, согласно которой различные вещественные элементы приносят доходы: капитал — прибыль, земля — земельную ренту, труд — заработную плату.

Это тоже «конкретное», но такое, которое отражает действительность в кривом зеркале. Когда Маркс смело вскрывает объективные основания факта разделения прибыли на процент и предпринимательский доход даже в такой бутафорской форме, что один и тот же капиталист рассматривает себя в двух противоположных ипостасях, то этот факт, будучи опосредствован всем предшествующим движением от абстрактного к конкретному, становится на свое место и выступает лишь как звено в общей цепи развития капитала. Рассматриваемый в этой общей связи, он получает совершенно рациональное выражение, ибо, как бы ни разделялась прибыль, какие бы неожиданные и причудливые формы она ни принимала, ясно одно: она создается до всякого распределения в виде прибавочной стоимости, являясь превращенной формой последней.

Доведение абстракции до такой высокой степени конкретизации, благодаря которой самые причудливые и, казалось бы, фантастические формы проявления оказываются лишь наиболее конкретными выражениями глубокой, осознанной посредством процесса абстрагирования сущности,— один уже этот результат познания свидетельствует о том, что способ исследования, приведший к нему, есть подлинно научный способ теоретического мышления. Та-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 412.
[2] Там же, стр. 411.

кой способ исследования вместе с тем содержит в себе самом доказательство истинности результатов познания, хотя наряду с этим Маркс приводит для подтверждения формулируемых им истин массу фактов.

4

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному Маркс выражает посредством системы экономических понятий и категорий. Последние представляют собой как бы кристаллы, которые образуются на каждой ступени этого постепенного процесса восхождения. Каждая новая ступень анализа обобщается и резюмируется в более конкретной категории. Новая категория опосредствована как всеми предшествующими ей категориями, так и непосредственно той, к которой она примыкает. Так постепенно исследование обрастает новыми определениями, единство которых и составляет сущность конкретного.

Однако это единство определений нельзя представлять как простую совокупность многих определений, выражающих разные стороны и процессы движения капитала. При таком понимании конкретное было бы эклектичным и не обладало бы принципом развития. В действительности конкретное как единство многих определений воспроизводится теоретическим мышлением путем концентрации и сгущения содержания исследуемого предмета, так что каждая новая категория несет с собой более богатое содержание, в котором в снятом виде сохраняется содержание всех предшествующих категорий. Здесь нет и не может быть прямой линии порождения категорий, подобно тому как Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и т. д. Движение и развитие категорий, выражающих процесс восхождения ко все более конкретному, происходит в виде ряда относительно замкнутых самостоятельных кругов, каждый из которых служит основанием для следующего круга. Последняя категория каждого отдельного круга является наиболее содержательной и богатой, поскольку в ней в снятом виде содержатся все другие категории, которые ее опосредствуют.

Тщетно, скажем, было бы искать *непосредственного* перехода от высшей категории, которой заканчивается первый том «Капитала», к следующей категории, с

которой начинается второй том. Первый том, как известно, заканчивается категорией, или законом всеобщего капиталистического накопления [1].

Второй том начинается с понятий различных форм капитала и их кругооборотов. Ясно, что здесь нет и не может быть прямого перехода одного понятия в другое. То же самое можно сказать и о переходе от второго тома к третьему. В этом смысле мы и говорим, что развитие категорий, как оно дано в «Капитале», меньше всего (впрочем, как и всякое развитие) можно изобразить в виде прямой линии.

В действительности, как было показано выше, категории располагаются соответственно определенным уровням исследования, так что исследование и восхождение от абстрактного к конкретному на уровне анализа процесса производства находит свое теоретическое выражение в одних категориях, исследование на уровне анализа процесса обращения — в других категориях и т. д. Каждый из этих уровней можно представить в виде относительно самостоятельных и замкнутых кругов, связанных между собой и переходящих друг в друга в силу общей логики движения познания: от анализа процесса производства к анализу процесса обращения и от них к их единству и целостности.

Рассмотрим категории каждого из этих кругов, и нам станет ясным, какую роль играют категории в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, как в *них* и посредством *них* осуществляется этот процесс. При этом изображение будет крайне схематичным, грубо приближенным, показывающим лишь основное направление движения и потому берущим из массы категорий лишь главные с оставлением в стороне многих других понятий.

Первый круг: категории процесса капиталистического производства. Схематически категории этого круга можно расположить так: *стоимость — деньги — прибавочная стоимость — капитал — абсолютная и относительная прибавочная стоимость — накопление капитала — всеобщий закон капиталистического накопления* (сюда же примыкает

[1] Мы отвлекаемся от того, что в действительности он заканчивается главами о первоначальном накоплении капитала и колонизации. Эти главы стоят как бы особняком от законченного целого, каким представляется нам первый том Марксова произведения.

раздел об исторической тенденции капиталистического накопления). Оба полюса этого круга исследования представляют собой противоположности: в начале его мы имеем наиболее абстрактную категорию товарной стоимости, а в конце наиболее конкретную категорию процесса капиталистического производства — категорию, или закон всеобщего капиталистического накопления. Между ними расположены категории, связывающие оба эти полюса.

Восхождение к конкретному реализуется так, что все те более сложные отношения, которые вовлекаются в исследование, обобщаются в более конкретных категориях; если нет прямого и непосредственного перехода от последней категории одного тома к первой категории другого, то внутри каждого круга одна категория *непосредственно* примыкает к другой, выводится, развивается из другой. Так, в рассматриваемом круге категория прибавочной стоимости опосредствована категориями стоимости и денег, категория капитала выводится из категории прибавочной стоимости, категория накопления капитала — из категорий, отражающих развитие различных форм производства прибавочной стоимости и т. д. Каждая категория занимает строгое место в системе данного круга, а, взятые вместе, они постепенно поднимают исследование по лестнице конкретизации исходных абстрактных определений.

Вследствие такого развития каждая более конкретная категория содержит в себе богатство предыдущих категорий, сгущая его в своем содержании и составляя исходный пункт и основу для дальнейшего развития категорий. Конечно, этим не снимается самостоятельное значение каждой отдельной категории, выражающей какую-то определенную сторону, грань, этап общего процесса развития познания. В этом смысле можно сказать, что конкретное как единство многообразных определений означает связь, взаимодействие, единство всех категорий. Но сказать только это — значит не выделить и не подчеркнуть ту сторону взаимосвязи категорий, которая придает им значение *системы* научных категорий. Эта сторона — *субординация категорий.* Категории не располагаются просто рядом друг подле друга, а выводятся, развиваются друг из друга.

Поэтому если мы рассмотрим последнюю категорию, завершающую исследование капиталистического процесса производства — всеобщий закон капиталистического нако-

пления, то мы убедимся, что все предшествующие категории представляют ступеньки восхождения к этой наиболее конкретной категории и что в ее содержание включено все богатство этих категорий. Эта категория — *самая конкретная и развитая,* какая только возможна при исследовании капиталистического процесса производства, взятого изолированно от других сторон исследуемого объекта в целом.

Можно возразить, сообразно ли с логикой постепенного восхождения от абстрактного к конкретному уже в первом томе доводить исследование до момента «экспроприации экспроприаторов», а после этого перейти к анализу других сторон капиталистического способа производства. Но это возражение неосновательно. У Маркса всюду присутствует железная логика, и в частности в этом кажущемся отступлении от принципа постепенного восхождения, ибо нужно было показать, что действием имманентных законов процесса развития *производства,* т. е. основы и главной стороны буржуазной формации, создаются предпосылки для ее гибели и перехода к высшей общественной формации.

Второй круг: категории процесса обращения капитала. Схематически категории этого круга можно расположить так: *денежный капитал и его кругооборот — производительный капитал и его кругооборот — товарный капитал и его кругооборот — время обращения — оборот капитала — основной и оборотный капиталы — воспроизводство и обращение всего общественного капитала.* Как и в первом томе, мы здесь имеем два противоположных полюса, первый из которых представляет собой абстракцию, выраженную в определенных категориях процесса обращения, а второй — наиболее конкретную категорию, в которой отражен и воспроизведен процесс обращения общественного капитала, взятый в целом.

Исследование процесса обращения Маркс начинает с абстракции кругооборота, проделываемого индивидуальным капиталом. Отсюда и соответствующие категории денежного, производительного и товарного капиталов, рассматриваемых на данной стадии в качестве различных форм одного и того же промышленного капитала. Показав кругооборот каждого из этих капиталов и кругооборот индивидуального капитала в целом, Маркс далее формулирует новую категорию, которая выражает более конкрет-

ные отношения на пути восхождения от абстрактного к конкретному, — категорию оборота капитала. Эта категория выражает более конкретные отношения, поскольку оборот капитала здесь рассматривается уже как периодически повторяющийся. Далее, для конкретизации категории оборота капитала вводятся такие категории, как основной капитал и оборотный капитал, рабочий период, время производства, время обращения и др. С помощью этих категорий выявляются несравненно более конкретные и сложные процессы и законы производства прибавочной стоимости, воздействие на эти процессы оборота капитала и его формы, которые он принимает в процессе обращения.

Интересно отметить как одну из важных особенностей Марксова исследования, что, поднимаясь от абстрактного к конкретному, Маркс часто пользуется одними и теми же категориями. Так, исследуя обращение всего общественного капитала как форму воспроизводства, он пользуется категориями простого и расширенного воспроизводства, которые он употреблял при анализе капиталистического накопления в процессе производства. Но все дело в том, что на новой ступени эти категории обрастают новыми, более конкретными определениями в связи с тем, что рассматривается процесс обращения всего общественного капитала.

Подобно тому как категория всеобщего капиталистического накопления есть наиболее конкретная категория исследования процесса капиталистического производства, категории воспроизводства и обращения всего общественного капитала представляют собой наиболее конкретные и развитые категории исследования процесса обращения капитала. Последние, однако, содержат в себе все богатство категорий, сформулированных Марксом при исследовании процесса производства, ибо хотя он и рассматривает процесс обращения как особый момент, взятый отдельно, но пользуется здесь всеми этими категориями. Как говорит сам Маркс, при анализе процесса обращения как опосредствования общественного процесса производства (в последнем отделе второго тома) оказалось, что капиталистический процесс производства есть единство производства и обращения.

Третий круг: категории капиталистического производства, взятого в целом. Схематически категории этого

круга представляются в следующем виде: *издержки производства — прибыль — средняя прибыль — цена производства — тенденция нормы прибыли к понижению — торговый капитал — денежный капитал — земельная рента — производственные отношения и отношения распределения — классы.*

Данные категории представляют собой уже категории, отображающие единство процесса производства и процесса обращения. Как говорит Маркс, оба эти процесса «постоянно переходят один в другой, переплетаются...» [1].

Категории этого круга и выражают этот постоянный переход и переплетение процесса производства и процесса обращения. Маркс начинает этот круг развития познания с категории издержек производства. Эта категория существенно отличается от категории товарной стоимости, так как она отражает лишь то, чего стоит товар капиталисту. Соответственно и прибавочная стоимость рассматривается капиталистом как избыток над издержками производства, полученный при реализации товара. Прибавочная стоимость приобретает превращенную форму прибыли. Хотя категории издержек производства и прибыли создают обманчивую видимость тождества отображаемых ими явлений со стоимостью товара и прибавочной стоимостью, они, как показывает Маркс, имеют основания в самой действительности, в конкретных отношениях, поскольку прибавочная стоимость создается лишь при условии, если делаются затраты и на другие факторы производства. Поэтому и действительный уровень прибыли капиталиста определяется отношением ее ко всему капиталу. Так как категории эти опосредствованы предшествующими категориями, особенно категориями стоимости и прибавочной стоимости, то развитие и конкретизация, которые воплощены в первых из них, лишают всякой почвы представления о том, что прибыль есть просто избыток, возникающий в процессе обращения. Вместе с тем они необходимы для выражения более конкретных отношений, существующих в процессе капиталистического производства, взятого в целом.

Категории средней прибыли, а затем цены производства суть те понятийные формы, которые позволяют подняться выше по лестнице восхождения к конкретному.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 51.

Здесь новые факторы и определения, установленные при анализе переплетающихся процессов производства и обращения, требуют рассмотрения прибыли как части совокупного общественного капитала, так как индивидуальные нормы прибыли посредством конкуренции выравниваются в среднюю норму прибыли. Этой же цели воспроизведения конкретного служат и другие категории этого круга исследования, которые нет нужды специально рассматривать. Как было показано выше, они обобщают уже такие конкретные, наиболее развитые отношения, которые объединяют общие абстрактные определения с самыми внешними формами, находящимися на поверхности действительности.

Для нашей цели важно указать на категории, которыми Маркс заканчивает и увенчивает все здание своего исследования. Это категории распределения и — шире — производственных отношений, а также классов. К сожалению, Маркс не успел закончить главу о классах, но сам замысел его совершенно ясен. Эти категории (особенно «классы») по отношению ко всем предыдущим категориям «Капитала» характеризуются *высшей и наиболее развитой конкретностью*. Исследуя производственные отношения, а затем переходя к определению классов капиталистического общества, Маркс в этих категориях дает синтез результатов всего предшествующего анализа капиталистического способа производства, рассматриваемого во всей его конкретности. Из неоконченного отрывка о классах видно, что Маркс собирался ответить на вопрос, что образует класс; он хотел, по-видимому, в заключение исследовать структуру капиталистического общества в разрезе его классового деления и классовой борьбы как движущей силы решения задачи перехода от капитализма к социализму, задачи, поставленной всем ходом развития самого капиталистического способа производства.

Во «Введении» к экономическим рукописям 1857—1858 гг. Маркс писал, что невозможно начинать исследование политической экономии с таких конкретных категорий, как население и классы, без предварительного рассмотрения многих и многих менее конкретных категорий, каковы «наемный труд», «капитал», «стоимость» и пр. Только рассмотрев эти категории, можно прийти к наиболее развитым категориям, «но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой

совокупности с многочисленными определениями и отношениями». Переходя в конце своего труда к категориям производственных отношений и классов, Маркс и стремился дать такое развитое определение целого. В этих категориях все выведенные ранее определения, выраженные в категориях и понятиях, синтезируются воедино. Они — результат всего огромного и трудного пути, пройденного от первых, наиболее абстрактных определений до самых конкретных категорий как «богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями».

Таким образом, образование и формулирование категорий, переход от менее развитых к более развитым категориям, установление определенного соотношения между категориями, при котором развитые и конкретные категории опосредствуются менее развитыми, соединение их в *систему категорий* — таковы логические средства и формы восхождения от абстрактного к конкретному.

Глава десятая

Анализ и синтез, индукция и дедукция в процессе воспроизведения конкретной целостности объекта

Мы должны теперь установить, с помощью каких познавательных средств осуществляется сам процесс абстрагирования в движении мысли от конкретного к абстрактному, а также в движении от абстрактного к конкретному. Выше была выяснена роль категорий как ступенек, узловых моментов процесса восхождения от абстрактного к конкретному. Но остается еще исследовать, каковы те логические средства, которые дают возможность переходить от менее конкретных к более конкретным категориям, давать все более богатые определения объекта, добиваться того единства многообразных определений, в котором и состоит сущность и «душа» конкретного. Это — вопрос о роли анализа и синтеза, индукции и дедукции в процессе воспроизведения конкретного.

1

Изучение «Капитала» показывает прежде всего, что и в этом отношении Марксов метод глубоко отличается от метода его предшественников. Недаром, напоминаем, «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии». Маркс подвергает критике слабость метода буржуазных экономистов, состоящую в неумении диалектически сочетать анализ и синтез, индукцию и дедукцию, в одностороннем понимании самой сущности этих логических средств познания. Правда, он требует и в этом вопросе видеть различие, существующее между классиче-

ской политической экономией и вульгарной экономией. Но, устанавливая это различие, Маркс вместе с тем показывает всю слабость даже лучших представителей буржуазной экономической науки — Смита и Рикардо.

Различие между последними и вульгарными экономистами в понимании этого вопроса Маркс видит в следующем. Вульгарные экономисты берут конкретное, как оно выглядит на поверхности явлений, не пытаясь путем анализа раскрыть сущность явлений. Капитал, труд и земля выступают как самостоятельные источники различных видов дохода. Они изолированы друг от друга. У этих экономистов нет и намека на единый источник всех этих видов дохода, т. е. на прибавочную стоимость. Этот метод полностью игнорирует *анализ,* с помощью которого только и можно обнаружить существенно общее, единое в многообразных проявлениях целого. Вульгарные экономисты — враги такого научного анализа, ибо как апологеты капитализма они заинтересованы в том, чтобы затушевать, скрыть действительный источник капиталистической прибыли за ее многообразными формами.

Конкретное берется вульгарными экономистами во всей его расчлененности, как оно выглядит на поверхности явлений. И так как анализ конкретного игнорируется, то эта расчлененность выступает как совокупность равнодушных друг к другу и независимых друг от друга явлений. Этим достигается главная задача: затушевывается внутренняя связь между различными видами дохода, а следовательно, и внутреннее противоречие между ними. Так, вульгарные экономисты создают видимость гармонии между классами буржуазного общества. Поэтому вполне понятно, почему они питают ненависть к научному анализу как способу исследования внутренней общей основы разнородных явлений.

В противовес вульгарным экономистам представители классической буржуазной экономии Смит и Рикардо не удовлетворяются регистрацией конкретного, как оно выглядит в непосредственной действительности. Они, как говорит Маркс, не останавливаются перед формой отчуждения и пытаются найти общую основу, общий источник различных видов дохода. Они пытаются достичь этого путем анализа. Их метод есть *метод анализа* действительности. И в этом Маркс видит большую заслугу лучших представителей буржуазной экономии. Вот как он изла-

гает эту сторону их метода: «Классическая политическая экономия старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с них ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления... Так она свела к одной форме прибыли все те формы дохода, все те самостоятельные формы, или титулы, под которыми не-рабочий получает долю в стоимости товара» [1].

Следовательно, анализ позволил Смиту и Рикардо вскрыть в многообразии явлений существенное и показать, что форма самостоятельности и отчужденности различных видов дохода есть лишь внешняя видимая форма, их внешний «титул». Сведя многочисленные формы к одной существенной форме, они тем самым приблизились к пониманию внутренней связи и единства явлений, без чего не может быть научного понимания вопроса. Правда, они отождествляли прибавочную стоимость с прибылью, но последняя все же ближе к своему действительному источнику, чем такие формы, как процент, рента, заработная плата.

Отмечая эту положительную сторону метода Смита и Рикардо, Маркс тут же показывает его односторонность. Буржуазные экономисты признавали необходимость анализа, но не понимали, что один анализ без синтеза не может достигнуть истины. Анализ позволяет вскрыть то общее, что объединяет многообразные проявления конкретной действительности. Однако без синтеза — противоположного анализу, но столь же необходимого способа исследования — невозможно вывести это многообразие явлений из их общей основы. А задача познания капиталистического способа производства заключается не только в том, чтобы доказать, что основа его — производство прибавочной стоимости, но и в том, чтобы показать, как из этой основы вырастают и развиваются все присущие капиталу конкретные формы дохода. Если в анализ внутренней основы многообразных видов дохода Смит и Рикардо внесли много ценного, хотя они не сумели и здесь довести исследование до конца, ибо научного анализа прибавочной стоимости все же не дали, то ко второй задаче — к синтезу конкретных проявлений капитала — они даже не под-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 525—526.

ходили. Маркс пишет по поводу этой слабости классической политической экономии: «Она интересуется не тем, чтобы генетически вывести различные формы, а тем, чтобы свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них, как из данных ей предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах» [1].

Под генетическим исследованием и изложением Маркс по существу понимает синтез. Игнорируя эту сторону исследования, Смит и Рикардо неизбежно впадали в непоследовательность и во многом способствовали появлению триединой формулы вульгарных экономистов. Они правильно исходили из стоимости и в прибыли, заработной плате, ренте видели проявление стоимости. Но с другой стороны, они не умели свести концы с концами, объяснить, почему в реальной действительности средняя прибыль не совпадает с прибавочной стоимостью, а стоимость в целом — с ценами производства. Они в бессилии останавливались перед таким явлением, как абсолютная рента, которая якобы противоречит выведенной путем анализа стоимости, подменяли постоянный и переменный капитал основным и оборотным капиталом и т. д. Иначе говоря, увидев в стоимости и производстве стоимости основу капиталистического способа производства, они не способны были (и не ставили даже перед собой такой задачи) развить из нее ее превращенные формы, т. е. воспроизвести конкретное в его многоразличных формах, но такое конкретное, которое вытекает из своей основы, из своего единства. А этого возможно добиться лишь путем синтеза, т. е. после того, как задача анализа выполнена.

Критика Марксом метода вульгарных экономистов и представителей классической буржуазной политической экономии позволяет глубже понять, что́ такое анализ и синтез и какова их роль в научном исследовании.

Начиная исследование не познанных еще явлений, мы имеем перед собой внешний мир, выступающий во всей своей сложности. Это — конкретное целое, многоразличные отношения которого не поняты еще в их единстве и внутренней связи. Чтобы разобраться в этом сложном многообразии и не принять внешние, случайные связи за

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 526.

внутренние, необходимые, нужно расчленить сложное целое на его составные части и элементы, выделить из массы сторон и элементов целого наиболее существенные и важные, определяющие, обнаружить то существенно общее, что связывает воедино многообразные явления. Этого можно достигнуть путем анализа. *Задача анализа состоит в том, чтобы от единичного подняться к общему, от конкретного — к абстрактному, от непосредственно данного — к опосредствованному, от случайного — к необходимому, от кажущегося в явлениях — к их сущности.*

Этим определяется место анализа в научном познании, устанавливается роль анализа в том закономерном движении мысли от конкретного к абстрактному, которое необходимо для того, чтобы познать конкретное не как сумму равнодушно относящихся друг к другу явлений или сторон одного явления, а как единое, связное целое.

Когда анализ выполнил свою задачу, он должен быть дополнен другим познавательным процессом, столь же необходимым, но развивающимся в прямо противоположном направлении. Хотя посредством анализа и обнаруживается единство, существенная общность различных явлений, но мы еще очень далеки от того, чтобы понять действительное развитие во всей его сложности и конкретности. Анализ дает нам картину, которая по сравнению с живой конкретной действительностью представляет собой нечто чрезвычайно отвлеченное и бескрасочное. В основе неживой и живой природы, например, лежат одни и те же химические элементы, анализ которых составляет необходимую предпосылку познания как того, так и другого проявления единой материи. Но как еще далеко это знание от знания действительной сущности и отличия живого от неживого! Как остроумно говорил Гегель, хотя мясо и состоит из углерода, кислорода и т. п., но эти абстрактные вещества уже не мясо. Все дело в синтезе этих веществ, в том способе объединения этих элементов, который и дает нам это явление во всей его конкретности.

Взять другой пример. Анализ помогает нам разложить производство на такие составные части, как орудия производства и люди, использующие эти орудия производства. Знание этих составных элементов всякого производства чрезвычайно важно, но одно оно не дает нам еще знания данного, конкретного способа производства. Сами по себе эти элементы представляют собой абстракцию. Все

зависит от способа соединения этих двух элементов. Именно конкретный способ их соединения и даст нам реально существующее общество — феодальное, капиталистическое, социалистическое.

Следовательно, анализ должен быть дополнен *синтезом*. Но синтез вовсе не столь плоская задача, как это может показаться на поверхностный взгляд, для которого он сводится к простому объединению составных частей предмета. Критика Марксом буржуазных экономистов и конкретное применение им синтеза в «Капитале» показывают, что это чрезвычайно сложный процесс. *Под синтезом Маркс понимает конкретизацию всеобщего, единого, постигнутого посредством анализа, осуществляемую путем выведения из этого всеобщего и единого его многообразных конкретных проявлений.* Синтез, по Марксу, — это воспроизведение конкретного как единства многообразного. Если при анализе мысль идет от единичного, конкретного к абстрактному и всеобщему, то при синтезе — от всеобщего к многообразным проявлениям его, к различным формам существования этого всеобщего. Но вся суть и вся сила синтеза заключается в том, что действительность выступает уже не как сумма разрозненных явлений и процессов, а как единое целое, где вся расчлененность и пестрота явлений «увязаны» в один узел, подчинены открытым и исследованным благодаря анализу законам. Под синтезом Маркс и понимает исследование и воспроизведение в мысли действительного процесса развития во всей его конкретности.

Вот почему Маркс не считал и не мог считать свою задачу решенной с открытием прибавочной стоимости. Он должен был еще показать, что вся конкретная пестрота многочисленных форм капиталистического дохода есть проявление производства прибавочной стоимости, что все внешние формы капиталистической жизни, как ни противоречат они на первый взгляд этому главному и основному факту буржуазного производства, суть его выражения. А этого можно было достигнуть лишь с помощью такого могущественного орудия познания, как синтез.

Маркс рассматривает анализ и синтез не как два самостоятельных способа исследования, а как два различных способа, неразрывно связанных между собой, вытекающих друг из друга и обусловливающих друг друга. Каждый из этих способов уместен в свое время и при

решении определенной задачи. На том или ином этапе познания на передний план выдвигается то анализ, то синтез. При этом они находятся в состоянии взаимодействия: анализ подготавливает «работу» для синтеза, синтез помогает анализу глубже проникать в сущность явлений.

Таким образом, анализ и синтез — таковы те логические средства и приемы, посредством которых осуществляется процесс движения познающей мысли от конкретного к абстрактному и от него к конкретному. Противоречивому характеру этого процесса соответствуют и диалектически противоречивые приемы, способы познания. Будучи противоположностями по сущности своих задач, они в общем потоке познания составляют неразрывное единство, переходя друг в друга, переплетаясь в каждом шаге познания. В самых общих чертах логику этого перехода и связи анализа и синтеза можно изобразить как движение от синтеза к анализу и от анализа к синтезу. Первоначальное представление об объекте всегда синтетично, поскольку он выступает перед нашим взором в чувственно-конкретной форме. Анализ сводит это синтетическое представление к абстрактным определениям, которые затем становятся исходным моментом движения к воспроизведению мысленной конкретной целостности предмета, следовательно, исходным моментом нового, более глубокого синтеза.

Однако эти общие соображения о сути анализа и синтеза должны быть рассмотрены более конкретно.

2

С проблемой анализа и синтеза связан ряд понятий, без которых невозможно установить смысл и роль рассматриваемых приемов и средств исследования. Прежде всего мы здесь сталкиваемся с понятиями *целого* и *части, элементов,* из которых состоит целое, и его *структуры.* Исследуемый объект всегда составляет целое, целостность. Целое складывается из частей, элементов, находящихся в определенной связи. Структура целого есть внутренне определенная связь частей, элементов. Это соотношение между целым и его частями, между элементами и объединяющей их структурой необходимо прежде всего при-

нять во внимание, чтобы более близко подойти к понятиям анализа и синтеза.

Хотя понятия целого и конкретного не тождественны, так как они несут разную смысловую нагрузку, для наших целей важно подчеркнуть, что конкретное, способы исследования которого нас интересуют, представляет собой целое, целостность. Когда мы утверждаем, что конкретное есть единство многообразных определений, то это и означает, что в этом единстве собраны многие стороны, части, элементы, свойства и т. п. Такая целостность может быть познана путем ее анализа, расчленения ее на части, исследования этих отдельных частей, сторон. Именно на этом пути образуются абстрактные определения объекта, играющие столь важную роль в познании. Следовательно, анализ имеет дело с *различиями* целого, с различением внутри целостности. Это — его стихия.

Однако, как выше указывалось, подлинно научный анализ не сводится к простому расчленению целого и фиксации различных его сторон, частей. Его задача — отыскать такую сторону, «часть», элемент, посредством которого можно понять это целое. Теперь, однако, нужно пойти дальше в понятии анализа и установить ту важнейшую особенность, которая отличает *диалектически* понимаемый анализ. Что характерно для Марксова анализа, когда он имеет дело с объектом как целостностью, безразлично, представляет ли такую целостность капиталистический способ производства, или, скажем, товар, ибо и то и другое есть целое, хотя и различных масштабов?

Понятие целого относительно. То, что в одной связи есть целое, в другой связи представляет собой часть, элемент целого. Товар — элемент, клеточка капиталистического производства как целого, но как объект товар сам есть некая целостность, требующая анализа. Известно, что, расчленяя товар путем анализа, Маркс находит и фиксирует такие его части, стороны, как потребительная стоимость и стоимость. Эти стороны товара суть *противоположности,* противоречащие друг другу элементы целого. *Это и составляет характерную черту Марксова, диалектически понимаемого анализа.* С каким бы объектом ни имел дело Маркс, анализируя его, обнаруживая в нем различия, различные стороны и элементы, он устанавливает противоречивую природу этих различий. Поэтому можно сказать, что стихию анализа составляют не только

и не просто различия, различные составные части и стороны целого, но противоречащие различия, противоположности, противоположные тенденции. Это Маркс показывает и на примере труда как целого, капитала, воспроизводства, накопления и т. д. и т. п. Всюду анализ обнаруживает эту решающую особенность целого. Тогда становится понятным и вполне естественным, что Марксовы абстракции в качестве продукта аналитической деятельности мышления обладают внутренним принципом *развития.*

Эта черта диалектического анализа органически соединена с той его чертой, что он должен не просто расчленить целое на части, но и выделить, абстрагировать от многообразия элементов наиболее существенный элемент, определяющий сущность исследуемого объекта. Поэтому Маркс не ограничивается установлением того факта, что целое состоит из противоречивых сторон и частей, но в соответствии с сущностью объекта подчеркивает в сумме противоположностей ту, которая выражает его особенность. Например, он выделяет стоимость как субстанцию товара, абстрактный труд — как источник стоимости, производство стоимости и прибавочной стоимости — как цель капиталистического производства и т. д., хотя эти выделяемые стороны противоречия целого не существуют вне других его сторон — потребительной стоимости, конкретного труда, производства для потребления и пр.

Из сказанного вытекают и характеристики диалектически понимаемого синтеза. Синтез есть не только, как было выше указано, способ, посредством которого из формулируемой путем анализа абстракции выводится, развивается конкретное, но и *способ соединения, сочетания воедино противоположностей*[1]. Отправляясь от товара как целого, Маркс способом анализа обнаруживает его внутренне противоположные стороны, которые путем синтеза он снова соединяет в целое, но уже как конкретную целостность, опять-таки обладающую внутренним импульсом движения. Такой путь исследования — прообраз всего процесса познания, который Маркс в данном отношении

---

[1] Еще Фихте устанавливал, что все «синтетические понятия возникают через объединение противоположностей», что синтез имеет своей задачей «объединять противоположности, мыслить их как единое» *(И. Г. Фихте.* Избр. соч., т. I, М., 1916, стр. 100, 200).

проделывает в «Капитале». Это одинаково верно как в применении к отдельному частному объекту исследования, например товару, труду и т. д., так и к капиталистическому производству в целом. Поэтому мы можем сейчас подчеркнуть еще одну важную особенность процесса восхождения от абстрактного к конкретному: это — путь синтеза противоречивых сторон и тенденций, которые на каждой новой ступени конкретизации исследуемых отношений воспроизводятся во все более сложных и конкретных взаимосвязях. Поэтому сущность, закон объекта постигается в полной мере путем не только анализа, но и синтеза, их единства.

Конкретное само есть противоречие, поскольку оно составляет единство, тождество общего, абстрактного, устойчивого, постоянного и единичного, изменчивого, колеблющегося, многообразного. Конкретная целостность представляет противоречие и в том смысле, что, только будучи воспроизведена как единство во всех противоречивых связях, как система действующих противоположностей, она достойна названия такой целостности. Ибо в ней тогда вскрыт тот механизм, который составляет двигательную силу ее развития на протяжении всего ее существования от начала до конца. Целостность, в которой не синтезированы ее противоречия, есть мертвое тождество без внутреннего различения, без внутренней пружины развития, *бесструктурная* целостность.

Элементы, части, стороны целого не просто расположены друг подле друга, не просто связаны друг с другом, а связаны определенной системой связи, определенной внутренней структурой. В этом смысле Гегель справедливо различает рассудочный синтез и синтез разумный. Первый разлагает, скажем, цветок на его составные части, а затем объединяет их столь же внешним образом. Гегель говорит, что люди со свободным, непредубежденным умом не могут мириться с таким пониманием природы. Он приводит в пример Гёте, который выступал против такого разъятия и синтеза живой, полной красок природы. Разумный синтез стремится воспроизвести природу в ее внутреннем единстве как «некое органическое, полное» целое. Но такое целое, в котором жизнь не умертвляется, есть *единство противоположностей,* единство, в котором не исчезли различия, многообразие, связь и столкновение разных и противоположных сторон, тенденций, их деятельное

соотношение, подобно тому как музыкальная мелодия соответствует своему понятию, пока она есть органический синтез различных и противоположных звуков.

Когда Маркс завершает свое исследование капитала синтетическим изображением процесса капиталистического накопления, то конкретная целостность картины этого процесса на рассматриваемом уровне достигается тем, что в ней синтезированы и концентрированно обобщены все рассмотренные ранее противоречия, начиная с противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью. Абстрактное потому стало конкретным, что весь путь восхождения от абстрактного к конкретному в рассматриваемом плане был путем синтеза, развития, концентрации противоречий капиталистического процесса производства в единую, целостную картину.

Поэтому синтез имеет своей задачей воспроизведение структуры объекта, связей между выделенными анализом элементами, частями. Но эта структура в решающей степени обусловлена движением, переходами противоположностей, их разрешением и возникновением в новой форме и на более высоком уровне. Маркс, например, из простой формы стоимости путем синтеза выводит всеобщую форму. Вся структура этого процесса перехода от менее конкретных к более конкретным формам стоимости определена противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью и его развитием.

Поэтому как анализ, так и синтез у Маркса в решающей степени подчинены задаче мысленного воспроизведения движения противоречий. При этом одна из особенностей анализа заключается в том, что в целях выявления существенного внутреннего различения целого стремятся вычленить из сложной совокупности противоречий такие противоречия и противоположности, которые позволяют дать анализ в *наиболее чистом виде*. Мы уже указывали, что модель капиталистического общества, состоящего только из двух классов — буржуазии и пролетариата, есть чрезвычайно общая абстракция. Даже в той стране, которая служила Марксу прообразом этой модели,— в Англии, где процесс дифференциации классов зашел очень далеко, даже там, по словам Маркса, существовал наряду с основными классами класс землевладельцев. Далее, Маркс отмечает, что даже в этой классической стране капитализма существовал целый ряд переходных прослоек и элементов,

стиравших и усложнявших строгие линии размежевания основных классов. Тем не менее, имея дело с этим сложным конкретным целым, Маркс острым хирургическим ножом анализа беспощадно отсек все, что мешало представить это общество, как он часто выражается, соответственно его понятию, и выделил основное различие, главные противоположности этого целого — пролетариат и буржуазию и их противоположные интересы. Только такой аналитический прием дал возможность исследовать имманентные законы капитализма.

На высших ступенях исследования Маркс, синтезируя многообразные определения целого, вводит в это целое класс землевладельцев, исследует земельную ренту, а в последней главе своего труда, посвященной классам, он пишет: «Перед нами три большие общественные группы», т. е. классы буржуазии, пролетариата и землевладельцев. Но, создавая на высшей ступени исследования широкую синтетическую картину капиталистического общества в целом, ставя вопрос об источниках дохода различных классов, Маркс стремился показать, что связь, структура этого общества определяются основным классовым противоречием: источником дохода рабочих служит их труд, а источником доходов господствующих классов — создаваемая этим трудом прибавочная стоимость. Таким образом, и на ступени синтеза Маркс видит задачу воспроизведения конкретной действительности в синтезе противоречий, т. е. в изображении единства и борьбы противоположностей, ибо это составляет то решающее, что позволяет осмыслить предмет как живую, подвижную, развивающуюся конкретную целостность.

Гегель видел заслугу Канта в том, что своим учением о синтетических суждениях тот сделал важный шаг в сторону истолкования понятий как синтеза многообразия, различий. Но Гегеля не удовлетворяла разработка этого вопроса в целом, так как понятие синтеза у Канта приводило к представлению «о некотором *внешнем* единстве и *голом сочетании* таких элементов, которые *сами по себе раздельны*». Диалектик Гегель не может согласиться с таким пониманием синтеза, ибо элементы целого для него всегда составляют органическое целое именно в силу их нераздельности как *противоречий*. Поскольку понятие есть синтез, справедливо замечает он в «Науке логики»,

постольку «оно имеет определенность и различие внутри себя самого» [1].

На этот счет интересные соображения содержатся и в его «Философии природы». Выступая против понимания синтеза как простого соединения «разрозненных кусков» целого, он в диалектической природе понятий видит подлинный синтез, так как понятие есть мыслимое единство многообразия и различий, противоречий. «Это мыслимое единство, — пишет он, — есть понятие, которое обладает определенными различиями, но обладает ими как некое движущееся в самом себе единство. Философская всеобщность не относится безразлично к определенным содержаниям, она представляет собою самое себя наполняющую всеобщность, которая в своей алмазной сети тождества содержит вместе с тем внутри себя также и различие» [2].

Если отбросить идеалистические представления о понятии как «самое себя наполняющей всеобщности», имеющей независимую от действительности силу движения, то остается чрезвычайно глубокая мысль о диалектической сущности анализа и синтеза. В предыдущей главе мы показали, что восхождение от абстрактного к конкретному осуществляется посредством образования и формулирования категорий и понятий. Анализ и синтез — способы образования понятий, в своей совокупности представляющих, по великолепному выражению Гегеля, «алмазную сеть» познания. Анализ и синтез, расчленение и соединение создают понятия об объектах. Эти понятия в мысленной, идеальной форме выражают единство, тождество объекта, но единство, тождество в многообразии, различии, *противоречии.* В понятии многообразие элементов целого не исчезает, а представлено в их существенности, единстве, а единство диалектично, так как оно есть единство в различии.

Понятия, категории именно потому и выступают как ступени воспроизведения целого, восхождения от абстрактного к конкретному, что в них концентрируются результаты аналитико-синтетической деятельности мышления. Каждая экономическая категория в «Капитале» представляет собой единство анализа и синтеза. Каждая из них образована в результате глубокого анализа

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 20.
[2] *Гегель.* Соч., т. II, стр. 17.

сущности той или другой исследуемой стороны целого, расчленения объекта на различные стороны, обнаружения какой-то главной стороны и последующего синтезирования, в котором многообразие, различия, противоречия не исчезают, а резюмированы в категории. Таковы категории капитала, прибавочной стоимости и любые другие категории Марксова произведения.

Именно вследствие этой диалектической природы Марксовых экономических категорий как продукта анализа и синтеза в их взаимодействии каждая новая и более сложная категория на пути восхождения к конкретному синтезирует в себе все предыдущее развитие, давая все более конкретное выражение движения капитала. Однако понятия анализа и синтеза также относительны. Если каждое понятие или категория есть результат анализа и синтеза, то отдельное понятие, взятое обособленно от остальных и по отношению *ко всей системе* понятий, должно рассматриваться преимущественно со стороны *аналитического* исследования целого. Категории стоимости, прибавочной стоимости и другие категории с точки зрения целого в аспекте капиталистического способа производства как конкретной целостности представляют собой мысленные выражения отдельных граней, линий этого целого. Только совокупность всех категорий дает синтез целого. Разумеется, речь идет не о механической или арифметической совокупности, а о диалектической, достигаемой в результате выведения и развития категорий друг из друга путем восхождения от абстрактного к конкретному. «Алмазная сеть» всех категорий «Капитала», их система — вот что лежит в основе синтеза конкретного целого, т. е. капиталистического способа производства. Вот почему Ленин говорил, что категории, будучи ступеньками к конкретному, лишь в сумме дают конкретное. «*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [1].

3

Из уже сказанного видно, что анализ и синтез в «Капитале» применены в их неразрывном единстве. Это единство прослеживается как во всем построении произведе-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

ния, так и на каждом отдельном этапе исследования. Рассматривая структуру «Капитала» в целом, легко увидеть роль каждого из этих способов в отдельности и их единство, связь, взаимодействие.

Анализ сыграл большую роль в членении целого. Маркс расчленяет исследование капиталистической формации на два этапа. На первом из них он исследует капиталистический процесс производства, взятый в отдельности. На втором этапе он рассматривает процесс обращения. Мы уже говорили, почему необходимо было такое членение. Эти два этапа завершаются третьим, цель которого состоит в синтезе обеих отдельно проанализированных сторон целого. Только в этом аспекте, т. е. в аспекте задачи *построения* целого, мы можем сказать, что Маркс начинает свое исследование с анализа разных выделенных из целого сторон, а за этим анализом следует синтез этих сторон и изучение их в единстве.

Если с точки зрения общей структуры «Капитала» можно провести такое разграничение роли этих способов познания, то в логике движения познания, взятого более конкретно, дело обстоит, конечно, сложнее. В действительности на всех этапах Маркс пользуется *одновременно* как анализом, так и синтезом. И в первых двух томах, где исследуются отдельные, взятые самостоятельно стороны единого процесса капиталистического производства и обращения, и в третьем томе, где капитал рассматривается как единое связное целое, — всюду анализ и синтез выступают в их единстве и взаимопроникновении. Однако это не значит, что их единство и взаимопроникновение приводят к смешению анализа и синтеза, что стираются всякие разграничительные линии между ними. Мы уже приводили слова Маркса, что анализ — необходимая предпосылка синтетического исследования и изложения. Без анализа нет синтеза, как и без первоначального чувственно-синтетического представления невозможен переход к анализу. Поэтому когда речь идет о единстве этих двух способов, то имеется в виду, что они дополняют друг друга, диалектически переходят один в другой, не теряя своей относительной самостоятельности, выступая каждый на своем месте и в свое время.

Их диалектическое взаимодействие и взаимопроникновение заключается в том, что анализ подготавливает синтез, а этот последний создает основу для нового, более

глубокого анализа. Такое единство их станет понятным, если учесть, что Маркс идет от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. И хотя каждая новая ступень его исследования и воспроизводит более конкретную и сложную картину движения капитала, но эта ступень — абстракция по отношению к последующей, еще более высокой и сложной ступени. Деньги, например, более конкретная категория, чем товар. Следовательно, категория денег могла быть выведена лишь в результате синтеза, которому, конечно, предшествовал необходимый анализ. Но в то же время деньги выступают как нечто простое и абстрактное по отношению к капиталу. Значит, и для исследования этой более сложной категории в свою очередь необходимы анализ и синтез. Или возьмем категорию прибыли, представляющую у Маркса результат сложного синтеза. Прибыль есть нечто более простое и абстрактное, чем средняя прибыль. Понятно, что последняя для своего исследования в свою очередь нуждается и в анализе, и в синтезе; она может быть исследована лишь путем применения обоих этих способов познания.

Поэтому весь процесс движения исследования в «Капитале» можно условно изобразить в виде цепи, в которой за звеном анализа следует звено синтеза, затем звено дальнейшего анализа, за которым в свою очередь следует звено еще более сложного синтеза и т. д. Каждый шаг анализа и синтеза прибавляет новые штрихи к картине движения и развития капитала, накладывает на полотно новые краски, пока весь процесс исследования не завершается воспроизведением капиталистического способа производства во всей его конкретности и сложности.

Главная задача, которая прежде всего стояла перед Марксом, заключалась в том, чтобы вскрыть сущность капиталистического производства, состоящую в производстве прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость на поверхности явлений выступает как прибыль. Как заявляет Маркс, прибавочную стоимость лишь посредством *анализа* удается вычленить из прибыли. Но если проследить ход мысли Маркса, прежде чем он достигает этой цели, то можно легко убедиться, что это — длинная цепь, в которой анализ сменяется синтезом, синтез — анализом и т. д. Анализ дает возможность синтетически познать то или иное явление, синтез открывает новые возможности для дальнейшего анализа.

Маркс с товара начинает свое исследование, перед которым стоит задача вычленить из прибыли прибавочную стоимость. Мы оставляем в стороне тот факт, что уже исходный пункт, с которого начинает Маркс, — товар есть результат глубочайшего анализа; ведь только путем анализа, разложения сложного целого (в том числе и прибыли) на его важные составные части можно было дойти до этой элементарной клеточки товарного производства и обращения, можно было найти, обнаружить эту клеточку в сложнейшем многообразии явлений капиталистического общества.

Но и эту найденную клеточку — товар Маркс подвергает глубокому анализу. Благодаря такому анализу то, что кажется мертвым, тождественным, выступает перед нами как сложный мир. Маркс аналитически разлагает товар на его противоположности — потребительную и меновую стоимость; и труд, производящий товары, Маркс разлагает на его противоположные стороны — конкретный и абстрактный труд. В результате этого анализа Маркс обнаруживает то общее, единое, что составляет субстанцию всего многоликого мира товаров, — их стоимость. Проведенная Марксом аналитическая работа позволяет сделать важный синтез — дать научное понятие меновой стоимости.

Этот синтез открывает возможность для дальнейшего анализа — анализа форм выражения стоимости товаров, или просто форм стоимости. Аналитическое исследование форм стоимости и их развития, проделанное Марксом, раскрыло природу денег. Научное понятие о деньгах стало возможным лишь в результате анализа исторически различных форм стоимости и синтетического выведения денег как закономерного результата развития форм стоимости. От общего понятия меновой стоимости, или формы стоимости, Маркс, применяя способы анализа и синтеза, приходит к научному понятию денег.

Дальнейший путь исследования Маркса известен. Важно в данном случае подчеркнуть, что он включает в себя анализ и синтез в их единстве, что весь процесс познания, обнаружения за прибылью прибавочной стоимости дробится на многочисленные ступени и звенья, представляющие собой результат как того, так и другого.

Мы сказали, что, как ни связаны между собой эти два логических способа исследования, их нужно разграничи-

вать, ибо каждый выполняет свою определенную функцию в процессе познания, выполняет в свое время и в своем месте. Однако нельзя абсолютизировать это различие, и не только потому, что грани между анализом и синтезом условны, что они в процессе познания переходят друг в друга. В известном смысле *они содержатся друг в друге,* так что анализ включает в себя синтез, и наоборот.

Воспользуемся примером с прибылью и прибавочной стоимостью. Когда Маркс говорит, что вторую можно вывести из первой лишь посредством анализа, то он имеет в виду прежде всего необходимость расчленения такого сложного и конкретного явления, как прибыль, на его составные стороны и элементы. Этими составными элементами, как известно, являются товар, стоимость, потребительная и меновая стоимость, конкретный и абстрактный труд, деньги и др. Это — «строительные материалы», из которых только и можно создать понятие прибавочной стоимости как того, что лежит в основе прибыли. Не трудно увидеть, что процесс вычленения из прибыли прибавочной стоимости, будучи *в целом* процессом *анализа,* содержит в себе и серьезные моменты синтеза, без которых невозможен и анализ. Чтобы в результате анализа прибыли дойти до понятия прибавочной стоимости, необходимо прибегнуть к помощи синтеза. Скажем, без понятия денег нет и понятия прибавочной стоимости. Но само понятие денег есть результат синтетической деятельности мышления, ибо, как уже говорилось, его можно было вывести из таких простейших элементов, как понятия потребительной и меновой стоимости, конкретного и абстрактного труда и т. п. Поэтому на пути *анализа* прибавочной стоимости как сущности прибыли обязательно прохождение ряда ступенек, представляющих собой синтетическую форму исследования.

То же следует сказать и о синтезе. Какой-либо процесс познания, будучи по своей цели преимущественно процессом *синтеза,* неизбежно содержит в себе серьезные моменты анализа. Сформулировав понятие прибавочной стоимости, Маркс далее должен был из него вывести понятие прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости. Это — самостоятельная задача, так как свести прибыль к прибавочной стоимости — еще не значит доказать, что в форме прибыли выступает прибавочная стоимость. Доказать это — дело уже синтеза. И тут опять-таки

легко убедиться, что этот синтез включает в себя анализ. Без понятия капитала нет и понятия прибыли, ибо прибыль есть отношение прибавочной стоимости к капиталу, ко всему капиталу. Однако чтобы доказать, что в форме прибыли выступает именно прибавочная стоимость, нужно проанализировать капитал как некое сложное явление, разложить его на составные части, каковы постоянный и переменный капитал, выяснить роль той и другой части капитала в создании избытка над издержками производства и т. д. Поэтому на пути *синтеза* понятия прибыли из более простых элементов обязательно прохождение ряда ступенек, представляющих собой аналитическую форму исследования.

Такое взаимопроникновение противоположностей, при котором каждая содержит в себе свое иное, естественно в процессе познания, которое есть движение мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

В общей цепи аналитико-синтетической деятельности мышления образуются «узловые моменты» в виде понятий и категорий, которые представляют собой подлинно опорные пункты познания. Но среди этих «узлов» следует выделить такие моменты, которые могут быть представлены как самые глубокие и обобщенные выражения этой деятельности. Мы имеем в виду *законы,* устанавливаемые наукой, определяющие пути, направление, тенденцию развития объекта. Хотя различие между категориями и законами чрезвычайно относительно, тем не менее понятие закона есть более глубокая ступень познания, и цель науки состоит в обобщении всего многообразия явлений и их связей в ряде законов. Таковы законы, установленные в «Капитале», — законы стоимости, прибавочной стоимости, всеобщего капиталистического накопления, цены производства, тенденции нормы прибыли к понижению и некоторые другие. В них «соль» всего процесса исследования.

4

Вместе с анализом и синтезом важную роль в процессе движения мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному играют и такие логические

способы, как индукция и дедукция. Иногда принято считать, что эти способы представляют собой предмет изучения одной формальной логики и что они неприменимы в диалектическом исследовании. Но это необоснованный взгляд. Анализ и синтез, например, используются в формальнологическом исследовании, но в диалектической логике, как мы пытались показать, они приобретают ряд новых черт. То же можно сказать и о дедукции и индукции. Характеризуя метод «Капитала», Ленин среди ряда его элементов и особенностей отметил и двоякий анализ — индуктивный и дедуктивный.

Следует вообще сказать о том, что тот или иной способ познания, имеющий место в формальной логике, преобразуется в диалектической логике под воздействием таких решающих принципов последней, как принципы развития, качественного изменения, единства и борьбы противоположностей и т. д. Как мы видели, развивающиеся объекты требуют соответствующих способов исследования, в основе которых лежат те же законы развития, коим подчиняются и объективные явления и процессы. Любой элемент познания составляет не автономную частицу в системе познания, а ее органическую часть, подчиненную общим принципам системы. Это вполне относится и к таким способам, как индукция и дедукция в системе диалектической логики. Это не значит, что в «Капитале» совершенно отсутствует момент формальнологического их применения, но, как бы там ни было, они выступают в качестве *моментов* его диалектического метода и потому соответствующим образом модифицируются им.

Для диалектического способа мышления характерно прежде всего понимание индукции и дедукции как противоположностей, находящихся в единстве. Будучи противоположно направленными способами подхода к объекту, они истинны лишь в неразрывной связи, каждая из них предполагает свое иное, свою противоположность и лишь постольку может считаться истинной. Под индукцией логика понимает способ движения мысли от отдельных фактов к общему положению или от менее общего знания к более общему. Дедукция по своему способу противоположна индукции, она есть способ движения мысли от общего к частному или, точнее, выведение следствий из ранее полученных истин в соответствии с логическими правилами и законами. Связь и взаимопроникновение этих

методов определяются уже тем, что истины, которые служат дедукции в качестве посылок для выведения следствий, сами должны быть обоснованы, и в их получении большую роль играет индукция, метод наблюдения, изучения отдельных фактов и т. д. С другой стороны, результаты индукции нуждаются в проверке и обосновании через посредство дедукции общих законов и принципов, в которых и через которые единичное, частное может считаться действительно познанным.

Индукция играет существенную роль в движении познающей мысли от конкретного к абстрактному, во всех процессах, связанных с живым созерцанием, наблюдением, изучением фактов в целях обнаружения тех простейших абстракций, которые составляют исходный пункт последующего восхождения к конкретному. Индуктивный способ исследования, примененный Марксом, в значительной степени остается вне поля зрения при изучении «Капитала», ибо, как указывал Маркс, прежде чем приступить к изложению, надобно было детально освоиться с материалом. Любое обобщение, делаемое Марксом, строится на гранитной непоколебимой основе фактов и является выводом из изучения этих фактов; от единичных фактов и их изучения Маркс идет к общим выводам и понятиям.

Говоря, что индуктивный способ исследования и изложения получил в «Капитале» преимущественно косвенное, опосредствованное выражение, мы не хотим этим сказать, что «Капитал» не дает примеров и прямого применения индуктивного метода изучения или доказательства тех или иных положений. Нет, таких примеров немало в «Капитале». Целый ряд положений Маркс обосновывает и доказывает индуктивным путем.

Так, например, в рассуждениях Маркса о стоимости имеет место и момент индукции. В своем учении о стоимости Маркс опирался на то ценное, что было уже у Смита и Рикардо. Он сразу констатирует, что потребительные стоимости товаров являются вещественными носителями меновой стоимости. Последнюю он рассматривает как форму выражения стоимости. Маркс берет отдельный товар — пшеницу — и показывает, что этот товар в известной пропорции обменивается на определенное количество других товаров — железа, шелка, золота и т. п. Так же обмениваются и другие товары. Когда обмениваются друг на друга пшеница и железо, рассуждает

Маркс, то уравнение обмена указывает на то, что в этих двух различных товарах есть что-то общее, они оба равны чему-то третьему, к которому они могут быть сведены. Обобщая подобные единичные факты, Маркс приходит к выводу, что этим общим является труд, труд вообще, затраченный на производство обмениваемых товаров. Этот труд определяет их стоимость. Таким образом, здесь мы имеем пример индуктивного умозаключения от единичных фактов к общему выводу.

В «Капитале» Маркс пользуется и способом индуктивного доказательства. Этот способ играет известную роль при раскрытии тайны первоначального накопления. Показав в предшествующих отделах, что капитал есть выражение общественного отношения между владельцем средств производства и рабочим, лишенным этих средств, Маркс в главе о первоначальном накоплении на многочисленных фактах иллюстрирует исторический процесс отделения средств производства от непосредственного производителя. Факты и иллюстрации Маркс черпает из истории Англии, в которой он нашел классическую форму экспроприации производителей. Здесь мы имеем пример индуктивного доказательства, сущность которого, как известно, состоит в том, что, высказывая общее положение, мы ищем его основание в ряде единичных фактов, свидетельствующих о правоте этого общего положения.

Однако было бы ошибочно хоть сколько-нибудь преувеличить значение индукции в Марксовом исследовании. Указывая на то, что известный момент этого логического способа познания присутствует здесь, нужно со всей силой подчеркнуть, что главную роль в этом исследовании сыграл диалектический метод в целом, и прежде всего *анализ,* посредством которого только и может быть раскрыта сущность явлений. Энгельс признал вполне правильной мысль Гегеля о том, что индуктивное умозаключение остается всегда проблематичным. В «Диалектике природы» Энгельс метко показал, в чем ограниченность индукции. Сама по себе она никогда не может познать явления в их необходимости, закономерности, между тем именно в таком познании состоит задача науки. Марксистской теории глубоко чужд голый описательный эмпиризм, видящий свою цель в том, чтобы охватить наблюдением максимальное количество фактов без попытки проникнуть в их сущность и найти их закон. В статье «Еще одно уни-

чтожение социализма», направленной против Струве и вообще против буржуазного мелкотравчатого эмпиризма, В. И. Ленин высмеял этот антинаучный прием. Ленин посоветовал мелкому сокрушителю законов науки Струве заняться описанием базаров всех времен и народов. Тогда, иронизировал Ленин, эмпиризм восторжествует, а законы политической экономии «исчезнут аки дым».

В этом же духе Ленин критиковал Каутского, использовавшего вульгарный эмпиризм для борьбы против революции. В статье «Крах II Интернационала» Ленин разоблачил маневр Каутского, Кунова и других оппортунистов, прикрывавших свое нежелание бороться против грабительской империалистической войны ссылкой на то, что-де империализм не изучен во всех подробностях. Нельзя делать решительных выводов, пока это изучение не закончено, рассуждал Каутский. Отвечая Каутскому и ему подобным, Ленин писал: «Капитализм во *всех* проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей *никогда* не будет изучен *до конца*; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить» [1].

Это замечание Ленина имеет важное методологическое значение. Опыт всегда неисчерпаем и бесконечен. Поэтому ожидать с обобщениями, пока не будет исчерпано «до конца» изучение опыта или всех фактов, — значит вообще отрицать обобщения, теорию.

Главную слабость индукции, взятой изолированно от других, более глубоких способов исследования, Энгельс видел в том, что она приходит в столкновение с теорией развития, которая «целиком антииндуктивна». Индукция своими способами не может выразить движение, развитие. «Понятия, которыми оперирует индукция, — указывает он, — вид, род, класс, благодаря теории развития стали текучими и тем самым *относительными*; а относительные понятия не поддаются индукции» [2].

Это замечание Энгельса очень важно не только для понимания ограниченности индукции, но и для правильного подхода к дедукции и понимания отличия диалектического дедуцирования от формальнологического (но об

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 217.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 542.

этом позже). Выше мы говорили, что каждый элемент познания подчиняется системе познания в целом. Сейчас на примере индукции и ее роли в диалектической логике видно, в чем это конкретно выражается. Индукция в диалектическом исследовании применяется в той мере и постольку, поскольку она не препятствует изучению объекта как развивающегося и изменяющегося, и в этом смысле она подчинена диалектическому методу в целом. Ленин называл индуктивный путь получения истины хотя и необходимым, но «простым» [1].

Ограниченность индукции снимается дедукцией. Метод Маркса иногда называют дедуктивным. Действительно, дедукция, способ дедуцирования играет большую роль в «Капитале». Однако очень важно ближе рассмотреть Марксово понимание дедукции и способов дедуцирования, ее связь с синтезом и пр. Прежде всего не нужно особых усилий тратить для того, чтобы убедиться в значении дедукции в ходе Марксова исследования капитала. Если момент индукции особенно присущ процессу движения мысли от конкретного к абстрактному, то момент дедукции особенно важную роль выполняет при обратном движении — от абстрактного к конкретному. Так, установив закон стоимости, Маркс затем посредством ряда логических приемов, среди которых имеет место и дедукция, последовательно показывает действие этого закона в многочисленных конкретных и частных проявлениях капиталистического производства и обращения. Из закона стоимости дедуцируется закон цен производства.

То же мы наблюдаем на примере прибавочной стоимости. К положению о прибавочной стоимости Маркс пришел на основании изучения конкретных фактов. Это положение зафиксировало неопровержимую истину о том, что общим, главным, что характеризует любой вид капиталистической прибыли, является прибавочная стоимость. Это — закон, который не может быть опровергнут никаким дополнительным исследованием фактов. Отправляясь от этого общего, главного, от основного закона буржуазного способа производства, Маркс выводит с помощью дедуктивного способа все конкретные и частные виды капиталистической прибыли — предпринимательской

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

ский доход, процент, торговую прибыль, земельную ренту. В письме к Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс указывает, что у него в «Капитале» прежде всего рассматривается общая форма прибавочной стоимости, в которой все особые, единичные части прибавочной стоимости заключаются еще в недифференцированном виде, так сказать в состоянии раствора. Из этого «раствора» Маркс затем выкристаллизовывает конкретные формы прибыли. А это значит, что в Марксовом анализе немаловажную роль сыграл и дедуктивный способ исследования и изложения.

Из сказанного можно сделать вывод, что Марксова дедукция родственна синтезу, ибо она, как и последний, есть способ восхождения от абстрактного к конкретному. Однако, на наш взгляд, это не дает оснований для полного отождествления дедукции и синтеза. Как ни близки они, каждый из них выполняет свою определенную функцию в процессе познания. Каждый из них соотносителен со своей противоположной парой: синтез с анализом, дедукция с индукцией. Связь каждого из этих способов со своей противоположностью позволяет понять те грани, которые отделяют дедукцию от синтеза. Синтез продолжает работу анализа, имея своей задачей воссоздать объект как конкретное целое. В этом заключается его противоположность анализу. Дедукция продолжает работу индукции, имея своей задачей выведение частных форм из общего (закона или положения). В этом заключается ее противоположность индукции. Таким образом, существует различие между синтезом и дедукцией по роли, выполняемой ими в процессе познания.

Дело, однако, не только в этом, а в том, чтобы понять роль дедукции в системе *диалектического* исследования Марксом капитала. Вот тут-то мы и должны вспомнить очень важное, принципиальное положение Энгельса о том, что теория развития превратила понятия рода, вида, класса в относительные, текучие понятия. Это положение имеет важное значение для понимания не только индукции, но и дедукции, которая также оперирует этими понятиями. Здесь пролегает водораздел, отделяющий формальнологическое понимание дедукции от диалектического. Нам кажется, что то абсолютное противопоставление дедукции и индукции, которое до сих пор имеет место, в значительной степени основывается на признании лишь

одного формальнологического аспекта этих способов познания (особенно дедукции).

Можно было бы привести высказывания выдающихся ученых нашего времени, из которых одни полагают, что индукция не способна дать науке теоретические принципы, это может сделать лишь дедукция. А другие считают, что только индукция, а не дедукция составляет основу науки. Так, Эйнштейн говорил, что нет никакого индуктивного метода, который бы вел к фундаментальным понятиям и принципам науки. Напротив, Луи де Бройль утверждает, что лишь индукция, «поскольку она стремится избежать уже проторенных путей, поскольку она неустрашимо пытается раздвинуть уже существующие границы мысли, является истинным источником действительно научного прогресса» [1].

Конечно, ни та ни другая точка зрения не отрицает в первом случае значения опыта, наблюдений, а в другом случае — роли теоретических принципов. Но все же едва ли правомерно богатейшее многообразие методов и способов познания сводить к двум — индукции и дедукции, так же как и противопоставлять их. Нас интересует в данном случае вопрос о дедукции. Де Бройль справедливо выступает против преувеличения роли дедукции, но, говоря о ней, он имеет в виду формальнологическую дедукцию. Слабость ее, на его взгляд, состоит в том, что, исходя из постулатов, рассматриваемых ею в качестве «несомненных», «она может извлечь из них лишь то, что в них уже содержится» [2]. Ее ценность в том, что она позволяет после установления индукцией новых исходных моментов вывести следствия и сопоставить их с фактами, но «дедукция не может выйти из рамок, в которые она с самого начала заключена, и, следовательно, она не может дать ничего существенно нового» [3].

Ясно, что здесь речь идет о формальнологической дедукции, способе, который имеет чисто аналитический характер и может привести лишь к выводам, содержащимся имплицитно в ее исходных постулатах.

Такой была дедукция, примененная Смитом и Рикардо в политической экономии. Рассматривая стоимость

---

[1] *Луи де Бройль.* По тропам науки. Изд. иностр. лит., 1962, стр. 178.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 178—179.

как род, а прибыль и ее формы как виды этого рода, они хотели *по законам формальной логики* дедуктивно вывести из стоимости среднюю прибыль, ренту и т. п. Такая формальная дедукция запутывала их, так как они игнорировали связь дедукции с *генезисом,* с историческим происхождением превращенных форм стоимости и прибавочной стоимости. А без такого генетического выведения их из постулата стоимости формальная дедукция неизбежно превращалась в прокрустово ложе, в которое насильно втискивалось реальное развитие действительности.

Формальная дедукция дает осечку там, где необходимо исследовать объект в его развитии и изменении. Маркс потому и критиковал буржуазных экономистов за непонимание необходимости «генетического изложения», исследования «действительного процесса развития в его различных фазах». Энгельс также связывал диалектически понимаемую дедукцию с анализом исторического происхождения объекта. Говоря о том, что благодаря теории развития вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к «дедукции», «к учению о происхождении», он указывал, что «какой-нибудь вид буквально *дедуцируется* из другого путем установления его происхождения...» [1].

У Маркса *такого рода* дедукция играет большую роль в процессе исследования соотношения между общими несомненными постулатами, из которых он исходит (положения о стоимости и прибавочной стоимости), и их следствиями (положения об их «видах», превращенных формах). Здесь нет и в помине *формального* выведения видов из рода. Дедукция в тесной связи с синтезом строится в соответствии с требованиями теории развития. Дедукция основана на генетическом исследовании развития стоимости в фазе капиталистического товарного производства. Из этого *развития* дедуцируются прибыль и средняя прибыль, цена производства. Поэтому Марксова дедукция не просто извлекает из исходных постулатов содержащиеся в них истины, а дает *существенно новое.* Такое новое — положения о средней прибыли, которая непосредственно не совпадает с прибавочной стоимостью, о цене производства, которая непосред-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 542.

ственно регулирует товарные цены и опять-таки непосредственно не совпадает со стоимостью, и т. д.

Поэтому в «Капитале», как и вообще в диалектической логике, не может быть метафизического противопоставления индукции и дедукции, поскольку не только индукция, но и дедукция основана на обобщении фактов. Дедукция здесь выступает не как *формальное преобразование* заранее данных истин, а как процесс исследования *развивающейся* действительности, которая неизбежно модифицирует, видоизменяет действие общего закона, когда он преломляется через изменяющуюся конкретную реальность. Тщетно, скажем, было бы чисто формальным путем «дедуцировать» из общих марксистских постулатов о социалистической революции положение о таком явлении, как Великая Октябрьская социалистическая революция, так как эти постулаты выявляют свою силу и истинность, лишь будучи проведены через исследование конкретных исторических условий нового времени. Без исследования генезиса этой революции дедукция оказалась бы нереальной. Недаром всякого рода формалисты утверждали «неправомерность» революции, так как они создавали свои дедукции на чисто формальных основаниях, путем непосредственного выведения следствий из постулатов, не заметив всего исторического развития, имевшего место после Маркса.

И тут мы снова сталкиваемся, как и в вопросе об анализе и синтезе, с важной отличительной особенностью диалектического подхода к дедукции. Дедукция также диалектически противоречива, поскольку она не формально подводит вид под род, единичное под общее, а исследует их диалектически противоречивый характер и смело объединяет противоположности воедино. Именно противоречия между общим и единичным, родом и видом (стоимостью и ценой производства, прибавочной стоимостью и прибылью, стоимостью и абсолютной рентой и т. д. и т. п.) доставили (и поныне доставляют!) столько мучительных хлопот буржуазным экономистам. Не умея разрешить эти противоречия, они становились на путь формальной дедукции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Марксова дедукция не только не опасается такого рода противоречий, но сознательно учитывает их и строит свои выводы путем исследования и обобщения

противоречий между общим и единичным, законами и формами их проявления, логикой и историей, абстрактными теоретическими принципами и генезисом явлений.

Это, разумеется, относится и к индукции, ибо и она представляет собой обобщение единичных фактов, наблюдений и т. п.

«Капитал» дает нам пример взаимосвязанного применения индукции и дедукции, переработанных в духе метода материалистической диалектики [1].

---

[1] Интересные соображения об индукции и дедукции в диалектической логике содержатся в работе Л. А. Маньковского «Логические категории в «Капитале» К. Маркса» (в сб. «Диалектическая логика в экономической науке». М., 1962).

Глава одиннадцатая

Историческое и логическое в процессе познания. Логический метод „Капитала“

1

Для того чтобы выяснить более полно Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному, остается рассмотреть еще очень важный вопрос о том, как относится система понятий и категорий, посредством которой реализуется этот процесс движения мысли, к развитию самого исследуемого объекта. В общей форме уже указывалось, что абстракции, которыми Маркс оперирует, всегда имеют глубокие корни в действительности. Но Маркс имеет дело не просто с действительностью, а с развивающейся, исторически изменяющейся реальностью. Отсюда возникает вопрос: как соотносятся процесс восхождения от абстрактного к конкретному и система категорий, обобщающая этот процесс, с *историческим развитием действительности*? Соответствуют ли те простые и абстрактные экономические категории, с которых начинается исследование капиталистического способа производства в «Капитале», реальным экономическим отношениям, исторически существовавшим раньше, а более конкретные и сложные категории — более поздним этапам развития? Одним словом, совпадает ли движение от абстрактного к конкретному с историческим развитием объекта, т. е. капитализма? Это — проблема соотношения исторического и логического в познании.

Проблема исторического и логического имеет и другой не менее важный аспект: в каком соотношении находится логический ход познания с историческим развитием самого *мышления, познания*? «Капитал» содержит важные указания для решения и этой стороны вопроса, которая, однако, будет рассмотрена в следующей главе.

Вопрос о соотношении исторического и логического представляет собой один из самых существенных и принципиальных вопросов науки логики, метода и способа мышления. Впервые поставленный в полном объеме Гегелем, он получил у него одновременно и гениальное и далеко не во всем приемлемое решение (впрочем, как и в других вопросах, разработанных немецким философом). Основоположники марксизма неоднократно отмечали изумительное историческое чутье, которым проникнут гегелевский подход ко многим и многим проблемам философии (и не только философии). Его понимание логики как обобщенной и критически переработанной истории философии и вообще истории мысли составило целую эпоху в становлении и развитии диалектической логики. Но как идеалист Гегель абсолютизировал мышление и логику его развития, подчинив ей реальную историческую логику развития объективного мира. Эта сторона его концепции логического и исторического была подвергнута беспощадной критике уже в ранних работах Маркса, доказавшего, что историческое развитие действительности по отношению к логике мышления всегда выступает в качестве prius'a, с которым должно сообразоваться мышление, а не наоборот.

В своей работе «К критике гегелевской философии права», отмечая этот «коренной порок гегелевского хода мыслей», он пишет: «Философское значение имеет здесь (т. е. в анализе развития государства и права. — *М. Р.*) не логика самого дела, а дело самой логики. Не логика служит для обоснования государства, а государство — для обоснования логики» [1].

Понимая логику как логически осмысленную и переработанную в человеческой голове действительность, Маркс, конечно, делает исходным принципом решения вопроса о соотношении исторического и логического материалистическую философию, с помощью которой он вычленяет ценное ядро гегелевского подхода к проблеме. Однако было бы заблуждением полагать, что материалистическое решение этого вопроса есть нечто простое и плоское, заключающееся в том, что мысль находит в историческом развитии действительности как бы готовую форму, в которую она должна вместиться, чтобы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 236.

выполнить свою задачу. Ее собственный ход с этой точки зрения должен быть копией и пассивным повторением хода истории, а система ее понятий и категорий — слепком с этого хода.

У Маркса и Энгельса есть специальные высказывания, имеющие важное значение для понимания того, как они решают этот вопрос. И с этих высказываний следует начать, прежде чем перейти к выяснению решения вопроса в «Капитале». Как мы увидим, эти высказывания рисуют довольно сложную и диалектически противоречивую картину соотношения исторического и логического.

Прежде всего, когда Маркс говорит о движении и расположении категорий в определенной системе, он настойчиво требует не забывать, что категории суть абстракции, выражающие, по его словам, «формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны» исследуемого общества, и что поэтому ни на минуту нельзя упускать из виду реальный субъект, существующий вне человеческой головы как конкретное целое. Это очень важное соображение Маркса означает, что когда мы, скажем, устанавливаем факт совпадения исторического развития действительности и логического движения категорий, то не нужно питать иллюзии, будто в этом случае движение категорий *буквально* воспроизводит ход действительности. Категории всегда представляют абстракцию от целого и конкретного. Поэтому движение категорий, как бы оно ни совпадало с историей действительности, может быть лишь *идеальным, переработанным* в голове воспроизведением последней. В качестве примера Маркс приводит Гегеля, который в «Философии права» правильно начинает с простейшей категории владения. Но при этом не нужно забывать, что «никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения... Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда предполагает эту «более конкретную правовую категорию»» [1]. И так обстоит дело во всех случаях.

Иначе говоря, Маркс хочет подчеркнуть *активность мышления,* которое осваивает мир не только соответственно самому этому миру, но и согласно своим *внутренним логическим законам.* Этим и объясняется его настой-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 728.

чивое предупреждение о том, что «при теоретическом методе» (синоним логического метода), воплощающемся в образовании категорий и движении от абстрактных и простых к конкретным и более сложным категориям, субъект исследования, общество должны «постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [1]. Это предупреждение Маркса следует учитывать, чтобы проблему соотношения логического и исторического не понимать грубо, в вульгарно-материалистическом духе.

Установив этот важный исходный пункт всей постановки проблемы соотношения исторического и логического, сопоставляя понятие «простая категория» с понятием «менее развитая конкретность», а понятие «сложная, более конкретная категория» с понятием «более многостороннее отношение или связь, идеально выражающиеся в более конкретной категории», Маркс затем переходит к выяснению вопроса о том, как обстоит дело с совпадением логического развития категорий с историческим ходом действительности. Он показывает, что этот вопрос нельзя решать однозначно. Вполне может быть, что простая категория выражает не развитые еще отношения, вследствие чего развитая конкретность сохраняет ее, эту простую категорию, как подчиненное отношение. Так, например, деньги «исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д.». Это значит, что при исследовании капиталистического общества, при переходе от категории денег к категориям капитала, наемного труда и т. д. логический ход мышления совпадает с историческим развитием действительности. «В этом отношении, — говорит Маркс, — ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [2].

Однако имеются примеры другого порядка, свидетельствующие о том, что существовали весьма развитые, хотя и менее зрелые, формы, где имеются высшие экономические отношения, но нет такого простого явления, как деньги. Более близкое рассмотрение вопроса, далее, показывает, что такая простая категория, как деньги, получает свое наиболее полное развитие в высших и развитых обществах, именно при капитализме. То же относится,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 728.
[2] Там же, стр. 728—729.

показывает Маркс, к такой древнейшей категории, как труд. Труд в своей всеобщности — основа жизни общества. Но именно в этой своей всеобщности, показывает Маркс, он становится практически истинным в условиях высшего и развитого состояния общества, при капитализме, когда безразличие к определенному виду труда превращается в принцип производства.

Таким образом, Маркс дает как будто противоречивый ответ на поставленный выше вопрос. Это противоречие, как видно будет дальше, не кажущееся, но реальное, поскольку логическое и историческое находятся при всем своем единстве и взаимопроникновении в диалектически противоречивых отношениях. Однако если внимательно проанализировать высказывания Маркса, то мы увидим, что он приводит факты, свидетельствующие как в пользу того, что движение от простых и абстрактных категорий к сложным и конкретным совпадает с реальным историческим процессом, так и в пользу противоположных утверждений. Маркс указывает ту основу, на которой разрешается это противоречие. Основа эта заключается в *историзме* категорий, отражающих конкретно-исторические условия развития отношений.

В самом деле, деньги, хотя и возникли исторически раньше капитала, но свое полное развитие, как показывает Маркс, они получают только «в наиболее развитых состояниях общества», и особенно при капитализме. Это же относится и к труду вообще. С другой стороны, такие конкретные и сложные категории, как кооперация, хотя они и возникли до более простых категорий, также получают свое полное развитие в более развитых исторических условиях, особенно при социализме. Стало быть, самым надежным критерием, позволяющим правильно судить о том, в какой последовательности должны рассматриваться категории в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, служит, по Марксу, то значение, которое они или, точнее, реальные процессы, выражаемые ими, имеют в *системе данных исторических отношений.* Несомненно, деньги возникли исторически *до* капитала, но все дело в том, какую роль они играют в исторически определенной системе исследуемого объекта — в капитализме. *Это* определяет значение и место категории денег в ряду других категорий, посредством которых мы познаем капиталистический способ производства. Несомненно также, что и

труд вообще есть древнейшее отношение, но опять-таки роль категории, выражающей это отношение, обусловлена тем, какое развитие она получает в *системе* капитализма.

Вот почему, приведя в качестве примера труд, Маркс делает общий вывод, относящийся к категориям и их месту в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. «Этот пример труда убедительно доказывает, — пишет Маркс, — что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» [1].

Итак, вся суть в *определенности* абстракций, а эта определенность дается им историческими условиями, конкретно-исторической сущностью исследуемого объекта. Следовательно, и роль, место каждой категории в процессе восхождения от одной категории к другой обусловлены той «значимостью», которой она обладает «внутри» исторических условий. Таков «ключ» Маркса к рассматриваемой проблеме, и нетрудно увидеть, что он принципиально отличается от «ключа» Гегеля. У Гегеля приоритет имеет логическое, которое нередко насильственно втискивает реальный процесс в искусственную схему. Для Маркса основанием логического, любой абстракции всегда в конечном счете служит историческое, поскольку только оно придает определенность абстракции и предуказывает ее место и роль в теоретической системе. Энгельс в рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» специально сопоставляет метод Маркса и Гегеля. Энгельс показывает, что, хотя форма развития мыслей Гегеля крайне абстрактна и идеалистична, все же это развитие «всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последнее, собственно, должно было служить только подтверждением первого». Во многих его произведениях, продолжает Энгельс, «красной нитью проходит это великолепное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной, связи с историей» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 731.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 496.

Маркс преодолел эту «абстрактно извращенную связь» с историей, вытекавшую из идеализма, и разработал научную, материалистическую форму связи логического и исторического. Эта связь, согласно Марксу, повторяем, определяется в своей основе тем, что абстракции и категории как результат абстрагирующей деятельности мышления в своей определенности есть продукт исторических условий, категории *значимы лишь в свете и рамках этих исторических условий.* Поэтому логическое и историческое в общем и целом совпадают, составляют единство.

Их единство и совпадение Энгельс показывает в той же рецензии на произведение Маркса «К критике политической экономии». Энгельс вводит очень важное понятие, которым он характеризует Марксов метод исследования политической экономии капитализма, — понятие *«логического метода»*. Он говорит, что, согласно материалистической диалектике, это исследование можно было проводить двояким способом — историческим и логическим. Установив, что исторический способ был для этой цели неподходящим, Энгельс приходит к выводу, что «единственно подходящим был логический метод исследований». Но тут же он замечает, что между этими методами нет какого-то абсолютного различия, и дает глубокое определение сущности логического способа исследования.

«Но этот метод, — пишет он, — в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1].

В этой краткой, но полной глубокого содержания характеристике логического способа исследования единство, совпадение логического и исторического предстает перед нами во всей своей диалектичности. Энгельс подчеркивает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497.

как момент единства, так и момент противоречивости взаимоотношения и связи логического и исторического. Требуется, однако, специальное рассмотрение того, что такое логический способ в отличие от исторического, и тогда станет более ясным, в каком соотношении находится восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» с реальным историческим процессом.

2

Сам Маркс не употребляет понятие «логический» для характеристики своего способа исследования, хотя в параграфе «Введения» к экономическим рукописям 1857—1858 гг. под названием «Метод политической экономии» он излагает содержание именно этого способа. Иногда он говорит о «теоретическом» методе, а в «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» он называет свой метод аналитическим [1].

Вполне понятно, что логический, теоретический, или аналитический (все это в данном случае синонимы, имеющие одно и то же содержание) способ исследования не есть некий самостоятельный метод наряду с диалектическим методом. Это — сторона, часть или аспект материалистической диалектики, конкретизированной в применении к задаче исследования капиталистического способа производства. Разработанный Марксом специально для политической экономии, этот способ, разумеется, имеет так или иначе общее значение для всякого научного исследования, ставящего перед собой цель теоретического анализа законов развития того или иного объекта.

---

[1] Содержавшиеся в первом издании настоящей работы слова о том, что метод Маркса есть метод логический, или аналитический, вызвали резкую критику со стороны В. И. Мальцева, выступившего со специальной статьей по этому поводу («Философские науки», 1961, № 4). Его возражение состоит в том, что анализ есть только одна сторона, недействительная без другой стороны — синтеза. Но ясно, что когда Маркс говорит об аналитическом методе, то имеется в виду нечто другое — это слово употребляется как синоним «теоретического» метода в противовес, скажем, историческому методу. Понятие «анализ» можно брать в узком и широком смысле слова. Естественно, что Маркс в данном случае брал его во втором смысле. Именно в таком содержании оно фигурирует и у нас.

Каковы же конкретно основные особенности этого способа исследования в аспекте вопроса о соотношении логического и исторического? Мы берем лишь этот аспект, поскольку другие стороны и особенности раскрыты в предыдущем изложении (например, принцип восхождения от абстрактного к конкретному). Впрочем, этот аспект очень важен, и он даст возможность рассмотреть логический метод с разных сторон и понять его сущность в целом. Не случайно Энгельс назвал его логическим, что метко схватывает его отличие от исторического метода. Не случайно также и то, что Маркс по существу весь раздел о методе политической экономии посвятил именно вопросу о соотношении логического развития категорий в процессе восхождения от абстрактного к конкретному с реальным историческим процессом, вопросу о научном членении категорий в этом плане.

Энгельс, как мы видели, противопоставляет логический метод историческому, но в то же время называет его в сущности тем же историческим методом, только с рядом отличительных особенностей. Это их единство следует сразу же подчеркнуть, чтобы лучше понять их различие. Проблема сооотношения исторического и логического имеет значение не только для логического, но и для исторического способа. Понятие исторического способа вовсе не означает, что он свободен от всякого элемента логического способа исследования. Он был бы тогда лишен научного значения и превратился бы в чисто эмпирический метод, лишь описывающий в хронологической последовательности «труды и дни» людей какой-либо исторической эпохи. Нечего доказывать, что марксизм далек от столь плоского понимания сущности того исторического метода, которым пользуются, например, исторические науки. Всякая историческая наука достойна своего названия, когда она в своем анализе не только руководствуется определенными законами, открытыми теорией, но и ставит своей задачей обнаружить обусловливаемые этими законами внутренние связи исторических явлений и процессов, представить исторические явления как связное целое. Поэтому науки, пользующиеся преимущественно историческим способом, имеют огромное значение для развития самого представления о законах, по которым развивается действительность. Например, собственные исторические труды Маркса, посвященные исследованию революции

1848 г. во Франции, Парижской коммуны, и другие внесли неоценимый вклад в понимание законов революции и классовой борьбы, конкретизировали целый ряд положений общетеоретического характера о законах социалистической революции, о политической власти, о государстве и пр.

Перефразируя Энгельса, можно поэтому сказать, что исторический способ есть тот же логический способ, только облеченный в историческую форму, т. е. исследующий логику развития в форме конкретных исторических событий, в их реальной исторической последовательности со всеми зигзагами и случайностями, свойственными историческому развитию, в форме конкретной деятельности определенных людей, вносящих сильный элемент случайности в объективные исторические процессы, и т. д. Понятно, что в силу сказанного здесь основной формой движения мысли не может быть *категориальная* форма, т. е. форма движения категорий от абстрактного к конкретному. Здесь движение идет от конкретного к конкретному, что, разумеется, не отрицает наличия и момента абстрагирования и движения, когда это необходимо, от абстрактного к конкретному.

Для характеристики исторического способа этого достаточно, хотя сказанное ни в малейшей мере не исчерпывает его сущности, которая к тому же по-разному преломляется в разных сферах исторической науки, скажем политической истории, экономической истории и т. п. Важно подчеркнуть главное и решающее: здесь соотношение логического и исторического таково, что историческая форма исследования и изложения господствует над всем остальным, подчиняет себе логическое, вследствие чего этот способ и называется историческим.

В отличие от него логический способ, хотя он и есть тот же исторический способ (ибо, как мы установили, вне исторических условий абстракции утрачивают свою определенность), представляет собой способ теоретического исследования, главная цель которого состоит в познании *законов* действительности. Поэтому движение мысли здесь воплощается не в исторической форме, а в абстрактной, по выражению Энгельса, теоретически последовательной форме. При этом способе уже не имеет значения исследование деятельности отдельных лиц, описание конкретных исторических событий и т. п., хотя и этот элемент

исторического способа может играть какую-то вспомогательную роль. Как говорит Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», о лицах речь идет «лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов» [1]. Маркс приводит огромный исторический материал, но лишь для того, чтобы либо проиллюстрировать, либо подтвердить открываемые им законы экономического развития. Элементы исторического способа, наличествующие в логическом способе, и наоборот, свидетельствуют о том, что «чистых» методов, которые были бы свободны от примесей других, противоположных им методов, не существует. Самый абстрактный теоретический метод исследования без постоянного соприкосновения с фактами действительности немыслим. Это соприкосновение может быть прямым или косвенным, опосредствованным, но оно неизбежно.

Характернейшая черта логического, теоретического способа — *категориальная форма развития мысли,* первостепенная роль категорий как средства обобщения и выражения действительности. Движение и результаты познания реализуются в системе категорий, в той самой «алмазной сети» понятий, о которой говорил Гегель. Восхождение от абстрактного к конкретному — основной принцип последовательности и субординации категорий. «Капитал» в этом отношении — яркий и совершенный образец логического способа исследования.

Преследуя цель схватить и выразить внутреннюю логику развития объекта в ее необходимости, логический способ отличается от исторического тем, что он отвлекается от всякого рода зигзагов и исторических случайностей, которыми полно реальное историческое движение. Он как бы «выпрямляет» линию исторического развития, отбрасывая все то, что мешает представить ее в чистом виде. Это нисколько не нарушает реального хода явлений, а в известном смысле способствует лучшему его выявлению, поскольку такое «исправление» совершается не вопреки, а в соответствии с законами действительности. В этом смысле Энгельс и называл логический способ исправленным отражением исторического развития.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 10.

Если в историческом способе соотношение между логическим и историческим таково, что исторический элемент подчиняет себе логический и последний как бы в скрытом состоянии существует в историческом, то в логическом способе элемент логического превалирует над историческим, но историческое содержание составляет его реальную основу. Выше было установлено, что генезис, дедуцирование, развитие высшего из низшего, конкретного и развитого из абстрактного и неразвитого составляет важнейший принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Существенной стороной этого движения следует считать исследование противоречий развития объектов, начиная с их зародышевого состояния и кончая кульминационным моментом, когда они требуют своего коренного разрешения. А это значит, что логический способ есть единство логического и исторического, представляет собой обобщенное, абстрактно-теоретическое выражение исторического.

Положение о том, что в этом способе логический элемент превалирует над историческим, нужно поэтому понимать в том смысле, что упор делается не на изображение истории изучаемого объекта, а на исследование внутренне последовательной, обусловленной его законами логики развития в отвлечении от всего, что мешает достигнуть этой цели. Но, как это ни звучит парадоксально, такое исследование достигает более глубокого понимания действительного исторического развития, нежели эмпирическое изображение действительного хода истории во всей ее поверхностной конкретности.

Совпадение логического и исторического в рассматриваемом способе в решающей степени обусловлено тем, что в соответствии с диалектической теорией посредством этого способа исследуется объект как *саморазвивающаяся* система, вследствие чего логический способ не может не быть тем же историческим способом, так как развитие имеет свое начало, продолжение и конец, т. е. историю.

Однако это вовсе не значит, что логическое в данном способе выступает в качестве простого воспроизведения исторического, хотя и очищенного от случайностей и зигзагов, реального развития. Тогда этот способ был бы просто слепком с исторического способа. Тогда восхождение от абстрактного к конкретному и построение системы категорий, воспроизводящей объект в его развитии, оказалось

бы сравнительно простым делом: нужно было бы лишь дать более или менее хорошую логическую копию реального исторического развития. В действительности дело обстоит сложнее, и тут мы подходим к самому решающему моменту характеристики логического способа исследования.

Излагая свое понимание соотношения исторического и логического в упоминавшемся уже «Введении», Маркс указывает, что буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства (по отношению к прошлому развитию). «Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [1]. Эти слова чрезвычайно важны для понимания нашей проблемы. Данную мысль повторил и Энгельс, когда, называя логическое исправленным историческим, он указывал, что при логическом способе имеется возможность рассматривать процесс развития в точках, достигших наиболее зрелой классической формы.

Именно такой наиболее зрелой и классической формой по сравнению со всем предшествующим развитием товарного производства является буржуазный способ производства. Не случайно подлинно научный теоретический анализ его можно было дать лишь тогда, когда он достиг определенной степени зрелости, т. е. тогда, когда все его основные потенции, его внутренний механизм выявились более или менее полно. Своей высшей формы капиталистическое производство достигло благодаря полному развитию некоторых тенденций, которые содержались в неразвитой и затемненной для познания оболочке простого товарного производства. Капитализм — результат этого исторического развития и содержит в себе этот

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 731.

результат. Гегель говорил, что результат без предшествующего развития есть труп, но в свою очередь историческое развитие без своего закономерного результата не есть законченное и выявившееся развитие. Вот почему, с одной стороны, невозможно понять и научно исследовать капиталистическое производство, не рассматривая его в качестве результата определенного исторического развития, а с другой стороны, именно исследование этой зрелой и развившейся формы дает ключ к пониманию низших форм, из которых она возникла. И с той и с другой стороны исследование капиталистического производства с помощью логического способа органически включает в себя исторический элемент. Но так как в капитализме как в наиболее зрелой и классической форме сконденсировано все историческое развитие, приведшее к его образованию, и так как необходимые предпосылки и условия его возникновения в нем выражены в полной и развитой форме, то вовсе нет надобности в целях его анализа изображать реальную и конкретную историю его возникновения и становления. Он сам есть лучший ключ к собственной своей истории. Поясним это на одном примере.

Маркс не начинает свое изложение с истории возникновения капиталистического способа производства. Как это ни странно, историю возникновения предпосылок этого способа он дает в предпоследней главе первого тома «Капитала» уже после того, как доказана неизбежность гибели капитализма как общественной формы производства. С точки зрения соотношения исторического и логического это выглядит как грубое нарушение их единства и взаимопроникновения. Но так может казаться лишь на поверхностный взгляд. В действительности анализ Маркса проникнут этим единством, но в более глубоком смысле, чем простое совпадение логического анализа с эмпирической историей.

Маркс не мог начать с истории создания предпосылок капитала хотя бы уже по той причине, что без знания сущности капитала неизвестно, где и в чем искать эти предпосылки. Логический метод направлен на познание сущности капитала. Маркс дает логический, теоретический анализ капитала, исследуя не *историю* его возникновения, а его развитую форму. Капитал выступает в форме денег, на которые на товарном рынке приобретается рабочая сила. Исследуя взаимоотношение этих двух факторов

в процессе производства, он показывает, как деньги становятся капиталом. Это, несомненно, «чисто» логический анализ. Но этот анализ есть ключ к истории капитала. Он показывает, что для возникновения капиталистического производства необходимы были такие исторические предпосылки, которые привели к сосредоточению на одном полюсе денег, а на другом — «свободного» рабочего. Более того, логический анализ показывает, что в каждом новом акте производства капитала воспроизводится *история,* так как для осуществления этого акта требуется свободный от средств производства рабочий и наличие денег в руках его нанимателя. Выходит, таким образом, что логический анализ есть в то же время исторический анализ, только выступающий в форме его противоположности.

При анализе капитала Маркс отмечает это совпадение логического и исторического. Указывая, что исторически капитал первоначально выступает в форме денег как ростовщический и купеческий капитал, он далее пишет: «Но нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал» [1].

Что же касается главы о первоначальном накоплении, рисующей историю создания предпосылок капитала, то после исследования сущности капиталистического производства существовал уже ясный ориентир, показывающий, где и в чем искать эти предпосылки. Эта глава необходима была лишь для того, чтобы фактической историей подтвердить и проиллюстрировать истоки капитала, выявленные логически.

Следовательно, логический способ, позволяющий и требующий исследовать процесс в его высшей и зрелой форме, не только не отбрасывает исторический элемент, но содержит его в снятом виде в себе и дает в логической, абстрактно-теоретической форме глубокое отражение исторических процессов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 157.

Отсюда следует и основной принцип членения изучаемого объекта. Это членение в силу сказанного не может быть простым воспроизведением эмпирической истории. Маркс пишет, что высказанные соображения о том, что высшее дает ключ к пониманию низшего, и другие должны быть приняты в качестве «решающего основания для расчленения предмета». Это значит, что неправильно было бы начать исследование капиталистического производства с земельной собственности, с земледелия, хотя оно и составляло первоначальную форму производства в более или менее сложившихся обществах. «Каждая форма общества, — пишет Маркс, — имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается» [1].

Поэтому Маркс считает, что последовательность категорий должна определяться тем отношением, в котором они находятся друг к другу в картине современного буржуазного общества. Маркс сознательно и резко противопоставляет такое членение категорий тому, «которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [2]. Он настойчиво подчеркивает, что речь идет «об их расчленении внутри современного общества», и в заключение параграфа о методе политической экономии еще раз говорит, что категории должны относиться друг к другу так, чтобы они воспроизводили «внутреннюю организацию буржуазного общества», экономические отношения, на которых покоятся основные классы этого общества.

В этой постановке вопроса, несомненно, отображены диалектически противоречивые отношения между логическим и историческим, обусловленные тем, что логический способ исследования направлен на воспроизведение не эмпирической истории капитализма, а «внутренней организации», внутренней структуры капиталистического

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 733.
[2] Там же, стр. 734.

общества. Именно эта внутренняя организация определяет соотношение различных сторон и элементов, свойственное буржуазному способу производства, а следовательно, и категорий, их выражающих. Развитое капиталистическое производство не может не переиначить взаимосвязь и взаимодействие различных форм производства, оставшихся от прошлого и входящих в систему капитализма. С этой точки зрения Маркс и указывает, что было бы ошибочно брать категории при исследовании буржуазного способа производства «в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль».

Это методологическое указание Маркса трудно переоценить, например, для задачи выяснения соотношения экономических категорий, отображающих социалистическое общество, и вообще для теории познания и Логики с большой буквы (к последнему вопросу мы вернемся в следующей главе). Коммунистический способ производства на первой (социалистической) стадии своего развития сохраняет еще некоторые общественные формы, из которых он возник (товарное производство, деньги, стоимостные отношения и пр.). Совершенно ясно, что как их содержание, так и их удельный вес и роль преобразуются под влиянием новых отношений. В соответствии с этим и место категорий, выражающих данные формы, их связь с новыми экономическими категориями социализма определяются не тем соотношением, которое вытекает из эмпирического хода истории, а внутренней организацией и структурой социалистического общества. И в данном случае это тот эфир и освещение, которые подчиняют себе все остальное.

Было бы вместе с тем ошибочным видеть только элемент противоречия между логическим и историческим в даваемой Марксом постановке вопроса о принципе членения и последовательности категорий буржуазного общества. Диалектическое противоречие между ними имеет оборотную сторону — их неразрывную связь и единство. Одно предполагает другое и не может без него существовать. Марксово решение вопроса о порядке членения категорий от начала до конца проникнуто историзмом. Во-первых, требование исходить из внутренней организации буржуазного общества, находить только ему свойственный эфир и освещение направлено против смешения его с ка-

ким-либо другим обществом. Когда Маркс утверждает, что анатомия капитализма есть ключ к анатомии античного общества, то он тут же делает характерную оговорку: «Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные» [1]. Во-вторых, членение категорий соответственно «внутренней организации» исследуемого объекта, т. е. капитализма, основано на восхождении от абстрактного к конкретному, без которого невозможно воспроизвести конкретное, а это, как уже было выяснено, означает необходимость генетического выведения, развития из исходной абстрактной формы объекта его развитой и конкретной формы. Поэтому последовательность категорий, обусловленная внутренней организацией целого, так или иначе основана на реальном историческом базисе и воспроизводит его историю, только в логически исправленном виде. Перефразируя Маркса, можно сказать, что при логическом анализе капитализма, всех его категорий, а не только категории капитала история все время разыгрывается на наших глазах.

Нужно также учесть, что проблема соотношения логического и исторического повернута не только к прошлому, т. е. к возникновению и развитию этого способа производства из «обломков» прошлого и тех форм, которые в неразвитом состоянии существовали раньше и получили свое полное развитие при капитализме. Она повернута и к развитию самого капиталистического способа производства, к его историческим этапам, к его будущему. А в этом отношении логическое значительно прямее и непосредственнее совпадает с историческим, вследствие чего Ленин имел полное основание сказать о методе «Капитала»: «История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» [2].

Посмотрим теперь, как логический способ исследования и высказанные Марксом, а также Энгельсом общие соображения о соотношении исторического и логического конкретно реализуются в ходе исследования в «Капитале».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 731—732.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301.

3

В подтверждение того, что понятия и категории, исследуемые Марксом, резюмируют историю капитализма, Ленин приводит схему последовательности таких категорий: товар — деньги — капитал. Действительно, членение первого этапа исследования соответственно этой последовательности воспроизводит общий исторический ход товарного производства, приведший к возникновению капитала.

Движение категорий, восхождение от абстрактных и простых к сложным и конкретным категориям начинается с понятия товара. Предыстория капитализма упирается в товарное производство и обращение, с него начинается. В этом смысле логически исходный пункт совпадает с историческим началом развития капитализма. Энгельс был прав, говоря о логическом методе, что он начинает исследование развивающегося объекта с того же, с чего начинает история. Однако было бы ошибкой думать, что, начиная с товара, Маркс стремился изложить историю возникновения капитализма. Нет, категория товара составляет исходный момент *логического анализа капитала,* а не его истории. Маркс начал с этой категории по той причине, что товар — элементарная форма буржуазного богатства. *Поэтому,* делает он вывод, анализ начинается с товара. Начиная с товара, Маркс преследовал цель выяснить *сущность капитала,* но, так как капитал как конкретное и сложное явление невозможно сразу познать, Маркс берет первоначально его абстрактную форму. Напомним: он отмечает в первом томе своего произведения, что «форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства...» [1].

Таким образом, товар с самого начала исследуется как абстрактная и неразвитая форма *капитала,* из которой, как из клеточки, размножаются условия, необходимые для появления капитала. В то же время этот логический анализ совпадает с реальным историческим процессом, в котором простое товарное производство предшествует во времени капиталистическому производству.

Дальнейший анализ также исходит из требований теоретического, логического метода. Установив, что товары

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 92.

обмениваются друг на друга в силу содержащейся в них одинаковой общественной субстанции — абстрактного труда, Маркс говорит, что стоимость имеет поэтому чисто общественный характер и ясно, следовательно, что проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. Отсюда следует, что товары, несмотря на всю пестроту их потребительных стоимостей, должны обладать общей им всем денежной формой стоимости. Эта общая форма стоимости, несомненно, может быть установлена теоретическим (логическим) анализом повседневных фактов товарного обращения. В одном из писем к Энгельсу Маркс следующими словами логически обосновывает необходимость денег: «Из противоречия между всеобщим характером стоимости и ее вещественным бытием в определенном товаре и т. д. — это тот же всеобщий характер, который затем выступает в деньгах, — вытекает категория денег» [1]. Значит, уже в противоречии товара, противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью, в развитии этого противоречия заложена необходимость денег.

Но тут мы сталкиваемся с одной из важных особенностей Марксова логического метода. Хотя Маркс заявляет, что даже тот, кто ничего не знает более, понимает необходимость для обмена денег, он не удовлетворяется одним чисто *логическим развитием* необходимости всеобщей денежной формы стоимости. Хотя этот факт бросается всякому в глаза, но от этого сущность формы стоимости (особенно денежной) не становится ясной, сущность эта остается весьма загадочной. И Маркс дает свой блестящий анализ исторического развития форм стоимости, который проясняет до конца сущность формы стоимости вообще и денег как ее высшей формы. Стало быть, Маркс прибегает к помощи исторического способа исследования для того, чтобы лучше, глубже обосновать вывод, сделанный посредством логического анализа.

Это показывает, сколь ошибочно разделять оба этих способа пропастью, как тесно переплетаются логический и исторический элементы в Марксовом методе теоретического анализа. В дальнейшем Маркс неоднократно прибегает к такому способу исторического обоснования и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 257.

доказательства своих выводов, найденных теоретическим путем.

Вообще Маркс не упускает случая, где это только возможно, сослаться на то, что ход теоретического, логического анализа соответствует реальному историческому ходу. Так, исследуя функции денег в плане теоретического выяснения их роли в процессе обращения товаров, переходя от их функции средства обращения к функции средства платежа, Маркс указывает, что и исторически последняя возникла на более поздних ступенях товарного обращения. Он неоднократно заявляет, что теоретический анализ требует на первых порах отвлечься, оставить в стороне символические деньги, а также кредитные деньги и предполагать деньги лишь как металлические. Но он тут же добавляет, что такой ход исследования соответствует исторической последовательности, ибо кредитные деньги почти не играют роли в первоначальную эпоху капиталистического производства.

Мы уже говорили, что Маркс теоретическим анализом установил необходимые для капитала предпосылки — деньги в руках капиталиста и свободные рабочие руки. Поэтому он логично от категории денег переходит к категории капитала. Но он подчеркивает, что этот логический переход есть одновременно и исторический переход. В письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. Маркс, излагая содержание своего произведения «К критике политической экономии», в которое он первоначально намеревался включить и главу о капитале, пишет по поводу этого перехода: «В деньгах, как показывает развитие их определений, заложено требование существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время предполагающей само это обращение, то есть — существование *капитала*» [1]. Следовательно, Маркс говорит о чисто теоретическом анализе денег, который неизбежно приводит к заключению о категории капитала, заложенной, так сказать, в самих определениях категории денег. Но он добавляет к этому: «Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 259.

тельного капитала из денег или купеческого капитала, овладевающего производством» [1].

После того как Маркс раскрыл сущность капитала и показал механизм превращения денег в капитал, дальнейший логический анализ также совпадает с историческим развитием отношений. Показывая методы увеличения прибавочной стоимости, Маркс сначала формулирует категорию абсолютной прибавочной стоимости, а затем — категорию относительной прибавочной стоимости. Такая последовательность категорий соответствует действительному историческому развитию капиталистических методов увеличения прибавочной стоимости, поскольку вторая форма требует более высокого уровня развития техники.

Это же можно видеть на переходе от категории стоимости к категории цены производства. Ошибка старых экономистов — предшественников Маркса — состояла в том, что их логический анализ был оторван от конкретного исторического развития стоимости в условиях капитализма. Если Маркс шел от стоимости к цене производства, то этого требовал логический анализ, ибо категория цены производства непонятна без категории стоимости. Но Марксов логический анализ основан вместе с тем на реальном историческом базисе. Эта последовательность категорий отражает и действительный исторический ход товарного производства. Маркс пишет в первой части третьего тома «Капитала», что обмен товаров по их стоимостям требует гораздо более низкой ступени развития, чем обмен по ценам производства, который соответствует более высокой ступени. Цены товаров всегда, на всех ступенях товарного производства подчиняются в конечном счете закону стоимости. Но на ступени капитализма стоимость выступает в превращенной форме цен производства. Поэтому, указывает Маркс, «совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как prius (т. е. предшествующее) цен производства» [2].

Как видно из сказанного до сих пор, сформулированный Марксом основной принцип последовательности категорий, развиваемых в соответствии с задачей исследования внутренней организации капиталистического способа

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 259.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 194.

производства, основан так или иначе на единстве логического и исторического. Оказывается, что эта внутренняя организация представляет собой как бы воспроизведение исторического развития. Рассмотрим, однако, другие факты, которые на первый взгляд выглядят как прямой отход от логики исторического развития и, стало быть, нарушение единства логического и исторического.

Маркс в своем «Введении» к экономическим рукописям 1857—1858 гг. в качестве доказательства того, что анализ внутренней структуры капитализма (а не следование за историческим развитием) должен быть решающим при определении последовательности категорий, приводит в пример отношение между земельной рентой и капиталом. Позже, в «Капитале», Маркс неоднократно возвращается к этому примеру, добавляя к нему также пример отношения между промышленным капиталом и торговым и ростовщическим капиталами. Рассмотрим эти факты более обстоятельно.

Если последовательность категорий «товар» — «деньги» — «капитал» или категорий «стоимость» — «цена производства» при анализе внутренней организации капитализма воспроизводила исторический процесс (простое товарное производство — капиталистическое производство), то в случае с категориями торгового и ростовщического, денежного капиталов мы имеем иную картину. Маркс прямо заявляет, что с точки зрения внутренней организации буржуазного общества отношение между категорией промышленного капитала и категорией земельной ренты (добавим — и торгового плюс ростовщического капиталов) «прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития». Нельзя проходить мимо этих фактов и отрицать всякий элемент противоречия между логическим и историческим, как это делают иные истолкователи этой проблемы. Это не формально-логическое противоречие, а живое диалектическое противоречие логического процесса познания, в котором отражается сложный и противоречивый ход самой действительности. Это противоречие важно учитывать для того, чтобы понять отличие логического метода от исторического, ибо разрешение этого противоречия и требует особого теоретического (логического) способа исследования наряду с историческим.

Мы уже в другой связи указывали, что Маркс брал под защиту Рикардо от критики со стороны Родбертуса, упрекавшего английского экономиста в том, что тот рассматривал «как *первоначальное*» лишь отношение между капиталистом и рабочим и соответственно разделение продукта только на заработную плату и прибыль на капитал. Он жаловался, что исчезал земельный собственник или он появлялся на сцене позже. Маркс отводил это обвинение указанием на то, что подход Рикардо вытекал из самой сущности капиталистического производства и представляет собой «адекватное *теоретическое* выражение капиталистического способа производства, выражает его differentia specifica» [1]. Именно с точки зрения капиталистического производства, его внутренней организации, подчеркивает Маркс, собственность на капитал действительно есть первоначальное. Категория земельной собственности представляет собой первоначальное в историческом развитии и смене общественных форм производства, поскольку феодализм предшествует капитализму. Но в системе капиталистического производства она выступает как производная и вторичная по отношению к категории капитала, ибо капитал, подчиняя ее себе, преобразует ее на свой лад. «Капиталистический способ производства, — пишет Маркс, — начинается в промышленности и подчиняет себе земледелие лишь позднее» [2]. Он называет ренту при этом способе производства «вторичным зачатием».

Сам Маркс упрекает Рикардо за то, что такое следование категорий (капитал — земельная собственность) он считает и *историческим*. «То обстоятельство, — пишет он, — что этот факт, как он есть и как он проявляется в современном обществе, рассматривается у Рикардо также и как нечто *исторически* первоначальное... составляет одно из проявлений того заблуждения, в которое впадают буржуазные экономисты при рассмотрении всех экономических законов буржуазного общества, представляющихся им как «законы природы», а потому также и как историческое prius» [3].

Следовательно, Маркс специально указывает, что в данном случае первоначальное в «системе производства»

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 163 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 417.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 164.

капитализма не есть исторически первоначальное. Не случайно он поэтому говорит, что это есть адекватное *теоретическое* выражение капиталистического способа производства, т. е. выражение, обусловленное логическим способом исследования, отличительная особенность которого состоит в том, что он берет категории в той последовательности, в какой они отражают внутреннюю организацию капитализма.

Так же Маркс решает вопрос о соотношении современных и допотопных форм капитала. Имея в виду товарный и денежный капиталы, Маркс пишет: «Другие виды капитала, которые появились до него (т. е. до промышленного капитала. — *М. Р.*) в рамках отошедших в прошлое или гибнущих укладов общественного производства, не только подчиняются ему... но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой своей основой» [1]. Поэтому и последовательность категорий в картине системы буржуазного производства (промышленный капитал — торговый капитал — денежный капитал) иная, чем в картине исторического развития общественных способов производства (торговый и ростовщический капиталы — промышленный капитал).

Соответственно этому логический способ исследования (Маркс говорит «в ходе научного анализа») требует, чтобы при выяснении механизма образования общей нормы прибыли исходным пунктом сделать промышленные капиталы и конкуренцию между ними, и только потом, на более высокой стадии сделать поправку, модификацию, обусловленную посредничеством купеческого капитала. И Маркс снова и снова оговаривает: «В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства» [2].

Маркс, конечно, не случайно все время сопоставляет логику исследования отношений буржуазного производ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 65.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 315.

ства с историческим развитием их в прошлом, показывая имеющиеся здесь противоречия. Этим он раскрывает метод своего исследования, который позволяет единственно правильно подойти к пониманию сущности капиталистического производства. Маркс своими указаниями устанавливает логический ритм движения познания, соответствующий ритму движения самого исследуемого объекта и помогающий дать истинный образ этого объекта.

К сказанному добавим, что, устанавливая иное соотношение между указанными категориями внутри картины капиталистического производства по сравнению с их соотношением в картине исторического развития, Маркс вместе с тем рассматривает и те формы, которые предшествовали капитализму, исследует генезис капиталистической земельной ренты, дает замечательную главу «Из истории купеческого капитала», глубокий очерк таких «допотопных форм капитала», как ростовщический капитал, и т. д. Без такого теснейшего и почти беспрерывного соприкосновения с историческим материалом невозможно получить правильное представление о Марксовом теоретическом (или логическом) методе.

Но дело не только в этом. Показывая противоречивые отношения между последовательностью ряда категорий при исследовании, с одной стороны, внутренней организации капитализма и, с другой стороны, исторического развития до капитализма, Маркс логическую последовательность (промышленный капитал — торговый и денежный капиталы — земельная рента) рассматривает как отражение исторического развития *капиталистического способа производства*. Так, в уже цитировавшемся письме к Энгельсу, в котором излагается «контур», план книги «К критике политической экономии», он пишет: «Переход от капитала к земельной собственности дается в то же время и исторически, так как современная форма земельной собственности является продуктом воздействия капитала на феодальную и иную земельную собственность» [1].

Любопытно в связи с этим отметить одну деталь. По плану этой книги Маркс намеревался рассмотреть наемный труд *после* земельной собственности. Комментируя план, он пишет, что точно так же «и переход от земельной собственности к наемному труду изображается не

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 254.

только диалектически, но и исторически, поскольку конечным продуктом современной земельной собственности является всеобщее установление наемного труда, который затем выступает в качестве базиса всей дряни» [1]. Однако, как известно, Маркс в «Капитале» изменил этот план и изменил именно в соответствии с диалектическим (т. е. в данном словоупотреблении «логическим») способом исследования, требовавшим выяснить первоначально отношения капитала и наемного труда.

Мы уже говорили, что проблема исторического и логического повернута у Маркса не только к прошлой истории, но и к истории развития самого капитализма, а также к его будущему. В этом плане логическую последовательность категорий в «Капитале» можно рассматривать как определенное отражение в общем и целом исторического развития капитализма. Таков первый том, где воспроизводится внутренняя логика развития капитала до его неизбежного конца. Так как капитал подчиняет себе и преобразует земледелие и допотопные формы капитала, то рассмотрение соответствующих им категорий в третьем томе также совпадает с историческим процессом. Однако и в данном случае нужно исходить из особенностей логического способа и его требований к ходу познания и не переступать грани, за которой истина превращается в заблуждение.

Между тем в литературе встречается взгляд, согласно которому само логическое членение «Капитала» на три тома означает не больше и не меньше как отражение исторического развития капитализма. С этой невероятной точки зрения каждый из трех томов отражает какой-то исторический этап в развитии капитализма: в первом томе прослеживается развитие противоречий до «оформления» основного противоречия капитализма, во втором томе показывается, что расширенное воспроизводство есть расширение и обострение этих противоречий, в третьем томе исследуется высшая точка их развития, достигнутая во времена Маркса [2]. Надуманность и искусственность этой концепции не нуждаются в специальном рассмотрении. Какая еще может быть «высшая точка» ис-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 254.

[2] См. *В. И. Мальцев*. Очерк по диалектической логике. Изд-во Московского ун-та, 1964, стр. 66—69.

торического развития противоречий после того, как уже в первом томе показана их кульминация, завершающаяся «экспроприацией экспроприаторов». По этой концепции выходит, что средняя прибыль, исследуемая в третьем томе, образовалась лишь во «времена Маркса», а оборотный и основной капитал, рассматриваемые во втором томе, появились, очевидно, после оформления в самой действительности основного противоречия капитализма. Игнорируются совершенно ясные и собственные указания самого Маркса относительно логических основ членения всего исследования.

Однако этот взгляд не случаен. Он вполне закономерно вытекает из неправильного понимания как сущности логического способа, так и вообще соотношения логического и исторического, понимания, исключающего противоречивые отношения между ними, рассматривающего логическое как простое совпадение с историческим.

В заключение настоящей главы несколько слов о способах изложения результатов исследования, достигнутых теоретическим путем. Изложение также может быть дано историческим и логическим способами. Понятно, что логическому способу исследования в «Капитале» могла соответствовать лишь логическая форма изложения. Чаще всего решить вопрос, какой из методов изложения наиболее правилен, можно лишь при учете той задачи, которая ставится этим изложением. Энгельс, например, в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» обращает внимание на то, что историческая форма изложения, прослеживающая действительное историческое развитие явлений, была бы только в лучшем случае более популярной.

Следует напомнить, что В. И. Ленин одобрил исторический метод изложения политической экономии, примененный в «Кратком курсе экономической науки» А. Богданова. При этом, как видно из ленинской рецензии на эту книгу, Ленин исходил из того, что она предназначена для начинающего читателя и что, следовательно, исторический метод изложения позволяет преподнести трудные вопросы политической экономии в наиболее популярной форме. Ленин говорит о неизбежности повторений при таком методе изложения. Но, как он указывает, эти повторения полезны для начинающего, потому что он тверже усваивает себе наиболее важные положения.

Конечно, сама возможность применения исторической формы изложения развития способов производства возникает в основном лишь после того, как теоретическое исследование проделано и законы излагаемых явлений познаны. Проделанная работа по раскрытию законов облегчает их популярное изложение.

Во всяком случае вопрос о целесообразности того или иного способа изложения не может быть решен догматически: он всецело определяется задачами, назначением изложения, характером излагаемого предмета и т. д.

Глава двенадцатая

Логическая система „Капитала“ и система диалектической логики

Мы подошли к последнему и общему вопросу нашего исследования диалектики «Капитала» — к вопросу о том, какое значение имеет это произведение для разработки одной из самых трудных проблем диалектической логики, т. е. для создания *системы* категорий диалектико-материалистической логики, Логики с большой буквы. Некоторые стороны этого вопроса так или иначе рассматривались в предыдущем изложении. Сейчас этот вопрос должен быть рассмотрен специально.

1

Как известно, задачу дальнейшей разработки диалектической логики поставил В. И. Ленин. Если проанализировать его мысли, высказанные в «Философских тетрадях», то станет ясным, что задачу создания научной системы диалектической логики Ленин выдвигал как насущную необходимость дальнейшего творческого развития марксистской философии. И это естественно. Результаты всякого познания фиксируются в понятиях, категориях. Те и другие составляют узловые, опорные пункты познания, ибо в них находят свое отражение существенные связи и отношения предметов. Каждая наука оперирует ими и представляет собой определенную систему понятий.

Однако главная трудность любой науки заключается не в том, чтобы осознать роль понятий в познании объективного мира, а в создании и разработке *системы* понятий,

категорий, законов, в которой они были бы внутренне связаны между собой, вытекали друг из друга и в своей взаимосвязи и взаимопереходах отражали реальные отношения исследуемых явлений.

Каждое понятие, которым оперирует наука, есть отражение какой-то стороны целого — объективного мира или части его. Никакое отдельное понятие не способно выразить всю сложность и все взаимосвязи целого. Только совокупность, система понятий способна дать и дает отражение целого.

Глубокий образ этой взаимосвязи понятий дает Ленин в «Философских тетрадях». Он пишет: «Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая etc. — вверх, вниз. Сумма движения. Понятия как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (= „вещей"), отдельных *„струй"*...» [1]

Ставя вопрос, в чем состоит диалектика познания, Ленин подчеркивает взаимозависимость всех понятий, переходы их друг в друга, отношения между ними.

Вот почему любая наука не просто формулирует понятия и категории, отражающие отдельные стороны изучаемого ею объекта, отдельные «струи» движения, развития этого объекта, но и устанавливает в соответствии с объективной природой исследуемых явлений определенное соотношение между понятиями, последовательную логику их связей и переходов друг в друга. В физике, например, начинается изложение предмета с простейших понятий механики, от них переходят к более сложным понятиям теплоты, электричества и т. д. Здесь имеется не только сумма понятий и законов, но и определенное отношение между ними. Точно так же в химии излагаются и исследуются химические элементы в определенном порядке начиная с простейших (водорода и др.) и от них идут к более сложным элементам. Для политической экономии, как видно из всего изложенного выше, также не безразлично, в каком порядке должны исследоваться и излагаться экономические категории, в каком, следовательно, соотношении между собой должны находиться понятия, отражающие производственные отношения людей.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131—132.

Было бы заблуждением думать, что порядок выведения научных понятий имеет какое-то самодовлеющее значение. Определенная, строго научная структура понятий выражает ступени углубления познания, обусловливает последовательность в изучении тех или иных явлений, указывает путь познания.

Логика как наука в этом смысле ничем не отличается от всякой другой науки. Логика оперирует наиболее общими категориями, но проблема взаимоотношения между последними, проблема разработки научной системы понятий является для логики столь же важной, как и для любой другой науки. Более того, для логики и теории познания эта проблема имеет особенно важное значение, так как философия формулирует общие принципы и законы познания, которыми руководствуется любая специальная наука.

Формальная логика не решала и не решает задачи взаимосвязи и переходов понятий. Сама эта задача и первые попытки ее решения возникли лишь на базе диалектической логики. Энгельс отмечал, что старая, чисто формальная логика просто перечисляла и ставила рядом друг с другом различные понятия и формы движения мышления. Это вытекало из ее подхода к действительности и познанию. Не рассматривая природу в движении и развитии, формальная логика и понятия не анализировала в их движении, переходах.

Только диалектическая теория развития поставила проблему взаимосвязи и взаимоотношений понятий и форм мышления, их движения и переходов как реальную проблему логики. И это естественно, так как диалектика берет предметы в их развитии и изменении, в их закономерных переходах друг в друга. В самой объективной природе явления и предметы развиваются друг из друга, порождают друг друга. Поэтому и понятия, являющиеся отражением реальной действительности, должны быть столь же взаимосвязаны, должны переходить одно в другое, иначе они не дадут правильного отражения вечно развивающейся действительности. Все это объясняет, почему Ленин считал главным содержанием логики отношения между понятиями, их переходы и взаимосвязи.

Ленин подчеркивает, что понятия должны быть «обтесаны», «обломаны», «гибки», «подвижны», «взаимосвя-

заны», дабы правильно отразить мир. Анализ и изучение понятий, искусство оперирования ими требуют всегда изучения движения понятий, их взаимопереходов и взаимосвязи. Ленин видит большую заслугу Гегеля в том, что сквозь мистику и массу пустого педантизма в его логике пробивает себе дорогу основная идея, которую Ленин считает гениальной, — идея всесторонней связи всего со всем и отражения этой связи в логических понятиях.

Эту же заслугу Гегеля отмечали неоднократно Маркс и Энгельс.

Гегель впервые в истории философии предпринял попытку создания системы диалектической логики, в которой понятия и категории находились бы во внутренней необходимой связи между собой. Он критиковал старую формальную логику, в которой, как он указывал, порядок расположения понятий покоится на чисто внешних соображениях: «А в отношении внутренней необходимой связи, — писал Гегель, — дело ограничивается перечнем названий отделов, и переход осуществляется лишь так, что ставят теперь: *«Вторая глава»* или пишут: *«Мы переходим теперь* к суждениям» и т. д.» [1]

Подобному построению логики Гегель противопоставлял такой порядок, такую последовательность в развертывании логических понятий, в которых решающее значение имеет внутренняя, имманентная связь, необходимый переход одних категорий в другие. Душой этих связей и переходов Гегель считал внутреннюю диалектику развития, свойственную всему конечному. Эта сторона гегелевской логики, безусловно, означала огромный шаг вперед в историческом развитии науки о формах мышления. Уже в своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, критикуя спекулятивно-идеалистический характер логики Гегеля, писал, что положительная сторона сделанного Гегелем в его спекулятивной логике заключается в том, что *определенные понятия* он изобразил как моменты процесса абстракции и представил как связное целое [2]. Ставя задачу разработки материалистической, марксистской логики, Ленин придавал большое значение изучению плана, структуры гегелевской логики.

---

[1] *Гегель.* Соч., т. V. Соцэкгиз, 1937, стр. 35.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 638—639.

Ленин вместе с тем указывал, что логику Гегеля нельзя брать как данное, что ее надо очистить от мистики идей, что эта последняя мешает во всю силу развернуться тому здоровому, жизнеспособному, что содержится в ней. Он показывает искусственность многих переходов у Гегеля от одних логических понятий к другим, критикует идеалистическую сущность основной идеи гегелевской логики — идеи о том, что развитие логических понятий есть процесс созидания самой реальной действительности, природы.

В тесной связи с постановкой задачи разработки диалектической логики Ленин рассматривает «Капитал» Маркса. Для Ленина «Капитал» — материалистический антипод идеалистической логики Гегеля, но антипод, взявший все ценное у Гегеля и двинувший это ценное вперед.

Поэтому во многих местах «Философских тетрадей» Ленин возвращается к «Капиталу», проверяет те или иные принципы логики на примере «Капитала», раскрывает логику познания, строение, структуру «Капитала».

Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин указывает, что тот метод анализа и изложения, который дан в «Капитале», должен быть и методом изложения «диалектики вообще».

Эти ленинские указания помогают ответить на поставленный выше вопрос: какое значение имеет диалектическое строение «Капитала» для разработки марксистской диалектической логики как научной системы.

2

Во всем предыдущем изложении были показаны те общие принципы, которые лежат в основе «Капитала» как логической системы законов и категорий политической экономии капитализма. Коротко говоря, если обобщить и синтезировать сказанное в одной фразе, то основа, на которой покоится все величественное здание логической системы законов и категорий «Капитала», — это диалектика развития исследуемого объекта, его собственная логика самодвижения и специфическое отражение этой логики в диалектических законах и категориях познания. Концентрированное выражение эти принципы

построения системы получили в способе восхождения от абстрактного к конкретному.

Само понятие «системы» не есть просто некий продукт произвольно мыслящей головы. Это понятие отражает объект, который сам по себе представляет связное целое, т. е. систему элементов, находящихся между собой в определенной связи и отношениях, определяемых, с одной стороны, ролью и удельным весом каждого из этих элементов, их соподчинением и, с другой стороны, значением и влиянием целого как решающего фактора, обусловливающего место каждого отдельного элемента в системе. Если объект есть не механическая, а органическая совокупность элементов, частей, сторон, то и логическая система категорий, каждая из которых воспроизводит в мышлении какую-то сторону целого, должна быть столь же органичной. В этом вся суть проблемы построения системы понятий как совокупности знаний о любом объекте, будь то капитал или система химических элементов или Логика — наука о познании.

Рассмотрим значение логической системы категорий в «Капитале» сперва под углом зрения этого по существу исходного вопроса о системе логической науки. При этом нужно сразу принять во внимание, что Марксово исследование имело своим объектом капиталистическое общество, т. е. определенный предмет, отличающийся от того объекта, с которым мы собираемся сопоставить его, т. е. от логики как науки, и вывести определенные следствия для последней. Это нужно иметь в виду, чтобы избежать простого механического перенесения выводов, относящихся к закономерностям исследования такого конкретного явления, как капитал, на общее учение о познании. Однако поскольку логическая система категорий «Капитала» представляет собой *особенное* выражение общих закономерностей логического воспроизведения действительности, мы вправе рассматривать ее как известный эталон для решения более общего вопроса.

Если система как целое и ее элементы находятся во взаимной зависимости так, что система зависит от отдельных элементов, а роль и место последних в свою очередь определяются системой как целостностью, то мы сразу сталкиваемся с противоречием: чтобы построить систему, надо знать значение и роль ее составных сторон и частей, но, чтобы это знать, нужно иметь представление об объек-

те как целом. Движение познания должно разрешить это противоречие.

Один из аспектов разрешения данного противоречия заключается в том, что существует известное различие между методом исследования и методом изложения, хотя в своей основе они едины. Чтобы можно было представить объект в системе понятий, необходимо хорошо освоить материал и *до* изложения, которое начинается с простейших абстрактных определений, иметь понятие о целом как системе. Когда Маркс начинает с простейшего акта товарного обмена как клеточки и абстрактной формы капиталистического богатства, то это значит, что он уже выработал общее понятие о капитале, имел уже представление о системе капиталистического производства, ибо без этого неоткуда было бы взяться и понятию о его неразвитой зародышевой форме, т. е. об отдельном элементе этой системы. *Именно* это имеет в виду Маркс, говоря, что способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования, что исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. «Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» [1].

Следовательно, сперва надо не только освоить материал, проанализировать отдельные формы его развития, но и «проследить их внутреннюю связь», что и означает выработку предварительного понятия о целом как системе с определенной структурой организации. Только *после* этого можно изложить результаты в качестве идеального отражения в виде логической системы категорий. Было бы, однако, ошибкой преувеличивать различие между методом исследования и методом изложения, понимая последний в абсолютном смысле этого слова как чистое «изложение». В действительности «изложение» выступает и как исследование, ибо восхождение от абстрактных категорий ко все более конкретным и сложным категориям (а такое восхождение, как мы видим на примере «Капитала», и представляет собой «изложение») есть одновре-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21.

менно и исследование — исследование в самом глубоком смысле слова: без построения такой, на первый взгляд, «априорной конструкции» невозможно ни понять, ни доказать истинного взгляда на изучаемый объект.

С другой стороны, указанное противоречие разрешается и тем путем, что, выработав предварительное представление об объекте как системе с определенной внутренней структурой, исследование переходит к основательному анализу отдельных элементов, на основе чего только и можно представить объект идеально в виде логической системы категорий с определенной структурой и последовательностью переходов, связей и т. д.

В истории познания можно увидеть то же противоречие и те же способы его разрешения. Конечно, здесь этот процесс выглядит значительно сложнее. Представление о целом как системе внутренних связей не вырабатывается сразу, и часто процесс познания по видимости идет в обратном порядке: сначала происходит аналитическая работа по выявлению отдельных элементов целого, и лишь потом возникает понятие об их внутренней связи, структуре. Так, например, по видимости шло развитие, приведшее к возникновению периодической системы элементов Менделеева. Открывались отдельные химические элементы, изучались их свойства, а затем, когда уже известны были 63 элемента, Менделеев создал свою знаменитую систему, показавшую внутренние связи и закономерности переходов от одних элементов к другим, т. е. создал логическую систему понятий об элементах, идеально отражавшую действительность как объективную систему.

По видимости так же обстоит дело и с происходящим сейчас процессом выработки единой теории элементарных частиц. Открываются новые частицы, изучаются их свойства, отношения частиц друг к другу, но еще не существует общей теории, которая бы раскрыла их имманентную внутреннюю связь, представила бы их как «целое». Происходит сложный и трудный процесс поисков такого представления.

Однако и в том и другом случае целое выступает так или иначе и в качестве исходного момента исследования — не только в том смысле, что действительность как целостность просто «витает» в представлениях субъекта, но и в том смысле, что создаются какие-то предварительные представления об этом целом, делаются всяческие

предположения о нем, набрасываются фрагменты общей теории и т. д. Одним словом, это *закон,* а не прихоть познания, и логический процесс, как он совершается в голове отдельного человека, и процесс исторического развития познания здесь совпадают.

Таким образом, логическая структура системы категорий может быть выработана, если пройти путь, который схематически можно изобразить так: *целое* (первоначальное) — *отдельное — целое* (как вывод, результат всего пути познания и практики). Трудно поэтому согласиться с имеющимся взглядом на построение логической структуры экономических категорий социализма, согласно которому в отличие от системы категорий политической экономии капитализма, начинающейся с элементов, клеточки целого и завершающейся синтезом конкретной целостности, система категорий социалистической экономии должна сразу начаться с характеристики целого, т. е. социалистического общества. Здесь будто бы общество в качестве целого должно уже не витать в нашем представлении как предпосылка, а стать сразу непосредственным объектом исследования [1].

---

[1] Так, например, в учебнике «Политическая экономия» указывается, что «теоретический анализ экономики социализма должен начинаться с общей характеристики ее как *целого* и прежде всего с экономической основы, охватывающей все стороны планомерно объединенной социалистической системы хозяйства, то есть с характеристики *общественной собственности на средства производства»* («Политическая экономия». Госполитиздат, 1962, стр. 311). «Не от клеточки к организму в целом, — пишет К. Островитянов, — а от общей характеристики организма в целом к анализу его отдельных существенных сторон — таков путь анализа закономерностей социализма в противоположность капитализму» («Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 111). В этом же духе высказывается и М. Саков в статье «Некоторые проблемы политической экономии социализма». «Здесь (т. е. в социалистическом обществе.— *М. Р.*),— пишет он, — нет того движения от простого к сложному, которое было характерно для становления капитализма. А это означает, что логическая система категорий социализма не может быть развита из какого-либо элементарного экономического отношения (экономической клеточки) по принципу движения от простого, единичного к сложному, всеобщему. В таком подходе не учитывалась бы главная отличительная черта социализма — коллективистский характер присущих ему производственных отношений» («Политическое самообразование», 1962, № 9, стр. 30—31). Данное положение вызывает ряд возражений. Развитие от простого к сложному — это всеобщий закон, которому подчиняется всякий общественный организм, будь это капитализм или социализм. Да-

Этот взгляд мотивируется тем, что общество при капитализме раздроблено на атомизированных производителей и общественные отношения, общественный характер их связи можно выявить лишь посредством анализа отношения двух собственников и их товаров; при социализме же общественная собственность выступает при анализе сразу и непосредственно. Аргументация эта, как нам кажется, искусственна. Когда Маркс начинает свой анализ с простейшего акта обмена двух товаров, то в этом начале *уже* выражено общее и целое, т. е. сущность капиталистического богатства, только выражено в предельно абстрактной форме, и лишь движение категорий от абстрактного к конкретному приведет к конечному результату, т. е. к созданию логической системы, воспроизводящей целое в его синтезе. Когда экономисты, придерживающиеся указанного выше взгляда, начинают изложение системы категорий социалистической экономики с категории социалистической собственности, то (мы здесь отвлекаемся от того, с этой категории нужно начинать или с другой, — например с категории планомерности, как предлагают некоторые экономисты; мы считаем, что правы первые, а не вторые) они вовсе не общее и целое делают исходной категорией, а отдельный его элемент, выражающий сущность целого, но выражающий эту сущность также в абстрактной форме, ибо категория социалистической собственности есть абстракция по отношению к социалистической экономике в целом. Поэтому и логическая система политической экономии социализма может быть создана не в противоположность, а в соответствии с логическим методом «Капитала», т. е. путем восхождения от абстрактного к конкретному. В «Капитале» выражена в применении к исследованию буржуазного общества *общая* логика познания, и в этом его непреходящая ценность.

лее, нельзя смешивать целое как объект, реально существующий в действительности, с целым как объектом познания. Когда Маркс приступал к анализу капитализма, то последний уже существовал в качестве развитой целостной системы. Однако *познание* этого целого требовало его расчленить и начинать его анализ с какой-то стороны целого. В этом отношении никакой разницы между капитализмом и социализмом нет, последний также существует как развитая сложная целостность в самой действительности, но *познать* ее сразу также невозможно, и здесь нужно идти от простого к сложному.

В предшествующих главах мы видели, что основанием для построения логической системы категорий «Капитала» было членение современного буржуазного общества соответственно его внутренней организации. Как выяснилось, это членение в общем и целом воспроизводит исторический процесс развития капитализма. Мы можем, следовательно, сказать, что единство логического и исторического, воплощенное в анализе целостно развитого современного Марксу капиталистического общества, составляло основание, фундамент всего здания логической системы «Капитала». Но здесь все время имелась в виду система *экономических* категорий, а не категорий *логических*. Когда мы говорили о логической системе «Капитала», речь шла о таких категориях, как «товар», «стоимость», «деньги», «прибавочная стоимость» и пр. Когда мы говорим о системе категорий в диалектической логике, то, понятно, что имеются в виду уже не конкретные категории экономической или естественной науки, а собственно *логические* категории, каковы «качество», «количество», «содержание», «форма», «противоречие» и пр. Исследуя капиталистический способ производства, т. е. конкретный объект, Маркс, как мы пытались показать на протяжении всей книги, пользовался этими категориями как опорными пунктами познания. Но мы до поры до времени оставили в стороне вопрос о том, в каком соотношении в «Капитале» выступают эти категории, если их рассматривать как *систему,* ибо вполне понятно, что в Марксовом произведении, как и в любом подлинно научном исследовании, логические категории не могут выступать в виде неупорядоченной суммы частей, элементов.

Совершенно ясно, что сказанное выше о логической системе экономических категорий относится целиком и к системе логических категорий. Процесс познания, как таковой, т. е. как логический процесс независимо от того, *что* исследуется, *какой* объект познается, есть некая целостность, притом конкретная целостность, представляющая собой единство многообразных элементов. Это означает, следовательно, что процесс познания как специфический объект также объективно представляет собой *систему* подобно капиталистическому производству или периодической таблице химических элементов. Эта система, далее, есть также целое, состоящее из отдельных составляющих ее сторон и процессов, и взаимоотношение между

целым и его частями таково же в принципе, как и в других системах. Стало быть, и путь, который необходимо проделать, чтобы создать систему логических понятий, можно подобно пути, проделанному Марксом в «Капитале», выразить посредством той же схемы: *общее* или *целое* как предпосылка — *отдельное,* т. е. отдельные логические категории — *целое* как развитая система категорий, которая, разумеется, всегда оставляет свои двери открытыми для новых категорий и понятий, возникающих в результате развития познания на основе практики.

Поэтому очень важно рассмотреть «Капитал» под этим углом зрения, проанализировать последовательность и логику движения мысли в плане соотношения и развития *логических* категорий.

3

Для системы экономических категорий в «Капитале» объектом исследования было буржуазное общество как целое, которое в качестве предпосылки постоянно «витало» при анализе его отдельных категорий в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Притом это целое рассматривалось в единстве его исторического и логического разрезов, что и обусловливало в данном плане последовательность развертывания системы категорий. Каково же то «целое», которое выступает как предпосылка для развития системы логических категорий и определяет место и роль категорий качества, количества, явления, сущности и других в ходе анализа, идеального отражения действительности?

Нет никакого сомнения в том, что объективный мир и законы его развития составляют и в данном случае фундамент для логических — как и экономических и иных — категорий. Развитие самой действительности идет от простого к сложному, и логика развития мысли, последовательность и соподчинение самых общих философских понятий не может не быть отражением и воспроизведением в общем и целом этого развития. Далее, само выделение категорий, связь категорий друг с другом, противоречивые отношения между ними, их переходы друг в друга и т. д. обусловлены прежде всего многообразием сторон и процессов объективного мира, связями реальных явле-

ний, их собственными противоречиями и переходами друг в друга, их отношениями. Как бы ни была важна относительно самостоятельная и внутренняя логика движения мысли, она в конечном счете всегда находится не в разладе, а в соответствии с реальными процессами действительности.

Однако, принимая это во внимание, нетрудно убедиться, что требуются некоторые дополнительные факторы, без учета которых невозможно правильно решить рассматриваемый нами вопрос. В самом деле, если буржуазное общество, его внутренняя организация служит основой для членения *экономических* категорий, то можно ли нечто подобное сказать о членении *логических* категорий, о последовательности переходов категорий качества, количества, сущности, явления и пр.? Мы выяснили причины, на основании которых Маркс начинает систему экономических категорий с товара и стоимости, затем переходит к категориям денег, капитала и т. д. Это движение экономических категорий имеет свой *логический* эквивалент в виде движения соответствующих логических категорий — качества, количества, явления, сущности и др. Маркс, исследуя товар, начинает почему-то с его качественной определенности (потребительной стоимости), а не с его количественной определенности (меновой стоимости). Членение капиталистического способа производства он производит так, что сначала в первом томе выясняет процесс производства, а затем переходит к анализу процесса обращения (второй том) и только в третьем томе дает их синтез, т. е., осуществляя это движение мысли в логическом плане, он опять-таки руководствуется определенной закономерностью *развития познания,* идет от непосредственного бытия вещей (товар, товарный обмен) к их сущности, от сущности к ее выражению в явлениях, затем дает синтез сущности и явления.

Конечно, в исследуемом Марксом объекте заключены указания для выделения и применения всех этих и иных логических категорий, для различения существенного и несущественного, качества и количества, для их взаимопереходов и т. п. Но сам по себе этот объект не содержит всех оснований, которые бы указывали, почему анализ товара начинается с качества, а не с количества, почему движение понятий начинается с видимости вещей, переходя затем к сущности. Одним словом, сам объект не дает

рекомендаций для определения места каждой категории и последовательности их развертывания в систему. Общий принцип, согласно которому объективный мир и закономерности его развития составляют основу и фундамент логики, а следовательно, и системы логических категорий, должен быть, очевидно, для этой цели дополнен каким-то другим важным принципом.

Последний был установлен и указан диалектической логикой. Это тот же принцип единства исторического и логического, но в несколько ином аспекте — принцип воспроизведения в логике движения и развития понятий и категорий *исторического хода мысли, исторической логики развития познания.*

Не случайно Ленин, работая над «Логикой» и другими трудами Гегеля, который впервые дал *философскую* (мы подчеркиваем это слово потому, что указанная идея высказывалась неоднократно многими представителями различных наук) разработку этого вопроса, постоянно напоминает в своих записях о «Капитале», в нем он видит воплощение единства логики и истории мысли. В этом произведении, которое Ленин выставлял как образец диалектической логики, он подчеркивает понимание и применение логики в качестве *обобщенной истории мысли.*

Гегель высказал и положил в основу своей логики, а также истории философии глубокую мысль о том, что только в истории развития мышления находит и реализует себя объективно необходимая закономерность познания, которая воспроизводится уже не в исторической, а в логической форме в отдельном процессе познания. Во введении к своей «Истории философии» он писал по этому поводу: «История, развертывающаяся перед нами, есть история нахождения мыслью самой себя, а с мыслью дело обстоит так, что, только порождая себя, она себя находит: дело даже обстоит так, что лишь тогда, когда она себя находит, она существует и действительна. Системы философии суть эти акты порождения, и ряд этих открытий, в которых мысль ставит себе целью открыть самое себя, представляет собою работу двух с половиной тысячелетий» [1].

Это была великая идея, позволившая не только подойти к многовековой истории философии (и мышления во-

[1] *Гегель.* Соч., т. IX. Соцэкгиз, 1932, стр. 12.

обще) как конкретной целостности со своей внутренне необходимой логикой развития, но и определить единственно правильный подход к вопросу о том, какой может и должна быть логика современного процесса познания, ибо последняя есть вывод, резюме, итог, обобщение исторического развития познания. *История мышления по этой идее и составляет то целое,* из которого нужно исходить, для того чтобы понять место и роль каждого отдельного элемента, части в логической системе категорий. Подобно тому, говорил Гегель, как невозможно обозреть ландшафт в целом, если сосредоточиться на отдельных его частностях, так невозможно без понимания целого, общего понять связь, переходы логических категорий в системе познания. Ибо «отдельные части обладают на самом деле своей главной ценностью лишь через их отношение к целому». «Иметь перед своими глазами это всеобщее означает поэтому понять смысл» [1].

«Целое», «всеобщее», по Гегелю, это, разумеется, идея, дух, но все дело в том, что это целое и всеобщее возникает в историческом развитии мышления, вследствие чего его ступеньками оказываются философские системы прошлого, а эти последние сами выступают в качестве различных моментов определения *логического* развития познания. Порядок, ритм развития мышления в форме истории и в форме логики «в общем и целом одинаков». Поэтому логический процесс познания, который может быть лишь *развивающимся* процессом, — и в этом состоит главный вывод из рассматриваемой идеи — «есть, таким образом, органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов» [2].

Итак, то общее и целое, из которого нужно исходить, создавая систему логических категорий, определяя порядок, последовательность их положения и переходов, есть история мышления, история науки, техники, история умственного развития человека. «Исправляя» это историческое, освобождая его от исторической формы, мы обнаруживаем «логическое», ступеньки развития этого логического (категории). Итогом и завершением этой работы явится логическая система категорий как система современного познания. Легко понять, почему Ленин с такой

---

[1] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 13.
[2] Там же, стр. 32.

настойчивостью требовал от марксистов теоретической обработки всей истории мышления, видя в этом продолжение дела Гегеля и Маркса.

Если развитие, развертывание логических категорий в целостной системе есть обобщенное историческое развитие мышления, то закономерностью движения и переходов категорий в самой системе является восхождение от абстрактного к конкретному. Гегель был прав, утверждая, что, хотя первоначальные философские системы были проникнуты сильным элементом чувственности, чувственного созерцания, что, казалось бы, делало их более конкретными по сравнению с позднейшими системами, в действительности они абстрактнее последних. Чем выше ступень познания, тем она конкретнее, так как содержит в себе новые определения, более глубокие и существенные, дает более высокий синтез знаний. Поэтому и движение логических категорий воспроизводит в общей и абстрактной форме это историческое развитие от наименее конкретного и бедного определениями к наиболее конкретному. В отличие от Гегеля для марксизма категории являются не ступеньками отвлеченного развития идеи, а продуктом исторического развития практики и обобщающего его мышления. Развитие общественной практики человечества представляет собой ту силу, которая в конечном счете делает как знания, так и категории мышления все более конкретными.

Нам необходимо было все это изложить для того, чтобы понять огромный интерес, который Маркс, работая над «Капиталом» (и экономическими произведениями, подготовлявшими его), проявил к *истории* политической экономии. Этот интерес был обусловлен не только необходимостью изучить то, что было до него сделано, но и осмыслить развитие *метода* политической экономии, логики развития познания буржуазного способа производства. Собственная работа Маркса в этой области была прямым продолжением и развитием предшествующих ступеней познания.

Как известно, весь четвертый том «Капитала» («Теории прибавочной стоимости») посвящен этим вопросам. Его содержание в значительной степени посвящено выяснению *логики исторического развития познания* капиталистического производства. В письме к Энгельсу Маркс назвал этот том «повторением в исторической форме» первых трех томов, в которых дано теоретическое реше-

ние вопросов [1]. В каком смысле это «повторение в исторической форме» теоретического анализа, будет видно дальше. О том, что для Маркса такого рода параллели между логическим исследованием и историческим развитием мышления были не случайностью, а необходимостью, свидетельствует и то, что в своем произведении «К критике политической экономии» после теоретического, логического анализа товара он посвящает целый раздел истории анализа товара. Здесь раскрывается историческая логика развития *познания* товара. Весьма характерны слова Маркса, которыми начинается этот раздел. Он пишет, что сведéние товара к труду в его двойственной форме, т. е. то, что удалось сделать лишь ему самому, «есть конечный критический результат более чем полуторавековых исследований классической политической экономии...» [2]. Затем Маркс прослеживает эту историю с точки зрения методов подхода к решению этого вопроса, историю, дальнейшим высшим звеном и завершением которой были его собственная работа и метод исследования.

Особенно подробному рассмотрению история экономических теорий подвергнута в «Теориях прибавочной стоимости». Анализируя различные исторические ступени развития познания капиталистического способа производства, Маркс устанавливает *определенную закономерность* этого развития. Эта закономерность состоит в движении познания от фиксирования внешних явлений и связей, как они улавливаются на поверхности действительности, к постижению сущности явлений, притом и последняя схватывается не сразу, а вначале на менее глубоком уровне, позже — на более глубоком. Ленин выразил эту закономерность словами о том, что познание «в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* [и истории]» [3].

Соответственно этому процессу движения мысли от внешнего к внутреннему в истории политической экономии на место вещественных факторов как источника

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 111.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 38—39.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 298.

капиталистического богатства в центр исследования ставятся труд, производство, а развитие производительных сил рассматривается в качестве главной цели.

«По мере того, — пишет Маркс, — как политическая экономия все более и более развивалась, — а это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, получило наиболее заостренное выражение у Рикардо, — она все определеннее и определеннее изображала труд как единственный элемент стоимости и единственный [активный] созидатель потребительной стоимости, развитие производительных сил — как единственное средство для действительного увеличения богатства, а возможно большее развитие производительных сил труда — как экономический базис общества» [1].

Так, Маркс отмечал, что меркантилисты, стремившиеся дать первую теоретическую разработку капиталистического способа производства, не шли дальше внешних видимых связей, лежащих на поверхности общества. Единственным источником богатства они считали внешнюю торговлю. Прибыль они рассматривали как простую надбавку над покупной ценой товара. Они не видели связи торговли с производством. Им была доступна лишь простая внешняя связь, которую один из меркантилистов выразил в формуле о том, что деньги создают торговлю, а торговля умножает деньги. Взгляды меркантилистов соответствовали тому периоду в развитии капитализма, когда главную роль играл еще торговый капитал.

Оценивая теории этих первых буржуазных экономистов, Маркс писал: «Первое теоретическое освещение современного способа производства — меркантилистская система — *по необходимости* исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно схватывало только внешнюю видимость явлений» [2].

Значительно выше ставил Маркс взгляды таких экономистов, как В. Петти; физиократы, которые преодолели ограниченные представления меркантилистов об источнике богатства и обратили свои взоры на труд, перенесли центр тяжести своих исследований из сферы обращения в сферу производства.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 267.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 370 (курсив мой. — *М. Р.*).

Хотя Петти и не сумел до конца отделаться от взглядов меркантилистов, не понимал природы труда, являющегося источником всякого богатства (он полагал, что только труд, добывающий золото и серебро, производит меновую стоимость, при этом наряду с трудом равноценным элементом, создающим стоимость, он считал и природу), Маркс датирует начало классической экономии именно с него. Для Маркса важно то, что Петти пытается найти *внутренние* связи явлений, связать происхождение богатства капиталистического общества с трудом. У Петти он находит намеки на понятие прибавочной стоимости.

Еще дальше по пути обнаружения сущности пошли физиократы (Кенэ, Тюрго и др.). Перенося все свое внимание на процесс производства и воспроизводства общественного богатства, они со всей категоричностью отрицали тот тезис меркантилистов, будто торговля сама по себе создает богатство. «Деньги, — писал Кенэ, — не порождают денег. Правда, хорошо помещенный экю может породить два экю; но это благодаря лишь тому, что умножилось производство, а не деньги; последние, стало быть, не должны пребывать в бесплодных руках» [1].

В такой постановке вопроса физиократами Маркс и видит углубление научного познания, тенденцию вскрыть существенные внутренние связи явлений. Физиократы, отмечает он, перенесли исследование происхождения прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства. Маркс видит их заслугу в том, что они рассматривают законы производства как естественные, объективные и не зависящие от воли, политики. Маркс дал восторженный отзыв о знаменитой «Экономической таблице» Кенэ, в которой впервые была сделана попытка изобразить весь процесс воспроизводства общественного капитала в целом.

Одновременно Маркс показывает, насколько еще далеки были физиократы от познания внутренних зависимостей буржуазных отношений производства. Дойдя до понимания того, что тайну этих отношений следует искать не в сфере обращения, а в сфере производства, физиократы отождествляли труд вообще с одним лишь земледельческим трудом, считая всякий иной труд, в том числе

---

[1] *Ф. Кенэ.* Выбранные места. М., 1896, стр. 98.

и труд в промышленности, «бесплодным», неспособным создавать стоимость и прибавочную стоимость. При этом, с их точки зрения, производителем стоимости, а также и прибавочной стоимости (которую, разумеется, они, как и все домарксовские экономисты, в ясной научной форме не представляли, а лишь ощупью подходили к ее пониманию) является не столько труд, сколько земля, скот и т. д. Чистый доход, т. е. по существу прибавочная стоимость, есть для физиократов дар природы. Как неглубоко понимал Кенэ внутреннюю связь между трудом людей и прибавочной стоимостью, свидетельствуют, например, следующие его слова: «Благодаря скорее скоту, — пишет он, — получается чистый продукт, доставляющий доходы и налог, чем труду людей, который вряд ли окупил бы расходы на их существование» [1].

Поэтому общий итог, к которому приходит Маркс в результате анализа степени и глубины проникновения физиократов во внутренние связи и законы буржуазного способа производства, таков: «По мнению физиократов, прибавочная стоимость обязана своим происхождением производительности особого вида труда, земледелия. А эта особая производительность обязана своим существованием в общем и целом самой природе» [2].

Исторически этот метод базировался на таком уровне абстракции, который уже вычленил понятие труда как самый существенный элемент в системе общественного производства.

Высшим достижением буржуазной политической экономии с точки зрения наибольшей глубины представлений о внутренних связях буржуазного производства и обращения Маркс считал взгляды Смита и Рикардо. Их заслугу он видел прежде всего в том, что единственным источником стоимости они считали труд — не труд в том или ином его конкретном виде, а труд независимо от того, в какой области он применяется. Так, например, Маркс пишет о Смите: «Мы видим, какой большой шаг вперед сделал А. Смит по сравнению с физиократами в анализе прибавочной стоимости, а следовательно и капитала. У физиократов прибавочная стоимость создается только одним определенным видом реального труда — земледельческим

---

[1] *Ф. Кенэ.* Выбранные места, стр. 102.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 39.

трудом. Они рассматривают, таким образом, потребительную стоимость труда, а не рабочее время, не всеобщий общественный труд, этот единственный источник стоимости... Напротив, у А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом,— в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен, — создается исключительно только количеством необходимого труда» [1].

Но вместе с тем Маркс подвергает метод Смита критике. Он вскрывает двойственность его метода подхода к капиталистическому способу производства. С одной стороны, Смит стремится установить внутренние зависимости буржуазных отношений, проникнуть, как выражается Маркс, во внутреннюю физиологию буржуазного общества. Именно это помогает ему сформулировать важное положение о том, что стоимость есть воплощение труда, затрачиваемого на производство товара. Такое определение стоимости позволяет ему подойти к мысли о том, что источником прибыли капиталиста является прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, т. е. вскрыть действительно внутренние связи капиталистического производства.

Но, с другой стороны, Смит в противоречии со своим же стремлением проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества часто берет внешние отношения и связи и выдает их за главные. Объявляя труд единственным источником стоимости, он одновременно утверждает, что стоимость создается не трудом, а заработной платой, рентой и прибылью. Заработная плата, прибыль и рента, говорит он, являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости.

Таким образом, все становится на голову и от внутренних связей не остается и следа. С одной стороны, у Смита неоплаченный труд работника создает нетрудовые доходы. С другой стороны, смешивая прибавочную стоимость с прибылью, он утверждает, что прибыль зависит от величины употребленного в дело капитала, иначе-де капиталист не был бы заинтересован в увеличении авансируемого капитала. «Здесь, — говорит Маркс, — прибыль объясняется уже не природой прибавочной стоимости, а «интересом» капиталиста. А это пóшло и нелепо» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 59—60.
[2] Там же, стр. 66.

Далее, несмотря на то что Смит считает источником стоимости всякий труд независимо от того, в каких потребительных стоимостях он овеществляется, он все же выделяет земледельческий труд как самый эффективный и сбивается на точку зрения физиократов. Маркс указывает, что во многих вопросах Смит является просто физиократом. Преимущество приложения капитала в земледелии он видит в том, что там природа и скот также создают стоимость.

Маркс всячески подчеркивает эту двойственность метода Смита, показывая, что, с одной стороны, он «прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы», а с другой стороны, он ставит рядом с этой внутренней связью «связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции». Эту, казалось бы, непонятную противоречивость метода Смита Маркс характеризует следующими словами: «Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат» [1].

Маркс, однако, не просто констатирует эту противоречивость, не только не усматривает в ней ничего непонятного, но и очень метко вскрывает ее исторические корни, объясняет ее *историческую необходимость*. Его объяснение затрагивает один из важных вопросов о закономерностях, логике исторического развития мысли. Эта объективно необходимая логика состоит в том, что, проникая в сущность, во внутреннюю связь явлений, мысль не способна сразу схватить и понять взаимодействие внутреннего и внешнего, зависимость второго от первого. Поэтому на определенной ступени исторического развития познающая мысль способна лишь поставить указанные два ряда связей один подле другого, но не в порядке *соподчинения*. Далее, описание предшествует объяснению, поэтому Смит,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 177.

просто описывая явления и вырабатывая для них определенные понятия, каталогизируя внешние явления, делал необходимую работу, без которой невозможны были последующие, более высокие ступени развития способов исследования. Это была ступень *рассудочного* познания, когда на первом плане стояли деление, отграничение одних понятий от других, классификация, а не их внутренняя связь и переходы.

Отмечая характерную особенность смитовского метода, Маркс пишет: «У Смита это имеет свое оправдание... так как его задача была в действительности двоякой. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился отчасти впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. отчасти — впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же, — выступающий как столь же правомерный и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, — выражает *внешне проявляющуюся* связь» [1].

Естественно, что дальнейший шаг в развитии метода политической экономии должен был состоять в преодолении этой противоречивости способа понимания Смита, этой рядоположности двух различных подходов к явлениям. И этот новый шаг действительно сделал Рикардо. «В этом именно, — пишет Маркс, — и состоит великое историческое значение Рикардо для науки...» [2] Противопоставляя в этом отношении Рикардо Смиту, Маркс видит огромное преимущество первого в том, что для него основа и исходный пункт понимания внутренней связи буржуазного общества — это определение стоимости рабочим временем. Из этого, указывает Маркс, исходит Рикардо,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 177—178.
[2] Там же, стр. 178.

«и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, — отношения производства и обмена, — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще, насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления — соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением» [1].

У Рикардо нет уже, как у Смита, двух самостоятельных, рядоположных систем связей, рассматриваемых вне взаимной зависимости. Рикардо стремится подчинить систему внешних связей внутренним, решающим связям, доказать, что первые суть лишь проявления вторых и не могут быть поняты без них. Благодаря этому у него, как и у некоторых его последователей, многообразные формы, в которых выступает буржуазное богатство, утрачивают свою кажущуюся самостоятельность и сводятся к основному факту — к тому, что, например, процент, рента «растворяются в прибыли», а последняя так или иначе «сводится к *прибавочной стоимости*» [2].

Найдя основу внутренних связей в стоимости, Рикардо стремится все явления буржуазного производства и обращения согласовать с законом стоимости. Он отбросил путаницу Смита в вопросе о заработной плате, прибыли и ренте как составных частях и источниках стоимости. Он считает их следствием, а не причиной или источником стоимости. Рикардо покончил также с остатками воззрений физиократов в учении Смита, доказав, что ренту создает не природа, а один лишь труд.

Но и Рикардо, как показывает Маркс, не только не сумел со всей необходимой глубиной раскрыть внутренние связи и взаимозависимости буржуазного способа производства, но даже и те категории и законы, которые ему удалось установить, он не сумел сколько-нибудь последовательно применить к анализу многосложных явлений

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 178.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 446.

буржуазного производства и обращения. Его стремление свести все явления к основе, к исходному пункту — стоимости из-за недостатков и пороков его метода приводило к смешению, отождествлению внутренних и внешних связей. Так, например, видя факт несовпадения цен производства со стоимостью, Рикардо делал из этого вывод в духе Смита, что стоимость определяется не только трудом, но и заработной платой. Он останавливается в недоумении перед тем фактом, что товары, которые должны в течение известного периода вылеживаться (вино, сигары и т. п.), продаются по ценам, не соответствующим затраченному на их производство труду. На основании подобных фактов он склонен был приходить к заключению, что закон стоимости не имеет всеобщего значения, что его действие ограничивается такими факторами, как величина авансируемого капитала, период обращения капитала и т. п.

И не случайно пороки метода Рикардо и те выводы, которые вытекали из них, использовали впоследствии вульгарные экономисты. Если многие факты необъяснимы с точки зрения закона стоимости, говорили они, то и закон неверен, следовательно, стоимость есть или выдуманный миф, или она создается в процессе обмена, а не производства, определяется не трудом, а взаимными «услугами» или чем-нибудь в этом роде.

Следовательно, достоинства метода Рикардо тесно связаны с недостатками. Подчиняя внешние связи внутренним, он делает это прямолинейно, формальнологически, не видит их существенного различия, вследствие чего в ряде случаев внутренние связи у него не способны выдержать испытание при сопоставлении с внешними жизненными формами проявления.

Но и в данном случае Маркс видит историческую необходимость такого способа понимания, который также выступает в качестве закономерной ступеньки развития метода. Это, конечно, нисколько не снимает серьезных недостатков рикардовского метода. «Если, таким образом, — пишет Маркс, — с одной стороны, налицо научная правомерность и великая историческая ценность рикардовского способа исследования, то, с другой стороны, ясна и его научная недостаточность...» [1]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 179.

Итак, начиная с первых школ буржуазной политической экономии, развитие познания, как показывает Маркс, шло от регистрации и каталогизации внешних, поверхностных связей (меркантилисты) к познанию внутренних, закономерных связей и отношений (Петти, физиократы, Смит, Рикардо).

Но и познание внутренних существенных связей имеет свою исторически необходимую логику — движение от низшего уровня познания сущности к высшему уровню, от простого разграничения сущности и внешних связей к рассмотрению последних в качестве форм проявления первой.

Смит и Рикардо знаменуют собой кульминационный пункт в этом развитии буржуазной политической экономии. Но насколько даже эти наиболее передовые представители буржуазной экономической теории были еще далеки от познания самых глубоких связей и законов капиталистического способа производства, показывает тот факт, что они не могли найти главного ключа ко всем вопросам этого способа производства, т. е. не могли создать теории прибавочной стоимости. Не владея же этим ключом, они не способны были открыть самые существенные связи и зависимости буржуазного производства и обмена.

Маркс со всей научной добросовестностью анализирует те элементы, зародыши, подходы к теории прибавочной стоимости, которые имелись уже у буржуазных экономистов.

Но как ни оценивать эти зародыши учения о прибавочной стоимости у домарксовских экономистов, несомненно одно: категория прибавочной стоимости не стала у них краеугольным камнем политической экономии, как у Маркса, а без этого невозможно было познать «внутреннюю физиологию» буржуазного общества. Рикардо не сумел преодолеть противоречия между тем фактом, что стоимость определяется рабочим временем, что, следовательно, живой труд создает прибавочную стоимость, и тем, что рабочий, согласно закону стоимости, также должен получать «стоимость» своего труда. Именно на этом вопросе потерпела крушение школа Рикардо.

Энгельс очень удачно иллюстрирует действительное соотношение между зародышами учения о прибавочной стоимости у буржуазных экономистов и теорией прибавочной стоимости Маркса. Тут было примерно такое же

соотношение, как между достижениями тех химиков, которые обнаружили кислород, но не поняли его значения и продолжали оставаться на позициях донаучной флогистонной теории, и взглядами тех ученых, которые сумели понять его значение и сделать выводы из этого открытия. Поэтому, говорит Энгельс, действительно открыли кислород не первые, не те, кто смутно догадывались о нем, а те, кто сумели понять его значение. Применяя эту аналогию к учению о прибавочной стоимости в политической экономии, Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала» писал про Маркса: «Он видел, что здесь перед ним был не дефлогистированный воздух и не огневой воздух, а кислород, что здесь речь шла не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства,— давал тому, кто сумел бы им воспользоваться» [1].

Экономическое учение Смита и Рикардо было тем достижением, тем, так сказать, «потолком», до которого поднялась буржуазная политическая экономия в познании внутренних закономерных связей капиталистического способа производства. Если этот «потолок» был недостаточен, то это объясняется как неразвитостью буржуазных отношений их времени, так и буржуазной ограниченностью взглядов этих экономистов. А после них начинается эра вульгарной буржуазной экономии, для представителей которой дело шло уже об откровенной защите капиталистического строя.

Из всех экономистов последующего периода Маркс выделяет «великого русского ученого и критика» Н. Г. Чернышевского, который, по словам Маркса, мастерски выяснил банкротство буржуазной политической экономии и дал оригинальные экономические исследования. Чернышевский сумел это сделать потому, что он стоял на позициях угнетенного класса и стремился создать новую политическую экономию — политическую экономию трудящихся.

Чернышевский всей душой презирал вульгарных экономистов за их сознательное выпячивание внешних,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 20.

поверхностных связей и затушевывание существенных отношений. Об их методе он остроумно писал: «Что же сказать нам в заключение? Да разве необходимо делать заключение? Ведь, по словам Сэ, наука не делает никаких заключений, даже не дает никаких советов, а только описывает факты, вероятно, вроде того, как делали наши почтенные летописцы, то есть без всякого смысла: «сразишася Суздальци и Ноугородци и побегоша, богу тако изволившу», кто побежал, суздальцы или новгородцы? извольте отгадывать, а за кем было сражение, об этом уж и не спрашивайте; «богу тако изволившу», — значит, толковать нечего» [1].

Чернышевский прекрасно понимал классовую подоплеку того страха, какой испытывали вульгарные экономисты перед раскрытием законов капитализма. Говоря о французских вульгарных экономистах, он отмечал, что нынешний экономист не может ни одной буквы написать, не думая без страха о коммунизме.

Сам Чернышевский стремился раскрыть внутренние, существенные связи, законы капитализма. Он использует лучшие стороны классической политической экономии, но идет дальше нее в понимании классовых отношений буржуазного общества. Он видел преходящий характер этих отношений, указал на некоторые объективные законы, ведущие к гибели капитализма и торжеству социализма. Но в силу ограниченности исторических условий своего времени и мировоззрения он не сумел, несмотря на гениальность своего ума, исследовать и понять внутренние связи капитализма во всей их глубине и научно осмыслить законы капиталистического способа производства.

* *
*

Итак, развитие метода политической экономии, согласно Марксу, имеет определенную внутреннюю логику. Однако Маркс не рассматривает этот процесс как обусловленный одной этой логикой, т. е. вне связи с тем влиянием, которое оказывают на него социальные условия, степень развития общественной практики, уровень, достигнутый развитием общества, и т. д. Эта сторона, клас-

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. IX. Госполитиздат. 1949, стр. 402.

совые интересы, выражаемые теми или иными экономистами в прямой или косвенной форме, по Марксу, вплетаются в логику развития способов, методов познания.

Если меркантилисты, например, не шли дальше эмпирического обобщения внешних связей, то это объясняется не только внутренней логикой развития метода, но и узкой, ограниченной базой исторической практики, т. е. практики купеческого капитала, обусловливавшей их вывод о том, что прибыль есть просто надбавка над издержками производства товаров. Более развитая историческая практика буржуазного общества во времена Смита и Рикардо позволяла идти дальше в познании внутренней «физиологии» капиталистического способа производства. Кроме того, классовые интересы буржуазии того времени совпадали с объективными интересами развития производства, и эти экономисты ставили во главу угла эти интересы. Отсюда тот пафос научного беспристрастия в их исследовании, который Маркс неизменно подчеркивает, когда он говорит об их методе. Но отсюда он выводил и неизбежную историческую ограниченность способа познания, свойственного им.

Большой интерес с этой точки зрения представляет сопоставление Марксом метода Рикардо и метода Мальтуса. Как идеолог буржуазии того времени Рикардо стремится к развитию производства, развитию производительных сил, развитию во что бы то ни стало. Он хочет, пишет Маркс, производства ради производства, «и он прав», ибо таково было тогда веление времени, такова была объективная необходимость. Маркс называет сентиментальной критику Рикардо тогдашними представителями угнетенного сословия, указывавшими на то, что это развитие производства достигается ценой больших человеческих жертв. Маркс дает замечательный образец исторического подхода к вопросу о связи логики развития мысли с социальными условиями, в которых действует мыслитель. Производство ради производства, указывает Маркс, способствует развитию производительных сил человечества и тем самым стимулирует и развитие человека.

Поэтому, хотя позиция Рикардо прямолинейна и цинична — цинична по той причине, что ему совершенно безразлична участь и судьба пролетариата, лишь бы развивалось производство, — для нее характерна научная честность и беспристрастность. Все его устремления

направлены на то, чтобы теоретически обосновать развитие производительных сил. И в этом смысле он не оглядывается даже на узкокорыстные цели буржуазии, если они стоят на дороге этого развития. «Если точка зрения Рикардо и соответствует в целом интересам *промышленной буржуазии,* то это лишь *потому,* что ее интересы совпадают — и лишь *в той мере, в какой* они совпадают,— с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же *беспощадно* выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии» [1].

Совсем другое дело Мальтус. Этот представитель аристократии сознательно и лакейски фальсифицирует науку ради выгоды своего класса, который тормозит дальнейшее развитие производства и одинаково выступает как против буржуазии, так и против пролетариата. «В этом, — пишет Маркс, — его низость *в отношении науки,* его грех против науки... Выводы Мальтуса по научным вопросам сфабрикованы *«с оглядкой»* на господствующие классы вообще и на реакционные элементы этих господствующих классов в особенности; а это значит: Мальтус *фальсифицирует* науку в угоду интересам этих классов» [2].

Маркс не переоценивает беспристрастность Рикардо и неоднократно показывает классовую точку зрения английского экономиста, его неспособность в этом смысле подняться выше буржуазных воззрений. Совершенно ясно, что метод Рикардо, как и метод других экономистов, невозможно понять, если их рассматривать в качестве некоего автономного явления человеческой мысли, не связанного с социальными условиями.

Это подтверждается дальнейшей судьбой буржуазной политической экономии. Маркс отмечал, что, как только буржуазия прочно утвердила свои позиции, пробил смертный час научной буржуазной политической экономии. Началась нисходящая линия ее развития, в том числе и ее способов исследования. Буржуазная экономическая наука проделала определенный цикл развития. Начав со способов исследования, фиксировавших поверхностные явления, и эволюционируя затем к методам, раскрывающим

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 124.
[2] Там же, стр. 125.

хотя и не самые глубокие, но все же внутренние связи вещей, она впоследствии снова возвращается как бы к исходному моменту — к регистрации внешних отношений, затемняющих сущность капиталистического способа производства. Это — возврат не только не на высшей основе, а, напротив, регресс, который уже не имеет оправдания в виде узкой практической базы, какую имели первые представители буржуазной политической экономии. Если считать признание труда в качестве единственного источника стоимости товара, а следовательно, и источника прибавочной стоимости, критерием научности метода познания, то этого критерия, конечно, не выдерживает ни старая вульгарная политическая экономия, ни современная экономическая наука буржуазии, погрязшая в позитивистских способах мышления. Для характеристики методов современной буржуазной политической экономии уместно привести следующие слова упоминавшегося уже выше историка экономической мысли Э. Жамса: «Современный экономист не считает более свою теорию единственно правильной, он видит в ней лишь один из методов анализа, ценность которого заключается не в степени соответствия реальным фактам, а в степени связности и удобства пользования им» [1].

4

Изображенное Марксом историческое развитие способов экономического исследования, достигнув высшей точки в лице Рикардо, остановилось на том, что познающая мысль стремилась подчинить внешние явления внутренним связям, понять их как формы выражения этих последних. Это было наивысшее достижение, которое можно было завоевать, оставаясь на почве недиалектических методов познания. Не говоря уже о том, что предшественники Маркса не могли понять прибавочную стоимость как самую глубокую сущность буржуазных производственных отношений, дальнейшее развитие способа исследования упиралось в необходимость осознания истинного взаимоотношения между внутренним и внешним, между абстрактным и конкретным, законами и их проявлениями.

[1] *Э. Жамс.* История экономической мысли XX в., стр. 287.

В противном случае сами законы находились под угрозой «разжалования», отрицания. Это и сделали вульгарные экономисты, используя слабости метода Рикардо. Объективная логика дальнейшего развития метода познания капиталистического способа производства (если взять только эту линию развития, специально рассмотренную Марксом) требовала сделать новый шаг — не просто подчинить внешнее внутреннему, а вывести одно из другого, развить из внутренних законов их формы проявления. А этот «шаг» требовал целой революции в способе мышления, его невозможно было совершить, оставаясь на почве старого метода.

Только Маркс совершил этот новый шаг, требовавшийся самой логикой исторического развития метода познания. Разумеется, этот новый шаг, означавший целую революцию как в развитии философского метода познания, так и в развитии политической экономии, имел опять-таки свои социальные, классовые корни. Если Маркс сумел преодолеть ограниченность своих предшественников, то это объясняется тем, что он был представителем класса пролетариата, не ставящего никаких преград научно беспристрастному взгляду на действительность.

Историческая логика развития способов мышления, однако, такова, что высшая ступень не отбрасывает тот путь, который она увенчивает, а сохраняет, конденсирует его в себе. Гегель был прав, говоря, что высшая ступень развития философии наиболее богата, конкретна и глубока, вследствие чего в ней «должно сохраняться и содержаться все то, что на первый взгляд кажется отошедшим в прошлое; *сама она должна быть зеркалом всей истории*» [1].

Последние слова, подчеркнутые нами, очень важны для понимания взаимоотношения между исторической логикой развития познания и логикой процесса познания, выработанной в результате всего этого развития. Исторический путь познания не есть путь случайных заблуждений, а представляет собой, если его освободить от неизбежных исторических перипетий, всяческих отклонений и зигзагов, объективно необходимую линию развития с закономерными ступенями, этапами, закономерными переходами от одних ступеней и этапов к другим. Поэтому высшая ступень всего развития должна быть не только

[1] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 44 (курсив мой. — *М. Р.*).

его итогом, но и зеркалом, т. е. сжатым, сокращенным воспроизведением истории.

Если мы теперь вернемся к вопросу о структуре системы логических категорий, как она воплотилась в «Капитале», и сопоставим ее с исследованным Марксом же историческим развитием политической экономии, то увидим *совпадение основной и главной линии:* и здесь, и там движение категорий совершается от непосредственного, от бытия к опосредствованному, к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго, более глубокого порядка и, наконец, к воспроизведению бытия и сущности в их единстве как конкретной целостности.

Как и в историческом процессе познания, Маркс начинает свою систему категорий с внешнего, непосредственно данного — обмена товаров. От категорий непосредственного бытия он переходит к категориям сущности — исследует стоимость, труд, создающий стоимость, от этой сущности он затем делает переход к более глубокой сущности — прибавочной стоимости и т. д. [1]

Мы ограничимся параллелью между историческим и логическим лишь в этом вопросе, хотя сказанное можно было бы рассмотреть также и на ряде других вопросов — о движении познания от качества к количеству, от тождества к различиям и противоречиям, от единичного к общему и т. п.

Сейчас следует со всей силой подчеркнуть, что когда мы говорим о логике и системе логических категорий как обобщенной истории познания, то это нельзя пони-

[1] Следует согласиться с мнением, высказанным Е. П. Ситковским в его брошюре «Принципы научной систематики категорий диалектической логики» (М., 1964), что движение мысли от бытия к сущности имеет свои известные основания и в развитии самой действительности. Вещь есть сначала «бытие» в том смысле, что она не может сразу развернуть все богатство своей сущности (как, например, товар), и лишь в процессе развития раскрываются в полной мере ее сущность и сущностные свойства. Если сущность товара в противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью, то эта сущность становится действительностью, по выражению Энгельса, во «вполне развитой форме» товара, а «не в том состоянии, когда он еще с трудом развивается в первобытной меновой торговле между двумя первобытными общинами...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 498). В этом же плане Энгельс говорит о клетке организма, которая проходит в своем развитии в точности гегелевский процесс, пока из нее наконец не развивается «идея», данный завершенный организм» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 276).

мать как полное и абсолютное совпадение логического и исторического. Здесь существует аналогия с тем, что было установлено при анализе взаимоотношения логического и исторического развития самой объективной действительности. И дело не только в том, что реальный исторический процесс познания, как и реальный исторический процесс развития действительности, не так прост и прямолинеен, как он выглядит после его логической обработки, что, по выражению Маркса, в отличие от других архитекторов наука часто возводит отдельные этажи своего здания, прежде чем заложить его фундамент (он приводит в пример физиократов, которые, не выяснив, какой труд создает стоимость, пытались решить более сложный вопрос — какой труд есть источник прибавочной стоимости). И в данном случае необходимо в основу рассматриваемого вопроса положить указание Маркса о том, что высшее дает ключ к пониманию низшего. А это в применении к логическому процессу познания означает, что обобщение истории мышления должно осуществляться через *призму достигнутого на высшей ступени.* Следовательно, не только история познания дает руководящую нить для понимания и научного построения системы логических категорий, но высшая, т. е. современная, ступень содержит в себе указания, как должна быть теоретически осмыслена и обработана история познания.

Не удивительно поэтому, что, изучая структуру «Капитала», мы сталкиваемся со многими «исправлениями» логики исторического хода познания. Приведем один пример. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» пишет: «Исторически совершенно правильно, что исследование стоимости на первых порах опирается на данное в *явлении* выражение товаров как стоимости, на деньги...» Но логический процесс не может быть простым повторением исторического процесса. Маркс критикует Бейли за то, что «не определение продукта как стоимости приводит к образованию денег и выражается в *деньгах,* а существование денег приводит к фикции понятия стоимости»[1]. Следовательно, если исторический процесс развивался в данном случае (как и в целом) от категорий непосредственно данного к категориям сущности, то для правильного научного определения денег нужно идти другим путем;

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 147.

сначала исследовать стоимость (сущность) и от нее переходить к деньгам (явление) как выражению стоимости.

Само собой разумеется, что это нисколько не снимает сказанного выше о совпадении исторического и логического, ведь к понятию стоимости как сущности путь неизбежно ведет от внешнего и непосредственного — от товара и товарного обмена. Однако приведенный пример имеет принципиальное значение. Он показывает одно из тех существенных исправлений, которые делаются согласно принципу: анатомия высшего есть ключ к анатомии низшего. В самом деле, если история политической экономии началась с анализа сферы обращения как непосредственно данного, и иначе она не могла начаться, то в логической структуре «Капитала» эта сфера самостоятельно рассматривается и исследуется во втором томе, *после* выяснения сущности капиталистического процесса производства. Это, конечно, не случайность, а результат *логического* обобщения и обработки истории познания, которые показывают, что внешнее, явление (в данном случае сфера обращения) могут быть поняты лишь как выражения сущности. Поэтому, хотя они и представляют собой исторически и логически исходный пункт процесса познания, ибо только они дают мышлению материал для исследования, тем не менее категории внешнего, явления, формы и т. п. занимают довольно высокие ступеньки в структуре системы логических категорий. И в «Капитале», повторяем, процесс обращения, который, конечно, в логическом аспекте представляет собой категорию внешнего явления, рассмотрен и исследован *после того,* как были выяснены внутренние существенные связи капитала.

Таким образом, в основе членения системы логических категорий лежит *внутренняя организация* процесса познания, достигшего наиболее зрелой своей формы. Положение Маркса о том, что категориальное «расчленение предмета» (т. е. капитализма) должно исходить из внутренней организации этого предмета, целиком относится и к системе логических категорий. Совершенно ясно, однако, что такое логическое членение *воспроизводит в общем и целом исторический процесс познания* (а также в известном смысле и историческое развитие объекта).

Приступая к анализу вопроса о принципах построения системы логических категорий, мы говорили, что объективный мир в его развитии составляет общий фундамент

такой системы, но что это основание должно быть дополнено принципом воспроизведения в логическом историческом процесса развития мышления. В итоге рассмотрения этого вопроса можно сказать, что оба эти принципа, как это видно на примере «Капитала», не противоречат друг другу, а находятся в единстве. Это и естественно, так как исторический процесс познания есть не что иное, как процесс все более глубокого воспроизведения в понятиях, теориях самого объективного мира, а логические категории суть ступени этого исторического процесса.

5

В главе о противоречиях и в других главах неоднократно говорилось, что внутренней пружиной развертывания всего анализа в Марксовом «Капитале» и, следовательно, развития экономических категорий в форме системы является рассмотрение реальных противоречий развития товарного (капиталистического) производства от их первых проявлений до высшей ступени их обострения. Исследование этих противоречий составляет двигательную силу развития и переходов категорий благодаря тому, что анализ противоречий конкретных отношений показывает, как они, развиваясь, разрешаются и создают основание и условие для новых отношений, которые содержат более развитые противоречия, в свою очередь подготовляющие новую, высшую форму развития и т. д.

Исследование в «Капитале» имеет дело с конкретными экономическими противоречиями, но эти последние анализируются посредством *логических* категорий — качества и количества, содержания и формы, возможности и действительности, сущности и явления и пр. Это обстоятельство открывает новый аспект, новую грань «Капитала», имеющие важное значение для вопроса о системе логических категорий и принципах ее построения. Очевидно, что анализ противоречий как движущей пружины образования логической структуры конкретных — в данном случае экономических — категорий есть не частный случай, относящийся к отдельной теории или науке, а *общий принцип* развертывания и движения познания, движения логических категорий.

Гегель в своей логике стоял именно на такой точке зрения. Понимая метод как сознание о форме «внутрен-

него самодвижения» содержания, он утверждал, что каждое понятие или категория имеют в самих себе свою противоположность или отрицание: качество — количество, содержание — форму, возможность — действительность и т. д. Поэтому каждое новое понятие есть более высокое, более богатое, нежели предыдущее, «ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит в себе старое понятие, но содержит в себе более, чем только это понятие, и есть единство его и его противоположности. Таким путем должна вообще образоваться система понятий...» [1] Логика Гегеля, если взять ее в самом общем виде, построена именно соответственно этому принципу движения категорий: качество отрицается или содержит в себе свою противоположность — количество, и оба они в своем единстве развиваются в категорию меры, более богатую и высокую, чем каждая из них в отдельности. Категории бытия переходят в категории сущности, где мы имеем ту же картину: понятие сущности содержит в себе свою противоположность — явление и обе эти категории развиваются в более высокую и богатую категорию действительности, составляющую единство этих противоположностей. Так же строится третий раздел его логики: субъективное понятие — объективное понятие и их единство в «идее».

Как бы ни относиться к самой схеме этого развития (выше мы видели на примере «Капитала», что переход от категорий бытия непосредственно к категориям сущности и явления, а затем к воспроизведению их в целостности продиктован не произволом, а внутренней логикой развития познания, основанной на истории познания действительности), сам *принцип* диалектического противоречия в качестве источника внутреннего самодвижения содержания логики как учения о познании невозможно подвергнуть, на наш взгляд, сомнению и отрицанию. Ведь единственный смысл этого принципа заключается в том, что ход познания должен, так сказать, исчерпать противоречия двоякого рода: противоречия развития того или иного объекта и противоречия собственного развития. Исчерпать противоречия объекта в процессе развития познания — значит проследить, как от их возникновения до разрешения противоречия подготовляют и

[1] *Гегель.* Соч., т. V, стр. 33.

осуществляют переход объекта в свое иное. Исчерпать противоречия самого хода познания — значит разрешить многочисленные противоречия на пути движения к истине (противоречия чувственного и рационального, конкретного и абстрактного, анализа и синтеза, индукции и дедукции и пр.). «Капитал» служит ярким и поучительным примером в этом отношении.

То обстоятельство, что каждая категория содержит в себе свое отрицание и противоположность и немыслима без последней, «парный» характер категорий, т. е. наличие противоположного «партнера» у каждой категории (качество и количество, содержание и форма и т. п.), есть не что иное, как выражение в логической форме противоречивости реальных объектов. Сама группировка логических категорий по принципу такой «парности», начиная с логики древнеиндийской философии, а затем Аристотеля и кончая логикой Канта, была осознанным или неосознанным проявлением диалектического закона противоречий.

Противоречивые отношения логических категорий, их внутреннее диалектически противоречивое содержание представляет могущественное орудие познания, исследования. В «Капитале» эти категории выступают в качестве логической формы анализа реальных конкретных противоречий капитализма, формы движения и углубления противоречий. Рассмотрим это кратко на примере таких категорий, как содержание и форма, возможность и действительность, случайность и необходимость.

Начиная свое исследование товара, Маркс сразу же подходит к товарной стоимости с категориями содержания и формы и с их помощью вскрывает очень существенные противоречия содержания и формы стоимости. («Капитал» ярко демонстрирует правоту слов Энгельса о том, что мыслить о вещах можно лишь посредством логических категорий, а знание о них дает диалектическая логика.) Устанавливая, что стоимость товара определяется затратами абстрактно-человеческого труда, он называет этот труд содержанием стоимости. Но стоимость имеет форму своего выражения — меновую стоимость. Обе эти стороны стоимости, ее содержание и форма составляют противоречивое единство. Маркс резко критиковал как тех экономистов, которые отождествляли содержание и форму стоимости, смешивали стоимость с ме-

новой стоимостью, так и тех, кто недооценивал значение меновой стоимости как необходимой формы, способа выражения стоимости. Первая точка зрения приводила к искажению теории, так как стоимость выводилась из обмена. Вторая имела своим следствием непонимание сущности денег, рассмотрение их как случайной и несущественной формы.

Противоречие содержания и формы стоимости получает свое развитие благодаря тому, что с расширением обмена содержание, т. е. стоимость как затрата абстрактного общественно необходимого труда, требует своей развитой формы выражения. Развитие и разрешение этого противоречия реализуется в появлении денег. Маркс ярко изобразил этот процесс развития противоположности содержания и формы в анализе смены форм стоимости.

С возникновением капитала деньги становятся самостоятельной формой капитала, тождественной с ним. В этой связи Маркс использует категории содержания и формы для того, чтобы вскрыть глубочайшее противоречие между собственностью и трудом. Как уже говорилось, он показывает, что если первоначальная операция обмена денег капиталиста на труд рабочего выглядит как обмен эквивалентов, то продолжение и развитие этой операции не оставляет сомнений насчет того, что капиталист присваивает рабочую силу без всякого эквивалента. Возникает, таким образом, противоречие между действительным содержанием и формой всего этого процесса. Маркс говорит о «пустой форме», которая «чужда своему собственному содержанию...» [1].

Противоречие, выражаемое категориями содержания и формы, Маркс нередко использует для того, чтобы показать сложный диалектический характер развития, когда форма как бы забегает вперед, создается раньше содержания. Так, в форме акционерных обществ при капитализме, по словам Маркса, уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность. Но эта форма наполнена еще старым содержанием — капиталистической собственностью. Сказанное можно отнести и к содержанию. Новое содержание может возникнуть задолго до появления соответствующей

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 597.

ему формы, существовать в противоречащей ему старой форме, как, например, современные производительные силы, связанные еще в капиталистических странах с чуждой им буржуазной оболочкой.

В «Капитале» Маркс широко пользуется категориями возможности и действительности. Противоречивые отношения этих категорий позволяют ему в процессе теоретического анализа исследовать и показать противоположность между трудом и капиталом, развенчать логические махинации вульгарных экономистов. Известно, что Маркс уделял много внимания анализу понятий производительного и непроизводительного труда при капитализме. Мы уже говорили, что вульгарные экономисты изображают отношения между капиталистом и рабочим как «обмен услугами». Производительный труд Маркс рассматривает как труд, используемый капиталистом для производства прибавочной стоимости. Непроизводительный же труд не имеет этого качества и выступает со стороны своей полезности в качестве услуги. Один и тот же труд может быть и производительным и непроизводительным. Если буржуа покупает труд портного, который шьет для него костюм, то этот труд непроизводителен. Если же капиталист покупает его труд с целью сделать из одного талера два, то этот труд становится производительным.

Рассматривая отношения между капиталистом и рабочим, вульгарные экономисты останавливаются на первом акте обмена, когда они противостоят друг другу в качестве товаровладельцев. Эту стадию нетрудно объявить «равноправным» обменом «услугами». Но этот первый акт есть лишь, как показывает Маркс, *возможность* присвоения чужого труда. Чтобы понять реальные отношения между капиталистом и рабочим, нужно учесть следующий акт — процесс производства, в котором возможность присвоения чужого труда превращается в действительность. Теоретическое мошенничество вульгарных экономистов состоит здесь в том, что разрывом этих двух актов, разъединением двух противоположностей, которые едины, отделываются от специфически капиталистических отношений [1].

Посредством категорий возможности и действительности Маркс исследует движение и развитие противоречий

---

[1] *См. К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 416.

товарного производства, выражает в понятиях движение и его противоречия. Особенно ярко это видно на примере исследования вопроса об экономических кризисах. Уже при анализе процесса товарного обмена в факте разделения его на две самостоятельные части Маркс установил возможность кризисов. Но эту возможность он называл абстрактной, самой абстрактной формой кризиса. Это — форма, которая еще не имеет реального содержания, в которой еще отсутствует побудительная причина, вызывающая кризисы, это, как выражается Маркс, — кризис в потенции. То, благодаря чему эта возможность кризиса становится действительностью, указывает Маркс, «не содержится в самой этой форме; здесь налицо только форма для кризиса». Поэтому при простом товарном производстве кризисы не становятся действительностью.

Конечно, когда Маркс говорит об одной «форме для кризиса», это не следует понимать так, что форма существует без всякого содержания, ее порождающего. Мысль Маркса заключается в том, что эта форма не наполнена еще тем конкретным содержанием, которое неизбежно превращает возможность кризисов в действительность. Но сама эта форма не беспочвенна, не бессодержательна. Она возникла на почве противоречия между общественным и частным трудом, следовательно, она имеет свое содержание, но это содержание в условиях простого товарного производства еще не развито.

Если возможность кризиса, вытекающую из метаморфоза товара, из распадения купли и продажи, Маркс называет кризисом «в своей первой форме», то возможность кризиса, обусловленную функцией денег как платежного средства, он называет кризисом «во второй своей форме». Эта возможность уже более конкретна, чем первая, но Маркс все же ее считает абстрактной, так как она еще не может превратиться в действительность. Только на основе капиталистического производства и обращения вышеуказанные формы получают свое конкретное содержание, основу, на которой они могут проявиться.

Эти же две абстрактные формы кризисов Маркс рассматривает применительно к условиям капитализма и показывает, как и в силу чего возможность кризиса здесь превращается в действительность. При капитализме разделение продажи и купли и функционирование денег как платежного средства осуществляются уже в таких

условиях, когда имеются все объективные основания для такого превращения.

Так возможность переходит в свою противоположность — действительность. Исследование вопроса о кризисах посредством пары противоположных категорий позволяет выразить адекватно движение, развитие товарного производства.

То же можно увидеть и на категориях необходимости и случайности.

Маркс исследует капитал в его необходимости, в его закономерном движении. Но он показывает, что дополнением к необходимости является случайность, что последняя выступает как форма проявления необходимости. Там, где царит случайность, Маркс стремится обнаружить ее скрытую основу — необходимость. Самое необходимость он рассматривает не только в ее абстрактно-чистом, «теоретическом» виде, но и в ее реальной форме, в ее реально живом движении, где необходимость и случайность взаимно переплетены.

Этого диалектического взаимоотношения и переплетения случайности и необходимости в товарном производстве не понимали вульгарные экономисты, которые на том основании, что стоимость в цене товара выглядит иначе, чем в чистом виде, чем это необходимо с точки зрения закона, объявляли последний несуществующим. Маркс показывает, что необходимость, обусловливаемая законом стоимости, не может в реальной действительности существовать, так сказать, в чистом виде, что этот закон, проявляясь вовне, неизбежно «обрастает» случайностями, вызванными конкуренцией товаропроизводителей, реальным соотношением спроса и предложения. Поэтому та или иная цена товара есть случайность. Но это такая случайность, которая сама определяется своей противоположностью — необходимостью и выражает эту необходимость (стоимость). Стоимость есть та необходимая ось, вокруг которой вертятся, колеблются цены. Цена поэтому есть единство необходимости и случайности, внутреннего содержания и формы проявления. Но это не абстрактное тождество, а внутренне противоречивое единство различающихся моментов. Отождествлять стоимость и цену — значит смешать необходимое и случайное, субстанцию и ее внешнюю, хотя и столь же необходимую, форму проявления.

Отношения случайного и необходимого не исчерпываются лишь тем, что они взаимно связаны, переплетены, что это отношение противоречивых моментов. Они связаны также переходами друг в друга, тем, что случайное может стать необходимым, необходимое — случайным. Каждое из них может превратиться в свою противоположность. Глубокий анализ этих взаимопереходов случайного и необходимого дает Маркс на материале анализа развития форм стоимости.

Маркс указывает, что при простой форме стоимости может казаться случайностью тот факт, что два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном отношении. Здесь необходимость, т. е. закон стоимости, еще слабо просвечивает сквозь отношения двух товаров. И дело, разумеется, здесь не только в том, что эти отношения кажутся случайными. Они и в самой действительности в значительной мере случайны, ибо обмен еще находится в своем зародышевом виде; поэтому Маркс и назвал эту первую форму стоимости простой, отдельной или случайной.

Но то, что вначале выступает как случайное (случайный обмен излишками продуктов), в процессе развития становится необходимостью. С развитием обмена сами количественные отношения, в которых обмениваются товары, становятся более устойчивыми, хотя, разумеется, не теряют присущего им момента случайности. Во второй форме стоимости, как указывает Маркс, яснее просвечивает скрытая за ней основа, т. е. необходимость, «по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее». Еще сильнее проявляется эта необходимость в высших формах стоимости.

Последние уже никак нельзя назвать случайными формами, ибо то, что раньше было случайностью, стало необходимостью, и наоборот: то, что было раньше необходимостью, — натуральные формы хозяйства без развитого обмена, — с развитием товарного производства, и особенно капитализма, все более отмирает, становится простым анахронизмом, случайностью.

Мы показали взаимную связь и переходы «парных» категорий: содержания и формы, возможности и действительности, случайности и необходимости. Но каждая из этих пар категорий связана переходами — непосредственными или опосредствованными — со всеми другими

категориями. Так как категории логики представляют собой учеты отдельных сторон движения, развития, то все они находятся в известных отношениях друг с другом.

Например, отношение между стоимостью и ценой находит свое глубокое отражение не только во взаимосвязях категорий необходимости и случайности, но и сущности и явления, общего и единичного, содержания и формы и т. д. На отношениях между стоимостью и ценой (это можно было бы показать и на примере соотношения между прибавочной стоимостью и прибылью, между стоимостью и ценой производства, а также на любом другом примере) обнаруживаются связь и переходы, существующие между всеми категориями диалектической логики. Стоимость определяет необходимость, она есть закон движения товарных цен. Но категория необходимости здесь теснейшим образом связана с категорией сущности, ибо необходимость существенна. Без категории сущности невозможно полно и глубоко определить необходимость. В свою очередь категория случайности связана с категорией явления, ибо именно для явления, для внешнего проявления сущности предметов характерен элемент случайности. Следовательно, без категории явления невозможно понять и категорию случайности.

Таким образом, с помощью категорий сущности и явления мы вскрываем внутреннюю, существенную, и внешнюю сторону товара — его стоимость и цену. С помощью категорий необходимости и случайности мы углубляем свое понимание отношения между ними, мы вскрываем закон движения цен, в стоимости как сущности мы обнаруживаем необходимое, закономерное, выражающееся в цене, т. е. во внешнем, в явлении, через посредство того, что имеет элемент случайности.

Далее, вскрывая между стоимостью и ценой отношения сущности и явления, необходимости и случайности, мы исследуем между ними и отношения причины и следствия, общего и отдельного. Стоимость товара есть причина цены этого товара, которая хотя и колеблется, но подобно спутнику планеты не может все же оторваться от нее. Познавая существенное, необходимое в предмете, мы познаем и общее, массовидное в нем в отличие от его особенного, единичного и во многом случайного. Стоимость товара — это то общее, что выра-

жает сущность всего мира товаров, цена товара есть ее противоположность — единичное, отдельное, конкретное проявление товарной стоимости. Переход простой формы стоимости в высшие формы — это не только переход случайного в необходимое, но и единичного, отдельного (Маркс называет простую форму стоимости также «отдельной») в общее, т. е. во «всеобщую» форму стоимости.

Из этих примеров следует очень важный вывод о том, каким должно быть соотношение логических категорий и понятий. Логические категории и понятия должны находиться в таком соотношении друг с другом, чтобы их связь и переходы, их противоречия отражали взаимодействие, переходы, противоречия явлений объективного мира, чтобы каждая новая категория была ступенькой углубления познания, а их система в целом указывала путь познания объективного мира.

* *
*

Применение многих категорий к исследованию одного какого-нибудь вопроса, одной стороны сложного объекта или отдельной стадии в его развитии, допустим стоимости, перекрещивание ряда категорий при ее анализе показывает, что существует различие между тем, как выглядит структура логических категорий в «чистой» логике как учении о познании и в «прикладной логике», т. е. в процессе познания какого-либо *конкретного* объекта (капитала или иного предмета). В литературе высказывается мнение, что недостаток той группировки логических категорий, которую дал Гегель, состоит в том, что они распределяются по группам (бытие, сущность и т. д.), но не устанавливается факт переплетения категорий друг с другом, как это имеет место в «Капитале». Отмечается, что шаг вперед, сделанный Марксом в «Капитале» по сравнению с «Наукой логики» Гегеля, нужно видеть именно в том, что в первом показаны сложные связи между логическими категориями, принадлежащими к разным группам, например между категориями качества и количества и категориями содержания и формы, вещи и отношения и т. п. [1]

[1] См. *Л. А. Маньковский.* Логические категории в «Капитале» К. Маркса. В сб. «Диалектическая логика в экономической науке», стр. 69, 315 и др.

Нам кажется, что такая постановка вопроса неосновательна. Дело в данном случае не в логике Гегеля, а в том, как принципиально может быть решен этот вопрос в Логике с большой буквы в отличие от логики с маленькой буквы. Когда мы имеем дело со структурой категорий в *науке логики,* то здесь задача заключается в том, чтобы показать общую линию движения познания, его направление, закономерный переход от одних, низших стадий к другим, высшим, более сложным стадиям и выразить это движение в соответствующей группировке категорий. Восхождение от абстрактного к конкретному и построение структуры категорий соответственно этому восхождению и реализует указанную задачу. Поэтому здесь едва ли возможно то переплетение и перекрещивание категорий, о котором речь шла выше. Повторяем, главное здесь в том, чтобы выразить *общий ритм* движения познания объекта.

Совсем иное положение неизбежно в процессе исследования *конкретного* предмета, скажем капитала. Мы видели, что общий ритм движения познания в «Капитале», если его взять в целом, соответствует той закономерности, которая устанавливается учением логики, т. е. движению от непосредственного, бытия к сущности и явлению и воспроизведению их в конкретной целостности. Но если взять каждый отдельный отрезок этого общего пути, то будет видно, что, исследуя, скажем, товар и товарную стоимость или капитал и другие отдельные стороны, отдельные этапы развития капитализма, Маркс применяет если не все, то *многие* логические категории. Здесь мы и сталкиваемся с перекрещиванием категорий. Это и естественно, так как товар, деньги, капитал и пр., будучи сторонами целого, сами представляют собой сложные объекты, требующие для своего анализа не одной логической категории, а многих. Для исследования товарной стоимости применяются категории качества, количества, содержания, формы, сущности, явления, противоречия, возможности, действительности и др.

Более того, дело обстоит так, что при анализе отдельных сторон объекта, например стоимости, совершается *полный* круг познания, который указывается системой логических категорий в целом. Мы уже в другой связи приводили в пример анализ стоимости. Маркс го-

ворит, что при рассмотрении стоимости нужно начинать с того, что дано непосредственно, т. е. с меновой стоимости, от нее идти к стоимости, т. е. вскрыть за бытием его сущность, а затем снова вернуться к меновой стоимости, но уже как к единству сущности и явления (действительность). Такие циклы исследовательская мысль Маркса проделывает неоднократно при рассмотрении отдельных сторон капиталистического способа производства.

В «Науке логики» Гегеля категория противоречия появляется на довольно высокой ступени лестницы категорий, в разделе сущности. Но это не значит, что *до* этого у него нет места противоречию. Без противоречия он не мыслит *ни одной* категории. С первых же моментов в его структуре появляются противоречия — бытия и ничто, дающих в единстве становление, качества и количества, синтезирующихся в категории меры и т. п. Конечно, так как движение категорий у Гегеля означает становление в логической форме самого мира, то получается, что вначале противоречие в мире не существует, а появляется оно лишь на какой-то более высокой ступени. Но если отбросить этот идеалистический выверт, то останется рациональная и важная мысль, которую всячески подчеркивали Энгельс и Ленин, а именно что познание неизбежно схватывает сначала предмет как тождество, а затем переходит к обнаружению противоречий объекта как сущности его, не лежащей на поверхности. По этой причине Гегель, хотя и применяет противоречия уже в исходном пункте своей системы категорий, не фиксирует противоречие в качестве логической категории, отводя ей ступеньку выше.

Маркс же, исходя из задачи исследования конкретного объекта, применяет противоречие как логическую категорию уже при анализе товара — этой исходной клеточки капитализма. Однако если взять товар как самостоятельный объект, то логика отдельного процесса познания совершает путь от представления его как чего-то тождественного к обнаружению его противоречивой сущности. Это не нужно понимать упрощенно, так, что Маркс воспринимал сначала товар как тождество и лишь на следующей ступени познания сумел обнаружить его противоречивость. Маркс отталкивался от своих предшественников, уже нащупывавших проти-

воречия между потребительной и меновой стоимостью. Кроме того, диалектический метод ориентирует на понимание предметов как противоречивых, что, однако, вовсе не означает, что тем самым легко найти противоречия. Все же логика изложения у Маркса такова: сначала постулируется, что исходная клеточка капиталистического общества — товар, товар как целое, тождественное, а затем Маркс переходит к анализу его двойственности, его противоречий. Логика повторяет историю познания. В рецензии на «К критике политической экономии» Энгельс писал, что, кто хочет понять превосходство метода Маркса над методом его предшественников, пусть прочтет у Адама Смита или других экономистов, «какие мучения причиняет этим господам меновая стоимость и потребительная стоимость, как трудно им четко отделить одну от другой и понять каждую в ее своеобразной определенности...» [1]. Следовательно, метод самого Маркса был высшим звеном в исторической цепи развития познания, шедшего от понимания товара как тождества к пониманию его как единства противоположностей. Нельзя поэтому не признать, что, поместив в своей системе категорий противоречие на довольно высокой ступени, Гегель проявил глубокое историческое чутье, глубокое понимание логики как обобщенной истории познания.

6

Гегелевская система логики претендует на достижение абсолютной истины и абсолютную завершенность. Несомненно, система логических категорий в определенном смысле слова должна быть завершенной, т. е. она должна выразить в категориях *полный* круг, проделываемый познанием в целях постижения истины о данном объекте. Но у Гегеля завершенность системы имеет и другой смысл: в форме логических категорий и понятий развитие мира, по Гегелю, полностью себя исчерпывает (на уровне логики) и потому здесь ничего ни прибавиться, ни убавиться не может. Логика есть законченная абсолютная система. Такой взгляд на логику как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 498—499.

систему вытекал из идеалистического характера гегелевской философии, исходившей из развития мысленных понятий, а не природы и общества и полагавшей, что раз мысль в форме мистической идеи проделала весь круг своего развития, то это означает и конец развитию объективного мира.

Марксизм опроверг этот взгляд как антинаучный. Марксистская философия исходит из того, что нет и не может быть каких-либо границ в развитии объективного мира. Развитие природы бесконечно. Ясно, что и познание, являющееся отражением вечно развивающегося мира, никогда не может считаться завершенным. Поэтому марксизм отвергает какие бы то ни было системы, претендующие на абсолютную законченность. Никакие понятия, никакие системы понятий не могут дать исчерпывающего отражения природы, и объективного мира в целом. В. И. Ленин подчеркивает, что только бесконечная сумма общих понятий, законов и т. д. дает конкретное в его полноте.

Развитие естественных и других наук прекрасно подтверждает это марксистско-ленинское положение. Революция в физике, начавшаяся с конца прошлого века и продолжающаяся и поныне, опрокинула всякие стремления метафизиков рассматривать те или иные теории и знания о строении материи как раз навсегда данные и законченные. За более чем полувековой период физика сформулировала много новых понятий, законов, теорий, достигла несравненно более глубокого знания природы. Научная биология, утвердившаяся со времени появления учения Дарвина, также совершила мощный скачок вперед. В таких, казалось бы, «абсолютных» и «законченных» науках, как математика, развитие знаний шло в том же направлении. Оказались необоснованными претензии эвклидовой геометрии (господствовавшей в почти неизменном виде в течение многих веков) на то, что ее принципы и положения имеют всеобщее значение. Н. И. Лобачевский создал новую, неэвклидову геометрию. Эта геометрия нашла свое подтверждение и развитие в теории относительности.

Ярким подтверждением вышеуказанного ленинского положения может служить «Капитал» Маркса. Отразив в диалектической системе экономических законов, понятий, категорий сущность капиталистического способа

производства, Маркс показал, что смерть капитализма будет означать рождение нового, высшего способа производства, познание которого потребует формулирования новых законов, понятий, категорий. Более того, как мы уже указывали, по первым, еще слабым признакам Маркс видел, что и капитализм в своем развитии приобретает новые формы. Анализ этой новой стадии капитализма дал Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». Понятия, законы, категории «Капитала» Ленин дополнил новыми понятиями и законами, характеризующими империализм.

Нет сомнения в том, что и диалектическая логика как особая наука, оперирующая наиболее общими понятиями, законами, категориями, также не может быть законченной системой. Конечно, логические понятия именно по той причине, что они широки и всеобъемлющи, не претерпевают таких быстрых изменений, как, скажем, понятия физики или политической экономии. Будучи предельно общими, логические категории способны впитывать в себя все новые и новые достижения науки и служить их опорными пунктами. Эти категории представляют собой результат многовекового развития философии, науки, практики. Категории не создаются, как иногда думают некоторые философы, по заказу. Понадобились тысячи лет, чтобы были сформулированы несколько десятков категорий, составляющих содержание современной философии, «алмазную сеть» современной логики. Неправильно было бы поэтому считать, что каждый новый век создает свою систему логики. Если правильно, что логика есть обобщенная история мышления, обобщенная историческая практика человечества, то система логических категорий может быть лишь выводом и итогом этого развития. А это значит, что только на этой основе и с точки зрения современного уровня познания, в свете современных достижений науки и практики, через которые должны быть «просеяны» результаты всего исторического развития, может и должна быть создана подлинно научная диалектико-материалистическая система логики, т. е. решена та задача, которую поставил перед современными марксистами Ленин.

Когда Ленин, ставя эту задачу, указывал и путь ее решения, видел основное направление этого пути в диалектической обработке истории мышления, науки и тех-

ники, то он, конечно, не поворачивал эту проблему лишь к прошлому. Такое понимание было глубоко чуждо Ленину, вводившему вслед за Марксом и Энгельсом практику в логику и считавшему, что без такой органической внутренней связи с практикой невозможна действительно марксистская научная логика и теория познания. Новейшая историческая практика в широком смысле этого слова, т. е. рост научных знаний, изменение исторических условий развития общества, не может не оказать свое самое мощное воздействие и на науку, имеющую дело с наиболее общими понятиями и законами. Наполняются более глубоким содержанием ряд категорий, общие законы диалектики конкретизируются применительно к новым условиям развития общества (при социализме), могут возникнуть и возникают новые логические категории, хотя в последнем случае неуместны торопливость и искусственность, выражающиеся, например, в стремлении переносить новые естественнонаучные понятия в философию.

Во всяком случае марксистская диалектическая логика в противовес идеалистической логике Гегеля должна разрабатываться не как замкнутая и законченная система, а как система, творчески развивающаяся, тесно связанная с общественной и научной практикой, чутко учитывающая все то новое, что возникает и развивается в жизни. Нужно помнить слова Ленина, что диалектика есть живое, многогранное, с *вечно увеличивающимся числом сторон* познание.

Заключение

Революционно-критический характер и партийность метода «Капитала»

В «Капитале» со всей силой и яркостью выражена важнейшая особенность марксистского метода и теории познания: революционно-критический дух и партийность марксистской философии в целом, ее метода в частности. «Капитал» — классический образец сочетания самого объективного — в лучшем, научном смысле этого слова — анализа фактов с революционной страстностью, с последовательной защитой интересов самого передового класса капиталистического общества — пролетариата. Маркс почти всю свою жизнь посвятил созданию этого труда. Это объясняется не только сложностью и трудностью исследования, но и тем, что Маркс прекрасно понимал значение своего труда для дела освобождения пролетариата от капиталистического рабства. Он знал, что это будет, употребляя его собственное выражение, страшный снаряд в голову буржуазии.

И в этой великой цели произведения Маркса, которая двигала им и духом которой оно проникнуто от начала до конца, заключена могучая взрывчатая сила «Капитала». Маркс в письме к З. Мейеру от 30 апреля 1867 г. волнующими словами рассказал об этой цели своего труда. После того как первый том «Капитала» был сдан в печать, Маркс писал:

«Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми

и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным,* если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи» [1].

«Муки человечества» — это муки самого угнетенного класса капиталистического общества — пролетариата, это муки всех трудящихся масс, которых капитал вовлекает в свою «реторту» и беспощадно перемалывает во имя обогащения кучки эксплуататоров.

«Капитал» дает нам прекрасный образец той партийности марксистского материализма, о которой говорил В. И. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». С одной стороны, указывал Ленин, марксист глубже, последовательнее проводит точку зрения объективного анализа явлений, чем хваленые «объективисты», кичащиеся своей «беспартийностью» и превращающие научную объективность исследования фактов в апологетику буржуазного строя. Маркс в своем произведении ни на мгновение не отрывается от фактов, не вносит в исследование ничего такого, что хотя бы в малейшей степени расходилось с объективным положением вещей. С другой стороны, материализм включает в себя партийность, обязывая за фактами, за определенными объективными тенденциями вскрывать разное положение классов и борьбу, происходящую между ними. Материализм, указывал Ленин, обязывает при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенного общественного класса. И эта сторона Марксова метода исследования выступает в «Капитале» в прямой и открытой форме. Маркс не скрывал своих классовых симпатий и антипатий. Точка зрения пролетариата, интересы которого он защищал в своем произведении, точка зрения пролетарской партийности позволила ему до конца провести научно-объективный анализ действительности и вынести смертный приговор буржуазному строю эксплуатации и угнетения.

«Капитал» — ярчайшее свидетельство того, что в марксизме гармонично сплавлены объективный анализ

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 454.

действительности и защита определенных классовых интересов. Маркс неоднократно подчеркивал, что даже лучшие представители буржуазной политической экономии не могли воспроизвести подлинную сущность объективных процессов. Этого они и не могут сделать, не «сбросив своей буржуазной кожи».

Революционно-критический характер и партийность марксистского метода проявляются многообразно. Решающим в этом отношении является способность этого метода давать критический анализ процессов, происходящих в действительности, анализ, беспощадно срывающий обманчивые поверхностные покровы с явлений жизни и обнажающий их самые скрытые основы. В правде жизни, в правдивом исследовании явлений заключена самая глубокая сущность этого метода.

С революционной смелостью и беспощадностью срывает Маркс все маски, за которыми прячет капитал свою звериную природу. Анализируя процесс превращения денег в капитал, Маркс показывает, что прелюдия того процесса, в котором совершается это превращение, имеет по видимости идиллический характер. Владелец средств производства находит на рынке свободную рабочую силу, свободная рабочая сила находит на рынке работодателя. Между ними заключается «законная» сделка по всем правилам эквивалентного обмена. Никакого насилия, никакого нарушения прав человека! Одна сторона поступает в полном соответствии со свободой своей воли, продавая свой «товар» — рабочую силу, другая сторона соблюдает правила человеческой гуманности, оплачивая стоимость покупаемого товара. Но сколько сарказма и иронии в знаменитых строках «Капитала», в которых описывается эта буржуазная идиллия, приводящая в умиление апологетов капитализма: «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам[1]. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равно-

[1] Бентам — английский правовед-моралист, восхвалявший капиталистическую «свободу» личности, считавший основой отношений между людьми принцип личной выгоды и пользы. — *М. Р.*

правные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса» [1].

Маркс своим критическим методом анализа действительности разрушает до основания этот буржуазный «эдем». Он показывает, что с первых своих шагов, с момента первоначального накопления капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят. Провозглашенная буржуазными идеологами на словах «свобода» есть свобода буржуа грабить и мучить пролетариев. Их «равенство» есть право пролетария продавать себя в рабство капиталисту, ибо другого способа существования рабочие не имеют и не могут иметь при капитализме. Маркс находит яркие и точные слова для характеристики истинной природы капитала. Он сравнивает капитал с вампиром. Только всасывая живой труд рабочих, их пот и кровь, капитал оживает и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Маркс показывает, что капитализм, как никакой другой способ производства, является расточителем живой силы людей, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. Пролетарий по существу — раб капитала, ибо даже в то время, когда рабочий не трудится, когда он потребляет жизненные средства, он сохраняет и воспроизводит для капиталиста свою рабочую силу. Разница в положении между античными рабами и рабами капитала в том, что там рабство было открытым, основанным на юридическом праве собственности рабовладельцев на раба, в то время как при капитализме господствует утонченное, прикрытое формальной «свободой» рабство,

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 187.

рабство, вытекающее из фактического положения вещей. «Римский раб, — говорит Маркс, — был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику»[1].

Неизмеримой болью за муки и страдания рабочих проникнуты главы «Капитала», в которых Маркс описывает положение пролетариев, жестоко эксплуатируемых капиталистами, этой «фабрикантской сволочью», не останавливающейся ни перед какими преступлениями, если они сулят новые барыши. Но это не боль пассивного наблюдателя чужих страданий. Маркс формирует сознание рабочих, открывает им глаза, помогает им осознать их классовое положение, указывает им на их историческую миссию. Будучи самым беспристрастным и объективным по научному способу анализа, «Капитал» вместе с тем есть подлинный гимн борьбе пролетариата за свое освобождение, призыв к беспощадной борьбе за уничтожение капитализма и создание нового, социалистического строя. С великой верой в силу рабочего класса Маркс описывает сопротивление трудящихся эксплуататорам, классовую борьбу пролетариев против класса капиталистов, показывает, как все сознательнее становится эта борьба, которая неминуемо закончится социальной революцией, экспроприацией экспроприаторов. Вместе с тем Маркс бичует всякие проявления пассивности и покорности со стороны отдельных отрядов рабочих.

Революционно-критический характер марксистского метода в «Капитале» нашел свое выражение и в том, что с первых до последних строк своего произведения Маркс ведет жесточайшую борьбу против буржуазных экономистов, рисующих капитализм в розовых, идиллических тонах. «Капитал» — это последовательная и беспощадная критика с позиции пролетарской политической экономии буржуазной политической экономии. И в этом отношении «Капитал» — пример непримиримого отношения к враждебным науке теориям и взглядам, к буржуазной идеологии.

Маркс критикует как классических представителей буржуазной политэкономии, так и вульгарных экономистов. Особенно достается последним, ибо первые, как об

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 586.

этом уже говорилось, все же стремились критически исследовать существующие отношения, в то время как вторыми двигали не только невежество и самомнение, но и «апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно-неблагонадежный с полицейской точки зрения результат...» [1]. За пресмыкательство перед буржуа, за желание им угодить и тем оправдать то жалованье, которое они получают в качестве вознаграждения за откровенную замену науки апологетикой буржуазного строя, — вот за что смертельно ненавидит Маркс вульгарных экономистов. «Благонамеренное желание видеть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров, — указывает Маркс, — заменяет в вульгарной политической экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию» [2]. Могилой науки называл Маркс эту политическую экономию.

Ни один вопрос Маркс не решает и не освещает в «Капитале» без того, чтобы не противопоставить свою точку зрения взглядам буржуазных экономистов, чтобы не развенчать классовую буржуазную природу этих взглядов. Исследует ли он основной вопрос политической экономии капитализма — вопрос о прибавочной стоимости или другие, более частные вопросы, он вскрывает боязнь буржуазных экономистов идти слишком далеко по пути научного исследования. Не удивительно, что, обладая такой колоссальной критической силой, «Капитал» своим появлением означал смертный час для политической экономии буржуазии.

Партийность метода Маркса может и должна служить образцом и в том отношении, что она враждебна всякого рода «шулятиковщине», которая революционную и научную критику буржуазной идеологии сводит к отрицанию всего положительного в домарксовских или противостоящих марксизму концепциях. Как мы показали, критикуя передовых буржуазных экономистов, Маркс неизменно выделяет в их взглядах все, что двигало науку, научный анализ вперед. И ныне, критикуя современных буржуазных экономистов, было бы неправильно, при всем вуль-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 229.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 413.

гарном и апологетическом характере их теорий отбрасывать то рациональное, что имеется в них, например, исследования в области математического моделирования тех или иных сторон экономического развития и др. Задача марксиста здесь состоит в том, чтобы, как учил Ленин, отсечь апологетические идеи от достижений буржуазной мысли в тех или иных частных и специальных вопросах.

Как показал весь опыт исторического развития после возникновения марксизма, идеи научного коммунизма все более и более воплощаются в жизнь. Эти идеи нашли свое воплощение в титанической борьбе рабочих и трудящихся масс России против капитализма, в победе нового, социалистического строя в СССР. Ныне они находят также свое живое практическое осуществление в строительстве социализма в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, в могучем движении пролетариата и трудящихся масс капиталистических стран за мир, демократию и социализм.

В 1967 г. исполняется сто лет с момента выхода в свет первого тома «Капитала». Все бóльшую и бóльшую силу и распространение получают идеи, развитые в этом произведении и обогащенные великим продолжателем дела Маркса В. И. Лениным. «Капитал» был и остается бесценной сокровищницей идей научного социализма. Вместе с тем он и поныне является богатейшей сокровищницей метода марксизма, марксистской материалистической диалектики, диалектической логики.

Оглавление

Предисловие ко второму изданию 3
Введение. Философское значение «Капитала» К. Маркса 6

Часть первая

Диалектика объективного развития и ее воспроизведение в законах и категориях диалектики . . . 25

Глава первая. Диалектическая теория развития. Категории движения, развития 27
Глава вторая. Категория закона и принцип историзма 70
Глава третья. Переход количественных изменений в качественные. Категории качества, количества, меры 131
Глава четвертая. Развитие как процесс возникновения, нарастания и преодоления противоречий. Категория противоречия 165
Глава пятая. Закон отрицания отрицания в «Капитале» 266
Глава шестая. Категория «отчуждение» в «Капитале». Отчуждение и социализм 283

Часть вторая

Диалектика движения мысли и ее форм к объективной истине 327

Глава седьмая. Логика исследования сущности объекта. Категории видимости, сущности и явления 329
Глава восьмая. Абстракция, ее сущность и роль в познании 379
Глава девятая. Абстрактное и конкретное. Способ восхождения от абстрактного к конкретному 421

Глава десятая. Анализ и синтез, индукция и дедукция в процессе воспроизведения конкретной целостности объекта 475
Глава одиннадцатая. Историческое и логическое в процессе познания. Логический метод «Капитала» 504
Глава двенадцатая. Логическая система «Капитала» и система диалектической логики . . . 533
Заключение. Революционно-критический характер и партийность метода «Капитала» 584

Розенталь, Марк Моисеевич

ДИАЛЕКТИКА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА. Изд. 2-е доп. и переработ. М., «Мысль», 1967
592 с. 1 л. илл.

1 М

Редактор *Е. П. Никитин*
Оформление художника *В. И. Примакова*
Художественный редактор *Р. А. Володин*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 13/VIII 1966 г. Подписано в печать 8/X 1966 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Бумажных листов 9,28. Печатных листов 31,08+ +0,1 вкл. Учетно-издательских листов 31,14. Тираж 12 700 экз. А10728. Цена 1 р. 82 к. Заказ № 541.
Темплан 1966 г. № 156

Издательство «Мысль» — Москва, В-71, Ленинский проспект, 15
Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

ДИАЛЕКТИКА „КАПИТАЛА" К. МАРКСА

М. М. РОЗЕНТАЛЬ